Л. Н. Толстой.

ВОЙНА и МИРЪ

I

Левъ Николаевичъ Толстой.

ВОЙНА и МИРЪ.

Томъ I.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями

П. И. Бирюкова.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1912.

Левъ Николаевичъ Толстой

въ 1868 г.

ВОЙНА и МИРЪ.

(1864—1869.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Eh bien, mon prince. Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des помѣстья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens que si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois)— je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus, мой вѣрный рабъ, comme vous dites[1]). Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur[2]), садитесь и разсказывайте.

Такъ говорила въ іюнѣ 1805 года извѣстная Анна Павловна Шереръ, фрейлина и приближенная императрицы Маріи Ѳеодоровны, встрѣчая важнаго и чиновнаго князя Василія, перваго пріѣхавшаго на ея вечеръ. Анна Павловна кашляла нѣсколько дней, у ней былъ *гриппъ*, какъ она говорила (*гриппъ* былъ тогда новое слово, употреблявшееся только рѣдкими). Въ записочкахъ, разосланныхъ утромъ съ краснымъ лакеемъ, было написано безъ различія во всѣхъ:

«Si vous n'avez rien de mieux à faire, M. le comte (или mon prince), et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer» [3]).

---

[1]) Ну, что, князь, Генуа и Лукка стали не больше, какъ помѣстьями фамиліи Бонапарте. Нѣтъ, я васъ предупреждаю, если вы мнѣ не скажете, что у насъ война, если вы еще позволите себѣ защищать всѣ гадости, всѣ ужасы этого антихриста (право, я этому вѣрю), — я васъ больше не знаю, вы ужъ не другъ мой, вы ужъ не мой вѣрный рабъ, какъ вы говорите.

[2]) Я вижу, что я васъ пугаю.

[3]) Если у васъ, графъ (или князь), нѣтъ въ виду ничего лучшаго и если перспектива провести вечеръ у бѣдной больной не слишкомъ васъ пугаетъ, то я буду очень рада видѣть васъ нынче у себя между семью и десятью часами. Анна Шереръ.

— Dieu, quelle virulente sortie! [1]) — отвѣчалъ, нисколько не смутясь такою встрѣчей, вошедшій князь, въ придворномъ, шитомъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ, при звѣздахъ, съ свѣтлымъ выраженіемъ плоскаго лица.

Онъ говорилъ на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды, и съ тѣми тихими, покровительственными интонаціями, которыя свойственны состарѣвшемуся въ свѣтѣ и при дворѣ значительному человѣку. Онъ подошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, поцѣловалъ ея руку, подставивъ ей свою надушенную и сіяющую лысину, и покойно усѣлся на диванѣ.

— Avant tout dites-moi, comment vous allez, chère amie? [2]) Успокойте друга, — сказалъ онъ, не измѣняя голоса и тономъ, въ которомъ изъ-за приличія и участія просвѣчивало равнодушіе и даже насмѣшка.

— Какъ можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Развѣ можно оставаться спокойною въ наше время, когда есть у человѣка чувство? — сказала Анна Павловна.—Вы весь вечеръ у меня, надѣюсь?

— А праздникъ англійскаго посланника? Нынче середа. Мнѣ надо показаться тамъ, — сказалъ князь.— Дочь заѣдетъ за мной и повезетъ меня.

— Я думала, что нынѣшній праздникъ отмѣненъ. Je vous avoue que toutes ces fêtes et tous ces feux d'artifice commencent à devenir insipides [3]).

— Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздникъ бы отмѣнили, — сказалъ князь, по привычкѣ, какъ заведенные часы, говоря вещи, которымъ онъ и не хотѣлъ, чтобы вѣрили.

— Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu'a-t-on décidé par rap port à la dépêche de Novosilzoff? Vous savez tout [4]).

— Какъ вамъ сказать? — сказалъ князь холоднымъ, скучающимъ тономъ. — Qu'a-t-on décidé? On a décidé que Buonaparte a brûlé ses vaisseaux, et je crois que nous sommes en train de brûler les nôtres [5]).

Князь Василій говорилъ всегда лѣниво, какъ актеръ говоритъ роль старой пьесы. Анна Павловна Шереръ, напротивъ,

---

[1]) О! какое жестокое нападеніе!

[2]) Прежде всего скажите, какъ ваше здоровье?

[3]) Признаюсь, всѣ эти праздники и фейерверки становятся несносны.

[4]) Не мучьте меня. Ну, что же рѣшили по случаю депеши Новосильцева? Вы все знаете.

[5]) Что рѣшили? Рѣшили, что Бонапарте сжегъ свои корабли, и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.

несмотря на свои сорокъ лѣтъ, была преисполнена оживленія и порывовъ.

Быть энтузіасткой сдѣлалось ея общественнымъ положеніемъ, и иногда, когда ей даже того не хотѣлось, она, чтобы не обмануть ожиданій людей, знавшихъ ее, дѣлалась энтузіасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лицѣ Анны Павловны, хотя и не шла къ ея отжившимъ чертамъ, выражала, какъ у избалованныхъ дѣтей, постоянное сознаніе своего милаго недостатка, отъ котораго она не хочетъ, не можетъ и не находитъ нужнымъ исправляться.

Въ серединѣ разговора про политическія дѣйствія Анна Павловна разгорячилась.

— Ахъ, не говорите мнѣ про Австрію! Я ничего не понимаю, можетъ-быть, но Австрія никогда не хотѣла и не хочетъ войны. Она предаетъ насъ. Россія одна должна быть спасительницей Европы. Нашъ Благодѣтель знаетъ свое высокое призваніе и будетъ вѣренъ ему. Вотъ одно, во что я вѣрю. Нашему доброму и чудному государю предстоитъ величайшая роль въ мірѣ, и онъ такъ добродѣтеленъ и хорошъ, что Богъ не оставитъ его, и онъ исполнитъ свое призваніе — задавитъ гидру революціи, которая теперь еще ужаснѣе въ лицѣ этого убійцы и злодѣя. Мы одни должны искупить кровь праведника... На кого намъ надѣяться, я васъ спрашиваю?.. Англія съ своимъ коммерческимъ духомъ не пойметъ и не можетъ понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочетъ видѣть, ищетъ заднюю мысль нашихъ дѣйствій. Что они сказали Новосильцеву?.. Ничего. Они не поняли, они не могутъ понять самоотверженія нашего императора, который ничего не хочетъ для себя и все хочетъ для блага міра. И что они обѣщали? Ничего. И что обѣщали, и того не будетъ! Пруссія ужъ объявила, что Бонапарте непобѣдимъ и что вся Европа ничего не можетъ противъ него... И я не вѣрю ни въ одномъ словѣ ни Гарденбергу, ни Гаугвицу. Cette fameuse neutralitè prussienne, ce n'est qu'un piège[1]). Я вѣрю въ одного Бога и въ высокую судьбу нашего милаго императора. Онъ спасетъ Европу...

Она вдругъ остановилась съ улыбкою насмѣшки надъ своею горячностью.

— Я думаю, — сказалъ князь улыбаясь, — что ежели бы васъ послали вмѣсто нашего милаго Винценгероде, вы бы взяли приступомъ согласіе прусскаго короля. Вы такъ краснорѣчивы. Вы дадите мнѣ чаю?

---

[1]) Этотъ пресловутый нейтралитетъ Пруссіи — только западня.

— Сейчасъ. A propos, — прибавила она, опять успокаиваясь, — нынче у меня два очень интересные человѣка, le vicomte de Mortemart, il est allié aux Monmorency par les Rohans [1]), одна изъ лучшихъ фамилій Франціи. Это одинъ изъ хорошихъ эмигрантовъ, изъ настоящихъ. И потомъ l'abbé Morio: вы знаете этотъ глубокій умъ? Онъ былъ принятъ государемъ. Вы знаете?

— A! Я очень радъ буду, — сказалъ князь. — Скажите, — прибавилъ онъ, какъ будто только что вспомнивъ что-то и особенно небрежно, тогда какъ то, о чемъ онъ спрашивалъ, было главною цѣлью его посѣщенія: — правда, что l'impératrice-mère желаетъ назначенія барона Функе первымъ секретаремъ въ Вѣну? C'est un pauvre sire, ce baron, à ce qu'il parait [2]).

Князь Василій желалъ опредѣлить сына на это мѣсто, которое черезъ императрицу Марію Ѳеодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза въ знакъ того, что ни она, ни кто другой не могутъ судить про то, что угодно или нравится императрицѣ. «Monsieur le baron de Funke a été recommandé à l'impératrice-mère par sa soeur» [3]), только сказала она грустнымъ, сухимъ тономъ.

Въ то время, какъ Анна Павловна назвала императрицу, лицо ея вдругъ представило глубокое и искреннее выраженіе преданности и уваженія, соединенное съ грустью, что̀ съ ней бывало каждый разъ, когда она въ разговорѣ упоминала о своей высокой покровительницѣ. Она сказала, что ея величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime [4]), и опять взглядъ ея подернулся грустью.

Князь равнодушно замолкъ. Анна Павловна, со свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотѣла и щелкануть князя за то, что онъ дерзнулъ такъ отозваться о лицѣ, рекомендованномъ императрицѣ, и въ то же время утѣшить его.

— Mais à propos de votre famille [5]), — сказала она, — знаете ли, что ваша дочь съ тѣхъ поръ, какъ выѣзжаетъ, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour [6]).

Князь наклонился въ знакъ уваженія и признательности.

---

[1]) Виконтъ Мортемаръ онъ въ родствѣ съ Монморанси чрезъ Роганов.
[2]) Этотъ баронъ, кажется, ничтожная личность.
[3]) Баронъ Функе рекомендованъ императрицѣ-матери ея сестрою.
[4]) Много уваженія.
[5]) Кстати о вашей семьѣ.
[6]) Составляетъ восторгъ всего общества. Ее находятъ прекрасною, какъ день.

— Я часто думаю,—продолжала Анна Павловна послѣ минутнаго молчанія, подвигаясь къ князю и ласково улыбаясь ему, какъ будто выказывая этимъ, что политическіе и свѣтскіе разговоры кончены и теперь начинается задушевный, — я часто думаю, какъ иногда несправедливо распредѣляется счастье жизни. За что вамъ судьба дала такихъ двухъ славныхъ дѣтей, — исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю (вставила она безапелляціонно, приподнявъ брови),—такихъ прелестныхъ дѣтей? А вы, право, менѣе всѣхъ цѣните ихъ и потому ихъ не стоите.

И она улыбнулась своею восторженною улыбкой.

— Que voulez-vous? Lafater aurait dit que je n'ai pas la bosse de la paternité [1]), — сказалъ князь.

— Перестаньте шутить. Я хотѣла серьезно поговорить съ вами. Знаете, я недовольна вашимъ меньшимъ сыномъ. Между нами будь сказано (лицо ея приняло грустное выраженіе), о немъ говорили у ея величества и жалѣютъ васъ...

Князь не отвѣчалъ, но она молча, значительно глядя на него, ждала отвѣта. Князь Василій поморщился.

— Что вы хотите, чтобъ я дѣлалъ!—сказалъ онъ наконецъ.— Вы знаете, я сдѣлалъ для ихъ воспитанія все, что можетъ отецъ, и оба вышли des imbéciles [2]). Ипполитъ по крайней мѣрѣ покойный дуракъ, а Анатоль — безпокойный. Вотъ одно различіе,— сказалъ онъ, улыбаясь болѣе неестественно и одушевленно, чѣмъ обыкновенно, и при этомъ особенно рѣзко выказывая въ сложившихся около его рта морщинахъ что-то неожиданно грубое и непріятное.

— И зачѣмъ родятся дѣти у такихъ людей, какъ вы? Ежели бы вы не были отецъ, я бы ни въ чемъ не могла упрекнуть васъ, — сказала Анна Павловна, задумчиво поднимая глаза.

— Je suis votre, вѣрный рабъ, et à vous seule je puis l'avouer. Мои дѣти — ce sont les entraves de mon existence [3]). Это мой крестъ. Я такъ себѣ объясняю. Que voulez-vous...

Онъ помолчалъ, выражая жестомъ свою покорность жестокой судьбѣ. Анна Павловна задумалась.

— Вы никогда не думали о томъ, чтобы женить вашего блуднаго сына Анатоля. Говорятъ, — сказала она, — что старыя дѣвицы ont la manie des mariages [4]). Я еще не чувствую за со-

---

[1]) Чего хотите? Лафатеръ сказалъ бы, что у меня нѣтъ шишки родительской любви.

[2]) Дураки.

[3]) Вамъ однимъ могу признаться. Мои дѣти — обуза моего существованія.

[4]) Имѣютъ манію женить.

бою этой слабости, но у меня есть одна petite personne, которая очень несчастлива съ отцомъ, une parente à nous, une princesse [1]) Болконская.

Князь Василій не отвѣчалъ, хотя со свойственною свѣтскимъ людямъ быстротой соображенія и памяти показалъ движеніемъ головы, что онъ принялъ къ соображенію эти свѣдѣнія.

— Нѣтъ, вы знаете ли, что этотъ Анатоль мнѣ стóитъ 40.000 въ годъ, — сказалъ онъ, видимо не въ силахъ удерживать печальный ходъ своихъ мыслей. (Онъ помолчалъ.) — Чтò будетъ черезъ пять лѣтъ, если это пойдетъ такъ? Voilà l'avantage d'être père [2]). Она богата, ваша княжна?

— Отецъ очень богатъ и скупъ. Онъ живетъ въ деревнѣ. Знаете, этотъ извѣстный князь Болконскій, отставленный еще при покойномъ императорѣ и прозванный прусскимъ королемъ. Онъ очень умный человѣкъ, но со странностями и тяжелый. La pauvre petite est malheureuse comme les pierres [3]). У нея братъ, вотъ что недавно женился на Lise Мейненъ, адъютантъ Кутузова. Онъ будетъ нынче у меня.

— Ecoutez, chère Annette, — сказалъ князь, взявъ вдругъ свою собесѣдницу за руку и пригибая ее почему-то книзу. — Arrangez-moi cette affaire, et je suis votre [4]) вѣрнѣйшій рабъ à tout jamais; *pan*ъ comme mon староста m'écrit des [5]) донесенія: покой-еръ-пъ. Она хорошей фамиліи и богата. Все, чтò мнѣ нужно.

И онъ съ тѣми свободными и фамильярными, граціозными движеніями, которыя его отличали, взялъ за руку фрейлину, поцѣловалъ ее и, поцѣловавъ, помахалъ фрейлинскою рукой, развалившись на креслахъ и глядя въ сторону.

— Attendez,—сказала Анна Павловна, соображая.—Я нынче же поговорю Lise (la femme du jeune Болконской). И можетъ-быть, это уладится. Ce sera dans votre famille que je ferai mon apprentissage de vieille fille [6]).

II.

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Пріѣхала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастамъ и характерамъ, но одинаковые по обществу, въ ка-

---

1) Наша родственница, княжна...
2) Вотъ выгода быть отцомъ.
3) Бѣдняжка несчастлива, какъ камни.
4) Устройте мнѣ это дѣло, и я навсегда вашъ...
5) Какъ пишетъ мнѣ мой староста.
6) Я въ вашемъ семействѣ начну обучаться ремеслу старой дѣвы.

комъ всѣ жили. Пріѣхала дочь князя Василія, красавица Элень, заѣхавшая за отцомъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать на праздникъ посланника. Она была въ шифрѣ и бальномъ платьѣ. Пріѣхала и извѣстная, какъ la femme la plus séduisante de Pétersbourg [1]), молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замужъ и теперь не выѣзжавшая въ *большой* свѣтъ по причинѣ своей беременности, но ѣздившая еще на небольшіе вечера. Пріѣхалъ князь Ипполитъ, сынъ князя Василія, съ Мортемаромъ, котораго онъ представилъ; пріѣхалъ и аббатъ Моріо и многіе другіе.

— Вы не видали еще или вы незнакомы съ ma tante?— говорила Анна Павловна пріѣзжавшимъ гостямъ и весьма серьезно подводила ихъ къ маленькой старушкѣ въ высокихъ бантахъ, выплывшей изъ другой комнаты, какъ скоро стали пріѣзжать гости, называла ихъ по имени, медленно переводя глаза съ гостя на ma tante, и потомъ отходила.

Всѣ гости совершали обрядъ привѣтствованія никому неизвѣстной, никому неинтересной и ненужной тетушки. Анна Павловна съ грустнымъ, торжественнымъ участіемъ слѣдила за ихъ привѣтствіями, молчаливо одобряя ихъ. Ma tante каждому говорила въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о его здоровьѣ, о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ ея величества, которое нынче было, слава Богу, лучше. Всѣ подходившіе, изъ приличія не выказывая поспѣшности, съ чувствомъ облегченія исполненной тяжелой обязанности отходили отъ старушки, чтобы ужъ весь вечеръ ни разу не подойти къ ней.

Молодая княгиня Болконская пріѣхала съ работой въ шитомъ золотомъ бархатномъ мѣшкѣ. Ея хорошенькая, съ чуть чернѣвшимися усиками верхняя губка была коротка по зубамъ, но тѣмъ милѣе она открывалась и тѣмъ еще милѣе вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Какъ это всегда бываетъ у вполнѣ привлекательныхъ женщинъ, недостатки ея — коротость губы и полуоткрытый ротъ — казались ея особенною, собственно ея красотой. Всѣмъ было весело смотрѣть на эту, полную здоровья и живости, хорошенькую будущую мать, такъ легко переносившую свое положеніе. Старикамъ и скучающимъ, мрачнымъ молодымъ людямъ, смотрѣвшимъ на нее, казалось, что они сами дѣлаются похожи на нее, побывъ и поговоривъ нѣсколько времени съ ней. Кто говорилъ съ ней и видѣлъ при каждомъ словѣ ея свѣтлую улыбочку и блестящіе бѣлые зубы, которые виднѣ-

---

[1]) Самая обворожительная женщина въ Петербургѣ.

лись безпрестанно, тотъ думалъ, что онъ особенно нынче любезенъ. И это думалъ каждый.

Маленькая княгиня, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками обошла столъ съ рабочею сумочкою на рукѣ и, весело оправляя платье, сѣла на диванъ, около серебрянаго самовара, какъ будто все, что́ она ни дѣлала, было partie de plaisir для нея и для всѣхъ ее окружающихъ.

— J'ai apporté mon ouvrage [1]), — сказала она, развертывая свой ридикюль и обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Смотрите, Annette, ne me jouez pas un mauvais tour, — обратилась она къ хозяйкѣ. — Vous m'avez écrit, que c'était une tout petite soirée; voyez, comme je suis attifée [2]).

И она развела руками, чтобы показать свое, въ кружевахъ, сѣренькое изящное платье, немного ниже грудей опоясанное широкою лентой.

— Soyez tranquille, Lise, vous serez toujours la plus jolie [3]), — отвѣчала Анна Павловна.

— Vous savez, mon mari m'abandonne, — продолжала она тѣмъ же тономъ, обращаясь къ генералу, — il va se faire tuer. Dites-moi, pourquoi cette vilaine guerre [4]), — сказала она князю Василію и, не дожидаясь отвѣта, обратилась къ дочери князя Василія, къ красивой Эленъ.

— Quelle délicieuse personne que cette petite princesse! [5]) — сказалъ князь Василій тихо Аннѣ Павловнѣ.

Вскорѣ послѣ маленькой княгини вошелъ массивный, толстый молодой человѣкъ съ стриженою головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ панталонахъ по тогдашней модѣ, съ высокимъ жабо и въ коричневомъ фракѣ. Этотъ толстый молодой человѣкъ былъ незаконный сынъ знаменитаго Екатерининскаго вельможи, графа Безухова, умиравшаго теперь въ Москвѣ. Онъ нигдѣ не служилъ еще, только пріѣхалъ изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался, и былъ въ первый разъ въ обществѣ. Анна Павловна привѣтствовала его поклономъ, относящимся къ людямъ самой низшей іерархіи въ ея салонѣ. Но, несмотря на это низшее по своему сорту привѣтствіе, при видѣ вошедшаго Пьера въ лицѣ Анны Павловны изобразилось безпокойство и страхъ, подобный

---

1) Я захватила работу.

2) Не сыграйте со мной дурной шутки; вы мнѣ писали, что у васъ совсѣмъ маленькій вечеръ. Видите, какъ я одѣта дурно.

3) Будьте спокойны, вы все будете самая хорошенькая.

4) Вы знаете, мой мужъ покидаетъ меня. Идетъ на смерть. Скажите, зачѣмъ эта гадкая война?

5) Что за прелестная особа эта маленькая княгиня!

тому, который выражается при видѣ чего-нибудь слишкомъ огромнаго и несвойственнаго мѣсту. Хотя дѣйствительно Пьеръ былъ нѣсколько больше другихъ мужчинъ въ комнатѣ, но этотъ страхъ могъ относиться только къ тому умному и вмѣстѣ робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его отъ всѣхъ въ этой гостиной.

— C'est bien aimable á vous, *monsieur Pierre*, d'être venu voir une pauvre malade [1]), — сказала ему Анна Павловна, испуганно переглядываясь съ тетушкой, къ которой она подводила его.

Пьеръ пробурлилъ что-то непонятное и продолжалъ отыскивать что-то глазами. Онъ радостно, весело улыбнулся, кланяясь маленькой княгинѣ, какъ близкой знакомой, и подошелъ къ тетушкѣ. Страхъ Анны Павловны былъ не напрасенъ, потому что Пьеръ, не дослушавъ рѣчи тетушки о здоровьѣ ея величества, отошелъ отъ нея. Анна Павловна испуганно остановила его словами:

— Вы не знаете аббата Морio? онъ очень интересный человѣкъ... — сказала она.

— Да, я слышалъ про его планъ вѣчнаго мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...

— Вы думаете?.. — сказала Анна Павловна, чтобы сказать что-нибудь и вновь обратиться къ своимъ занятіямъ хозяйки дома.

Но Пьеръ сдѣлалъ обратную неучтивость. Прежде онъ, не дослушавъ словъ собесѣдницы, ушелъ, теперь онъ остановилъ своимъ разговоромъ собесѣдницу, которой нужно было отъ него уйти. Онъ, нагнувъ голову и разставивъ большія ноги, сталъ доказывать Аннѣ Павловнѣ, почему онъ полагалъ, что планъ аббата былъ химера.

— Мы послѣ поговоримъ,—сказала Анна Павловна улыбаясь.

И, отдѣлавшись отъ молодого человѣка, не умѣющаго жить, она возвратилась къ своимъ занятіямъ хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тотъ пунктъ, гдѣ ослабѣвалъ разговоръ. Какъ хозяинъ прядильной мастерской, посадивъ работниковъ по мѣстамъ, прохаживается по заведенію, замѣчая неподвижность или непривычный, скрипящій, слишкомъ громкій звукъ веретена, торопливо идетъ, сдерживаетъ или пускаетъ его въ надлежащій ходъ, такъ и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила къ замолкнувшему или слишкомъ много говорившему кружку и однимъ

---

[1]) Это очень любезно съ вашей стороны, m-r Пьеръ, что вы посѣтили больную.

слобомъ или перемѣщеніемъ опять заводила равномѣрную, приличную разговорную машину. Но среди этихъ заботъ все виденъ былъ въ ней особенный страхъ за Пьера. Она заботливо поглядывала на него въ то время, какъ онъ подошелъ послушать то, что говорилось около Мортемара, и отошелъ къ другому кружку, гдѣ говорилъ аббатъ. Для Пьера, воспитаннаго за границей, этотъ вечеръ Анны Павловны былъ первый, который онъ видѣлъ въ Россіи. Онъ зналъ, что тутъ собрана вся интеллигенція Петербурга, и у него, какъ у ребенка въ игрушечной лавкѣ, разбѣгались глаза. Онъ все боялся пропустить умные разговоры, которые онъ можетъ услыхать. Глядя на увѣренныя и изящныя выраженія лицъ, собранныхъ здѣсь, онъ все ждалъ чего-нибудь особенно умнаго. Наконецъ онъ подошелъ къ Моріо. Разговоръ показался ему интересенъ, и онъ остановился, ожидая случая высказать свои мысли, какъ это любятъ молодые люди.

III.

Вечеръ Анны Павловны былъ пущенъ. Веретена съ разныхъ сторонъ равномѣрно и не умолкая шумѣли. Кромѣ ma tante, около которой сидѣла только одна пожилая дама съ исплаканнымъ, худымъ лицомъ, нѣсколько чужая въ этомъ блестящемъ обществѣ, общество разбилось на три кружка. Въ одномъ, болѣе мужскомъ, центромъ былъ аббатъ; въ другомъ, молодомъ, — красавица-княжна Эленъ, дочь князя Василія, и хорошенькая, румяная, слишкомъ полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. Въ третьемъ — Мортемаръ и Анна Павловна.

Виконтъ былъ миловидный, съ мягкими чертами и пріемами, молодой человѣкъ, очевидно считавшій себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно предоставлявшій пользоваться собой тому обществу, въ которомъ онъ находился. Анна Павловна, очевидно, угощала имъ своихъ гостей. Какъ хорошій метръ-д'отель подаетъ, какъ нѣчто сверхъестественно-прекрасное, тотъ кусокъ говядины, который ѣсть не захочется, если увидать его въ грязной кухнѣ, такъ въ нынѣшній вечеръ Анна Павловна сервировала своимъ гостямъ сначала виконта, потомъ аббата, какъ что-то сверхъестественно-утонченное. Въ кружкѣ Мортемара заговорили тотчасъ объ убіеніи герцога Энгіенскаго. Виконтъ сказалъ, что герцогъ Энгіенскій погибъ отъ своего великодушія и что были особенныя причины озлобленія Бонапарта.

— Ah! voyons. Contez-nous cela, vicomte, — сказала Анна Павловна, съ радостью чувствуя, какъ чѣмъ-то à la Louis XV отзывалась эта фраза: — contez-nous cela, vicomte [1]).

Виконтъ поклонился въ знакъ покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сдѣлала кругъ около виконта и пригласила всѣхъ слушать его разсказъ.

«Le vicomte a été personnellement connu de monseigneur [2]), шепнула Анна Павловна одному. «Le vicomte est un parfait conteur» [3]), проговорила она другому. «Comme on voit l'homme de la bonne compagnie» [4]), сказала она третьему; и виконтъ былъ поданъ обществу въ самомъ изящномъ и выгодномъ для него свѣтѣ, какъ ростбифъ на горячемъ блюдѣ, посыпанный зеленью.

Виконтъ хотѣлъ уже начать свой разсказъ и тонко улыбнулся.

— Переходите сюда, chère Hélène, — сказала Анна Павловна красавицѣ-княжнѣ, которая сидѣла поодаль, составляя центръ другого кружка.

Княжна Эленъ улыбалась; она поднялась съ тою же неизмѣняющеюся улыбкой вполнѣ красивой женщины, съ которою она вошла въ гостиную. Слегка шумя своею бѣлою бальною робой, убранною плющомъ и мохомъ, блестя бѣлизною плечъ, глянцемъ волосъ и брильянтовъ, она прошла между разступившимися мужчинами и прямо, не глядя ни на кого, но всѣмъ улыбаясь и какъ бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотою своего стана, полныхъ плечъ, очень открытой, по тогдашней модѣ, груди и спины, и какъ будто внося съ собою блескъ бала, подошла къ Аннѣ Павловнѣ. Эленъ была такъ хороша, что не только не было въ ней замѣтно и тѣни кокетства, но, напротивъ, ей какъ будто совѣстно было за свою несомнѣнную и слишкомъ сильно и побѣдительно дѣйствующую красоту. Она какъ будто желала и не могла умалить дѣйствіе своей красоты.

«Quelle belle personne!» говорилъ каждый, кто ее видѣлъ. Какъ будто пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, виконтъ пожалъ плечами и опустилъ глаза въ то время, какъ она усаживалась передъ нимъ и освѣщала и его все тою же неизмѣнною улыбкой.

Madame, je crains pour mes moyens devant un pareil auditoire [5]), — сказалъ онъ, наклоняя съ улыбкой голову.

---

[1]) Разскажите намъ это, виконтъ.
[2]) Виконтъ былъ лично знакомъ съ герцогомъ.
[3]) Виконтъ — прекрасный разсказчикъ.
[4]) Какъ сейчасъ виденъ человѣкъ хорошаго общества.
[5]) Я, право, опасаюсь за свои способности передъ такой публикой.

Княжна облокотила свою открытую, полную руку на столикъ и не нашла нужнымъ что-либо сказать. Она улыбаясь ждала. Во все время разсказа она сидѣла прямо, посматривая изрѣдка то на свою полную красивую руку, которая отъ давленія на столъ измѣнила свою форму, то на еще болѣе красивую грудь, на которой она поправляла брильянтовое ожерелье; поправляла нѣсколько разъ складки своего платья и, когда разсказъ производилъ впечатлѣніе, оглядывалась на Анну Павловну и тотчасъ же принимала то самое выраженіе, которое было на лицѣ фрейлины, и потомъ опять успокаивалась въ сіяющей улыбкѣ. Вслѣдъ за Эленъ перешла и маленькая княгиня отъ чайнаго стола.

— Attendez-moi, je vais prendre mon ouvrage [1]), — проговорила она. — Voyons, à quoi pensez-vous? — обратилась она къ князю Ипполиту. — Apportez-moi mon ridicule [2]).

Княгиня, улыбаясь и говоря со всѣми, вдругъ произвела перестановку и, усѣвшись, весело оправилась.

— Теперь мнѣ хорошо, — проговорила она и, попросивъ начинать, принялась за работу.

Князь Ипполитъ перенесъ ей ридикюль, перешелъ за нею и, близко придвинувъ къ ней кресло, сѣлъ подлѣ нея.

Le charmant Hyppolite поражалъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ сестрою-красавицей и еще болѣе тѣмъ, что, несмотря на сходство, онъ былъ поразительно дуренъ собой. Черты его лица были тѣ же, какъ и у сестры, но у той все освѣщалось жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизмѣнною улыбкой жизни и необычайною, античною красотой тѣла; у брата, напротивъ, то же лицо было отуманено идіотизмомъ и неизмѣнно выражало самоувѣренную брюзгливость, а тѣло было худощаво и слабо. Глаза, носъ, ротъ—все сжималось какъ будто въ одну неопредѣленную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положеніе.

— Ce n'est pas une histoire de revenants? [3]) — сказалъ онъ, усѣвшись подлѣ княгини и торопливо пристроивъ къ глазамъ свой лорнетъ, какъ будто безъ этого инструмента онъ не могъ начать говорить.

— Mais non, mon cher [4]), — пожимая плечами, сказалъ удивленный разсказчикъ.

---

1) Подождите, я возьму мою работу.
2) О чемъ вы думаете? Принесите мой ридикюль.
3) Это не исторія о привидѣніяхъ?
4) Вовсе нѣтъ.

— C'est que je déteste les histoires de revenants [1]), — сказалъ онъ такимъ тономъ, что видно было, онъ сказалъ эти слова, а потомъ уже понялъ, что̀ они значили.

Изъ-за самоувѣренности, съ которой онъ говорилъ, никто не могъ понять, очень ли умно или очень глупо то, что̀ онъ сказалъ. Онъ былъ въ темно-зеленомъ фракѣ, въ панталонахъ цвѣта cuisse de nymphe effrayée, какъ онъ самъ говорилъ, въ чулкахъ и башмакахъ.

Vicomte разсказалъ очень мило о томъ ходившемъ тогда анекдотѣ, что герцогъ Энгіенскій тайно ѣздилъ въ Парижъ для свиданія съ m-lle George и что тамъ онъ встрѣтился съ Бонапарте, пользовавшимся тоже милостями знаменитой актрисы, и что тамъ, встрѣтившись съ герцогомъ, Наполеонъ случайно упалъ въ тотъ обморокъ, которому онъ былъ подверженъ, и находился во власти герцога, которой герцогъ не воспользовался, но что Бонапарте впослѣдствіи за это-то великодушіе и отомстилъ смертью герцогу.

Разсказъ былъ очень милъ и интересенъ, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ соперники вдругъ узнаютъ другъ друга, и дамы, казалось, были въ волненіи.

— Charmant,— сказала Анна Павловна, оглядываясь вопросительно на маленькую княгиню.

— Charmant,— прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку въ работу, какъ будто въ знакъ того, что интересъ и прелесть разсказа мѣшаютъ ей продолжать работу.

Виконтъ оцѣнилъ эту молчаливую похвалу и, благодарно улыбнувшись, сталъ продолжать; но въ это время Анна Павловна, все поглядывавшая на страшнаго для нея молодого человѣка, замѣтила, что онъ что-то слишкомъ горячо и громко говоритъ съ аббатомъ, и поспѣшила на помощь къ опасному мѣсту. Дѣйствительно, Пьеру удалось завязать съ аббатомъ разговоръ о политическомъ равновѣсіи, и аббатъ, видимо заинтересованный простодушной горячностью молодого человѣка, развивалъ передъ нимъ свою любимую идею. Оба слишкомъ оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Аннѣ Павловнѣ.

— Средство—европейское равновѣсіе и droit des gens,—говорилъ аббатъ.— Стоитъ одному могущественному государству, какъ Россія, прославленному за варварство, стать безкорыстно во главѣ союза, имѣющаго цѣлью равновѣсіе Европы,— и она спасетъ міръ!

---

[1]) Дѣло въ томъ, что я терпѣть не могу исторій о привидѣніяхъ.

— Какъ же вы найдете такое равновѣсіе?— началъ было Пьеръ.

Но въ это время подошла Анна Павловна и, строго взглянувъ на Пьера, спросила итальянца о томъ, какъ онъ переноситъ здѣшній климатъ. Лицо итальянца вдругъ измѣнилось и приняло оскорбительно притворно-сладкое выраженіе, которое, видимо, было привычно ему въ разговорѣ съ женщинами.

— Я такъ очарованъ прелестями ума и образованія общества, въ особенности женскаго, въ которое я имѣлъ счастье быть принятъ, что не успѣлъ еще подумать о климатѣ,— сказалъ онъ.

Не выпуская уже аббата и Пьера, Анна Павловна для удобства наблюденія присоединила ихъ къ общему кружку.

IV.

Въ это время въ гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это былъ молодой князь Андрей Болконскій, мужъ маленькой княгини. Князь Болконскій былъ небольшого роста, весьма красивый молодой человѣкъ съ опредѣленными и сухими чертами. Все въ его фигурѣ, начиная отъ усталаго, скучающаго взгляда до тихаго мѣрнаго шага, представляло самую рѣзкую противоположность съ его маленькою, оживленною женой. Ему, видимо, всѣ бывшіе въ гостиной не только были знакомы, но ужъ надоѣли ему такъ, что и смотрѣть на нихъ и слушать ихъ ему было очень скучно. Изъ всѣхъ же прискучившихъ ему лицъ лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всѣхъ ему надоѣло. Съ гримасой, портившей его красивое лицо, онъ отвернулся отъ нея. Онъ поцѣловалъ руку Анны Павловны и щурясь оглядѣлъ все общество.

— Vous vous enrôlez pour la guerre, mon prince? [1])—сказала Анна Павловна.

— Le général Koutouzoff,— сказалъ Болконскій, ударяя на послѣднемъ слогѣ *zoff*, какъ французъ,— a bien voulu de moi pour aide-de-camp... [2]).

— Et Lise, votre femme?.. [3])

— Она поѣдетъ въ деревню.

— Какъ вамъ не грѣхъ лишать насъ вашей прелестной жены?

— André,— сказала его жена, обращаясь къ мужу тѣмъ же кокетливымъ тономъ, какимъ она обращалась и къ посторон-

---

[1]) Вы собираетесь на войну, князь?
[2]) Генералу Кутузову угодно меня къ себѣ въ адъютанты
[3]) А Лиза, ваша жена?

нимъ, — какую исторію намъ разсказалъ виконтъ о m-lle Жоржъ п Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьеръ, со времени входа князя Андрея въ гостиную не спускавшій съ него радостныхъ, дружелюбныхъ глазъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, сморщилъ лицо въ гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогаетъ его за руку, но, увидавъ улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно доброй и пріятной улыбкой.

— Вотъ какъ!.. И ты въ большомъ свѣтѣ? — сказалъ онъ Пьеру.

— Я зналъ, что вы будете,—отвѣчалъ Пьеръ.—Я пріѣду къ вамъ ужинать,— прибавилъ онъ тихо, чтобы не мѣшать виконту, который продолжалъ свой разсказъ.— Можно?

— Нѣтъ, нельзя,— сказалъ князь Андрей смѣясь, пожатіемъ руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивать.

Онъ что-то хотѣлъ сказать еще, но въ это время поднялся князь Василій съ дочерью, и два молодыхъ человѣка встали, чтобы дать имъ дорогу.

— Вы меня извините, мой милый виконтъ,— сказалъ князь Василій французу, ласково потягивая его за рукавъ внизъ къ стулу, чтобъ онъ не всталъ.— Этотъ несчастный праздникъ у посланника лишаетъ меня удовольствія и прерываетъ васъ. Очень мнѣ грустно покидать вашъ восхитительный вечеръ,— сказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

Дочь его, княжна Элень, слегка придерживая складки платья, пошла между стульевъ, и улыбка сіяла еще свѣтлѣе на ея прекрасномъ лицѣ. Пьеръ смотрѣлъ почти испуганными, восторженными глазами на эту красавицу, когда она проходила мимо него.

— Очень хороша,— сказалъ князь Андрей.

— Очень,— сказалъ Пьеръ.

Проходя мимо, князь Василій схватилъ Пьера за руку и обратился къ Аннѣ Павловнѣ.

— Образуйте мнѣ этого медвѣдя,— сказалъ онъ.— Вотъ онъ мѣсяцъ живетъ у меня, и въ первый разъ я его вижу въ свѣтѣ. Ничто такъ не нужно молодому человѣку, какъ общество умныхъ женщинъ.

Анна Павловна улыбнулась и обѣщалась заняться Пьеромъ, который, она знала, приходился родня по отцу князю Василію. Пожилая дама, сидѣвшая прежде съ ma tante, торопливо встала и догнала князя Василія въ передней. Съ лица ея исчезла вся прежняя притворность интереса. Доброе, исплаканное лицо ея выражало только безпокойство и страхъ.

— Что же вы мнѣ скажете, князь, о моемъ Борисѣ?—сказала она, догоняя его въ передней. (Она выговаривала имя *Борисъ* съ особеннымъ удареніемъ на *о*.) — Я не могу оставаться дольше въ Петербургѣ. Скажите, какія извѣстія я могу привезти моему бѣдному мальчику?

Несмотря на то, что князь Василій неохотно и почти неучтиво слушалъ пожилую даму и даже выказывалъ нетерпѣніе, она ласково и трогательно улыбалась ему и, чтобъ онъ не ушелъ, взяла его за руку.

— Что вамъ стоитъ сказать слово государю, и онъ прямо будетъ переведенъ въ гвардію,—просила она.

— Повѣрьте, что я сдѣлаю все, что могу, княгиня,— отвѣчалъ князь Василій,— но мнѣ трудно просить государя; я бы совѣтовалъ вамъ обратиться къ Румянцеву, черезъ князя Голицына: это было бы умнѣе.

Пожилая дама носила имя княгини Друбецкой, одной изъ лучшихъ фамилій Россіи, но она была бѣдна, давно вышла изъ свѣта и утратила прежнія связи. Она пріѣхала теперь, чтобы выхлопотать опредѣленіе въ гвардію своему единственному сыну. Только затѣмъ, чтобъ увидѣть князя Василія, она назвалась и пріѣхала на вечеръ къ Аннѣ Павловнѣ, только затѣмъ она слушала исторію виконта. Она испугалась словъ князя Василія; когда-то красивое лицо ея выразило озлобленіе, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась и крѣпче схватила за руку князя Василія.

— Послушайте, князь,— сказала она,— я никогда не просила васъ, никогда не буду просить, никогда не напоминала вамъ о дружбѣ моего отца къ вамъ. Но теперь, я Богомъ заклинаю васъ, сдѣлайте это для моего сына, и я буду считать васъ благодѣтелемъ,—торопливо прибавила она.—Нѣтъ, вы не сердитесь, а вы обѣщайте мнѣ. Я просила Голицына, онъ отказалъ. Soyez le bon enfant que vous avez été, — говорила она, стараясь улыбаться, тогда какъ въ ея глазахъ были слезы.

— Папа, мы опоздаемъ,— сказала, повернувъ свою красивую голову на античныхъ плечахъ, княжна Эленъ, ожидавшая у двери.

Но вліяніе въ свѣтѣ есть капиталъ, который надо беречь, чтобъ онъ не исчезъ. Князь Василій зналъ это, и, разъ сообразивъ, что ежели бы онъ сталъ просить за всѣхъ, кто его проситъ, то вскорѣ ему нельзя было бы просить за себя, онъ рѣдко употреблялъ свое вліяніе. Въ дѣлѣ княгини Друбецкой онъ почувствовалъ однако, послѣ ея новаго призыва, что-то въ родѣ укора совѣсти. Она напомнила ему правду: первыми шагами сво-

ими въ службѣ онъ былъ обязанъ ея отцу. Кромѣ того, онъ видѣлъ по ея пріемамъ, что она — одна изъ тѣхъ женщинъ, особенно матерей, которыя, однажды взявъ себѣ что-нибудь въ голову, не отстанутъ до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ ихъ желанія, а въ противномъ случаѣ готовы на ежедневныя, ежеминутныя приставанія и даже на сцены. Это послѣднее соображеніе поколебало его.

— Chère Анна Михайловна, — сказалъ онъ съ своею всегдашнею фамильярностью и скукой въ голосѣ, — для меня почти невозможно сдѣлать то, что вы хотите; но чтобы доказать вамъ, какъ я люблю васъ и чту память покойнаго отца вашего, я сдѣлаю невозможное: сынъ вашъ будетъ переведенъ въ гвардію, вотъ вамъ моя рука. Довольны вы?

— Милый мой, вы благодѣтель! Я иного и не ждала отъ васъ; я знала, какъ вы добры.

Онъ хотѣлъ уйти.

— Постойте, два слова. Une fois passé aux gardes... — Она замялась. — Вы хороши съ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, рекомендуйте ему Бориса въ адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы ужъ...

Князь Василій улыбнулся.

— Этого не обѣщаю. Вы не знаете, какъ осаждаютъ Кутузова съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ главнокомандующимъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что всѣ московскія барыни сговорились отдать ему всѣхъ своихъ дѣтей въ адъютанты.

— Нѣтъ, обѣщайте, я не пущу васъ, милый, благодѣтель мой...

— Папа,—опять тѣмъ же тономъ повторила красавица,—мы опоздаемъ.

— Ну, au revoir, прощайте. Видите?

— Такъ завтра вы доложите государю?

— Непремѣнно, а Кутузову не обѣщаю.

— Нѣтъ, обѣщайте, обѣщайте, Basile, — сказала вслѣдъ ему Анна Михайловна, съ улыбкой молодой кокетки, которая когда-то, должно-быть, была ей свойственна, а теперь такъ не шла къ ея истощенному лицу.

Она, видимо, забыла свои годы и пускала въ ходъ, по привычкѣ, всѣ старинныя женскія средства. Но какъ только онъ вышелъ, лицо ея опять приняло то же холодное, притворное выраженіе, которое было на немъ прежде. Она вернулась къ кружку, въ которомъ виконтъ продолжалъ разсказывать, и опять сдѣлала видъ, что слушаетъ, дожидаясь времени уѣхать такъ какъ дѣло ея было сдѣлано.

V.

— Но какъ вы находите всю эту послѣднюю комедію du sacre de Milan? — сказала Анна Павловна. — Et la nouvelle comédie des peuples de Gênes et de Lucques, qui viennent présenter leurs voeux à M. Buonaparte assis sur un trône, et exauçant les voeux des nations! Adorable! Non, mais c'est à en devenir folle! On dirait que le monde entier a perdu la tête [1]).

Князь Андрей усмѣхнулся, прямо глядя въ лицо Анны Павловны.

— «Dieu me la donne, gare à qui la touche», — сказалъ онъ (слова Бонапарте, сказанныя при возложеніи короны). — On dit qu'il à été très beau en prononçant ces paroles [2]), — прибавилъ онъ и еще разъ повторилъ эти слова по-итальянски: «Dio mi la dona, gai a qui la tocca».

— J'espère enfin, — продолжала Анна Павловна, que ça a été la goutte d'eau qui fera déborder le verre. Les souverains ne peuvent plus supporter cet homme qui menace tout [3]).

— Les souverains? Je ne parle pas de la Russie, — сказалъ виконтъ учтиво и безнадежно: —Les souverains, madame! Qu'ont ils fait pour Louis XVIII, pour la reine, pour madame Elisabeth? Rien, — продолжалъ онъ одушевляясь. — Et croyez-moi, ils subissent la punition pour leur trahison de la cause des Bourbons. Les souverains? Ils envoient des ambassadeurs complimenter l'usurpateur [4]).

И онъ, презрительно вздохнувъ, опять перемѣнилъ положеніе. Князь Ипполитъ, долго смотрѣвшій въ лорнетъ на виконта, вдругъ при этихъ словахъ повернулся всѣмъ тѣломъ къ маленькой княгинѣ и, попросивъ у нея иголку, сталъ показывать ей, рисуя иголкой на столѣ, гербъ Конде. Онъ растолковывалъ ей этотъ гербъ съ такимъ значительнымъ видомъ, какъ будто княгиня просила его объ этомъ.

---

[1]) И вотъ новая комедія: народы Генуи и Лукки изъявляютъ свои желанія господину Бонапарте. И господинъ Бонапарте сидитъ на тронѣ и исполняетъ желанія народовъ. О! это восхитительно! Нѣтъ, отъ этого можно съ ума сойти. Подумаешь, что весь свѣтъ потерялъ голову.

[2]) Богъ мнѣ даетъ её. Бѣда тому, кто ее тронетъ. — Говорятъ, онъ былъ очень хорошъ, произнося эти слова.

[3]) Надѣюсь, что это была, наконецъ, та капля, которая переполнитъ стаканъ. Государи не могутъ болѣе терпѣть этого человѣка, который угрожаетъ всему.

[4]) Государи? Я не говорю о Россіи. Государи! Но что они сдѣлали для Людовика XVIII, для королевы, Елизаветы? Ничего. И повѣрьте мнѣ, они несутъ наказаніе за свою измѣну дѣлу Бурбоновъ. Государи! Они шлютъ пословъ привѣтствовать похитителя престола.

— Bâton de gueules, engrêlé de gueules d'azur — maison Condé [1]), — говорилъ онъ.

Княгиня улыбаясь слушала.

— Ежели еще годъ Бонапарте останется на престолѣ Франціи, — продолжалъ виконтъ начатый разговоръ, съ видомъ человѣка, не слушающаго другихъ, но въ дѣлѣ, лучше всѣхъ ему извѣстномъ, слѣдящаго только за ходомъ своихъ мыслей, — то дѣла пойдутъ слишкомъ далеко. Интригой, насиліемъ, изгнаніями, казнями общество, я разумѣю хорошее общество, французское, навсегда будетъ уничтожено, и тогда...

Онъ пожалъ плечами и развелъ руками. Пьеръ хотѣлъ было сказать что-то (разговоръ интересовалъ его), но Анна Павловна, караулившая его, перебила:

— Императоръ Александръ, — сказала она съ грустью, сопутствовавшей всегда ея рѣчамъ объ императорской фамиліи, — объявилъ, что онъ предоставитъ самимъ французамъ выбрать образъ правленія. И я думаю, нѣтъ сомнѣнія, что вся нація, освободившись отъ узурпатора, бросится въ руки законнаго короля, — сказала Анна Павловна, стараясь быть любезной съ эмигрантомъ и реалистомъ.

— Это сомнительно, — сказалъ князь Андрей. — Monsieur le vicomte совершенно справедливо полагаетъ, что дѣла зашли уже слишкомъ далеко. Я думаю, что трудно будетъ возвратиться къ старому.

— Сколько я слышалъ, — краснѣя опять вмѣшался въ разговоръ Пьеръ, — почти все дворянство перешло уже на сторону Бонапарта.

— Это говорятъ бонапартисты, — сказалъ виконтъ, не глядя на Пьера. — Теперь трудно узнать общественное мнѣніе Франціи.

— Bonaparte l'a dit [2]), — сказалъ князь Андрей съ усмѣшкой.

Видно было, что виконтъ ему не нравился и что онъ, хотя и не смотрѣлъ на него, противъ него обращалъ свои рѣчи.

— «Je leur ai montré le chemin de la gloire», — сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія, опять повторяя слова Наполеона: — «ils n'en ont pas voulu; je leur ai ouvert mes antichambres, ils se sont precipités en foule»... Je ne sais pas à quel point il a eu le droit de le dire [3]).

---

[1]) Фраза, не переводимая буквально, такъ какъ состоитъ изъ условныхъ геральдическихъ терминовъ, не вполнѣ точно употребленныхъ. Общій смыслъ такой: Гербъ Конде представляетъ щитъ съ красными и синими узкими зазубренными полосами.

[2]) Это сказалъ Бонапартъ.

[3]) «Я показалъ имъ путь славы: они его не захотѣли; я открылъ имъ мои переднія: они бросились толпой». Не знаю, до какой степени имѣлъ онъ право такъ говорить!

— Aucun,—возразилъ виконтъ.—Послѣ убійства герцога даже самые пристрастные люди перестали видѣть въ немъ героя. Si même ça a été un héros pour certaines gens, — сказалъ виконтъ обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ, — depuis l'assassinat du duc il y a un martyr de plus dans le ciel, un héros de moins sur la terre [1]).

Не успѣли еще Анна Павловна и другіе улыбкой оцѣнить этихъ словъ виконта, какъ Пьеръ опять ворвался въ разговоръ, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что онъ скажетъ что-нибудь неприличное, уже не могла остановить его.

— Казнь герцога Энгіенскаго,—сказалъ мсье Пьеръ,—была государственная необходимость; и я именно вижу величіе души въ томъ, что Наполеонъ не побоялся принять на себя одного отвѣтственность въ этомъ поступкѣ.

— Dieu! mon Dieu!—страшнымъ шопотомъ проговорила Анна Павловна.

— Comment, M. Pierre, vous trouvez que l'assassinat est grandeur d'âme [2]), — сказала маленькая княгиня, улыбаясь и придвигая къ себѣ работу.

— Ah! Oh! — сказали разные голоса.

— Capital! [3]) — по-англійски сказалъ князь Ипполитъ и принялся бить себя ладонью по колѣнкѣ.

Виконтъ только пожалъ плечами. Пьеръ торжественно посмотрѣлъ сверхъ очковъ на слушателей.

— Я потому такъ говорю, — продолжалъ онъ съ отчаянностью, — что Бурбоны бѣжали отъ революціи, предоставивъ народъ анархіи; а одинъ Наполеонъ умѣлъ понять революцію, побѣдить ее, и потому для общаго блага онъ не могъ остановиться передъ жизнью одного человѣка.

— Не хотите ли перейти къ тому столу? — сказала Анна Павловна.

Но Пьеръ, не отвѣчая, продолжалъ свою рѣчь.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ, все болѣе и болѣе одушевляясь,— Наполеонъ великъ, потому что онъ сталъ выше революціи, подавилъ ея злоупотребленія, удержавъ все хорошее—и равенство гражданъ, и свободу слова и печати — и только потому пріобрѣлъ власть.

---

[1]) Никакого. Если онъ и былъ героемъ для нѣкоторыхъ людей, то послѣ убіенія герцога однимъ мученикомъ стало больше на небесахъ и однимъ героемъ меньше на землѣ.

[2]) Какъ, мсье Пьеръ, вы находите, что убійство есть величіе души!

[3]) Превосходно!

— Да, ежели бы онъ, взявъ власть, не пользуясь ею для убійства, отдалъ бы ее законному королю,—сказалъ виконтъ,—тогда бы я назвалъ его великимъ человѣкомъ.

— Онъ бы не могъ этого сдѣлать. Народъ отдалъ ему власть только затѣмъ, чтобъ онъ избавилъ его отъ Бурбоновъ, и потому, что народъ видѣлъ въ немъ великаго человѣка. Революція была великое дѣло,—продолжалъ мсье Пьеръ, выказывая этимъ отчаяннымъ и вызывающимъ вводнымъ предложеніемъ свою великую молодость и желаніе все полнѣе высказать.

— Революція и цареубійство великое дѣло?.. Послѣ этого... да не хотите ли перейти къ тому столу?—повторила Анна Павловна. Contrat social,—съ кроткой улыбкой сказалъ виконтъ.

— Я не говорю про цареубійство. Я говорю про идеи.

— Да, идеи грабежа, убійства и цареубійства,—опять перебилъ иронической голосъ.

— Это были крайности, разумѣется, но не въ нихъ все значеніе, а значеніе въ правахъ человѣка, въ эмансипаціи отъ предразсудковъ, въ равенствѣ гражданъ; и всѣ эти идеи Наполеонъ удержалъ во всей ихъ силѣ.

— Свобода и равенство, — презрительно сказалъ виконтъ, какъ будто рѣшившійся, наконецъ, серьезно доказать этому юношѣ всю глупость его рѣчей,—все громкія слова, которыя уже давно компрометировались. Кто же не любитъ свободы и равенства? Еще Спаситель нашъ проповѣдывалъ свободу и равенство. Развѣ послѣ революціи люди стали счастливѣе? Напротивъ. Мы хотѣли свободы, а Бонапарте уничтожилъ ее.

Князь Андрей съ улыбкой посматривалъ то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку. Въ первую минуту выходки Пьера Анна Павловна ужаснулась, несмотря на свою привычку къ свѣту; но когда она увидѣла, что, несмотря на произнесенныя Пьеромъ святотатственныя рѣчи, виконтъ не выходилъ изъ себя, и когда она убѣдилась, что замять этихъ рѣчей уже нельзя, она собралась съ силами и, присоединившись къ виконту, напала на оратора.

— Mais, mon cher M. Pierre, — сказала Анна Павловна, — какъ же вы объясняете великаго человѣка, который могъ казнить герцога, наконецъ, просто человѣка, безъ суда и безъ вины?

— Я бы спросилъ,—сказалъ виконтъ,—какъ monsieur объясняетъ 18 брюмера. Развѣ это не обманъ? C'est un escamotage qui ne ressemble nullement à la manière d agir d'un grand homme [1]).

[1]) Это шулерство, вовсе не похожее на образъ дѣйствій великаго человѣка.

— А плѣнные въ Африкѣ, которыхъ онъ убилъ? — сказала маленькая княгиня.—Это ужасно!—И она пожала плечами.

— C'est un roturier, vous aurez beau dire [1]),—сказалъ князь Ипполитъ.

Мсье Пьеръ не зналъ, кому отвѣчать, оглянулъ всѣхъ и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, какая у другихъ людей, сливающаяся съ неулыбкой. У него, напротивъ, когда приходила улыбка, то вдругъ, мгновенно исчезало серьезное и даже нѣсколько угрюмое лицо и являлось другое — дѣтское, доброе, даже глуповатое и какъ бы просящее прощенія.

Виконту, который видѣлъ его въ первый разъ, стало ясно, что этотъ якобинецъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ его слова. Всѣ замолчали.

— Какъ вы хотите, чтобы онъ всѣмъ отвѣчалъ вдругъ? — сказалъ князь Андрей. — Притомъ надо въ поступкахъ государственнаго человѣка различать поступки частнаго лица, полководца или императора. Мнѣ такъ кажется.

— Да, да, разумѣется, — подхватилъ Пьеръ, обрадованный выступавшею ему подмогой.

— Нельзя не сознаться,—продолжалъ князь Андрей, — Наполеонъ, какъ человѣкъ, великъ на Аркольскомъ мосту, въ госпиталѣ въ Яффѣ, гдѣ онъ чумнымъ подаетъ руку, но... но есть другіе поступки, которые трудно оправдать.

Князь Андрей, видимо желавшій смягчить неловкость рѣчи Пьера, приподнялся, сбираясь ѣхать и подавая знакъ женѣ.

Вдругъ князь Ипполитъ поднялся и, знаками рукъ останавливая всѣхъ и прося присѣсть, заговорилъ:

— Ah! aujourd'hui on m'a raconté une anecdote moscovite, charmante; il faut que je vous en régale. Vous m'excusez, vicomte, il faut que je raconte en russe. Autrement on ne sentira pas le sel de l'histoire [2]).

И князь Ипполитъ началъ говорить по-русски такимъ выговоромъ, какимъ говорятъ французы, пробывшіе съ годъ въ Россіи. Всѣ пріостановились, — такъ оживленно, настоятельно требовалъ князь Ипполитъ вниманія къ своей исторіи.

— Въ Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупа. Ей нужно было имѣть два valets de pied за карета. И

---

[1]) Это проходимецъ, что бы вы ни говорили.

[2]) Сегодня мнѣ разсказали прелестный московскій анекдотъ; надо васъ имъ угостить. Извините, виконтъ, я буду разсказывать по-русски: иначе пропадетъ вся соль анекдота.

очень большой ростомъ. Это было ея вкусу. И она имѣла une femme de chambre, еще большой росту. Она сказала...

Тутъ князь Ипполитъ задумался, видимо съ трудомъ соображая.

— Она сказала... да, она сказала: «дѣвушка (à la femme de chambre), надѣнь livrée и поѣдемъ со мной, за карета, faire des visites».

Тутъ князь Ипполитъ фыркнулъ и захохоталъ гораздо прежде своихъ слушателей, что̀ произвело невыгодное для разсказчика впечатлѣніе. Однако многіе, и въ томъ числѣ пожилая дама и Анна Павловна, улыбнулись.

— Она поѣхала. Незапно сдѣлался сильный вѣтеръ. Дѣвушка потеряла шляпа, и длинны волоса расчесались...

Тутъ онъ не могъ уже болѣе держаться и сталъ отрывисто смѣяться и сквозь этотъ смѣхъ проговорилъ:

— И весь свѣтъ узналъ...

Тѣмъ анекдотъ и кончился. Хотя и непонятно было, для чего онъ его разсказываетъ и для чего его надо было разсказать непремѣнно по-русски, однако Анна Павловна и другіе оцѣнили свѣтскую любезность князя Ипполита, такъ пріятно закончившаго непріятную и нелюбезную выходку мсье Пьера. Разговоръ послѣ анекдота разсыпался на мелкіе, незначительные толки о будущемъ и прошедшемъ балѣ, спектаклѣ, о томъ, когда и гдѣ кто увидится.

VI.

Поблагодаривъ Анну Павловну за ея charmante soirée гости стали расходиться.

Пьеръ былъ неуклюжъ. Толстый, выше обыкновеннаго роста, широкій, съ огромными красными руками, онъ, какъ говорится, не умѣлъ войти въ салонъ и еще менѣе умѣлъ изъ него выйти, то-есть передъ выходомъ сказать что-нибудь особенно пріятное. Кромѣ того, онъ былъ разсѣянъ. Вставая, онъ вмѣсто своей шляпы захватилъ трехугольную шляпу съ генеральскимъ плюмажемъ и держалъ ее, дергая султанъ, до тѣхъ поръ, пока генералъ не попросилъ возвратить ее. Но вся его разсѣянность и неумѣніе войти въ салонъ и говорить въ немъ выкупались выраженіемъ добродушія, простоты и скромности. Анна Павловна повернулась къ нему и, съ христіанскою кротостью выражая прощеніе за его выходку, кивнула ему и сказала:

— Надѣюсь увидать васъ еще, но надѣюсь тоже, что вы перемѣните свои мнѣнія, мой милый мсье Пьеръ,—сказала она.

Когда она сказала ему это, онъ ничего не отвѣтилъ, только наклонился и показалъ всѣмъ еще разъ свою улыбку, которая ничего не говорила, развѣ только вотъ что: «Мнѣнія мнѣніями, а вы видите, какой я добрый и славный малый». И всѣ и Анна Павловна невольно почувствовали это.

Князь Андрей вышелъ въ переднюю и, подставивъ плечи лакею, накидывавшему ему плащъ, равнодушно прислушивался къ болтовнѣ своей жены съ княземъ Ипполитомъ, вышедшимъ тоже въ переднюю. Князь Ипполитъ стоялъ возлѣ хорошенькой беременной княгини и упорно смотрѣлъ прямо на нее въ лорнетъ.

— Идите, Annette вы простудитесь, — говорила маленькая княгиня, прощаясь съ Анной Павловной. — C'est arrêté [1]),—прибавила она тихо.

Анна Павловна уже успѣла переговорить съ Лизой о сватовствѣ, которое она затѣвала между Анатолемъ и золовкой маленькой княгини.

— Я надѣюсь на васъ, милый другъ, — сказала Анна Павловна тоже тихо,—вы напишете къ ней и скажете мнѣ, comment le père envisagera la chose. Au revoir [2]), — и она ушла изъ передней.

Князь Ипполитъ подошелъ къ маленькой княгинѣ и, близко наклоняя къ ней свое лицо, сталъ полушопотомъ что-то говорить ей.

Два лакея, одинъ княгининъ, другой его, дожидаясь, когда они кончатъ говорить, стояли съ шалью и рединготомъ и слушали ихъ, непонятный имъ, французскій говоръ съ такими лицами, какъ будто они понимали, что̀ говорится, но не хотѣли показывать этого. Княгиня, какъ всегда, говорила улыбаясь и слушала смѣясь.

— Я очень радъ, что не поѣхалъ къ посланнику, — говорилъ князь Ипполитъ:—скука... Прекрасный вечеръ, не правда ли, прекрасный?

— Говорятъ, что балъ будетъ очень хорошъ, — отвѣчала княгиня, вздергивая съ усиками губку. — Всѣ красивыя женщины общества будутъ тамъ.

— Не всѣ, потому что васъ тамъ не будетъ; не всѣ,— сказалъ князь Ипполитъ, — радостно смѣясь, и, схвативъ шаль у лакея, даже толкнулъ его и сталъ надѣвать ее на княгиню.

---

1) Рѣшено.
2) Какъ отецъ посмотритъ на дѣло. До свиданія.

Отъ неловкости или умышленно (никто бы не могъ разобрать этого) онъ долго не опускалъ рукъ, когда шаль уже была надѣта, и какъ будто обнималъ молодую женщину.

Она граціозно, но все улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа. У князя Андрея глаза были закрыты, — такъ онъ казался усталымъ и соннымъ.

— Вы готовы? — спросилъ онъ жену, обходя ее взглядомъ.

Князь Ипполитъ торопливо надѣлъ свой рединготъ, который у него, по-новому, былъ длиннѣе пятокъ, и, путаясь въ немъ, побѣжалъ на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживалъ въ карету.

— Princesse, au revoir! — кричалъ онъ, путаясь языкомъ такъ же, какъ и ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась въ темнотѣ кареты; мужъ ея оправлялъ саблю; князь Ипполитъ, подъ предлогомъ прислуживанія, мѣшалъ всѣмъ.

— Па-азвольте, сударь, — сухо-непріятно обратился князь Андрей по-русски къ князю Ипполиту, мѣшавшему ему пройти.

— Я тебя жду, Пьеръ, — ласково и нѣжно проговорилъ тотъ же голосъ князя Андрея.

Форейторъ тронулся, и карета загремѣла колесами. Князь Ипполитъ смѣялся отрывисто, стоя на крыльцѣ и дожидаясь виконта, котораго онъ обѣщалъ довезти до дому.

— Eh bien, mon cher, votre petite princesse est très bien, très bien,— сказалъ виконтъ, усѣвшись въ карету съ Ипполитомъ. — Mais très bien.— Онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ. Et tout-à-fait française [1]).

Ипполитъ, фыркнувъ, засмѣялся.

— Et savez-vous que vous êtes terrible avec votre petit air innocent, — продолжалъ виконтъ.— Je plains le pauvre mari, ce petit officier, qui se donne des airs de prince régnant [2]).

Ипполитъ фыркнулъ еще и сквозь смѣхъ проговорилъ:

— Et vous disiez que les dames russes ne valaient pas les dames françaises. Il faut savoir s'y prendre [3]).

---

[1]) Ну, мой дорогой, ваша маленькая княгиня очень мила! Очень мила и совершенная француженка.

[2]) А знаете ли, вы ужасный человѣкъ, несмотря на вашъ невинный видъ. Мнѣ жаль бѣднаго мужа, этого офицерика, который корчитъ изъ себя владѣтельную особу.

[3]) А вы говорили, что русскія дамы хуже французскихъ. Надо умѣть взяться.

Пьеръ, пріѣхавъ впередъ, какъ домашній человѣкъ, прошелъ въ кабинетъ князя Андрея и тотчасъ же, по привычкѣ, легъ на диванъ, взялъ первую попавшуюся съ полки книгу (это были Записки Цезаря) и принялся, облокотившись, читать ее изъ середины.

— Что ты сдѣлалъ съ m-lle Шереръ? Она теперь совсѣмъ заболѣетъ, — сказалъ, входя въ кабинетъ, князь Андрей, и потирая маленькія бѣлыя ручки.

Пьеръ поворотился всѣмъ тѣломъ, такъ что диванъ заскрипѣлъ, обернулъ оживленное лицо къ князю Андрею, улыбнулся и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, этотъ аббатъ очень интересенъ, но только не такъ понимаетъ дѣло... По-моему, вѣчный миръ возможенъ, но я не умѣю, какъ это сказать... Но только не политическимъ равновѣсіемъ...

Князь Андрей не интересовался, видимо, этими отвлеченными разговорами.

— Нельзя, mon cher, вездѣ все говорить, что только думаешь. Ну, что жъ, ты рѣшился, наконецъ, на что-нибудь? Кавалергардъ ты будешь или дипломатъ?—спросилъ князь Андрей послѣ минутнаго молчанія.

Пьеръ сѣлъ на диванъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Можете себѣ представить, я все еще не знаю. Ни то, ни другое мнѣ не нравится.

— Но вѣдь надо на что-нибудь рѣшиться! Отецъ твой ждетъ.

Пьеръ съ десятилѣтняго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за границу, гдѣ онъ пробылъ до двадцатилѣтняго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ отпустилъ аббата и сказалъ молодому человѣку: «Теперь ты поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись и выбирай. Я на все согласенъ. Вотъ тебѣ письмо къ князю Василію, и вотъ тебѣ деньги. Пиши обо всемъ, я тебѣ во всемъ помога». Пьеръ уже три мѣсяца выбиралъ карьеру и ничего не дѣлалъ. Про этотъ выборъ и говорилъ ему князь Андрей. Пьеръ потеръ себѣ лобъ.

— Но онъ масонъ долженъ быть, — сказалъ онъ, разумѣя аббата, котораго онъ видѣлъ на вечерѣ.

— Все это бредни,—остановилъ его опять князь Андрей.— Поговоримъ лучше о дѣлѣ. Былъ ты въ конной гвардіи?..

— Нѣтъ, не былъ, но вотъ что мнѣ пришло въ голову, и я хотѣлъ вамъ сказать. Теперь война противъ Наполеона. Ежели бы это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ... это нехорошо...

Князь Андрей только пожалъ плечами на дѣтскія рѣчи Пьера. Онъ сдѣлалъ видъ, что на такія глупости нельзя отвѣчать; но дѣйствительно на этотъ наивный вопросъ трудно было отвѣтить что-нибудь другое, чѣмъ то, что̀ отвѣтилъ князь Андрей.

— Ежели бы всѣ воевали только по своимъ убѣжденіямъ, войны бы не было, — сказалъ онъ.

— Это-то и было бы прекрасно,—сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей усмѣхнулся.

— Очень можетъ быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будетъ...

— Ну, для чего вы идете на войну?—спросилъ Пьеръ.

— Для чего? я не знаю. Такъ надо. Кромѣ того, я иду...— Онъ остановился. — Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь — не по мнѣ!

VII.

Въ сосѣдней комнатѣ зашумѣло женское платье. Какъ будто очнувшись, князь Андрей встряхнулся, и лицо его приняло то же выраженіе, какое оно имѣло въ гостиной Анны Павловны. Пьеръ спустилъ ноги съ дивана. Вошла княгиня. Она была уже въ другомъ, домашнемъ, но столь же элегантномъ и свѣжемъ платьѣ. Князь Андрей всталъ, учтиво подвигая ей кресло.

— Отчего, я часто думаю,—заговорила она, какъ всегда, по-французски, поспѣшно и хлопотливо усаживаясь въ кресло,— отчего Анетъ не вышла замужъ? Какъ вы всѣ глупы, messieurs, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете въ женщинахъ толку. Какой вы спорщикъ, мсье Пьеръ.

— Я и съ мужемъ вашимъ все спорю: не понимаю, зачѣмъ онъ хочетъ идти на войну,—сказалъ Пьеръ, безъ всякаго стѣсненія (столь обыкновеннаго въ отношеніяхъ молодого мужчины къ молодой женщинѣ) обращаясь къ княгинѣ.

Княгиня встрепенулась. Видимо, слова Пьера затронули ее за живое.

— Ахъ, вотъ я то же говорю!—сказала она.—Я не понимаю, рѣшительно не понимаю, отчего мужчины не могутъ жить безъ войны? Отчего мы, женщины, ничего не хотимъ, ничего намъ не нужно? Ну, вотъ вы будьте судьею. Я ему все говорю: здѣсь онъ адъютантъ у дяди, самое блестящее положеніе. Всѣ его такъ знаютъ, такъ цѣнятъ. На-дняхъ у Апраксиныхъ я слышала, какъ одна дама спрашиваетъ: «c'est ça le fameux prince André?» Ma parole d'honneur! (Она засмѣялась.) Онъ такъ вездѣ принятъ. Онъ очень легко можетъ быть и флигель-адъютантомъ.

Вы знаете, государь очень милостиво говорилъ съ нимъ. Мы съ Анетъ говорили, это очень легко было бы устроить. Какъ вы думаете?

Пьеръ посмотрѣлъ на князя Андрея и, замѣтивъ, что разговоръ этотъ не нравился его другу, ничего не отвѣчалъ.

— Когда вы ѣдете?—спросилъ онъ.

— Ah! ne me parlez pas de ce départ, ne m'en parlez pas. Je ne veux pas en entendre parler [1]),—заговорила княгиня такимъ капризно-игривымъ тономъ, какимъ она говорила съ Иппо-литомъ въ гостиной и который такъ, очевидно, не шелъ къ семейному кружку, гдѣ Пьеръ былъ какъ бы членомъ.—Сегодня, когда я подумала, что надо прервать всѣ эти дорогія отношенія... И потомъ, ты знаешь, André? (Она значительно мигнула мужу.) J'ai peur, j'ai peur! [2]) — прошептала она, содрогаясь спиною.

Мужъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ удивленъ, замѣтивъ, что кто-то еще, кромѣ его и Пьера, находился въ комнатѣ; и онъ съ холодною учтивостью вопросительно обратился къ женѣ:

— Чего ты боишься, Лиза? Я не могу понять,—сказалъ онъ.

— Вотъ какъ всѣ мужчины эгоисты; всѣ, всѣ эгоисты! Самъ изъ-за своихъ прихотей, Богъ знаетъ зачѣмъ, бросаетъ меня, запираетъ въ деревню одну.

— Съ отцомъ и сестрой, не забудь,—тихо сказалъ князь Андрей.

— Все равно одна, безъ *моихъ* друзей... И хочетъ, чтобы я не боялась.

Тонъ ея уже былъ ворчливый, губка поднялась, придавая лицу не радостное, а звѣрское, бѣличье выраженіе. Она замолчала, какъ будто находя неприличнымъ говорить при Пьерѣ про свою беременность, тогда какъ въ этомъ и состояла сущность дѣла.

— Все-таки я не понялъ de quoi vous avez peur [3]),—медлительно проговорилъ князь Андрей, не спуская глазъ съ жены.

Княгиня покраснѣла и отчаянно взмахнула руками.

— Non, André, je dis que vous aves tellement, tellement changé [4])...

— Твой докторъ велитъ тебѣ раньше ложиться,—сказалъ князь Андрей.—Ты бы шла спать.

---

[1]) Ахъ, не говорите мнѣ про этотъ отъѣздъ! Я не хочу про него слышать.

[2]) Мнѣ страшно! Мнѣ страшно!

[3]) Чего ты боишься?

[4]) Нѣтъ, Андрей, я говорю: ты такъ, такъ перемѣнился..

Княгиня ничего не сказала, и вдругъ короткая съ усиками губка задрожала; князь Андрей, вставъ и пожавъ плечами, прошелъ по комнатѣ.

Пьеръ удивленно и наивно смотрѣлъ черезъ очки то на него, то на княгиню и зашевелился, какъ будто онъ тоже хотѣлъ встать, но опять раздумывалъ.

— Что мнѣ за дѣло, что тутъ мсье Пьеръ, — вдругъ сказала маленькая княгиня, и хорошенькое лицо ея вдругъ распустилось въ слезливую гримасу. — Я тебѣ давно хотѣла сказать, André: за что ты ко мнѣ такъ перемѣнился? Что я тебѣ сдѣлала? Ты ѣдешь въ армію, ты меня не жалѣешь. За что?

— Lise! — только сказалъ князь Андрей.

Но въ этомъ словѣ были и просьба, и угроза, и, главное, увѣреніе въ томъ, что она сама раскается въ своихъ словахъ; но она торопливо продолжала:

— Ты обращаешься со мной какъ съ больною или съ ребенкомъ. Я все вижу. Развѣ ты такой былъ полгода назадъ?

— Lise, я прошу васъ перестать, — сказалъ князь Андрей еще выразительнѣе.

Пьеръ, все болѣе и болѣе приходившій въ волненіе во время этого разговора, всталъ и подошелъ къ княгинѣ. Онъ, казалось, не могъ переносить вида слезъ и самъ готовъ былъ заплакать.

— Успокойтесь, княгиня. Вамъ это такъ кажется, потому что, я васъ увѣряю, я самъ испыталъ... отчего... потому что... Нѣтъ, извините, чужой тутъ лишній... Нѣтъ, успокойтесь... Прощайте...

Князь Андрей остановилъ его за руку.

— Нѣтъ, постой, Пьеръ. Княгиня такъ добра, что не захочетъ лишить меня удовольствія провести съ тобою вечеръ.

— Нѣтъ, онъ только о себѣ думаетъ, — проговорила княгиня, не удерживая сердитыхъ слезъ.

— Lise, — сказалъ сухо князь Андрей, поднимая тонъ на ту степень, которая показываетъ, что терпѣніе истощено.

Вдругъ сердитое бѣличье выраженіе красиваго личика княгини замѣнилось привлекательнымъ и возбуждающимъ состраданіе выраженіемъ страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и на лицѣ ея показалось то робкое и признающееся выраженіе, какое бываетъ у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущеннымъ хвостомъ.

— Mon Dieu, mon Dieu! — проговорила княгиня и, подобравъ одною рукою складку платья, подошла къ мужу и поцѣловала его въ лобъ.

— Bonsoir, Lise, — сказалъ князь Андрей, вставая и учтиво, какъ у посторонней, цѣлуя руку.

VIII.

Друзья молчали. Ни тотъ, ни другой не начиналъ говорить. Пьеръ поглядывалъ на князя Андрея, князь Андрей потиралъ себѣ лобъ своею маленькою рукой.

— Пойдемъ ужинать, — сказалъ онъ со вздохомъ, вставая и направляясь къ двери.

Они вошли въ изящно, заново, богато отдѣланную столовую. Все, отъ салфетокъ до серебра, фаянса и хрусталя, носило на себѣ тотъ особенный отпечатокъ новизны, который бываетъ въ хозяйствѣ молодыхъ супруговъ. Въ серединѣ ужина князь Андрей облокотился и, какъ человѣкъ, давно имѣющій что-нибудь на сердцѣ и вдругъ рѣшающійся высказаться, съ выраженіемъ нервнаго раздраженія, въ какомъ Пьеръ никогда еще не видалъ своего пріятеля, началъ говорить:

— Никогда, никогда не женись, мой другъ; вотъ тебѣ мой совѣтъ: не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ее ясно; а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ, никуда негоднымъ... А то пропадетъ все, что въ тебѣ есть хорошаго и высокаго. Все истратится по мелочамъ. Да, да, да! Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь впереди, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идіотомъ... Да что!..

Онъ энергически махнулъ рукой.

Пьеръ снялъ очки, отчего лицо его измѣнилось, еще болѣе выказывая доброту, и удивленно глядѣлъ на друга.

— Моя жена, — продолжалъ князь Андрей, — прекрасная женщина. Это одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которою можно быть покойнымъ за свою честь; но, Боже мой, чего бы я ни далъ теперь, чтобы не быть женатымъ! Это я тебѣ одному и первому говорю, потому что я люблю тебя.

Князь Андрей, говоря это, былъ еще менѣе похожъ, чѣмъ прежде, на того Болконскаго, который развалившись сидѣлъ въ креслахъ Анны Павловны и сквозь зубы, щурясь говорилъ французскія фразы. Его сухое лицо все дрожало нервическимъ оживленіемъ каждаго мускула; глаза, въ которыхъ прежде казался потушеннымъ огонь жизни, теперь блестѣли лучистымъ, яркимъ

блескомъ. Видно было, что чѣмъ безжизненнѣе казался онъ въ обыкновенное время, тѣмъ энергичнѣе былъ онъ въ эти минуты почти болѣзненнаго раздраженія.

— Ты не понимаешь, отчего я это говорю, — продолжалъ онъ.—Вѣдь это цѣлая исторія жизни. Ты говоришь, Бонапарте и его карьера,—сказалъ онъ, хотя Пьеръ и не говорилъ про Бонапарте.—Ты говоришь Бонапарте; но Бонапарте, когда онъ работалъ, шагъ за шагомъ шелъ къ цѣли, онъ былъ свободенъ, у него ничего не было, кромѣ его цѣли,— и онъ достигъ ея. Но свяжи себя съ женщиной — и какъ скованный колодникъ, теряешь всякую свободу. И все, что́ есть въ тебѣ надеждъ и силъ, все только тяготитъ и раскаяніемъ мучитъ тебя. Гостиныя, сплетни, балы, тщеславіе, ничтожество — вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не гожусь. Je suis très aimable et très caustique,—продолжалъ князь Андрей,—и у Анны Павловны меня слушаютъ. И это глупое общество, безъ котораго не можетъ жить моя жена, и эти женщины... Ежели бы ты только могъ знать, что это такое toutes les femmes distinguées и вообще женщины! Отецъ мой правъ. Эгоизмъ, тщеславіе, тупоуміе, ничтожество во всемъ — вотъ женщины, когда показываются всѣ такъ, какъ онѣ есть. Посмотришь на нихъ въ свѣтѣ, кажется, что что-то есть, а ничего, ничего, ничего! Да, не женись, душа моя, не женись, — кончилъ князь Андрей.

— Мнѣ смѣшно,—сказалъ Пьеръ,—что *вы себя, вы себя* считаете неспособнымъ, свою жизнь—испорченною жизнью. У васъ все, все впереди. И вы...

Онъ не сказалъ, *что вы*, но уже тонъ его показывалъ, какъ высоко цѣнитъ онъ друга и какъ много ждетъ отъ него въ будущемъ.

«Какъ онъ можетъ это говорить!» думалъ Пьеръ. Пьеръ считалъ князя Андрея образцомъ всѣхъ совершенствъ именно оттого, что князь Андрей въ высшей степени соединялъ всѣ тѣ качества, которыхъ не было у Пьера и которыя ближе всего можно выразить понятіемъ — силы воли. Пьеръ всегда удивлялся способности князя Андрея спокойнаго обращенія со всякаго рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (онъ все читалъ, все зналъ, обо всемъ имѣлъ понятіе) и больше всего его способности работать и учиться. Ежели часто Пьера поражало въ Андреѣ отсутствіе способности мечтательнаго философствованія (къ чему особенно былъ склоненъ Пьеръ), то и въ этомъ онъ видѣлъ не недостатокъ, а силу.

Въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ и простыхъ отношеніяхъ лесть или похвала необходимы, какъ подмазка необходима для колесъ, чтобы они ѣхали.

— Je suis un homme fini,—сказалъ князь Андрей.—Что обо мнѣ говорить? Давай говорить о тебѣ,—сказалъ онъ, помолчавъ и улыбнувшись своимъ утѣшительнымъ мыслямъ.

Улыбка эта въ то же мгновеніе отразилась на лицѣ Пьера.

— А обо мнѣ что́ говорить?—сказалъ Пьеръ, распуская свой ротъ въ беззаботную, веселую улыбку.—Что я такое? Je suis un bâtard?—И онъ вдругъ багрово покраснѣлъ. Видно было, что онъ сдѣлалъ большое усиліе, чтобы сказать это.—Sans nom, sans fortune... И что жъ, право...—Но онъ не сказалъ, *что право.*—Я свободенъ пока, и мнѣ хорошо. Я только никакъ не знаю, что мнѣ начать. Я хотѣлъ серьезно посовѣтоваться съ вами.

Князь Андрей добрыми глазами смотрѣлъ на него. Но во взглядѣ его, дружескомъ, ласковомъ, все-таки выражалось сознаніе своего превосходства.

— Ты мнѣ дорогъ, особенно потому, что ты одинъ живой человѣкъ среди всего нашего свѣта. Тебѣ хорошо. Выбери, что хочешь; это все равно. Ты вездѣ будешь хорошъ, но одно: перестань ты ѣздить къ этимъ Курагинымъ, вести эту жизнь. Такъ это не идетъ тебѣ: всѣ эти кутежи, и гусарство, и все...

— Que voulez-vous, mon cher,— сказалъ Пьеръ, пожимая плечами,— les femmes, mon cher, les femmes!

— Не понимаю,—отвѣчалъ Андрей.— Les femmes comme il faut, это другое дѣло; но les femmes Курагина, les femmes et le vin, не понимаю!

Пьеръ жилъ у князя Василія Курагина и участвовалъ въ разгульной жизни его сына Анатоля, того самаго, котораго для исправленія собирались женить на сестрѣ князя Андрея.

— Знаете что,—сказалъ Пьеръ, какъ будто ему пришла неожиданно счастливая мысль:—серьезно, я давно это думалъ. Съ этою жизнью я ничего не могу ни рѣшить, ни обдумать. Голова болитъ, денегъ нѣтъ. Нынче онъ меня звалъ, я не поѣду.

— Дай мнѣ честное слово, что ты не будешь ѣздить!

— Честное слово!

IX.

Уже былъ второй часъ ночи, когда Пьеръ вышелъ отъ своего друга. Ночь была іюньская петербургская, безсумрачная ночь. Пьеръ сѣлъ въ извозчичью коляску, съ намѣреніемъ ѣхать до-

мой. Но чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ невозможность заснуть въ эту ночь, походившую болѣе на вечеръ или на утро. Далеко было видно по пустымъ улицамъ. Дорогой Пьеръ вспомнилъ, что у Анатоля Курагина нынче вечеромъ должно было собраться обычное игорное общество, послѣ котораго обыкновенно шла попойка, кончавшаяся однимъ изъ любимыхъ увеселеній Пьера.

«Хорошо бы было поѣхать къ Курагину», подумалъ онъ.

Но тотчасъ же онъ вспомнилъ данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина. Но тотчасъ же, какъ это бываетъ съ людьми, называемыми безхарактерными, ему такъ страстно захотѣлось еще разъ испытать эту столь знакомую ему безпутную жизнь, что онъ рѣшился ѣхать. И тотчасъ же ему пришла въ голову мысль, что данное слово ничего не значитъ, потому что еще прежде, чѣмъ князю Андрею, онъ далъ также князю Анатолю слово быть у него; наконецъ, онъ подумалъ, что всѣ эти честныя слова — такія условныя вещи, не имѣющія никакого опредѣленнаго смысла, особенно ежели сообразить, что, можетъ-быть, завтра же или онъ умретъ, или случится съ нимъ что-нибудь такое необыкновенное, что не будетъ уже ни честнаго, ни безчестнаго. Такого рода разсужденія, уничтожая всѣ его рѣшенія и предположенія, часто приходили къ Пьеру. Онъ поѣхалъ къ Курагину.

Подъѣхавъ къ крыльцу большого дома у конно-гвардейскихъ казармъ, въ которыхъ жилъ Анатоль, онъ поднялся на освѣщенное крыльцо, на лѣстницу и вошелъ въ отворенную дверь. Въ передней никого не было; валялись пустыя бутылки, плащи, калоши; пахло виномъ, слышался дальній говоръ и крикъ.

Игра и ужинъ уже кончились, но гости еще не разъѣзжались. Пьеръ скинулъ плащъ и вошелъ въ первую комнату, гдѣ стояли остатки ужина и одинъ лакей, думая, что его никто не видитъ, допивалъ тайкомъ недопитые стаканы. Изъ третьей комнаты слышались возня, хохотъ, крикъ знакомыхъ голосовъ и ревъ медвѣдя. Человѣкъ восемь молодыхъ людей толпились озабоченно около открытаго окна. Трое возились съ молодымъ медвѣдемъ, котораго одинъ таскалъ на цѣпи, пугая имъ другого.

— Держу за Стивенса сто! — кричалъ одинъ.

— Смотри не поддерживать! — кричалъ другой.

— Я за Долохова! — кричалъ третій. — Разними, Курагинъ.

— Ну, бросьте Мишку, тутъ пари.

— Однимъ духомъ, иначе проиграно! — кричалъ четвертый.

— Яковъ, давай бутылку, Яковъ! — кричалъ самъ хозяинъ, высокій красавецъ, стоявшій посреди толпы въ одной тонкой ру-

башкѣ, раскрытой на срединѣ груди.—Стойте, господа. Вотъ онъ, Петруша, милый другъ, — обратился онъ къ Пьеру.

Другой голосъ невысокаго человѣка, съ ясными голубыми глазами, особенно поражавшій среди этихъ всѣхъ пьяныхъ голосовъ своимъ трезвымъ выраженіемъ, закричалъ отъ окна: «иди сюда— разойми пари!» Это былъ Долоховъ, семеновскій офицеръ, извѣстный игрокъ и бретёръ, жившій вмѣстѣ съ Анатолемъ. Пьеръ улыбался, весело глядя вокругъ себя.

— Ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло?

— Стойте, онъ не пьянъ. Дай бутылку, — сказалъ Анатоль и, взявъ со стола стаканъ, подошелъ къ Пьеру.

— Прежде всего пей.

Пьеръ сталъ пить стаканъ за стаканомъ, исподлобья оглядывая пьяныхъ гостей, которые опять столпились у окна, и прислушиваясь къ ихъ говору. Анатоль наливалъ ему вино и разсказывалъ, что Долоховъ держитъ пари съ англичаниномъ Стивенсомъ, морякомъ, бывшимъ тутъ, въ томъ, что онъ, Долоховъ, выпьетъ бутылку рому, сидя на окнѣ третьяго этажа съ опущенными наружу ногами.

— Ну, пей же всю! — сказалъ Анатоль, подавая послѣдній стаканъ Пьеру, — а то не пущу!

— Нѣтъ, не хочу,—сказалъ Пьеръ, отталкивая Анатоля, и подошелъ къ окну.

Долоховъ держалъ за руку англичанина и ясно, отчетливо выговаривалъ условія пари, обращаясь преимущественно къ Анатолю и Пьеру.

Долоховъ былъ человѣкъ средняго роста, курчавый и съ свѣтлыми, голубыми глазами. Ему было лѣтъ двадцать пять. Онъ не носилъ усовъ, какъ и всѣ пѣхотные офицеры, и ротъ его, самая поразительная черта его лица, былъ весь виденъ. Линіи этого рта были замѣчательно тонко изогнуты. Въ серединѣ верхняя губа энергически опускалась на крѣпкую нижнюю острымъ клиномъ, и въ углахъ образовывалось постоянно что-то въ родѣ двухъ улыбокъ, по одной съ каждой стороны; и все вмѣстѣ, а особенно въ соединеніи съ твердымъ, наглымъ, умнымъ взглядомъ, составляло впечатлѣніе такое, что нельзя было не замѣтить этого лица. Долоховъ былъ небогатый человѣкъ, безъ всякихъ связей. И несмотря на то, что Анатоль проживалъ десятки тысячъ, Долоховъ жилъ съ нимъ и успѣлъ себя поставить такъ, что Анатоль и всѣ знавшіе ихъ уважали Долохова больше, чѣмъ Анатоля. Долоховъ игралъ во всѣ игры и почти всегда выигрывалъ. Сколько бы онъ ни пилъ, онъ никогда не терялъ ясности

головы. И Курагинъ и Долоховъ въ то время были знаменитостями въ мірѣ повѣсъ и кутилъ Петербурга.

Бутылка рому была принесена; раму, не пускавшую сѣсть на наружный откосъ окна, выламывали два лакея, видимо торопившіеся и робѣвшіе отъ совѣтовъ и криковъ окружавшихъ господъ.

Анатоль съ своимъ побѣдительнымъ видомъ подошелъ къ окну. Ему хотѣлось сломать что-нибудь. Онъ оттолкнулъ лакеевъ и потянулъ раму, но рама не сдавалась. Онъ разбилъ стекло.

— Ну-ка ты, силачъ, — обратился онъ къ Пьеру.

Пьеръ взялся за перекладины, потянулъ и съ трескомъ выворотилъ дубовую раму.

— Всю вонъ, а то подумаютъ, что я держусь, — сказалъ Долоховъ.

— Англичанинъ хвастаетъ... а?.. хорошо?.. — говорилъ Анатоль.

— Хорошо, — сказалъ Пьеръ, глядя на Долохова, который, взявъ въ руки бутылку рому, подходилъ къ окну, изъ котораго виднѣлся свѣтъ неба и сливавшихся на немъ утренней и вечерней зари.

Долоховъ съ бутылкой рому въ рукѣ вскочилъ на окно. «Слушать!» крикнулъ онъ, стоя на подоконникѣ и обращаясь въ комнату. Всѣ замолчали.

— Я держу пари (онъ говорилъ по-французски, чтобы его понялъ англичанинъ, и говорилъ не слишкомъ хорошо на этомъ языкѣ). Держу пари на пятьдесятъ имперіаловъ, хотите на сто? — прибавилъ онъ, обращаясь къ англичанину.

— Нѣтъ, пятьдесятъ, — сказалъ англичанинъ.

— Хорошо, на пятьдесятъ имперіаловъ, — что я выпью бутылку рому всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за окномъ, вотъ на этомъ мѣстѣ (онъ нагнулся и показалъ покатый выступъ стѣны за окномъ) и не держась ни за что... Такъ?..

— Очень хорошо, — сказалъ англичанинъ.

Анатоль повернулся къ англичанину и, взявъ его за пуговицу фрака и сверху глядя на него (англичанинъ былъ малъ ростомъ), началъ по-англійски повторять ему условія пари.

— Постой! — закричалъ Долоховъ, стуча бутылкой по окну, чтобъ обратить на себя вниманіе. — Постой, Курагинъ; слушайте. Если кто сдѣлаетъ то же, то я плачу сто имперіаловъ. Понимаете?

Англичанинъ кивнулъ головой, не давая никакъ разумѣть, намѣренъ ли онъ или нѣтъ принять это новое пари. Анатоль не отпускалъ англичанина и, несмотря на то, что тотъ, кивая,

давалъ знать, что онъ все понялъ, Анатоль переводилъ ему слова Долохова по-англійски. Молодой худощавый мальчикъ, лейбъ-гусаръ, проигравшійся въ этотъ вечеръ, взлѣзъ на окно, высунулся и посмотрѣлъ внизъ.

— У!.. у!.. у!.. — проговорилъ онъ, глядя за окно на камень тротуара.

— Смирно!—закричалъ Долоховъ и сдернулъ съ окна офицера, который, запутавшись шпорами, неловко спрыгнулъ въ комнату.

Поставивъ бутылку на подоконникъ, чтобы было удобно достать ее, Долоховъ осторожно и тихо полѣзъ въ окно. Спустивъ ноги и расперевшись обѣими руками въ края окна, онъ примѣрился, усѣлся, опустилъ руки, подвинулся направо, налѣво и досталъ бутылку. Анатоль принесъ двѣ свѣчки и поставилъ ихъ на подоконникъ, хотя было уже совсѣмъ свѣтло. Спина Долохова въ бѣлой рубашкѣ и курчавая голова его были освѣщены съ обѣихъ сторонъ. Всѣ столпились у окна. Англичанинъ стоялъ впереди. Пьеръ улыбался и ничего не говорилъ. Одинъ изъ присутствующихъ, постарше другихъ, съ испуганнымъ и сердитымъ лицомъ вдругъ продвинулся впередъ и хотѣлъ схватить Долохова за рубашку.

— Господа, это глупости; онъ убьется до смерти, — сказалъ этотъ болѣе благоразумный человѣкъ.

Анатоль остановилъ его:

— Не трогай, ты его испугаешь, онъ убьется. А?.. Что тогда?.. А?..

Долоховъ обернулся, поправляясь и опять расперевшись руками.

— Ежели кто ко мнѣ еще будетъ соваться, — сказалъ онъ, рѣдко пропуская слова сквозь стиснутыя и тонкія губы, — я того сейчасъ спущу вотъ сюда. Ну!..

Сказавъ «ну!», онъ повернулся опять, отпустилъ руки, взялъ бутылку и поднесъ ко рту, закинулъ назадъ голову и вскинулъ кверху свободную руку для перевѣса. Одинъ изъ лакеевъ, начавшій подбирать стекла, остановился въ согнутомъ положеніи, не спуская глазъ съ окна и спины Долохова. Анатоль стоялъ прямо, разинувъ глаза. Англичанинъ, выпятивъ губы, смотрѣлъ сбоку. Тотъ, который останавливалъ, убѣжалъ въ уголъ комнаты и легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ. Пьеръ закрылъ лицо, и слабая улыбка, забывшись, осталась на его лицѣ, хотъ оно теперь выражало ужасъ и страхъ. Всѣ молчали. Пьеръ отнялъ отъ глазъ руки: Долоховъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи, только голова загнулась назадъ, такъ что курчавые волосы затылка прикасались къ воротнику рубахи и рука съ

бутылкой поднималась все выше и выше, содрогаясь и дѣлая усилiе. Бутылка, видимо, опорожнялась и съ тѣмъ вмѣстѣ поднималась, загибая голову. «Что же это такъ долго?» подумалъ Пьеръ. Ему казалось, что прошло больше получаса. Вдругъ Долоховъ сдѣлалъ движенiе назадъ спиной, и рука его нервически задрожала; этого содроганiя было достаточно, чтобы сдвинуть все тѣло, сидѣвшее на покатомъ откосѣ. Онъ сдвинулся весь, и еще сильнѣе задрожали, дѣлая усилiе, рука и голова его. Одна рука поднялась, чтобы схватиться за подоконникъ, но опять опустилась. Пьеръ опять закрылъ глаза и сказалъ себѣ, что никогда ужъ не откроетъ ихъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что все вокругъ зашевелилось. Онъ взглянулъ: Долоховъ стоялъ на подоконникѣ, лицо его было блѣдно и весело.

— Пуста!

Онъ кинулъ бутылку англичанину, который ловко поймалъ ее. Долоховъ спрыгнулъ съ окна. Отъ него сильно пахло ромомъ.

— Отлично! Молодцомъ! Вотъ такъ пари! Чортъ васъ возьми совсѣмъ! — кричали съ разныхъ сторонъ.

Англичанинъ, доставъ кошелекъ, отсчитывалъ деньги. Долоховъ жмурился и молчалъ. Пьеръ вскочилъ на окно.

— Господа! Кто хочетъ со мною пари? Я то же сдѣлаю! — вдругъ крикнулъ онъ. — И пари не нужно, вотъ что. Вели дать бутылку. Я сдѣлаю... вели дать.

— Пускай, пускай! — сказалъ Долоховъ улыбаясь.

— Что ты? съ ума сошелъ? Кто тебя пуститъ? У тебя и на лѣстницѣ голова кружится, — заговорили съ разныхъ сторонъ.

— Я выпью, давай бутылку рому! — закричалъ Пьеръ, рѣшительнымъ и пьянымъ жестомъ ударяя по столу, и полѣзъ въ окно.

Его схватили за руки; но онъ былъ такъ силенъ, что далеко оттолкнулъ того, кто приблизился къ нему.

— Нѣтъ, его такъ не уломаешь ни за что, — говорилъ Анатоль, — постойте, я его обману. Послушай, я съ тобой держу пари, но завтра, а теперь мы всѣ ѣдемъ къ ***.

— Ѣдемъ, — закричалъ Пьеръ, — ѣдемъ!.. И Мишку съ собой беремъ.

И онъ ухватилъ медвѣдя и, обнявъ и поднявъ его, сталъ кружиться съ нимъ по комнатѣ.

X.

Князь Василiй исполнилъ обѣщанiе, данное на вечерѣ у Анны Павловны княгинѣ Друбецкой, просившей его о своемъ единственномъ сынѣ Борисѣ. О немъ было доложено государю,

и, не въ примѣръ другимъ, онъ былъ переведенъ въ гвардію Семеновскаго полка прапорщикомъ. Но адъютантомъ или состоящимъ при Кутузовѣ Борисъ такъ и не былъ назначенъ, несмотря на всѣ хлопоты и происки Анны Михайловны. Вскорѣ послѣ вечера Анны Павловны Анна Михайловна вернулась въ Москву, прямо къ своимъ богатымъ родственникамъ Ростовымъ, у которыхъ она стояла въ Москвѣ и у которыхъ съ дѣтства воспитывался и годами живалъ ея обожаемый Боренька, только что произведенный въ армейскіе и тотчасъ же переведенный въ гвардейскіе прапорщики. Гвардія уже вышла изъ Петербурга 10-го августа, и сынъ, оставшійся для обмундированія въ Москвѣ, долженъ былъ догнать ее по дорогѣ въ Радзивиловъ.

У Ростовыхъ были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Съ утра, не переставая, подъѣзжали и отъѣзжали цуги, подвозившіе поздравителей къ большому, всей Москвѣ извѣстному дому графини Ростовой на Поварской. Графиня съ красивой старшей дочерью и гостями, не перестававшими смѣнять одинъ другого, сидѣли въ гостиной.

Графиня была женщина съ восточнымъ типомъ худого лица, лѣтъ сорока пяти, видимо изнуренная дѣтьми, которыхъ у ней было двѣнадцать человѣкъ. Медлительность ея движеній и говора, происходившая отъ слабости силъ, придавала ей значительный видъ, внушавшій уваженіе. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая, какъ домашній человѣкъ, сидѣла тутъ же, помогая въ дѣлѣ принимания и занимания разговоромъ гостей. Молодежь была въ заднихъ комнатахъ, не находя нужнымъ участвовать въ пріемѣ визитовъ. Графъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, приглашая всѣхъ къ обѣду.

«Очень, очень вамъ благодаренъ, ma chère или mon cher (ma chère или mon cher онъ говорилъ всѣмъ безъ исключенія, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ, какъ выше, такъ и ниже его стоявшимъ людямъ), за себя и за дорогихъ именинницъ. Смотрите же, пріѣзжайте обѣдать. Вы меня обидите, mon cher. Душевно прошу васъ отъ всего семейства, ma chère». Эти слова съ одинакимъ выраженіемъ на полномъ, веселомъ и чисто выбритомъ лицѣ и съ одинаково крѣпкимъ пожатіемъ руки и повторяемыми короткими поклонами говорилъ онъ всѣмъ безъ исключенія и измѣненія. Проводивъ одного гостя, графъ возвращался къ тому или той, которые еще были въ гостиной; придвинувъ кресла и съ видомъ человѣка, любящаго и умѣющаго пожить, молодецки разставивъ ноги и положивъ на колѣни руки, онъ значительно покачивался, предлагалъ догадки о погодѣ, совѣтовался о здоровьѣ, иногда на русскомъ, иногда на очень дурномъ, но само-

увѣренномъ французскомъ языкѣ, и снова съ видомъ усталаго, но твердаго въ исполненіи обязанности человѣка шелъ провожать, оправляя рѣдкіе сѣдые волосы на лысинѣ, и опять звалъ обѣдать. Иногда, возвращаясь изъ передней, онъ заходилъ черезъ цвѣточную и офиціантскую въ большую мраморную залу, гдѣ накрывали столъ на восемьдесятъ кувертовъ, и, глядя на офиціантовъ, носившихъ серебро и фарфоръ, разставлявшихъ столы и развертывавшихъ камчатныя скатерти, подзывалъ къ себѣ Дмитрія Васильевича, дворянина, занимавшагося всѣми его дѣлами, и говорилъ: «Ну, ну, Митенька, смотри, чтобъ все было хорошо. Такъ, такъ», говорилъ онъ, съ удовольствіемъ оглядывая огромный раздвинутый столъ. «Главное—сервировка. То-то»... И онъ уходилъ, самодовольно вздыхая, опять въ гостиную.

— Марья Львовна Карагина съ дочерью! — басомъ доложилъ огромный графининъ выѣздной лакей, входя въ двери гостиной. Графиня подумала и понюхала изъ золотой табакерки съ портретомъ мужа.

— Замучили меня эти визиты, — сказала она. — Ну, ужъ ее послѣднюю приму. Чопорна очень. Проси, — сказала она лакею грустнымъ голосомъ, какъ будто говорила: «ну, ужъ добивайте!»

Высокая, полная, съ гордымъ видомъ дама съ круглолицей, улыбающейся дочкой, шумя платьями, вошли въ гостиную.

«Chère comtesse, il y a si longtemps... elle a été alitée la pauvre enfant... au bal des Razoumowsky... et la comtesse Apraksine... j'ai été si heureuse...» послышались оживленные женскіе голоса, перебивая одинъ другой и сливаясь съ шумомъ платьевъ и передвиганіемъ стульевъ. Начался тотъ разговоръ, который затѣваютъ ровно настолько, чтобы при первой паузѣ встать, зашумѣть платьями, проговорить: «Je suis bien charmée; la santé de maman... et la comtesse Apraksine», и, опять зашумѣвъ платьями, пройти въ переднюю, надѣть шубу или плащъ и уѣхать. Разговоръ зашелъ о главной городской новости того времени—о болѣзни извѣстнаго богача и красавца Екатерининскаго времени стараго графа Безухова и о его незаконномъ сынѣ Петрѣ, который такъ неприлично велъ себя на вечерѣ у Анны Павловны Шереръ.

— Я очень жалѣю бѣднаго графа, — проговорила гостья: — здоровье его и такъ плохо, а теперь это огорченье отъ сына, это его убьетъ!

— Что такое? — спросила графиня, какъ будто не зная, о чемъ говоритъ гостья, хотя она разъ пятнадцать уже слышала причину огорченія графа Безухова.

— Вотъ нынѣшнее воспитаніе! Еще за границей, — проговорила гостья, — этотъ молодой человѣкъ предоставленъ былъ самому себѣ, и теперь въ Петербургѣ, говорятъ, онъ такіе ужасы надѣлалъ, что его съ полиціей выслали оттуда.

— Скажите! — сказала графиня.

— Онъ дурно выбиралъ свои знакомства, — вмѣшалась княгиня Анна Михайловна. — Сынъ князя Василія, онъ и одинъ Долоховъ, они, говорятъ, Богъ знаетъ что дѣлали. И оба пострадали. Долоховъ разжалованъ въ солдаты, а сынъ Безухова высланъ въ Москву. Анатоля Курагина — того отецъ какъ-то замялъ. Но выслали-таки изъ Петербурга.

— Да что бишь они сдѣлали? — спросила графиня.

— Это совершенные разбойники, особенно Долоховъ, — говорила гостья. — Онъ сынъ Маріи Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы, и что же? можете себѣ представить: они втроемъ достали гдѣ-то медвѣдя, посадили съ собой въ карету и повезли къ актрисамъ. Прибѣжала полиція ихъ унимать. Они поймали квартальнаго и привязали его спина со спиной къ медвѣдю и пустили медвѣдя въ Мойку; медвѣдь плаваетъ, а квартальный на немъ.

— Хороша, ma chère, фигура квартальнаго! — закричалъ графъ, помирая со смѣху.

— Ахъ, ужасъ какой! Чему тутъ смѣяться, графъ?

Но дамы невольно смѣялись и сами.

— Насилу спасли этого несчастнаго,—продолжала гостья.— И это сынъ графа Кирилла Владиміровича Безухова такъ умно забавляется!—прибавила она.—А говорили, что такъ хорошо воспитанъ и уменъ. Вотъ все воспитаніе заграничное куда довело. Надѣюсь, что здѣсь его никто не приметъ, несмотря на его богатство. Мнѣ хотѣли его представить. Я рѣшительно отказалась: у меня дочери.

— Отчего вы говорите, что этотъ молодой человѣкъ такъ богатъ? — спросила графиня, нагибаясь отъ дѣвицъ, которыя тотчасъ же сдѣлали видъ, что не слушаютъ. — Вѣдь у него только незаконныя дѣти. Кажется... и Пьеръ незаконный.

Гостья махнула рукой.

— У него ихъ двадцать незаконныхъ, я думаю.

Княгиня Анна Михайловна вмѣшалась въ разговоръ, видимо желая выказать свои связи и свое знаніе всѣхъ свѣтскихъ обстоятельствъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — сказала она значительно и тоже полушопотомъ. — Репутація графа Кирилла Владиміровича из-

вѣстна... Дѣтямъ своимъ онъ и счетъ потерялъ, но этотъ Пьеръ любимый былъ.

— Какъ старикъ былъ хорошъ, — сказала графиня, — еще прошлаго года! Красивѣе мужчины я не видывала.

— Теперь очень перемѣнился, — сказала Анна Михайловна.— Такъ я хотѣла сказать, — продолжала она: — по женѣ прямой наслѣдникъ всего имѣнія князь Василій, но Пьера отецъ очень любилъ, занимался его воспитаніемъ и писалъ государю... такъ что никто не знаетъ, ежели онъ умретъ (онъ такъ плохъ, что этого ждутъ каждую минуту, и Lorrain пріѣхалъ изъ Петербурга), кому достанется это огромное состояніе: Пьеру или князю Василію. Сорокъ тысячъ душъ и милліоны. Я это очень хорошо знаю, потому что мнѣ самъ князь Василій это говорилъ. Да и Кириллъ Владиміровичъ мнѣ приходится троюроднымъ дядей по матери. Онъ и крестилъ Борю, — прибавила она, какъ будто не приписывая этому обстоятельству никакого значенія.

— Князь Василій пріѣхалъ въ Москву вчера. Онъ ѣдетъ на ревизію, мнѣ говорили, — сказала гостья.

— Да, но, entre nous, — сказала княгиня,—это предлогъ; онъ пріѣхалъ собственно къ графу Кириллу Владиміровичу, узнавъ, что онъ такъ плохъ.

— Однако, ma chère, это славная штука, — сказалъ графъ и, замѣтивъ, что старшая гостья его не слушала, обратился уже къ барышнямъ: — Хороша фигура была у квартальнаго, я воображаю.

И онъ, представивъ, какъ махалъ руками квартальный, опять захохоталъ звучнымъ и басистымъ смѣхомъ, колебавшимъ все его полное тѣло, какъ смѣются люди, всегда хорошо ѣвшіе и особенно пившіе. «Такъ, пожалуйста же, обѣдать къ намъ», сказалъ онъ.

XI.

Наступило молчаніе. Графиня глядѣла на гостью, пріятно улыбаясь, впрочемъ не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостья поднимется и уѣдетъ. Дочь гостьи уже оправляла платье, вопросительно глядя на мать, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышался бѣгъ къ двери нѣсколькихъ мужскихъ и женскихъ ногъ, грохотъ зацѣпленнаго и повалennаго стула, и въ комнату вбѣжала тринадцатилѣтняя дѣвочка, запахнувъ что-то короткою кисейною юбкою, и остановилась посрединѣ комнаты. Очевидно было, она нечаянно, съ неразсчитаннаго бѣга, заскочила такъ далеко. Въ дверяхъ въ ту же

минуту показались студентъ съ малиновымъ воротникомъ, гвардейскій офицеръ, пятнадцатилѣтняя дѣвочка и толстый румяный мальчикъ въ дѣтской курточкѣ.

Графъ вскочилъ и, раскачиваясь, широко разставилъ руки вокругъ бѣжавшей дѣвочки.

— А, вотъ она! — смѣясь закричалъ онъ. — Именинница! Ma chère именинница!

— Ma chère, il y a un temps pour tout [1]), — сказала графиня, притворяясь строгою. — Ты ее все балуешь, Elie, — прибавила она мужу.

— Bonjour, ma chère, je vous félicite [2]), — сказала гостья. — Quelle délicieuse enfant! [3]) — прибавила она, обращаясь къ матери.

Черноглазая, съ большимъ ртомъ, некрасивая, но живая дѣвочка, съ своими дѣтскими, открытыми плечиками, которыя, сжимаясь, двигались въ своемъ корсажѣ отъ быстраго бѣга, съ своими сбившимися назадъ черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками въ кружевныхъ панталончикахъ и открытыхъ башмачкахъ, была въ томъ миломъ возрастѣ, когда дѣвочка уже не ребенокъ, а ребенокъ еще не дѣвушка. Вывернувшись отъ отца, она подбѣжала къ матери и, не обращая никакого вниманія на ея строгое замѣчаніе, спрятала свое раскраснѣвшееся лицо въ кружевахъ материной мантильи и засмѣялась. Она смѣялась чему-то, толкуя отрывисто про куклу, которую вынула изъ-подъ юбочки.

— Видите?.. Кукла... Мими... Видите.

И Наташа не могла больше говорить (ей все смѣшно казалось). Она упала на мать и расхохоталась такъ громко и звонко, что всѣ, даже чопорная гостья, противъ воли засмѣялись.

— Ну, поди, поди съ своимъ уродомъ! — сказала мать, притворно-сердито отталкивая дочь. — Это моя меньшая, — обратилась она къ гостьѣ.

Наташа, оторвавъ на минуту лицо отъ кружевной косынки матери, взглянула на нее снизу сквозь слезы смѣха и опять спрятала лицо.

Гостья, принужденная любоваться семейною сценой, сочла нужнымъ принять въ ней какое-нибудь участіе.

— Скажите, моя милая, — сказала она, обращаясь къ Наташѣ, — какъ же вамъ приходится эта Мими? Дочь, вѣрно?

---

[1]) Милая, на все есть время.
[2]) Здравствуйте, моя милая, поздравляю васъ.
[3]) Какое прелестное дитя!

Наташѣ не понравился тонъ снисхожденія до дѣтскаго разговора, съ которымъ гостья обратилась къ ней. Она ничего не отвѣтила и серьезно посмотрѣла на гостью.

Между тѣмъ все это молодое поколѣніе: Борисъ — офицеръ, сынъ княгини Анны Михайловны, Николай — студентъ, старшій сынъ графа, Соня—пятнадцатилѣтняя племянница графа, и маленькій Петруша—меньшой сынъ, всѣ размѣстились въ гостиной и, видимо, старались удержать въ границахъ приличія оживленіе и веселость, которыми еще дышала каждая ихъ черта. Видно было, что тамъ, въ заднихъ комнатахъ, откуда они всѣ такъ стремительно прибѣжали, у нихъ были разговоры веселѣе, чѣмъ здѣсь о городскихъ сплетняхъ, погодѣ и comtesse Apraksine. Изрѣдка они взглядывали другъ на друга и едва удерживались отъ смѣха.

Два молодые человѣка, студентъ и офицеръ, друзья съ дѣтства, были однихъ лѣтъ и оба красивы, но не похожи другъ на друга. Борисъ былъ высокій бѣлокурый юноша съ правильными тонкими чертами спокойнаго и красиваго лица; Николай былъ невысокій курчавый молодой человѣкъ съ открытымъ выраженіемъ лица. На верхней губѣ его уже показывались черные волосики, и во всемъ лицѣ выражались стремительность и восторженность. Николай покраснѣлъ, какъ только вошелъ въ гостиную. Видно было, что онъ искалъ и не находилъ, что сказать; Борисъ, напротивъ, тотчасъ же нашелся и разсказалъ спокойно, шутливо, какъ эту Мими-куклу онъ зналъ еще молодою дѣвицей съ неиспорченнымъ еще носомъ, какъ она въ пять лѣтъ на его памяти состарѣлась и какъ у ней по всему черепу треснула голова. Сказавъ это, онъ взглянулъ на Наташу. Наташа отвернулась отъ него, взглянула на младшаго брата, который, зажмурившись, трясся отъ беззвучнаго смѣха, и, не въ силахъ болѣе удерживаться, прыгнула и побѣжала изъ комнаты такъ скоро, какъ только могли нести ее быстрыя ножки. Борисъ не разсмѣялся.

— Вы, кажется, тоже хотѣли ѣхать, maman! Карета нужна? — сказалъ онъ, съ улыбкой обращаясь къ матери.

— Да, поди, поди, вели приготовить,—сказала она улыбаясь.

Борисъ вышелъ тихо въ двери и пошелъ за Наташей; толстый мальчикъ сердито побѣжалъ за ними, какъ будто досадуя на разстройство происшедшее въ его занятіяхъ.

XII.

Изъ молодежи, не считая старшей дочери графини (которая была четырьмя годами старше сестры и держала себя уже какъ большая) и гостьи-барышни, въ гостиной остались Николай и

Соня, племянница. Соня была тоненькая, миніатюрненькая брюнетка съ мягкимъ, отѣненнымъ длинными рѣсницами взглядомъ, густой черной косой, два раза обвившей ея голову, и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на лицѣ и въ особенности на обнаженныхъ худощавыхъ, но граціозныхъ мускулистыхъ рукахъ и шеѣ. Плавностью движеній, мягкостью и гибкостью маленькихъ членовъ и нѣсколько хитрою и сдержанною манерой она напоминала красиваго, но еще не сформировавшагося котенка, который будетъ прелестной кошечкой. Она, видимо, считала приличнымъ выказывать улыбкой участіе къ общему разговору; но противъ воли ея глаза изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ смотрѣли на уѣзжающаго въ армію cousin, съ такимъ дѣвическимъ страстнымъ обожаніемъ, что улыбка ея не могла ни на мгновеніе обмануть никого, и видно было, что кошечка присѣла только для того, чтобъ еще энергичнѣе прыгнуть и заиграть съ своимъ cousin, какъ скоро только они такъ же, какъ Борисъ съ Наташей, выберутся изъ этой гостиной.

— Да, ma chère, — сказалъ старый графъ, обращаясь къ гостьѣ и указывая на своего Николая. — Вотъ его другъ Борисъ произведенъ въ офицеры, и онъ изъ дружбы не хочетъ отставать отъ него; бросаетъ и университетъ и меня, старика: идетъ въ военную службу, ma chère. А ужъ ему мѣсто въ архивѣ было готово, и все. Вотъ дружба-то? — сказалъ графъ вопросительно.

— Да вѣдь война, говорятъ, объявлена, — сказала гостья.

— Давно говорятъ, — сказалъ графъ. — Опять поговорятъ, поговорятъ, да такъ и оставятъ. Ma chère, вотъ дружба-то! — повторилъ онъ. — Онъ идетъ въ гусары.

Гостья, не зная, что сказать, покачала головой.

— Совсѣмъ не изъ дружбы, — отвѣчалъ Николай, вспыхнувъ и отворачиваясь какъ будто отъ постыднаго на него наклепа. — Совсѣмъ не дружба, а просто чувствую призваніе къ военной службѣ.

Онъ оглянулся на кузину и на гостью-барышню: обѣ смотрѣли на него съ улыбкой одобренія.

— Нынче обѣдаетъ у насъ Шубертъ, полковникъ Павлоградскаго гусарскаго полка. Онъ былъ въ отпуску здѣсь и беретъ его съ собой. Что дѣлать? — сказалъ графъ, пожимая плечами и говоря шуточно о дѣлѣ, которое, видимо, стоило ему много горя.

— Я ужъ вамъ говорилъ, папенька, — сказалъ сынъ, — что ежели вамъ не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что я никуда не гожусь, кромѣ какъ въ военную службу; я не дипломатъ, не чиновникъ, не умѣю скрывать того, что чувствую, —

говорилъ онъ, все поглядывая съ кокетствомъ красивой молодости на Соню и гостью-барышню.

Кошечка, впиваясь въ него глазами, казалась каждую секунду готовою заиграть и выказать всю свою кошачью натуру.

— Ну, ну, хорошо! — сказалъ старый графъ: — все горячится. Все Бонапарте всѣмъ голову вскружилъ; всѣ думаютъ, какъ это онъ изъ поручиковъ попалъ въ императоры. Что жъ, дай Богъ, — прибавилъ онъ, не замѣчая насмѣшливой улыбки гостьи.

Большіе заговорили о Бонапарте. Жюли, дочь Карагиной, обратилась къ молодому Ростову:

— Какъ жаль, что васъ не было въ четвергъ у Архаровыхъ. Мнѣ скучно было безъ васъ, — сказала она, нѣжно улыбаясь ему.

Польщенный молодой человѣкъ съ кокетливой улыбкой молодости ближе пересѣлъ къ ней и вступилъ съ улыбающейся Жюли въ отдѣльный разговоръ, совсѣмъ не замѣчая того, что эта его небольная улыбка ножомъ ревности рѣзала сердце краснѣвшей и притворно улыбавшейся Сони. Въ серединѣ разговора онъ оглянулся на нее. Соня страстно-озлобленно взглянула на него и, едва удерживая на глазахъ слезы, а на губахъ притворную улыбку, встала и вышла изъ комнаты. Все оживленіе Николая исчезло. Онъ выждалъ первый перерывъ разговора и съ разстроеннымъ лицомъ вышелъ изъ комнаты отыскивать Соню.

— Какъ секреты-то этой всей молодежи шиты бѣлыми нитками! — сказала Анна Михайловна, указывая на выходящаго Николая. — Cousinage dangereux voisinage [1]), — прибавила она.

— Да, — сказала графиня, послѣ того какъ лучъ солнца, проникнувшій въ гостиную вмѣстѣ съ этимъ молодымъ поколѣніемъ, исчезъ, и какъ будто отвѣчая на вопросъ, котораго никто ей не дѣлалъ, но который постоянно занималъ ее, — сколько страданій, сколько безпокойствъ перенесено за то, чтобы теперь на нихъ радоваться! А и теперь, право, больше страха, чѣмъ радости. Все боишься, все боишься! Именно тотъ возрастъ, въ которомъ такъ много опасностей и для дѣвочекъ и для мальчиковъ.

— Все отъ воспитанія зависитъ, — сказала гостья.

— Да, ваша правда, — продолжала графиня. — До сихъ поръ я была, слава Богу, другомъ своихъ дѣтей и пользуюсь полнымъ ихъ довѣріемъ, — говорила графиня, повторяя заблужденіе многихъ родителей, полагающихъ, что у дѣтей ихъ нѣтъ тайнъ отъ нихъ. — Я знаю, что я всегда буду первою confidente мо-

---

[1]) Опасное сосѣдство — двоюродные братцы и сестрицы.

ихъ дочерей и что Николенька, по своему пылкому характеру, ежели будетъ шалить (мальчику нельзя безъ этого), то все не такъ, какъ эти петербургскіе господа.

— Да, славные, славные ребята,—подтвердилъ графъ, всегда разрѣшавшій запутанные для него вопросы тѣмъ, что все находилъ славнымъ. — Вотъ подите, захотѣлъ въ гусары! Что вы хотите, ma chère!

— Какое милое существо ваша меньшая, — сказала гостья. — Порохъ.

— Да, порохъ! — сказалъ графъ. — Въ меня пошла! И какой голосъ: хоть и моя дочь, а я правду скажу, пѣвица будетъ, Саломони другая. Мы взяли итальянца ее учить.

— Не рано ли? Говорятъ, вредно для голоса учиться въ эту пору.

— О, нѣтъ, какой рано! — сказалъ графъ. — Какъ же наши матери выходили въ двѣнадцать-тринадцать лѣтъ замужъ?

— Ужъ она и теперь влюблена въ Бориса! Какова?—сказала графиня, тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса, и, видимо отвѣчая на мысль, всегда ее занимавшую, продолжала:—Ну, вотъ видите, держи я ее строго, запрещай я ей... Богъ знаетъ, что бы они дѣлали потихоньку (графиня разумѣла: они цѣловались бы), а теперь я знаю каждое ея слово. Она сама вечеромъ прибѣжитъ и все мнѣ разскажетъ. Можетъ-быть, я балую ее; но, право, это, кажется, лучше. Я старшую держала строго.

— Да, меня совсѣмъ иначе воспитывали, — сказала старшая, красивая графиня Вѣра, улыбаясь.

Но улыбка не украсила лица Вѣры, какъ это обыкновенно бываетъ; напротивъ, лицо ея стало неестественно и оттого непріятно. Старшая, Вѣра, была хороша, была не глупа, училась прекрасно, была хорошо воспитана, голосъ у нея былъ пріятный, то, что она сказала, было справедливо и умѣстно; но, странное дѣло, всѣ и гостья и графиня оглянулись на нее, какъ будто удивились, зачѣмъ она это сказала, и почувствовали неловкость.

— Всегда съ старшими дѣтьми мудрятъ, хотятъ сдѣлать что-нибудь необыкновенное, — сказала гостья.

— Что грѣха таить, ma chère! Графинюшка мудрила съ Вѣрой, — сказалъ графъ. — Ну, да что жъ! все-таки славная вышла, — прибавилъ онъ, одобрительно подмигивая Вѣрѣ.

Гостьи встали и уѣхали, обѣщаясь пріѣхать къ обѣду.

— Что за манера! Ужъ сидѣли, сидѣли! — сказала графиня, проводя гостей.

XIII.

Когда Наташа вышла изъ гостиной и побѣжала, она добѣжала только до цвѣточной. Въ этой комнатѣ она остановилась, прислушиваясь къ говору въ гостиной и ожидая выхода Бориса. Она уже начинала приходить въ нетерпѣніе и, топнувъ ножкой, сбиралась было заплакать оттого, что онъ не сейчасъ шелъ, когда заслышались не тихіе, не быстрые, приличные шаги молодого человѣка. Наташа быстро бросилась между кадокъ цвѣтовъ и спряталась.

Борисъ остановился посреди комнаты, оглянулся, смахнувъ рукой соринки съ рукава мундира, и подошелъ къ зеркалу, разсматривая свое красивое лицо. Наташа, притихнувъ, выглядывала изъ своей засады, ожидая, что́ онъ будетъ дѣлать. Онъ постоялъ нѣсколько времени передъ зеркаломъ, улыбнулся и пошелъ къ выходной двери. Наташа хотѣла его окликнуть, но потомъ раздумала. «Пускай ищетъ», сказала она себѣ. Только что Борисъ вышелъ, какъ изъ другой двери вошла раскраснѣвшаяся Соня, сквозь слезы что-то злобно шепчущая. Наташа удержалась отъ своего перваго движенія выбѣжать къ ней и осталась въ своей засадѣ, какъ подъ шапкой-невидимкой, высматривая, что́ дѣлалось на свѣтѣ. Она испытывала особое новое наслажденіе. Соня шептала что-то и оглядывалась на дверь гостиной. Изъ двери вышелъ Николай.

— Соня! что съ тобой? можно ли это? — сказалъ Николай, подбѣгая къ ней.

— Ничего, ничего, оставьте меня! — Соня зарыдала.

— Нѣтъ, я знаю что.

— Ну знаете, и прекрасно, и подите къ ней.

— Сооня! одно слово! Можно ли такъ мучить меня и себя изъ-за фантазіи? — говорилъ Николай, взявъ ее за руку.

Соня не вырывала у него руки и перестала плакать. Наташа, не шевелясь и не дыша, блестящими глазами смотрѣла изъ своей засады. «Что теперь будетъ?» думала она.

— Соня! мнѣ весь міръ не нуженъ! Ты одна для меня все,— говорилъ Николай. — Я докажу тебѣ.

— Я не люблю, когда ты такъ говоришь.

— Ну не буду, ну прости, Соня!—Онъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

«Ахъ, какъ хорошо!» подумала Наташа, и когда Соня съ Николаемъ вышли изъ комнаты, она пошла за ними и вызвала къ себѣ Бориса.

— Борисъ, подите сюда,—сказала она съ значительнымъ и хитрымъ видомъ. — Мнѣ нужно сказать вамъ одну вещь. Сюда, сюда,— сказала она и привела его въ цвѣточную на то мѣсто между кадокъ, гдѣ она была спрятана.

Борисъ улыбаясь шелъ за нею.

— Какая же это *одна вещь?*— спросилъ онъ.

Она смутилась, оглянулась вокругъ себя и, увидѣвъ брошенную на кадкѣ свою куклу, взяла ее въ руки.

— Поцѣлуйте куклу,— сказала она.

Борисъ внимательнымъ ласковымъ взглядомъ смотрѣлъ въ ея оживленное лицо и ничего не отвѣчалъ.

— Не хотите? Ну, такъ подите сюда,— сказала она и глубже ушла въ цвѣты и бросила куклу. — Ближе, ближе! — шептала она.

Она поймала руками офицера за обшлага, и въ покраснѣвшемъ лицѣ ея видны были торжественность и страхъ.

— А меня хотите поцѣловать?—прошептала она чуть слышно, исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача отъ волненія.

Борисъ покраснѣлъ.

— Какая вы смѣшная! — проговорилъ онъ, нагибаясь къ ней, еще болѣе краснѣя, но ничего не предпринимая и выжидая.

Она вдругъ вскочила на кадку, такъ что стала выше его, обняла его обѣими руками, такъ что тонкія голыя ручки согнулись выше его шеи, и, откинувъ движеніемъ головы волосы назадъ, поцѣловала его въ самыя губы.

Она проскользнула между горшками на другую сторону цвѣтовъ и, опустивъ голову, остановилась.

— Наташа, — сказалъ онъ, — вы знаете, что я люблю васъ, но...

— Вы влюблены въ меня?— перебила его Наташа.

— Да, влюбленъ, но, пожалуйста, не будемъ дѣлать того, что сейчасъ... Еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки.

Наташа подумала.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...— сказала она, считая по тоненькимъ пальчикамъ.— Хорошо! Такъ кончено?

И улыбка радости и успокоенія освѣтила ея оживленное лицо.

— Кончено! — сказалъ Борисъ.

— Навсегда?— сказала дѣвочка.— До самой смерти?

И, взявъ его подъ руку, она съ счастливымъ лицомъ тихо пошла съ нимъ рядомъ въ диванную.

XIV.

Графиня такъ устала отъ визитовъ, что не велѣла принимать больше никого, и швейцару приказано было только звать непремѣнно кушать всѣхъ, кто будетъ еще пріѣзжать съ поздравленіями. Графинѣ хотѣлось съ глазу на глазъ поговорить съ другомъ своего дѣтства, княгиней Анной Михайловной, которую она не видала хорошенько съ ея пріѣзда изъ Петербурга. Анна Михайловна, съ своимъ исплаканнымъ и пріятнымъ лицомъ, подвинулась ближе къ креслу графини.

— Съ тобой я буду совершенно откровенна, — сказала Анна Михайловна. — Ужъ мало насъ осталось, старыхъ друзей! Отъ этого я такъ и дорожу твоею дружбой.

Анна Михайловна посмотрѣла на Вѣру и остановилась. Графиня пожала руку своему другу.

— Вѣра, — сказала графиня, обращаясь къ старшей дочери, очевидно нелюбимой. — Какъ у васъ ни на что понятія нѣтъ? Развѣ ты не чувствуешь, что ты здѣсь лишняя? Поди къ сестрамъ, или...

Красивая Вѣра презрительно улыбнулась, видимо не чувствуя ни малѣйшаго оскорбленія.

— Ежели бы вы мнѣ сказали давно, маменька, я бы тотчасъ ушла, — сказала она и пошла въ свою комнату.

Но, проходя мимо диванной, она замѣтила, что въ ней у двухъ окошекъ симметрично сидѣли двѣ пары. Она остановилась и презрительно улыбнулась. Соня сидѣла близко подлѣ Николая, который переписывалъ ей стихи, въ первый разъ сочиненные имъ. Борисъ съ Наташей сидѣли у другого окна и замолчали, когда вошла Вѣра. Соня и Наташа съ виноватыми и счастливыми лицами взглянули на Вѣру.

Весело и трогательно было смотрѣть на этихъ влюбленныхъ дѣвочекъ, но видъ ихъ, очевидно, не возбуждалъ въ Вѣрѣ пріятнаго чувства.

— Сколько разъ я васъ просила, — сказала она, — не брать моихъ вещей, у васъ есть своя комната.

Она взяла отъ Николая чернильницу.

— Сейчасъ, сейчасъ, — сказалъ онъ, макая перо.

— Вы все умѣете дѣлать не во-время, — сказала Вѣра. — То прибѣжали въ гостиную, такъ что всѣмъ совѣстно сдѣлалось за васъ.

Несмотря на то или именно потому, что сказанное ею было совершенно справедливо, никто ей не отвѣчалъ. и всѣ четверо

только переглядывались между собой. Она медлила въ комнатѣ съ чернильницей въ рукѣ.

— И какіе могутъ быть въ ваши годы секреты между Наташей и Борисомъ и между вами, — все однѣ глупости!

— Ну, что тебѣ за дѣло, Вѣра? — тихонькимъ голоскомъ, заступнически проговорила Наташа.

Она, видимо, была ко всѣмъ еще болѣе, чѣмъ всегда, въ этотъ день добра и ласкова.

— Очень глупо, — сказала Вѣра, — мнѣ совѣстно за васъ. Что за секреты?..

— У каждаго свои секреты. Мы тебя съ Бергомъ не трогаемъ, — сказала Наташа разгорячаясь.

— Я думаю, не трогаете, — сказала Вѣра, — потому что въ моихъ поступкахъ никогда ничего не можетъ быть дурного. А вотъ я маменькѣ скажу, какъ ты съ Борисомъ обходишься.

— Наталья Ильинична очень хорошо со мной обходится,— сказалъ Борисъ. — Я не могу жаловаться, — сказалъ онъ.

— Оставьте, Борисъ, вы такой дипломатъ (слово *дипломатъ* было въ большомъ ходу у дѣтей въ томъ особомъ значеніи, какое они придавали этому слову), даже скучно,— сказала Наташа оскорбленнымъ, дрожащимъ голосомъ.— За что она ко мнѣ пристаетъ! Ты этого никогда не поймешь,— сказала она, обращаясь къ Вѣрѣ,— потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нѣтъ, ты только madame de Genlis (это прозвище, считавшееся очень обиднымъ, было дано Вѣрѣ Николаемъ), и твое первое удовольствіе — дѣлать непріятности другимъ. Ты кокетничай съ Бергомъ, сколько хочешь,—проговорила она скоро.

— Да ужъ я, вѣрно, не стану передъ гостями бѣгать за молодымъ человѣкомъ...

— Ну, добилась своего,—вмѣшался Николай,—наговорила всѣмъ непріятностей, разстроила всѣхъ. Пойдемте въ дѣтскую.

Всѣ четверо, какъ спугнутая стая птицъ, поднялись и пошли изъ комнаты.

— Мнѣ наговорили непріятностей, а я никому ничего,— сказала Вѣра.

— Madame de Genlis! Madame de Genlis! — проговорили смѣющіеся голоса изъ-за двери.

Красивая Вѣра, производившая на всѣхъ такое раздражающее, непріятное дѣйствіе, улыбнулась и, видимо не затронутая тѣмъ, что́ ей было сказано, подошла къ зеркалу и оправила шарфъ и прическу. Глядя на свое красивое лицо, она стала, повидимому, еще холоднѣе и спокойнѣе.

Въ гостиной продолжался разговоръ.

— Ah, chère, — говорила графиня, — и въ моей жизни tout n'est pas rose. Развѣ я не вижу, что du train que nous allons [1]) нашего состоянія намъ ненадолго! И все это клубъ и его доброта. Въ деревнѣ мы живемъ, развѣ мы отдыхаемъ? Театры, охоты и Богъ знаетъ что. Да что обо мнѣ говорить! Ну, какъ же ты это все устроила? Я часто на тебя удивляюсь, Annette, какъ это ты, въ свои годы, скачешь въ повозкѣ одна, въ Москву, въ Петербургъ, ко всѣмъ министрамъ, ко всей знати, со всѣми умѣешь обойтись; удивляюсь! Ну, какъ же это устроилось? Вотъ я ничего этого не умѣю.

— Ахъ, душа моя, — отвѣчала княгиня Анна Михайловна. — Не дай Богъ тебѣ узнать, какъ тяжело остаться вдовой безъ подпоры и съ сыномъ, котораго любишь до обожанія. Всему научишься, — продолжала она съ нѣкоторою гордостью. — Процессъ мой меня научилъ. Ежели мнѣ нужно видѣть кого-нибудь изъ этихъ тузовъ, я пишу записку: «princesse une telle желаетъ видѣть такого-то», и ѣду сама на извозчикѣ хоть два, хоть три раза, четыре, до тѣхъ поръ, пока не добьюсь того, что̀ мнѣ надо. Мнѣ все равно, что̀ бы обо мнѣ ни думали.

— Ну, какъ же, кого ты просила о Боренькѣ? — спросила графиня. — Вѣдь вотъ твой уже офицеръ гвардіи, а Николушка идетъ юнкеромъ. Некому похлопотать. Ты кого просила?

— Князя Василія. Онъ былъ очень милъ. Сейчасъ на все согласился, доложилъ государю, — говорила княгиня Анна Михайловна съ восторгомъ, совершенно забывъ все униженіе, черезъ которое она прошла для достиженія своей цѣли.

— Что онъ постарѣлъ, князь Василій? — спросила графиня. — Я его не видала съ нашихъ театровъ у Румянцевыхъ. И думаю, забылъ про меня. Il me faisait la cour [2]), — вспомнила графиня съ улыбкой.

— Все такой же, — отвѣчала Анна Михайловна, — любезенъ, разсыпается. Les grandeurs ne lui ont pas tourné la tête du tout [3]). «Я жалѣю, что слишкомъ мало могу вамъ сдѣлать, милая княгиня, — онъ мнѣ говоритъ: — приказывайте». Нѣтъ, онъ славный человѣкъ и родной прекрасный. Но ты знаешь, Nathalie, мою любовь къ сыну. Я не знаю, чего я ни сдѣлала бы для его счастья. А обстоятельства мои до того дурны, — продолжала Анна Михайловна съ грустью и понижая голосъ, — до того дур-

---

[1]) Не все розы. — При нашемъ образѣ жизни.
[2]) Онъ за мной волочился.
[3]) Высокое положеніе не вскружило ему головы нисколько.

ны, что я теперь въ самомъ ужасномъ положеніи. Мой несчастный процессъ съѣдаетъ все, что я имѣю, и не подвигается. У меня нѣтъ, можешь себѣ представить, à la lettre нѣтъ гривенника денегъ, и я не знаю, на что обмундировать Бориса. (Она вынула платокъ и заплакала.) Мнѣ нужно пятьсотъ рублей, а у меня одна двадцатипятирублевая бумажка. Я въ такомъ положеніи... Одна моя надежда теперь на графа Кирилла Владиміровича Безухова. Ежели онъ не захочетъ поддержать своего крестника — вѣдь онъ крестилъ Борю — и назначитъ ему что-нибудь на содержаніе, то всѣ мои хлопоты пропадутъ: мнѣ не на что будетъ обмундировать его.

Графиня прослезилась и молча соображала что-то.

— Часто думаю, можетъ, это и грѣхъ, — сказала княгиня, — а часто думаю: вотъ графъ Кириллъ Владиміровичъ Безуховъ живетъ одинъ... это огромное состояніе... и для чего живетъ? Ему жизнь въ тягость, а Борѣ только начинать жить.

— Онъ, вѣрно, оставитъ что-нибудь Борису, — сказала графиня.

— Богъ знаетъ, chère amie! Эти богачи и вельможи такіе эгоисты. Но я все-таки поѣду сейчасъ къ нему съ Борисомъ и прямо скажу, въ чемъ дѣло. Пускай обо мнѣ думаютъ, что хотятъ, мнѣ, право, все равно, когда судьба сына зависитъ отъ этого. (Княгиня поднялась.) Теперь два часа, а въ четыре часа вы обѣдаете. Я успѣю съѣздить.

И съ пріемами петербургской дѣловой барыни, умѣющей пользоваться временемъ, Анна Михайловна послала за сыномъ и вмѣстѣ съ нимъ вышла въ переднюю.

— Прощай, душа моя, — сказала она графинѣ, которая провожала ее до двери, — пожелай мнѣ успѣха, — прибавила она шопотомъ отъ сына.

— Вы къ графу Кириллу Владиміровичу, ma chère? — сказалъ графъ изъ столовой, выходя тоже въ переднюю. — Коли ему лучше, зовите Пьера ко мнѣ обѣдать. Вѣдь онъ у меня бывалъ, съ дѣтьми танцовалъ. Зовите непремѣнно, ma chère. Ну, посмотримъ, какъ-то отличится нынче Тарасъ. Говоритъ, что у графа Орлова такого обѣда не бывало, какой у насъ будетъ.

XV.

— Mon cher Boris, — сказала княгиня Анна Михайловна сыну, когда карета графини Ростовой, въ которой они сидѣли, проѣхала по устланной соломой улицѣ и въѣхала на широкій дворъ графа Кирилла Владиміровича Безухова. — Mon cher Bo-

ris, — сказала мать, выпрастывая руку изъ-подъ стараго салопа и робкимъ и ласковымъ движеніемъ кладя ее на руку сына, — будь ласковъ, будь внимателенъ. Графъ Кириллъ Владиміровичъ все-таки тебѣ крестный отецъ, и отъ него зависитъ твоя будущая судьба. Помни это, mon cher, будь милъ, какъ ты умѣешь быть...

— Ежели бы я зналъ, что изъ этого выйдетъ что-нибудь, кромѣ униженія... — отвѣчалъ сынъ холодно. — Но я обѣщалъ вамъ и дѣлаю это для васъ.

Несмотря на то, что чья-то карета стояла у подъѣзда, швейцаръ, оглядѣвъ мать съ сыномъ (которые, не приказывая докладывать о себѣ, прямо вошли въ стеклянныя сѣни между двумя рядами статуй въ нишахъ), значительно посмотрѣвъ на старенькій салопъ, спросилъ, кого имъ угодно, княженъ или графа, и, узнавъ, что графа, сказалъ, что ихъ сіятельству нынче хуже и ихъ сіятельство никого не принимаютъ.

— Мы можемъ уѣхать, — сказалъ сынъ по-французски.

— Mon ami! — сказала мать умоляющимъ голосомъ, опять дотрогиваясь до руки сына, какъ будто это прикосновеніе могло успокаивать или возбуждать его.

Борисъ замолчалъ и, не снимая шинели, вопросительно смотрѣлъ на мать.

— Голубчикъ, — нѣжнымъ голоскомъ сказала Анна Михайловна, обращаясь къ швейцару, — я знаю, что графъ Кириллъ Владиміровичъ очень боленъ... я затѣмъ и пріѣхала... я родственница... Я не буду безпокоить, голубчикъ... А мнѣ бы только надо увидать князя Василія Сергѣевича: вѣдь онъ здѣсь стоитъ. Доложи, пожалуйста.

Швейцаръ угрюмо дернулъ шнурокъ наверхъ и отвернулся.

— Княгиня Друбецкая къ князю Василію Сергѣевичу, — крикнулъ онъ сбѣжавшему сверху и изъ-подъ выступа лѣстницы выглядывавшему офиціанту въ чулкахъ, башмакахъ и фракѣ.

Мать расправила складки своего крашенаго шелковаго платья, посмотрѣла въ цѣльное венеціанское зеркало въ стѣнѣ и бодро, въ своихъ стоптанныхъ башмакахъ, пошла вверхъ по ковру лѣстницы.

— Mon cher, vous m'avez promis [1]), — обратилась она опять къ сыну, прикосновеніемъ руки возбуждая его.

Сынъ, опустивъ глаза, спокойно шелъ за нею.

Они вошли въ залу, изъ которой одна дверь вела въ покои, отведенные князю Василію.

---

[1]) Мой другъ, ты мнѣ обѣщалъ.

Въ то время, какъ мать съ сыномъ, выйдя на середину комнаты, намѣревались спросить дорогу у вскочившаго при ихъ входѣ стараго офиціанта, у одной изъ дверей повернулась бронзовая ручка, и князь Василій въ бархатной шубкѣ, съ одною звѣздой, по-домашнему, вышелъ, провожая красиваго черноволосаго мужчину. Мужчина этотъ былъ знаменитый петербургскій докторъ Lorrain.

— C'est donc positif? — говорилъ князь.

— Mon prince, «errare humanum est», mais... — отвѣчалъ докторъ, грассируя и произнося латинскія слова французскимъ выговоромъ.

— C'est bien, c'est bien... [1]).

Замѣтивъ Анну Михайловну съ сыномъ, князь Василій поклономъ отпустилъ доктора и молча, но съ вопросительнымъ видомъ подошелъ къ нимъ. Сынъ замѣтилъ, какъ вдругъ глубокая горесть выразилась въ глазахъ его матери, и слегка улыбнулся.

— Да, въ какихъ грустныхъ обстоятельствахъ пришлось намъ видѣться, князь... Ну, что нашъ дорогой больной?—сказала она, какъ будто не замѣчая холоднаго, оскорбительнаго, устремленнаго на нее взгляда.

Князь Василій вопросительно, до недоумѣнія, посмотрѣлъ на нее, потомъ на Бориса. Борисъ учтиво поклонился. Князь Василій, не отвѣчая на поклонъ, отвернулся къ Аннѣ Михайловнѣ и на ея вопросъ отвѣчалъ движеніемъ головы и губъ, которое означало самую плохую надежду для больного.

— Неужели? — воскликнула Анна Михайловна. — Ахъ, это ужасно! Страшно подумать... Это мой сынъ, — прибавила она, указывая на Бориса. — Онъ самъ хотѣлъ благодарить васъ.

Борисъ еще разъ учтиво поклонился.

— Вѣрьте, князь, что сердце матери никогда не забудетъ того, что́ вы сдѣлали для насъ.

— Я радъ, что могъ сдѣлать вамъ пріятное, любезная моя Анна Михайловна, — сказалъ князь Василій, оправляя жабо и въ жестѣ и голосѣ проявляя здѣсь, въ Москвѣ, передъ покровительствуемою Анной Михайловной еще гораздо бо́льшую важность, чѣмъ въ Петербургѣ, на вечерѣ у Annette Шереръ.

— Старайтесь служить хорошо и быть достойнымъ, — прибавилъ онъ, строго обращаясь къ Борису. — Я радъ... Вы здѣсь въ отпуску? — продиктовалъ онъ своимъ безстрастнымъ тономъ.

---

[1]) Итакъ, это вѣрно? — Князь, человѣку ошибаться свойственно. — Хорошо, хорошо!

— Жду приказа, ваше сіятельство, чтобъ отправиться по новому назначенію, — отвѣчалъ Борисъ, не выказывая ни досады за рѣзкій тонъ князя, ни желанія вступить въ разговоръ, но такъ спокойно и почтительно, что князь пристально поглядѣлъ на него.

— Вы живете съ матушкой?

— Я живу у графини Ростовой, — сказалъ Борисъ, опять прибавивъ: — ваше сіятельство.

— Это тотъ Илья Ростовъ, который женился на Nathalie Шиншиной, — сказала Анна Михайловна.

— Знаю, знаю,—сказалъ князь Василій своимъ монотоннымъ голосомъ. — Je n'ai jamais pu concevoir, comment Nathalie s'est décidée à épouser cet ours mal-laiché! Un personnage complètement stupide et ridicule. Et joueur à ce qu'on dit [1]).

— Mais très brave homme, mon prince [2]), — замѣтила Анна Михайловна, трогательно улыбаясь, какъ-будто и она знала, что графъ Ростовъ заслуживалъ такого мнѣнія, но просила пожалѣть бѣднаго старика. — Что говорятъ доктора? — спросила княгиня, помолчавъ немного и опять выражая большую печаль на своемъ исплаканномъ лицѣ.

— Мало надежды, — сказалъ князь.

— А мнѣ такъ хотѣлось еще разъ поблагодарить *дядю* за всѣ благодѣянія и мнѣ и Борѣ. C'est son filleuil [3]), — прибавила она такимъ тономъ, какъ будто это извѣстіе должно было крайне обрадовать князя Василія.

Князь Василій задумался и поморщился. Анна Михайловна поняла, что онъ боялся найти въ ней соперницу по завѣщанію графа Безухова. Она поспѣшила успокоить его.

— Ежели бы не моя истинная любовь и преданность дядѣ,— сказала она, съ особенною увѣренностью и небрежностью выговаривая это слово:—я знаю его характеръ, благородный, прямой; но вѣдь однѣ княжны при немъ... Онѣ еще молоды... — Она наклонила голову и прибавила шопотомъ: — Исполнилъ ли онъ послѣдній долгъ, князь? Какъ драгоцѣнны эти послѣднія минуты! Вѣдь хуже быть не можетъ, его необходимо приготовить, ежели онъ такъ плохъ. Мы, женщины, князь (она нѣжно улыбнулась), всегда знаемъ, какъ говорить эти вещи. Необходимо видѣть его. Какъ бы тяжело это ни было для меня, но я привыкла уже страдать.

---

[1]) Я никогда не могъ понять, какъ Натали рѣшилась выйти замужъ за этого грязнаго медвѣдя. Совершенно глупая и смѣшная особа. Къ тому же игрокъ, говорятъ.

[2]) Но добрый человѣкъ, князь.

[3]) Это его крестникъ.

Князь, видимо, понялъ, и понялъ, какъ и на вечерѣ у Annette Шереръ, что отъ Анны Михайловны трудно отдѣлаться.

— Не было бы тяжело ему это свиданіе, chère Анна Михайловна, — сказалъ онъ. — Подождемъ до вечера, доктора обѣщали кризисъ.

— Но нельзя ждать, князь, въ эти минуты. Pensez, il y va du salut de son âme... Ah! c'est terrible, les devoirs d'un chrétien [1])...

Изъ внутреннихъ комнатъ отворилась дверь, и вошла одна изъ княженъ-племянницъ графа, съ угрюмымъ и холоднымъ лицомъ и поразительно-несоразмѣрною по ногамъ длинною таліей.

Князь Василій обернулся къ ней.

— Ну, что̀ онъ?

— Все то же. И какъ вы хотите, этотъ шумъ... — сказала княжна, оглядывая Анну Михайловну какъ незнакомую.

— Ah, chère, je ne vous reconnaissais pas, — съ счастливою улыбкой сказала Анна Михайловна, легкою иноходью подходя къ племянницѣ графа. — Je viens d'arriver et je suis à vous pour vous aider à soigner *mon oncle*. J'imagine combien vous avez souffert [2]), — прибавила она, съ участіемъ закатывая глаза.

Княжна ничего не отвѣтила, даже не улыбнулась, и тотчасъ же вышла. Анна Михайловна сняла перчатки и въ завоеванной позиціи расположилась на креслѣ, пригласивъ князя Василія сѣсть подлѣ себя.

— Борисъ!—сказала она сыну и улыбнулась, — я пройду къ графу, къ дядѣ, а ты поди къ Пьеру, mon ami, покамѣстъ, да не забудь передать ему приглашеніе отъ Ростовыхъ. Они зовутъ его обѣдать. Я думаю, онъ не поѣдетъ?—обратилась она къ князю.

— Напротивъ, — сказалъ князь, видимо сдѣлавшійся не въ духѣ. — Je serais très content si vous me débarrassez de ce jeune homme [3])... Сидитъ тутъ. Графъ ни разу не спросилъ про него.

Онъ пожалъ плечами. Офиціантъ повелъ молодого человѣка внизъ и вверхъ по другой лѣстницѣ къ Петру Кирилловичу.

---

[1]) Подумайте, дѣло идетъ о спасеніи его души. Ахъ! это ужасно, долгъ христіанина.

[2]) Я пріѣхала и готова помогать вамъ ходить за дядюшкой. Воображаю, какъ вы настрадались.

[3]) Я былъ бы очень радъ, если бы вы меня избавили отъ этого молодого человѣка.

XVI.

Пьеръ такъ и не успѣлъ выбрать себѣ карьеры въ Петербургѣ и дѣйствительно былъ высланъ въ Москву за буйство. Исторія, которую разсказывали у графа Ростова, была справедлива. Пьеръ участвовалъ въ связываніи квартальнаго съ медвѣдемъ. Онъ пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ и остановился, какъ всегда, въ домѣ своего отца. Хотя онъ и предполагалъ, что исторія его уже извѣстна Москвѣ, и что дамы, окружающія его отца, всегда недоброжелательныя къ нему, воспользуются этимъ случаемъ, чтобы раздражить графа, онъ все-таки въ день пріѣзда пошелъ на половину отца. Войдя въ гостиную, обычное мѣстопребываніе княженъ, онъ поздоровался съ дамами, сидѣвшими за пяльцами и за книгой, которую вслухъ читала одна изъ нихъ. Ихъ было три. Старшая, чистоплотная, съ длинною таліей, строгая дѣвица, та самая, которая выходила къ Аннѣ Михайловнѣ, читала; младшія, обѣ румяныя и хорошенькія, отличавшіяся другъ отъ друга только тѣмъ, что у одной была родинка надъ губой, очень красившая ее, шили въ пяльцахъ. Пьеръ былъ встрѣченъ какъ мертвецъ или зачумленный. Старшая княжна прервала чтеніе и молча посмотрѣла на него испуганными глазами; младшая, безъ родинки, приняла точно такое же выраженіе; самая меньшая, съ родинкой, веселаго и смѣшливаго характера, нагнулась къ пяльцамъ, чтобы скрыть улыбку, вызванную, вѣроятно, предстоящею сценой, забавность которой она предвидѣла. Она притянула внизъ шерстинку и нагнулась, будто разбирая узоры и едва удерживаясь отъ смѣха.

— Bonjour, ma cousine, — сказалъ Пьеръ. — Vous ne me reconnaissez pas? [1]).

— Я слишкомъ хорошо васъ узнаю, слишкомъ хорошо.

— Какъ здоровье графа? Могу я видѣть его? — спросилъ Пьеръ неловко, какъ всегда, но не смущаясь.

— Графъ страдаетъ и физически и нравственно, и, кажется, вы позаботились о томъ, чтобы причинить ему побольше нравственныхъ страданій.

— Могу я видѣть графа? — повторилъ Пьеръ.

— Гм!.. Ежели вы хотите убить его, совсѣмъ убить, то можете видѣть. Ольга, поди посмотри, готовъ ли бульонъ для дяденьки, скоро время,—прибавила она, показывая этимъ Пьеру,

---

[1]) Здравствуйте, кузина. Вы меня не узнаете?

что онѣ заняты и заняты успокоиваніемъ его отца, тогда какъ онъ, очевидно, занятъ только разстроиваніемъ.

Ольга вышла. Пьеръ постоялъ, посмотрѣлъ на сестеръ и, поклонившись, сказалъ:

— Такъ я пойду къ себѣ. Когда можно будетъ, вы мнѣ скажите.

Онъ вышелъ, и звонкій, но негромкій смѣхъ сестры съ роднкой послышался за нимъ.

На другой день пріѣхалъ князь Василій и помѣстился въ домѣ графа. Онъ призвалъ къ себѣ Пьера и сказалъ ему:

— Mon cher, si vous vous conduisez ici comme à Petersbourg, vous finirez très mal; c'est tout ce que je vous dis [1]). Графъ очень, очень боленъ: тебѣ совсѣмъ не надо его видѣть.

Съ тѣхъ поръ Пьера не тревожили, и онъ цѣлый день проводилъ одинъ наверху, въ своей комнатѣ.

Въ то время, какъ Борисъ вошелъ къ нему, Пьеръ ходилъ по своей комнатѣ, изрѣдка останавливаясь въ углахъ, дѣлая угрожающіе жесты къ стѣнѣ, какъ будто пронзая невидимаго врага шпагой, и строго взглядывая сверхъ очковъ и затѣмъ вновь начиная свою прогулку, проговаривая неясныя слова, пожимая плечами и разводя руками.

— L'Angleterre a vécu [2]), — проговорилъ онъ, нахмуриваясь и указывая на кого-то пальцемъ.— M. Pitt comme traître à la nation et au droit des gens est condamné à... [3]).

Онъ не успѣлъ договорить приговора Питту, воображая себя въ эту минуту самимъ Наполеономъ и вмѣстѣ съ своимъ героемъ уже совершивъ опасный переѣздъ черезъ Па-де-Кале и завоевавъ Лондонъ, какъ увидалъ входившаго къ нему молодого, стройнаго и красиваго офицера. Онъ остановился. Пьеръ оставилъ Бориса четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и рѣшительно не помнилъ его; но, несмотря на то, со свойственною ему быстрою и радушною манерой взялъ его за руку и дружелюбно улыбнулся.

— Вы меня помните?—спокойно, съ пріятной улыбкой сказалъ Борисъ.— Я съ матушкой пріѣхалъ къ графу, но онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ.

— Да, кажется, нездоровъ. Его все тревожатъ,— отвѣчалъ Пьеръ, стараясь вспомнить, кто этотъ молодой человѣкъ.

---

[1]) Мой милый, если вы будете вести себя здѣсь, какъ въ Петербургѣ, вы кончите очень дурно; больше мнѣ нечего вамъ сказать.

[2]) Англіи конецъ.

[3]) Питтъ, какъ измѣнникъ націи и народному праву, приговаривается къ...

Борисъ чувствовалъ, что Пьеръ не узнаетъ его, но не считалъ нужнымъ назвать себя и, не испытывая ни малѣйшаго смущенія, смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Графъ Ростовъ просилъ васъ нынче пріѣхать къ нему обѣдать,—сказалъ онъ послѣ довольно долгаго и неловкаго для Пьера молчанія.

— А! Графъ Ростовъ! — радостно заговорилъ Пьеръ. — Такъ вы его сынъ, Илья. Я, можете себѣ представить, въ первую минуту не узналъ васъ. Помните, какъ мы на Воробьевы горы ѣздили съ m-me Jacquot... давно.

— Вы ошибаетесь, — неторопливо, съ смѣлою и нѣсколько насмѣшливою улыбкой проговорилъ Борисъ. — Я Борисъ, сынъ княгини Анны Михайловны Друбецкой. Ростова-отца зовутъ Ильей, а сына — Николаемъ. И я m-me Jacquot никакой не зналъ.

Пьеръ замахалъ руками и головой, какъ будто комары или пчелы напали на него.

— Ахъ, ну что это! я все спуталъ. Въ Москвѣ столько родныхъ! Вы Борисъ... да. Ну вотъ мы съ вами и договорились. Ну, что вы думаете о булонской экспедиціи? Вѣдь англичанамъ плохо придется, ежели только Наполеонъ переправится черезъ каналъ? Я думаю, что экспедиція очень возможна. Вилльневъ бы не оплошалъ!

Борисъ ничего не зналъ о булонской экспедиціи, онъ не читалъ газетъ и о Вилльневѣ въ первый разъ слышалъ.

— Мы здѣсь, въ Москвѣ, больше заняты обѣдами и сплетнями, чѣмъ политикой, — сказалъ онъ своимъ спокойнымъ, насмѣшливымъ тономъ.—Я ничего про это не знаю и не думаю. Москва занята сплетнями больше всего, — продолжалъ онъ.— Теперь говорятъ про васъ и про графа.

Пьеръ улыбнулся своею доброю улыбкой, какъ будто боясь за своего собесѣдника, какъ бы онъ не сказалъ чего-нибудь такого, въ чемъ сталъ бы раскаиваться. Но Борисъ говорилъ отчетливо, ясно и сухо, прямо глядя въ глаза Пьеру.

— Москвѣ больше дѣлать нечего, какъ сплетничать, — продолжалъ онъ. — Всѣ заняты тѣмъ, кому оставитъ графъ свое состояніе, хотя, можетъ-быть, онъ переживетъ всѣхъ насъ, чего я отъ души желаю.

— Да, это все очень тяжело, — подхватилъ Пьеръ,—очень тяжело.

Пьеръ все боялся, что этотъ офицеръ нечаянно вдастся въ неловкій для самого себя разговоръ.

— А вамъ должно казаться, — говорилъ Борисъ, слегка краснѣя, но не измѣняя голоса и позы,—вамъ должно казаться,

что всѣ заняты только тѣмъ, чтобы получить что-нибудь отъ богача.

«Такъ и есть», подумалъ Пьеръ.

— А я именно хочу сказать вамъ, чтобы избѣжать недоразумѣній, что вы очень ошибетесь, ежели причтете меня и мою мать къ числу этихъ людей. Мы очень бѣдны, но я, по крайней мѣрѣ, за себя говорю: именно потому, что отецъ вашъ богатъ, я не считаю себя его родственникомъ, и ни я, ни мать никогда ничего не будемъ просить и не примемъ отъ него.

Пьеръ долго не могъ понять, но когда понялъ, вскочилъ съ дивана, ухватилъ Бориса за руку снизу со свойственною ему быстротой и неловкостью и, раскраснѣвшись гораздо болѣе, чѣмъ Борисъ, началъ говорить съ смѣшаннымъ чувствомъ стыда и досады:

— Вотъ это странно! Я развѣ... да и кто жъ могъ думать... Я очень знаю...

Но Борисъ опять перебилъ его:

— Я радъ, что высказалъ все. Можетъ-быть, вамъ непріятно, вы меня извините, — сказалъ онъ, успокоивая Пьера, вмѣсто того, чтобы быть успокоиваемымъ имъ, — но я надѣюсь, что не оскорбилъ васъ. Я имѣю правило говорить все прямо... Какъ же мнѣ передать? Вы пріѣдете обѣдать къ Ростовымъ?

И Борисъ, видимо сваливъ съ себя тяжелую обязанность, самъ выйдя изъ неловкаго положенія и поставивъ въ него другого, сдѣлался опять совершенно пріятенъ.

— Нѣтъ, послушайте,—сказалъ Пьеръ успокоиваясь. — Вы удивительный человѣкъ. То, что вы сейчасъ сказали, очень хорошо, очень хорошо. Разумѣется, вы меня не знаете. Мы такъ давно не видались... дѣтьми еще... Вы можете предполагать во мнѣ... Я васъ понимаю, очень понимаю. Я бы этого не сдѣлалъ, у меня недостало бы духу, но это прекрасно. Я очень радъ, что познакомился съ вами. Странно, — прибавилъ онъ, помолчавъ и улыбаясь,—что вы во мнѣ предполагали! (Онъ засмѣялся.) Ну да что жъ? Мы познакомимся съ вами лучше. Пожалуйста.—Онъ пожалъ руку Борису.—Вы знаете ли, я ни разу не былъ у графа. Онъ меня не звалъ... Мнѣ его жалко, какъ человѣка... Но что же дѣлать?

— И вы думаете, что Наполеонъ успѣетъ переправить армію? — спросилъ Борисъ улыбаясь.

Пьеръ понялъ, что Борисъ хотѣлъ перемѣнить разговоръ, и, соглашаясь съ нимъ, началъ излагать выгоды и невыгоды булонскаго предпріятія.

Лакей пришелъ вызвать Бориса къ княгинѣ. Княгиня уѣзжала. Пьеръ обѣщался пріѣхать обѣдать, затѣмъ, чтобы ближе сойтись съ Борисомъ, крѣпко жалъ его руку, ласково глядя ему въ глаза черезъ очки... По уходѣ его Пьеръ долго еще ходилъ по комнатѣ, уже не пронзая невидимаго врага шпагой, а улыбаясь при воспоминаніи объ этомъ миломъ, умномъ и твердомъ молодомъ человѣкѣ.

Какъ это бываетъ въ первой молодости и особенно въ одинокомъ положеніи, онъ почувствовалъ безпричинную нѣжность къ этому молодому человѣку и обѣщалъ себѣ непремѣнно подружиться съ нимъ.

Князь Василій провожалъ княгиню. Княгиня держала платокъ у глазъ, и лицо ея было въ слезахъ.

— Это ужасно! ужасно!—говорила она,—но чего бы мнѣ ни стоило, я исполню свой долгъ. Я пріѣду ночевать. Его нельзя такъ оставить. Каждая минута дорога. Я не понимаю, чего мѣшкаютъ княжны. Можетъ, Богъ поможетъ мнѣ найти средство его приготовить!.. Adieu, mon prince, que le bon Dieu vous soutienne [1])...

— Adieu, ma bonne [2]),— отвѣчалъ князь Василій, поворачиваясь отъ нея.

— Ахъ, онъ въ ужасномъ положеніи,—сказала мать сыну, когда они опять садились въ карету.—Онъ почти никого не узнаетъ.

— Я не понимаю, маменька, какія его отношенія къ Пьеру?—спросилъ сынъ.

— Все скажетъ завѣщаніе, мой другъ; отъ него и наша судьба зависитъ...

— Но почему вы думаете, что онъ оставитъ что-нибудь намъ?

— Ахъ, мой другъ! Онъ такъ богатъ, а мы такъ бѣдны!

— Ну, это еще недостаточная причина, маменька...

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! какъ онъ плохъ!—воскликала мать.

XVII.

Когда Анна Михайловна уѣхала съ сыномъ къ графу Кириллу Владиміровичу Безухову, графиня Ростова долго сидѣла одна, прикладывая платокъ къ глазамъ. Наконецъ, она позвонила.

— Что вы, милая,—сказала она сердито дѣвушкѣ, которая заставила себя ждать нѣсколько минутъ,—не хотите служить, что ли? Такъ я вамъ найду мѣсто.

---

[1]) Прощайте, князь, да поддержитъ васъ Богъ.
[2]) Прощайте, моя милая.

Графиня была разстроена горемъ и унизительною бѣдностью своей подруги и поэтому была не въ духѣ, что выражалось у нея всегда наименованіемъ горничной: «милая» и «вы».

— Виновата-съ, — сказала горничная.

— Попросите ко мнѣ графа.

Графъ, переваливаясь, подошелъ къ женѣ съ нѣсколько виноватымъ видомъ, какъ и всегда.

— Ну, графинюшка! какое sauté au madère изъ рябчиковъ будетъ, ma chère! Я попробовалъ; не даромъ я за Тараску тысячу рублей далъ. Стòитъ!

Онъ сѣлъ подлѣ жены, облокотивъ молодецки руки на колѣна и взъерошивая сѣдые волосы.

— Что прикажете, графинюшка?

— Вотъ что, мой другъ,—что это у тебя запачкано здѣсь?—сказала она, указывая на жилетъ.—Это сотэ, вѣрно,—прибавила она улыбаясь.—Вотъ что, графъ: мнѣ денегъ нужно.

Лицо ея стало печально.

— Ахъ, графинюшка!..

И графъ засуетился, доставая бумажникъ.

— Мнѣ много надо, графъ, мнѣ пятьсотъ рублей надо.

И она, доставъ батистовый платокъ, терла имъ жилетъ мужа.

— Сейчасъ, сейчасъ. Эй, кто тамъ?—крикнулъ онъ такимъ голосомъ, какимъ кричатъ только люди, увѣренные, что тѣ, кого они кличутъ, стремглавъ бросятся на ихъ зовъ.—Послать ко мнѣ Митеньку.

Митенька, тотъ дворянскій сынъ, воспитанный у графа, который теперь завѣдывалъ всѣми его дѣлами, тихими шагами вошелъ въ комнату.

— Вотъ что, мой милый,—сказалъ графъ вошедшему почтительному молодому человѣку.—Принеси ты мнѣ... (Онъ задумался.) Да, семьсотъ рублей, да. Да смотри, такихъ рваныхъ и грязныхъ, какъ тотъ разъ, не приноси, а хорошихъ, для графини.

— Да, Митенька, пожалуйста, чтобы чистенькія,—сказала графиня, грустно вздыхая.

— Ваше сіятельство, когда прикажете доставить?—сказалъ Митенька.—Изволите знать, что... Впрочемъ, не извольте безпокоиться,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, какъ графъ уже началъ тяжело и часто дышать, что всегда было признакомъ начинавшагося гнѣва.—Я было и запамятовалъ... Сію минуту прикажете доставить?

— Да, да, то-то, принеси. Вотъ графинѣ отдай.

— Экое золото у меня этотъ Митенька,—прибавилъ графъ улыбаясь, когда молодой человѣкъ вышелъ.—Нѣтъ того, чтобы нельзя. Я же этого терпѣть не могу. Все можно.

— Ахъ, деньги, графъ, деньги, сколько отъ нихъ горя на свѣтѣ!—сказала графиня.—А эти деньги мнѣ очень нужны.

— Вы, графинюшка, мотовка извѣстная,—проговорилъ графъ и, поцѣловавъ у жены руку, ушелъ опять въ кабинетъ.

Когда Анна Михайловна вернулась опять отъ Безухова, у графини лежали уже деньги, все новенькими бумажками, подъ платкомъ на столикѣ, и Анна Михайловна замѣтила, что графиня чѣмъ-то растревожена.

— Ну, что мой другъ?—спросила графиня.

— Ахъ, въ какомъ онъ ужасномъ положеніи! Его узнать нельзя, онъ такъ плохъ, такъ плохъ; я минутку побыла и двухъ словъ не сказала...

— Annette, ради Бога, не откажи мнѣ,—сказала вдругъ графиня краснѣя, что такъ странно было при ея немолодомъ, худомъ и важномъ лицѣ, доставая изъ-подъ платка деньги.

Анна Михайловна мгновенно поняла, въ чемъ дѣло, и ужъ нагнулась, чтобы въ должную минуту ловко обнять графиню.

— Вотъ Борису отъ меня на шитье мундира.

Анна Михайловна ужъ обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали онѣ о томъ, что онѣ дружны; и о томъ, что онѣ добры; и о томъ, что онѣ, подруги молодости, заняты такимъ низкимъ предметомъ—деньгами; и о томъ, что молодость ихъ прошла... Но слезы обѣихъ были пріятны...

XVIII.

Графиня Ростова съ дочерьми и уже съ большимъ числомъ гостей сидѣла въ гостиной. Графъ провелъ гостей-мужчинъ въ кабинетъ, предлагая имъ свою охотницкую коллекцію турецкихъ трубокъ. Изрѣдка онъ выходилъ и спрашивалъ: не пріѣхала ли? Ждали Марью Дмитріевну Ахросимову, прозванную въ обществѣ le terrible dragon, даму знаменитую не богатствомъ, не почестями, но прямотой ума и откровенною простотой обращенія. Марью Дмитріевну знала царская фамилія, знала вся Москва и весь Петербургъ, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмѣивались надъ ея грубостью, разсказывали про нее анекдоты; тѣмъ не менѣе всѣ безъ исключенія уважали и боялись ея.

Въ кабинетѣ, полномъ дыма, шелъ разговоръ о войнѣ, которая была объявлена манифестомъ, о наборѣ. Манифеста еще никто не читалъ, но всѣ знали о его появленіи. Графъ сидѣлъ на отоманкѣ между двумя курившими и разговаривавшими со-

сѣдями. Графъ самъ не курилъ и не говорилъ, а наклоняя голову то на одинъ бокъ, то на другой, съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на курившихъ и слушалъ разговоръ двухъ сосѣдей своихъ, которыхъ онъ стравилъ между собой.

Одинъ изъ говорившихъ былъ штатскій, съ морщинистымъ, желчнымъ и бритымъ худымъ лицомъ человѣкъ, уже приближавшійся къ старости, хотя и одѣтый какъ самый модный молодой человѣкъ; онъ сидѣлъ съ ногами на отоманкѣ съ видомъ домашняго человѣка и, сбоку запустивъ себѣ далеко въ ротъ янтарь, порывисто втягивалъ дымъ и жмурился. Это былъ старый холостякъ Шиншинъ, двоюродный братъ графини, злой языкъ, какъ про него говорили въ московскихъ гостиныхъ. Онъ, казалось, снисходилъ до своего собесѣдника. Другой, свѣжій, розовый, гвардейскій офицеръ, безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, держалъ янтарь у середины рта и розовыми губами слегка вытягивалъ дымокъ, выпуская его колечками изъ красиваго рта. Это былъ тотъ поручикъ Бергъ, офицеръ Семеновскаго полка, съ которымъ Борисъ ѣхалъ вмѣстѣ въ полкъ и которымъ Наташа дразнила Вѣру, старшую графиню, называя Берга ея женихомъ. Графъ сидѣлъ между ними и внимательно слушалъ. Самое пріятное для графа занятіе, за исключеніемъ игры въ бостонъ, которую онъ очень любилъ, было положеніе слушающаго, особенно когда ему удавалось стравить двухъ говорливыхъ собесѣдниковъ.

— Ну, какъ же, батюшка, mon très honorable [1]) Альфонсъ Карлычъ, — говорилъ Шиншинъ, посмѣиваясь и соединяя (въ чемъ и состояла особенность его рѣчи) самыя народныя русскія выраженія съ изысканными французскими фразами. — Vous comptez vous faire des rentes sur l'état, съ роты доходецъ получать хотите?

— Нѣтъ-съ, Петръ Николаичъ, я только желаю показать, что въ кавалеріи выгодъ гораздо меньше противъ пѣхоты. Вотъ теперь сообразите, Петръ Николаичъ, мое положеніе...

Бергъ говорилъ всегда очень точно, спокойно и учтиво. Разговоръ его всегда касался только его одного; онъ всегда спокойно молчалъ, когда говорили о чемъ-нибудь, не имѣющемъ прямого къ нему отношенія. И молчать такимъ образомъ онъ могъ нѣсколько часовъ, не испытывая и не производя въ другихъ ни малѣйшаго замѣшательства. Но какъ скоро разговоръ касался его лично, онъ начиналъ говорить пространно и съ видимымъ удовольствіемъ.

---

[1]) Почтеннѣйшій.

— Сообразите мое положеніе, Петръ Николаичъ: будь я въ кавалеріи, я бы получалъ не болѣе двухсотъ рублей въ треть, даже и въ чинѣ поручика; а теперь я получаю двѣсти тридцать, — говорилъ онъ съ радостною, пріятною улыбкой, оглядывая Шиншина и графа, какъ будто для него было очевидно, что его успѣхъ всегда будетъ составлять главную цѣль желаній всѣхъ остальныхъ людей.

— Кромѣ того, Петръ Николаичъ, перейдя въ гвардію, я на виду, — продолжалъ Бергъ, — и вакансіи въ гвардейской пѣхотѣ гораздо чаще. Потомъ, сами сообразите, какъ я могъ устроиться изъ двухсотъ тридцати рублей. А я откладываю и еще отцу посылаю, — продолжалъ онъ, пуская колечко.

— La balance y est... [1]) Нѣмецъ на обухѣ молотитъ хлѣбецъ, comme dit le proverbe, — перекладывая янтарь на другую сторону рта, сказалъ Шиншинъ и подмигнулъ графу.

Графъ расхохотался. Другіе гости, видя, что Шиншинъ ведетъ разговоръ, подошли послушать. Бергъ, не замѣчая ни насмѣшки, ни равнодушія, продолжалъ разсказывать о томъ, какъ переводомъ въ гвардію онъ уже выигралъ чинъ передъ своими товарищами по корпусу, какъ въ военное время ротнаго командира могутъ убить и онъ, оставшись старшимъ въ ротѣ, можетъ очень легко быть ротнымъ, и какъ въ полку всѣ любятъ его, и какъ его папенька имъ доволенъ. Бергъ, видимо, наслаждался, разсказывая все это, и, казалось, не подозрѣвалъ того, что у другихъ людей могли быть тоже свои интересы. Но все, что онъ разсказывалъ, было такъ мило-степенно, наивность молодого эгоизма его была такъ очевидна, что онъ обезоруживалъ своихъ слушателей.

— Ну, батюшка, вы и въ пѣхотѣ и въ кавалеріи, вездѣ пойдете въ ходъ; это я вамъ предрекаю,—сказалъ Шиншинъ, трепля его по плечу и спуская ноги съ отоманки.

Бергъ радостно улыбнулся. Графъ, а за нимъ и гости вышли въ гостиную.

Было то время передъ званымъ обѣдомъ, когда собравшіеся гости не начинаютъ длиннаго разговора въ ожиданіи призыва къ закускѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ необходимымъ шевелиться и не молчать, чтобы показать, что они нисколько не нетерпѣливы сѣсть за столъ. Хозяева поглядываютъ на дверь и изрѣдка переглядываются между собой. Гости по этимъ взглядамъ стараются догадаться, кого или чего еще ждутъ: важ-

---

[1]) Балансъ установленъ...

наго опоздавшаго родственника или кушанья, которое еще не поспѣло.

Пьеръ пріѣхалъ передъ самымъ обѣдомъ и неловко сидѣлъ посрединѣ гостиной на первомъ попавшемся креслѣ, загородивъ всѣмъ дорогу. Графиня хотѣла заставить его говорить, но онъ наивно смотрѣлъ въ очки вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то, и односложно отвѣчалъ на всѣ вопросы графини. Онъ былъ стѣснителенъ и одинъ не замѣчалъ этого. Бо́льшая часть гостей, знавшая его исторію съ медвѣдемъ, любопытно смотрѣли на этого большого, толстаго и смирнаго человѣка, недоумѣвая, какъ могъ такой увалень и скромникъ сдѣлать такую штуку съ квартальнымъ.

— Вы недавно пріѣхали? — спрашивала у него графиня.

— Oui, madame,— отвѣчалъ онъ оглядываясь.

— Вы не видали моего мужа?

— Non, madame. — Онъ улыбнулся совсѣмъ не кстати.

— Вы, кажется, недавно были въ Парижѣ? Я думаю, очень интересно.

— Очень интересно.

Графиня переглянулась съ Анной Михайловной. Анна Михайловна поняла, что ее просятъ занять этого молодого человѣка, и, подсѣвъ къ нему, начала говорить объ отцѣ; но такъ же, какъ графинѣ, онъ отвѣчалъ ей только односложными словами. Гости были всѣ заняты между собой. «Les Razoumovsky... Ça a été charmant... Vous êtes bien bonne... la comtesse Apraksine...» слышалось со всѣхъ сторонъ. Графиня встала и пошла въ залу.

— Марья Дмитріевна? — послышался ея голосъ изъ залы.

— Она самая, — послышался въ отвѣтъ грубый женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Марья Дмитріевна.

Всѣ барышни и даже дамы, исключая самыхъ старыхъ, встали. Марья Дмитріевна остановилась въ дверяхъ и, съ высоты своего тучнаго тѣла, высоко держа свою съ сѣдыми буклями пятидесятилѣтнюю голову, оглядѣла гостей и, какъ бы засучиваясь, оправила неторопливо широкіе рукава своего платья. Марья Дмитріевна всегда говорила по-русски.

— Именинницѣ дорогой съ дѣтками, — сказала она своимъ громкимъ, густымъ, подавляющимъ всѣ другіе звуки голосомъ.— Ты что, старый грѣховодникъ, — обратилась она къ графу, цѣловавшему ея руку,—чай, скучаешь въ Москвѣ? собакъ гонять негдѣ? Да что, батюшка, дѣлать, вотъ какъ эти пташки подрастутъ...—Она указывала на дѣвицъ.—Хочешь—не хочешь, надо жениховъ искать.

— Ну, что, казакъ мой? (Марья Дмитріевна казакомъ называла Наташу) — говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую къ ея рукѣ безъ страха и весело.—Знаю, что зелье дѣвка, а люблю.

Она достала изъ огромнаго ридикюля яхонтовыя сережки грушками и, отдавъ ихъ именинно-сіявшей и разрумянившейся Наташѣ, тотчасъ же отвернулась отъ нея и обратилась къ Пьеру.

— Э, э! любезный! поди-ка сюда, — сказала она притворно-тихимъ и тонкимъ голосомъ. — Поди-ка, любезный...

И она грозно засучила рукава еще выше. Пьеръ подошелъ, наивно глядя на нее черезъ очки.

— Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то Богъ велитъ.

Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того, что будетъ, и чувствуя, что было только предисловіе.

— Хорошъ, нечего сказать! хорошъ мальчикъ!.. Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется, квартальнаго на медвѣдя верхомъ сажаетъ. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ.

Она отвернулась и подала руку графу, который едва удержался отъ смѣха.

— Ну что жъ, къ столу, я чай, пора? — сказала Марья Дмитріевна.

Впереди пошелъ графъ съ Марьей Дмитріевной; потомъ графиня, которую повелъ гусарскій полковникъ, нужный человѣкъ, съ которымъ Николай долженъ былъ догонять полкъ. Анна Михайловна — съ Шиншинымъ. Бергъ подалъ руку Вѣрѣ. Улыбающаяся Жюли Карагина пошла съ Николаемъ къ столу. За ними шли еще другія пары, протянувшіяся по всей залѣ, и сзади всѣхъ поодиночкѣ дѣти, гувернеры и гувернантки. Офиціанты зашевелились, стулья загремѣли, на хорахъ заиграла музыка, и гости размѣстились. Звуки домашней музыки графа замѣнились звуками ножей и вилокъ, говора гостей, тихихъ шаговъ офиціантовъ. На одномъ концѣ стола во главѣ сидѣла графиня. Справа Марья Дмитріевна, слѣва Анна Михайловна и другія гостьи. На другомъ концѣ сидѣлъ графъ, слѣва гусарскій полковникъ, справа Шиншинъ и другіе гости мужского пола. Съ одной стороны длиннаго стола молодежь постарше: Вѣра рядомъ съ Бергомъ, Пьеръ рядомъ съ Борисомъ; съ другой стороны — дѣти, гувернеры и гувернантки. Графъ изъ-за хрусталя, бутылокъ и вазъ съ фруктами поглядывалъ на жену и ея высокій чепецъ съ голубыми лентами и усердно подливалъ вина своимъ сосѣдямъ, не забы-

вая и себя. Графиня такъ же, изъ-за ананасовъ, не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, котораго лысина и лицо, казалось ей, своею краснотой рѣзче отличались отъ сѣдыхъ волосъ. На дамскомъ концѣ шло равномѣрное лепетанье, на мужскомъ все громче и громче слышались голоса, особенно гусарскаго полковника, который такъ много ѣлъ и пилъ, все болѣе и болѣе краснѣя, что графъ уже ставилъ его въ примѣръ другимъ гостямъ. Бергъ съ нѣжной улыбкой говорилъ съ Вѣрой о томъ, что любовь есть чувство не земное, а небесное. Борисъ называлъ новому своему пріятелю Пьеру бывшихъ за столомъ гостей и переглядывался съ Наташей, сидѣвшей противъ него. Пьеръ мало говорилъ, оглядывалъ новыя лица и много ѣлъ. Начиная отъ двухъ суповъ, изъ которыхъ онъ выбралъ à la tortue, и кулебяки и до рябчиковъ, онъ не пропускалъ ни одного блюда и ни одного вина, которое дворецкій въ завернутой салфеткою бутылкѣ таинственно высовывалъ изъ-за плеча сосѣда, приговаривая или «дрей-мадера», или «венгерское», или «рейнвейнъ». Онъ подставлялъ первую попавшуюся изъ четырехъ хрустальныхъ, съ вензелемъ графа, рюмокъ, стоявшихъ передъ каждымъ приборомъ, и пилъ съ удовольствіемъ, все съ болѣе и болѣе пріятнымъ видомъ поглядывая на гостей. Наташа, сидѣвшая противъ него, глядѣла на Бориса, какъ глядятъ дѣвочки тринадцати лѣтъ на мальчика, съ которымъ онѣ въ первый разъ только что поцѣловались и въ котораго онѣ влюблены. Этотъ самый взглядъ ея иногда обращался на Пьера, и ему подъ взглядомъ этой смѣшной оживленной дѣвочки хотѣлось смѣяться самому, не зная чему.

Николай сидѣлъ далеко отъ Сони, подлѣ Жюли Карагиной, и опять съ той же невольной улыбкой что-то говорилъ съ ней. Соня улыбалась парадно, но, видимо, мучилась ревностью: то блѣднѣла, то краснѣла и всѣми силами прислушивалась къ тому, что говорили между собой Николай и Жюли. Гувернантка безпокойно оглядывалась, какъ бы приготавливаясь къ отпору, ежели бы кто вздумалъ обидѣть дѣтей. Гувернеръ-нѣмецъ старался запомнить всѣ роды кушаній, десертовъ и винъ съ тѣмъ, чтобы описать все подробно въ письмѣ къ домашнимъ въ Германію, и весьма обижался тѣмъ, что дворецкій, съ завернутой въ салфетку бутылкой, обносилъ его. Нѣмецъ хмурился, старался показать видъ, что онъ и не желалъ получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотѣлъ понять, что вино нужно было ему не для того, чтобы утолить жажду, не изъ жадности, а изъ добросовѣстной любознательности.

XIX.

На мужскомъ концѣ стола разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Полковникъ разсказалъ, что манифестъ объ объявленіи войны уже вышелъ въ Петербургѣ и что экземпляръ, который онъ самъ видѣлъ, доставленъ нынѣ курьеромъ главнокомандующему.

— И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать съ Бонапартомъ?— сказалъ Шиншинъ.— Il a déjà rabattu le caquet à l'Autriche. Je crains que cette fois ce ne soit notre tour [1]).

Полковникъ былъ плотный, высокій и сангвиническій нѣмецъ, очевидно служака и патріотъ. Онъ обидѣлся словами Шиншина.

— А затэмъ, мылостывый государъ, — сказалъ онъ, выговаривая э вмѣсто е и ъ вмѣсто ы. — Затэмъ, что импэраторъ это знаэтъ. Онъ въ манифэстэ сказалъ, что нэ можэтъ смотрэтъ равнодушно на опасности, угрожающія Россіи, и что бэзопасностъ имперіи, достоинство ея и святостъ *союзовъ*... — сказалъ онъ, почему-то особенно налегая на слово «союзовъ», какъ будто въ этомъ была вся сущность дѣла.

И со свойственною ему непогрѣшимою, офиціальною памятью онъ повторилъ вступительныя слова манифеста: «и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль государя составляющее: водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ — рѣшили его двинуть нынѣ часть войска за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новаго условія».

— Вотъ зачэмъ, мылостывый государъ,—заключилъ онъ, назидательно выпивая стаканъ вина и оглядываясь на графа за поощреніемъ.

— Connaissez vous le proverbe [2]): «Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена»,—сказалъ Шиншинъ, морщась и улыбаясь. — Cela nous convient à merveille [3]). Ужъ на что Суворова—и того расколотили, à plate couture, а гдѣ у насъ Суворовы теперь? Je vous demande un peu, — безпрестанно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ, говорилъ онъ.

— Мы должны и драться до послэднэ капли крова,—сказалъ полковникъ, ударяя по столу,—и умэр-р-рэтъ за своего импэратора, и тогда всэй будэтъ хорошо. А разсуждать какъ мо-о-ожно (онъ особенно вытянулъ голосъ на словѣ «можно»), какъ мо-о-ожно

---

[1]) Онъ уже сбилъ спесь съ Австріи. Боюсь, не пришелъ бы теперь нашъ чередъ.

[2]) Знаете пословицу.

[3]) Это намъ кстати.

мнѣ, — докончилъ онъ, опять обращаясь къ графу.—Такъ старые гусары судимъ, вотъ и все. А вы какъ судитэ, молодой человэкъ и молодой гусаръ? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Николаю, который, услыхавъ, что дѣло шло о войнѣ, оставилъ свою собесѣдницу и во всѣ глаза смотрѣлъ и всѣми ушами слушалъ полковника.

— Совершенно съ вами согласенъ,—отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ, вертя тарелку и переставляя стаканы съ такимъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ, какъ будто въ настоящую минуту онъ подвергался великой опасности. — Я убѣжденъ, что русскіе должны умирать или побѣждать, — сказалъ онъ, самъ чувствуя такъ же, какъ и другіе, послѣ того, какъ слово уже было сказано, что оно было слишкомъ восторженно и напыщенно для настоящаго случая и потому неловко.

— C'est bien beau ce que vous venez de dire [1]),—сказала сидѣвшая подлѣ него Жюли.

Соня задрожала вся и покраснѣла до ушей, за ушами и до шеи плечъ въ то время, какъ Николай говорилъ.

Пьеръ прислушался къ рѣчамъ полковника и одобрительно закивалъ головой.

— Вотъ это славно, — сказалъ онъ.

— Настоящэй гусаръ, молодой человэкъ,—крикнулъ полковникъ, ударивъ опять по столу.

— О чемъ вы тамъ шумите? — вдругъ послышался черезъ столъ басистый голосъ Марьи Дмитріевны. — Что ты по столу стучишь? — обратилась она къ гусару, — на кого ты горячишься? Вѣрно, думаешь, что тутъ французы передъ тобой?

— Я правду говору, — улыбаясь сказалъ гусаръ.

— Все о войнѣ, — черезъ столъ прокричалъ графъ. — Вѣдь у меня сынъ идетъ, Марья Дмитріевна; сынъ идетъ.

— А у меня четыре сына въ арміи, а я не тужу. На все воля Божья: и на печи лежа умрешь, и въ сраженіи Богъ помилуетъ,—прозвучалъ безъ всякаго усилія съ того конца стола густой голосъ Марьи Дмитріевны.

— Это такъ.

И разговоръ опять сосредоточился—дамскій на своемъ концѣ стола, мужской на своемъ.

— А вотъ не спросишь, — говорилъ маленькій братъ Наташѣ, — а вотъ не спросишь!

— Спрошу, — отвѣчала Наташа.

---

[1]) Какъ прекрасно то, что вы сказали.

Лицо ея вдругъ разгорѣлось, выражая отчаянную и вёселую рѣшимость. Она привстала, приглашая взглядомъ Пьера, сидѣвшаго противъ нея, прислушаться, и обратилась къ матери:

— Мама! — прозвучалъ по всему столу ея дѣтски-грудной голосъ.

— Что тебѣ?—спросила графиня испуганно, но, по лицу дочери увидѣвъ, что это была шалость, строго замахала ей рукой, дѣлая угрожающій и отрицательный жестъ головой.

Разговоръ притихъ.

— Мама! какое пирожное будетъ? — еще рѣшительнѣе, не срываясь, прозвучалъ голосокъ Наташи.

Графиня хотѣла хмуриться, но не могла. Марья Дмитріевна погрозила толстымъ пальцемъ.

— Казакъ, — проговорила она съ угрозой.

Большинство гостей смотрѣли на старшихъ, не зная, какъ слѣдуетъ принять эту выходку.

— Вотъ я тебя! — сказала графиня.

— Мама! что̀ пирожное будетъ?—закричала Наташа уже смѣло и капризно-весело, впередъ увѣренная, что выходка ея будетъ принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались отъ смѣха.

— Вотъ и спросила,—прошептала Наташа маленькому брату и Пьеру, на котораго она опять взглянула.

— Мороженое, только тебѣ не дадутъ, — сказала Марья Дмитріевна.

Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна! какое мороженое? Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое? — почти кричала она. — Я хочу знать!

Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, и за ними всѣ гости. Всѣ смѣялись не отвѣту Марьи Дмитріевны, но непостижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинюшкой, и гости, вставая, поздравляли графиню, черезъ столъ чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ съ другомъ. Опять забѣгали офиціанты, загремѣли стулья, и въ томъ же порядкѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

XX.

Раздвинули бостонные столы, составили партіи, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ.

Графъ, распустивъ карты вѣеромъ, съ трудомъ удерживался отъ привычки послѣобѣденнаго сна и всему смѣялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около клавикордъ и арфы. Жюли первая, по просьбѣ всѣхъ, сыграла на арфѣ пьеску съ варіаціями и вмѣстѣ съ другими дѣвицами стала просить Наташу и Николая, извѣстныхъ своею музыкальностью, спѣть что-нибудь. Наташа, къ которой обратились, какъ къ большой, была, видимо, этимъ очень горда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и робѣла.

— Что будемъ пѣть? — спросила она.

— «Ключъ», — отвѣчалъ Николай.

— Ну, давайте скорѣе. Борисъ, идите сюда, — сказала Наташа. — А гдѣ же Соня?

Она оглянулась и, увидавъ, что ея друга нѣтъ въ комнатѣ, побѣжала за ней.

Вбѣжавъ въ Сонину комнату и не найдя тамъ свою подругу, Наташа пробѣжала въ дѣтскую—и тамъ не было Сони. Наташа поняла, что Соня была въ коридорѣ на сундукѣ. Сундукъ въ коридорѣ былъ мѣсто печалей женскаго молодого поколѣнія дома Ростовыхъ. Дѣйствительно, Соня въ своемъ воздушномъ розовомъ платьицѣ, приминая его, лежала ничкомъ на грязной полосатой няниной перинѣ, на сундукѣ и, закрывъ лицо пальчиками, навзрыдъ плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, цѣлый день именинное, вдругъ измѣнилось: глаза ея остановились, потомъ содрогнулась ея широкая шея, углы губъ опустились.

— Соня! что̀ ты?.. Что̀, что̀ съ тобой? У-у-у!..

И Наташа, распустивъ свой большой ротъ и сдѣлавшись совершенно дурною, заревѣла какъ ребенокъ, не зная причины и только оттого, что Соня плакала. Соня хотѣла поднять голову, хотѣла отвѣчать, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присѣвъ на синей перинѣ и обнимая друга. Собравшись съ силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и разсказывать.

— Николенька ѣдетъ черезъ недѣлю, его... бумага... вышла... онъ самъ мнѣ сказалъ... Да я бы все не плакала... (она показала бумажку, которую держала въ рукѣ: то были стихи, написанные Николаемъ) я бы все не плакала, но ты не можешь... никто не можетъ понять... какая у него душа.

И она опять принялась плакать о томъ, что душа его была такъ хороша.

— Тебѣ хорошо... я не завидую... я тебя люблю и Бориса тоже, — говорила она, собравшись немного съ силами: — онъ милый... для васъ нѣтъ препятствій. А Николай мнѣ cousin... надобно... самъ митрополитъ... и то нельзя. И потомъ, ежели маменькѣ... (Соня графиню и считала и называла матерью) она скажетъ, что я порчу карьеру Николая, у меня нѣтъ сердца, что я неблагодарная, а право... вотъ ей-Богу... (она перекрестилась) я такъ люблю и ее и всѣхъ васъ, только Вѣра одна... За что? Что я ей сдѣлала? Я такъ благодарна вамъ, что рада бы всѣмъ пожертвовать, да мнѣ нечѣмъ...

Соня не могла больше говорить и опять спрятала голову въ рукахъ и перинѣ. Наташа начинала успокоивать, но по лицу ея видно было, что она понимала всю важность горя своего друга.

— Соня! — сказала она вдругъ, какъ будто догадавшись о настоящей причинѣ огорченія кузины, — вѣрно, Вѣра съ тобой говорила послѣ обѣда? Да?

— Да, эти стихи самъ Николай написалъ, а я списала еще другіе; она и нашла ихъ у меня на столѣ и сказала, что покажетъ ихъ маменькѣ, и еще говорила, что я неблагодарная, что маменька никогда не позволитъ ему жениться на мнѣ, а онъ женится на Жюли. Ты видишь, какъ онъ съ ней цѣлый день... Наташа! За что?..

И опять она заплакала горьче прежняго. Наташа приподняла ее, обняла и, улыбаясь сквозь слезы, стала ее успокоивать.

— Соня, ты не вѣрь ей, душенька; не вѣрь. Помнишь, какъ мы всѣ втроемъ говорили съ Николенькой въ диванной; помнишь, послѣ ужина? Вѣдь мы все рѣшили, какъ будетъ. Я уже не помню какъ, но помнишь, какъ было все хорошо, и все можно. Вотъ дяденьки Шиншина братъ женатъ же на двоюродной сестрѣ, а мы вѣдь троюродные. И Борисъ говорилъ, что это очень можно. Ты знаешь, я ему все сказала. А онъ такой умный и такой хорошій,—говорила Наташа.—Ты, Соня, не плачь, голубчикъ милый, душенька, Соня. (И она цѣловала ее смѣясь.) Вѣра злая, Богъ съ ней! А все будетъ хорошо, и маменькѣ она не скажетъ; Николенька самъ скажетъ, и онъ и не думалъ о Жюли.

И она цѣловала ее въ голову. Соня приподнялась, и котеночекъ оживился, глазки заблистали, и онъ готовъ былъ, казалось, вотъ-вотъ взмахнуть хвостомъ, вспрыгнуть на мягкія лапки и опять заиграть съ клубкомъ, какъ ему и было прилично.

— Ты думаешь? Право? Ей-Богу? — сказала она, быстро оправляя платье и прическу.

— Право, ей-Богу! — отвѣчала Наташа, оправляя своему другу подъ косой выбившуюся прядь жесткихъ волосъ.

И онѣ обѣ засмѣялись.

— Ну, пойдемъ пѣть «Ключъ».

— Пойдемъ.

— А знаешь, этотъ толстый Пьеръ, что противъ меня сидѣлъ, такой смѣшной! — сказала вдругъ Наташа останавливаясь. — Мнѣ очень весело!.

И Наташа побѣжала по коридору.

Соня, отряхнувъ пухъ и спрятавъ стихи за пазуху, къ шейкѣ съ выступавшими костями груди, легкими, веселыми шагами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, побѣжала вслѣдъ за Наташей по коридору въ диванную. По просьбѣ гостей молодые люди спѣли квартетъ «Ключъ», который всѣмъ очень понравился; потомъ Николай спѣлъ вновь выученную имъ пѣсню.

Въ пріятну ночь, при лунномъ свѣтѣ,
Представить счастливо себѣ,
Что нѣкто есть еще на свѣтѣ,
Кто думаетъ и о тебѣ!
Что и она, рукой прекрасной
По арфѣ золотой бродя,
Своей гармоніею страстной
Зоветъ къ себѣ, зоветъ тебя!
Еще день, два, и рай настанетъ...
Но ахъ! твой другъ не доживетъ!

И онъ не допѣлъ еще послѣднихъ словъ, когда въ залѣ молодежь приготовилась къ танцамъ и на хорахъ застучали ногами и закашляли музыканты.

Пьеръ сидѣлъ въ гостиной, гдѣ Шиншинъ, какъ съ пріѣзжимъ изъ-за границы, завелъ съ нимъ скучный для Пьера политическій разговоръ, къ которому присоединились и другіе. Когда заиграла музыка, Наташа вошла въ гостиную и, подойдя прямо къ Пьеру, смѣясь и краснѣя, сказала:

— Мама велѣла васъ просить танцовать.

— Я боюсь спутать фигуры, — сказалъ Пьеръ, — но ежели вы хотите быть моимъ учителемъ...

И онъ подалъ свою толстую руку, низко опуская ее, тоненькой дѣвочкѣ.

Пока разстанавливались пары и строили музыканты, Пьеръ сѣлъ съ своей маленькой дамой. Наташа была совершенно

счастлива: она танцовала съ *большимъ*, съ пріѣхавшимъ *изъ-за границы*. Она сидѣла на виду у всѣхъ и разговаривала съ нимъ, какъ большая. У нея въ рукѣ былъ вѣеръ, который ей дала подержать одна барышня. И, принявъ самую свѣтскую позу (Богъ знаетъ, гдѣ и когда она этому научилась), она, обмахиваясь вѣеромъ и улыбаясь черезъ вѣеръ, говорила съ своимъ кавалеромъ.

— Какова, какова? Смотрите, смотрите, — сказала старая графиня, проходя черезъ залу и указывая на Наташу.

Наташа покраснѣла и засмѣялась.

— Ну, что вы, мама? Ну, что вамъ за охота? что жъ тутъ удивительнаго?

Въ серединѣ третьяго экосеза зашевелились стулья въ гостиной, гдѣ играли графъ и Марья Дмитріевна, и большая часть почетныхъ гостей и старички, потягиваясь послѣ долгаго сидѣнья и укладывая въ карманы бумажники и кошельки, выходили въ двери залы. Впереди шла Марья Дмитріевна съ графомъ—оба съ веселыми лицами. Графъ съ шутливою вѣжливостью, какъ-то по-балетному, подалъ округленную руку Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ выпрямился, и лицо его озарилось особенною молодецки-хитрою улыбкой, и какъ только дотанцовали послѣднюю фигуру экосеза, онъ ударилъ въ ладоши музыкантамъ и закричалъ на хоры, обращаясь къ первой скрипкѣ:

— Семенъ! Данилу Купора знаешь?

Это былъ любимый танецъ графа, танцованный имъ еще въ молодости. (Данило Куворъ была собственно одна фигура *англеза*.)

— Смотрите на папа!—закричала на всю залу Наташа (совершенно забывъ, что она танцуетъ съ большимъ), пригибая къ колѣнямъ свою кудрявую головку и заливаясь своимъ звонкимъ смѣхомъ по всей залѣ.

Дѣйствительно, все, что только было въ залѣ, съ улыбкою радости смотрѣло на веселаго старичка, который рядомъ съ своею сановитою дамой, Марьей Дмитріевной, бывшей выше его ростомъ, округлялъ руки, въ тактъ потряхивая ими, расправлялъ плечи, вывертывалъ ноги, слегка притопывая, и все болѣе и болѣе распускавшеюся улыбкой на своемъ кругломъ лицѣ приготовлялъ зрителей къ тому, что будетъ. Какъ только заслышались веселые, вызывающіе звуки Данилы Купора, похожіе на развеселаго трепачка, всѣ двери залы вдругъ заставились съ одной стороны мужскими, съ другой—женскими улыбающимися лицами дворовыхъ, вышедшихъ посмотрѣть на веселящагося барина.

— Батюшка-то нашъ! Орелъ!—проговорила громко няня изъ одной двери.

Графъ танцовалъ хорошо и зналъ это, но его дама вовсе не умѣла и не хотѣла хорошо танцовать. Ея огромное тѣло стояло прямо съ опущенными внизъ мощными руками (она передала ридикюль графинѣ); только одно строгое, но красивое лицо ея танцовало. Что́ выражалось во всей круглой фигурѣ графа, у Марьи Дмитріевны выражалось лишь въ болѣе и болѣе улыбающемся лицѣ и вздергивающемся носѣ. Но зато, ежели графъ, все болѣе и болѣе расходясь, плѣнялъ зрителей неожиданностью ловкихъ вывертокъ и легкихъ прыжковъ своихъ мягкихъ ногъ, Марья Дмитріевна малѣйшимъ усердіемъ при движеніи плечъ или округленіи рукъ въ поворотахъ и притопываньяхъ производила не меньшее впечатлѣніе, по заслугѣ, которую цѣнилъ всякій при ея тучности и всегдашней суровости. Пляска оживлялась все болѣе и болѣе. Визави не могли ни на минуту обратить на себя вниманія и даже не старались о томъ. Все было занято графомъ и Марьей Дмитріевной. Наташа дергала за рукава и платье всѣхъ присутствовавшихъ, которые и безъ того не спускали глазъ съ танцующихъ, и требовала, чтобъ смотрѣли на папеньку. Графъ въ промежуткахъ танца тяжело переводилъ духъ, махалъ и кричалъ музыкантамъ, чтобъ они играли скорѣе. Скорѣе, скорѣе и скорѣе, лише, лише и лише развертывался графъ, то на цыпочкахъ, то на каблукахъ носясь вокругъ Марьи Дмитріевны, и, наконецъ, повернувъ свою даму къ ея мѣсту, сдѣлалъ послѣднее па, поднявъ сзади кверху свою мягкую ногу, склонивъ вспотѣвшую голову съ улыбающимся лицомъ и округло размахнувъ правой рукой среди грохота рукоплесканій и хохота, особенно Наташи. Оба танцующіе остановились, тяжело переводя дыханіе и утираясь батистовыми платками.

— Вотъ какъ въ наше время танцовывали, ma chère,—сказалъ графъ.

— Ай да Данила Купоръ!—тяжело и продолжительно выпуская духъ и засучивая рукава, сказала Марья Дмитріевна.

XXI.

Въ то время, какъ у Ростовыхъ танцовали въ залѣ шестой *англезъ* подъ звуки отъ усталости фальшивившихъ музыкантовъ и усталые офиціанты и повара готовили ужинъ, съ графомъ Безуховымъ сдѣлался шестой ударъ. Доктора объявили, что надежды къ выздоровленію нѣтъ; больному дана была глухая

исповѣдь и причастіе; дѣлали приготовленія для соборованія, и въ домѣ была суетня и тревога ожиданія, обыкновенныя въ такія минуты. Внѣ дома, за воротами толпились, скрываясь отъ подъѣзжавшихъ экипажей, гробовщики, ожидая богатаго заказа на похороны графа. Главнокомандующій Москвы, который безпрестанно присылалъ адъютантовъ узнавать о положеніи графа, въ этотъ вечеръ самъ пріѣзжалъ проститься съ знаменитымъ Екатерининскимъ вельможей, графомъ Безуховымъ.

Великолѣпная пріемная комната была полна. Всѣ почтительно встали, когда главнокомандующій, пробывъ около получаса наединѣ съ больнымъ, вышелъ оттуда, слегка отвѣчая на поклоны и стараясь какъ можно скорѣе пройти мимо устремленныхъ на него взглядовъ докторовъ, духовныхъ лицъ и родственниковъ. Князь Василій, похудѣвшій и поблѣднѣвшій за эти дни, провожалъ главнокомандующаго и что-то нѣсколько разъ тихо повторилъ ему.

Проводивъ главнокомандующаго, князь Василій сѣлъ въ залѣ одинъ на стулъ, закинувъ высоко ногу на ногу, на колѣнку упирая локоть и рукою закрывъ глаза. Посидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ всталъ и непривычно-поспѣшными шагами, оглядываясь кругомъ испуганными глазами, пошелъ черезъ длинный коридоръ на заднюю половину дома, къ старшей княжнѣ.

Находившіеся въ слабо освѣщенной комнатѣ неровнымъ шопотомъ говорили между собой и замолкали каждый разъ и полными вопроса и ожиданія глазами оглядывались на дверь, которая вела въ покои умирающаго и издавала слабый звукъ, когда кто-нибудь выходилъ изъ нея или входилъ въ нее.

— Предѣлъ человѣческій, — говорилъ старичокъ, духовное лицо, дамѣ, подсѣвшей къ нему и наивно слушавшей его,—предѣлъ положенъ, его же не прейдеши.

— Я думаю, не поздно ли соборовать?—прибавляя духовный титулъ, спрашивала дама, какъ будто не имѣя на этотъ счетъ никакого своего мнѣнія.

— Таинство, матушка, великое,— отвѣчало духовное лицо, проводя рукою по лысинѣ, по которой пролегало нѣсколько прядей зачесанныхъ полусѣдыхъ волосъ.

— Это кто же? самъ главнокомандующій былъ?— спрашивали въ другомъ концѣ комнаты.— Какой моложавый!..

— А седьмой десятокъ! Что, говорятъ, графъ-то не узнаетъ ужъ? Хотѣли соборовать.

— Я одного зналъ: семь разъ соборовался.

Вторая княжна только вышла изъ комнаты больного съ заплаканными глазами и сѣла подлѣ доктора Лоррена, который

въ граціозной позѣ сидѣлъ подъ портретомъ Екатерины, облокотившись на столъ.

— Trѐs beau, — говорилъ докторъ, отвѣчая на вопросъ о погодѣ,—trѐs beau, princesse, et puis, à Moscou on se croit à la campagne [1]).

— N'est-ce-pas? [2])—сказала княжна вздыхая.—Такъ можно ему пить?

Лорренъ задумался.

— Онъ принялъ лѣкарство?

— Да.

Докторъ посмотрѣлъ на брегетъ.

— Возьмите стаканъ отварной воды и положите une pincée (онъ своими тонкими пальцами показалъ, что значитъ une pincée) de cremortartari...

— *Не пило слушай,* — говорилъ нѣмецъ-докторъ адъютанту,—*чтопи съ третій ударъ шивь оставался.*

— А какой свѣжій былъ мужчина!—говорилъ адъютантъ.—И кому пойдетъ это богатство?—прибавилъ онъ шопотомъ.

— *Охотникъ найдутся,*—улыбаясь отвѣчалъ нѣмецъ.

Всѣ опять оглянулись на дверь: она скрипнула, и вторая княжна, сдѣлавъ питье, показанное Лорреномъ, понесла его больному. Нѣмецъ-докторъ подошелъ къ Лоррену.

— Еще, можетъ, дотянется до завтрашняго утра?—спросилъ нѣмецъ, дурно выговаривая по-французски.

Лорренъ, поджавъ губы, строго и отрицательно помахалъ пальцемъ передъ своимъ носомъ.

— Сегодня ночью, не позже,—сказалъ онъ тихо, съ приличною улыбкой самодовольства въ томъ, что ясно умѣетъ понимать и выражать положеніе больного, и отошелъ.

Между тѣмъ князь Василій отворилъ дверь въ комнату княжны.

Въ комнатѣ было полутемно; только двѣ лампадки горѣли передъ образами, и хорошо пахло куреньемъ и цвѣтами. Вся комната была установлена мелкою мебелью шифоньерокъ, шкапчиковъ, столиковъ. Изъ-за ширмъ виднѣлись бѣлыя покрывала высокой пуховой кровати. Собачка залаяла.

— Ахъ, это вы, mon cousin?

---

[1]) Прекрасная погода, княжна; и притомъ въ Москвѣ чувствуешь себя какъ въ деревнѣ.

[2]) Не правда ли?

Княжна встала и оправила волосы, которые у нея всегда, даже и теперь, были такъ необыкновенно гладки, какъ будто они были сдѣланы изъ одного куска съ головой и покрыты лакомъ.

— Что, случилось что-нибудь? — спросила она. — Я уже такъ напугалась.

— Ничего, все то же; я только пришелъ поговорить съ тобой, Катишь, о дѣлѣ, — проговорилъ князь, устало садясь на кресло, съ котораго она встала.—Какъ ты нагрѣла однако,— сказалъ онъ, — ну, садись сюда; causons.

— Я думала, не случилось ли что?—сказала княжна и съ своимъ неизмѣннымъ, каменно-строгимъ выраженіемъ лица сѣла противъ князя, готовясь слушать.

— Хотѣла уснуть, mon cousin, и не могу.

— Ну, что, моя милая?—сказалъ князь Василій, взявъ руку княжны и пригибая ее по своей привычкѣ книзу.

Видно было, что это «ну, что» относилось ко многому такому, что, не называя, они понимали оба.

Княжна, съ своею несообразно длинною по ногамъ, сухою и прямою таліей, прямо и безстрастно смотрѣла на князя выпуклыми сѣрыми глазами. Она покачала головой и, вздохнувъ, посмотрѣла на образа. Жестъ ея можно было объяснить и какъ выраженіе печали и преданности, и какъ выраженіе усталости и надежды на скорый отдыхъ. Князь Василій объяснилъ этотъ жестъ какъ выраженіе усталости.

— А мнѣ-то, — сказалъ онъ, — ты думаешь, легче? Je suis éreinté comme un cheval de poste [1]); а все-таки мнѣ надо съ тобой поговорить, Катишь, и очень серьезно.

Князь Василій замолчалъ, и щеки его начинали нервически подергиваться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу непріятное выраженіе, какое никогда не показывалось на лицѣ князя Василія, когда онъ бывалъ въ гостиныхъ. Глаза его тоже были не такіе, какъ всегда: то они смотрѣли нагло-шутливо, то испуганно оглядывались.

Княжна, своими сухими, худыми руками придерживая на колѣняхъ собачку, внимательно смотрѣла въ глаза князю Василію; но видно было, что она не прерветъ молчанія вопросомъ, хоть бы ей пришлось молчать до утра.

— Вотъ видите ли, моя милая княжна и кузина, Катерина Семеновна,—продолжалъ князь Василій, видимо не безъ внутренней борьбы приступая къ продолженію своей рѣчи,—въ такія

---

[1]) Я заморенъ какъ почтовая лошадь.

минуты, какъ теперь, обо всемъ надо подумать. Надо подумать о будущемъ, о васъ... Я васъ всѣхъ люблю, какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь.

Княжна такъ же тускло и неподвижно смотрѣла на него.

— Наконецъ, надо подумать и о моемъ семействѣ,—сердито отталкивая отъ себя столикъ и не глядя на нее, продолжалъ князь Василій: — ты знаешь, Катишь, что вы, три сестры Мамонтовы, да еще моя жена, мы одни прямые наслѣдники графа. Знаю, знаю, какъ тебѣ тяжело говорить и думать о такихъ вещахъ. И мнѣ не легче; но, другъ мой, мнѣ на шестой десятокъ, надо быть ко всему готовымъ. Ты знаешь ли, что я послалъ за Пьеромъ; что графъ прямо, указывая на его портретъ, требовалъ его къ себѣ?

Князь Василій вопросительно посмотрѣлъ на княжну, но не могъ понять, соображала ли она то, что онъ ей сказалъ, или просто смотрѣла на него...

— Я объ одномъ не перестаю молить Бога, mon cousin, — отвѣчала она,—чтобъ Онъ помиловалъ его и далъ бы его прекрасной душѣ спокойно покинуть эту...

— Да, это такъ, — нетерпѣливо продолжалъ князь Василій, потирая лысину и опять съ злобой придвигая къ себѣ отодвинутый столикъ,—но наконецъ... наконецъ дѣло въ томъ, ты сама знаешь, что прошлою зимой графъ написалъ завѣщаніе, по которому онъ все имѣніе, помимо прямыхъ наслѣдниковъ и насъ, отдавалъ Пьеру.

— Мало ли онъ писалъ завѣщаній! — спокойно сказала княжна.—Но Пьеру онъ не могъ завѣщать: Пьеръ незаконный.

— Ma chère, — сказалъ вдругъ князь Василій, прижавъ къ себѣ столикъ, оживившись и начавъ говорить скорѣй, — но что ежели письмо написано государю и графъ проситъ усыновить Пьера? Понимаешь, по заслугамъ графа его просьба будетъ уважена...

Княжна улыбнулась, какъ улыбаются люди, которые думаютъ, что знаютъ дѣло больше, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ разговариваютъ.

— Я тебѣ скажу больше,—продолжалъ князь Василій, хватая ее за руку:—письмо было написано, хотя и не отослано, и государь зналъ о немъ. Вопросъ только въ томъ, уничтожено ли оно или нѣтъ. Ежели нѣтъ, то какъ скоро *все кончится*,— князь Василій вздохнулъ, давая этимъ понять, *что* онъ разумѣлъ подъ словами *все кончится*,—и вскроютъ бумаги графа, завѣщаніе съ письмомъ будетъ передано государю, и просьба его навѣрно будетъ уважена. Пьеръ, какъ законный сынъ, получитъ все.

— А наша часть?—спросила княжна, иронически улыбаясь такъ, какъ будто все, но только не это, могло случиться.

— Mais, ma pauvre Catiche, c'est clair comme le jour [1]). Онъ одинъ тогда законный наслѣдникъ всего, а вы не получите ни вотъ этого. Ты должна знать, моя милая, были ли написаны завѣщаніе и письмо и уничтожены ли они. И ежели почему-нибудь они забыты, то ты должна знать, гдѣ они, и найти ихъ, потому что...

— Этого только недоставало!—перебила его княжна, сардонически улыбаясь и не измѣняя выраженія глазъ.—Я женщина; по-вашему мы всѣ глупы; но я настолько знаю, что незаконный сынъ не можетъ наслѣдовать... Un bâtard,—прибавила она, полагая этимъ переводомъ окончательно показать князю его неосновательность.

— Какъ ты не понимаешь, наконецъ, Катишь! Ты такъ умна: какъ ты не понимаешь, ежели графъ написалъ письмо государю, въ которомъ проситъ его признать сына законнымъ, стало-быть, Пьеръ уже будетъ не Пьеръ, а графъ Безуховъ, и тогда онъ по завѣщанію получитъ все? И ежели завѣщаніе съ письмомъ не уничтожены, то тебѣ, кромѣ утѣшенія, что ты была добродѣтельна, et tout ce qui s'en suit [2]), ничего не останется. Это вѣрно.

— Я знаю, что завѣщаніе написано; но знаю тоже, что оно недѣйствительно; и вы меня, кажется, считаете за совершенную дуру, mon cousin,—сказала княжна съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ говорятъ женщины, полагающія, что онѣ сказали нѣчто остроумное и оскорбительное.

— Милая ты моя княжна Катерина Семеновна,—нетерпѣливо заговорилъ князь Василій. — Я пришелъ къ тебѣ не затѣмъ, чтобы пикироваться съ тобой, а затѣмъ, чтобы какъ съ родной, хорошею, доброю, истинною родной поговорить о твоихъ же интересахъ. Я тебѣ говорю десятый разъ, что ежели письмо къ государю и завѣщаніе въ пользу Пьера есть въ бумагахъ графа, то ты, моя голубушка, и съ сестрами, не наслѣдница. Ежели ты мнѣ не вѣришь, то повѣрь людямъ знающимъ: я сейчасъ говорилъ съ Дмитріемъ Онуфріичемъ (это былъ адвокатъ дома), онъ то же сказалъ.

Видимо, что-то вдругъ измѣнилось въ мысляхъ княжны; тонкія губы поблѣднѣли (глаза остались тѣ же), и голосъ въ то время, какъ она заговорила, прорывался такими раскатами, какихъ она, видимо, сама не ожидала.

---

[1]) Но, моя дорогая Катишь, это ясно какъ день.
[2]) И всего, что отсюда вытекаетъ.

— Это было бы хорошо,—сказала она.—Я ничего не хотѣла и не хочу.

Она сбросила свою собачку съ колѣнъ и оправила складки платья.

— Вотъ благодарность, вотъ признательность людямъ, которые всѣмъ пожертвовали для него,—сказала она.—Прекрасно! Очень хорошо! Мнѣ ничего не нужно, князь.

— Да, но ты не одна, у тебя сестры,—отвѣтилъ князь Василій.

Но княжна не слушала его.

— Да, я это давно знала, но забыла, что, кромѣ низости, обмана, зависти, интригъ, кромѣ неблагодарности, самой черной неблагодарности, я ничего не могла ожидать въ этомъ домѣ...

— Знаешь ли ты или не знаешь, гдѣ это завѣщаніе?—спрашивалъ князь Василій еще съ большимъ, чѣмъ прежде, подергиваньемъ щекъ.

— Да, я была глупа, я еще вѣрила въ людей и любила ихъ и жертвовала собой. А успѣваютъ только тѣ, которые подлы и гадки. Я знаю, чьи это интриги.

Княжна хотѣла встать, но князь удержалъ ее за руку. Княжна имѣла видъ человѣка, вдругъ разочаровавшагося во всемъ человѣческомъ родѣ; она злобно смотрѣла на своего собесѣдника.

— Еще есть время, мой другъ. Ты помни, Катишь, что все это сдѣлалось нечаянно, въ минуту гнѣва, болѣзни, и потомъ забыто. Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его послѣднія минуты тѣмъ, чтобы не допустить его сдѣлать этой несправедливости, не дать ему умереть въ мысляхъ, что онъ сдѣлалъ несчастными тѣхъ людей.

— Тѣхъ людей, которые всѣмъ пожертвовали для него,—подхватила княжна, порываясь опять встать, но князь не пустилъ ее,—чего онъ никогда не умѣлъ цѣнить. Нѣтъ, mon cousin,—прибавила она со вздохомъ,—я буду помнить, что на этомъ свѣтѣ нельзя ждать награды, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ ни чести, ни справедливости. На этомъ свѣтѣ надо быть хитрою и злою.

— Ну, voyons, успокойся; я знаю твое прекрасное сердце.

— Нѣтъ, у меня злое сердце.

— Я знаю твое сердце,—повторилъ князь,—цѣню твою дружбу и желалъ бы, чтобы ты была обо мнѣ того же мнѣнія. Успокойся и parlons raison, пока есть время—можетъ сутки, можетъ часъ; разскажи мнѣ все, что ты знаешь о завѣщаніи, и главное, гдѣ оно: ты должна знать. Мы теперь же возьмемъ его и покажемъ графу. Онъ, вѣрно, забылъ уже про него и за-

хочетъ его уничтожить. Ты понимаешь, что мое одно желаніе— свято исполнить его волю; я затѣмъ только и пріѣхалъ сюда. Я здѣсь только затѣмъ, чтобы помогать ему и вамъ.

— Теперь я все поняла. Я знаю, чьи это интриги. Я знаю, — говорила княжна.

— Не въ томъ дѣло, моя душа.

— Это ваша protégée, ваша милая княгиня Друбецкая, Анна Михайловна, которую я не желала бы имѣть горничной, эту мерзкую, гадкую женщину.

— Ne perdons point de temps [1]).

— Ахъ, не говорите! Прошлую зиму она втерлась сюда и такія гадости, такія скверности наговорила графу на всѣхъ насъ, особенно Sophie,—я повторить не могу,—что графъ сдѣлался боленъ и двѣ недѣли не хотѣлъ насъ видѣть. Въ это время, я знаю, что онъ написалъ эту гадкую, мерзкую бумагу; но я думала, что эта бумага ничего не значитъ.

— Nous y voilà [2]), — отчего же ты прежде ничего не сказала мнѣ?

— Въ мозаиковомъ портфелѣ, который онъ держитъ подъ подушкой. Теперь я знаю,—сказала княжна, не отвѣчая.—Да, ежели есть за мной грѣхъ, большой грѣхъ, то это ненависть къ этой мерзавкѣ,—почти прокричала княжна, совершенно измѣнившись.—И зачѣмъ она втирается сюда? Но я ей выскажу все, все. Придетъ время!

XXII.

Въ то время, какъ такіе разговоры происходили въ пріемной и въ княжниной комнатахъ, карета съ Пьеромъ (за которымъ было послано) и съ Анной Михайловной (которая нашла нужнымъ ѣхать съ нимъ) въѣзжала во дворъ графа Безухова. Когда колеса кареты мягко зазвучали по соломѣ, настланной подъ окнами, Анна Михайловна, обратившись къ своему спутнику съ утѣшительными словами, убѣдилась въ томъ, что онъ спитъ въ углу кареты, и разбудила его. Очнувшись, Пьеръ за Анной Михайловной вышелъ изъ кареты и тутъ только подумалъ о томъ свиданіи съ умирающимъ отцомъ, которое его ожидало. Онъ замѣтилъ, что они подъѣхали не къ парадному, а къ заднему подъѣзду. Въ то время, какъ онъ сходилъ съ подножки, два человѣка въ мѣщанской одеждѣ торопливо отбѣжали отъ подъѣзда въ тѣнь стѣны. Пріостановившись, Пьеръ разглядѣлъ

---

[1]) Не будемъ терять время.
[2]) Въ этомъ-то и дѣло.

въ тѣни дома съ обѣихъ сторонъ еще нѣсколько такихъ же людей. Но ни Анна Михайловна, ни лакей, ни кучеръ, которые не могли не видѣть этихъ людей, не обратили на нихъ внимания. «Стало-быть, это такъ нужно», рѣшилъ самъ съ собой Пьеръ и прошелъ за Анной Михайловной. Анна Михайловна поспѣшными шагами шла вверхъ по слабо освѣщенной узкой каменной лѣстницѣ, подзывая отставшаго за ней Пьера, который хотя и не понималъ, для чего ему надо было вообще идти къ графу, и еще меньше, зачѣмъ ему надо было идти по задней лѣстницѣ, но, судя по увѣренности и поспѣшности Анны Михайловны, рѣшилъ про себя, что это было необходимо нужно. На половинѣ лѣстницы чуть не сбили ихъ съ ногъ какіе-то люди съ ведрами, которые, стуча сапогами, сбѣгали имъ навстрѣчу. Люди эти прижались къ стѣнѣ, чтобы пропустить Пьера съ Анной Михайловной, и не показали ни малѣйшаго удивленія при видѣ ихъ.

— Здѣсь на половину княжонъ?—спросила Анна Михайловна одного изъ нихъ.

— Здѣсь,—отвѣчалъ лакей смѣлымъ, громкимъ голосомъ, какъ будто теперь все уже было можно: дверь налѣво, матушка.

— Можетъ-быть, графъ не звалъ меня,—сказалъ Пьеръ въ то время, какъ онъ вышелъ на площадку:—я пошелъ бы къ себѣ.

Анна Михайловна остановилась, чтобы поровняться съ Пьеромъ.

— Ah, mon ami!—сказала она съ тѣмъ же жестомъ, какъ утромъ съ сыномъ, дотрогиваясь до его руки:—croyez que je souffre autant que vous, mais soyez homme [1]).

— Право, я пойду?—спросилъ Пьеръ, ласково черезъ очки глядя на Анну Михайловну.

— Ah, mon ami, oubliez les torts qu'on a pu avoir envers vous, pensez que c'est votre père... peut-être à l'agonie. (Она вздохнула.) Je vous ai tout de suite aimé comme mon fils. Fiez vous à moi, Pierre. Je n'oublierai pas vos intérêts [2]).

Пьеръ ничего не понималъ; опять ему еще сильнѣе показалось, что все это такъ должно быть, и онъ покорно послѣдовалъ за Анной Михайловной, уже отворявшею дверь.

Дверь выходила въ переднюю задняго хода. Въ углу сидѣлъ старикъ-слуга княжонъ и вязалъ чулокъ. Пьеръ никогда не былъ на этой половинѣ, даже не предполагалъ существованія такихъ

---

[1]) Повѣрьте, я страдаю не меньше васъ, но будьте мужчиной.

[2]) Забудьте, другъ мой, въ чемъ были противъ васъ неправы. Вспомните, что это вашъ отецъ... Можетъ-быть, въ агоніи. Я тотчасъ полюбила васъ, какъ сына. Довѣрьтесь мнѣ, Пьеръ. Я не забуду вашихъ интересовъ.

покоевъ. Анна Михайловна спросила у обгонявшей ихъ, съ графиномъ на подносѣ, дѣвушки (назвавъ ее милой и голубушкой) о здоровьѣ княжонъ и повлекла Пьера дальше по каменному коридору. Изъ коридора первая дверь налѣво вела въ жилыя комнаты княжонъ. Горничная, съ графиномъ, второпяхъ (какъ и все дѣлалось второпяхъ въ эту минуту въ этомъ домѣ) не затворила двери, и Пьеръ съ Анной Михайловной, проходя мимо, невольно заглянули въ ту комнату, гдѣ, разговаривая, сидѣли близко другъ отъ друга старшая княжна съ княземъ Василіемъ. Увидавъ проходящихъ, князь Василій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и откинулся назадъ; княжна вскочила и отчаяннымъ жестомъ изо всей силы хлопнула дверью, затворяя ее.

Жестъ этотъ былъ такъ не похожъ на всегдашнее спокойствіе княжны; страхъ, выразившійся на лицѣ князя Василія, былъ такъ несвойственъ его важности, что Пьеръ, остановившись, вопросительно, чрезъ очки, посмотрѣлъ на свою руководительницу. Анна Михайловна не выразила удивленія, она только слегка улыбнулась и вздохнула, какъ будто показывая, что всего этого она ожидала.

— Soyez homme, mon ami, c'est moi qui veillerai à vos intérêts [1]),—сказала она въ отвѣтъ на его взглядъ и еще скорѣе пошла по коридору.

Пьеръ не понималъ, въ чемъ дѣло, и еще меньше, что значило veiller à vos intérêts, но онъ понималъ, что все это такъ должно было быть. Коридоромъ они вышли въ полуосвѣщенную залу, примыкавшую къ пріемной графа. Это была одна изъ тѣхъ холодныхъ и роскошныхъ комнатъ, которыя зналъ Пьеръ, съ параднаго крыльца. Но и въ этой комнатѣ посрединѣ стояла пустая ванна и была пролита вода по ковру. Навстрѣчу имъ вышли на цыпочкахъ, не обращая на нихъ вниманія, слуга и причетникъ съ кадиломъ. Они вошли въ знакомую Пьеру пріемную съ двумя итальянскими окнами, выходомъ въ зимній садъ, съ большимъ бюстомъ и во весь ростъ портретомъ Екатерины. Всѣ тѣ же люди, почти въ тѣхъ же положеніяхъ, сидѣли, перешептываясь, въ пріемной. Всѣ, смолкнувъ, оглянулись на вошедшую Анну Михайловну, съ ея исплаканнымъ, блѣднымъ лицомъ, и на толстаго, большого Пьера, который, опустивъ голову, покорно слѣдовалъ за нею.

На лицѣ Анны Михайловны выразилось сознаніе того, что рѣшительная минута наступила; она, съ пріемами дѣловой пе-

---

[1]) Будьте мужчиной, другъ мой; я же стану блюсти за вашими интересами.

тербургской дамы, вошла въ комнату, не отпуская отъ себя Пьера, еще смѣлѣе, чѣмъ утромъ. Она чувствовала, что такъ какъ она ведетъ за собою того, кого желалъ видѣть умирающій, то пріемъ ея былъ обезпеченъ. Быстрымъ взглядомъ оглядѣвъ всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ, и замѣтивъ графова духовника, она, не то что согнувшись, но сдѣлавшись вдругъ меньше ростомъ, мелкою иноходью подплыла къ духовнику и почтительно приняла благословеніе одного, потомъ другого духовнаго лица.

— Слава Богу, что успѣли, — сказала она духовному лицу: — мы всѣ, родные, такъ боялись. Вотъ этотъ молодой человѣкъ — сынъ графа, — прибавила она тише. — Ужасная минута!

Проговоривъ эти слова, она подошла къ доктору.

— Cher docteur,—сказала она ему,—ce jeune homme est le fils du comte... y a-t-il de l'espoir? [1])

Докторъ молча, быстрымъ движеніемъ возвелъ кверху глаза и плечи. Анна Михайловна точно такимъ же движеніемъ возвела плечи и глаза, почти закрывъ ихъ, вздохнула и отошла отъ доктора къ Пьеру. Она особенно почтительно и нѣжно-грустно обратилась къ Пьеру.

— Ayez confiance en Sa miséricorde [2]),—сказала она ему, указавъ ему диванчикъ, чтобы сѣсть подождать ее, сама неслышно направилась къ двери, на которую всѣ смотрѣли, и вслѣдъ за чуть слышнымъ звукомъ этой двери скрылась за нею.

Пьеръ, рѣшившись во всемъ повиноваться своей руководительницѣ, направился къ диванчику, который она ему указала. Какъ только Анна Михайловна скрылась, онъ замѣтилъ, что взгляды всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ, больше чѣмъ съ любопытствомъ и съ участіемъ устремились на него. Онъ замѣтилъ, что всѣ перешептывались, указывая на него глазами, какъ будто со страхомъ и даже съ подобострастіемъ. Ему оказывали уваженіе, какого прежде никогда не оказывали: неизвѣстная ему дама, которая говорила съ духовными лицами, встала съ своего мѣста и предложила ему сѣсть; адъютантъ поднялъ уроненную Пьеромъ перчатку и подалъ ему; доктора почтительно замолкли, когда онъ проходилъ мимо ихъ, и посторонились, чтобы дать ему мѣсто. Пьеръ хотѣлъ сначала сѣсть на другое мѣсто, чтобы не стѣснять даму, хотѣлъ самъ поднять перчатку и обойти докторовъ, которые вовсе и не стояли на дорогѣ; но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было бы неприлично, онъ почувствовалъ, что онъ въ нынѣшнюю ночь есть лицо, которое обязано совер-

---

[1]) Этотъ молодой человѣкъ — сынъ графа... Есть ли надежда?
[2]) Довѣрьтесь Его милосердію.

шить какой-то страшный и ожидаемый всѣми обрядъ, и что поэтому онъ долженъ былъ принимать отъ всѣхъ услуги. Онъ принялъ молча перчатку отъ адъютанта, сѣлъ на мѣсто дамы, положивъ свои большія руки на симметрично выставленныя колѣни, въ наивной позѣ египетской статуи, и рѣшилъ про себя, что все это такъ именно должно быть и что ему въ нынѣшній вечеръ, для того чтобы не потеряться и не надѣлать глупостей, не слѣдуетъ дѣйствовать по своимъ соображеніямъ, а надобно предоставить себя вполнѣ на волю тѣхъ, которые руководили имъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ князь Василій, въ своемъ кафтанѣ съ тремя звѣздами, величественно, высоко неся голову, вошелъ въ комнату. Онъ казался похудѣвшимъ съ утра; глаза его были больше обыкновеннаго, когда онъ оглянулъ комнату и увидалъ Пьера. Онъ подошелъ къ нему, взялъ руку (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и потянулъ ее книзу, какъ будто онъ хотѣлъ испытать, крѣпко ли она держится.

— Courage, courage, mon ami. Il a demandé à vous voir. C'est bien [1]),—и онъ хотѣлъ идти.

Но Пьеръ почелъ нужнымъ спросить:

— Какъ здоровье...

Онъ замялся, не зная, прилично ли назвать умирающаго графомъ; назвать же отцомъ ему было совѣстно.

— Il a eu encore un coup, il y a une demi-heure. Еще былъ ударъ. Courage, mon ami... [2]).

Пьеръ былъ въ такомъ состояніи неясности мысли, что при словѣ «ударъ» ему представился ударъ какого-нибудь тѣла. Онъ недоумѣвая посмотрѣлъ на князя Василія и уже потомъ сообразилъ, что *ударомъ* называется болѣзнь. Князь Василій на ходу сказалъ нѣсколько словъ Лоррену и прошелъ въ дверь на цыпочкахъ. Онъ не умѣлъ ходить на цыпочкахъ и неловко подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ за нимъ прошла старшая княжна, потомъ прошли духовныя лица и причетники, люди (прислуга) тоже прошли въ дверь. За этою дверью послышалось передвиженіе, и наконецъ, все съ тѣмъ же блѣднымъ, но твердымъ въ исполненіи долга лицомъ, выбѣжала Анна Михайловна и, дотронувшись до руки Пьера, сказала:

— La bonté divine est inépuisable. C'est la cérémonie de l'extrême onction qui va commencer. Venez [3]).

---

[1]) Не унывать, не унывать, мой другъ. Онъ пожелалъ васъ видѣть. Это хорошо.

[2]) Полчаса назадъ у него былъ еще ударъ. Не унывать, мой другъ.

[3]) Милосердіе Божіе неисчерпаемо. Соборованіе сейчасъ начнется. Пойдемте.

Пьеръ прошелъ въ дверь, ступая по мягкому ковру, и замѣтилъ, что и адъютантъ, и незнакомая дама, и еще кто-то изъ прислуги — всѣ прошли за нимъ, какъ будто теперь уже не надо было спрашивать разрѣшенія входить въ эту комнату.

XXIII.

Пьеръ хорошо зналъ эту большую, раздѣленную колоннами и аркой комнату, всю обитую персидскими коврами. Часть комнаты за колоннами, гдѣ съ одной стороны стояла высокая краснаго дерева кровать, подъ шелковыми занавѣсами, а съ другой—огромный кіотъ съ образами, была красно и ярко освѣщена, какъ бываютъ освѣщены церкви во время вечерней службы. Подъ освѣщенными ризами кіота стояло длинное вольтеровское кресло, и на креслѣ, обложенномъ вверху снѣжно-бѣлыми, несмятыми, видимо только что перемѣненными подушками, укрытая до пояса ярко-зеленымъ одѣяломъ, лежала знакомая Пьеру величественная фигура его отца, графа Безухова, съ тою же сѣдою гривой волосъ, напоминавшихъ льва, надъ широкимъ лбомъ и съ тѣми же характерно-благородными крупными морщинами на красивомъ красно-желтомъ лицѣ. Онъ лежалъ прямо подъ образами; обѣ толстыя, большія руки его были выпростаны изъ-подъ одѣяла и лежали на немъ. Въ правую руку, лежавшую ладонью книзу, между большимъ и указательнымъ пальцами вставлена была восковая свѣча, которую, нагибаясь изъза кресла, придерживалъ въ ней старый слуга. Надъ кресломъ стояли духовныя лица въ своихъ величественныхъ, блестящихъ одеждахъ, съ выпростанными на нихъ длинными волосами, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и медленно-торжественно служили. Немного позади ихъ стояли двѣ младшія княжны, съ платкомъ въ рукахъ и у глазъ, и впереди ихъ старшая, Катишь, съ злобнымъ и рѣшительнымъ видомъ, ни на мгновеніе не спуская глазъ съ иконъ, какъ будто говорила всѣмъ, что не отвѣчаетъ за себя, если оглянется. Анна Михайловна, съ кроткою печалью и всепрощеніемъ на лицѣ, и неизвѣстная дама стояли у двери. Князь Василій стоялъ съ другой стороны двери, близко къ креслу, за рѣзнымъ бархатнымъ стуломъ, который онъ поворотилъ къ себѣ спинкой, и, облокотивъ на нее лѣвую руку со свѣчой, крестился правою, каждый разъ поднимая глаза кверху, когда приставлялъ персты ко лбу. Лицо его выражало спокойную набожность и преданность волѣ Божіей. «Ежели вы не понимаете этихъ чувствъ, то тѣмъ хуже для васъ», казалось, говорило его лицо.

Сзади его стоялъ адъютантъ, доктора и мужская прислуга, какъ бы въ церкви, мужчины и женщины раздѣлились. Все молчало, крестилось, только слышны были церковное чтеніе, сдержанное, густое, басовое пѣніе и въ минуты молчанія перестановка ногъ и вздохи. Анна Михайловна, съ тѣмъ значительнымъ видомъ, который показывалъ, что она знаетъ, что̀ дѣлаетъ, перешла черезъ всю комнату къ Пьеру и подала ему свѣчу. Онъ зажегъ ее и, развлеченный наблюденіями надъ окружающими, сталъ креститься тою же рукой, въ которой была свѣча.

Младшая, румяная и смѣшливая княжна Софи, съ родинкой, смотрѣла на него. Она улыбнулась, спрятала свое лицо въ платокъ и долго не открывала его; но, посмотрѣвъ на Пьера, опять засмѣялась. Она, видимо, чувствовала себя не въ силахъ глядѣть на него безъ смѣха, но не могла удержаться, чтобы не смотрѣть на него, и во избѣжаніе искушеній тихо перешла за колонну. Въ серединѣ службы голоса духовенства вдругъ замолкли, духовныя лица шопотомъ сказали что-то другъ другу; старый слуга, державшій руку графа, поднялся и обратился къ дамамъ. Анна Михайловна выступила впередъ и, нагнувшись надъ больнымъ, изъ-за спины пальцемъ поманила къ себѣ Лорена. Французъ-докторъ, стоявшій безъ зажженной свѣчи, прислонившись къ колоннѣ, въ той почтительной позѣ иностранца, которая показываетъ, что, несмотря на различіе вѣры, онъ понимаетъ всю важность совершающагося обряда и даже одобряетъ его, неслышными шагами человѣка во всей силѣ возраста подошелъ къ больному, взялъ своими бѣлыми тонкими пальцами его свободную руку съ зеленаго одѣяла и, отвернувшись, сталъ щупать пульсъ и задумался. Больному дали чего-то выпить, зашебелились около него, потомъ опять разступились по мѣстамъ, и богослуженіе возобновилось. Во время этого перерыва Пьеръ замѣтилъ, что князь Василій вышелъ изъ-за своей спинки стула и, съ тѣмъ же видомъ, который показывалъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и что тѣмъ хуже для другихъ, ежели они не понимаютъ его, не подошелъ къ больному, а, пройдя мимо его, присоединился къ старшей княжнѣ и съ нею вмѣстѣ направился въ глубь спальни, къ высокой кровати подъ шелковыми занавѣсами. Отъ кровати и князь и княжна оба скрылись въ заднюю дверь, но передъ концомъ службы одинъ за другимъ возвратились на свои мѣста. Пьеръ обратилъ на это обстоятельство не болѣе вниманія, какъ и на всѣ другія, разъ навсегда рѣшивъ въ своемъ умѣ, что все, что̀ совершалось передъ нимъ нынѣшній вечеръ, было такъ необходимо нужно.

Звуки церковнаго пѣнія прекратились, и послышался голосъ духовнаго лица, которое почтительно поздравляло больного съ принятіемъ таинства. Больной лежалъ все такъ же безжизненно и неподвижно. Вокругъ него все зашевелилось, послышались шаги и шопоты, изъ которыхъ шопотъ Анны Михайловны выдавался рѣзче всѣхъ.

Пьеръ слышалъ, какъ она сказала:

— Непремѣнно надо перенести на кровать, здѣсь никакъ нельзя будетъ...

Больного такъ обступили доктора, княжны и слуги, что Пьеръ уже не видалъ той красно-желтой головы съ сѣдою гривой, которая, несмотря на то, что онъ видѣлъ и другія лица, ни на мгновеніе не выходила у него изъ вида во все время службы. Пьеръ догадался по осторожному движенію людей, обступившихъ кресло, что умирающаго поднимали и переносили.

— За мою руку держись, уронишь такъ,—послышался ему испуганный шопотъ одного изъ слугъ.—Снизу... еще одинъ,— говорили голоса, и тяжелыя дыханія и переступанья ногами людей стали торопливѣе, какъ будто тяжесть, которую они несли, была сверхъ силъ ихъ.

Несущіе, въ числѣ которыхъ была и Анна Михайловна, поровнялись съ молодымъ человѣкомъ, и ему на мгновеніе изъ-за спинъ и затылковъ людей показалась высокая, жирная, открытая грудь, тучныя плечи больного, приподнятыя кверху людьми, державшими его подъ мышки, и сѣдая курчавая, львиная голова. Голова эта, съ необычайно широкимъ лбомъ и скулами, красивымъ чувственнымъ ртомъ и величественнымъ холоднымъ взглядомъ, была не обезображена близостью смерти. Она была такою же, какою зналъ ее Пьеръ назадъ тому три мѣсяца, когда графъ отпускалъ его въ Петербургъ. Но голова эта безпомощно покачивалась отъ неровныхъ шаговъ несущихъ, и холодный, безучастный взглядъ не зналъ, на чемъ остановиться.

Прошло нѣсколько минутъ суетни около высокой кровати; люди, несшіе больного, разошлись. Анна Михайловна дотронулась до руки Пьера и сказала ему: «Venez». Пьеръ вмѣстѣ съ нею подошелъ къ кровати, на которой, въ праздничной позѣ, видимо имѣвшей отношеніе къ только что совершонному таинству, былъ положенъ больной. Онъ лежалъ, высоко опираясь головой на подушки. Руки его были симметрично выложены на зеленомъ шелковомъ одѣялѣ ладонями внизъ. Когда Пьеръ подошелъ, графъ глядѣлъ прямо на него, но глядѣлъ тѣмъ взглядомъ, котораго смыслъ и значеніе нельзя понять человѣку. Или этотъ взглядъ ровно ничего не говорилъ, какъ только то, что,

покуда есть глаза, надо же глядѣть куда-нибудь, или онъ говорилъ слишкомъ многое. Пьеръ остановился, не зная, что ему дѣлать, и вопросительно оглянулся на свою руководительницу, Анну Михайловну. Анна Михайловна сдѣлала ему торопливый жестъ глазами, указывая на руку больного и губами посылая ей воздушный поцѣлуй. Пьеръ, старательно вытягивая шею, чтобы не зацѣпить за одѣяло, исполнилъ ея совѣтъ и приложился къ ширококостной и мясистой рукѣ. Ни рука, ни одинъ мускулъ лица графа не дрогнули. Пьеръ опять вопросительно посмотрѣлъ на Анну Михайловну, спрашивая теперь, что ему дѣлать. Анна Михайловна глазами указала ему на кресло, стоявшее подлѣ кровати. Пьеръ покорно сталъ садиться на кресло, глазами продолжая спрашивать, то ли онъ сдѣлалъ, что нужно. Анна Михайловна одобрительно кивнула головой. Пьеръ принялъ опять симметрично-наивное положеніе египетской статуи, видимо соболѣзнуя о томъ, что неуклюжее и толстое тѣло его занимало такое большое пространство, и употребляя всѣ душевныя силы, чтобы казаться какъ можно меньше. Онъ смотрѣлъ на графа. Графъ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ находилось лицо Пьера въ то время, какъ онъ стоялъ. Анна Михайловна являла въ своемъ положеніи сознаніе трогательной важности этой послѣдней минуты свиданія отца съ сыномъ. Это продолжалось двѣ минуты, которыя показались Пьеру часомъ. Вдругъ въ крупныхъ мускулахъ и морщинахъ лица графа появилось содроганіе. Содроганіе усиливалось, красивый ротъ покривился (тутъ только Пьеръ понялъ, до какой степени отецъ его былъ близокъ къ смерти), изъ перекривленнаго рта послышался неясный, хриплый звукъ. Анна Михайловна старательно смотрѣла въ глаза больному и, стараясь угадать, чего было нужно ему, указывала то на Пьера, то на питье, то шопотомъ вопросительно называла князя Василія, то указывала на одѣяло. Глаза и лицо больного выказывали нетерпѣніе. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы взглянуть на слугу, который безотходно стоялъ у изголовья постели.

— На другой бочокъ перевернуться хотятъ, — прошепталъ слуга и поднялся, чтобы переворотить лицомъ къ стѣнѣ тяжелое тѣло графа.

Пьеръ всталъ, чтобы помочь слугѣ.

Въ то время, какъ графа переворачивали, одна рука его безпомощно завалилась назадъ, и онъ сдѣлалъ напрасное усиліе, чтобы перетащить ее. Замѣтилъ ли графъ тотъ взглядъ ужаса, съ которымъ Пьеръ смотрѣлъ на эту безжизненную руку, или какая другая мысль промелькнула въ его умирающей головѣ въ

эту минуту, но онъ посмотрѣлъ на непослушную руку, на выраженіе ужаса въ лицѣ Пьера, опять на руку, и на лицѣ его явилась такъ не шедшая къ его чертамъ слабая, страдальческая улыбка, выражавшая какъ бы насмѣшку надъ своимъ собственнымъ безсиліемъ. Неожиданно, при видѣ этой улыбки, Пьеръ почувствовалъ содроганіе въ груди, щипанье въ носу, и слезы затуманили его зрѣніе. Больного перевернули на бокъ къ стѣнѣ. Онъ вздохнулъ.

— Il est assoupi [1]), — сказала Анна Михайловна, замѣтивъ приходившую на смѣну княжну. — Allons [2]).

Пьеръ вышелъ.

XXIV.

Въ пріемной никого уже не было, кромѣ князя Василія и старшей княжны, которые, сидя подъ портретомъ Екатерины, о чемъ-то оживленно говорили. Какъ только они увидали Пьера съ его руководительницей, они замолчали. Княжна что-то спрятала, какъ показалось Пьеру, и прошептала:

— Не могу видѣть эту женщину.

— Catiche a fait donner du thé dans le petit salon, — сказалъ князь Василій Аннѣ Михайловнѣ. — Allez, ma pauvre Анна Михайловна, prenez quelque chose, autrement vous ne suffirez pas [3]).

Пьеру онъ ничего не сказалъ, только пожалъ съ чувствомъ его руку пониже плеча. Пьеръ съ Анной Михайловной прошли въ petit salon.

— Il n'y a rien qui restaure comme une tasse de cet excellent thê russe après une nuit blanche [4]), — говорилъ Лорренъ съ выраженіемъ сдержанной оживленности, отхлебывая изъ тонкой, безъ ручки, китайской чашки, стоя въ маленькой круглой гостиной передъ столомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ и холодный ужинъ. Около стола собрались, чтобы подкрѣпить свои силы, всѣ бывшіе въ эту ночь въ домѣ графа Безухова. Пьеръ хорошо помнилъ эту маленькую круглую гостиную, съ зеркалами и маленькими столиками. Во время баловъ въ домѣ графа Пьеръ, не умѣвшій танцовать, любилъ сидѣть въ этой маленькой зер-

---

[1]) Онъ задремалъ.

[2]) Пойдемъ.

[3]) Катишь велѣла подать чаю въ маленькой гостиной. Вы бы пошли, бѣдная Анна Михайловна, подкрѣпили себя, а то васъ не хватитъ.

[4]) Ничто такъ не возстановляетъ послѣ безсонной ночи, какъ чашка этого превосходнаго русскаго чаю.

кальной и наблюдать, какъ дамы въ бальныхъ туалетахъ, брильянтахъ и жемчугахъ на голыхъ плечахъ, проходя черезъ эту комнату, оглядывали себя въ ярко освѣщенныя зеркала, нѣсколько разъ повторявшія ихъ отраженія. Теперь та же комната была едва освѣщена двумя свѣчами, и среди ночи на одномъ маленькомъ столикѣ безпорядочно стояли чайный приборъ и блюда, и разнообразные, непраздничные люди, шопотомъ переговариваясь, сидѣли въ ней, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ показывая, что никто не забываетъ того, что̀ дѣлается теперь и имѣетъ еще совершиться въ спальнѣ. Пьеръ не сталъ ѣсть, хотя ему и очень хотѣлось. Онъ оглянулся вопросительно на свою руководительницу и увидѣлъ, что она на цыпочкахъ выходила опять въ пріемную, гдѣ остался князь Василій съ старшею княжной. Пьеръ полагалъ, что и это было такъ нужно, и, помедливъ немного, пошелъ за ней. Анна Михайловна стояла подлѣ княжны, и обѣ онѣ въ одно время говорили взволнованнымъ шопотомъ:

— Позвольте мнѣ, княгиня, знать, что̀ нужно и что̀ не нужно,— говорила княжна, видимо находясь въ томъ же взволнованномъ состояніи, въ какомъ она была въ то время, какъ захлопывала дверь своей комнаты.

— Но, милая княжна,— кротко и убѣдительно говорила Анна Михайловна, заступая дорогу отъ спальни и не пуская княжну,— не будетъ ли это слишкомъ тяжело для бѣднаго дядюшки въ такія минуты, когда ему нуженъ отдыхъ? Въ такія минуты разговоръ о мірскомъ, когда его душа уже приготовлена...

Князь Василій сидѣлъ на креслѣ, въ своей фамильярной позѣ, высоко заложивъ ногу на ногу. Щеки его сильно перепрыгивали и, опустившись, казались толще внизу; но онъ имѣлъ видъ человѣка, мало занятаго разговоромъ двухъ дамъ.

— Voyons, ma bonne Анна Михайловна, laissez faire Catiche [1]). Вы знаете, какъ графъ ее любитъ.

— Я и не знаю, что̀ въ этой бумагѣ,— говорила княжна, обращаясь къ князю Василію и указывая на мозаиковый портфель, который она держала въ рукахъ. — Я знаю только, что настоящее завѣщаніе у него въ бюро, а это забытая бумага...

Она хотѣла обойти Анну Михайловну, но Анна Михайловна, подпрыгнувъ, опять загородила ей дорогу.

— Я знаю, милая, добрая княжна, — сказала Анна Михайловна, хватаясь рукой за портфель и такъ крѣпко, что видно

---

[1]) Ахъ, милая Анна Михайловна, оставьте Катю дѣлать

было, она не скоро его пуститъ. — Милая княжна, я васъ прошу, я васъ умоляю, пожалѣйте его. Je vous en conjure... [1]).

Княжна молчала. Слышны были только звуки усилій борьбы за портфель. Видно было, что ежели она заговоритъ, то заговоритъ не лестно для Анны Михайловны. Анна Михайловна держала крѣпко, но, несмотря на то, голосъ ея удерживалъ всю свою сладкую тягучесть и мягкость.

— Пьеръ, подойдите сюда, мой другъ. Я думаю, что онъ не лишній въ родственномъ совѣтѣ; не правда ли, князь?

— Что же вы молчите, mon cousin? — вдругъ вскрикнула княжна такъ громко, что въ гостиной услыхали и испугались ея голоса.—Что вы молчите, когда здѣсь Богъ знаетъ кто позволяетъ себѣ вмѣшиваться и дѣлать сцены на порогѣ комнаты умирающаго. Интриганка! — прошептала она злобно и дернула портфель изо всей силы.

Но Анна Михайловна сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы не отстать отъ портфеля, и перехватила руку.

— Oh! — сказалъ князь Василій укоризненно и удивленно. (Онъ всталъ.) — C'est ridicule. Voyons [2]), пустите. Я вамъ говорю.

Княжна пустила.

— И вы!

Анна Михайловна не послушалась его.

— Пустите, я вамъ говорю. Я беру все на себя. Я пойду и спрошу его. Я!.. довольно вамъ этого.

— Mais, mon prince, — говорила Анна Михайловна, — послѣ такого великаго таинства дайте ему минуту покоя. Вотъ, Пьеръ, скажите ваше мнѣніе,—обратилась она къ молодому человѣку, который, вплоть подойдя къ нимъ, удивленно смотрѣлъ на озлобленное, потерявшее все приличіе лицо княжны и на перепрыгивающія щеки князя Василія.

— Помните, что вы будете отвѣчать за всѣ послѣдствія,— строго сказалъ князь Василій:— вы не знаете, что̀ вы дѣлаете.

— Мерзкая женщина!—вскрикнула княжна, неожиданно бросаясь на Анну Михайловну и вырывая портфель.

Князь Василій опустилъ голову и развелъ руками.

Въ эту минуту дверь, та страшная дверь, на которую такъ долго смотрѣлъ Пьеръ и которая такъ тихо отворялась, быстро, съ шумомъ откинулась, стукнувъ объ стѣну, и средняя княжна выбѣжала оттуда и всплеснула руками.

---

[1]) Умоляю васъ.
[2]) Это смѣшно. Ну же.

— Что вы дѣлаете! — отчаянно проговорила она. — Il s'en va et vous me laissez seule [1]).

Старшая княжна выронила портфель. Анна Михайловна быстро нагнулась и, подхвативъ спорную вещь, побѣжала въ спальню. Старшая княжна и князь Василій, опомнившись, пошли за ней. Черезъ нѣсколько минутъ первая вышла оттуда старшая княжна съ блѣднымъ и сухимъ лицомъ и прикушенною нижнею губой. При видѣ Пьера лицо ея выразило неудержимую злобу.

— Да, радуйтесь теперь,—сказала она,—вы этого ждали.

И, зарыдавъ, она закрыла лицо платкомъ и выбѣжала изъ комнаты.

За княжной вышелъ князь Василій. Онъ, шатаясь, дошелъ до дивана, на которомъ сидѣлъ Пьеръ, и упалъ на него, закрывъ глаза рукой. Пьеръ замѣтилъ, что онъ былъ блѣденъ и что нижняя челюсть его прыгала и тряслась, какъ въ лихорадочной дрожи.

— Ахъ, мой другъ!—сказалъ онъ, взявъ Пьера за локоть; и въ голосѣ его была искренность и слабость, которыхъ Пьеръ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ.—Сколько мы грѣшимъ, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Мнѣ шестой десятокъ, мой другъ... Вѣдь мнѣ... Все кончится смертью, все. Смерть ужасна. (Онъ заплакалъ.)

Анна Михайловна вышла послѣдняя. Она подошла къ Пьеру тихими, медленными шагами.

— Пьеръ!.. — сказала она.

Пьеръ вопросительно смотрѣлъ на нее. Она поцѣловала въ лобъ молодого человѣка, увлажая его слезами. Она помолчала.

— Il n'est plus...

Пьеръ смотрѣлъ на нее черезъ очки.

— Allons, je vous reconduirai. Tâchez de pleurer. Rien ne soulage comme les larmes [2]).

Она провела его въ темную гостиную, и Пьеръ радъ былъ, что никто тамъ не видѣлъ его лица. Анна Михайловна ушла отъ него, и когда она вернулась, онъ, подложивъ подъ голову руку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

На другое утро Анна Михайловна говорила Пьеру:

— Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous. Je ne parle pas de vous. Mais Dieu vous soutiendra, vous êtes jeune

---

[1]) Онъ умираетъ, а вы меня оставляете одну.

[2]) Его не стало.., Пойдемте, я васъ провожу. Старайтесь плакать: ничто такъ не облегчаетъ, какъ слезы.

et vous voilà à la tête d'une immense fortune, je l'espère. Le testament n'a pas été encore ouvert. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs, et il faut être homme [1]).

Пьеръ молчалъ.

— Peut-être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là, Dieu sait ce qui serait arrivé. Vous savez, mon oncle avant-hier encore me promettait de ne pas oublier Boris. Mais il n'a pas eu le temps. J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père [2]).

Пьеръ ничего не понималъ и молча, застѣнчиво краснѣя, смотрѣлъ на княгиню Анну Михайловну. Переговоривъ съ Пьеромъ, Анна Михайловна уѣхала къ Ростовымъ и легла спать. Проснувшись утромъ, она разсказывала Ростовымъ и всѣмъ знакомымъ подробности смерти графа Безухова. Она говорила, что графъ умеръ такъ, какъ и она желала бы умереть, что конецъ его былъ не только трогателенъ, но и назидателенъ; послѣднее же свиданіе отца съ сыномъ было до того трогательно, что она не могла вспомнить его безъ слезъ, и что она не знаетъ, кто лучше велъ себя въ эти страшныя минуты: отецъ ли, который такъ все и всѣхъ вспомнилъ въ послѣднія минуты и такія трогательныя слова сказалъ сыну, или Пьеръ, на котораго жалко было смотрѣть, какъ онъ былъ убитъ и какъ, несмотря на это, старался скрыть свою печаль, чтобы не огорчить умирающаго отца. «C'est pénible, mais cela fait du bien; ça élève l'âme de voir des hommes comme le vieux comte et son digne fils» [3]), говорила она. О поступкахъ княжны и князя Василія она, не одобряя ихъ, тоже разсказывала, но подъ большимъ секретомъ и шопотомъ.

XXV.

Въ Лысыхъ горахъ, имѣніи князя Николая Андреевича Болконскаго, ожидали съ каждымъ днемъ пріѣзда молодого князя

---

[1]) Да, мой другъ, это великая потеря для всѣхъ насъ, не говоря о васъ. Но Богъ васъ поддержитъ, вы молоды, и вотъ вы теперь, надѣюсь, обладатель огромнаго богатства. Завѣщаніе еще не вскрыто. Я довольно васъ знаю и увѣрена, что это не вскружитъ вамъ голову; но это налагаетъ на васъ обязанности, и надо быть мужчиной.

[2]) Послѣ я, можетъ-быть, разскажу вамъ, что если бъ я не была тамъ, то Богъ знаетъ, что бы случилось. Вы знаете, что дядюшка третьяго дня обѣщалъ мнѣ не забыть Бориса, но не успѣлъ. Надѣюсь, мой другъ, вы исполните желаніе отца.

[3]) Это тяжело, но это спасительно; душа возвышается, когда видишь такихъ людей, какъ старый графъ и его достойный сынъ.

Андрея съ княгиней; но ожиданіе не нарушало стройнаго порядка, по которому шла жизнь въ домѣ стараго князя. Генералъ-аншефъ князь Николай Андреевичъ, по прозванію въ обществѣ le roi de Prusse, съ того времени, какъ при Павлѣ былъ сосланъ въ деревню, жилъ безвыѣздно въ своихъ Лысыхъ Горахъ съ дочерью, княжною Марьей, и при ней компаньонкой, m-lle Bourienne. И въ новое царствованіе, хотя ему и былъ разрѣшенъ въѣздъ въ столицы, онъ также продолжалъ безвыѣздно жить въ деревнѣ, говоря, что ежели кому его нужно, то тотъ и отъ Москвы полтораста верстъ доѣдетъ до Лысыхъ Горъ, а что ему никого и ничего не нужно. Онъ говорилъ, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и что есть только двѣ добродѣтели: дѣятельность и умъ. Онъ самъ занимался воспитаніемъ своей дочери и, чтобы развивать въ ней обѣ главныя добродѣтели, до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Самъ онъ постоянно былъ занятъ то писаніемъ своихъ мемуаровъ, то выкладками изъ высшей математики, то точеніемъ табакерокъ на станкѣ, то работой въ саду и наблюденіемъ надъ постройками, которыя не прекращались въ его имѣніи. Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Его выходы къ столу совершались при однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ же часъ, но и минуту. Съ людьми, окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно-требователенъ, и потому, не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ бы добиться самый жестокій человѣкъ. Несмотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему и точно такъ же, какъ архитекторъ, садовникъ или княжна Марья, дожидался назначеннаго часа выхода князя въ высокой офиціантской. И каждый въ этой офиціантской испытывалъ то же чувство почтительности и даже страха въ то время, какъ отворялась громадно-высокая дверь кабинета и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигурка старика, съ маленькими сухими ручками и сѣрыми висячими бровями, иногда, какъ онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точно молодыхъ блестящихъ глазъ.

Въ день пріѣзда молодыхъ, утромъ, по обыкновенію, княжна Марья въ урочный часъ входила для утренняго привѣтствія въ

офиціантскую и со страхомъ крестилась и читала внутренно молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о томъ, чтобы это ежедневное свиданіе сошло благополучно.

Сидѣвшій въ офиціантской пудреный старикъ-слуга тихимъ движеніемъ всталъ и шопотомъ доложилъ: «Пожалуйте».

Изъ-за двери слышались равномѣрные звуки станка. Княжна робко потянула за легко и плавно отворяющуюся дверь и остановилась у входа. Князь работалъ за станкомъ и, оглянувшись, продолжалъ свое дѣло.

Огромный кабинетъ былъ наполненъ вещами, очевидно безпрестанно употребляемыми. Большой столъ, на которомъ лежали книги и планы, высокіе стеклянные шкапы библіотеки съ ключами въ дверцахъ, высокій столъ для писанія въ стоячемъ положеніи, на которомъ лежала открытая тетрадь, токарный станокъ, съ разложенными инструментами и съ разсыпанными кругомъ стружками, — все выказывало постоянную разнообразную и порядочную дѣятельность. По движеніямъ небольшой ноги, обутой въ татарскій, шитый серебромъ, сапожокъ, по твердому налеганію жилистой, сухощавой руки видна была въ князѣ еще упорная и много выдерживающая сила свѣжей старости. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, онъ снялъ ногу съ педали станка, обтеръ стамезку, кинулъ ее въ кожаный карманъ, придѣланный къ станку, и, подойдя къ столу, подозвалъ дочь. Онъ никогда не благословлялъ своихъ дѣтей и только, подставивъ ей щетинистую, еще небритую нынче щеку, сказалъ, строго и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно-нѣжно оглядѣвъ ее: «Здорова?.. Ну, такъ садись!» Онъ взялъ тетрадь геометріи, писанную его рукой, и подвинулъ ногой свое кресло.

— На завтра! — сказалъ онъ, быстро отыскивая страницу и отъ параграфа до другого отмѣчая жесткимъ ногтемъ.

Княжна пригнулась къ столу надъ тетрадью.

— Постой, письмо тебѣ,—вдругъ сказалъ старикъ, доставая изъ придѣланнаго надъ столомъ кармана конвертъ, надписанный женскою рукой, и кидая его на столъ.

Лицо княжны покрылось красными пятнами при видѣ письма. Она торопливо взяла его и пригнулась къ нему.

— Отъ Элоизы?—спросилъ князь, холодною улыбкой выказывая еще крѣпкіе и желтоватые зубы.

— Да, отъ Жюли, — сказала княжна, робко взглядывая и робко улыбаясь.

— Еще два письма пропущу, а третье прочту,—строго сказалъ князь: — боюсь, много вздору пишете. Третье прочту.

— Прочтите хоть это, mon père, — отвѣчала княжна, краснѣя еще болѣе и подавая ему письмо.

— Третье, я сказалъ третье,—коротко крикнулъ князь, отталкивая письмо, и, облокотившись на столъ, пододвинулъ тетрадь съ чертежами геометріи.

— Ну, сударыня, — началъ старикъ, пригнувшись близко къ дочери надъ тетрадью и положивъ одну руку на спинку кресла, на которомъ сидѣла княжна, такъ что княжна чувствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженною тѣмъ табачнымъ и старческимъ запахомъ отца, который она такъ давно знала. — Ну, сударыня, треугольники эти подобны; изволишь видѣть, уголъ *abc*...

Княжна испуганно взглядывала на близко отъ нея блестящіе глаза отца; красныя пятна переливались по ея лицу, и видно было, что она ничего не понимаетъ и такъ боится, что страхъ помѣшаетъ ей понять всѣ дальнѣйшія толкованія отца, какъ бы ясны они ни были. Виноватъ ли былъ учитель или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось въ глазахъ, она ничего не видѣла, не слышала, только чувствовала близко подлѣ себя сухое лицо строгаго отца, чувствовала его дыханіе и запахъ и только думала о томъ, какъ бы ей уйти поскорѣе изъ кабинета и у себя на просторѣ понять задачу. Старикъ выходилъ изъ себя: съ грохотомъ отодвигалъ и придвигалъ кресло, на которомъ самъ сидѣлъ, дѣлалъ усилія надъ собой, чтобы не разгорячиться, и почти всякій разъ горячился, бранился, а иногда швырялъ тетрадью.

Княжна ошиблась отвѣтомъ.

— Ну, какъ же не дура!—крикнулъ князь, отолкнувъ тетрадь и быстро отвернувшись, но тотчасъ же всталъ, прошелся, дотронулся руками до волосъ княжны и снова сѣлъ.

Онъ придвинулся и продолжалъ толкованіе.

— Нельзя, княжна, нельзя, — сказалъ онъ, когда княжна, взявъ и закрывъ тетрадь съ заданными уроками, уже готовилась уходить: — математика великое дѣло, моя сударыня. А чтобы ты была похожа на нашихъ глупыхъ барынь, я не хочу. Стерпится — слюбится. (Онъ потрепалъ ее рукой по щекѣ.) Дурь изъ головы выскочитъ.

Она хотѣла выйти, онъ остановилъ ее жестомъ и досталъ съ высокаго стола новую неразрѣзанную книгу.

— Вотъ еще какой-то *Ключъ таинства* тебѣ твоя Элоиза посылаетъ. Религіозная. А я ни въ чью вѣру не вмѣшиваюсь... Просмотрѣлъ. Возьми. Ну, ступай, ступай.

Онъ потрепалъ ее по плечу и самъ заперъ за нею дверь.

Княжна Марья возвратилась въ свою комнату съ грустнымъ, испуганнымъ выраженіемъ, которое рѣдко покидало ее и дѣлало ея некрасивое, болѣзненное лицо еще болѣе некрасивымъ, сѣла за свой письменный столъ, уставленный миніатюрными портретами и заваленный тетрадями и книгами. Княжна была столь же безпорядочна, какъ отецъ ея порядоченъ. Она положила тетрадь геометріи и нетерпѣливо распечатала письмо. Письмо было отъ ближайшаго съ дѣтства друга княжны; другъ этотъ была та самая Жюли Карагина, которая была на именинахъ у Ростовыхъ. Жюли писала:

«Chère et excellente amie, quelle chose terrible et effrayante que l'absence! J'ai beau me dire que la moitié de mon existence et de mon bonheur est en vous, que malgré la distance qui nous sépare, nos coeurs sont unis par des liens indissolubles; le mien se révolte contre la destinée, et je ne puis, malgré les plaisirs et les distractions qui m'entourent, vaincre une certaine tristesse cachée que je ressens au fond du coeur depuis notre séparation. Pourquoi ne sommes - nous pas réunies comme cet été dans votre grand cabinet sur le canapé bleu, le canapé à confidences? Pourquoi ne puis - je, comme il y a trois mois, puiser de nouvelles forces morales dans votre regard si doux, si calme et si pénétrant, regard que j'aimais tant et que je crois voir devant moi, quand je vous écris!» [1])

Прочтя до этого мѣста, княжна Марья вздохнула и оглянулась въ трюмо, которое стояло направо отъ нея. Зеркало отразило некрасивое, слабое тѣло и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрѣли на себя въ зеркало. «Она мнѣ льститъ», подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли, однако, не льстила своему другу: дѣйствительно, глаза княжны, большіе, глубокіе и лучистые (какъ будто лучи теплаго свѣта иногда снопами выходили изъ нихъ), были такъ хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего

---

[1]) «Милый и безцѣнный другъ, какая страшная и ужасная вещь разлука! Сколько ни твержу себѣ, что половина моего существованія и моего счастья въ васъ, что, несмотря на разстояніе, которое насъ разлучаетъ, сердца наши соединены неразрывными узами, мое сердце возмущается противъ судьбы, и, несмотря на удовольствія и развлеченія, которыя меня окружаютъ, я не могу подавить нѣкоторую скрытую грусть, которую испытываю въ глубинѣ сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вмѣстѣ, какъ въ прошлое лѣто, въ вашемъ большомъ кабинетѣ, на голубомъ диванѣ, на диванѣ «признаній»? Отчего я не могу, какъ три мѣсяца тому назадъ, почерпать новыя нравственныя силы въ вашемъ взглядѣ, кроткомъ, спокойномъ и проницательномъ, который я такъ любила и который я вижу передъ собой въ ту минуту, какъ пишу вамъ!»

лица, глаза эти дѣлались привлекательнѣе красоты. Но княжна никогда не видала хорошаго выраженія своихъ глазъ, того выраженія, которое они принимали въ тѣ минуты, когда она не думала о себѣ. Какъ и у всѣхъ людей, лицо ея принимало натянуто-неестественное, дурное выраженіе, какъ скоро она смотрѣлась въ зеркало. Она продолжала читать [1]):

«Tout Moscou ne parle que guerre. L'un de mes deux frères est déjà à l'étranger, l'autre est avec la garde, qui se met en marche vers la frontière. Notre cher empereur a quitté Pétersbourg et, à ce qu'on prétend, compte lui-même exposer sa précieuse existence aux chances de la guerre. Dieu veuille que le monstre corsicain, qui détruit le repos de l'Europe, soit terrassé par l'ange que le Tout-Puissant, dans Sa miséricorde, nous a donnée pour souverain. Sans parler de mes frères, cette guerre m'a privée d'une relation des plus chères à mon coeur. Je parle du jeune Nicolas Rostoff, qui avec son enthousiasme n'a pu supporter l'inaction et a quitté l'université pour aller s'enrôler dans l'armée. Eh bien, chère Marie, je vous avouerai, que, malgré son extrême jeunesse, son départ pour l'armée a été un grand chagrin pour moi. Le jeune homme, dont je vous parlais cet été, a tant de noblesse, de véritable jeunesse qu'on rencontre si rarement dans le siècle où nous vivons parmi nos vieillards de vingt ans. Il a surtout tant de franchise et de coeur. Il est tellement pur et poétique que mes relations avec lui, quelque passagères qu'elles fussent, ont été l'une des plus douces jouissances de mon pauvre

---

[1]) «Вся Москва только и говоритъ что о войнѣ. Одинъ изъ моихъ двухъ братьевъ уже за границей, другой съ гвардіей, которая выступаетъ въ походъ къ границѣ. Нашъ милый государь оставляетъ Петербургъ и, какъ предполагаютъ, намѣренъ самъ подвергнуть свое драгоцѣнное существованіе случайностямъ войны. Дай Богъ, чтобы корсиканское чудовище, которое возмущаетъ спокойствіе Европы, было низвергнуто ангеломъ, котораго Всемогущій въ Своей благости поставилъ надъ нами повелителемъ. Не говоря уже о моихъ братьяхъ, эта война лишила меня одного изъ отношеній самыхъ близкихъ моему сердцу. Я говорю о молодомъ Николаѣ Ростовѣ, который, при своемъ энтузіазмѣ, не могъ переносить бездѣйствія и оставилъ университетъ, чтобы поступить въ армію. Признаюсь вамъ, милая Мари, что, несмотря на его чрезвычайную молодость, отъѣздъ его въ армію былъ для меня большимъ горемъ. Въ молодомъ человѣкѣ, о которомъ я говорила вамъ прошлымъ лѣтомъ, столько благородства, истинной молодости, которую встрѣчаешь такъ рѣдко въ нашъ вѣкъ между двадцатилѣтними стариками! У него особенно такъ много откровенности и сердца. Онъ такъ чистъ и полонъ поэзіи, что мои отношенія къ нему, при всей мимолетности своей, были одною изъ самыхъ сладостныхъ отрадъ моего бѣднаго сердца, которое уже такъ много страдало. Я вамъ разскажу когда-нибудь наше прощаніе и все, что говорилось при отъѣздѣ.

coeur, qui a déjà tant souffert. Je vous raconterai un jour nos adieux et tout ce qui s'est dit en partant. Tout cela est encore trop frais. Ah! chère amie, vous êtes heureuse de ne pas connaître ces jouissances et ces peines si poignantes. Vous êtes heureuse, puisque les dernières sont ordinairement les plus fortes! Je sais fort bien que le comte Nicolas est trop jeune pour pouvoir jamais devenir pour moi quelque chose de plus qu'un ami, mais cette douce amitié, ces relations si poétiques et si pures ont été un besoin pour mon coeur. Mais n'en parlons plus. La grande nouvelle du jour qui occupe tout Moscou est la mort du vieux comte Безуховъ et son héritage. Figurez-vous que les trois princesses n'ont reçu que très peu de chose, le prince Basile rien, et que c'est M. Pierre qui a tout hérité, et qui par-dessus le marché a été reconnu pour fils légitime, par conséquent comte Безуховъ et possesseur de la plus belle fortune de la Russie. On prétend que le prince Basile a joué un très vilain rôle dans toute cette histoire et qu'il est reparti tout penaud pour Pétersbourg.

«Je vous avoue que je comprends très peu toutes ces affaires de legs et de testament; ce que je sais, c'est que depuis que le jeune homme que nous connaissions tous sous le nom de M. Pierre tout court est devenu comte Безуховъ et possesseur de l'une des plus grandes fortunes de la Russie, je m'amuse fort à observer les changements de ton et des manières des mamans accablées de filles à marier et des demoiselles elles-mêmes à l'égard de cet individu, qui, par parenthèse, m'a paru toujours

---

Все это еще слишкомъ свѣжо... Ахъ! милый другъ, вы счастливы, что не знаете этихъ жгучихъ наслажденій, этихъ жгучихъ горестей. Вы счастливы, потому что послѣднія обыкновенно сильнѣе первыхъ. Я очень хорошо знаю, что графъ Николай слишкомъ молодъ для того, чтобы сдѣлаться для меня чѣмъ-нибудь болѣе друга. Но эта сладкая дружба, эти столь поэтическія и столь чистыя отношенія были потребностью моего сердца. Но довольно объ этомъ.

«Главная новость, занимающая всю Москву, — смерть стараго графа Безухова и его наслѣдство. Представьте себѣ, три княжны получили какую-то малость, князь Василій — ничего, а Пьеръ — наслѣдникъ всего и, сверхъ того, признанъ законнымъ сыномъ и потому графомъ Безуховымъ и владѣльцемъ самаго огромнаго состоянія въ Россіи. Говорятъ, что князь Василій игралъ очень гадкую роль во всей этой исторіи и что онъ уѣхалъ въ Петербургъ очень сконфуженный. Признаюсь вамъ, я очень плохо понимаю всѣ эти дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ; знаю только, что съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ, котораго мы всѣ знали подъ именемъ просто Пьера, сдѣлался графомъ Безуховымъ и владѣльцемъ одного изъ лучшихъ состояній Россіи, — я забавляюсь наблюденіями надъ перемѣной тона маменекъ, у которыхъ есть дочери-невѣсты, и самихъ барышень въ отношеніи къ этому господину, который (въ скобкахъ будь сказано) всегда ка-

être un pauvre sire. Comme on s'amuse depuis deux ans à me donner des promis que je ne connais pas le plus souvent, la chronique matrimoniale de Moscou me fait comtesse Безуховой. Mais vous sentez bien que je ne me soucie nullement de le devenir. A propos de mariage, savez - vous que tout dernièrement *la tante en général*, Анна Михайловна, m'a confié sous le sceau du plus grand secret un projet de mariage pour vous. Ce n'est ni plus, ni moins, que le fils du prince Basile, Anatole, qu'on voudrait ranger en le mariant à une personne riche et distinguée, et c'est sur vous qu'est tombé le choix des parents. Je ne sais comment vous envisagerez la chose, mais j'ai cru de mon devoir de vous en avertir. On le dit très beau et très mauvais sujet; c'est tout ce que j'ai pu savoir sur son compte.

«Mais assez de bavardage comme cela. Je finis mon second feuillet, et maman me fait chercher pour aller dîner chez les Apraksines. Lisez le livre mystique que je vous envoie et qui fait fureur chez nous. Quoiqu'il y ait des choses dans ce livre difficiles à atteindre avec la faible conception humaine, c'est un livre admirable dont la lecture calme et élève l'âme. Adieu. Mes respects à monsieur votre père et mes compliments à m-elle Bourienne. Je vous embrasse comme je vous aime. Julie.

«P. S. Donnez-moi des nouvelles de votre frère et de sa charmante petite femme».

Княжна подумала, задумчиво улыбаясь (при чемъ лицо ея, освѣщенное ея лучистыми глазами, совершенно преобразилось), и вдругъ поднявшись, тяжело ступая, перешла къ столу. Она

вался мнѣ очень ничтожнымъ. Такъ какъ уже два года всѣ забавляются тѣмъ, чтобы пріискивать мнѣ жениховъ, которыхъ я большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы дѣлаетъ меня графинею Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю. Кстати о бракахъ. Знаете ли вы, что недавно *всеобщая тетушка* Анна Михайловна довѣрила мнѣ, подъ величайшимъ секретомъ, замыселъ устроить ваше супружество. Это ни болѣе ни менѣе какъ сынъ князя Василія Анатоль, котораго хотятъ пристроить, женивъ его на богатой и знатной дѣвицѣ, и на васъ палъ выборъ родителей. Я не знаю, какъ вы посмотрите на это дѣло, но я сочла своимъ долгомъ предувѣдомить васъ. Онъ, говорятъ, очень красивъ и большой повѣса. Вотъ все, что я могла узнать о немъ.

«Но будетъ болтать. Кончаю мой второй листокъ, а маменька прислала за мной, чтобы ѣхать обѣдать къ Апраксинымъ.

«Прочитайте мистическую книгу, которую я вамъ посылаю; она имѣетъ у насъ огромный успѣхъ. Хотя въ ней есть вещи, которыя трудно понять слабому уму человѣческому, но это превосходная книга; чтеніе ея успокоиваетъ и возвышаетъ душу. Прощайте. Мое почтеніе вашему батюшкѣ и мои привѣтствія m-lle Бурьенъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Юлія.

«PS. Извѣстите меня о вашемъ братѣ и о его прелестной женѣ».

достала бумагу, и рука ея быстро начала ходить по ней. Такъ писала она въ отвѣтъ.

«Chère et excellente amie [1]). Votre lettre du 13 m'a causé une grande joie. Vous m'aimez donc toujours, ma poétique Julie. L'absence, dont vous dites tant de mal, n'a donc pas eu son influence habituelle sur vous. Vous vous plaignez de l'absence—que devrai-je dire moi, si *j'osais* me plaindre, privée de tous ceux qui me sont chers? Ah! si nous n'avions pas la religion pour nous consoler, la vie serait bien triste. Pourquoi me supposez-vous un regard sévère, quand vous me parlez de votre affection pour le jeune homme? Sous ce rapport je ne suis rigide que pour moi. Je comprends ces sentiments chez les autres et si je ne puis approuver ne les ayant jamais ressentis, je ne les condamne pas. Il me paraît seulement que l'amour chrétien, l'amour du prochain, l'amour pour ses ennemis est plus méritoire, plus doux et plus beau, que ne le sont les sentiments que peuvent inspirer les beaux yeux d'un jeune homme à une jeune fille poétique et aimante comme vous.

«La nouvelle de la mort du comte Безуховъ nous est parvenue avant votre lettre, et mon père en a été très affecté. Il dit que c'était l'avant-dernier représentant du grand siècle, et qu'à présent c'est son tour; mais qu'il fera son possible pour que son tour vienne le plus tard possible. Que Dieu nous garde de ce terrible malheur! Je ne puis partager votre opinion sur Pierre que

---

[1]) «Милый и безцѣнный другъ. Ваше письмо отъ 13-го доставило мнѣ большую радость. Вы все еще меня любите, моя поэтическая Юлія. Разлука, о которой вы говорите такъ много дурного, видно, не имѣла на васъ своего обычнаго вліянія. Вы жалуетесь на разлуку, что же я должна была бы сказать, если бы смѣла, — я, лишенная всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ? Ахъ, ежели бы не было у насъ религіи для утѣшенія, жизнь была бы очень печальна. Почему приписываете вы мнѣ строгій взглядъ, когда говорите о вашей склонности къ молодому человѣку? Въ этомъ отношеніи я строга только къ себѣ. Я понимаю эти чувства у другихъ, и если не могу одобрять ихъ, никогда не испытавши, то и не осуждаю ихъ. Мнѣ кажется только, что христіанская любовь, любовь къ ближнему, любовь къ врагамъ, достойнѣе, слаще и лучше, чѣмъ тѣ чувства, которыя могутъ внушить прекрасные глаза молодого человѣка молодой дѣвушкѣ, поэтической и любящей, какъ вы.

«Извѣстіе о смерти графа Безухова дошло до насъ прежде вашего письма, и мой отецъ былъ очень тронутъ имъ. Онъ говоритъ, что это былъ предпослѣдній представитель великаго вѣка и что теперь чередъ за нимъ, но что онъ сдѣлаетъ все, зависящее отъ него, чтобы чередъ этотъ пришелъ какъ можно позже. Избави насъ Боже отъ этого несчастья!

«Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія о Пьерѣ, котораго знала еще ребенкомъ. Мнѣ казалось, что у него было всегда прекрасное сердце, а это то качество, которое я болѣе всего цѣню въ людяхъ. Что касается до его

j'ai connu enfant. Il me paraissait toujours avoir un coeur excellent, et c'est la qualité que j'estime le plus dans les gens. Quant à son héritage et au rôle qu'y a joué le prince Basile, c'est bien triste pour tous les deux. Ah! chère amie, la parole de notre divin Sauveur qu'il est plus aisé à un chameau de passer par le trou d'une aiguille, qu'il ne l'est à un riche d'entrer dans le royaume de Dieu, cette parole est terriblement vrai; je plains le prince Basile et je regrette encore davantage Pierre. Si jeune et accablé de cette richesse, que de tentations n'aura-t-il pas à subir! Si on me demandait ce que je désirerais le plus au monde, ce serait d'être plus pauvre que le plus pauvre des mendiants. Mille grâces, chère amie, pour l'ouvrage que vous m'envoyez, et qui fait si grande fureur chez vous. Cependant, puisque vous me dites qu'au milieu de plusieurs bonnes choses il y en a d'autres que la faible conception humaine ne peut atteindre, il me paraît assez inutile de s'occuper d'une lecture inintelligible, qui par là même ne pourrait être d'aucun fruit. Je n'ai jamais pu comprendre la passion qu'ont certaines personnes de s'embrouiller l'entendement, en s'attachant à des livres mystiques qui n'élèvent que des doutes dans leurs esprits, exaltent leur imagination et leur donnent un caractère d'exagération tout-à-fait contraire à la simplicité chrétienne. Lisons les Apôtres et l'Evangile. Ne cherchons pas à pénétrer ce que ceux-là renferment de mystérieux, car, comment oserions-nous, misérables pécheurs que nous sommes, prétendre à nous initier

---

наслѣдства и до роли, которую игралъ въ этомъ князь Василій, то это очень печально для обоихъ. Ахъ, милый другъ, слова нашего Божественнаго Спасителя, что легче верблюду пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе,—эти слова страшно справедливы. Я жалѣю князя Василія и еще болѣе Пьера. Такому молодому быть отягощеннымъ такимъ огромнымъ состояніемъ, — черезъ сколько искушеній надо будетъ пройти ему? Если бъ у меня спросили, чего я желаю болѣе всего на свѣтѣ, — я желаю быть бѣднѣе самаго бѣднаго изъ нищихъ. Благодарю васъ тысячу разъ, милый другъ, за книгу, которую вы мнѣ посылаете и которая дѣлаетъ столько шуму у васъ. Впрочемъ, такъ какъ вы мнѣ говорите, что въ ней между многими хорошими вещами есть такія, которыхъ не можетъ постигнуть слабый умъ человѣческій, то мнѣ кажется излишнимъ заниматься непонятнымъ чтеніемъ, которое по этому самому не могло бы принести никакой пользы. Я никогда не могла понять страсть, которую имѣютъ нѣкоторыя особы, путать себѣ мысли, пристращаясь къ мистическимъ книгамъ, которыя возбуждаютъ только сомнѣнія въ ихъ умахъ, раздражаютъ ихъ воображеніе и даютъ имъ характеръ преувеличенія, совершенно противный простотѣ христіанской. Будемъ читать лучше Апостоловъ и Евангеліе. Не будемъ пытаться проникнуть то, что въ этихъ книгахъ есть таинственнаго, ибо какъ можемъ мы, жалкіе грѣшники, познать страшныя и священныя тайны Провидѣнія до тѣхъ поръ, пока носимъ на себѣ ту плотскую оболочку, которая воздвигаетъ между нами и Вѣчнымъ непрони-

dans les secrets terribles et sacrés de la Providence, tant que nous portons cette dépouille charnelle qui élève entre nous et l'Eternel un voile impénétrable? Bornons-nous donc à étudier les principes sublimes que notre divin Sauveur nous a laissé pour notre conduite ici-bas; cherchons à nous y conformer et à les suivre, persuadons-nous que moins nous donnons d'essor à notre faible esprit humain et plus il est agréable à Dieu, Qui rejette toute science ne venant pas de Lui; que moins nous cherchons à approfondir ce qu'il Lui a plu de dérober à notre connaissance, et plutôt Il nous en accordera la découverte par Son divin esprit.

«Mon père ne m'a pas parlé du prétendant, mais il m'a dit seulement qu'il a reçu une lettre et attendait une visite du prince Basile. Pour ce qui est du projet de mariage qui me regarde, je vous dirai, chère et excellente amie, que le mariage, selon moi, est une institution divine à laquelle il faut se conformer. Quelque pénible que cela soit pour moi, si le Tout-Puissant m'impose jamais les devoirs d'épouse et de mère, je tâcherai de les remplir aussi fidèlement que je le pourrai, sans m'inquiéter de l'examen de mes sentiments à l'égard de celui qu'il me donnera pour époux.

«J'ai reçu une lettre de mon frère, qui m'annonce son arrivée à Лысыя Горы avec sa femme. Ce sera une joie de courte durée, puisqu'il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre, à laquelle nous sommes entraînés Dieu sait comment et pourquoi. Non seulement chez vous au centre des affaires et du monde on ne parle que de guerre, mais ici, au milieu de ces travaux champêtres et de ce calme de la nature, que les citadins se représentent ordinairement à la campagne, les bruits de la guerre se

---

цаемую завѣсу? Ограничимся лучше изученіемъ великихъ правилъ, которыя нашъ Божественный Спаситель оставилъ намъ для нашего руководства здѣсь, на землѣ; будемъ стараться слѣдовать имъ и постараемся убѣдиться въ томъ, что чѣмъ меньше мы будемъ давать разгула нашему уму, тѣмъ мы будемъ пріятнѣе Богу, Который отвергаетъ всякое знаніе, исходящее не отъ Него, и что чѣмъ меньше мы углубляемся въ то, что Ему угодно было скрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе дастъ Онъ намъ это открытіе Своимъ божественнымъ разумомъ.

«Отецъ мнѣ ничего не говорилъ о женихѣ, но сказалъ только, что получилъ письмо и ждетъ посѣщенія князя Василія; что касается до плана супружества относительно меня, я вамъ скажу, милый и безцѣнный другъ, что бракъ, по-моему, есть божественное установленіе, которому нужно подчиняться. Какъ бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять ихъ такъ вѣрно, какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того, кого Онъ мнѣ дастъ супругомъ.

«Я получила письмо отъ брата, который мнѣ объявляетъ о своемъ пріѣздѣ съ женой въ Лысыя Горы. Радость эта будетъ непродолжительна,

font entendre et sentir péniblement. Mon père ne parle que marche et contremarche, choses auxquelles je ne comprends rien; et avant-hier, en faisant ma promenade habituelle dans la rue du village, je fus témoin d'une scène déchirante... C'était un convoi des recrues enrôlés chez nous et expédiés pour l'armée.. Il fallait voir l'état dans lequel se trouvaient les mères, les femmes, les enfants des hommes qui partaient et entendre les sanglots des uns et des autres! On dirait que l'humanité a oublié les lois de son divin Sauveur, Qui prêchait l'amour et le pardon des offenses, et qu'elle fait consister son plus grand mérite dans l'art de s'entretuer.

«Adieu, chère et bonne amie, que notre divin Sauveur et Sa très Sainte Mère vous aient en Leur sainte et puissante garde.

Marie».

— Ah, vous expédiez le courrier, princesse, moi j'ai déjà expedié le mien. J'ai écris á ma pauvre mère [1]), — заговорила быстро пріятнымъ, сочнымъ голосомъ улыбающаяся m-lle Bourienne, картавя на *р* и внося съ собой въ сосредоточенную, грустную и пасмурную атмосферу княжны Марьи совсѣмъ другой, легкомысленно-веселый и самодовольный міръ.

— Princesse, il faut que je vous prévienne, — прибавила она, понижая голосъ,—le prince a eu une altercation,—«altercation» сказала она, особенно грассируя и съ удовольствіемъ слушая себя, — une altercation avec Michel Ivanoff. Il est de très mauvaise humeur, très morose. Soyez prévenue, vous savez [2]).

такъ какъ онъ оставляетъ насъ для того, чтобы принять участіе въ этой войнѣ, въ которую мы втянуты Богъ знаетъ какъ и зачѣмъ. Не только у васъ, въ центрѣ дѣлъ и свѣта, но и здѣсь, среди этихъ полевыхъ работъ и этой тишины, какую горожане обыкновенно представляютъ себѣ въ деревнѣ, отголоски войны слышны и даютъ себя тяжело чувствовать. Отецъ мой только и говоритъ, что о походахъ и переходахъ, въ чемъ я ничего не понимаю, и третьяго дня, дѣлая мою обычную прогулку по улицѣ деревни, я видѣла раздирающую душу сцену. Это была партія рекрутъ, набранныхъ у насъ и посылаемыхъ въ армію. Надо было видѣть состояніе, въ которомъ находились матери, жены и дѣти тѣхъ, которые уходили, и слышать рыданія тѣхъ и другихъ. Подумаешь, что человѣчество забыло законы своего Божественнаго Спасителя, учившаго насъ любви и прощенію обидъ, и что оно полагаетъ главное достоинство свое въ искусствѣ убивать другъ друга.

«Прощайте, милый и добрый другъ. Да сохранитъ васъ нашъ Божественный Спаситель и его Пресвятая Матерь подъ Своимъ святымъ и могущественнымъ покровомъ.

Марія».

[1]) А, вы отправляете письмо, я ужъ отправила свое. Я писала моей бѣдной матери.

[2]) Надо предупредить васъ, княжна, что князь разбранился съ Михаиломъ Иванычемъ. Онъ очень не въ духѣ, такой угрюмый. Предупреждаю васъ, знаете...

— Ah! chère amie, — отвѣчала княжна Марья, — je vous ai priée de ne jamais me prévenir de l'humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permets pas de le juger, et je ne voudrais pas que les autres le fassent [1]).

Княжна взглянула на часы и, замѣтивъ, что она уже пять минутъ пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордахъ, съ испуганнымъ видомъ пошла въ диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно съ заведеннымъ порядкомъ дня, князь отдыхалъ, а княжна играла на клавикордахъ.

XXVI.

Сѣдой камердинеръ сидѣлъ, дремля и прислушиваясь къ храпѣнію князя въ огромномъ кабинетѣ. Изъ дальней стороны дома, изъ-за затворенныхъ дверей, слышались по двадцати разъ повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты.

Въ это время къ крыльцу подъѣхала карета и бричка, и изъ кареты вышелъ князь Андрей, высадилъ свою маленькую жену и пропустилъ ее впередъ. Сѣдой Тихонъ, въ парикѣ, высунувшись изъ двери офиціантской, шопотомъ доложилъ, что князь почиваютъ, и торопливо затворилъ дверь. Тихонъ зналъ, что ни пріѣздъ сына и никакія необыкновенныя событія не должны были нарушать порядка дня. Князь Андрей, видимо, зналъ это такъ же хорошо, какъ и Тихонъ; онъ посмотрѣлъ на часы, какъ будто для того, чтобы повѣрить, не измѣнились ли привычки отца за то время, въ которое онъ не видалъ его, и, убѣдившись, что онѣ не измѣнились, обратился къ женѣ:

— Черезъ двадцать минутъ онъ встанетъ. Пройдемъ къ княжнѣ Марьѣ, — сказалъ онъ.

Маленькая княгиня потолстѣла за это время, но глаза и короткая губка съ усиками и улыбкой поднималась такъ же весело и мило, когда она заговорила.

— Mais c'est un palais, — сказала она мужу, оглядываясь кругомъ, съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ говорятъ похвалы хозяину бала. — Allons, vite, vite!.. [2])—Она, оглядываясь, улыбалась и Тихону, и мужу, и офиціанту, провожавшему ихъ.

— C'est Marie qui s'exerce? Allons doucement, il faut la surprendre [3]).

---

[1]) Ахъ, милый другъ мой! Я просила васъ никогда не говорить мнѣ, въ какомъ расположеніи духа батюшка. Я не позволю себѣ судить его и не желала бы, чтобъ и другіе судили.

[2]) Да это дворецъ! —Пойдемъ скорѣе, скорѣе.

[3]) Это Марн упражняется? Тише, застанемъ ее врасплохъ.

Князь Андрей шелъ за ней съ учтивымъ и грустнымъ выраженіемъ.

— Ты постарѣлъ, Тихонъ,—сказалъ онъ, проходя, старику, цѣловавшему его руку.

Передъ комнатою, въ которой слышны были клавикорды, изъ боковой двери выскочила хорошенькая бѣлокурая француженка. M-lle Bourienne казалась обезумѣвшею отъ восторга.

— Ah! quel bonheur pour la princesse,— заговорила она.— Enfin! Il faut que je la prévienne [1]).

— Non, non, de grâce... Vous êtes m-lle Bourienne, je vous connais déjà par l'amitié que vous porte ma belle-soeur,— говорила княгиня, цѣлуясь съ француженкой. Elle ne nous attend pas? [2])

Они подошли къ двери диванной, изъ которой слышался опять и опять повторяемый пассажъ. Князь Андрей остановился и поморщился, какъ будто ожидая чего-то непріятнаго.

Княгиня вошла. Пассажъ оборвался на серединѣ; послышался крикъ, тяжелыя ступни княжны Марьи и звуки поцѣлуевъ. Когда князь вошелъ, княжна и княгиня, только разъ на короткое время видѣвшіяся во время свадьбы князя Андрея, обхвативши руками, крѣпко прижимались губами къ тѣмъ мѣстамъ, на которыя попали въ первую минуту. M-lle Bourienne стояла около нихъ, прижавъ руки къ сердцу и набожно улыбаясь, очевидно столько же готовая заплакать, сколько и засмѣяться. Князь Андрей пожалъ плечами и поморщился, какъ морщатся любители музыки, услышавъ фальшивую ноту. Обѣ женщины отпустили другъ друга; потомъ опять, какъ будто боясь опоздать, схватили другъ друга за руки, стали цѣловать и отрывать руки и потомъ опять стали цѣловать другъ друга въ лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обѣ заплакали и опять стали цѣловаться. M-lle Bourienne тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, неловко; но для двухъ женщинъ казалось такъ естественно, что онѣ плакали; казалось, онѣ и не предполагали, чтобы могло иначе совершиться это свиданіе.

— Ah! chère!.. Ah! Marie!..— вдругъ заговорили обѣ женщины и засмѣялись. J'ai rêvé cette nuit... — Vous ne nous

---

[1]) Ахъ, какая радость для княжны! Наконецъ-то! Надо ее предупредить.

[2]) Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста.. Вы мамзель Бурьенъ; я уже знакома съ вами по той дружбѣ, какую питаетъ къ вамъ моя невѣстка. Она не ожидаетъ насъ?

attendiez donc pas... Ah! Marie, vous avez maigri...—Et vous avez repris... [1]).

— J'ai tout de suite reconnu madame la princesse [2]),—вставила m-lle Бурьенъ.

— Et moi qui ne me doutais pas!.. — восклицала княжна Марья. Ah! André, je ne vous voyais pas [3]).

Князь Андрей поцѣловался съ сестрой рука въ руку и сказалъ ей, что она такая же pleurnicheuse [4]), какъ всегда была. Княжна Марья повернулась къ брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткій взглядъ ея прекрасныхъ въ ту минуту, больших, лучистыхъ глазъ остановился на лицѣ князя Андрея.

Княгиня говорила безъ-умолку. Короткая верхняя губка съ усиками то и дѣло на мгновеніе слетала внизъ, притрогивалась, гдѣ нужно было, къ румяной нижней губкѣ, и вновь открывалась блестѣвшая зубами и глазами улыбка. Княгиня разсказывала случай, который былъ съ ними на Спасской горѣ, грозившей ей опасностью въ ея положеніи, и сейчасъ же послѣ этого сообщила, что она всѣ платья свои оставила въ Петербургѣ и здѣсь будетъ ходить Богъ знаетъ въ чемъ, и что Андрей совсѣмъ перемѣнился, и что Китти Одынцова вышла замужъ за старика, и что есть женихъ для княжны Марьи pour tout de bon, но что объ этомъ поговоримъ послѣ. Княжна Марья все еще молча смотрѣла на брата, и въ прекрасныхъ глазахъ ея была и любовь и грусть. Видно было, что въ ней установился теперь свой ходъ мысли, независимый отъ рѣчей невѣстки. Она въ серединѣ ея разсказа о послѣднемъ праздникѣ въ Петербургѣ обратилась къ брату:

— И ты рѣшительно ѣдешь на войну, André?—сказала она, вздохнувъ.

Lise вздрогнула тоже.

— Даже завтра, — отвѣчалъ братъ.

— Il m'abandonne ici, et Dieu sait pourquoi, quand il aurait pu avoir de l'avancement... [5]).

Княжна Марья не дослушала и, продолжая нить своихъ мыслей, обратилась къ невѣсткѣ, ласковыми глазами указывая на ея животъ:

---

[1]) Ахъ, милая!.. Ахъ, Мари! — А я видѣла во снѣ. — Такъ вы насъ не ожидали?.. Ахъ, Мари, вы такъ похудѣли. — А вы такъ пополнѣли...

[2]) Я тотчасъ узнала княгиню.

[3]) А я не подозрѣвала... Ахъ, Андрей, я и не видѣла тебя.

[4]) Плакса.

[5]) Онъ покидаетъ меня здѣсь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, тогда какъ онъ могъ бы получить повышеніе.

— Навѣрное ?— сказала она.

Лицо княгини измѣнилось. Она вздохнула.

— Да, навѣрное,—сказала она.—Ахъ! Это очень страшно...

Губка Лизы опустилась. Она приблизила свое лицо къ лицу золовки и опять неожиданно заплакала.

— Ей надо отдохнуть, — сказалъ князь Андрей морщась. — Не правда ли, Лиза? Сведи ее къ себѣ, а я пойду къ батюшкѣ. Что онъ, все то же?

— То же, то же самое; не знаю, какъ на твои глаза, — отвѣчала радостно княжна.

— И тѣ же часы и по аллеямъ прогулки? Станокъ?—спрашивалъ князь Андрей съ чуть замѣтною улыбкой, показывавшею, что, несмотря на всю свою любовь и уваженіе къ отцу, онъ понималъ его слабости.

— Тѣ же часы и станокъ, еще математика и мои уроки геометріи, — радостно отвѣчала княжна Марья, какъ будто ея уроки изъ геометріи были однимъ изъ самыхъ радостныхъ впечатлѣній ея жизни.

Когда прошли тѣ двадцать минутъ, которыя нужны были для срока вставанья стараго князя, Тихонъ пришелъ звать молодого князя къ отцу. Старикъ сдѣлалъ исключеніе въ своемъ образѣ жизни въ честь пріѣзда сына: онъ велѣлъ впустить его въ свою половину во время одѣванія передъ обѣдомъ. Князь ходилъ по-старинному, въ кафтанѣ и пудрѣ. И въ то время, какъ князь Андрей (не съ тѣмъ брюзгливымъ выраженіемъ лица и манерами, которыя онъ напускалъ на себя въ гостиныхъ, а съ тѣмъ оживленнымъ лицомъ, которое у него было, когда онъ разговаривалъ съ Пьеромъ) входилъ къ отцу, старикъ сидѣлъ въ уборной на широкомъ, сафьяномъ обитомъ, креслѣ, въ пудромантѣ, предоставляя свою голову рукамъ Тихона.

— А! Воинъ! Бонапарта завоевать хочешь?—сказалъ старикъ и тряхнулъ напудренною головой, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся въ рукахъ Тихона. — Примись хоть ты за него хорошенько, а то онъ этакъ скоро и насъ своими подданными запишетъ. Здорово! — И онъ выставилъ свою щеку.

Старикъ находился въ хорошемъ расположеніи духа послѣ дообѣденнаго сна. (Онъ говорилъ, что послѣ обѣда серебряный сонъ, а до обѣда золотой.) Онъ радостно изъ-подъ своихъ густыхъ нависшихъ бровей косился на сына. Князь Андрей подошелъ и поцѣловалъ отца въ указанное имъ мѣсто. Онъ не отвѣчалъ на любимую тему разговора отца — подтруниванье

надъ теперешними военными людьми, а особенно надъ Бонапартомъ.

— Да, пріѣхалъ къ вамъ, батюшка, и съ беременной женой,— сказалъ князь Андрей, слѣдя оживленными и почтительными глазами за движеніемъ каждой черты отцовскаго лица.— Какъ здоровье ваше?

— Нездоровы, братъ, бываютъ только дураки да развратники, а ты меня знаешь: съ утра до вечера занятъ, воздержанъ, ну и здоровъ.

— Слава Богу,— сказалъ сынъ улыбаясь.

— Богъ тутъ не при чемъ. Ну, разсказывай,— продолжалъ онъ, возвращаясь къ своему любимому коньку,— какъ васъ нѣмцы съ Бонапартомъ сражаться по вашей новой наукѣ, стратегіей называемой, научили.

Князь Андрей улыбнулся.

— Дайте опомниться, батюшка,— сказалъ онъ съ улыбкою, показывавшею, что слабости отца не мѣшаютъ ему уважать и любить его.— Вѣдь я еще и не размѣстился.

— Врешь, врешь,— закричалъ старикъ, встряхивая косичкою, чтобы попробовать, крѣпко ли она была заплетена, и хватая сына за руку.— Домъ для твоей жены готовъ. Княжна Марья сведетъ ее и покажетъ и съ три короба наболтаетъ. Это ихъ бабье дѣло. Я ей радъ. Сиди, разсказывай. Михельсона армію я понимаю, Толстого тоже... высадка единовременная... Южная армія что будетъ дѣлать? Пруссія, нейтралитетъ... это я знаю. Австрія что?— говорилъ онъ, вставъ съ кресла и ходя по комнатѣ съ бѣгавшимъ и подававшимъ части одежды Тихономъ.— Швеція что? Какъ Померанію перейдутъ?

Князь Андрей, видя настоятельность требованія отца, сначала неохотно, но потомъ все болѣе и болѣе оживляясь и невольно посреди разсказа, по привычкѣ, перейдя съ русскаго на французскій языкъ, началъ излагать операціонный планъ предполагаемой кампаніи. Онъ разсказалъ, какъ девяностотысячная армія должна была угрожать Пруссіи, чтобы вывести ее изъ нейтралитета и втянуть въ войну, какъ часть этихъ войскъ должна была въ Штральзундѣ соединиться съ шведскими войсками, какъ двѣсти двадцать тысячъ австрійцевъ, въ соединеніи со ста тысячами русскихъ, должны были дѣйствовать въ Италіи и на Рейнѣ, и какъ пятьдесятъ тысячъ русскихъ и пятьдесятъ тысячъ англичанъ высадятся въ Неаполѣ, и какъ въ итогѣ пятисоттысячная армія должна была съ разныхъ сторонъ сдѣлать нападеніе на французовъ. Старый князь не выказалъ ни малѣйшаго интереса при разсказѣ, какъ будто не слушалъ, и,

продолжая на ходу одѣваться, три раза неожиданно перервалъ его. Одинъ разъ онъ остановилъ его и закричалъ: «Бѣлый! бѣлый!»

Это значило, что Тихонъ подавалъ ему не тотъ жилетъ, который онъ хотѣлъ. Другой разъ онъ остановился, спросилъ:

— И скоро она родитъ? — и, съ упрекомъ покачавъ головой, сказалъ: — Нехорошо! Продолжай, продолжай.

Въ третій разъ, когда князь Андрей оканчивалъ описаніе, старикъ запѣлъ фальшивымъ и старческимъ голосомъ: «Malbroug s'en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra».

Сынъ только улыбнулся.

— Я не говорю, чтобъ это былъ планъ, который я одобряю, — сказалъ сынъ: — я вамъ только разсказалъ, что есть. Наполеонъ уже составилъ свой планъ не хуже этого.

— Ну, новенькаго ты мнѣ ничего не сказалъ. — И старикъ задумчиво проговорилъ про себя скороговоркой: — «Dieu sait quand reviendra». Иди въ столовую.

XXVII.

Въ назначенный часъ напудренный и выбритый князь вышелъ въ столовую, гдѣ ожидали его невѣстка, княжна Марья, m-lle Бурьенъ и архитекторъ князя, по странной прихоти его допускаемый къ столу, хотя по своему положенію незначительный человѣкъ этотъ никакъ не могъ разсчитывать на такую честь. Князь, твердо державшійся въ жизни различія состояній и рѣдко допускавшій къ столу даже важныхъ губернскихъ чиновниковъ, вдругъ на архитекторѣ Михайлѣ Ивановичѣ, сморкавшемся въ углу въ клѣтчатый платокъ, доказывалъ, что всѣ люди равны, и не разъ внушалъ своей дочери, что Михайла Ивановичъ ничѣмъ не хуже насъ съ тобой. За столомъ князь чаще всего обращался къ безсловесному Михайлѣ Ивановичу.

Въ столовой, громадно-высокой, какъ и всѣ комнаты въ домѣ, ожидали выхода князя домашніе и офиціанты, стоявшіе за каждымъ стуломъ; дворецкій, съ салфеткой въ рукѣ, оглядывалъ сервировку, мигая лакеямъ и постоянно перебѣгая безпокойнымъ взглядомъ отъ стѣнныхъ часовъ къ двери, изъ которой долженъ былъ появиться князь. Князь Андрей глядѣлъ на огромную, новую для него, золотую раму съ изображеніемъ генеалогическаго дерева князей Болконскихъ, висѣвшую напротивъ такой же громадной рамы съ дурно сдѣланнымъ (видимо, рукою домашняго живописца) изображеніемъ владѣтельнаго князя въ коронѣ, который долженъ былъ происходить отъ Рю-

рика и быть родоначальникомъ рода Болконскихъ. Князь Андрей смотрѣлъ на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмѣивался съ тѣмъ видомъ, съ какимъ смотрятъ на похожій до смѣшного портретъ.

— Какъ я узнаю его всего тутъ! — сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ, подошедшей къ нему.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на брата. Она не понимала, чему онъ улыбался. Все сдѣланное ея отцомъ возбуждало въ ней благоговѣніе, которое не подлежало обсужденію.

— У каждаго своя ахиллесова пятка, — продолжалъ князь Андрей. — Съ *его* огромнымъ умомъ donner dans ce ridicule!

Княжна Марья не могла понять смѣлости сужденій своего брата и готовилась возражать ему, какъ послышались изъ кабинета ожидаемые шаги: князь входилъ быстро, весело, какъ онъ и всегда ходилъ, какъ будто умышленно своими торопливыми манерами представляя противоположность строгому порядку дома. Въ то же мгновеніе большіе часы пробили два, и тонкимъ голоскомъ отозвались въ гостиной другіе. Князь остановился; изъ-подъ висячихъ густыхъ бровей оживленные, блестящіе строгіе глаза оглядѣли всѣхъ и остановились на молодой княгинѣ. Молодая княгиня испытывала въ то время то чувство, какое испытываютъ придворные на царскомъ выходѣ, то чувство страха и почтенія, которое возбуждалъ этотъ старикъ во всѣхъ приближенныхъ. Онъ погладилъ княгиню по головѣ и потомъ неловкимъ движеніемъ потрепалъ ее по затылку.

— Я радъ, я радъ, — проговорилъ онъ и, пристально еще взглянувъ ей въ глаза, быстро отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто. — Садитесь, садитесь! Михаилъ Ивановичъ, садитесь.

Онъ указалъ невѣсткѣ мѣсто подлѣ себя. Офиціантъ отодвинулъ для нея стулъ.

— Го, го! — сказалъ старикъ, оглядывая ея округленную талію. — Поторопилась, нехорошо!

Онъ засмѣялся сухо, холодно, непріятно, какъ онъ всегда смѣялся, однимъ ртомъ, а не глазами.

— Ходить надо, ходить какъ можно больше, какъ можно больше, — сказалъ онъ.

Маленькая княгиня не слыхала или не хотѣла слышать его словъ. Она молчала и казалась смущенною. Князь спросилъ ее объ отцѣ, и княгиня заговорила и улыбнулась. Онъ спросилъ ее объ общихъ знакомыхъ: княгиня еще болѣе оживилась и стала разсказывать, передавая князю поклоны и городскія сплетни.

— La comtesse Apraksine, la pauvre, a perdu son mari, et elle a pleuré les larmes de ses yeux, — говорила она, все болѣе и болѣе оживляясь.

По мѣрѣ того, какъ она оживлялась, князь все строже и строже смотрѣлъ на нее и вдругъ, какъ будто достаточно изучивъ ее и составивъ себѣ ясное о ней понятіе, отвернулся отъ нея и обратился къ Михайлѣ Ивановичу:

— Ну, что, Михайла Ивановичъ, Буонапарте-то нашему плохо приходится. Какъ мнѣ князь Андрей (онъ всегда такъ называлъ сына въ третьемъ лицѣ) поразсказалъ, какія на него силы собираются! А мы съ вами все его пустымъ человѣкомъ считали.

Михаилъ Ивановичъ, рѣшительно не знавшій, когда это *мы съ вами* говорили такія слова о Бонапарте, но понимавшій, что онъ былъ нуженъ для вступленія въ любимый разговоръ, удивленно взглянулъ на молодого князя, самъ не зная, что изъ этого выйдетъ.

— Онъ у меня тактикъ великій!—сказалъ князь сыну, указывая на архитектора.

И разговоръ зашелъ опять о войнѣ, о Бонапарте и нынѣшнихъ генералахъ и государственныхъ людяхъ. Старый князь, казалось, былъ убѣжденъ не только въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были мальчишки, не смыслившіе и азбуки военнаго и государственнаго дѣла, и что Бонапарте былъ ничтожный французишка, имѣвшій успѣхъ только потому, что уже не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ противопоставить ему; но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ политическихъ затрудненій не было въ Европѣ, не было войны, а была какая-то кукольная комедія, въ которую играли нынѣшніе люди, притворяясь, что дѣлаютъ дѣло. Князь Андрей весело выдерживалъ насмѣшки отца надъ новыми людьми и съ видимою радостью вызывалъ отца на разговоръ и слушалъ его.

— Все кажется хорошимъ, что было прежде, — сказалъ онъ, — а развѣ тотъ же Суворовъ не попался въ ловушку, которую ему подставилъ Моро, и не умѣлъ изъ нея выпутаться?

— Это кто тебѣ сказалъ? Кто сказалъ!—крикнулъ князь.— Суворовъ! (И онъ отбросилъ тарелку, которую живо подхватилъ Тихонъ.) Суворовъ!.. Подумавши, князь Андрей. Два: Фридрихъ и Суворовъ... Моро! Моро былъ бы въ плѣну, коли бы у Суворова руки свободны были; а у него на рукахъ сидѣли хофсъ-кригсъ-вурстъ-шнапсъ-ратъ. Ему чортъ не радъ. Вотъ пойдете, эти гофсъ-кригсъ-вурстъ-раты узнаете! Суворовъ

съ ними не сладилъ, такъ ужъ гдѣ жъ Михайлѣ Кутузову сладить? Нѣтъ, дружокъ,—продолжалъ онъ,—вамъ съ своими генералами противъ Бонапарте не обойтись; надо французовъ взять, чтобы своя своихъ не познала и своя своихъ побиваша. Нѣмца Палена въ Новый-Йоркъ, въ Америку, за французомъ Моро послали, — сказалъ онъ, намекая на приглашеніе, которое въ этомъ году было сдѣлано Моро вступить въ русскую службу.—Чудеса!!. Что Потемкины, Суворовы, Орловы развѣ нѣмцы были? Нѣтъ, братъ, либо тамъ вы всѣ съ ума сошли, либо я изъ ума выжилъ. Дай вамъ Богъ, а мы посмотримъ. Бонапарте у нихъ сталъ полководецъ великій! Гм!..

— Я ничего не говорю, чтобы всѣ распоряженія были хороши, — сказалъ князь Андрей, — только я не могу понять, какъ вы можете такъ судить о Бонапарте. Смѣйтесь, какъ хотите, а Бонапарте все-таки великій полководецъ!

— Михайла Ивановичъ! — закричалъ старый князь архитектору, который, занявшись жаркимъ, надѣялся, что про него забыли. — Я вамъ говорилъ, что Бонапарте великій тактикъ? Вонъ и онъ говоритъ.

— Какъ же, ваше сіятельство, — отвѣчалъ архитекторъ.

Князь опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Бонапарте въ рубашкѣ родился. Солдаты у него прекрасные. Да и на первыхъ онъ на нѣмцевъ напалъ. А нѣмцевъ только лѣнивый не билъ. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, нѣмцевъ всѣ били. А они никого. Только другъ друга. Онъ на нихъ свою славу сдѣлалъ.

И князь началъ разбирать всѣ ошибки, которыя, по его понятіямъ, дѣлалъ Бонапарте во всѣхъ своихъ войнахъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ. Сынъ не возражалъ, но видно было, что какіе бы доводы ему ни представляли, онъ такъ же мало способенъ измѣнить свое мнѣніе, какъ и старый князь. Князь Андрей слушалъ, удерживаясь отъ возраженій и невольно удивляясь, какъ могъ этотъ старый человѣкъ, сидя столько лѣтъ одинъ безвыѣздно въ деревнѣ, въ такихъ подробностяхъ и съ такою тонкостью знать и обсуживать всѣ военныя и политическія обстоятельства Европы послѣднихъ годовъ.

— Ты думаешь, я, старикъ, не понимаю настоящаго положенія дѣлъ? — заключилъ онъ. — А мнѣ оно вотъ гдѣ! Я ночи не сплю. Ну, гдѣ же этотъ великій полководецъ твой-то, гдѣ онъ показалъ себя?

— Это длинно было бы, — отвѣчалъ сынъ.

— Ступай же ты къ Буонапарте своему. M-lle Bourienne, voilà encore un admirateur de votre goujat d'empereur! [1])—закричалъ онъ отличнымъ французскимъ языкомъ.

— Vous savez que je ne suis pas bonapartiste, mon prince [2]).

— «Dieu sait quand reviendra»... — пропѣлъ князь фальшиво, еще фальшивѣе засмѣялся и вышелъ изъ-за стола..

Маленькая княгиня во все время спора и остального обѣда молчала и испуганно поглядывала то на княжну Марью, то на свекра. Когда они вышли изъ-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее въ другую комнату.

— Comme c'est un homme d'esprit votre père, — сказала она. —C'est à cause de cela peut-être qu'il me fait peur [3]).

— Ахъ, онъ такъ добръ! — сказала княжна.

XXVIII.

Князь Андрей уѣзжалъ на другой день вечеромъ. Старый князь, не отступая отъ своего порядка, послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одѣвшись въ дорожный сюртукъ безъ эполетъ, въ отведенныхъ ему покояхъ укладывался съ своимъ камердинеромъ. Самъ осмотрѣвъ коляску и укладку чемодановъ, онъ велѣлъ закладывать. Въ комнатѣ оставались только тѣ вещи, которыя князь Андрей всегда бралъ съ собой: шкатулка, большой серебряный погребецъ, два турецкихъ пистолета и шашка, подарокъ отца, привезенный изъ-подъ Очакова. Всѣ эти дорожныя принадлежности были въ большомъ порядкѣ у князя Андрея: все было ново, чисто, въ суконныхъ чехлахъ, старательно завязано тесемочками.

Въ минуты отъѣзда и перемѣны жизни на людей, способныхъ обдумывать свои поступки, обыкновенно находитъ серьезное настроеніе мыслей. Въ эти минуты обыкновенно повѣряется прошедшее и дѣлаются планы будущаго. Лицо князя Андрея было очень задумчиво и нѣжно. Онъ, заложивъ руки назадъ, быстро ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, глядя впередъ себя, и задумчиво покачивалъ головой. Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену, — можетъ-быть, и то и другое, только, видимо не желая, чтобъ его видѣли въ такомъ положеніи, услыхавъ шаги въ сѣняхъ, онъ торопливо высвободилъ руки, остановился у стола, какъ будто увязывалъ

---

[1]) Вотъ еще поклонникъ вашего холопскаго императора.

[2]) Вы знаете, князь, что я не бонапартистка.

[3]) Какой умный человѣкъ вашъ батюшка. Можетъ-быть, отъ этого-то я и боюсь его.

чехолъ шкатулки, и принялъ свое всегдашнее, спокойное и непроницаемое выраженіе. Это были тяжелые шаги княжны Марьи.

— Мнѣ сказали, что ты велѣлъ закладывать, — сказала она запыхавшись (она, видно, бѣжала), — а мнѣ такъ еще хотѣлось поговорить съ тобой наединѣ. Богъ знаетъ, на сколько времени опять разстаемся. Ты не сердишься, что я пришла? Ты очень перемѣнился, Андрюша, — прибавила она какъ бы въ объясненіе такого вопроса.

Она улыбнулась, произнося слово «Андрюша». Видно, ей самой было странно подумать, что этотъ строгій, красивый мужчина былъ тотъ самый Андрюша, худой шаловливый мальчикъ, товарищъ дѣтства.

— А гдѣ Lise?—спросилъ онъ, только улыбкой отвѣчая на ея вопросъ.

— Она такъ устала, что заснула у меня въ комнатѣ на диванѣ. Ахъ, Andréi Quel trésor de femme vous avez, — сказала она, усаживаясь на диванъ противъ брата. — Она совершенный ребенокъ, такой милый, веселый ребенокъ. Я такъ ее полюбила.

Князь Андрей молчалъ, но княжна замѣтила ироническое и презрительное выраженіе, появившееся на его лицѣ.

— Но надо быть снисходительнымъ къ маленькимъ слабостямъ; у кого ихъ нѣтъ, Andréi Ты не забудь, что она воспитана и выросла въ свѣтѣ. И потомъ ея положеніе теперь не розовое. Надобно входить въ положеніе каждаго. Tout comprendre, c'est tout pardonner [1]). Ты подумай, каково ей, бѣдняжкѣ, послѣ жизни, къ которой она привыкла, разстаться съ мужемъ и остаться одной въ деревнѣ и въ ея положеніи. Это очень тяжело.

Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, какъ мы улыбаемся, слушая людей, которыхъ, намъ кажется, что мы насквозь видимъ.

— Ты живешь въ деревнѣ и не находишь эту жизнь ужасною, — сказалъ онъ.

— Я—другое дѣло. Что обо мнѣ говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумай, Andréi, для молодой и свѣтской женщины похорониться въ лучшіе годы жизни въ деревнѣ, одной, потому что папенька всегда занятъ, а я... ты меня знаешь... какъ я бѣдна en ressources для женщины, привыкшей къ лучшему обществу. M-lle Bourienne одна...

— Она мнѣ очень не нравится, ваша Bourienne, — сказалъ князь Андрей.

---

1) Кто все поймет, тотъ все и проститъ.

— О, нѣтъ! она очень милая и добрая, а главное—жалкая дѣвушка. У нея никого, никого нѣтъ. По правдѣ сказать, мнѣ она не только не нужна, но стѣснительна. Я, ты знаешь, и всегда была дикарка, а теперь еще больше. Я люблю быть одна... Mon père ее очень любитъ. Она и Михаилъ Иванычъ—два лица, къ которымъ онъ всегда ласковъ и добръ, потому что они оба облагодѣтельствованы имъ; какъ говоритъ Стернъ: «мы не столько любимъ людей за то добро, которое они намъ сдѣлали, сколько за то добро, которое мы имъ сдѣлали». Mon père взялъ ее сиротой sur le pavé, и она очень добрая. И mon père любилъ ея манеру чтенія. Она по вечерамъ читаетъ ему вслухъ. Она прекрасно читаетъ.

— Ну, а по правдѣ, Marie, тебѣ, я думаю, тяжело иногда бываетъ отъ характера отца?—вдругъ спросилъ князь Андрей.

Княжна Марья сначала удивилась, потомъ испугалась этого вопроса.

— Мнѣ?.. Мнѣ?.. Мнѣ тяжело?!—сказала она.

— Онъ и всегда былъ крутъ; а теперь тяжелъ становится, я думаю,—сказалъ князь Андрей, видимо, нарочно, чтобъ озадачить или испытать сестру, такъ легко отзываясь объ отцѣ.

— Ты всѣмъ хорошъ, André, но у тебя есть какая-то гордость мысли,—сказала княжна, больше слѣдуя за своимъ ходомъ мыслей, чѣмъ за ходомъ разговора,—и это большой грѣхъ. Развѣ возможно судить объ отцѣ? Да ежели бы и возможно было, какое другое чувство, кромѣ vénération, можетъ возбудить такой человѣкъ, какъ mon père? И я такъ довольна и счастлива съ нимъ. Я только желала бы, чтобы вы всѣ были счастливы, какъ я.

Братъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Одно, что тяжело для меня,—я тебѣ по правдѣ скажу, André,—это образъ мыслей отца въ религіозномъ отношеніи. Я не понимаю какъ человѣкъ съ такимъ огромнымъ умомъ не можетъ видѣть того, что ясно какъ день, и можетъ такъ заблуждаться? Вотъ это составляетъ одно мое несчастье. Но и тутъ въ послѣднее время я вижу тѣнь улучшенія. Въ послѣднее время его насмѣшки не такъ язвительны, и есть одинъ монахъ, котораго онъ принималъ и долго говорилъ съ нимъ.

— Ну, мой другъ, я боюсь, что вы съ монахомъ даромъ растрачиваете свой порохъ,—насмѣшливо, но ласково сказалъ князь Андрей.

— Ah, mon ami. Я только молюсь Богу и надѣюсь, что Онъ услышитъ меня. André — сказала она робко послѣ минуты молчанія,—у меня къ тебѣ есть большая просьба.

— Что, мой другъ?

— Нѣтъ, обѣщай мнѣ, что ты не откажешь. Это тебѣ не будетъ стоить никакого труда, и ничего недостойнаго тебя въ этомъ не будетъ. Только ты меня утѣшишь. Обѣщай, Андрюша, — сказала она, сунувъ руку въ ридикюль и въ немъ держа что-то, но еще не показывая, какъ будто то, что̀ она держала, и составляло предметъ просьбы и будто прежде полученія обѣщанія въ исполненіи просьбы она не могла вынуть изъ ридикюля это *что-то*.

Она робко, умоляющимъ взглядомъ смотрѣла на брата.

— Ежели бы это и стоило мнѣ большого труда... — какъ будто догадываясь, въ чемъ было дѣло, отвѣчалъ князь Андрей.

— Ты, что хочешь, думай! Я знаю, ты такой же, какъ и mon père. Что хочешь, думай, но для меня это сдѣлай. Сдѣлай, пожалуйста! Его еще отецъ моего отца, нашъ дѣдушка, носилъ во всѣхъ войнахъ... (Она все еще не доставала того, что держала, изъ ридикюля.) Такъ ты обѣщаешь мнѣ?

— Конечно. Въ чемъ дѣло?

— André, я тебя благословлю образомъ, и ты обѣщай мнѣ, что никогда его не будешь снимать. Обѣщаешь?

— Ежели онъ не въ два пуда и шеи не оттянетъ... Чтобы тебѣ сдѣлать удовольствіе... — сказалъ князь Андрей, но въ ту же секунду, замѣтивъ огорченное выраженіе, которое приняло лицо сестры при этой шуткѣ, онъ раскаялся. — Очень радъ, право, очень радъ, мой другъ, — прибавилъ онъ.

— Противъ твоей воли Онъ спасетъ и помилуетъ тебя и обратитъ тебя къ Себѣ, потому что въ Немъ одномъ и истина и успокоеніе, — сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ торжественнымъ жестомъ держа въ обѣихъ рукахъ передъ братомъ овальный старинный образокъ Спасителя съ чернымъ ликомъ въ серебряной ризѣ на серебряной цѣпочкѣ мелкой работы.

Она перекрестилась, поцѣловала образокъ и подала его Андрею.

— Пожалуйста, André, для меня...

Изъ большихъ глазъ ея свѣтились лучи добраго и робкаго свѣта. Глаза эти освѣщали все болѣзненное, худое лицо и дѣлали его прекраснымъ. Братъ хотѣлъ взять образокъ, но она остановила его. Андрей понялъ, перекрестился и поцѣловалъ образокъ. Лицо его въ одно и то же время было нѣжно (онъ былъ тронутъ) и насмѣшливо.

— Mercі, mon ami.

Она поцѣловала его въ лобъ и опять сѣла на диванъ. Они молчали.

— Такъ я тебѣ говорила, André, будь добръ и великодушенъ, какимъ ты всегда былъ. Не суди строго Lise, — начала она.—Она такъ мила, такъ добра, и положеніе ея очень тяжело теперь.

— Кажется, я ничего не говорилъ тебѣ, Маша, чтобъ я упрекалъ въ чемъ-нибудь свою жену или былъ недоволенъ ею. Къ чему ты все это говоришь мнѣ?

Княжна Марья покраснѣла пятнами и замолчала, какъ будто она чувствовала себя виноватою.

— Я ничего не говорилъ тебѣ, а тебѣ ужъ *говорили*. И мнѣ это грустно.

Красныя пятна еще сильнѣе выступили на лбу, шеѣ и щекахъ княжны Марьи. Она хотѣла сказать что-то и не могла выговорить. Братъ угадалъ: маленькая княгиня послѣ обѣда плакала, говорила, что предчувствуетъ несчастные роды, боится ихъ, и жаловалась на свою судьбу, на свекра и на мужа. Послѣ слезъ она заснула. Князю Андрею жалко стало сестру.

— Знай одно, Маша, я ни въ чемъ не могу упрекнуть, не упрекалъ и никогда не упрекну *мою жену*, и самъ ни въ чемъ себя не могу упрекнуть въ отношеніи къ ней; и это всегда такъ будетъ, въ какихъ бы я ни былъ обстоятельствахъ. Но ежели ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастливъ ли я? Нѣтъ. Счастлива ли она? Нѣтъ. Отчего это? Не знаю...

Говоря это, онъ всталъ, подошелъ къ сестрѣ и, нагнувшись, поцѣловалъ ее въ лобъ. Прекрасные глаза его свѣтились умнымъ и добрымъ, непривычнымъ блескомъ, но онъ смотрѣлъ не на сестру, а въ темноту отворенной двери, черезъ ея голову.

— Пойдемъ къ ней, надо проститься. Или иди одна, разбуди ее, а я сейчасъ приду. Петрушка!—крикнулъ онъ камердинеру,— поди сюда, убирай. Это въ сидѣнье, это на правую сторону.

Княжна Марья встала и направилась къ двери. Она остановилась.

— André, si vous avez la foi, vous vous seriez adressé à Dieu, pour qu'il vous donne l'amour, que vous ne sentez pas, et votre prière aurait été exaucée [1]).

— Да, развѣ это! — сказалъ князь Андрей.—Иди, Маша, я сейчасъ приду.

---

[1]) Если бы ты имѣлъ вѣру, то обратился бы къ Богу съ молитвою, чтобъ Онъ даровалъ тебѣ любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана.

По дорогѣ къ комнатѣ сестры, въ галлереѣ, соединявшей одинъ домъ съ другимъ, князь Андрей встрѣтилъ мило улыбавшуюся m-lle Bourienne, уже въ третій разъ въ этотъ день съ восторженною и наивною улыбкой попадавшуюся ему въ уединенныхъ переходахъ.

— Ah! je vous croyais chez vous [1]), — сказала она, почему-то краснѣя и опуская глаза.

Князь Андрей строго посмотрѣлъ на нее. На лицѣ князя Андрея вдругъ выразилось озлобленіе. Онъ ничего не сказалъ ей, но посмотрѣлъ на ея лобъ и волосы, не глядя въ глаза, такъ презрительно, что француженка покраснѣла и ушла, ничего не сказавъ. Когда онъ подошелъ къ комнатѣ сестры, княгиня уже проснулась, и ея веселый голосокъ, торопившій одно слово за другимъ, послышался изъ отворенной двери. Она говорила, какъ будто послѣ долгаго воздержанія ей хотѣлось вознаградить потерянное время

— Non, mais figurez-vous, la vieille comtesse Zouboff avec de fausses boucles et la bouche pleine de fausses dents comme si elle voulait défier les années... [2]). Ха, ха, ха, Marie!

Точно ту же фразу о графинѣ Зубовой и тотъ же смѣхъ уже разъ пять слышалъ при постороннихъ князь Андрей отъ своей жены. Онъ тихо вошелъ въ комнату. Княгиня, толстенькая, румяная, съ работой въ рукахъ, сидѣла на креслѣ и безъумолку говорила, перебирая петербургскія воспоминанія и даже фразы. Князь Андрей подошелъ, погладилъ ее по головѣ и спросилъ, отдохнула ли она отъ дороги. Она отвѣтила и продолжала тотъ же разговоръ.

Коляска шестерикомъ стояла у подъѣзда. На дворѣ была темная осенняя ночь. Кучеръ не видѣлъ дышла коляски. На крыльцѣ суетились люди съ фонарями. Огромный домъ горѣлъ огнями сквозь свои большія окна. Въ передней толпились дворовые, желавшіе проститься съ молодымъ княземъ; въ залѣ стояли всѣ домашніе: Михаилъ Ивановичъ, m-lle Bourienne, княжна Марья и княгиня. Князь Андрей былъ позванъ въ кабинетъ къ отцу, который съ глазу на глазъ хотѣлъ проститься съ нимъ. Всѣ ждали ихъ выхода.

Когда князь Андрей вошелъ въ кабинетъ, старый князь въ стариковскихъ очкахъ и въ своемъ бѣломъ халатѣ, въ кото-

---

[1]) Ахъ, я думала, вы у себя.

[2]) Нѣтъ, представьте себѣ, старая графиня Зубова, съ фальшивыми локонами, съ фальшивыми зубами, какъ будто издѣваясь надъ годами...

ромъ онъ никого не принималъ, кромѣ сына, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ оглянулся.

— Ѣдешь? — И онъ опять сталъ писать.

— Пришелъ проститься.

— Цѣлуй сюда, — онъ показалъ щеку. — Спасибо, спасибо!

— За что вы меня благодарите?

— За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! — И онъ продолжалъ писать, такъ что брызги летѣли съ трещавшаго пера. — Ежели нужно сказать что, говори. Эти два дѣла могу дѣлать вмѣстѣ, — прибавилъ онъ.

— О женѣ... Мнѣ и такъ совѣстно, что я вамъ ее на руки оставляю...

— Что врешь? Говори, что нужно.

— Когда женѣ будетъ время родить, пошлите въ Москву за акушеромъ... Чтобъ онъ тутъ былъ.

Старый князь остановился и, какъ бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

— Я знаю, что никто помочь не можетъ, коли натура не поможетъ, — говорилъ князь Андрей, видимо смущенный. — Я согласенъ, что изъ милліона случаевъ одинъ бываетъ несчастный, но это ея и моя фантазія. Ей наговорили, она во снѣ видѣла, и она боится.

— Гм... гм... — проговорилъ про себя старый князь, продолжая дописывать. — Сдѣлаю.

Онъ расчеркнулъ подпись, вдругъ быстро повернулся къ сыну и засмѣялся.

— Плохо дѣло, а?

— Что плохо, батюшка?

— Жена! — коротко и значительно сказалъ старый князь.

— Я не понимаю, — сказалъ князь Андрей.

— Да нечего дѣлать, дружокъ, — сказалъ князь: — онѣ всѣ такія, не разженишься. Ты не бойся; никому не скажу; а ты самъ знаешь.

Онъ схватилъ его за руку своею костлявою маленькою кистью, потрясъ ее, взглянулъ прямо въ лицо сына своими быстрыми глазами, которые, какъ казалось, насквозь видѣли человѣка, и опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

Сынъ вздохнулъ, признаваясь этимъ вздохомъ въ томъ, что отецъ понялъ его. Старикъ, продолжая складывать и печатать письма, съ своею привычною быстротой схватывалъ и бросалъ сургучъ, печать и бумагу.

— Что дѣлать? Красива! Я все сдѣлаю. Ты будь покоенъ,— говорилъ онъ отрывисто во время печатанія.

Андрей молчалъ: ему пріятно и непріяно было, что отецъ понялъ его. Старикъ всталъ и подалъ письмо сыну.

— Слушай, — сказалъ онъ, — о женѣ не заботься: что возможно сдѣлать, то будетъ сдѣлано. Теперь слушай: письмо Михайлѣ Иларіоновичу отдай. Я пишу, чтобъ онъ тебя въ хорошія мѣста употреблялъ и долго адъютантомъ не держалъ: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, какъ онъ тебя приметъ. Коли хорошъ будетъ, служи. Николая Андреевича Болконскаго сынъ изъ милости служить ни у кого не будетъ. Ну, теперь поди сюда.

Онъ говорилъ такой скороговоркой, что не доканчивалъ половины словъ, но сынъ привыкъ понимать его. Онъ подвелъ сына къ бюро, откинулъ крышку, выдвинулъ ящикъ и вынулъ исписанную его крупнымъ, длиннымъ и сжатымъ почеркомъ тетрадь.

— Должно-быть, мнѣ прежде тебя умереть. Знай, тутъ мои записки, ихъ государю передать послѣ моей смерти. Теперь здѣсь — вотъ ломбардный билетъ и письмо: это премія тому, кто напишетъ исторію Суворовскихъ войнъ. Переслать въ академію. Здѣсь мои ремарки, послѣ меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказалъ отцу, что, вѣрно, онъ проживетъ еще долго. Онъ понималъ, что этого говорить не нужно.

— Все исполню, батюшка, — сказалъ онъ.

— Ну, теперь прощай! — Онъ далъ поцѣловать сыну свою руку и обнялъ его. — Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьютъ, мнѣ, старику, больно будетъ... — Онъ неожиданно замолчалъ и вдругъ крикливымъ голосомъ продолжалъ: — А коли узнаю, что ты повелъ себя не какъ сынъ Николая Болконскаго, мнѣ будетъ стыдно! — взвизгнулъ онъ.

— Этого вы могли бы не говорить мнѣ, батюшка,—улыбаясь сказалъ сынъ.

Старикъ замолчалъ.

— Еще я хотѣлъ просить васъ,—продолжалъ князь Андрей,— ежели меня убьютъ и ежели у меня будетъ сынъ, не отпускайте его отъ себя, какъ я вамъ вчера говорилъ, чтобъ онъ выросъ у васъ... пожалуйста.

— Женѣ не отдавать? — сказалъ старикъ и засмѣялся.

Они молча стояли другъ противъ друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены въ глаза сына. Что-то дрогнуло въ нижней части лица стараго князя.

— Простились... ступай! — вдругъ сказалъ онъ. — Ступай! — закричалъ онъ сердитымъ и громкимъ голосомъ, отворяя дверь кабинета.

— Что такое, что? — спрашивали княгиня и княжна, увидѣвъ князя Андрея и на минуту высунувшуюся фигуру кричавшаго сердитымъ голосомъ старика въ бѣломъ халатѣ, безъ парика и въ стариковскихъ очкахъ.

Князь Андрей вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, — сказалъ онъ, обратившись къ женѣ.

И это «ну» звучало холодною насмѣшкой, какъ будто онъ говорилъ: «теперь продѣлывайте вы ваши штуки».

— André, déjà! — сказала маленькая княгиня, блѣднѣя и со страхомъ глядя на мужа.

Онъ обнялъ ее. Она вскрикнула и безъ чувствъ упала на его плечо.

Онъ осторожно отвелъ плечо, на которомъ она лежала, заглянулъ въ ея лицо и бережно посадилъ ее на кресло.

— Adieu, Marie, — сказалъ онъ тихо сестрѣ, поцѣловался съ нею рука въ руку и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Княгиня лежала въ креслѣ, m-lle Бурьенъ терла ей виски. Княжна Марья, поддерживая невѣстку, съ заплаканными прекрасными глазами, все еще смотрѣла въ дверь, въ которую вышелъ князь Андрей, и крестила его. Изъ кабинета слышны были, какъ выстрѣлы, часто повторяемые сердитые звуки стариковскаго сморканія. Только что князь Андрей вышелъ, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

— Уѣхалъ? Ну и хорошо! — сказалъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачалъ головой и захлопнулъ дверь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ октябрѣ 1805 года русскія войска занимали села и города эрцгерцогства Австрійскаго, и еще новые полки приходили изъ Россіи и, отягощая постоемъ жителей, располагались у крѣпости Браунау. Въ Браунау была главная квартира главнокомандующаго Кутузова.

11 октября 1805 года одинъ изъ только что пришедшихъ къ Браунау пѣхотныхъ полковъ, ожидая смотра главнокомандующаго, стоялъ въ полумилѣ отъ города. Несмотря на не-русскую мѣстность и обстановку (фруктовые сады, каменныя ограды, черепичныя крыши, горы, виднѣвшіяся вдали), на не-русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ, полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ, готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ серединѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ полученъ приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались неясны полковому командиру и возникъ вопросъ, какъ разумѣть слова приказа: въ походной формѣ или нѣтъ? — въ совѣтѣ батальонныхъ командировъ было рѣшено представить полкъ въ парадной формѣ, на томъ основаніи, что всегда лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться. И солдаты, послѣ тридцативерстнаго перехода, не смыкали глазъ всю ночь: чинились, чистились; адъютанты и ротные разсчитывали, отчисляли; и къ утру полкъ, вмѣсто растянутой, безпорядочной толпы, какою онъ былъ наканунѣ на послѣднемъ переходѣ, представлялъ стройную массу 2.000 людей, изъ которыхъ каждый зналъ свое мѣсто, свое дѣло и изъ которыхъ на каждомъ каждая пуговка и ремешокъ были на своемъ мѣстѣ и блестѣли чистотой. Не только наружное было исправно, но ежели бы угодно было главнокомандующему заглянуть подъ мундиры, то на каждомъ онъ увидѣлъ бы одинаково чистую рубаху и въ

каждомъ ранцѣ нашелъ бы узаконенное число вещей, «шильце и мыльце», какъ говорятъ солдаты. Было только одно обстоятельство, насчетъ котораго никто не могъ быть спокоенъ. Это была обувь. Больше чѣмъ у половины людей сапоги были разбиты. Но недостатокъ этотъ происходилъ не отъ вины полкового командира, такъ какъ, несмотря на неоднократныя требованія, ему не былъ отпущенъ товаръ отъ австрійскаго вѣдомства, а полкъ прошелъ тысячу верстъ.

Полковой командиръ былъ пожилой, сангвиническій, съ сѣдѣющими бровями и бакенбардами генералъ, плотный и широкій больше отъ груди къ спинѣ, чѣмъ отъ одного плеча къ другому. На немъ былъ новый, съ иголочки, со слежавшимися складками мундиръ и густыя золотыя эполеты, которыя какъ будто не книзу а кверху поднимали его тучныя плечи. Полковой командиръ имѣлъ видъ человѣка, счастливо совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни. Онъ похаживалъ передъ фронтомъ и, похаживая, подрагивалъ на каждомъ шагу, слегка изгибаясь спиною. Видно было, что полковой командиръ любуется своимъ полкомъ, счастливъ имъ, что всѣ его силы душевныя заняты только полкомъ; но, несмотря на то, его подрагивающая походка какъ будто говорила, что, кромѣ военныхъ интересовъ, въ душѣ его немалое мѣсто занимаютъ и интересы общественнаго быта и женскій полъ.

— Ну, батюшка Михайла Митричъ, — обратился онъ къ одному батальонному командиру (батальонный командиръ улыбаясь подался впередъ; видно было, что они были счастливы),—досталось на орѣхи нынче ночью. Однако, кажется, ничего, полкъ не изъ дурныхъ... А?

Батальонный командиръ понялъ веселую иронію и засмѣялся.

— И на Царицыномъ Лугу съ поля бы не прогнали.

— Что? — сказалъ командиръ.

Въ это время по дорогѣ изъ города, по которой разставлены были махальные, показались два верховые. Это были адъютантъ и казакъ, ѣхавшій сзади.

Адъютантъ былъ присланъ изъ главнаго штаба подтвердить полковому командиру то, что было сказано неясно во вчерашнемъ приказѣ, а именно то, что главнокомандующій желалъ видѣть полкъ совершенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ — въ шинеляхъ, въ чехлахъ и безъ всякихъ приготовленій.

Къ Кутузову наканунѣ прибылъ членъ гофкригсрата изъ Вѣны, съ предложеніями и требованіями идти какъ можно скорѣе на соединеніе съ арміей эрцгерцога Фердинанда и Мака, и Кутузовъ, не считая выгоднымъ это соединеніе, въ числѣ прочихъ

доказательствъ въ пользу своего мнѣнія намѣревался показать австрійскому генералу то печальное положеніе, въ которомъ приходили войска изъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ и хотѣлъ выѣхать навстрѣчу полку, такъ что чѣмъ хуже было бы положеніе полка, тѣмъ пріятнѣе было бы это главнокомандующему. Хотя адъютантъ и не зналъ этихъ подробностей, однако онъ передалъ полковому командиру непремѣнное требованіе главнокомандующаго, чтобы люди были въ шинеляхъ и чехлахъ и что въ противномъ случаѣ главнокомандующій будетъ недоволенъ. Выслушавъ эти слова, полковой командиръ опустилъ голову, молча вздернулъ плечами и сангвиническимъ жестомъ развелъ руки.

— Надѣлали дѣла! — проговорилъ онъ. — Вотъ я вамъ говорилъ же, Михайла Митричъ, что на походѣ, такъ въ шинеляхъ, — обратился онъ съ упрекомъ къ батальонному командиру. — Ахъ, мой Богъ! — прибавилъ онъ и рѣшительно выступилъ впередъ. — Господа ротные командиры! — крикнулъ онъ голосомъ, привычнымъ къ командѣ. — Фельдфебелей!.. Скоро ли пожалуютъ? — обратился онъ къ пріѣхавшему адъютанту съ выраженіемъ почтительной учтивости, видимо относившейся къ лицу, про которое онъ говорилъ.

— Черезъ часъ, я думаю.

— Успѣемъ переодѣть?

— Не знаю, генералъ...

Полковой командиръ, самъ подойдя къ рядамъ, распорядился переодѣваніемъ опять въ шинели. Ротные командиры разбѣжались по ротамъ, фельдфебели засуетились (шинели были не совсѣмъ исправны), и въ то же мгновеніе заколыхались, растянулись и говоромъ загудѣли прежде правильные, молчаливые четвероугольники. Со всѣхъ сторонъ отбѣгали и подбѣгали солдаты, подкидывали сзади плечомъ, черезъ голову перетаскивали ранцы, снимали шинели и, высоко поднимая руки, натягивали ихъ въ рукава.

Черезъ полчаса все опять пришло въ прежній порядокъ, только четвероугольники сдѣлались сѣрыми изъ черныхъ. Полковой командиръ опять подрагивающею походкой вышелъ впередъ полка и издалека оглядѣлъ его.

— Это что еще? Это что? — прокричалъ онъ, останавливаясь. — Командира 3-й роты!..

— Командиръ 3-й роты къ генералу! командира къ генералу, 3-й роты къ командиру!... — послышались голоса по рядамъ, и адъютантъ побѣжалъ отыскивать замѣшкавшагося офицера.

Когда звуки усердныхъ голосовъ, перевирая, крича уже «генерала въ 3-ю роту», дошли по назначенію, требуемый офицеръ показался изъ-за роты и, хотя человѣкъ уже пожилой и не имѣвшій привычки бѣгать, неловко цѣпляясь носками, рысью направился къ генералу. Лицо капитана выражало безпокойство школьника, которому велятъ сказать невыученный имъ урокъ. На красномъ (очевидно, отъ невоздержанія) носу выступали пятна, и ротъ не находилъ положенія. Полковой командиръ съ ногъ до головы осматривалъ капитана въ то время, какъ онъ запыхавшись подходилъ, по мѣрѣ приближенія сдерживая шагъ.

— Вы скоро людей въ сарафаны нарядите! Это что? — крикнулъ полковой командиръ, выдвигая нижнюю челюсть и указывая въ рядахъ 3-й роты на солдата въ шинели цвѣта фабричнаго сукна, отличавшагося отъ другихъ шинелей. — Сами гдѣ находились? Ожидается главнокомандующій, а вы отходите отъ своего мѣста? А?.. Я васъ научу, какъ на смотръ людей въ казакины одѣвать!.. А?..

Ротный командиръ, не спуская глазъ съ начальника, все больше и больше прижималъ свои два пальца къ козырьку, какъ будто въ одномъ этомъ прижиманіи онъ видѣлъ теперь свое спасеніе.

— Ну, что жъ вы молчите? Кто у васъ тамъ въ венгерца наряженъ? — строго шутилъ полковой командиръ.

— Ваше превосходительство...

— Ну что «ваше превосходительство»? Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! А что ваше превосходительство— никому неизвѣстно.

— Ваше превосходительство, это Долоховъ, разжалованный... — сказалъ тихо капитанъ.

— Что онъ въ фельдмаршалы, что ли, разжалованъ или въ солдаты? А солдатъ, такъ долженъ быть одѣтъ, какъ всѣ, по формѣ.

— Ваше превосходительство, вы сами разрѣшили ему походомъ.

— Разрѣшилъ? Разрѣшилъ? Вотъ вы всегда такъ, молодые люди, — сказалъ полковой командиръ, остывая нѣсколько. — Разрѣшилъ? Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и... — Полковой командиръ помолчалъ. — Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и... Что?—сказалъ онъ, снова раздражаясь.—Извольте одѣть людей прилично...

И полковой командиръ, оглядываясь на адъютанта, своею вздрагивающею походкой направился къ полку. Видно было, что его раздраженіе ему самому понравилось и что онъ, прой-

дясь по полку, хотѣлъ найти еще предлогъ своему гнѣву. Оборвавъ одного офицера за невычищенный знакъ, другого за неправильность ряда, онъ подошелъ къ 3-й ротѣ.

— Каакъ стоишь? Гдѣ нога? Нога гдѣ?—закричалъ полковой командиръ съ выраженіемъ страданія въ голосѣ, еще человѣкъ за пять не доходя до Долохова, одѣтаго въ синеватую шинель.

Долоховъ медленно выпрямилъ согнутую ногу и прямо, своимъ свѣтлымъ и наглымъ взглядомъ, посмотрѣлъ въ лицо генерала.

— Зачѣмъ синяя шинель? Долой... Фельдфебель! Переодѣть его... дря...—Онъ не успѣлъ договорить.

— Генералъ, я обязанъ исполнять приказанія, но не обязанъ переносить... — поспѣшно сказалъ Долоховъ.

— Во фронтѣ не разговаривать!.. Не разговаривать, не разговаривать!..

— Не обязанъ переносить оскорбленія, — громко, звучно договорилъ Долоховъ.

Глаза генерала и солдата встрѣтились. Генералъ замолчалъ, сердито оттягивая книзу тугой шарфъ.

— Извольте переодѣться, прошу васъ, — сказалъ онъ, отходя.

II.

— Ѣдетъ! — закричалъ въ это время махальный.

Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и съ счастливымъ, рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ.

— Смир-р-р-р-но! — закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальнику.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, безшоссейной дорогѣ, слегка погромыхивая рессорами, шибкою рысью ѣхала высокая голубая вѣнская коляска цугомъ. За коляской скакали свита и конвой кроатовъ. Подлѣ Кутузова сидѣлъ австрійскій генералъ въ странномъ, среди черныхъ русскихъ, бѣломъ мундирѣ. Коляска остановилась у полка. Кутузовъ и австрійскій генералъ о чемъ-то тихо говорили, и Кутузовъ слегка улыбнулся въ то время, какъ, тяжело ступая, онъ опускалъ ногу съ под-

ножки, точно какъ будто и не было этихъ 2.000 людей, которые не дыша смотрѣли на него и на полкового командира.

Раздался крикъ команды, опять полкъ звеня дрогнулъ, сдѣлавъ на караулъ. Въ мертвой тишинѣ послышался слабый голосъ главнокомандующаго. Полкъ рявкнулъ: «Здравья желаемъ, ваше го-го-го-го-ство!» и опять все замерло. Сначала Кутузовъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, пока полкъ двигался; потомъ Кутузовъ рядомъ съ бѣлымъ генераломъ, пѣшкомъ, сопутствуемый свитою, сталъ ходить по рядамъ.

По тому, какъ полковой командиръ салютовалъ главнокомандующему, впиваясь въ него глазами, вытягиваясь и подбираясь, какъ наклоненный впередъ ходилъ за генералами по рядамъ, едва удерживая подрагивающее движеніе, какъ подскакивалъ при каждомъ словѣ и движеніи главнокомандующаго, видно было, что онъ исполнялъ свои обязанности подчиненнаго еще съ бо́льшимъ наслажденіемъ, чѣмъ обязанности начальника. Полкъ, благодаря строгости и старательности полкового командира, былъ въ прекрасномъ состояніи сравнительно съ другими, приходившими въ то же время къ Браунау. Отсталыхъ и больныхъ было только 217 человѣкъ. И все было исправно, кромѣ обуви.

Кутузовъ прошелъ по рядамъ, изрѣдка останавливаясь и говоря по нѣскольку ласковыхъ словъ офицерамъ, которыхъ онъ зналъ по турецкой войнѣ, а иногда и солдатамъ. Поглядывая на обувь, онъ нѣсколько разъ грустно покачивалъ головой и указывалъ на нее австрійскому генералу съ такимъ выраженіемъ, что какъ бы не упрекалъ въ этомъ никого, но не могъ не видѣть, какъ это плохо. Полковой командиръ каждый разъ при этомъ забѣгалъ впередъ, боясь упустить слово главнокомандующаго касательно полка. Сзади Кутузова, въ такомъ разстояніи, что всякое слабо произнесенное слово могло быть услышано, шло человѣкъ 20 свиты. Господа свиты разговаривали между собой и иногда смѣялись. Ближе всѣхъ за главнокомандующимъ шелъ красивый адъютантъ. Это былъ князь Болконскій. Рядомъ съ нимъ шелъ его товарищъ Несвицкій, высокій штабъ-офицеръ, чрезвычайно толстый, съ добрымъ, улыбающимся красивымъ лицомъ и влажными глазами; Несвицкій едва удерживался отъ смѣха, возбуждаемаго черноватымъ гусарскимъ офицеромъ, шедшимъ подлѣ него. Гусарскій офицеръ, не улыбаясь, не измѣняя выраженія остановившихся глазъ, съ серьезнымъ лицомъ смотрѣлъ на спину полкового командира и передразнивалъ каждое его движеніе. Каждый разъ, какъ полковой командиръ вздрагивалъ и нагибался впередъ, точно такъ же, точь въ точь такъ же, вздрагивалъ и нагибался впередъ гусарскій офицеръ. Не-

свицкій смѣялся и толкалъ другихъ, чтобы они смотрѣли на забавника.

Кутузовъ шелъ медленно и вяло мимо тысячъ глазъ, которые выкатывались изъ своихъ орбитъ, слѣдя за начальникомъ. Поравнявшись съ 3-й ротой, онъ вдругъ остановился. Свита, не предвидя этой остановки, невольно надвинулась на него.

— А, Тимохинъ! — сказалъ главнокомандующій, узнавая капитана съ краснымъ носомъ, пострадавшаго за синюю шинель.

Казалось, нельзя было вытягиваться больше того, какъ вытягибался Тимохинъ въ то время, какъ полковой командиръ дѣлалъ ему замѣчаніе. Но въ эту минуту обращенія къ нему главнокомандующаго капитанъ вытянулся такъ, что, казалось, посмотри на него главнокомандующій еще нѣсколько времени, капитанъ не выдержалъ бы; и потому Кутузовъ, видимо понявъ его положеніе и желая, напротивъ, всякаго добра капитану, поспѣшно отвернулся. По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробѣжала чуть замѣтная улыбка.

— Еще измайловскій товарищъ, — сказалъ онъ. — Храбрый офицеръ! Ты доволенъ имъ? — спросилъ Кутузовъ у полкового командира.

И полковой командиръ, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, невидимо для себя, въ гусарскомъ офицерѣ, вздрогнулъ, подошелъ впередъ и отвѣчалъ:

— Очень доволенъ, ваше высокопревосходительство.

— Мы всѣ не безъ слабостей, — сказалъ Кутузовъ, улыбаясь и отходя отъ него. — У него была приверженность къ Бахусу.

Полковой командиръ испугался, не виноватъ ли онъ въ этомъ, и ничего не отвѣтилъ. Офицеръ въ эту минуту замѣтилъ лицо капитана съ краснымъ носомъ и подтянутымъ животомъ и такъ похоже передразнилъ его лицо и позу, что Несвицкій не могъ удержать смѣха. Кутузовъ обернулся. Видно было, что офицеръ могъ управлять своимъ лицомъ, какъ хотѣлъ: въ ту минуту, какъ Кутузовъ обернулся, офицеръ успѣлъ сдѣлать гримасу, а вслѣдъ затѣмъ принять самое серьезное, почтительное и невинное выраженіе.

Третья рота была послѣдняя, и Кутузовъ задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступилъ изъ свиты и по-французски тихо сказалъ:

— Вы приказали напомнить о разжалованномъ Долоховѣ въ этомъ полку.

— Гдѣ тутъ Долоховъ? — спросилъ Кутузовъ.

Долоховъ, уже переодѣтый въ солдатскую сѣрую шинель, не дожидался, чтобъ его вызвали. Стройная фигура бѣлокураго съ ясными голубыми глазами солдата выступила изъ фронта. Онъ подошелъ къ главнокомандующему и сдѣлалъ на караулъ.

— Претензія?—нахмурившись слегка, спросилъ Кутузовъ.

— Это Долоховъ,—сказалъ князь Андрей.

— А!—сказалъ Кутузовъ.—Надѣюсь, что этотъ урокъ тебя исправитъ, служи хорошенько. Государь милостивъ. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.

Голубые ясные глаза смотрѣли на главнокомандующаго такъ же дерзко, какъ и на полкового командира, какъ будто своимъ выраженіемъ разрывая завѣсу условности, отдѣлявшую такъ далеко главнокомандующаго отъ солдата.

— Объ одномъ прошу, ваше высокопревосходительство,—сказалъ онъ своимъ звучнымъ, твердымъ, неспѣшащимъ голосомъ.—Прошу дать мнѣ случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и Россіи.

Кутузовъ отвернулся. На лицѣ его промелькнула та же улыбка глазъ, какъ и въ то время, когда онъ отвернулся отъ капитана Тимохина. Онъ отвернулся и поморщился, какъ будто хотѣлъ выразить этимъ, что все, что̀ ему сказалъ Долоховъ, и все, что̀ онъ могъ сказать ему, онъ давно, давно знаетъ, что все это уже прискучило ему и что все это совсѣмъ не то, что̀ нужно. Онъ отвернулся и направился къ колескѣ.

Полкъ разобрался ротами и направился къ назначеннымъ квартирамъ невдалекѣ отъ Браунау, гдѣ надѣялся обуться, одѣться и отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ.

— Вы на меня не претендуете, Прохоръ Игнатьичъ?—сказалъ полковой командиръ, объѣзжая двигавшуюся къ мѣсту 3-ю роту и подъѣзжая къ шедшему впереди ея капитану Тимохину. (Лицо полкового командира выражало послѣ счастливо отбытаго смотра неудержимую радость.) — Служба царская... нельзя... другой разъ во фронтѣ оборвешь... Самъ извинюсь первый, вы меня знаете... Очень благодарилъ! — И онъ протянулъ руку ротному.

— Помилуйте, генералъ, да смѣю ли я! — отвѣчалъ капитанъ, краснѣя носомъ, улыбаясь и раскрывая улыбкой недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, выбитыхъ прикладомъ подъ Измаиломъ.

— Да господину Долохову передайте, что я его не забуду, чтобъ онъ былъ спокоенъ. Да скажите, пожалуйста, я все хотѣлъ спросить, что онъ, какъ себя ведетъ, и все...

— По службѣ очень исправенъ, ваше превосходительство... но карахтеръ... — сказалъ Тимохинъ.

— А что, что характеръ ?— спросилъ полковой командиръ.

— Находитъ, ваше превосходительство, днями, — говорилъ капитанъ, — то и уменъ, и ученъ, и добръ. А то звѣрь. Въ Польшѣ убилъ было жида, изволите знать...

— Ну да, ну да, — сказалъ полковой командиръ, —все надо пожалѣть молодого человѣка въ несчастьи. Вѣдь большія связи... Такъ вы того...

— Слушаю, ваше превосходительство, — сказалъ Тимохинъ, улыбкой давая чувствовать, что онъ понимаетъ желанія начальника.

— Ну да, ну да.

Полковой командиръ отыскалъ въ рядахъ Долохова и придержалъ лошадь.

— До перваго дѣла — эполеты, — сказалъ онъ ему.

Долоховъ оглянулся, ничего не сказалъ и не измѣнилъ выраженія своего насмѣшливо-улыбающагося рта.

— Ну, вотъ и хорошо, — продолжалъ полковой командиръ.— Людямъ по чаркѣ водки отъ меня, — прибавилъ онъ, чтобы солдаты слышали. — Благодарю всѣхъ! Слава Богу! — И онъ, обогнувъ роту, подъѣхалъ къ другой.

— Что жъ, онъ, право, хорошій человѣкъ; съ нимъ служить можно, — сказалъ Тимохинъ субалтернъ-офицеру, шедшему подлѣ него.

— Одно слово, червонный!.. (полкового командира прозвали червоннымъ королемъ)—смѣясь сказалъ субалтернъ-офицеръ.

Счастливое расположеніе духа начальства послѣ смотра перешло и къ солдатамъ. Рота шла весело. Со всѣхъ сторонъ переговаривались солдатскіе голоса.

— Какъ же сказывали, Кутузовъ кривой, объ одномъ глазу?

— А то нѣтъ? Вовсе кривой.

— Нѣ... братъ, глазастѣе тебя. Сапоги и подвертки — все оглядѣлъ...

— Какъ онъ, братецъ ты мой, глянетъ на ноги мнѣ... ну! думаю...

— А другой-то, австріякъ, съ нимъ былъ, словно мѣломъ вымазанъ. Какъ мука бѣлый. Я чай, какъ амуницію чистятъ!

— Что, Федешоу!.. сказывалъ онъ, что ли, когда сраженія начнутся, ты ближе стоялъ? Говорили все, въ Бруновѣ самъ Бунапарте стоитъ!

— Бунапарте стоитъ! ишь вретъ, дура! Чего не знаетъ! Теперь пруссакъ бунтуетъ. Австріякъ его, значитъ, усмиряетъ.

Какъ онъ замирится, тогда и съ Бунапартомъ война откроется. А то, говоритъ, въ Бруновѣ Бунапарте стоитъ! То-то и видно, что дуракъ. Ты слушай больше.

— Вишь черти квартирьеры! Пятая рота, гляди, уже въ деревню заворачиваетъ, они кашу сварятъ, а мы еще до мѣста не дойдемъ.

— Дай сухарика-то, чортъ.

— А табаку-то вчера далъ? То-то, братъ. Ну на, Богъ съ тобой.

— Хоть бы привалъ сдѣлали, а то еще верстъ пять пропремъ не ѣмши.

— То-то любо было, какъ нѣмцы намъ коляски подавали. Ѣдешь, знай: важно!

— А здѣсь, братецъ, народъ вовсе оголтѣлый пошелъ. Тамъ все какъ будто полякъ былъ, все русской короны; а нынче, братъ, сплошной нѣмецъ пошелъ.

— Пѣсенники впередъ! — послышался крикъ капитана.

И передъ роту съ разныхъ рядовъ выбѣжало человѣкъ двадцать. Барабанщикъ-запѣвала обернулся лицомъ къ пѣсенникамъ и, махнувъ рукой, затянулъ протяжную солдатскую пѣсню, начинавшуюся: «Не заря ли солнышко занималося...» и кончавшуюся словами: «То-то, братцы, будетъ слава намъ съ Каменскимъ-отцомъ». Пѣсня эта была сложена въ Турціи и пѣлась теперь въ Австріи, только съ тѣмъ измѣненіемъ, что на мѣсто «Каменскимъ-отцомъ» вставляли слова: «Кутузовымъ-отцомъ».

Оторвавъ по-солдатски эти послѣднія слова и махнувъ руками, какъ будто онъ бросалъ что-то на землю, барабанщикъ, сухой и красивый солдатъ лѣтъ сорока, строго оглянулъ солдатъ-пѣсенниковъ и зажмурился. Потомъ, убѣдившись, что всѣ глаза устремлены на него, онъ какъ будто осторожно приподнялъ обѣими руками какую-то невидимую, драгоцѣнную вещь надъ головой, подержалъ ее такъ нѣсколько секундъ и вдругъ отчаянно бросилъ ее:

Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни!

«Сѣни новыя мои...» подхватили двадцать голосовъ, и ложечникъ, несмотря на тяжесть амуниціи, рѣзво выскочилъ впередъ и пошелъ задомъ передъ ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, въ тактъ пѣсни размахивая руками, шли просторнымъ шагомъ, невольно попадая въ ногу. Сзади роты послышались звуки колесъ, похрускиванье рессоръ и топотъ лошадей. Кутузовъ со свитой возвращался въ городъ. Главнокомандующій далъ знакъ, чтобы люди продолжали идти

вольно, и на его лицѣ и на всѣхъ лицахъ его свиты выразилось удовольствіе при звукахъ пѣсни, при видѣ пляшущаго солдата и весело и бойко идущихъ солдатъ роты. Во второмъ ряду, съ праваго фланга, съ котораго коляска обгоняла роты, невольно бросался въ глаза голубоглазый солдатъ Долоховъ, который особенно бойко и граціозно шелъ въ тактъ пѣсни и глядѣлъ на лица проѣзжающихъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ жалѣлъ всѣхъ, кто не шелъ въ это время съ ротой. Гусарскій корнетъ изъ свиты Кутузова, передразнивавшій полкового командира, отсталъ отъ коляски и подъѣхалъ къ Долохову.

Гусарскій корнетъ Жерковъ одно время въ Петербургѣ принадлежалъ къ тому буйному обществу, которымъ руководилъ Долоховъ. За границей Жерковъ встрѣтилъ Долохова солдатомъ, но не счелъ нужнымъ узнать его. Теперь, послѣ разговора Кутузова съ разжалованнымъ, онъ съ радостью стараго друга обратился къ нему:

— Другъ сердечный, ты какъ?—сказалъ онъ при звукахъ пѣсни, ровняя шагъ своей лошади съ шагомъ роты.

— Я какъ? — отвѣтилъ холодно Долоховъ, — какъ видишь.

Бойкая пѣсня придавала особенное значеніе тону развязной веселости, съ которой говорилъ Жерковъ, и умышленной холодности отвѣтовъ Долохова.

— Ну, какъ ладишь съ начальствомъ?—спросилъ Жерковъ.

— Ничего, хорошіе люди. Ты какъ въ штабъ затесался?

— Прикомандированъ, дежурю.

Они помолчали.

«Выпускала сокола, да изъ правого рукава», говорила пѣсня, невольно возбуждая бодрое, веселое чувство. Разговоръ ихъ, вѣроятно, былъ бы другой, ежели бы они говорили не при звукахъ пѣсни.

— Что, правда, австрійцевъ побили? — спросилъ Долоховъ.

— А чортъ ихъ знаетъ, говорятъ.

— Я радъ, — отвѣчалъ Долоховъ коротко и ясно, какъ того требовала пѣсня.

— Что жъ, приходи къ намъ когда вечеркомъ, фараонъ заложишь, — сказалъ Жерковъ.

— Или у васъ денегъ много завелось?

— Приходи.

— Нельзя. Зарокъ далъ. Не пью и не играю, пока не произведутъ.

— Да что жъ, до перваго дѣла...

— Тамъ видно будетъ.

Опять они помолчали.

— Ты заходи, коли что нужно, все въ штабѣ помогутъ... — сказалъ Жерковъ.

Долоховъ усмѣхнулся.

— Ты лучше не безпокойся. Мнѣ что нужно, я просить не стану, самъ возьму.

— Да что жъ, я такъ...

— Ну, и я такъ.

— Прощай.

— Будь здоровъ...

... И высоко и далеко,
На родиму сторону...

Жерковъ тронулъ шпорами лошадь, которая раза три, горячась, перебила ногами, не зная, съ какой начать, справилась и поскакала, обгоняя роту и догоняя коляску, тоже въ тактъ пѣсни.

III.

Возвратившись со смотра, Кутузовъ, сопутствуемый австрійскимъ генераломъ, прошелъ въ свой кабинетъ и, кликнувъ адъютанта, приказалъ подать себѣ нѣкоторыя бумаги, относившіяся до состоянія приходившихъ войскъ, и письма, полученныя отъ эрцгерцога Фердинанда, начальствовавшаго передовою арміей. Князь Андрей Болконскій съ требуемыми бумагами вошелъ въ кабинетъ главнокомандующаго. Передъ разложеннымъ на столѣ планомъ сидѣли Кутузовъ и австрійскій членъ гофкригсрата.

— А...—сказалъ Кутузовъ, оглядываясь на Болконскаго, какъ будто этимъ словомъ приглашая адъютанта подождать, и продолжалъ по-французски начатый разговоръ.

— Я только говорю одно, генералъ, — говорилъ Кутузовъ съ пріятнымъ изяществомъ выраженій и интонаціи, заставляя-шимъ вслушиваться въ каждое неторопливо сказанное слово. (Видно было, что Кутузовъ и самъ съ удовольствіемъ слушалъ себя.) — Я только одно говорю, генералъ, что ежели бы дѣло зависѣло отъ моего личнаго желанія, то воля его величества императора Франца давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы къ эрцгерцогу. И вѣрьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство арміей болѣе меня свѣдущему и искусному генералу, какими такъ обильна Австрія, и сложить съ себя всю эту тяжкую отвѣтственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бываютъ сильнѣе насъ, генералъ.

И Кутузовъ улыбнулся съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ говорилъ: «Вы имѣете полное право не вѣрить мнѣ, и даже мнѣ совершенно все равно, вѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ, но вы не имѣете повода сказать мнѣ это. И въ этомъ-то все дѣло».

Австрійскій генералъ имѣлъ недовольный видъ, но не могъ не въ томъ же тонѣ отвѣчать Кутузову.

— Напротивъ,—сказалъ онъ ворчливымъ и сердитымъ тономъ, такъ противорѣчившимъ лестному значенію произносимыхъ словъ,—напротивъ, участіе вашего превосходительства въ общемъ дѣлѣ высоко цѣнится его величествомъ, но мы полагаемъ, что настоящее замедленіе лишаетъ славныя русскія войска и ихъ главнокомандующихъ тѣхъ лавровъ, которые они привыкли пожинать въ битвахъ, — закончилъ онъ видимо приготовленную фразу.

Кутузовъ поклонился, не измѣняя улыбки.

— А я такъ убѣжденъ и, основываясь на послѣднемъ письмѣ, которымъ почтилъ меня его высочество эрцгерцогъ Фердинандъ, предполагаю, что австрійскія войска, подъ начальствомъ столь искуснаго помощника, каковъ генералъ Макъ, теперь уже одержали рѣшительную побѣду и не нуждаются болѣе въ нашей помощи, — сказалъ Кутузовъ.

Генералъ нахмурился. Хотя и не было положительныхъ извѣстій о пораженіи австрійцевъ, но было слишкомъ много обстоятельствъ, подтверждавшихъ общіе невыгодные слухи; и потому предположеніе Кутузова о побѣдѣ австрійцевъ было весьма похоже на насмѣшку. Но Кутузовъ кротко улыбался, все съ тѣмъ же выраженіемъ, которое говорило, что онъ имѣетъ право предполагать это. Дѣйствительно, послѣднее письмо, полученное имъ изъ арміи Мака, извѣщало его о побѣдѣ и о самомъ выгодномъ стратегическомъ положеніи арміи.

— Дай-ка сюда это письмо, — сказалъ Кутузовъ, обращаясь къ князю Андрею. — Вотъ изволите видѣть.

И Кутузовъ, съ насмѣшливою улыбкой на концахъ губъ, прочелъ по-нѣмецки австрійскому генералу слѣдующее мѣсто изъ письма эрцгерцога Фердинанда: «Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an 70.000 Mann, um den Feind, wenn er den Lech passirte, angreifen und schlagen zu können. Wir können, da wir Meister von Ulm sind, den Vortheil, auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben, nicht verlieren; mithin auch jeden Augenblick, wenn der Feind den Lech nicht passirte, die Donau übersetzen, uns auf seine Communikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassiren und dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Allirte mit ganzen Macht wenden wollte, seine

Absicht alsbald vereiteln. Wir werden auf solche Weise den Zeitpunkt, wo die Kaiserlich-Russische Armée ausgerüstet sein wird, muthig entgegenharren, und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden, dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient» [1]).

Кутузовъ тяжело вздохнулъ, окончивъ этотъ періодъ, и внимательно и ласково посмотрѣлъ на члена гофкригсрата.

— Но вы знаете, ваше превосходительство, мудрое правило, предписывающее предполагать худшее,—сказалъ австрійскій генералъ, видимо желая покончить съ шутками и приступить къ дѣлу.

Онъ невольно оглянулся на адъютанта.

— Извините, генералъ, — перебилъ его Кутузовъ и тоже поворотился къ князю Андрею.—Вотъ что, мой любезный, возьми ты всѣ донесенія отъ нашихъ лазутчиковъ у Козловскаго. Вотъ два письма отъ графа Ностица, вотъ письмо отъ его высочества эрцгерцога Фердинанда, вотъ еще, — сказалъ онъ, подавая ему нѣсколько бумагъ. — И изъ всего этого чистенько, на французскомъ языкѣ, составь memorandum, записочку, для видимости всѣхъ тѣхъ извѣстій, которыя мы о дѣйствіяхъ австрійской арміи имѣли. Ну, такъ-то, и представь его превосходительству.

Князь Андрей наклонилъ голову въ знакъ того, что понялъ съ первыхъ словъ не только то, что было сказано, но и то, что желалъ бы сказать ему Кутузовъ. Онъ собралъ бумаги и, отдавъ общій поклонъ, тихо шагая по ковру, вышелъ въ пріемную.

Несмотря на то, что еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ князь Андрей оставилъ Россію, онъ много измѣнился за это время. Въ выраженіи его лица, въ движеніяхъ, въ походкѣ почти не было замѣтно прежняго притворства, усталости и лѣни; онъ имѣлъ видъ человѣка, не имѣющаго времени думать о впечатлѣніи, какое онъ производитъ на другихъ, и занятаго дѣломъ пріятнымъ и интереснымъ. Лицо его выражало больше

---

[1]) «Мы имѣемъ вполнѣ сосредоточенныя силы, около 70.000 человѣкъ, такъ что мы можемъ атаковать и разбить непріятеля въ случаѣ переправы его черезъ Лехъ. Такъ какъ мы уже владѣемъ Ульмомъ, то мы можемъ удерживать за собою выгоду командованія обоими берегами Дуная, стало-быть, ежеминутно, въ случаѣ если непріятель не перейдетъ черезъ Лехъ, переправиться черезъ Дунай, броситься на его коммуникаціонную линію, ниже перейти обратно Дунай и непріятелю, если онъ вздумаетъ обратить всю свою силу на нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, не дать исполнить его намѣреніе. Такимъ образомъ, мы будемъ бодро ожидать времени, когда императорская россійская армія совсѣмъ изготовится, и затѣмъ вмѣстѣ легко найдемъ возможность уготовить непріятелю участь, коей онъ заслуживаетъ».

довольства собой и окружающими; улыбка и взглядъ его были веселѣе и привлекательнѣе.

Кутузовъ, котораго онъ догналъ еще въ Польшѣ, принялъ его очень ласково, обѣщалъ ему не забывать его, отличалъ отъ другихъ адъютантовъ, бралъ съ собой въ Вѣну и давалъ болѣе серьезныя порученія. Изъ Вѣны Кутузовъ писалъ своему старому товарищу, отцу князя Андрея:

«Вашъ сынъ», писалъ онъ, «надежду подаетъ быть офицеромъ, изъ ряду выходящимъ по своимъ занятіямъ, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливымъ, имѣя подъ рукой такого подчиненнаго».

Въ штабѣ Кутузова, между товарищами-сослуживцами, и вообще въ арміи князь Андрей такъ же, какъ и въ петербургскомъ обществѣ, имѣлъ двѣ совершенно противоположныя репутаціи. Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чѣмъ-то особеннымъ отъ себя и отъ всѣхъ другихъ людей, ожидали отъ него большихъ успѣховъ, слушали его, восхищались имъ и подражали ему; и съ этими людьми князь Андрей былъ простъ и пріятенъ. Другіе, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутымъ, холоднымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Но съ этими людьми князь Андрей умѣлъ поставить себя такъ, что его уважали и даже боялись.

Выйдя въ пріемную изъ кабинета Кутузова, князь Андрей съ бумагами подошелъ къ товарищу, дежурному адъютанту Козловскому, который съ книгой сидѣлъ у окна.

— Ну, что, князь? — спросилъ Козловскій.

— Приказано составить записку, почему не идемъ впередъ.

— А почему?

Князь Андрей пожалъ плечами.

— Нѣтъ извѣстія отъ Мака? — спросилъ Козловскій.

— Нѣтъ.

— Ежели бы правда, что онъ разбитъ, такъ пришло бы извѣстіе.

— Вѣроятно, — сказалъ князь Андрей и направился къ выходной двери.

Но въ то же время навстрѣчу ему, хлопнувъ дверью, быстро вошелъ въ пріемную высокій, очевидно пріѣзжій, австрійскій генералъ въ сюртукѣ, съ повязанною чернымъ платкомъ головой и съ орденомъ Маріи-Терезіи на шеѣ. Князь Андрей остановился.

— Генералъ-аншефъ Кутузовъ?—быстро проговорилъ пріѣзжій австрійскій генералъ съ рѣзкимъ нѣмецкимъ выговоромъ, оглядываясь на обѣ стороны и безъ остановки проходя къ двери кабинета.

— Генералъ-аншефъ занятъ, — сказалъ Козловскій, торопливо подходя къ неизвѣстному генералу и загораживая ему дорогу отъ двери. — Какъ прикажете доложить?

Неизвѣстный генералъ презрительно оглянулся сверху внизъ на невысокаго ростомъ Козловскаго, какъ будто удивляясь, что его могутъ не знать.

— Генералъ-аншефъ занятъ, — спокойно повторилъ Козловскій.

Лицо генерала нахмурилось, губы его дернулись и задрожали. Онъ вынулъ записную книжку, быстро начертилъ что-то карандашомъ, вырвалъ листокъ, отдалъ, быстрыми шагами подошелъ къ окну, бросилъ свое тѣло на стулъ и оглянулъ бывшихъ въ комнатѣ, какъ будто спрашивая: зачѣмъ они на него смотрятъ? Потомъ генералъ поднялъ голову, вытянулъ шею, какъ будто намѣреваясь что-то сказать, но тотчасъ же, какъ будто небрежно начиная напѣвать про себя, произвелъ странный звукъ, который тотчасъ же пресѣкся. Дверь кабинета отворилась, и на порогѣ ея показался Кутузовъ. Генералъ съ повязанною головой, какъ будто убѣгая отъ опасности, нагнувшись, большими, быстрыми шагами худыхъ ногъ подошелъ къ Кутузову.

— Vous voyez le malheureux Mack [1]), — проговорилъ онъ сорвавшимся голосомъ.

Лицо Кутузова, стоявшаго въ дверяхъ кабинета, нѣсколько мгновеній оставалось совершенно неподвижно. Потомъ, какъ волна, пробѣжала по его лицу морщина, лобъ разгладился; онъ почтительно наклонилъ голову, закрылъ глаза, молча пропустилъ мимо себя Мака и самъ за собой затворилъ дверь.

Слухъ, уже распространенный прежде, о разбитіи австрійцевъ и о сдачѣ всей арміи подъ Ульмомъ оказывался справедливымъ. Черезъ полчаса уже по разнымъ направленіямъ были разосланы адъютанты съ приказаніями, доказывавшими, что скоро и русскія войска, до сихъ поръ бывшія въ бездѣйствіи, должны будутъ встрѣтиться съ непріятелемъ.

Князь Андрей былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ офицеровъ въ штабѣ, который полагалъ свой главный интересъ въ общемъ ходѣ военнаго дѣла. Увидавъ Мака и услыхавъ подробности его гибели, онъ понялъ, что половина кампаніи проиграна, понялъ всю трудность положенія русскихъ войскъ и живо вообразилъ себѣ то, что ожидаетъ армію, и ту роль, которую онъ долженъ будетъ играть въ ней. Невольно онъ испытывалъ волнующее радостное чувство при мысли о посрамленіи самонадѣянной Ав-

---

[1]) Вы видите несчастнаго Мака.

стріи и о томъ, что черезъ недѣлю, можетъ-быть, придется ему увидѣть и принять участіе въ столкновеніи русскихъ съ французами, впервые послѣ Суворова. Но онъ боялся генія Бонапарта, который могъ оказаться сильнѣе всей храбрости русскихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить позора для своего героя.

Взволнованный и раздраженный этими мыслями, князь Андрей пошелъ въ свою комнату, чтобы написать отцу, которому онъ писалъ каждый день. Онъ сошелся въ коридорѣ съ своимъ сожителемъ Несвицкимъ и шутникомъ Жерковымъ; они, какъ всегда, чему-то смѣялись.

— Что ты такъ мраченъ? — спросилъ Несвицкій, замѣтивъ блѣдное съ блестящими глазами лицо князя Андрея.

— Веселиться нечему, — отвѣчалъ Болконскій.

Въ то время, какъ князь Андрей сошелся съ Несвицкимъ и Жерковымъ, съ другой стороны коридора навстрѣчу имъ шли Штраухъ, австрійскій генералъ, состоявшій при штабѣ Кутузова для наблюденія за продовольствіемъ русской арміи, и членъ гофкригсрата, пріѣхавшій наканунѣ. По широкому коридору было достаточно мѣста, чтобы генералы могли свободно разойтись съ тремя офицерами; но Жерковъ, отталкивая рукой Несвицкаго, запыхавшимся голосомъ проговорилъ:

— Идутъ!.. идутъ!.. посторонитесь, дорогу! пожалуйста, дорогу!

Генералы проходили съ видомъ желанія избавиться отъ утруждающихъ почестей. На лицѣ шутника Жеркова выразилась вдругъ глупая улыбка радости, которой онъ какъ будто не могъ удержать.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ по-нѣмецки, выдвигаясь впередъ и обращаясь къ австрійскому генералу. — Имѣю честь поздравить.

Онъ наклонилъ голову и неловко, какъ дѣти, которыя учатся танцовать, сталъ расшаркиваться то одной, то другой ногой.

Генералъ, членъ гофкригсрата, строго оглянулся на него; но, замѣтивъ серьезность глупой улыбки, не могъ отказать въ минутномъ вниманіи. Онъ прищурился, показывая, что слушаетъ.

— Имѣю честь поздравить, генералъ Макъ пріѣхалъ, совсѣмъ здоровъ, только немного тутъ зашибся, — прибавилъ онъ, сіяя улыбкой и указывая на свою голову.

Генералъ нахмурился, отвернулся и пошелъ дальше.

— Gott, wie naïv! [1]) — сказалъ онъ сердито, отойдя нѣсколько шаговъ.

Несвицкій съ хохотомъ обнялъ князя Андрея, но Болконскій, еще болѣе поблѣднѣвъ, съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ оттолкнулъ его и обратился къ Жеркову. То нервное раздраженіе, въ которое его привели видъ Мака, извѣстіе объ его пораженіи и мысли о томъ, что ожидаетъ русскую армію, нашли себѣ исходъ въ озлобленіи на неумѣстную шутку Жеркова.

— Если вы, милостивый государь,—заговорилъ онъ пронзительно съ легкимъ дрожаніемъ нижней челюсти,—хотите быть *шутомъ*, то я вамъ въ этомъ не могу воспрепятствовать; но объявляю вамъ, что если вы *осмѣлитесь* другой разъ скоморошничать въ моемъ присутствіи, то я васъ научу, какъ вести себя.

Несвицкій и Жерковъ такъ были удивлены этой выходкой, что молча, раскрывъ глаза, смотрѣли на Болконскаго.

— Что жъ, я поздравилъ только,—сказалъ Жерковъ.

— Я не шучу съ вами, извольте молчать!—крикнулъ Болконскій и, взявъ за руку Несвицкаго, пошелъ прочь отъ Жеркова, не находившаго, что отвѣтить.

— Ну, что ты, братецъ,—успокоивая сказалъ Несвицкій.

— Какъ что?—заговорилъ князь Андрей, останавливаясь отъ волненія.—Да ты пойми, что мы или офицеры, которые служимъ своему царю и отечеству и радуемся общему успѣху и печалимся объ общей неудачѣ, или мы лакеи, которымъ дѣла нѣтъ до господскаго дѣла. Quarante mille hommes massacrés et l'armée de nos alliés détruite, et vous trouvez là le mot pour rire,—сказалъ онъ, какъ будто этою французскою фразой закрѣпляя свое мнѣніе.—C'est bien pour un garçon de rien comme cet individu dont vous avez fait un ami, mais pas pour vous, pas pour vous [2]). *Мальчишкамъ* только можно такъ забавляться,—сказалъ князь Андрей по-русски, выговаривая это слово съ французскимъ акцентомъ, замѣтивъ, что Жерковъ могъ еще слышать его.

Онъ подождалъ, не отвѣтитъ ли что корнетъ. Но корнетъ повернулся и вышелъ изъ коридора.

---

[1]) Боже мой, какъ онъ простъ!

[2]) Сорокъ тысячъ человѣкъ погибло, и союзная намъ армія уничтожена, а вы можете при этомъ шутить. Это простительно ничтожному мальчишкѣ, какъ вотъ этотъ господинъ, котораго вы сдѣлали себѣ другомъ, но не вамъ, не вамъ.

IV.

Гусарскій Павлоградскій полкъ стоялъ въ двухъ миляхъ отъ Браунау. Эскадронъ, въ которомъ юнкеромъ служилъ Николай Ростовъ, расположенъ былъ въ нѣмецкой деревнѣ Зальценекъ. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, извѣстному всей кавалерійской дивизіи подъ именемъ Васьки Денисова, была отведена лучшая квартира въ деревнѣ. Юнкеръ Ростовъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ догналъ полкъ въ Польшѣ, жилъ вмѣстѣ съ эскадроннымъ командиромъ.

11 октября, въ тотъ самый день, когда въ главной квартирѣ все было поднято на ноги извѣстіемъ о пораженіи Мака, въ штабѣ эскадрона походная жизнь спокойно шла по-старому. Денисовъ, проигравшій всю ночь въ карты, еще не приходилъ домой, когда Ростовъ, рано утромъ, верхомъ, вернулся съ фуражировки. Ростовъ въ юнкерскомъ мундирѣ подъѣхалъ къ крыльцу, толкнувъ лошадь, гибкимъ молодымъ жестомъ скинулъ ногу, постоялъ на стремени, какъ будто не желая разстаться съ лошадью, наконецъ спрыгнулъ и крикнулъ вѣстового.

— А, Бондаренко, другъ сердечный! — проговорилъ онъ бросившемуся стремглавъ къ его лошади гусару. — Выводи, дружокъ,—сказалъ онъ съ тою братскою, веселою нѣжностью, съ которою обращаются со всѣми хорошіе молодые люди, когда они счастливы.

— Слушаю, ваше сіятельство,—отвѣчалъ хохолъ, встряхивая весело головой.

— Смотри же, выводи хорошенько!

Другой гусаръ бросился тоже къ лошади, но Бондаренко уже перекинулъ поводья трензеля. Видно было, что юнкеръ давалъ хорошо на водку и что услужить ему было выгодно. Ростовъ погладилъ лошадь по шеѣ, потомъ по крупу и остановился на крыльцѣ.

«Славно! Такая будетъ лошадь!» сказалъ онъ самъ себѣ и, улыбаясь и придерживая саблю, взбѣжалъ на крыльцо, погромыхивая шпорами. Хозяинъ-нѣмецъ, въ фуфайкѣ и колпакѣ, съ вилами, которыми онъ вычищалъ навозъ, выглянулъ изъ коровника. Лицо нѣмца вдругъ просвѣтлѣло, какъ только онъ увидалъ Ростова. Онъ весело улыбнулся и подмигнулъ: «Schön, gut Morgen! Schön, gut Morgen!» повторялъ онъ, видимо находя удовольствіе въ привѣтствіи молодого человѣка.

— Schon fleissig! — сказалъ Ростовъ все съ тою же радостною, братскою улыбкой, какая не сходила съ его оживленнаго лица.—Hoch Oestreicher! Hoch Russen! Kaiser Alexander hoch!—

обратился онъ къ нѣмцу, повторяя слова, говоренныя часто нѣмцемъ-хозяиномъ.

Нѣмецъ засмѣялся, вышелъ совсѣмъ изъ двери коровника, сдернулъ колпакъ и, взмахнувъ имъ надъ головой, закричалъ:

— Und die ganze Welt hoch!

Ростовъ самъ такъ же, какъ нѣмецъ, взмахнулъ фуражкой надъ головой и смѣясь закричалъ: «Und Vivat die ganze Welt!» Хотя не было никакой причины къ особенной радости ни для нѣмца, вычищавшаго свой коровникъ, ни для Ростова, ѣздившаго со взводомъ за сѣномъ, оба человѣка эти съ счастливымъ восторгомъ и братскою любовью посмотрѣли другъ на друга, потрясли головами въ знакъ взаимной любви и улыбаясь разошлись—нѣмецъ въ коровникъ, а Ростовъ въ избу, которую занималъ съ Денисовымъ.

— Что баринъ? — спросилъ онъ у Лаврушки, извѣстнаго всему полку плута-лакея Денисова.

— Съ вечера не бывали. Вѣрно, проигрались, — отвѣчалъ Лаврушка. — Ужъ я знаю, коли выиграютъ, рано придутъ хвастаться, а коли до утра нѣтъ, значитъ продулись, сердитые придутъ. Кофею прикажете?

— Давай, давай.

Черезъ 10 минутъ Лаврушка принесъ кофею. «Идутъ! — сказалъ онъ: — теперь бѣда». Ростовъ заглянулъ въ окно и увидалъ возвращающагося домой Денисова. Денисовъ былъ маленькій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, блестящими черными глазами, черными взлохмоченными усами и волосами. На немъ былъ разстегнутый ментикъ, спущенныя въ складкахъ широкія чикчиры, и на затылкѣ была надѣта смятая гусарская шапочка. Онъ мрачно, опустивъ голову, приближался къ крыльцу.

— Лавг'ушка, — закричалъ онъ громко и сердито. — Ну, снимай, болванъ!

— И да я и такъ снимаю, — отвѣчалъ голосъ Лаврушки.

— А! ты ужъ всталъ, — сказалъ Денисовъ, входя въ комнату.

— Давно, — сказалъ Ростовъ, — я уже за сѣномъ сходилъ и фрейленъ Матильду видѣлъ.

— Вотъ какъ! А я пг'одулся, бг'атъ, вчег'а, какъ сукинъ сынъ, — закричалъ Денисовъ, не выговаривая *р*. — Такого несчастья! такого несчастья!! Какъ ты уѣхалъ, такъ и пошло. Эй, чаю!

Денисовъ, сморщившись, какъ бы улыбаясь и выказывая свои короткіе крѣпкіе зубы, началъ обѣими руками съ корот-

кими пальцами лохматитъ какъ лѣсъ взбитые черные густые волосы.

— Чог'тъ меня дег'нулъ пойти къ этой кг'ысѣ (прозвище офицера), — растирая себѣ обѣими руками лобъ и лицо, говорилъ онъ. — Можешь себѣ пг'едставить, ни одной каг'ты, ни одной, ни одной каг'ты не далъ.

Денисовъ взялъ подаваемую ему закуренную трубку, сжалъ въ кулакъ и, разсыпая огонь, ударилъ ею по полу, продолжая кричать.

— Семпель дастъ, паг'оль бьетъ; семпель дастъ, паг'оль бьетъ.

Онъ разсыпалъ огонь, разбилъ трубку и бросилъ ее. Денисовъ помолчалъ и вдругъ своими блестящими черными глазами весело взглянулъ на Ростова.

— Хоть бы женщины были. А то тутъ, кг'омѣ какъ пить, дѣлать нечего. Хоть бы дг'аться ског'ѣй. Эй, кто тамъ? — обратился онъ къ двери, заслышавъ остановившіеся шаги толстыхъ сапогъ съ бряцаньемъ шпоръ и почтительное покашливанье.

— Вахмистръ! — сказалъ Лаврушка.

Денисовъ сморщился еще больше.

— Сквег'но,—проговорилъ онъ, бросая кошелекъ съ нѣсколькими золотыми.—Г'остовъ, сочти, голубчикъ, сколько тамъ осталось, да сунь кошелекъ подъ подушку, — сказалъ онъ и вышелъ къ вахмистру.

Ростовъ взялъ деньги и, машинально откладывая и ровняя кучками старые и новые золотые, сталъ считать ихъ.

— А! Телянинъ! Здог'ово! Вздули меня вчег'а, — послышался голосъ Денисова изъ другой комнаты.

— У кого? У Быкова, у крысы?.. Я зналъ, — сказалъ другой тоненькій голосокъ, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ поручикъ Телянинъ, маленькій офицеръ того же эскадрона.

Ростовъ кинулъ подъ подушку кошелекъ и пожалъ протянутую ему маленькую влажную руку. Телянинъ былъ передъ походомъ за что-то переведенъ изъ гвардіи. Онъ держалъ себя очень хорошо въ полку; но его не любили, и въ особенности Ростовъ не могъ ни преодолѣть, ни скрывать своего безпричиннаго отвращенія къ этому офицеру.

— Ну что̀, молодой кавалеристъ, какъ вамъ мой Грачикъ служитъ? — спросилъ онъ. (Грачикъ была верховая лошадь, подъѣздокъ, проданная Телянинымъ Ростову.)

Поручикъ никогда не смотрѣлъ въ глаза человѣку, съ кѣмъ говорилъ; глаза его постоянно перебѣгали съ одного предмета на другой.

— Я видѣлъ, вы нынче проѣхали...

— Да ничего, конь добрый,—отвѣчалъ Ростовъ, несмотря на то, что лошадь эта, купленная имъ за 700 рублей, не стоила и половины этой цѣны.—Припадать стала на лѣвую переднюю...—прибавилъ онъ.

— Треснуло копыто! Это ничего. Я васъ научу, покажу, заклепку какую положить.

— Да, покажите, пожалуйста, — сказалъ Ростовъ.

— Покажу, покажу, это не секретъ. А за лошадь благодарить будете.

— Такъ я велю привести лошадь,—сказалъ Ростовъ, желая избавиться отъ Телянина, и вышелъ, чтобы велѣть привести лошадь.

Въ сѣняхъ Денисовъ, съ трубкой, скорчившись на порогѣ, сидѣлъ передъ вахмистромъ, который что-то докладывалъ. Увидавъ Ростова, Денисовъ сморщился и, указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ въ комнату, въ которой сидѣлъ Телянинъ, поморщился и съ отвращеніемъ тряхнулся.

— Охъ, не люблю молодца, — сказалъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ вахмистра.

Ростовъ пожалъ плечами, какъ будто говоря: «И я тоже, да что жъ дѣлать!» и, распорядившись, вернулся къ Телянину.

Телянинъ сидѣлъ все въ той же лѣнивой позѣ, въ которой его оставилъ Ростовъ, потирая маленькія бѣлыя руки.

«Бываютъ же такія противныя лица», подумалъ Ростовъ, входя въ комнату.

— Что же, велѣли привести лошадь? — сказалъ Телянинъ, вставая и небрежно оглядываясь.

— Велѣлъ.

— Да пойдемте сами. Я вѣдь зашелъ только спросить Денисова о вчерашнемъ приказѣ. Получили, Денисовъ?

— Нѣтъ еще. А вы куда?

— Вотъ хочу молодого человѣка научить, какъ ковать лошадь, — сказалъ Телянинъ.

Они вышли на крыльцо и въ конюшню. Поручикъ показалъ, какъ дѣлать заклепку, и ушелъ къ себѣ.

Когда Ростовъ вернулся, на столѣ стояла бутылка съ водкой и лежала колбаса. Денисовъ сидѣлъ передъ столомъ и трещалъ перомъ по бумагѣ. Онъ мрачно посмотрѣлъ въ лицо Ростову.

— Ей пишу, — сказалъ онъ.

Онъ облокотился на столъ съ перомъ въ рукѣ и, очевидно обрадованный случаю быстрѣе сказать словомъ все, что онъ хотѣлъ написать, высказалъ свое письмо Ростову.

— Ты видишь ли, дг'угъ,—сказалъ онъ.—Мы спимъ, пока не любимъ. Мы дѣти пг'аха... а полюбилъ — и ты богъ, ты чистъ, какъ въ пег'вый день созданья... Это еще кто? Гони его къ чог'ту. Некогда! — крикнулъ онъ на Лаврушку, который, нисколько не робѣя, подошелъ къ нему.

— Да кому жъ быть? Сами велѣли. Вахмистръ за деньгами пришелъ.

Денисовъ сморщился, хотѣлъ что-то крикнуть и замолчалъ.

— Сквег'но дѣло, — проговорилъ онъ про себя. — Сколько тамъ денегъ въ кошелькѣ осталось? — спросилъ онъ у Ростова.

— Семь новыхъ и три старыхъ.

— Ахъ, сквег'но! Ну, что стоишь, чучело? пошли вахмист-г'а! — крикнулъ Денисовъ на Лаврушку.

— Пожалуйста, Денисовъ, возьми у меня денегъ, вѣдь у меня есть, — сказалъ Ростовъ краснѣя.

— Не люблю у своихъ занимать, не люблю, — проворчалъ Денисовъ.

— А ежели ты у меня не возьмешь деньги по-товарищески, ты меня обидишь. Право, у меня есть, — повторялъ Ростовъ.

— Да нѣтъ же.

И Денисовъ подошелъ къ кровати, чтобы достать изъ-подъ подушки кошелекъ.

— Ты куда положилъ, Г'остовъ?

— Подъ нижнюю подушку.

— Да нѣту.

Денисовъ скинулъ обѣ подушки на полъ. Кошелька не было.

— Вотъ чудо-то!

— Постой, ты не уронилъ ли? — сказалъ Ростовъ, по одной поднимая подушки и вытрясая ихъ.

Онъ скинулъ и стряхнулъ одѣяло. Кошелька не было.

— Ужъ не забылъ ли я? Нѣтъ, я еще подумалъ, что ты точно кладъ подъ голову кладешь, — сказалъ Ростовъ.—Я тутъ положилъ кошелекъ. Гдѣ онъ?—обратился онъ къ Лаврушкѣ.

— Я не входилъ. Гдѣ положили, тамъ и долженъ быть.

— Да нѣтъ!..

— Вы все такъ, бросите куда, да и забудете. Въ карма-нахъ-то посмотрите.

— Нѣтъ, коли бы я не подумалъ про кладъ,—сказалъ Ростовъ, — а то я помню, что положилъ.

Лаврушка перерылъ всю постель, заглянулъ подъ нее, подъ столъ, перерылъ всю комнату и остановился посреди комнаты. Денисовъ молча слѣдилъ за движеніями Лаврушки, и когда Лав-

рушка удивленно развелъ руками, говоря, что нигдѣ нѣтъ, онъ оглянулся на Ростова.

— Г'остовъ, ты не школьнич...

Ростовъ почувствовалъ на себѣ взглядъ Денисова, поднялъ глаза и въ то же мгновеніе опустилъ ихъ. Вся кровь его, бывшая запертою гдѣ-то ниже горла, хлынула ему въ лицо и глаза. Онъ не могъ перевести дыханія.

— И въ комнатѣ-то никого не было, окромя поручика да васъ самихъ. Тутъ гдѣ-нибудь, — сказалъ Лаврушка.

— Ну, ты, чог'това кукла, повог'ачивайся, ищи, — вдругъ закричалъ Денисовъ, побагровѣвъ и съ угрожающимъ жестомъ бросаясь на лакея. — Чтобъ былъ кошелекъ, а то запог'ю. Всѣхъ запог'ю!

Ростовъ, обходя взглядомъ Денисова, сталъ застегивать куртку, подстегнулъ саблю и надѣлъ фуражку.

— Я тебѣ говог'ю, чтобъ былъ кошелекъ, — кричалъ Денисовъ, тряся за плечи денщика и толкая его объ стѣну.

— Денисовъ, оставь его; я знаю, кто взялъ, — сказалъ Ростовъ, подходя къ двери и не поднимая глазъ.

Денисовъ остановился, подумалъ и, видимо понявъ то, на что намекалъ Ростовъ, схватилъ его за руку.

— Вздог'ъ! — закричалъ онъ такъ, что жилы, какъ веревки, надулись у него на шеѣ и лбу. — Я тебѣ говог'ю, ты съ ума сошелъ, я этого не позволю. Кошелекъ здѣсь! Спущу шкуг'у съ этого мег'завца, и будетъ здѣсь.

— Я знаю, кто взялъ, — повторилъ Ростовъ дрожащимъ голосомъ и пошелъ къ двери.

— А я тебѣ говог'ю, не смѣй этого дѣлать! — закричалъ Денисовъ, бросаясь къ юнкеру, чтобы удержать его.

Но Ростовъ вырвалъ свою руку и съ такой злобой, какъ будто Денисовъ былъ величайшій врагъ его, прямо и твердо устремилъ на него глаза.

— Ты понимаешь ли, что говоришь? — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — кромѣ меня, никого не было въ комнатѣ. Стало-быть, ежели не то, такъ...

Онъ не могъ договорить и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ахъ, чог'тъ съ тобой и со всѣми, — были послѣднія слова, которыя слышалъ Ростовъ.

Ростовъ пришелъ на квартиру Телянина.

— Барина дома нѣтъ, въ штабъ уѣхали,—сказалъ ему денщикъ Телянина. — Или что случилось? — сказалъ денщикъ, удивляясь на разстроенное лицо юнкера.

— Нѣтъ, ничего

— Немного не застали, — сказалъ денщикъ.

Штабъ находился въ трехъ верстахъ отъ Зальценека. Ростовъ, не заходя домой, взялъ лошадь и поѣхалъ въ штабъ. Въ деревнѣ, занимаемой штабомъ, былъ трактиръ, посѣщаемый офицерами. Ростовъ пріѣхалъ въ трактиръ; у крыльца онъ увидалъ лошадь Телянина.

Во второй комнатѣ трактира сидѣлъ поручикъ за блюдомъ сосисокъ и бутылкой вина.

— А, и вы заѣхали, юноша! — сказалъ онъ, улыбаясь и высоко поднимая брови.

— Да, — сказалъ Ростовъ, какъ будто выговорить это слово стоило большого труда, и сѣлъ за сосѣдній столъ.

Оба молчали; въ комнатѣ сидѣли два нѣмца и одинъ русскій офицеръ. Всѣ молчали, и слышались звуки ножей о тарелки и чавканье поручика. Когда Телянинъ кончилъ завтракъ, онъ вынулъ изъ кармана двойной кошелекъ, изогнутыми кверху маленькими бѣлыми пальцами раздвинулъ кольца, досталъ золотой и, приподнявъ брови, отдалъ деньги слугѣ.

— Пожалуйста, поскорѣе, — сказалъ онъ.

Золотой былъ новый. Ростовъ всталъ и подошелъ къ Телянину.

— Позвольте посмотрѣть мнѣ кошелекъ, — сказалъ онъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ

Съ бѣгающими глазами, но все поднятыми бровями Телянинъ подалъ кошелекъ.

— Да, хорошенькій кошелекъ... Да... да, — сказалъ онъ и вдругъ поблѣднѣлъ. — Посмотрите, юноша, — прибавилъ онъ.

Ростовъ взялъ въ руки кошелекъ и посмотрѣлъ и на него, и на деньги, которыя были въ немъ, и на Телянина. Поручикъ оглядывался кругомъ, по своей привычкѣ, и, казалось, вдругъ сталъ очень веселъ.

— Коли будемъ въ Вѣнѣ, все тамъ оставлю, а теперь и дѣвать некуда въ этихъ дрянныхъ городишкахъ, — сказалъ онъ. — Ну, давайте, юноша, я пойду.

Ростовъ молчалъ.

— А вы, что жъ? тоже позавтракать? Порядочно кормятъ, — продолжалъ Телянинъ. — Давайте же.

Онъ протянулъ руку и взялся за кошелекъ. Ростовъ выпустилъ его. Телянинъ взялъ кошелекъ и сталъ опускать его въ карманъ рейтузъ, и брови его небрежно поднялись, а ротъ слегка раскрылся, какъ будто онъ говорилъ: «да, да, кладу въ карманъ свой кошелекъ, и это очень просто, и никому до этого дѣла нѣтъ».

— Ну что, юноша? — сказалъ онъ, вздохнувъ и изъ-подъ приподнятыхъ бровей взглянувъ въ глаза Ростова.

Какой-то свѣтъ глазъ съ быстротою электрической искры перебѣжалъ изъ глазъ Телянина въ глаза Ростова и обратно, обратно и обратно, все въ одно мгновеніе.

— Подите сюда,—проговорилъ Ростовъ, хватая Телянина за руку (онъ почти притащилъ его къ окну).—Это деньги Денисова, вы ихъ взяли...—прошепталъ онъ ему надъ ухомъ.

— Что?.. Что?.. Какъ вы смѣете? Что?..—проговорилъ Телянинъ.

Но эти слова звучали жалобнымъ, отчаяннымъ крикомъ и мольбой о прощеніи. Какъ только Ростовъ услыхалъ этотъ звукъ голоса, съ души его свалился огромный камень сомнѣнія. Онъ почувствовалъ радость, и въ то же мгновеніе ему стало жалко несчастнаго, стоявшаго передъ нимъ человѣка; но надо было до конца довести начатое дѣло.

— Здѣсь люди Богъ знаетъ что могутъ подумать,—бормоталъ Телянинъ, схватывая фуражку и направляясь въ небольшую пустую комнату,—надо объясниться...

— Я это знаю, и я это докажу,—сказалъ Ростовъ.

— Я...

Испуганное, блѣдное лицо Телянина начало дрожать всѣми мускулами; глаза все такъ же бѣгали, но гдѣ-то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, и послышались всхлипыванья.

— Графъ!.. не губите молодого человѣка... вотъ эти несчастныя деньги, возьмите ихъ...—Онъ бросилъ ихъ на столъ.—У меня отецъ-старикъ, мать!..

Ростовъ взялъ деньги, избѣгая взгляда Телянина, и, не говоря ни слова, пошелъ изъ комнаты. Но у двери онъ остановился и вернулся назадъ.—Боже мой,—сказалъ онъ со слезами на глазахъ,—какъ вы могли это сдѣлать?

— Графъ...—сказалъ Телянинъ, приближаясь къ юнкеру.

— Не трогайте меня,—проговорилъ Ростовъ отстраняясь.—Ежели вамъ нужда, возьмите эти деньги.—Онъ швырнулъ ему кошелекъ и выбѣжалъ изъ трактира.

V.

Вечеромъ того же дня на квартирѣ Денисова шелъ оживленный разговоръ офицеровъ эскадрона.

— А я говорю вамъ, Ростовъ, что вамъ надо извиниться передъ полковымъ командиромъ,—говорилъ, обращаясь къ пунцово-красному, взволнованному Ростову, высокій штабъ-рот-

мистръ съ сѣдѣющими волосами, огромными усами и крупными чертами морщинистаго лица.

Штабъ-ротмистръ Кирстенъ былъ два раза разжалованъ въ солдаты за дѣла чести и два раза выслуживался.

— Я никому не позволю себѣ говорить, что я лгу!—вскрикнулъ Ростовъ.—Онъ сказалъ мнѣ, что я лгу, а я сказалъ ему, что онъ лжетъ. Такъ съ тѣмъ и останется. На дежурство можетъ меня назначать хоть каждый день и подъ арестъ сажать, а извиняться меня никто не заставитъ, потому что ежели онъ, какъ полковой командиръ, считаетъ недостойнымъ себя дать мнѣ удовлетвореніе, такъ...

— Да вы постойте, батюшка; вы послушайте меня,—перебилъ штабъ-ротмистръ своимъ басистымъ голосомъ, спокойно разглаживая свои длинные усы.—Вы при другихъ офицерахъ говорите полковому командиру, что офицеръ укралъ...

— Я не виноватъ, что разговоръ зашелъ при другихъ офицерахъ. Можетъ-быть, не надо было говорить при нихъ, да я не дипломатъ. Я затѣмъ въ гусары и пошелъ, думалъ, что здѣсь не нужно тонкостей; а онъ мнѣ говоритъ, что я лгу... такъ пусть дастъ мнѣ удовлетвореніе...

— Это все хорошо, никто не думаетъ, что вы трусъ, да не въ томъ дѣло. Спросите у Денисова, похоже это на что-нибудь, чтобы юнкеръ требовалъ удовлетворенія у полкового командира?

Денисовъ, закусивъ усъ, съ мрачнымъ видомъ слушалъ разговоръ, видимо не желая вступиться въ него. На вопросъ штабъ-ротмистра онъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы при офицерахъ говорите полковому командиру про эту пакость,—продолжалъ штабъ-ротмистръ.—Богданычъ (Богданычемъ называли полкового командира) васъ осадилъ.

— Не осадилъ, а сказалъ, что я неправду говорю.

— Ну да, и вы наговорили ему глупостей, и надо извиниться.

— Ни за что!—крикнулъ Ростовъ.

— Не думалъ я этого отъ васъ,—серьезно и строго сказалъ штабъ-ротмистръ. — Вы не хотите извиниться, а вы, батюшка, не только передъ нимъ, а передъ всѣмъ полкомъ, передъ всѣми нами, вы кругомъ виноваты. А вотъ какъ: кабы вы подумали да посовѣтовались, какъ обойтись съ этимъ дѣломъ, а то вы прямо, да при офицерахъ, и бухнули. Что теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать весь полкъ? Изъ-за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ, что ли, по-вашему? А по-нашему, не такъ. II Богданычъ молодецъ, онъ вамъ сказалъ, что вы неправду говорите. Непріятно, да что дѣлать, батюшка: сами наскочили. А

теперь, какъ дѣло хотятъ замять, такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разсказать. Вамъ обидно, что вы подежурите, да что вамъ извиниться передъ старымъ и честнымъ офицеромъ! Какой бы тамъ ни былъ Богданычъ, а все честный и храбрый старый полковникъ, такъ вамъ обидно; а замарать полкъ вамъ ничего?—Голосъ штабъ-ротмистра начиналъ дрожать.—Вы, батюшка, въ полку безъ году недѣля; нынче здѣсь, завтра перешли куда въ адъютантики; вамъ наплевать, что говорить будутъ: «между павлоградскими офицерами воры!» А намъ не все равно. Такъ, что ли, Денисовъ? Не все равно?

Денисовъ все молчалъ и не шевелился, изрѣдка взглядывая своими блестящими черными глазами на Ростова.

— Вамъ своя фанаберія дорога, извиниться не хочется,— продолжалъ штабъ-ротмистръ,—а намъ, старикамъ, какъ мы выросли, да и умереть Богъ дастъ придется въ полку, такъ намъ честь полка дорога, и Богданычъ это знаетъ. Охъ, какъ дорога, батюшка! А это нехорошо, нехорошо! Тамъ обижайтесь или нѣтъ, а я всегда правду-матку скажу. Нехорошо!

И штабъ-ротмистръ всталъ и отвернулся отъ Ростова.

— Пг'авда, чог'тъ возьми!—закричалъ, вскакивая, Денисовъ.—Ну, Г'остовъ! Ну!

Ростовъ, краснѣя и блѣднѣя, смотрѣлъ то на одного, то на другого офицера.

— Нѣтъ, господа, нѣтъ... вы не думайте... я очень понимаю, вы напрасно обо мнѣ думаете такъ... я... для меня... я за честь полка... Да что! это на дѣлѣ я покажу, и для меня честь знамени... Ну, все равно, правда, я виноватъ!..—Слезы стояли у него въ глазахъ.—Я виноватъ, кругомъ виноватъ!.. Ну, что вамъ еще?..

— Вотъ это такъ, графъ,—поворачиваясь крикнулъ штабъ-ротмистръ, ударяя его большою рукою по плечу.

— Я тебѣ говог'ю,—закричалъ Денисовъ,—онъ малый славный.

— Такъ-то лучше, графъ,—повторилъ штабъ-ротмистръ, какъ будто за его признаніе начиная величать его титуломъ.—Подите и извинитесь, ваше сіятельство, да-съ.

— Господа, все сдѣлаю, никто отъ меня слова не услышитъ,—умоляющимъ голосомъ проговорилъ Ростовъ,—но извиняться не могу, ей-Богу, не могу, какъ хотите! Какъ я буду извиняться, точно маленькій, прощенья просить?

Денисовъ засмѣялся.

— Вамъ же хуже. Богданычъ злопамятенъ, поплатитесь за упрямство, — сказалъ Кирстенъ.

— Ей-Богу, не упрямство! Я не могу вамъ описать, какое чувство, не могу...

— Ну, ваша воля, — сказалъ штабъ-ротмистръ. — Что жъ, мерзавецъ этотъ куда дѣлся? — спросилъ онъ у Денисова.

— Сказался больнымъ, завтр'а велѣно пр'иказомъ исключить, — проговорилъ Денисовъ.

— Это болѣзнь, иначе нельзя объяснить, — сказалъ штабъ-ротмистръ.

— Ужъ тамъ болѣзнь, не болѣзнь, а не попадайся онъ мнѣ на глаза — убью, — кровожадно прокричалъ Денисовъ.

Въ комнату вошелъ Жерковъ.

— Ты какъ? — обратились вдругъ офицеры къ вошедшему.

— Походъ, господа. Макъ въ плѣнъ сдался и съ арміей, совсѣмъ.

— Врешь!

— Самъ видѣлъ.

— Какъ? Мака живого видѣлъ? съ руками, съ ногами?

— Походъ! Походъ! Дать ему бутылку за такую новость. Ты какъ же сюда попалъ?

— Опять въ полкъ выслали за чорта, за Мака. Австрійскій генералъ пожаловался. Я его поздравилъ съ пріѣздомъ Мака... Ты что, Ростовъ, точно изъ бани?

— Тутъ, братъ, такая каша второй день.

Вошелъ полковой адъютантъ и подтвердилъ извѣстіе, привезенное Жерковымъ. На завтра велѣно было выступать.

— Походъ, господа!

— Ну, и слава Богу, засидѣлись.

VI.

Кутузовъ отступилъ къ Вѣнѣ, уничтожая за собой мосты на рѣкахъ Иннѣ (въ Браунау) и Траунѣ (въ Линцѣ). 23 октября русскія войска переходили рѣку Энсъ. Русскіе обозы, артиллерія и колонны войскъ въ серединѣ дня тянулись черезъ городъ Энсъ, по сю и по ту сторону моста.

День былъ теплый, осенній и дождливый. Пространная перспектива, раскрывавшаяся съ возвышенія, гдѣ стояли русскія батареи, защищавшія мостъ, то вдругъ затягивалась кисейнымъ занавѣсомъ косого дождя, то вдругъ расширялась, и при свѣтѣ солнца далеко и ясно становились видны предметы, точно покрытые лакомъ. Виднѣлся городокъ подъ ногами съ своими

бѣлыми домами и красными крышами, соборомъ и мостомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, толпясь, лились массы русскихъ войскъ. Виднѣлись на поворотѣ Дуная суда и островъ и замокъ съ паркомъ, окруженный водами впаденія Энса въ Дунай. Виднѣлся лѣвый скалистый и покрытый сосновымъ лѣсомъ берегъ Дуная съ таинственною далью зеленыхъ вершинъ и голубѣющими ущельями. Виднѣлись башни монастыря, выдававшагося изъ-за сосноваго, казавшагося нетронутымъ, дикаго лѣса; далеко впереди на горѣ, по ту сторону Энса, виднѣлись разъѣзды непріятеля.

Между орудіями, на высотѣ, стояли спереди начальникъ арьергарда генералъ съ свитскимъ офицеромъ, разсматривая въ трубу мѣстность. Нѣсколько позади сидѣлъ на хоботѣ орудія Несвицкій, посланный отъ главнокомандующаго къ арьергарду. Казакъ, сопутствовавшій Несвицкому, подалъ сумочку и фляжку, и Несвицкій угощалъ офицеровъ пирожками и настоящимъ допелькюмелемъ. Офицеры радостно окружали его, кто на колѣняхъ, кто сидя по-турецки на мокрой травѣ.

— Да, не дуракъ былъ этотъ австрійскій князь, что тутъ замокъ выстроилъ. Славное мѣсто! Что же вы не ѣдите, господа? — говорилъ Несвицкій.

— Покорно благодарю, князь,—отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ, съ удовольствіемъ разговаривая съ такимъ важнымъ штабнымъ чиновникомъ. — Прекрасное мѣсто. Мы мимо самаго парка проходили, двухъ оленей видѣли, и домъ какой чудесный!

— Посмотрите, князь,—сказалъ другой, которому очень хотѣлось взять еще пирожокъ, но совѣстно было, и который поэтому притворялся, что онъ оглядываетъ мѣстность, — посмотрите-ка, ужъ забрались туда наши пѣхотные. Вонъ тамъ, на лужку, за деревней, трое тащатъ что-то. Они проберутъ этотъ дворецъ, — сказалъ онъ съ видимымъ одобреніемъ.

— И то, и то, — сказалъ Несвицкій. — Нѣтъ, а чего бы я желалъ, — прибавилъ онъ, прожевывая пирожокъ въ своемъ красивомъ влажномъ ртѣ,—такъ это вонъ туда забраться.

Онъ указывалъ на монастырь съ башнями, виднѣвшійся на горѣ. Онъ улыбнулся, глаза его сузились и засвѣтились.

— А вѣдь хорошо бы, господа!

Офицеры засмѣялись.

— Хоть бы попугать этихъ монашенокъ. Итальянки, говорятъ, есть молоденькія. Право, пять лѣтъ жизни отдалъ бы!

— Имъ вѣдь и скучно,—смѣясь сказалъ офицеръ, который былъ посмѣлѣе.

между тѣмъ свитскій офицеръ, стоявшій впереди, указывалъ что-то генералу; генералъ смотрѣлъ въ зрительную трубку.

— Ну, такъ и есть, такъ и есть,— сердито сказалъ генералъ, опуская трубку отъ глазъ и пожимая плечами,—такъ и есть, станутъ бить по переправѣ. И что они тамъ мѣшкаютъ?

На той сторонѣ простымъ глазомъ виденъ былъ непріятель и его батарея, изъ которой показался молочно-бѣлый дымокъ. Вслѣдъ за дымкомъ раздался дальній выстрѣлъ, и видно было, какъ наши войска заспѣшили на переправѣ.

Несвицкій, отдуваясь, поднялся и, улыбаясь, подошелъ къ генералу.

— Не угодно ли закусить вашему превосходительству? — сказалъ онъ.

— Не хорошо дѣло,— сказалъ генералъ, не отвѣчая ему,— замѣшкались наши.

— Не съѣздить ли, ваше превосходительство? — сказалъ Несвицкій.

— Да, съѣздите, пожалуйста,—сказалъ генералъ, повторяя то, что уже разъ подробно было приказано,—и скажите гусарамъ, чтобы они послѣдніе перешли и зажгли мостъ, какъ я приказывалъ, да чтобы горючіе матеріалы на мосту еще осмотрѣть.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ Несвицкій.

Онъ кликнулъ казака съ лошадью, велѣлъ убрать сумочку и фляжку и легко перекинулъ свое тяжелое тѣло на сѣдло.

— Право, заѣду къ монашенкамъ,—сказалъ онъ офицерамъ, съ улыбкою глядѣвшимъ на него, и поѣхалъ по вьющейся тропинкѣ подъ гору.

— Нутка, куда донесетъ, капитанъ, хватите-ка! — сказалъ генералъ, обращаясь къ артиллеристу. — Позабавьтесь отъ скуки.

— Прислуга къ орудіямъ! — скомандовалъ офицеръ.

И черезъ минуту весело выбѣжали отъ костровъ артиллеристы и зарядили.

— Первое! — послышалась команда.

Бойко отскочилъ 1-й номеръ. Металлически оглушая, зазвенѣло орудіе, и черезъ головы всѣхъ нашихъ подъ горой свистя пролетѣла граната и, далеко не долетѣвъ до непріятеля, дымкомъ показала мѣсто своего паденія и лопнула.

Лица солдатъ и офицеровъ повеселѣли при этомъ звукѣ; всѣ поднялись и занялись наблюденіями надъ видными, какъ на ладони, движеніями внизу нашихъ войскъ и впереди—движеніями приближавшагося непріятеля. Солнце въ ту же минуту совсѣмъ

вышло изъ-за тучъ, и этотъ красивый звукъ одинокаго выстрѣла и блескъ яркаго солнца слились въ одно бодрое и веселое впечатлѣніе.

VII.

Надъ мостомъ уже пролетѣли два непріятельскія ядра, и на мосту была давка. Въ серединѣ моста, слѣзши съ лошади, прижатый своимъ толстымъ тѣломъ къ периламъ, стоялъ князь Несвицкій. Онъ, смѣючись, оглядывался назадъ на своего казака, который съ двумя лошадьми въ поводу стоялъ нѣсколько шаговъ позади его. Только что князь Несвицкій хотѣлъ двинуться впередъ, какъ опять солдаты и повозки напирали на него и опять прижимали его къ периламъ, и ему ничего не оставалось, какъ улыбаться.

— Экой ты, братецъ мой!—говорилъ казакъ фурштатскому солдату съ повозкой, напиравшему на толпившуюся у самыхъ колесъ и лошадей пѣхоту,—экой ты! Нѣтъ, чтобы подождать: видишь, генералу проѣхать.

Но фурштатъ, не обращая вниманія на наименованіе генерала, кричалъ на солдатъ, запружавшихъ ему дорогу: «Эй! землячки, держись влѣво, постой!» Но землячки, тѣснясь плечо съ плечомъ, цѣпляясь штыками и не прерываясь, двигались по мосту одною сплошною массой. Поглядѣвъ за перила внизъ, князь Несвицкій видѣлъ быстрыя, шумныя, невысокія волны Энса, которыя, сливаясь, рябѣя и загибаясь около свай моста, перегоняли одна другую. Поглядѣвъ на мостъ, онъ видѣлъ столь же однообразныя живыя волны солдатъ, кутасы, кивера съ чехлами, ранцы, штыки, длинныя ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно-усталыми выраженіями и движущіяся ноги по натасканной на доски моста липкой грязи. Иногда между однообразными волнами солдатъ, какъ взбрызгъ бѣлой пѣны въ волнахъ Энса, протискивался между солдатами офицеръ въ плащѣ, съ своею отличною отъ солдатъ физіономіей; иногда, какъ щепка, вьющаяся по рѣкѣ, уносился по мосту волнами пѣхоты пѣшій гусаръ, денщикъ или житель; иногда, какъ бревно, плывущее по рѣкѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ, проплывала по мосту ротная или офицерская, наложенная до верху и прикрытая кожами, повозка.

— Вишь, ихъ какъ плотину прорвало,—безнадежно останавливаясь, говорилъ казакъ.—Много ль васъ еще тамъ?

— Меліонъ безъ одного!—подмигивая говорилъ близко проходившій въ прорванной шинели веселый солдатъ и скрывался; за нимъ проходилъ другой, старый солдатъ.

— Какъ *онъ* (*онъ*—непріятель) таперича по мосту примется зажаривать,—говорилъ мрачно старый солдатъ, обращаясь къ товарищу,—забудешь чесаться.

И солдатъ проходилъ. За нимъ другой солдатъ ѣхалъ на повозкѣ.

— Куда, чортъ, подвертки запихалъ?—говорилъ денщикъ, бѣгомъ слѣдуя за повозкой и шаря въ задкѣ.

И этотъ проходилъ съ повозкой. За этимъ шли веселые и, видимо, выпившіе солдаты.

— Какъ онъ его, милый человѣкъ, полыхнетъ прикладомъ-то въ самые зубы...—радостно говорилъ одинъ солдатъ въ высоко подоткнутой шинели, широко размахивая рукой.

— То-то оно, сладкая ветчина-то,—отвѣчалъ другой съ хохотомъ.

И они прошли, такъ что Несвицкій не узналъ, кого ударили въ зубы и къ чему относилась ветчина.

— Экъ торопятся! Что *онъ* холодную пустилъ, такъ и, думаешь, всѣхъ перебьютъ, — говорилъ унтеръ-офицеръ сердито и укоризненно.

— Какъ оно пролетитъ мимо меня, дяденька, ядро-то,—говорилъ, едва удерживаясь отъ смѣха, съ огромнымъ ртомъ молодой солдатъ, — я такъ и обмеръ. Право, ей-Богу, такъ испужался, бѣда! — говорилъ этотъ солдатъ, какъ будто хвастаясь тѣмъ, что онъ испугался.

И этотъ проходилъ. За нимъ слѣдовала повозка, непохожая на всѣ проѣзжавшія до сихъ поръ. Это былъ нѣмецкій форшпанъ на парѣ, нагруженный, казалось, цѣлымъ домомъ; за форшпаномъ, который везъ нѣмецъ, привязана была красивая, пестрая, съ огромнымъ выменемъ, корова. На перинахъ сидѣла женщина съ грудным ребенкомъ, старуха и молодая, багрово-румяная, здоровая дѣвушка-нѣмка. Видно, по особому разрѣшенію были пропущены эти выселявшіеся жители. Глаза всѣхъ солдатъ обратились на женщинъ, и пока проѣзжала повозка, двигаясь шагъ за шагомъ, всѣ замѣчанія солдатъ относились только къ двумъ женщинамъ. На всѣхъ лицахъ была почти одна и та же улыбка непристойныхъ мыслей объ этой женщинѣ.

— Ишь, колбаса-то, тоже убирается!

— Продай матушку,—ударяя на послѣднемъ слогѣ, говорилъ другой солдатъ, обращаясь къ нѣмцу, который, опустивъ глаза, сердито и испуганно шелъ широкимъ шагомъ.

— Экъ убралась какъ! То-то черти!

— Вотъ бы тебѣ къ нимъ стоять, Ѳедотовъ.

— Видали, братъ!

— Куда вы?—спрашивалъ пѣхотный офицеръ, ѣвшій яблоко, тоже полуулыбаясь и глядя на красивую дѣвушку.

Нѣмецъ, закрывъ глаза, показывалъ, что не понимаетъ.

— Хочешь, возьми себѣ,—говорилъ офицеръ, подавая дѣвушкѣ яблоко.

Дѣвушка улыбнулась и взяла. Несвицкій, какъ и всѣ, бывшіе на мосту, не спускалъ глазъ съ женщинъ, пока онѣ не проѣхали. Когда онѣ проѣхали, опять шли такіе же солдаты, съ такими же разговорами и, наконецъ, всѣ остановились. Какъ это часто бываетъ, на выѣздѣ моста замялись лошади въ ротной повозкѣ, и вся толпа должна была ждать.

— И что становятся? Порядку-то нѣтъ!—говорили солдаты.—Куда прешь? Чортъ! Нѣтъ того, чтобы подождать. Хуже того будетъ, какъ *онъ* мостъ подожжетъ. Вишь, и офицера-то приперли,—говорили съ разныхъ сторонъ остановившіяся толпы, оглядывая другъ друга, и все жались впередъ къ выходу.

Оглянувшись подъ мостъ на воды Энса, Несвицкій вдругъ услышалъ еще новый для него звукъ, быстро приближающагося... чего-то большого и чего-то шлепнувшагося въ воду.

— Ишь ты куда фатаетъ!—строго сказалъ близко стоявшій солдатъ, оглядываясь на звукъ.

— Подбадриваетъ, чтобы скорѣй проходили,—сказалъ другой неспокойно.

Толпа опять тронулась. Несвицкій понялъ, что это было ядро.

— Эй, казакъ, подавай лошадь!—сказалъ онъ.—Ну, вы! сторонись! посторонись! дорогу!

Онъ съ большимъ усиліемъ добрался до лошади. Не переставая кричать, онъ тронулся впередъ. Солдаты пожались, чтобы дать ему дорогу, но снова опять нажали на него такъ, что отдавили ему ногу, и ближайшіе не были виноваты, потому что ихъ давили еще сильнѣе.

— Несвицкій! Несвицкій! Ты, г'ожа!—послышался въ это время сзади хриплый голосъ.

Несвицкій оглянулся и увидалъ въ пятнадцати шагахъ отдѣленнаго отъ него живою массой двигающейся пѣхоты краснаго, чернаго, лохматаго, въ фуражкѣ на затылкѣ и въ молодецки накинутомъ на плечѣ ментикѣ Ваську Денисова.

— Вели ты имъ, чег'тямъ, дьяволамъ, дать дог'огу,—кричалъ Денисовъ, видимо находясь въ припадкѣ горячности, блестя и поводя своими черными, какъ уголь, глазами въ воспаленныхъ бѣлкахъ и махая невынутою изъ ноженъ саблей, которую онъ держалъ такою же красною, какъ и лицо, голою маленькою рукой.

— Э! Вася!—отвѣчалъ радостно Несвицкій. — Да ты что?

— Эскадг'ону пг'ойти нельзя, — кричалъ Васька Денисовъ, злобно открывая бѣлые зубы, шпоря своего красиваго вороного, кровнаго Бедуина, который, мигая ушами отъ штыковъ, на которые онъ натыкался, фыркая, брызгая вокругъ себя пѣной съ мундштука, звеня билъ копытами по доскамъ моста и, казалось, готовъ былъ перепрыгнуть черезъ перила моста, ежели бы ему позволилъ сѣдокъ. — Что это? какъ баг'аны! точь въ точь баг'аны! Пг'очь... дай дог'огу!.. Стой тамъ! ты, повозка, чог'тъ! Саблей изг'ублю!—кричалъ онъ, дѣйствительно вынимая наголо саблю и начиная махать ею.

Солдаты съ испуганными лицами нажались другъ на друга, и Денисовъ присоединился къ Несвицкому.

— Что же ты не пьянъ нынче?—сказалъ Несвицкій Денисову, когда онъ подъѣхалъ къ нему.

— И напиться-то вг'емени не дадутъ! — отвѣчалъ Васька Денисовъ. — Цѣлый день то туда, то сюда таскаютъ полкъ. Дг'аться такъ дг'аться. А то чог'тъ знаетъ что такое!

— Какимъ ты щеголемъ нынче!—оглядывая его новый ментикъ и вальтрапъ, сказалъ Несвицкій.

Денисовъ улыбнулся, досталъ изъ ташки платокъ, распространявшій запахъ духовъ, и сунулъ въ носъ Несвицкому.

— Нельзя, въ дѣло иду! выбг'ился, зубы вычистилъ и надушился.

Осанистая фигура Несвицкаго, сопровождаемая казакомъ, и рѣшительность Денисова, махавшаго саблей и отчаянно кричавшаго, подѣйствовали такъ, что они протискались на ту сторону моста и остановили пѣхоту. Несвицкій нашелъ у выѣзда полковника, которому ему надо было передать приказаніе, и, исполнивъ свое порученіе, поѣхалъ назадъ.

Расчистивъ дорогу, Денисовъ остановился у входа на мостъ. Небрежно сдерживая рвавшагося къ своимъ и бившаго ногой жеребца, онъ смотрѣлъ на двигавшійся ему навстрѣчу эскадронъ. По доскамъ моста раздались прозрачные звуки копытъ, какъ будто скакало нѣсколько лошадей, и эскадронъ, съ офицерами впереди, по четыре человѣка въ рядъ, растянулся по мосту и сталъ выходить на ту сторону.

Остановленные пѣхотные солдаты, толпясь въ растоптанной у моста грязи, съ тѣмъ особеннымъ недоброжелательнымъ чувствомъ отчужденности и насмѣшки, съ какимъ встрѣчаются обыкновенно различные роды войскъ, смотрѣли на чистыхъ, щеголеватыхъ гусаръ, стройно проходившихъ мимо ихъ.

— Нарядные ребята! Только бы на Подновинское!

— Что отъ нихъ проку! Только напоказъ и водятъ! — говорилъ другой.

— Пѣхота, не пыли!—шутилъ гусаръ, подъ которымъ лошадь, заигравъ, брызнула грязью въ пѣхотинца.

— Прогонялъ бы тебя съ ранцемъ перехода два, шнурки-то бы повытерлись, — обтирая рукавомъ грязь съ лица, говорилъ пѣхотинецъ:—а то не человѣкъ, а птица сидитъ!

— То-то бы тебя, Зикинъ, на коня посадить; ловокъ бы ты былъ, — шутилъ ефрейторъ надъ худымъ, скрюченнымъ отъ тяжести ранца солдатикомъ.

— Дубинку промежъ ногъ возьми, вотъ тебѣ и конь буде,— отозвался гусаръ.

VIII.

Остальная пѣхота поспѣшно проходила по мосту, спираясь воронкой у входа. Наконецъ, повозки всѣ прошли, давка стала меньше, и послѣдній батальонъ вступилъ на мостъ. Одни гусары эскадрона Денисова оставались по ту сторону моста противъ непріятеля. Непріятель, вдалекѣ видный съ противоположной горы, снизу отъ моста не былъ еще виденъ, такъ какъ изъ лощины, по которой текла рѣка, горизонтъ оканчивался противоположнымъ возвышеніемъ не дальше полуверсты. Впереди была пустыня, по которой кое-гдѣ шевелились кучки нашихъ разъѣздныхъ казаковъ. Вдругъ на противоположномъ возвышеніи дороги показались войска въ синихъ капотахъ и артиллерія. Это были французы. Разъѣздъ казаковъ рысью отошелъ подъ гору. Всѣ офицеры и люди эскадрона Денисова, хотя и старались говорить о постороннемъ и смотрѣть по сторонамъ, не переставали думать только о томъ, что было тамъ, на горѣ, и безпрестанно все вглядывались въ выходившія на горизонтъ пятна, которыя они признавали за непріятельскія войска. Погода послѣ полудня опять прояснилась, солнце ярко спускалось надъ Дунаемъ и окружающими его темными горами. Было тихо, и съ той горы изрѣдка долетали звуки рожковъ и криковъ непріятеля. Между эскадрономъ и непріятелями уже никого не было, кромѣ мелкихъ разъѣздовъ. Пустое пространство, саженъ въ триста, отдѣляло ихъ отъ него. Непріятель пересталъ стрѣлять, и тѣмъ яснѣе чувствовалась та строгая, грозная, неприступная и неуловимая черта, которая раздѣляетъ два непріятельскія войска.

«Одинъ шагъ за эту черту, напоминающую черту, отдѣляющую живыхъ отъ мертвыхъ, и — неизвѣстность страданія и смерть. И что тамъ? кто тамъ? тамъ, за этимъ полемъ и де-

ревомъ и крышей, освѣщенной солнцемъ? Никто не знаетъ, и хочется знать; и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее; и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что тамъ, по той сторонѣ черты, какъ и неизбѣжно узнать, что тамъ, по ту сторону смерти. А самъ силенъ, здоровъ, веселъ и раздраженъ и окруженъ такими здоровыми и раздраженно-оживленными людьми». Такъ ежели и не думаетъ, то чувствуетъ всякій человѣкъ, находящійся въ виду непріятеля, и чувство это придаетъ особенный блескъ и радостную рѣзкость впечатлѣній всему происходящему въ эти минуты.

На бугрѣ у непріятеля показался дымокъ выстрѣла, и ядро свистя пролетѣло надъ головами гусарскаго эскадрона. Офицеры, стоявшіе вмѣстѣ, разъѣхались по мѣстамъ. Гусары старательно стали выравнивать лошадей. Въ эскадронѣ все замолкло. Всѣ поглядывали впередъ на непріятеля и на эскадроннаго командира, ожидая команды. Пролетѣло другое, третье ядро. Очевидно, что стрѣляли по гусарамъ; но ядро, равномѣрно быстро свистя, пролетало надъ головами гусаръ и ударялось гдѣ-то сзади. Гусары не оглядывались, но при каждомъ звукѣ пролетающаго ядра, будто по командѣ, весь эскадронъ съ своими однообразно-разнообразными лицами, сдерживая дыханіе, пока летѣло ядро, приподнимался на стременахъ и снова опускался. Солдаты, не поворачивая головы, косились другъ на друга, съ любопытствомъ высматривая впечатлѣніе товарища. На каждомъ лицѣ, отъ Денисова до горниста, показалась около губъ и подбородка одна общая черта борьбы, раздраженности и волненія. Вахмистръ хмурился, оглядывая солдатъ, какъ будто угрожая наказаніемъ. Юнкеръ Мироновъ нагибался при каждомъ пролетѣ ядра. Ростовъ, стоя на лѣвомъ флангѣ на своемъ тронутомъ ногами, но видномъ Грачикѣ, имѣлъ счастливый видъ ученика, вызваннаго передъ большою публикой къ экзамену, въ которомъ, онъ увѣренъ, что отличится. Онъ ясно и свѣтло оглядывался на всѣхъ, какъ бы прося обратить вниманіе на то, какъ онъ спокойно стоитъ подъ ядрами. Но и въ его лицѣ та же черта чего-то новаго и строгаго, противъ его воли, показывалась около рта.

— Кто тамъ кланяется? Юнкег'ъ Миг'оновъ! Нехог'ошо, на меня смотг'ите! — закричалъ Денисовъ, которому не стоялось на мѣстѣ и который вертѣлся на лошади передъ эскадрономъ.

Курносое и черноволосатое лицо Васьки Денисова и вся его маленькая сбитая фигурка съ его жилистою (съ короткими пальцами, покрытыми волосами) кистью руки, въ которой онъ

держалъ ефесъ вынутой наголо сабли, было точно такое же, какъ и всегда, особенно къ вечеру, послѣ выпитыхъ двухъ бутылокъ. Онъ былъ только болѣе обыкновеннаго красенъ и, задравъ свою мохнатую голову кверху, какъ птицы, когда онѣ пьютъ, безжалостно вдавивъ своими маленькими ногами шпоры въ бока добраго Бедуина, онъ, будто падая назадъ, поскакалъ къ другому флангу эскадрона и хриплымъ голосомъ закричалъ, чтобъ осмотрѣли пистолеты. Онъ подъѣхалъ къ Кирстену. Штабъ-ротмистръ, на широкой и степенной кобылѣ, шагомъ ѣхалъ навстрѣчу Денисову. Штабъ-ротмистръ, съ своими длинными усами, былъ серьезенъ, какъ и всегда, только глаза его блестѣли больше обыкновеннаго.

— Да что? — сказалъ онъ Денисову: — не дойдетъ дѣло до драки. Вотъ увидишь, назадъ уйдемъ.

— Чог'ъ ихъ знаетъ, что дѣлаютъ! — проворчалъ Денисовъ. — А! Г'остовъ! — крикнулъ онъ юнкеру, замѣтивъ его веселое лицо. — Ну, дождался.

И онъ улыбнулся одобрительно, видимо радуясь на юнкера. Ростовъ почувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Въ это время начальникъ показался на мосту. Денисовъ поскакалъ къ нему.

— Ваше пг'евосходительство! позвольте атаковать! я ихъ опг'окину.

— Какія тутъ атаки,—сказалъ начальникъ скучливымъ голосомъ, морщась, какъ отъ докучливой мухи.—И зачѣмъ вы тутъ стоите? Видите, фланкеры отступаютъ. Ведите назадъ эскадронъ.

Эскадронъ перешелъ мостъ и вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ, не потерявъ ни одного человѣка. Вслѣдъ за нимъ перешелъ и второй эскадронъ, бывшій въ цѣпи, и послѣдніе казаки очистили ту сторону.

Два эскадрона павлоградцевъ, перейдя мостъ, одинъ за другимъ пошли назадъ на гору. Полковой командиръ Карлъ Богдановичъ Шубертъ подъѣхалъ къ эскадрону Денисова и ѣхалъ шагомъ, недалеко отъ Ростова, не обращая на него никакого вниманія, несмотря на то, что послѣ бывшаго столкновенія за Телянина они видѣлись теперь въ первый разъ. Ростовъ, чувствуя себя во фронтѣ во власти человѣка, передъ которымъ онъ теперь считалъ себя виноватымъ, не спускалъ глазъ съ атлетической спины, бѣлокураго затылка и красной шеи полкового командира. Ростову то казалось, что Богданычъ только притворяется невнимательнымъ и что вся цѣль его теперь состоитъ въ томъ, чтобы испытать храбрость юнкера, и онъ выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданычъ нарочно

ѣдетъ близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что врагъ его теперь нарочно пошлетъ эскадронъ въ отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что послѣ атаки онъ подойдетъ къ нему и великодушно протянетъ ему, раненому, руку примиренія.

Знакомая павлоградцамъ, съ высоко поднятыми плечами, фигура Жеркова (онъ недавно выбылъ изъ ихъ полка) подъѣхала къ полковому командиру. Жерковъ, послѣ своего изгнанія изъ главнаго штаба, не остался въ полку, говоря, что онъ не дуракъ во фронтѣ лямку тянуть, когда онъ при штабѣ, ничего не дѣлая, получитъ наградъ больше, и умѣлъ пристроиться ординарцемъ къ князю Багратіону. Онъ пріѣхалъ къ своему бывшему начальнику съ приказаніемъ отъ начальника арьергарда.

— Полковникъ, — сказалъ онъ съ своею мрачною серьезностью, обращаясь къ врагу Ростова и оглядывая товарищей,— велѣно остановиться, мостъ зажечь.

— Кто велѣно?— угрюмо спросилъ полковникъ.

— Ужъ я и не знаю, полковникъ, *кто велѣно*,—серьезно отвѣчалъ корнетъ,—но только мнѣ князь приказалъ: «поѣзжай и скажи полковнику, чтобы гусары вернулись скорѣй и зажгли бы мостъ».

Вслѣдъ за Жерковымъ къ гусарскому полковнику подъѣхалъ свитскій офицеръ съ тѣмъ же приказаніемъ. Вслѣдъ за свитскимъ офицеромъ на казачьей лошади, которая насилу несла его галопомъ, подъѣхалъ толстый Несвицкій.

— Какъ же, полковникъ,— кричалъ онъ еще на ѣздѣ,— я вамъ говорилъ мостъ зажечь, а теперь кто-то перевралъ; тамъ всѣ съ ума сходятъ, ничего не разберешь.

Полковникъ неторопливо остановилъ полкъ и обратился къ Несвицкому.

— Вы мнѣ говорили про горючія вещества,—сказалъ онъ,— а про то, чтобы зажигать, вы мнѣ ничего не говорили.

— Да какъ же, батюшка,— заговорилъ остановившись Несвицкій, снимая фуражку и расправляя пухлой рукой мокрые отъ пота волосы,— какъ же не говорилъ, что мостъ зажечь, когда горючія вещества положили?

— Я вамъ не «батюшка», господинъ штабъ-офицеръ, а вы мнѣ не говорили, чтобъ мостъ зажигайтъ! Я служба знаю, и мнѣ въ привычка приказаніе строго исполняйтъ. Вы сказали, мостъ зажгутъ, а кто зажгутъ, я святымъ духомъ не могу знайтъ...

— Ну, вотъ всегда такъ,—махнувъ рукой, сказалъ Несвицкій.— Ты какъ здѣсь?—обратился онъ къ Жеркову.

— Да затѣмъ же. Однако ты отсырѣлъ, дай я тебя выжму.

— Вы сказали, господинъ штабъ-офицеръ... — продолжалъ полковникъ обиженнымъ тономъ.

— Полковникъ, — перебилъ свитскій офицеръ, — надо торопиться, а то непріятель пододвинетъ орудія на картечный выстрѣлъ.

Полковникъ молча посмотрѣлъ на свитскаго офицера, на толстаго штабъ-офицера, на Жеркова и нахмурился.

— Я буду мостъ зажигайтъ,—сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, какъ будто бы выражалъ этимъ, что, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему непріятности, онъ все-таки сдѣлаетъ то, что̀ должно.

Ударивъ своими длинными мускулистыми ногами лошадь, какъ будто она была во всемъ виновата, полковникъ выдвинулся впередъ и 2-му эскадрону, тому самому, въ которомъ служилъ Ростовъ подъ командою Денисова, скомандовалъ вернуться назадъ къ мосту.

«Ну, такъ и есть,—подумалъ Ростовъ:—онъ хочетъ испытать меня!» Сердце его сжалось, и кровь бросилась къ лицу. «Пускай посмотритъ, трусъ ли я!» подумалъ онъ.

Опять на всѣхъ веселыхъ лицахъ людей эскадрона появилась та серьезная черта, которая была на нихъ въ то время, какъ они стояли подъ ядрами. Ростовъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на своего врага, полкового командира, желая найти на его лицѣ подтвержденіе своихъ догадокъ; но полковникъ ни разу не взглянулъ на Ростова, а смотрѣлъ, какъ всегда во фронтѣ, строго и торжественно. Послышалась команда.

— Живо! Живо! — проговорило около него нѣсколько голосовъ.

Цѣпляясь саблями за поводья, гремя шпорами и торопясь, слѣзали гусары, сами не зная, что̀ они будутъ дѣлать. Гусары крестились. Ростовъ уже не смотрѣлъ на полкового командира,— ему некогда было. Онъ боялся, съ замираніемъ сердца боялся, какъ бы ему не отстать отъ гусаръ. Рука его дрожала, когда онъ передавалъ лошадь коноводу, и онъ чувствовалъ, какъ со стукомъ приливаетъ кровь къ его сердцу. Денисовъ, заваливаясь назадъ и крича что-то, проѣхалъ мимо него. Ростовъ ничего не видѣлъ, кромѣ бѣжавшихъ вокругъ него гусаръ, цѣплявшихся шпорами и бренчавшихъ саблями.

— Носилки! — крикнулъ чей-то голосъ сзади.

Ростовъ не подумалъ о томъ, что̀ значитъ требованіе носилокъ; онъ бѣжалъ, стараясь только быть впереди всѣхъ; но у самаго моста онъ, не смотря подъ ноги, попалъ въ вязкую, растоптанную грязь и, споткнувшись, упалъ на руки. Его обѣжали другіе.

— По *обоій* сторона, ротмистръ, — послышался ему голосъ полкового командира, который, заѣхавъ впередъ, сталъ верхомъ недалеко отъ моста съ торжествующимъ и веселымъ лицомъ.

Ростовъ, обтирая испачканныя руки о рейтузы, оглянулся на своего врага и хотѣлъ бѣжать дальше, полагая, что чѣмъ онъ дальше уйдетъ впередъ, тѣмъ будетъ лучше. Но Богданычъ, хотя и не глядѣлъ и не узналъ Ростова, крикнулъ на него:

— Кто посрединѣ моста бѣжитъ? На права сторона! Юнкеръ, назадъ! — сердито закричалъ онъ и обратился къ Денисову, который, щеголяя храбростью, въѣхалъ верхомъ на доски моста.

— Зачѣмъ рисковайтъ, ротмистръ? Вы бы слѣзали, — сказалъ полковникъ.

— Э! виноватаго найдетъ,—отвѣчалъ Васька Денисовъ, поворачиваясь на сѣдлѣ.

Между тѣмъ Несвицкій, Жерковъ и свитскій офицеръ стояли вмѣстѣ внѣ выстрѣловъ и смотрѣли то на эту небольшую кучку людей въ желтыхъ киверахъ, темно-зеленыхъ курткахъ, расшитыхъ шнурками, и синихъ рейтузахъ, копошившихся у моста, то на ту сторону, на приближавшіеся вдалекѣ синіе капоты и группы съ лошадьми, которыя легко можно было признать за орудія.

«Зажгутъ или не зажгутъ мостъ? Кто прежде? Они добѣгутъ и зажгутъ мостъ, или французы подъѣдутъ на картечный выстрѣлъ и перебьютъ ихъ?» Эти вопросы съ замираніемъ сердца невольно задавалъ себѣ каждый изъ того большого количества войскъ, которыя стояли надъ мостомъ и при яркомъ вечернемъ свѣтѣ смотрѣли на мостъ и гусаровъ и на ту сторону, на подвигавшіеся синіе капоты со штыками и орудіями.

— Охъ! достанется гусарамъ! — говорилъ Несвицкій: — не дальше картечнаго выстрѣла теперь.

— Напрасно онъ такъ много людей повелъ,—сказалъ свитскій офицеръ.

— И въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Несвицкій.—Тутъ бы двухъ молодцовъ послать, все равно бы.

— Ахъ, ваше сіятельство,—вмѣшался Жерковъ, не спуская глазъ съ гусаръ, но все съ своею наивною манерой, изъ-за которой нельзя было догадаться, серьезно ли что онъ говоритъ или нѣтъ.—Ахъ, ваше сіятельство! Какъ вы судите! Двухъ человѣкъ послать, а намъ то кто же Владиміра съ бантомъ дастъ? А такъ-то хоть и поколотятъ, да можно эскадронъ представить и самому бантикъ получить. Нашъ Богданычъ порядки знаетъ.

— Ну, — сказалъ свитскій офицеръ, — это картечь!

Онъ показывалъ на французскія орудія, которыя снимались съ передковъ и поспѣшно отъѣзжали.

На французской сторонѣ, въ тѣхъ группахъ, гдѣ были орудія, показался дымокъ, другой, третій почти въ одно время, и въ ту минуту, какъ долетѣлъ звукъ перваго выстрѣла, показался четвертый. Два звука, одинъ за другимъ, и третій.

— О, охъ!—охнулъ Несвицкій, какъ будто отъ жгучей боли, хватая за руку свитскаго офицера.—Посмотрите, упалъ одинъ, упалъ, упалъ!

— Два, кажется?

— Былъ бы я царь, никогда бы не воевалъ, — сказалъ Несвицкій, отворачиваясь.

Французскія орудія опять поспѣшно заряжали. Пѣхота въ синихъ капотахъ бѣгомъ двинулась къ мосту. Опять, но въ разныхъ промежуткахъ, показались дымки, защелкала и затрещала картечь по мосту. Но въ этотъ разъ Несвицкій не могъ видѣть того, что̀ дѣлалось на мосту. Съ моста поднялся густой дымъ. Гусары успѣли зажечь мостъ, и французскія батареи стрѣляли по нимъ уже не для того, чтобы помѣшать, а для того, что орудія были наведены и было по комъ стрѣлять.

Французы успѣли сдѣлать три картечные выстрѣла, прежде чѣмъ гусары вернулись къ коноводамъ. Два залпа были сдѣланы невѣрно, и картечь всю перенесло, но зато послѣдній выстрѣлъ попалъ въ середину кучки гусаръ и повалилъ троихъ.

Ростовъ, озабоченный своими отношеніями къ Богданычу, остановился на мосту, не зная, что ему дѣлать. Рубить (какъ онъ всегда воображалъ себѣ сраженіе) было некого, помогать въ зажженіи моста онъ тоже не могъ, потому что не взялъ съ собою, какъ другіе солдаты, жгута соломы. Онъ стоялъ и оглядывался, какъ вдругъ затрещало по мосту будто разсыпанные орѣхи, и одинъ изъ гусаръ, ближе всѣхъ бывшій отъ него, со стономъ упалъ на перила. Ростовъ побѣжалъ къ нему вмѣстѣ съ другими. Опять закричалъ кто-то: «Носилки!» Гусара подхватили четыре человѣка и стали поднимать.

— Оооо!.. Бросьте, ради Христа, — закричалъ раненый; но его все-таки подняли и положили.

Николай Ростовъ отвернулся и, какъ будто отыскивая чего-то, сталъ смотрѣть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Какъ хорошо показалось небо, какъ голубо, спокойно и глубоко! Какъ ярко и торжественно опускающееся солнце! Какъ ласково-глянцевито блестѣла вода въ далекомъ Дунаѣ! И еще

лучше были далекія, голубѣющія за Дунаемъ горы, монастырь, таинственныя ущелья, залитые до макушъ туманомъ сосновые лѣса... Тамъ тихо, счастливо... «Ничего, ничего бы я не желалъ, ничего бы не желалъ, ежели бы я только былъ тамъ,— думалъ Ростовъ.—Во мнѣ одномъ и въ этомъ солнцѣ такъ много счастья, а тутъ... стоны, страданія, страхъ, и эта неясность, эта поспѣшность... Вотъ опять кричатъ что-то, и опять всѣ побѣжали куда-то назадъ, и я бѣгу съ ними, и вотъ она, вотъ она, смерть, надо мной, вокругъ меня... Мгновеніе—и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья»...

Въ эту минуту солнце стало скрываться за тучами; впереди Ростова показались другія носилки. И страхъ смерти и носилокъ, и любовь къ солнцу и жизни,—все слилось въ одно болѣзненно-тревожное впечатлѣніе.

«Господи Боже! Тотъ, Кто тамъ въ этомъ небѣ, спаси, прости и защити меня!» прошепталъ про себя Ростовъ.

Гусары подбѣжали къ коноводамъ, голоса стали громче и спокойнѣе, носилки скрылись изъ глазъ.

— Что, бг'атъ, понюхалъ пог'оху?..—прокричалъ ему надъ ухомъ голосъ Васьки Денисова.

«Все кончилось; но трусъ, да, я трусъ», подумалъ Ростовъ и, тяжело вздыхая, взялъ изъ рукъ коновода своего отставившаго ногу Грачика и сталъ садиться.

— Что это было, картечь?—спросилъ онъ у Денисова.

— Да еще какая!—прокричалъ Денисовъ.—Молодцами г'аботали! А г'абота сквег'ная! Атака—любезное дѣло, г'убай въ пѣси, а тутъ чог'тъ знаетъ что, бьютъ какъ въ мишень.

И Денисовъ отъѣхалъ къ остановившейся недалеко отъ Ростова группѣ полкового командира, Несвицкаго, Жеркова и свитскаго офицера.

«Однако, кажется, никто не замѣтилъ», думалъ про себя Ростовъ. И дѣйствительно, никто ничего не замѣтилъ, потому что каждому было знакомо то чувство, которое испыталъ въ первый разъ необстрѣлянный юнкеръ.

— Вотъ вамъ реляція и будетъ,—сказалъ Жерковъ,—глядишь, и меня въ подпоручики произведутъ.

— Доложите князю, что я мостъ зажигалъ,—сказалъ полковникъ торжественно и весело.

— А коли про потерю спросятъ?

— Пустячокъ!—пробасилъ полковникъ:—два гусара ранено, и одинъ *наповалъ*,—сказалъ онъ съ видимою радостью, не въ силахъ удержаться отъ счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово *наповалъ*.

IX.

Преслѣдуемая стотысячной французской арміей подъ начальствомъ Бонапарта, встрѣчаемая враждебно расположенными жителями, не довѣряя болѣе своимъ союзникамъ, испытывая недостатокъ продовольствія и принужденная дѣйствовать внѣ всѣхъ предвидимыхъ условій войны, русская тридцатипятитысячная армія, подъ начальствомъ Кутузова, поспѣшно отступала внизъ по Дунаю, останавливаясь тамъ, гдѣ она бывала настигнута непріятелемъ, и отбиваясь арьергардными дѣлами, лишь насколько это было нужно для того, чтобы отступать, не теряя тяжестей. Были дѣла при Ламбахѣ, Амштетенѣ и Мелькѣ; но, несмотря на храбрость и стойкость, признаваемую самимъ непріятелемъ, съ которою дрались русскіе, послѣдствіемъ этихъ дѣлъ было только еще быстрѣйшее отступленіе. Австрійскія войска, избѣжавшія плѣна подъ Ульмомъ и присоединившіяся къ Кутузову у Браунау, отдѣлились теперь отъ руссой арміи, и Кутузовъ былъ предоставленъ только своимъ слабымъ, истощеннымъ силамъ. Защищать болѣе Вѣну нельзя было и думать. Вмѣсто наступательной, глубоко обдуманной, по законамъ новой науки стратегіи, войны, планъ которой былъ переданъ Кутузову въ его бытность въ Вѣнѣ австрійскимъ гофскригсратомъ,—единственная, почти недостижимая цѣль, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла въ томъ, чтобы, не погубивъ арміи, подобно Маку подъ Ульмомъ, соединиться съ войсками, шедшими изъ Россіи.

28 октября Кутузовъ съ арміей перешелъ на лѣвый берегъ Дуная и въ первый разъ остановился, положивъ Дунай между собой и главными силами французовъ. 30-го онъ атаковалъ находившуюся на лѣвомъ берегу Дуная дивизію Мортье и разбилъ ее. Въ этомъ дѣлѣ въ первый разъ взяты трофеи: знамя, орудія и два непріятельскіе генерала. Въ первый разъ послѣ двухнедѣльнаго отступленія русскія войска остановились и послѣ борьбы не только удержали поле сраженія, но прогнали французовъ. Несмотря на то, что войска были раздѣты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными; несмотря на то, что на той сторонѣ Дуная были оставлены больные и раненые съ письмомъ Кутузова, поручавшимъ ихъ человѣколюбію непріятеля; несмотря на то, что большіе госпитали и дома въ Кремсѣ, обращенные въ лазареты, немогли уже вмѣщать въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ,—несмотря на все это, остановка при Кремсѣ и побѣда надъ Мортье

значительно подняли духъ войска. Во всей арміи и въ главной квартирѣ ходили самые радостные, хотя и несправедливые слухи о мнимомъ приближеніи колоннъ изъ Россіи, о какой-то побѣдѣ, одержанной австрійцами, и объ отступленіи испуганнаго Бонапарта.

Князь Андрей находился во время сраженія при убитомъ въ этомъ дѣлѣ австрійскомъ генералѣ Шмитѣ. Подъ нимъ была ранена лошадь, и самъ онъ былъ слегка оцарапанъ въ руку пулей. Въ знакъ особой милости главнокомандующаго онъ былъ посланъ съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ къ австрійскому двору, находившемуся уже не въ Вѣнѣ, которой угрожали французскія войска, а въ Брюннѣ. Въ ночь сраженія, взволнованный, но не усталый (несмотря на свое несильное на видъ сложеніе, князь Андрей могъ переносить физическую усталость гораздо лучше самыхъ сильныхъ людей), верхомъ, пріѣхавъ съ донесеніемъ отъ Дохтурова въ Кремсъ къ Кутузову, князь Андрей былъ въ ту же ночь отправленъ курьеромъ въ Брюннъ. Отправленіе курьеромъ, кромѣ наградъ, означало важный шагъ къ повышенію.

Ночь была темная, звѣздная: дорога чернѣлась между бѣлѣвшимъ снѣгомъ, выпавшимъ наканунѣ, въ день сраженія. То перебирая впечатлѣнія прошедшаго сраженія, то радостно воображая впечатлѣніе, которое онъ произведетъ извѣстіемъ о побѣдѣ, вспоминая проводы главнокомандующаго и товарищей, князь Андрей скакалъ въ почтовой бричкѣ, испытывая чувство человѣка, долго ждавшаго и наконецъ достигшаго начала желаемаго счастья. Какъ скоро онъ закрывалъ глаза, въ ушахъ его раздавалась пальба ружей и орудій, которая сливалась со стукомъ колесъ и впечатлѣніемъ побѣды. То ему начинало представляться, что русскіе бѣгутъ, что онъ самъ убитъ; но онъ поспѣшно просыпался, со счастьемъ, какъ будто вновь узнавалъ, что ничего этого не было и что, напротивъ, французы бѣжали. Онъ снова вспоминалъ всѣ подробности побѣды, своего спокойнаго мужества во время сраженія и, успокоившись, задремывалъ... Послѣ темной, звѣздной ночи наступило яркое, веселое утро. Снѣгъ таялъ на солнцѣ, лошади быстро скакали, и безразлично вправѣ и влѣвѣ проходили новые разнообразные лѣса, поля, деревни.

На одной изъ станцій онъ обогналъ обозъ русскихъ раненыхъ. Русскій офицеръ, ведшій транспортъ, развалясь на передней телѣгѣ, что-то кричалъ, ругая грубыми словами солдата. Въ длинныхъ нѣмецкихъ форшпанахъ тряслось по каменистой дорогѣ по шести и болѣе блѣдныхъ, перевязанныхъ и грязныхъ ране-

ныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорили (онъ слышалъ русскій говоръ), другіе ѣли хлѣбъ, самые тяжелые молча, съ кроткимъ и болѣзненнымъ дѣтскимъ участіемъ смотрѣли на скачущаго мимо ихъ курьера.

Князь Андрей велѣлъ остановиться и спросилъ у солдата, въ какомъ дѣлѣ ранены. «Позавчера на Дунаю», отвѣчалъ солдатъ. Князь Андрей досталъ кошелекъ и далъ солдату три золотыхъ.

— На всѣхъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ подошедшему офицеру. — Поправляйтесь, ребята, — обратился онъ къ солдатамъ, — еще дѣла много.

— Что, г. адъютантъ, какія новости?—спросилъ офицеръ, видимо желая разговориться.

— Хорошія! Впередъ!—крикнулъ онъ ямщику и поскакалъ далѣе.

Ужъ было совсѣмъ темно, когда князь Андрей въѣхалъ въ Брюннъ и увидалъ себя окруженнымъ высокими домами, огнями лавокъ, оконъ домовъ и фонарей, шумящими по мостовой красивыми экипажами и всею тою атмосферою большого оживленнаго города, которая всегда такъ привлекательна для военнаго человѣка послѣ лагеря. Князь Андрей, несмотря на быструю ѣзду и безсонную ночь, подъѣзжая ко дворцу, чувствовалъ себя еще болѣе оживленнымъ, чѣмъ наканунѣ. Только глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ и мысли измѣнялись съ чрезвычайною быстротой и ясностью. Живо представились ему опять всѣ подробности сраженія уже не смутно, но опредѣленно, въ сжатомъ изложеніи, которое онъ въ воображеніи дѣлалъ императору Францу. Живо представились ему случайные вопросы, которые могли быть ему сдѣланы, и тѣ отвѣты, которые онъ сдѣлаетъ на нихъ. Онъ полагалъ, что его сейчасъ же представятъ императору. Но у большого подъѣзда дворца къ нему выбѣжалъ чиновникъ и, узнавъ въ немъ курьера, проводилъ его на другой подъѣздъ.

— Изъ коридора направо; тамъ, Euer Hochgeboren, найдете дежурнаго флигель-адъютанта,—сказалъ ему чиновникъ.—Онъ проводитъ къ военному министру.

Дежурный флигель-адъютантъ, встрѣтившій князя Андрея, попросилъ его подождать и пошелъ къ военному министру. Черезъ пять минутъ флигель-адъютантъ вернулся и, особенно учтиво наклонясь и пропуская князя Андрея впередъ себя, провелъ его черезъ коридоръ въ кабинетъ, гдѣ занимался военный министръ. Флигель-адъютантъ своею изысканною учтивостью, казалось, хотѣлъ оградить себя отъ попытокъ фамильярности русскаго адъютанта. Радостное чувство князя Андрея значительно ослабѣло, когда онъ подходилъ къ двери кабинета военнаго ми-

нистра. Онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, и чувство оскорбленія перешло въ то же мгновеніе незамѣтно для него самого въ чувство презрѣнія, ни на чемъ не основаннаго. Находчивый же умъ въ то же мгновеніе подсказалъ ему ту точку зрѣнія, съ которой онъ имѣлъ право презирать и адъютанта и военнаго «министра. «Имъ, должно-быть, очень легко покажется одерживать побѣды, не нюхая пороха!» подумалъ онъ. Глаза его презрительно прищурились; онъ особенно медленно вошелъ въ кабинетъ военнаго министра. Чувство это еще болѣе усилилось, когда онъ увидѣлъ военнаго министра, сидѣвшаго надъ большимъ столомъ и первыя двѣ минуты не обращавшаго вниманія на вошедшаго. Военный министръ опустилъ свою лысую, съ сѣдыми висками голову между двухъ восковыхъ свѣчей и читалъ, отмѣчая карандашомъ, бумаги. Онъ дочитывалъ, не поднимая головы, въ то время, какъ отворилась дверь и послышались шаги.

— Возьмите это :и передайте,—сказалъ военный министръ своему адъютанту, подавая бумаги и не обращая еще вниманія на курьера.

Князь Андрей почувствовалъ, что либо изъ всѣхъ дѣлъ, занимавшихъ военнаго министра, дѣйствія кутузовской арміи менѣе всего могли его интересовать, либо нужно было это дать почувствовать русскому курьеру. «Но мнѣ это совершенно все равно», подумалъ онъ. Военный министръ сдвинулъ остальныя бумаги, сровнялъ ихъ края съ краями и поднялъ голову. У него была умная и характерная голова. Но въ то же мгновеніе, какъ онъ обратился къ князю Андрею, умное и твердое выраженіе лица военнаго министра, видимо привычно и сознательно измѣнилось: на лицѣ его остановилась глупая, притворная, не скрывающая своего притворства, улыбка человѣка, принимающаго одного за другимъ много просителей.

— Отъ генералъ-фельдмаршала Кутузова?—спросилъ онъ.—Надѣюсь, хорошія вѣсти? Было столкновеніе съ Мортье? Побѣда? Пора!

Онъ взялъ депешу, которая была на его имя, и сталъ читать ее съ грустнымъ выраженіемъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Шмитъ!—сказалъ онъ по-нѣмецки.—Какое несчастье, какое несчастье!

Пробѣжавъ депешу, онъ положилъ ее на столъ и взглянулъ на князя Андрея, видимо что-то соображая.

— Ахъ, какое несчастье! Дѣло, вы говорите, рѣшительное? Мортье не взятъ однако. (Онъ подумалъ.) Очень радъ, что вы привезли хорошія вѣсти, хотя смерть Шмита есть дорогая плата за побѣду. Его величество, вѣрно, пожелаетъ васъ видѣть, но

не нынче. Благодарю васъ, отдохните. Завтра будьте на выходѣ послѣ парада. Впрочемъ, я вамъ дамъ знать.

Исчезнувшая во время разговора глупая улыбка опять явилась на лицѣ военнаго министра.

— До свиданія, очень благодарю васъ. Государь императоръ, вѣроятно, пожелаетъ васъ видѣть, — повторилъ онъ и наклонилъ голову.

Когда князь Андрей вышелъ изъ дворца, онъ почувствовалъ, что весь интересъ и счастье, доставленные ему побѣдой, оставлены имъ теперь и переданы въ равнодушныя руки военнаго министра и учтиваго адъютанта. Весь складъ мыслей его мгновенно измѣнился: сраженіе представилось ему давнишнимъ, далекимъ воспоминаніемъ.

X.

Князь Андрей остановился въ Брюннѣ у своего знакомаго, русскаго дипломата Билибина.

— А, милый князь, нѣтъ пріятнѣе гостя, — сказалъ Билибинъ, выходя навстрѣчу князю Андрею.—Францъ, въ мою спальню вещи князя!—обратился онъ къ слугѣ, провожавшему Болконскаго. — Что, вѣстникомъ побѣды? Прекрасно. А я сижу больной, какъ видите.

Князь Андрей, умывшись и одѣвшись, вошелъ въ роскошный кабинетъ дипломата и сѣлъ за приготовленный обѣдъ. Билибинъ покойно усѣлся у камина.

Князь Андрей не только послѣ своего путешествія, но и послѣ всего похода, во время котораго онъ былъ лишенъ всѣхъ удобствъ чистоты и изящества жизни, испытывалъ пріятное чувство отдыха среди тѣхъ роскошныхъ условій жизни, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства. Кромѣ того, ему было пріятно послѣ австрійскаго пріема поговорить хоть не по-русски (они говорили по-французски), но съ русскимъ человѣкомъ, который, онъ предполагалъ, раздѣлялъ общее русское отвращеніе (теперь особенно живо испытываемое) къ австрійцамъ.

Билибинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, холостой, одного общества съ княземъ Андреемъ. Они были знакомы еще въ Петербургѣ, но еще ближе познакомились въ послѣдній пріѣздъ князя Андрея въ Вѣну вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Какъ князь Андрей былъ молодой человѣкъ, обѣщающій пойти далеко на военномъ поприщѣ, такъ, и еще болѣе, обѣщалъ Билибинъ на дипломатическомъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, но уже не молодой дипломатъ, такъ какъ онъ началъ служить шест-

надцати лѣтъ, былъ въ Парижѣ, въ Копенгагенѣ и теперь въ Вѣнѣ занималъ довольно значительное мѣсто. И канцлеръ и нашъ посланникъ въ Вѣнѣ знали его и дорожили имъ. Онъ былъ не изъ того большого количества дипломатовъ, которые обязаны имѣть только отрицательныя достоинства, не дѣлать извѣстныхъ вещей и говорить по-французски, для того, чтобы быть очень хорошими дипломатами; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дипломатовъ, которые любятъ и умѣютъ работать, и, несмотря на свою лѣнь, онъ иногда проводилъ ночи за письменнымъ столомъ. Онъ работалъ одинаково хорошо, въ чемъ бы ни состояла сущность работы. Его интересовалъ не вопросъ «зачѣмъ?», а вопросъ «какъ?». Въ чемъ состояло дипломатическое дѣло, ему было все равно; но составить искусно, мѣтко и изящно циркуляръ, меморандумъ или донесеніе, въ этомъ онъ находилъ большое удовольствіе. Заслуги Билибина цѣнились, кромѣ письменныхъ работъ, еще и по его искусству обращаться и говорить въ высшихъ сферахъ.

Билибинъ любилъ разговоръ такъ же, какъ онъ любилъ работу, только тогда, когда разговоръ могъ быть изящно-остроуменъ. Въ обществѣ онъ постоянно выжидалъ случая сказать что-нибудь замѣчательное и вступалъ въ разговоръ не иначе, какъ при этихъ условіяхъ. Разговоръ Билибина постоянно пересыпался оригинально-остроумными, законченными фразами, имѣющими общій интересъ. Эти фразы изготовлялись во внутренней лабораторіи Билибина, какъ будто нарочно, портативнаго свойства, для того, чтобы ничтожные свѣтскіе люди удобно могли запоминать ихъ и переносить изъ гостиныхъ въ гостиныя. И дѣйствительно, les mots de Bilibine se colportaient dans les salons de Vienne [1]) и часто имѣли вліяніе на такъ называемыя важныя дѣла.

Худое, истощенное, желтоватое лицо его было все покрыто крупными морщинами, которыя всегда казались такъ чистоплотно и старательно промыты, какъ кончики пальцевъ послѣ бани. Движеніе этихъ морщинъ составляли главную игру его физіономіи. То у него морщился лобъ широкими складками, брови поднимались кверху, то брови спускались книзу, и у щекъ образовывались крупныя морщины. Глубоко поставленные, небольшіе глаза всегда смотрѣли прямо и весело.

— Ну, теперь разскажите намъ ваши подвиги,—сказалъ онъ.

Болконскій самымъ скромнымъ образомъ, ни разу не упоминая о себѣ, разсказалъ дѣло и пріемъ военнаго министра.

---

[1]) «Словечки» Билибина расходились по вѣнскимъ гостинымъ.

— Ils m'ont reçu avec ma nouvelle comme un chien dans un jeu de quilles [1]), — заключилъ онъ.

Билибинъ усмѣхнулся и распустилъ складки кожи.

— Cependant, mon cher,—сказалъ онъ, разсматривая издалека свой ноготь и подбирая кожу надъ лѣвымъ глазомъ,— malgré la haute estime que je professe pour le православное россійское воинство, j'avoue que votre victoire n'est pas des plus victorieuses [2]).

Онъ продолжалъ все такъ же на французскомъ языкѣ, произнося по-русски только тѣ слова, которыя онъ презрительно хотѣлъ подчеркнуть.

— Какъ же? Вы со всею массой своей обрушились на несчастнаго Мортье при одной дивизіи, и этотъ Мортье уходитъ у васъ между рукъ? Гдѣ же побѣда?

— Однако, серьезно говоря,—отвѣчалъ князь Андрей,— все-таки мы можемъ сказать безъ хвастовства, что это немного получше Ульма...

— Отчего вы не взяли намъ одного, хоть одного маршала?

— Оттого, что не все дѣлается, какъ предполагается, и не такъ регулярно, какъ на парадѣ. Мы полагали, какъ я вамъ говорилъ, зайти въ тылъ къ семи часамъ утра, а не пришли и къ пяти вечера.

— Отчего же вы не пришли къ семи часамъ утра? Вамъ надо было придти въ семь часовъ утра, — улыбаясь сказалъ Билибинъ, — надо было придти въ семь часовъ утра.

— Отчего вы не внушили Бонапарту дипломатическимъ путемъ, что ему лучше оставить Геную?—тѣмъ же тономъ сказалъ князь Андрей.

— Я знаю,—перебилъ Билибинъ,—вы думаете, что очень легко брать маршаловъ, сидя на диванѣ передъ каминомъ. Это правда, а все-таки зачѣмъ вы его не взяли? И не удивляйтесь, что не только военный министръ, но и августѣйшій императоръ и король Францъ не будутъ очень осчастливлены вашей побѣдой; да и я, несчастный секретарь русскаго посольства, не чувствую никакой потребности, въ знакъ радости, дать моему Францу талеръ и отпустить его съ своей Liebchen на Пратеръ... Правда, здѣсь нѣтъ Пратера.

Онъ посмотрѣлъ прямо на князя Андрея и вдругъ спустилъ собранную кожу со лба.

---

[1]) Они приняли меня съ этою вѣстью, какъ принимаютъ собаку, когда она мѣшаетъ игрѣ въ кегли.

[2]) Однако, мой милый, при всемъ моемъ уваженіи къ православному россійскому воинству, я полагаю, что побѣда ваша не изъ самыхъ блестящихъ.

— Теперь мой чередъ спросить васъ «отчего», мой милый,— сказалъ Болконскій.—Я вамъ признаюсь, что не понимаю, можетъ-быть, тутъ есть дипломатическія тонкости выше моего слабаго ума, но я не понимаю: Макъ теряетъ цѣлую армію, эрцгерцогъ Фердинандъ и эрцгерцогъ Карлъ не даютъ никакихъ признаковъ жизни и дѣлаютъ ошибки за ошибками, наконецъ одинъ Кутузовъ одерживаетъ дѣйствительную побѣду, уничтожаетъ charme французовъ, и военный министръ не интересуется даже знать подробности.

— Именно отъ этого, мой милый. Voyez-vous, mon cher: ура, за царя, за Русь, за вѣру! tout ça est bel et bon, но что намъ, я говорю—австрійскому двору, за дѣло до вашихъ побѣдъ? Привезите вы намъ свое хорошенькое извѣстіе о побѣдѣ эрцгерцога Карла или Фердинанда un archiduc vaut l'autre, какъ вамъ извѣстно — хоть надъ ротой пожарной команды Бонапарте, это мы прогремимъ въ пушки. А то это, какъ нарочно, можетъ только дразнить насъ. Эрцгерцогъ Карлъ ничего не дѣлаетъ, эрцгерцогъ Фердинандъ покрывается позоромъ. Вѣну вы бросаете, не защищаете больше, comme si vous nous disiez: съ нами Богъ, и Богъ съ вами, съ вашей столицей. Одинъ генералъ, котораго мы всѣ любили, Шмитъ; вы его подводите подъ пулю и поздравляете насъ съ побѣдой! Согласитесь, что раздразнительнѣе того извѣстія, которое вы привозите, нельзя придумать. C'est comme un fait exprès, comme un fait exprès. Кромѣ того, ну одержи вы точно блестящую побѣду, одержи даже эрцгерцогъ Карлъ, что жъ бы это перемѣнило въ общемъ ходѣ дѣлъ? Теперь ужъ поздно, когда Вѣна занята французскими войсками.

— Какъ занята? Вѣна занята?

— Не только занята, но Бонапарте въ Шенбруннѣ, а графъ, нашъ милый графъ Врбна отправляется къ нему за приказаніями.

Болконскій послѣ усталости и впечатлѣній путешествія, пріема и въ особенности послѣ обѣда чувствовалъ, что онъ не понимаетъ всего значенія словъ, которыя онъ слышалъ.

— Нынче утромъ былъ здѣсь графъ Лихтенфельсъ,—продолжалъ Билибинъ, — и показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ подробно описанъ парадъ французовъ въ Вѣнѣ. Le prince Murat et tout le tremblement... Вы видите, что ваша побѣда не очень-то радостна и что вы не можете быть приняты какъ спаситель...

— Право, для меня все равно, совершенно все равно,—сказалъ князь Андрей, начиная понимать, что извѣстіе его о сраженіи подъ Кремсомъ дѣйствительно имѣло мало важности въ виду такихъ событій, какъ занятіе столицы Австріи.—Какъ же

Вѣна взята? А мостъ и знаменитый tête de pont и князь Ауэрспергъ? У насъ были слухи, что князь Ауэрспергъ защищаетъ Вѣну,—сказалъ онъ.

— Князь Ауэрспергъ стоитъ на этой, на нашей, сторонѣ и защищаетъ насъ; я думаю, очень плохо защищаетъ, но все-таки защищаетъ. А Вѣна на той сторонѣ. Нѣтъ, мостъ еще не взятъ и, надѣюсь, не будетъ взятъ, потому что онъ минированъ и его велѣно взорвать. Въ противномъ случаѣ мы были бы давно въ горахъ Богеміи и вы съ вашей арміей провели бы дурную четверть часа между двухъ огней.

— Но это все-таки не значитъ, чтобы кампанія была кончена,—сказалъ князь Андрей.

— А я думаю, что кончена. И такъ и думаютъ большіе колпаки здѣсь, но не смѣютъ сказать этого. Будетъ то, что я говорилъ въ началѣ кампаніи, что не ваша echauffourée de Durenstein, вообще не порохъ рѣшитъ дѣло, а тѣ, кто его выдумали,—сказалъ Билибинъ, повторяя одно изъ своихъ mot, распуская кожу на лбу и пріостанавливаясь.—Вопросъ только въ томъ, что̀ скажетъ берлинское свиданіе императора Александра съ прусскимъ королемъ. Ежели Пруссія вступитъ въ союзъ on forcera la main à l'Autriche, и будетъ война. Ежели же нѣтъ, то дѣло только въ томъ, чтобы условиться, гдѣ составлять первоначальныя статьи новаго Campo Formio.

— Но что за необычайная геніальность!—вдругъ вскрикнулъ князь Андрей сжимая свою маленькую руку и ударяя ею по столу.—И что за счастье этому человѣку!

— Buonaparte?— вопросительно сказалъ Билибинъ, морща лобъ и этимъ давая чувствовать, что сейчасъ будетъ un mot.— Buonaparte?—сказалъ онъ, ударяя особенно на *и*.—Я думаю однако, что теперь, когда онъ предписываетъ законы Австріи изъ Шенбруннa, il faut lui faire grâce de l'*и* [1]). Я рѣшительно дѣлаю нововведеніе и называю его Bonaparte tout court.

— Нѣтъ, безъ шутокъ,—сказалъ князь Андрей,—неужели вы думаете, что кампанія кончена?

— Я вотъ что думаю. Австрія осталась въ дурахъ, а она къ этому не привыкла. И она отплатитъ. А въ дурахъ она осталась оттого, что, во-первыхъ, провинціи разорены (on dit le православное est terrible pour le pillage), армія разбита, столица взята, и все это pour les beaux yeux du Сардинское величество. И потому—entre nous, mon cher—я чутьемъ слышу,

---

[1]) Надо его избавить отъ *и*.

что насъ обманываютъ, я чутьемъ слышу сношенія съ Франціей и проекты мира, тайнаго мира, отдѣльно заключеннаго.

— Это не можетъ быть!—сказалъ князь Андрей:—это было бы слишкомъ гадко.

— Qui vivra, verra, — сказалъ Билибинъ, распуская опять кожу въ знакъ окончанія разговора.

Когда князь Андрей пришелъ въ приготовленную для него комнату и въ чистомъ бѣльѣ легъ на пуховики и душистыя грѣтыя подушки, онъ почувствовалъ, что то сраженіе, о которомъ онъ привезъ извѣстіе, было далеко, далеко отъ него. Прусскій союзъ, измѣна Австріи, новое торжество Бонапарта, выходъ и парадъ и пріемъ императора Франца на завтра занимали его.

Онъ закрылъ глаза, но въ то же мгновеніе въ ушахъ его затрещала канонада, пальба, стукъ колесъ экипажа, и вотъ опять спускаются съ горы растянутые ниткой мушкатеры, французы стрѣляютъ, и онъ чувствуетъ, какъ содрогается его сердце, и онъ выѣзжаетъ впередъ рядомъ съ Шмитомъ, и пули весело свистятъ вокругъ него, и онъ испытываетъ то чувство удесятеренной радости жизни, какого онъ не испытывалъ съ самаго дѣтства.

Онъ пробудился...

«Да, все это было!..» сказалъ онъ, счастливо, дѣтски улыбаясь самъ себѣ, и заснулъ крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

XI.

На другой день онъ проснулся поздно. Возобновляя впечатлѣнія прошедшаго, онъ вспомнилъ прежде всего то, что нынче надо представляться императору Францу, вспомнилъ военнаго министра, учтиваго австрійскаго флигель-адъютанта, Билибина и разговоръ вчерашняго вечера. Одѣвшись въ полную парадную форму, которой онъ уже давно не надѣвалъ, для поѣздки во дворецъ, онъ, свѣжій, оживленный и красивый, съ подвязанною рукой, вошелъ въ кабинетъ Билибина. Въ кабинетѣ находились четыре господина дипломатическаго корпуса. Съ княземъ Ипполитомъ Курагинымъ, который былъ секретаремъ посольства, Болконскій былъ знакомъ; съ другими его познакомилъ Билибинъ.

Господа, бывавшіе у Билибина, свѣтскіе, молодые, богатые и веселые люди, составляли и въ Вѣнѣ и здѣсь отдѣльный кружокъ, который Билибинъ, бывшій главой этого кружка, назы-

валъ *наши, les nôtres*. Въ кружкѣ этомъ, состоявшемъ почти исключительно изъ дипломатовъ, видимо были свои, не имѣющіе ничего общаго съ войной и политикой, интересы высшаго свѣта, отношеній къ нѣкоторымъ женщинамъ и канцелярской стороны службы. Эти господа, повидимому, охотно, какъ *своего* (честь, которую они дѣлали немногимъ), приняли въ свой кружокъ князя Андрея. Изъ учтивости и какъ предметъ для вступленія въ разговоръ ему сдѣлали нѣсколько вопросовъ объ арміи и сраженіи, и разговоръ опять разсыпался на непослѣдовательные, веселые шутки и пересуды.

— Но особенно хорошо, — говорилъ одинъ, разсказывая неудачу товарища-дипломата,—особенно хорошо то, что канцлеръ прямо сказалъ ему, что назначеніе его въ Лондонъ есть повышеніе и чтобъ онъ такъ и смотрѣлъ на это. Видите вы его фигуру при этомъ?..

— Но что всего хуже, господа, я вамъ выдаю Курагина: человѣкъ въ несчастьи, и этимъ-то пользуется этотъ Донъ-Жуанъ, этотъ ужасный человѣкъ!

Князь Ипполитъ лежалъ въ вольтеровскомъ креслѣ, положивъ ноги черезъ ручку. Онъ засмѣялся.

— Parlez-moi de ça,—сказалъ онъ.

— О, Донъ-Жуанъ! О, змѣя!—послышались голоса.

— Вы не знаете, Болконскій, — обратился Билибинъ къ князю Андрею,—что всѣ ужасы французской арміи (я чуть было не сказалъ—русской арміи)—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что надѣлалъ между женщинами этотъ человѣкъ.

— La femme est la compagne de l'homme,—произнесъ князь Ипполитъ и сталъ смотрѣть въ лорнетъ на свои поднятыя ноги.

Билибинъ и *наши* расхохотались, глядя въ глаза Ипполиту. Князь Андрей видѣлъ, что этотъ Ипполитъ, котораго онъ (должно было признаться) почти ревновалъ къ своей женѣ, былъ шутомъ въ этомъ обществѣ.

— Нѣтъ, я долженъ васъ угостить Курагинымъ,—сказалъ Билибинъ тихо Болконскому.—Онъ прелестенъ, когда разсуждаетъ о политикѣ; надо видѣть эту важность.

Онъ подсѣлъ къ Ипполиту и, собравъ на лбу свои складки, завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ. Князь Андрей и другіе обступили обоихъ.

— Le cabinet de Berlin ne peut pas exprimer un sentiment d'alliance,—началъ Ипполитъ, значительно оглядывая всѣхъ,—sans exprimer... comme dans sa dernière note... vous comprenez...

vous comprenez... et puis si sa Majesté l'Empereur ne déroge pas au principe de notre alliance... [1]).

— Attendez, je n'ai pas fini...— сказалъ онъ князю Андрею, хватая его за руку. — Je suppose que l'intervention sera plus forte que la non-intervention. Et...— Онъ помолчалъ. — On ne pourra pas imputer à la fin de non-recevoir notre dépêche du 28 octobre. Voilà comment tout cela finira [2]).

И онъ отпустилъ руку Болконскаго, показывая тѣмъ, что теперь онъ совсѣмъ кончилъ.

— Demosthènes, je te reconnais au caillou que tu as caché dans ta bouche d'or! [3]) — сказалъ Билибинъ, у котораго шапка волосъ подвинулась на головѣ отъ удовольствія.

Всѣ засмѣялись. Ипполитъ смѣялся громче всѣхъ. Онъ, видимо, страдалъ, задыхался, но не могъ удержаться отъ дикаго смѣха, растягивающаго его всегда неподвижное лицо.

— Ну, вотъ что, господа,—сказалъ Билибинъ:—Болконскій мой гость въ домѣ и здѣсь въ Брюннѣ, и я хочу его угостить, сколько могу, всѣми радостями здѣшней жизни. Ежели бы мы были въ Вѣнѣ, это было бы легко; но здѣсь, dans ce vilain trou morave, это труднѣе, и я прошу у всѣхъ васъ помощи. Il faut lui faire les honneurs de Brünn. Вы возьмите на себя театръ, я — общество, вы, Ипполитъ, разумѣется, — женщинъ.

— Надо ему показать Амели, прелесть!—сказалъ одинъ изъ *нашихъ*, цѣлуя кончики пальцевъ.

— Вообще этого кровожаднаго солдата, — сказалъ Билибинъ, — надо обратить къ болѣе человѣколюбивымъ взглядамъ.

— Едва ли я воспользуюсь вашимъ гостепріимствомъ, господа, и теперь мнѣ пора ѣхать,—взглядывая на часы, сказалъ Болконскій.

— Куда?

— Къ императору.

— О! о! о!

---

[1]) Берлинскій кабинетъ не можетъ выразить свое мнѣніе о союзѣ, не выражая... какъ въ своей послѣдней нотѣ... вы понимаете... вы понимаете... впрочемъ, если его величество императоръ не измѣнитъ сущности нашего союза...

[2]) Подождите, я не кончилъ. Я думаю, что вмѣшательство будетъ прочнѣе, чѣмъ невмѣшательство. И... Невозможно считать дѣло оконченнымъ непринятіемъ нашей депеши отъ 28 октября. Вотъ чѣмъ все это кончится.

[3]) Демосѳенъ, я узнаю тебя по камешку, который ты скрываешь въ своихъ золотыхъ устахъ!

— Ну, до свиданія, Болконскій! До свиданія, князь; пріѣзжайте же обѣдать раньше,—послышались голоса.—Мы беремся за васъ.

— Старайтесь какъ можно болѣе расхваливать порядокъ въ доставленіи провіанта и маршрутовъ, когда будете говорить съ императоромъ,—сказалъ Билибинъ, провожая до передней Болконскаго.

— И желалъ бы хвалить, но не могу, сколько знаю,—улыбаясь отвѣчалъ Болконскій.

— Ну, вообще какъ можно больше говорите. Его страсть—аудіенціи; а говорить самъ онъ не любитъ и не умѣетъ, какъ увидите.

XII.

На выходѣ императоръ Францъ только пристально вглядѣлся въ лицо князя Андрея, стоявшаго въ назначенномъ мѣстѣ между австрійскими офицерами, и кивнулъ ему своей длинной головой. Но послѣ выхода вчерашній флигель-адъютантъ съ учтивостью передалъ Болконскому желаніе императора дать ему аудіенцію. Императоръ Францъ принялъ его, стоя посреднѣ комнаты. Передъ тѣмъ, какъ начинать разговоръ, князя Андрея поразило то, что императоръ какъ будто смѣшался, не зная, что сказать, и покраснѣлъ.

— Скажите, когда началось сраженіе?—спросилъ онъ поспѣшно.

Князь Андрей отвѣчалъ. Послѣ этого вопроса слѣдовали другіе, столь же простые вопросы: «здоровъ ли Кутузовъ? какъ давно выѣхалъ онъ изъ Кремса?» и т. п. Императоръ говорилъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто вся цѣль его состояла только въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстное количество вопросовъ. Отвѣты же на эти вопросы, какъ было слишкомъ очевидно, не могли интересовать его.

— Въ которомъ часу началось сраженіе?—спросилъ императоръ.

— Не могу донести вашему величеству, въ которомъ часу началось сраженіе съ фронта, но въ Дюренштейнѣ, гдѣ я находился, войско начало атаку въ шестомъ часу вечера,—сказалъ Болконскій, оживляясь и при этомъ случаѣ предполагая, что ему удастся представить уже готовое въ его головѣ правдивое описаніе всего того, что онъ зналъ и видѣлъ.

Но императоръ улыбнулся и перебилъ его:

— Сколько миль?

— Откуда и докуда, ваше величество?

— Отъ Дюренштейна до Кремса?

— Три съ половиною мили, ваше величество.

— Французы оставили лѣвый берегъ?

— Какъ доносили лазутчики, въ ночь на плотахъ переправились послѣдніе.

— Достаточно ли фуража въ Кремсѣ?

— Фуражъ не былъ доставленъ въ томъ количествѣ...

Императоръ перебилъ его:

— Въ которомъ часу убитъ генералъ Шмитъ?..

— Въ семь часовъ, кажется.

— Въ семь часовъ. Очень печально! Очень печально!

Императоръ сказалъ, что онъ благодаритъ, и поклонился. Князь Андрей вышелъ и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ придворными. Со всѣхъ сторонъ глядѣли на него ласковые глаза и слышались ласковыя слова. Вчерашній флигель-адьютантъ дѣлалъ ему упреки, зачѣмъ онъ не остановился во дворцѣ, и предлагалъ ему свой домъ. Военный министръ подошелъ, поздравляя его съ орденомъ Маріи-Терезіи 3-й степени, которымъ жаловалъ его императоръ. Камергеръ императрицы приглашалъ его къ ея величеству. Эрцгерцогиня тоже желала его видѣть. Онъ не зналъ, кому отвѣчать, и нѣсколько секундъ собирался съ мыслями. Русскій посланникъ взялъ его за плечо, отвелъ къ окну и сталъ говорить съ нимъ.

Вопреки словамъ Билибина, извѣстіе, привезенное имъ, было принято радостно. Назначено было, благодарственное молебствіе. Кутузовъ былъ награжденъ Маріей-Терезіей большого креста, и вся армія получила награды. Болконскій получалъ приглашенія со всѣхъ сторонъ и все утро долженъ былъ дѣлать визиты главнымъ сановникамъ Австріи. Окончивъ свои визиты въ пятомъ часу вечера, мысленно сочиняя письмо отцу о сраженіи и о своей поѣздкѣ въ Брюннъ, князь Андрей возвращался домой къ Билибину. У крыльца дома, занимаемаго Билибинымъ, стояла до половины уложенная вещами бричка, и Францъ, слуга Билибина, съ трудомъ таща чемоданъ, вышелъ изъ двери.

Прежде чѣмъ ѣхать къ Билибину, князь Андрей поѣхалъ въ книжную лавку запастись на походъ книгами и засидѣлся въ лавкѣ.

— Что такое? — спросилъ Болконскій.

— Ach, Erlaucht! — сказалъ Францъ, съ трудомъ взваливая чемоданъ въ бричку. — Wir ziehen noch weiter. Der Bözewicht ist schon wieder hinter uns her! [1])

---

[1]) Ахъ, ваше сіятельство! Мы отправляемся еще далѣе. Злодѣй ужъ опять за нами по пятамъ.

— Что такое? Что? — спрашивалъ князь Андрей.

Билибинъ вышелъ навстрѣчу Болконскому. На всегда спокойномъ лицѣ Билибина было волненіе.

— Non, non, avouez que c'est charmant,—говорилъ онъ,— cette histoire du pont de Thabor (мостъ въ Вѣнѣ). Ils l'ont passé sans coup férir [1]).

Князь Андрей ничего не понималъ.

— Да откуда же вы, что вы не знаете того, что уже знаютъ всѣ кучера въ городѣ?

— Я отъ эрцгерцогини. Тамъ я ничего не слыхалъ.

— И не видали, что вездѣ укладываются?

— Не видалъ... Да въ чемъ дѣло?—нетерпѣливо спросилъ князь Андрей.

— Въ чемъ дѣло? Дѣло въ томъ, что французы перешли мостъ, который защищаетъ Ауэрспергъ, и мостъ не взорвали, такъ что Мюратъ бѣжитъ теперь по дорогѣ къ Брюнну, и нынче-завтра они будутъ здѣсь.

— Какъ здѣсь? Да какъ же не взорвали мостъ, когда онъ минированъ.

— А это я у васъ спрашиваю. Этого никто, и самъ Бонапарте, не знаетъ.

Болконскій пожалъ плечами.

— Но ежели мостъ перейденъ, значитъ и армія погибла: она будетъ отрѣзана, — сказалъ онъ.

— Въ этомъ-то и штука,—отвѣчалъ Билибинъ. — Слушайте. Вступаютъ французы въ Вѣну, какъ я вамъ говорилъ. Все очень хорошо. На другой день, то-есть вчера, господа маршалы: Мюратъ, Ланнъ и Бельяръ, садятся верхомъ и отправляются на мостъ. (Замѣтьте, всѣ трое гасконцы.) «Господа,—говоритъ одинъ,— вы знаете, что Таборскій мостъ минированъ и контраминированъ и что передъ нимъ грозный tête de pont и пятнадцать тысячъ войска, которому велѣно взорвать мостъ и насъ не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будетъ пріятно, ежели мы возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте втроемъ и возьмемъ этотъ мостъ». — «Поѣдемте», говорятъ другіе; и они отправляются и берутъ мостъ, переходятъ его и теперь со всею арміей по сю сторону Дуная направляются на насъ, на васъ и на ваши сообщенія.

— Полноте шутить, — грустно и серьезно сказалъ князь Андрей.

---

[1]) Нѣтъ, нѣтъ, признайтесь, что это прелесть эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Они перешли его безъ сопротивленія.

Извѣстіе это было горестно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно князю Андрею.

Какъ только онъ узналъ, что русская армія находится въ такомъ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ, тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ. Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мнѣніе, которое одно спасетъ армію, и какъ ему одному будетъ поручено исполненіе этого плана.

— Полноте шутить, — сказалъ онъ.

— Не шучу,—продолжалъ Билибинъ,—ничего нѣтъ справедливѣе и печальнѣе. Господа эти пріѣзжаютъ на мостъ одни и поднимаютъ бѣлые платки; увѣряютъ, что перемиріе и что они, маршалы, ѣдутъ для переговоровъ съ княземъ Ауэрспергомъ. Дежурный офицеръ пускаетъ ихъ въ tête de pont. Они разсказываютъ ему тысячу гасконскихъ глупостей: говорятъ, что война кончена, что императоръ Францъ назначилъ свиданіе Бонапарту, что они желаютъ видѣть князя Ауэрсперга, и тысячу гасконадъ и проч. Офицеръ посылаетъ за Ауэрспергомъ; господа эти обнимаютъ офицеровъ, шутятъ, садятся на пушки, а между тѣмъ французскій батальонъ незамѣченный входитъ на мостъ, сбрасываетъ мѣшки съ горючими веществами въ воду и подходитъ къ tête de pont. Наконецъ является самъ генералъ-лейтенантъ, нашъ милый князь Ауэрспергъ фонъ-Маутернъ. «Милый непріятель! Цвѣтъ австрійскаго воинства, герой турецкихъ войнъ! Вражда кончена, мы можемъ подать другъ другу руку... императоръ Наполеонъ сгораетъ желаніемъ узнать князя Ауэрсперга». Однимъ словомъ, эти господа, не даромъ гасконцы, такъ забрасываютъ Ауэрсперга прекрасными словами, онъ такъ прельщенъ своею столь быстро установившеюся интимностью съ французскими маршалами, такъ ослѣпленъ видомъ мантіи и страусовыхъ перьевъ Мюрата, qu'il n'y voit que du feu,et oublie celui qu'il devait faire, faire sur l'ennemi [1]). (Несмотря на живость своей рѣчи, Билибинъ не забылъ пріостановиться послѣ этого mot, чтобы дать время оцѣнить его.) Французскій батальонъ вбѣгаетъ въ tête de pont, заколачиваетъ пушки, и мостъ взятъ. Нѣтъ, но что лучше всего,—продолжалъ онъ, успокоиваясь въ своемъ волненіи прелестью собственнаго разсказа,—это то, что сержантъ,

---

[1]) Что онъ видитъ только ихъ огонь и забываетъ о своемъ, о томъ, который онъ обязанъ былъ открыть противъ непріятеля.

приставленный къ той пушкѣ, по сигналу которой должно было зажигать мины и взрывать мостъ, сержантъ этотъ, увидавъ, что французскія войска бѣгутъ на мостъ, хотѣлъ уже стрѣлять, но Ланнъ отвелъ его руку. Сержантъ, который, видно, былъ умнѣе своего генерала, подходитъ къ Ауэрспергу и говоритъ: «Князь, васъ обманываютъ, вотъ французы!» Мюратъ видитъ, что дѣло проиграно, ежели дать говорить сержанту. Онъ съ притворнымъ удивленіемъ (настоящій гасконецъ) обращается къ Ауэрспергу: «Я не узнаю столь хваленую въ мірѣ австрійскую дисциплину, — говоритъ онъ,—и вы позволяете такъ говорить съ вами низшему чину!» C'est génial. Le prince d'Auersperg se pique d'honneur et fait mettre le sergent aux arrêts. Non, mais avouez que c'est charmant toute cette histoire du pont de Thabor. Ce n'est ni bêtise, ni lâcheté...[1])

— C'est trahison peut-être[2]),—сказалъ князь Андрей, живо воображая себѣ сѣрыя шинели, раны, пороховой дымъ, звуки пальбы и славу, которая ожидаетъ его.

— Non plus. Cela met la cour dans de trop mauvais draps,— продолжалъ Билибинъ. Ce n'est ni trahison, ni lâcheté, ni bêtise; c'est comme à Ulm...—Онъ какъ будто задумался, отыскивая выраженіе: — c'est... c'est du Mack. Nous sommes *mackés*[3]), — заключилъ онъ, чувствуя, что онъ сказалъ un mot, и свѣжее mot, такое mot, которое будетъ повторяться.

Собранныя до тѣхъ поръ складки на лбу быстро распустились въ знакъ удовольствія, и онъ, слегка улыбаясь, сталъ разсматривать свои ногти.

— Куда вы?—сказалъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю Андрею, который всталъ и направился въ свою комнату.

— Я ѣду.

— Куда?

— Въ армію.

— Да вы хотѣли остаться еще два дня?

— А теперь я ѣду сейчасъ.

И князь Андрей, сдѣлавъ распоряженіе объ отъѣздѣ, ушелъ въ свою комнату.

---

[1]) Это геніально. Князь Ауэрспергъ оскорбляется и приказываетъ арестовать сержанта. Нѣтъ, признайтесь, что это прелесть вся эта исторія съ мостомъ. Это не то что глупость, не то что подлость.

[2]) Быть-можетъ, измѣна.

[3]) Также нѣтъ. Это ставитъ дворъ въ самое нелѣпое положеніе; это ни измѣна, ни подлость, ни глупость, это — какъ при Ульмѣ, это... это *Маковщина*. Мы *обмаковались*.

— Знаете что, мой милый, — сказалъ Билибинъ, входя къ нему въ комнату.—Я подумалъ о васъ. Зачѣмъ вы поѣдете?

И въ доказательство неопровержимости этого довода складки всѣ сбѣжали съ лица.

Князь Андрей вопросительно посмотрѣлъ на своего собесѣдника и ничего не отвѣтилъ.

— Зачѣмъ вы поѣдете? Я знаю, вы думаете, что вашъ долгъ — скакать въ армію теперь, когда армія въ опасности. Я это понимаю, mon cher, c'est de l'héroïsme...

— Нисколько, — сказалъ князь Андрей.

— Но вы un philosophe; будьте же имъ вполнѣ, посмотрите на вещи съ другой стороны, и вы увидите, что вашъ долгъ, напротивъ, беречь себя. Предоставьте это другимъ, которые ни на что болѣе не годны... Вамъ не велѣно пріѣзжать назадъ, и отсюда васъ не отпустили; стало-быть, вы можете остаться и ѣхать съ нами, куда насъ повлечетъ наша несчастная судьба. Говорятъ, ѣдутъ въ Ольмюцъ. А Ольмюцъ очень милый городъ. И мы съ вами вмѣстѣ спокойно поѣдемъ въ моей коляскѣ.

— Перестаньте шутить, Билибинъ, — сказалъ Болконскій.

— Я говорю вамъ искренно и дружески. Разсудите. Куда и для чего вы поѣдете теперь, когда вы можете оставаться здѣсь? Васъ ожидаетъ одно изъ двухъ (онъ собралъ кожу надъ лѣвымъ вискомъ): или не доѣдете до арміи. и миръ будетъ заключенъ, или пораженіе и срамъ со всею кутузовскою арміей.

И Билибинъ распустилъ кожу, чувствуя, что дилемма его неопровержима.

— Этого я не могу разсудить, — холодно сказалъ князь Андрей, а подумалъ: «ѣду для того, чтобы спасти армію».

— Mon cher, vous êtes un héros, — сказалъ Билибинъ.

XIII.

Въ ту же ночь, откланявшись военному министру, Болконскій ѣхалъ въ армію, самъ не зная, гдѣ онъ найдетъ ее, и опасаясь по дорогѣ къ Кремсу быть перехваченнымъ французами.

Въ Брюннѣ все придворное населеніе укладывалось, и уже отправлялись тяжести въ Ольмюцъ. Около Эцельсдорфа князь Андрей выѣхалъ на дорогу, по которой съ величайшею поспѣшностью и въ величайшемъ безпорядкѣ двигалась русская армія. Дорога была такъ запружена повозками, что невозможно было ѣхать въ экипажѣ. Взявъ у казачьяго начальника лошадь и казака, князь Андрей, голодный и усталый, обгоняя обозы, ѣхалъ отыскивать главнокомандующаго и свою повозку. Самые зловѣ-

щіе слухи о положеніи арміи доходили до него дорогой, и видъ безпорядочно бѣгущей арміи подтверждалъ эти слухи.

«Cette armée russe que l'or de l'Angleterre a transportée, des extrémités de l'univers, nous allons lui faire éprouver le même sort (le sort de l'armée d'Ulm)»[1]), вспоминалъ онъ слова приказа Бонапарта своей арміи передъ началомъ кампаніи, и слова эти одинаково возбуждали въ немъ удивленіе къ геніальному герою, чувство оскорбленной гордости и надежду славы. «А ежели ничего не остается, кромѣ какъ умереть?» думалъ онъ. «Что же, коли нужно! Я сдѣлаю это не хуже другихъ».

Князь Андрей съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти безконечныя, мѣшавшіяся команды, повозки, парки, артиллерію, и опять повозки, повозки и повозки всѣхъ возможныхъ видовъ, обгонявшія одна другую и въ три, въ четыре ряда запружавшія грязную дорогу. Со всѣхъ сторонъ, назади и впереди, покуда хваталъ слухъ, слышались звуки колесъ, громыханіе кузововъ, телѣгъ и лафетовъ, лошадиный топотъ, удары кнутомъ, крики понуканій, ругательства солдатъ, денщиковъ и офицеровъ. По краямъ дороги видны были безпрестанно то павшія ободранныя и неободранныя лошади, то сломанныя повозки, у которыхъ, дожидаясь чего-то, сидѣли одинокіе солдаты, то отдѣлившіеся отъ командъ солдаты, которые толпами направлялись въ сосѣднія деревни или тащили изъ деревень куръ, барановъ, сѣно или мѣшки, чѣмъ-то наполненные. На спускахъ и подъемахъ толпы дѣлались гуще, и стоялъ непрерывный стонъ криковъ. Солдаты, утопая по колѣна въ грязи, на рукахъ подхватывали орудія и фуры; бились кнуты, скользили копыта, лопались постромки и надрывались криками груди. Офицеры, завѣдывавшіе движеніемъ, то впередъ, то назадъ проѣзжали между обозами. Голоса ихъ были слабо слышны посреди общаго гула, и по лицамъ ихъ видно было, что они отчаивались въ возможности остановить этотъ безпорядокъ.

«Voilà le cher православное воинство», подумалъ Болконскій, вспоминая слова Билибина.

Желая спросить у кого-нибудь изъ этихъ людей, гдѣ главнокомандующій, онъ подъѣхалъ къ обозу. Прямо противъ него ѣхалъ странный, въ одну лошадь, экипажъ, видимо устроенный домашними солдатскими средствами, представлявшій середину между телѣгой, кабріолетомъ и коляской. Въ экипажѣ правилъ солдатъ и сидѣла подъ кожанымъ верхомъ за фартукомъ жен-

---

[1]) Эта русская армія, которую англійское золото перенесло сюда съ конца свѣта, испытаетъ ту же участь (участь ульмской арміи).

щина, вся обвязанная платками. Князь Андрей подъѣхалъ и ужъ обратился съ вопросомъ къ солдату, когда его вниманіе обратили отчаянные крики женщины, сидѣвшей въ кибиточкѣ. Офицеръ, завѣдывавшій обозомъ, билъ солдата, сидѣвшаго кучеромъ въ этой колясочкѣ, за то, что онъ хотѣлъ объѣхать другихъ, и плеть попадала по фартуку экипажа. Женщина пронзительно кричала. Увидавъ князя Андрея, она высунулась изъ-подъ фартука и, махая худыми руками, выскочившими изъ-подъ ковроваго платка, кричала:

— Адъютантъ! Господинъ адъютантъ... Ради Бога... защитите...Что жъ это будетъ?..Я лѣкарская жена 7-го егерскаго... не пускаютъ; мы отстали, своихъ потеряли...

— Въ лепешку расшибу, заворачивай! — кричалъ озлобленный офицеръ на солдата,—заворачивай назадъ со шлюхой своей.

— Господинъ адъютантъ, защитите. Что жъ это? — кричала лѣкарша.

— Извольте пропустить эту повозку. Развѣ вы не видите, что это женщина? — сказалъ князь Андрей, подъѣзжая къ офицеру.

Офицеръ взглянулъ на него и, не отвѣчая, поворотился опять къ солдату: «Я те объѣду... Назадъ!..»

— Пропустите, я вамъ говорю, — опять повторилъ, поджимая губы, князь Андрей.

— А ты кто такой? — вдругъ съ пьянымъ бѣшенствомъ обратился къ нему офицеръ. — Ты кто такой? Ты (онъ особенно упиралъ на *ты*) начальникъ, что ль? Здѣсь я начальникъ, а не ты. Ты, назадъ,—повторилъ онъ,—въ лепешку расшибу.

Это выраженіе, видимо, понравилось офицеру.

— Важно отбрилъ адъютантика, — послышался голосъ сзади.

Князь Андрей видѣлъ, что офицеръ находился въ томъ пьяномъ припадкѣ безпричиннаго бѣшенства, въ которомъ люди не помнятъ, что говорятъ. Онъ видѣлъ, что его заступничество за лѣкарскую жену въ кибиточкѣ исполнено того, чего онъ боялся больше всего въ мірѣ, того, что называется ridicule; но инстинктъ его говорилъ другое. Не успѣлъ офицеръ договорить послѣднихъ словъ, какъ князь Андрей съ изуродованнымъ отъ бѣшенства лицомъ подъѣхалъ къ нему и поднялъ нагайку.

— Из-воль-те про-пу-стить!

Офицеръ махнулъ рукой и торопливо отъѣхалъ прочь.

— Все отъ этихъ, отъ штабныхъ, безпорядокъ весь,—проворчалъ онъ. — Дѣлайте жъ, какъ знаете.

Князь Андрей торопливо, не поднимая глазъ, отъѣхалъ отъ лѣкарской жены, называвшей его спасителемъ, и, съ отвраще-

ніемъ вспоминая мельчайшія подробности этой унизительной сцены, поскакалъ дальше къ той деревнѣ, гдѣ, какъ ему сказали, находился главнокомандующій.

Въѣхавъ въ деревню, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ къ первому дому съ намѣреніемъ отдохнуть хоть на минуту, съѣсть что-нибудь и привесть въ ясность всѣ эти оскорбительныя, мучившія его мысли. «Это толпа мерзавцевъ, а не войско», думалъ онъ, подходя къ окну перваго дома, когда знакомый ему голосъ назвалъ его по имени.

Онъ оглянулся. Изъ маленькаго окна высовывалось красивое лицо Несвицкаго. Несвицкій, пережевывая что-то сочнымъ ртомъ и махая руками, звалъ его къ себѣ.

— Болконскій, Болконскій, не слышишь, что ли? Иди скорѣе,—кричалъ онъ.

Войдя въ домъ, князь Андрей увидалъ Несвицкаго и еще другого адъютанта, закусывавшихъ что-то. Они поспѣшно обратились къ Болконскому съ вопросомъ: «Не знаетъ ли онъ чего новаго?» На ихъ столь знакомыхъ ему лицахъ князь Андрей прочелъ выраженіе тревоги и безпокойства. Выраженіе это особенно замѣтно было на всегда смѣющемся лицѣ Несвицкаго.

— Гдѣ главнокомандующій? — спросилъ Болконскій.

— Здѣсь, въ томъ домѣ, — отвѣчалъ адъютантъ.

— Ну, что жъ, правда, что миръ и капитуляція?—спрашивалъ Несвицкій.

— Я у васъ спрашиваю. Я ничего не знаю, кромѣ того, что я насилу добрался до васъ.

— А у насъ, братъ, что! Ужасъ! Винюсь, братъ: надъ Макомъ смѣялись, а самимъ хуже приходится, — сказалъ Несвицкій. — Да садись же, поѣшь чего-нибудь.

— Теперь, князь, ни повозокъ, ничего не найдете, вашъ Петръ Богъ его знаетъ гдѣ, — сказалъ другой адъютантъ.

— Гдѣ жъ главная квартира?

— Въ Цнаймѣ ночуемъ.

— А я такъ перевьючилъ себѣ все, что мнѣ нужно, на двухъ лошадей, — сказалъ Несвицкій, — и вьюки отличные мнѣ сдѣлали. Хоть черезъ Богемскія горы удирать. Плохо, братъ. Да что ты, вѣрно нездоровъ, что такъ вздрагиваешь? — спросилъ Несвицкій, замѣтивъ, какъ князя Андрея дернуло, будто отъ прикосновенія къ лейденской банкѣ.

— Ничего, — отвѣчалъ князь Андрей.

Онъ вспомнилъ въ эту минуту о недавнемъ столкновеніи съ лѣкарской женой и фурштатскимъ офицеромъ.

— Что главнокомандующій здѣсь дѣлаетъ? — спросилъ онъ.

— Ничего не понимаю, — сказалъ Несвицкій.

— Я одно понимаю, что все мерзко, мерзко и мерзко,— сказалъ князь Андрей и пошелъ въ домъ, гдѣ стоялъ главнокомандующій.

Пройдя мимо экипажа Кутузова, верховыхъ замученныхъ лошадей свиты и казаковъ, громко говорившихъ между собой, князь Андрей вошелъ въ сѣни. Самъ Кутузовъ, какъ сказали князю Андрею, находился въ избѣ съ княземъ Багратіономъ и Вейротеромъ. Вейротеръ былъ австрійскій генералъ, замѣнившій убитаго Шмита. Въ сѣняхъ маленькій Козловскій сидѣлъ на корточкахъ передъ писаремъ. Писарь на перевернутой кадушкѣ, заворотивъ обшлага мундира, поспѣшно писалъ. Лицо Козловскаго было измученное — онъ, видно, тоже не спалъ ночь. Онъ взглянулъ на князя Андрея и даже не кивнулъ ему головой.

— Вторая линія... Написалъ? — продолжалъ онъ, диктуя писарю: — Кіевскій гренадерскій, Подольскій...

— Не поспѣешь, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ писарь непочтительно и сердито, оглядываясь на Козловскаго.

Изъ-за двери слышенъ былъ въ это время оживленно-недовольный голосъ Кутузова, перебиваемый другимъ, незнакомымъ голосомъ. По звуку этихъ голосовъ, по невниманію, съ которымъ взглянулъ на него Козловскій, по непочтительности измученнаго писаря, по тому, что писарь и Козловскій сидѣли такъ близко отъ главнокомандующаго на полу около кадушки, и по тому, что казаки, державшіе лошадей, смѣялись громко подъ окномъ дома, — по всему этому князь Андрей чувствовалъ, что должно было случиться что-нибудь важное и несчастливое.

Князь Андрей настоятельно обратился къ Козловскому съ вопросами.

— Сейчасъ, князь, — сказалъ Козловскій. — Диспозиція Багратіону.

— А капитуляція?

— Никакой нѣтъ; сдѣланы распоряженія къ сраженію.

Князь Андрей направился къ двери, изъ-за которой слышны были голоса. Но въ то время, какъ онъ хотѣлъ отворить дверь, голоса въ комнатѣ замолкли, дверь сама отворилась, и Кутузовъ, съ своимъ орлинымъ носомъ на пухломъ лицѣ, показался на порогѣ. Князь Андрей стоялъ прямо противъ Кутузова; но по выраженію единственнаго зрячаго глаза главнокомандующаго видно было, что мысль и забота такъ сильно занимали его, что какъ будто застилали ему зрѣніе. Онъ прямо смотрѣлъ на лицо своего адъютанта и не узналъ его.

— Ну, что, кончилъ?—обратился онъ къ Козловскому.

— Сію секунду, ваше высокопревосходительство.

Багратіонъ, невысокій, съ восточнымъ типомъ твердаго и неподвижнаго лица, сухой, еще не старый человѣкъ, вышелъ за главнокомандующимъ.

— Честь имѣю явиться, — повторилъ довольно громко князь Андрей, подавая конвертъ.

— А, изъ Вѣны? Хорошо. Послѣ, послѣ!

Кутузовъ вышелъ съ Багратіономъ на крыльцо.

— Ну, князь, прощай,—сказалъ онъ Багратіону.—Христосъ съ тобой. Благословляю тебя на великій подвигъ.

Лицо Кутузова неожиданно смягчилось, и слезы показались въ его глазахъ. Онъ притянулъ къ себѣ лѣвою рукой Багратіона, а правой, на которой было кольцо, видимо привычнымъ жестомъ перекрестилъ его и подставилъ ему пухлую щеку, вмѣсто которой Багратіонъ поцѣловалъ его въ шею.

— Христосъ съ тобой!—повторилъ Кутузовъ и подошелъ къ коляскѣ.—Садись со мной, — сказалъ онъ Болконскому.

— Ваше высокопревосходительство, я желалъ бы быть полезенъ здѣсь. Позвольте мнѣ остаться въ отрядѣ князя Багратіона.

— Садись, — сказалъ Кутузовъ и, замѣтивъ, что Болконскій медлитъ: — мнѣ хорошіе офицеры самому нужны, самому нужны.

Они сѣли въ коляску и молча проѣхали нѣсколько минутъ.

— Еще впереди много, много всего будетъ,—сказалъ онъ со старческимъ выраженіемъ проницательности, какъ будто понявъ все, что дѣлалось въ душѣ Болконскаго. — Ежели изъ отряда его придетъ завтра одна десятая часть, я буду Бога благодарить, — прибавилъ Кутузовъ, какъ бы говоря самъ съ собой.

Князь Андрей взглянулъ на Кутузова, и ему невольно бросились въ глаза, въ полуаршинѣ отъ него, чисто промытыя сборки шрама на вискѣ Кутузова, гдѣ измаильская пуля пронизала ему голову, и его вытекшій глазъ. «Да, онъ имѣетъ право такъ спокойно говорить о погибели этихъ людей!» подумалъ Болконскій.

— Отъ этого я и прошу отправить меня въ этотъ отрядъ, — сказалъ онъ.

Кутузовъ не отвѣтилъ. Онъ, казалось, уже забылъ о томъ, что было сказано имъ, и сидѣлъ задумавшись. Черезъ пять минутъ, плавно раскачиваясь на мягкихъ рессорахъ коляски, Кутузовъ обратился къ князю Андрею. На лицѣ его не было и слѣда волненія. Онъ съ тонкой насмѣшливостью разспрашивалъ князя Андрея о подробностяхъ его свиданія съ императоромъ, объ отзывахъ, слышанныхъ при дворѣ о Кремскомъ дѣлѣ, и о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ женщинахъ.

XIV.

Кутузовъ черезъ своего лазутчика получилъ 1 ноября извѣстіе, ставившее командуемую имъ армію почти въ безвыходное положеніе. Лазутчикъ доносилъ, что французы въ огромныхъ силахъ, перейдя вѣнскій мостъ, направились на путь сообщенія Кутузова съ войсками, шедшими изъ Россіи. Ежели бы Кутузовъ рѣшился оставаться въ Кремсѣ, то полуторастатысячная армія Наполеона отрѣзала бы его отъ всѣхъ сообщеній, окружила бы его сорокатысячную изнуренную армію и онъ находился бы въ положеніи Мака подъ Ульмомъ. Ежели бы Кутузовъ рѣшился оставить дорогу, ведшую на сообщенія съ войсками изъ Россіи, то онъ долженъ былъ вступить безъ дороги въ неизвѣстные края Богемскихъ горъ, защищаясь отъ превосходнаго силами непріятеля, и оставить всякую надежду на сообщеніе съ Буксгевденомъ. Ежели бы Кутузовъ рѣшился отступать по дорогѣ изъ Кремса въ Ольмюцъ на соединеніе съ войсками изъ Россіи, то онъ рисковалъ быть предупрежденнымъ на этой дорогѣ французами, перешедшими мостъ въ Вѣнѣ, и такимъ образомъ быть принужденнымъ принять сраженіе на походѣ, со всѣми тяжестями и обозами, и имѣя дѣло съ непріятелемъ, втрое превосходившимъ его и окружавшимъ его съ двухъ сторонъ.

Кутузовъ избралъ этотъ послѣдній выходъ.

Французы, какъ доносилъ лазутчикъ, перейдя мостъ въ Вѣнѣ, усиленнымъ маршемъ шли на Цнаймъ, лежавшій на пути отступленія Кутузова, впереди его болѣе чѣмъ на сто верстъ. Достигнуть Цнайма прежде французовъ—значило получить большую надежду на спасеніе арміи; дать французамъ предупредить себя въ Цнаймѣ — значило навѣрное подвергнуть всю армію позору, подобно ульмскому, или общей гибели. Но предупредить французовъ со всею арміей было невозможно. Дорога французовъ отъ Вѣны до Цнайма была короче и лучше, чѣмъ дорога русскихъ отъ Кремса до Цнайма.

Въ ночь полученія извѣстія Кутузовъ послалъ четырехтысячный авангардъ Багратіона направо горами съ кремско-цнаймской дороги на вѣнско-цнаймскую. Багратіонъ долженъ былъ пройти безъ отдыха этотъ переходъ, остановиться лицомъ къ Вѣнѣ и задомъ къ Цнайму, и ежели бы ему удалось предупредить французовъ, то онъ долженъ былъ задерживать ихъ, сколько могъ. Самъ же Кутузовъ со всѣми тяжестями тронулся къ Цнайму.

Пройдя съ голодными, разутыми солдатами, безъ дороги, по горамъ, въ бурную ночь сорокъ пять верстъ, растерявъ третью

часть отсталыми, Багратіонъ вышелъ въ Голлабрунъ на вѣнско-цнаймскую дорогу нѣсколькими часами прежде французовъ, подходившихъ къ Голлабруну изъ Вѣны. Кутузову надо было идти еще цѣлыя сутки съ своими обозами, чтобы достигнуть Цнайма, и потому, чтобы спасти армію, Багратіонъ долженъ былъ съ четырьмя тысячами голодныхъ, измученныхъ солдатъ удерживать въ продолженіе сутокъ всю непріятельскую армію, встрѣтившуюся съ нимъ въ Голлабрунѣ, что было, очевидно, невозможно. Но странная судьба сдѣлала невозможное возможнымъ. Успѣхъ того обмана, который безъ боя отдалъ вѣнскій мостъ въ руки французовъ, побудилъ Мюрата попытаться обмануть такъ же и Кутузова. Мюратъ, встрѣтивъ слабый отрядъ Багратіона на цнаймской дорогѣ, подумалъ, что это была вся армія Кутузова. Чтобы несомнѣнно раздавить эту армію, онъ поджидалъ отставшія по дорогѣ изъ Вѣны войска, и съ этою цѣлью предложилъ перемиріе на три дня, съ условіемъ, чтобы тѣ и другія войска не измѣняли своихъ положеній и не трогались съ мѣста. Мюратъ увѣрялъ, что уже идутъ переговоры о мирѣ и что потому, избѣгая безполезнаго пролитія крови, онъ предлагаетъ перемиріе. Австрійскій генералъ графъ Ностицъ, стоявшій на аванпостахъ, повѣрилъ словамъ парламентера Мюрата и отступилъ, открывъ отрядъ Багратіона. Другой парламентеръ поѣхалъ въ русскую цѣпь объявить то же извѣстіе о мирныхъ переговорахъ и предложить перемиріе русскимъ войскамъ на три дня. Багратіонъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ принимать или не принимать перемирія, и съ донесеніемъ о сдѣланномъ ему предложеніи послалъ къ Кутузову своего адъютанта.

Перемиріе для Кутузова было единственнымъ средствомъ выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багратіона и пропустить обозы и тяжести (движеніе которыхъ было скрыто отъ французовъ) хотя одинъ лишній переходъ до Цнайма. Предложеніе перемирія давало единственную и неожиданную возможность спасти армію. Получивъ это извѣстіе, Кутузовъ немедленно послалъ состоявшаго при немъ генералъ-адъютанта Винценгероде въ непріятельскій лагерь. Винценгероде долженъ былъ не только принять перемиріе, но и предложить условія капитуляціи, а между тѣмъ Кутузовъ послалъ своихъ адъютантовъ назадъ торопить сколь возможно движеніе обозовъ всей арміи по кремско-цнаймской дорогѣ. Измученный, голодный отрядъ Багратіона одинъ долженъ былъ, прикрывая собой это движеніе обозовъ и всей арміи, неподвижно оставаться передъ непріятелемъ въ восемь разъ сильнѣйшимъ.

Ожиданія Кутузова сбылись какъ относительно того, что предложенія капитуляціи, ни къ чему не обязывающія, могли дать время пройти нѣкоторой части обозовъ, такъ и относительно того, что ошибка Мюрата должна была открыться очень скоро. Какъ только Бонапарте, находившійся въ Шенбруннѣ, въ 25 верстахъ отъ Голлабруна, получилъ донесеніе Мюрата и проектъ перемирія и капитуляціи, онъ увидѣлъ обманъ и написалъ слѣдующее письмо къ Мюрату:

Au prince Murat. Schoenbrunn, 25 brumaire
en 1805 à huit heures du matin.

Il m'est impossible de trouver des termes pour vous exprimer mon mécontentement. Vous ne commandez que mon avant-garde et vous n'avez pas le droit de faire d'armistice sans mon ordre. Vous me faites perdre le fruit d'une campagne. Rompez l'armistice sur le champ et marchez à l'ennemi. Vous lui ferez déclarer que le général qui a signé cette capitulation, n'avait pas le droit de le faire, qu'il n'y a que l'Empereur de Russie qui ait ce droit.

Toutes les fois cependant que l'Empereur de Russie ratifierait la dite convention, je la ratifierai; mais ce n'est qu'une ruse. Marchez, detruisez l'armée russe... vous êtes en position de prendre son bagage et son artillerie.

L'aide de camp de l'Empereur de Russie est un... Les officiers ne sont rien quand ils n'ont pas de pouvoirs: celui-ci n'en avait point... Les Autrichiens se sont laissé jouer pour le passage du pont de Vienne, vous vous laissez jouer par un aide de camp de l'Empereur [1]).

Napoléon.

---

[1]) Принцу Мюрату. Шенбруннъ, 25 брюмера 1805 г.
8 часовъ утра.
Я не могу найти словъ выразить вамъ мое неудовольствіе. Вы командуете только моимъ авангардомъ и не имѣете права дѣлать перемиріе безъ моего приказанія. Вы заставляете меня потерять плоды кампаніи. Немедленно разрушьте перемиріе и идите противъ непріятеля. Вы объявите ему, что генералъ, подписавшій эту капитуляцію, не имѣлъ на это права, и никто не имѣетъ, исключая лишь россійскаго императора.
Впрочемъ, если россійскій императоръ согласится на упомянутое условіе, я тоже соглашусь; но это не что иное, какъ хитрость. Идите, уничтожьте русскую армію... вамъ удобно взять ея обозы и ея артиллерію.
Генералъ-адъютантъ россійскаго императора есть... Офицеры ничего не значатъ, когда не имѣютъ власти; онъ также не имѣетъ ея... Австрійцы дали себя обойти при переходѣ вѣнскаго моста, вы же даете себя обойти адъютанту императора.
Наполеонъ.

Адъютантъ Бонапарте во всю прыть лошади скакалъ съ этимъ грознымъ письмомъ къ Мюрату. Самъ Бонапарте, не довѣряя своимъ генераламъ, со всею гвардіей двигался къ полю сраженія, боясь упустить готовую жертву, а 4000-ый отрядъ Багратіона, весело раскладывая костры, сушился, обогрѣвался, варилъ въ первый разъ послѣ трехъ дней кашу, и никто изъ людей отряда не зналъ и не думалъ о томъ, что предстояло ему.

XV.

Въ четвертомъ часу вечера князь Андрей, настоявъ на своей просьбѣ у Кутузова, пріѣхалъ въ Грунтъ и явился къ Багратіону. Адъютантъ Бонапарте еще не пріѣхалъ въ отрядъ Мюрата, и сраженіе еще не начиналось. Въ отрядѣ Багратіона ничего не знали объ общемъ ходѣ дѣлъ, говорили о мирѣ, но не вѣрили въ его возможность. Говорили о сраженіи и тоже не вѣрили и въ близость сраженія. Багратіонъ, зная Болконскаго за любимаго и довѣреннаго адъютанта, принялъ его съ особеннымъ начальническимъ отличіемъ и снисхожденіемъ, объяснилъ ему, что, вѣроятно, нынче или завтра будетъ сраженіе, и предоставилъ ему полную свободу находиться при немъ во время сраженія или въ арьергардѣ наблюдать за порядкомъ отступленія, «что тоже было очень важно».

— Впрочемъ, нынче, вѣроятно, дѣла не будетъ, — сказалъ Багратіонъ, какъ бы успокоивая князя Андрея.

«Ежели это одинъ изъ обыкновенныхъ штабныхъ франтиковъ, посылаемыхъ для полученія крестика, то онъ и въ арьергардѣ получитъ награду, а ежели хочетъ со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицеръ», подумалъ Багратіонъ. Князь Андрей, ничего не отвѣтивъ, попросилъ позволенія князя объѣхать позицію и узнать расположеніе войскъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ порученія знать, куда ѣхать. Дежурный офицеръ отряда, мужчина красивый, щеголевато одѣтый и съ алмазнымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, дурно, но охотно говорившій по-французски, вызвался проводить князя Андрея.

Со всѣхъ сторонъ виднѣлись мокрые, съ грустными лицами офицеры, чего-то какъ будто искавшіе, и солдаты, тащившіе изъ деревни двери, лавки и заборы.

— Вотъ не можемъ, князь, избавиться отъ этого народа, — сказалъ штабъ-офицеръ, указывая на этихъ людей. — Распускаютъ командиры. А вотъ здѣсь, — онъ указалъ на раскинутую палатку маркитанта, — собьются и сидятъ. Нынче утромъ всѣхъ

выгналъ; посмотрите, опять полна. Надо подъѣхать, князь, пугнуть ихъ. Одна минута.

— Заѣдемте, и я возьму у него сыру и булку, — сказалъ князь Андрей, который не успѣлъ еще поѣсть.

— Что жъ вы не сказали, князь? Я бы предложилъ своего хлѣба-соли.

Они сошли съ лошадей и вошли подъ палатку маркитанта. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ съ раскраснѣвшимися и истомленными лицами сидѣли за столами, пили и ѣли.

— Ну, что жъ это, господа! — сказалъ штабъ-офицеръ тономъ упрека, какъ человѣкъ, уже нѣсколько разъ повторявшій одно и то же. — Вѣдь нельзя же отлучаться такъ. Князь приказалъ, чтобы никого не было. Ну, вотъ вы, г. штабсъ-капитанъ,—обратился онъ къ маленькому, грязному, худому артиллерійскому офицеру, который безъ сапогъ (онъ отдалъ ихъ сушить маркитанту), въ однихъ чулкахъ, всталъ передъ вошедшими, улыбаясь не совсѣмъ естественно.

— Ну, какъ вамъ, капитанъ Тушинъ, не стыдно ?— продолжалъ штабъ-офицеръ: — вамъ бы, кажется, какъ артиллеристу, надо примѣръ показывать, а вы безъ сапогъ. Забьютъ тревогу, а вы безъ сапогъ очень хороши будете. (Штабъ-офицеръ улыбнулся.) Извольте отправляться къ своимъ мѣстамъ, господа, всѣ, всѣ, — прибавилъ онъ начальнически.

Князь Андрей невольно улыбнулся, взглянувъ на штабсъ-капитана Тушина. Молча и улыбаясь, Тушинъ, переступая съ босой ноги на ногу, вопросительно глядѣлъ большими, умными и добрыми глазами то на князя Андрея, то на штабъ-офицера.

— Солдаты говорятъ: разумшись ловчѣе, — сказалъ капитанъ Тушинъ, улыбаясь и робѣя, видимо желая изъ своего неловкаго положенія перейти въ шутливый тонъ.

Но еще онъ не договорилъ, какъ почувствовалъ, что шутка его не принята и не вышла. Онъ смутился.

— Извольте отправляться, — сказалъ штабъ-офицеръ, стараясь удержать серьезность.

Князь Андрей еще разъ взглянулъ на фигурку артиллериста. Въ ней было что-то особенное, совершенно не военное, нѣсколько комическое, но чрезвычайно привлекательное.

Штабъ-офицеръ и князь Андрей сѣли на лошадей и поѣхали дальше.

Выѣхавъ за деревню, безпрестанно обгоняя и встрѣчая идущихъ солдатъ, офицеровъ разныхъ командъ, они увидѣли налѣво краснѣющія свѣжею, вновь вскопанною глиною строящіяся укрѣпленія. Нѣсколько батальоновъ солдатъ въ однѣхъ рубахахъ,

несмотрл на холодный вѣтеръ, какъ бѣлые муравьи, копошились на этихъ укрѣпленіяхъ; изъ-за вала невидимо кѣмъ безпрестанно выкидывались лопаты красной глины. Они подъѣхали къ укрѣпленію, осмотрѣли его и поѣхали дальше. За самымъ укрѣпленіемъ наткнулись они на нѣсколько десятковъ солдатъ, безпрестанно перемѣняющихся, сбѣгающихъ съ укрѣпленія. Они должны были зажать носъ и тронуть лошадей рысью, чтобы выѣхать изъ отравленной атмосферы.

— Voilà l'agrément des camps, monsieur le prince, — сказалъ дежурный штабъ-офицеръ.

Они выѣхали на противоположную гору. Съ этой горы уже видны были французы. Князь Андрей остановился и началъ разсматривать.

— Вотъ тутъ наша батарея стоитъ,—сказалъ штабъ-офицеръ, указывая на самый высокій пунктъ, — того самаго чудака, что безъ сапогъ сидѣлъ; оттуда все видно: поѣдемте, князь.

— Покорно благодарю, я теперь одинъ проѣду, — сказалъ князь Андрей, желая избавиться отъ штабъ-офицера, — не безпокойтесь, пожалуйста.

Штабъ-офицеръ отсталъ, и князь Андрей поѣхалъ одинъ.

Чѣмъ далѣе подвигался онъ впередъ, ближе къ непріятелю, тѣмъ порядочнѣе и веселѣе становился видъ войскъ. Самый сильный безпорядокъ и уныніе были въ томъ обозѣ передъ Цнаймомъ, который объѣзжалъ утромъ князь Андрей и который былъ въ десяти верстахъ отъ французовъ. Въ Грунтѣ тоже чувствовалась нѣкоторая тревога и страхъ чего-то. Но чѣмъ ближе подъѣзжалъ князь Андрей къ цѣпи французовъ, тѣмъ самоувѣреннѣе становился видъ нашихъ войскъ. Выстроенные въ рядъ, стояли въ шинеляхъ солдаты, и фельдфебель и ротный разсчитывали людей, тыкая пальцемъ въ грудь крайнему по отдѣленію солдату и приказывая ему поднимать руку; разсыпанные по всему пространству солдаты тащили дрова и хворостъ и строили балаганчики, весело смѣясь и переговариваясь; у костровъ сидѣли одѣтые и голые, суша рубахи, подвертки или починивая сапоги и шинели, и толпились около котловъ и кашеваровъ. Въ одной ротѣ обѣдъ былъ готовъ, и солдаты съ жадными лицами смотрѣли на дымившіеся котлы и ждали пробы, которую въ деревянной чашкѣ подносилъ каптенармусъ офицеру, сидѣвшему на бревнѣ противъ своего балагана.

Въ другой, болѣе счастливой ротѣ, такъ какъ не у всѣхъ была водка, солдаты, толпясь, стояли около рябого широкоплечаго фельдфебеля, который нагибая боченокъ, лилъ въ подставляемыя поочередно крышки маперокъ. Солдаты съ набож-

ными лицами подносили ко рту манерки, опрокидывали ихъ и, полоща ротъ и утираясь рукавами шинелей, съ повеселѣвшими лицами отходили отъ фельдфебеля. Всѣ лица были такія спокойныя, какъ будто все происходило не въ виду непріятеля, передъ дѣломъ, гдѣ должна была остаться на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, половина отряда, а какъ будто гдѣ-нибудь на родинѣ въ ожиданіи спокойной стоянки. Проѣхавъ егерскій полкъ, въ рядахъ кіевскихъ гренадеръ, молоддеватыхъ людей, занятыхъ тѣми же мирными дѣлами, князь Андрей недалеко отъ высокаго, отличавшагося отъ другихъ балагана полкового командира наѣхалъ на фронтъ взвода гренадеръ, передъ которыми лежалъ обнаженный человѣкъ. Двое солдатъ держали его, а двое взмахивали гибкіе прутья и мѣрно ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый неестественно кричалъ. Толстый майоръ ходилъ передъ фронтомъ и, не переставая и не обращая вниманія на крикъ, говорилъ:

— Солдату позорно красть, солдатъ долженъ быть честенъ, благороденъ и храбръ; а коли у своего брата укралъ, такъ въ немъ чести нѣтъ; это мерзавецъ. Еще, еще!

И все слышались гибкіе удары и отчаянный, но притворный крикъ.

— Еще, еще, — приговаривалъ майоръ.

Молодой офицеръ, съ выраженіемъ недоумѣнія и страданія въ лицѣ, отошелъ отъ наказываемаго, оглядываясь вопросительно на проѣзжавшаго адъютанта.

Князь Андрей, выѣхавъ въ переднюю линію, поѣхалъ по фронту. Цѣпь наша и непріятельская стояли на лѣвомъ и на правомъ флангѣ далеко другъ отъ друга, но въ серединѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ проѣзжали парламентеры, цѣпи сошлись такъ близко, что могли видѣть лица другъ друга и переговариваться между собой. Кромѣ солдатъ, занимавшихъ цѣпь въ этомъ мѣстѣ, съ той и съ другой стороны стояло много любопытныхъ, которые, посмѣиваясь, разглядывали странныхъ и чуждыхъ для нихъ непріятелей.

Съ ранняго утра, несмотря на запрещеніе подходить къ цѣпи, начальники не могли отбиться отъ любопытныхъ. Солдаты, стоявшіе въ цѣпи, какъ люди, показывающіе что-нибудь рѣдкое, ужъ не смотрѣли на французовъ, а дѣлали свои наблюденія надъ приходящими и, скучая, дожидались смѣны. Князь Андрей остановился разсматривать французовъ.

— Глянь-ка, глянь, — говорилъ одинъ солдатъ товарищу, указывая на русскаго мушкатера-солдата, который съ офицеромъ подошелъ къ цѣпи и что-то часто и горячо говорилъ съ

французскимъ гренадеромъ. — Вишь, лопочетъ какъ ловко! Ажъ хранцузъ-то за нимъ не поспѣваетъ. Ну-ка ты, Сидоровъ!

— Погоди, послушай. Ишь ловко! — отвѣчалъ Сидоровъ, считавшійся мастеромъ говорить по-французски.

Солдатъ, на котораго указывали смѣявшіеся, былъ Долоховъ. Князь Андрей узналъ его и прислушался къ его разговору. Долоховъ, вмѣстѣ съ своимъ ротнымъ, пришелъ въ цѣпь съ лѣваго фланга, на которомъ стоялъ ихъ полкъ.

— Ну, еще, еще, — подстрекалъ ротный командиръ, нагибаясь впередъ и стараясь не проронить ни одного непонятнаго для него слова. — Пожалуйста, почаще. Что онъ?

Долоховъ не отвѣчалъ ротному; онъ былъ вовлеченъ въ горячій споръ съ французскимъ гренадеромъ. Они говорили, какъ и должно было быть, о кампаніи. Французъ доказывалъ, смѣшивая австрійцевъ съ русскими, что русскіе сдались и бѣжали отъ самаго Ульма; Долоховъ доказывалъ, что русскіе не сдавались, а били французовъ.

— Здѣсь велятъ прогнать васъ и прогонимъ, — говорилъ Долоховъ.

— Только старайтесь, чтобы васъ не забрали со всѣми вашими казаками, — сказалъ гренадеръ-французъ.

Зрители и слушатели-французы засмѣялись.

— Васъ заставятъ плясать, какъ при Суворовѣ вы плясали (on vous fera danser), — сказалъ Долоховъ.

— Qu'est-ce qu'il chante? [1]) — сказалъ одинъ французъ.

— De l'histoire ancienne, — сказалъ другой, догадавшись, что дѣло шло о прежнихъ войнахъ. — L'Empereur va lui faire voir à votre Souvara, comme aux autres [2])...

— Бонапарте... — началъ было Долоховъ, но французъ перебилъ его.

— Нѣтъ Бонапарте. Есть императоръ Sacré nom... — сердито крикнулъ онъ.

— Чортъ его дери вашего императора!

И Долоховъ по-русски, грубо, по-солдатски обругался и, вскинувъ ружье, отошелъ прочь.

— Пойдемте, Иванъ Лукичъ, — сказалъ онъ ротному.

— Вотъ такъ по-хранцузски, — заговорили солдаты въ цѣпи. — Ну-ка ты, Сидоровъ!

Сидоровъ подмигнулъ и, обращаясь къ французамъ, началъ часто, часто лопотать непонятныя слова:

---

[1]) Что онъ тамъ поетъ?

[2]) Древняя исторія. Императоръ покажетъ вашему Сувара, какъ и другимъ.

— Кари, мала, тафа, сафи, мутеръ, каскà, — лопоталъ онъ, стараясь придавать выразительныя интонаціи своему голосу.

— Го, го, го! ха, ха, ха, ха! Ухъ! Ухъ! — раздался между солдатами грохотъ такого здороваго и веселаго хохота, невольно черезъ цѣпь сообщившагося и французамъ, что послѣ этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорѣе всѣмъ по домамъ.

Но ружья остались заряжены, бойницы въ домахъ и укрѣпленіяхъ такъ же грозно смотрѣли впередъ и такъ же, какъ прежде, остались другъ противъ друга обращенныя, снятыя съ передковъ пушки.

XVI.

Объѣхавъ всю линію войскъ отъ праваго до лѣваго фланга, князь Андрей поднялся на ту батарею, съ которой, по словамъ штабъ-офицера, все поле было видно. Здѣсь онъ слѣзъ съ лошади и остановился у крайняго изъ четырехъ снятыхъ съ передковъ орудій. Впереди орудій ходилъ часовой-артиллеристъ, вытянувшійся было передъ офицеромъ, но по сдѣланному ему знаку возобновившій свое равномѣрное, скучливое хожденіе. Сзади орудій стояли передки, еще сзади коновязь и костры артиллеристовъ. Налѣво, недалеко отъ крайняго орудія, былъ новый плетеный шалашикъ, изъ котораго слышались оживленные офицерскіе голоса.

Дѣйствительно, съ батареи открывался видъ почти всего расположенія русскихъ войскъ и большей части непріятеля. Прямо противъ батареи, на горизонтѣ противоположнаго бугра, виднѣлась деревня Шенграбенъ; лѣвѣе и правѣе можно было различить въ трехъ мѣстахъ, среди дыма и костровъ, массы французскихъ войскъ, которыхъ, очевидно, большая часть находилась въ самой деревнѣ и за горою. Лѣвѣе деревни, въ дыму, казалось что-то похожее на батарею, но простымъ глазомъ нельзя было разсмотрѣть хорошенько. Правый флангъ нашъ располагался на довольно крутомъ возвышеніи, которое господствовало надъ позиціей французовъ. По немъ расположена была наша пѣхота, и на самомъ краю видны были драгуны. Въ центрѣ, гдѣ и находилась та батарея Тушина, съ которой разсматривалъ позицію князь Андрей, былъ самый отлогій и прямой спускъ и подъемъ къ ручью, отдѣлявшему насъ отъ Шенграбена. Налѣво войска наши примыкали къ лѣсу, гдѣ дымились костры нашей, рубившей дрова, пѣхоты. Линія французовъ была шире нашей, и ясно было, что французы легко могли обойти насъ съ обѣихъ сторонъ. Сзади нашей позиціи былъ

крутой и глубокій оврагъ, по которому трудно было отступать артиллеріи и конницѣ. Князь Андрей, облокотясь на пушку и доставъ бумажникъ, начертилъ для себя планъ расположенія войскъ. Въ двухъ мѣстахъ онъ карандашомъ поставилъ замѣтки, намѣреваясь сообщить ихъ Багратіону. Онъ предполагалъ, во-первыхъ, сосредоточить всю артиллерію въ центрѣ и, во-вторыхъ, кавалерію перевести назадъ, на ту сторону оврага. Князь Андрей, постоянно находясь при главнокомандующемъ, слѣдя за движеніемъ массъ и общими распоряженіями и постоянно занимаясь историческими описаніями сраженій, и въ этомъ предстоящемъ дѣлѣ невольно соображалъ будущій ходъ военныхъ дѣйствій только въ общихъ чертахъ. Ему представлялись лишь слѣдующаго рода крупныя случайности: «Ежели непріятель поведетъ атаку на правый флангъ», говорилъ онъ самъ себѣ, «Кіевскій гренадерскій и Подольскій егерскій должны будутъ удерживать свою позицію до тѣхъ поръ, пока резервы центра не подойдутъ къ нимъ. Въ этомъ случаѣ драгуны могутъ ударить во флангъ и опрокинуть ихъ. Въ случаѣ же атаки на центръ мы выставляемъ на этомъ возвышеніи центральную батарею и подъ ея прикрытіемъ стягиваемъ лѣвый флангъ и отступаемъ до оврага эшелонами», разсуждалъ онъ самъ съ собой.

Все время, что онъ былъ на батареѣ у орудія, онъ, какъ это часто бываетъ, не переставая слышалъ звуки голосовъ офицеровъ, говорившихъ въ балаганѣ, но не понималъ ни одного слова изъ того, что они говорили. Вдругъ звукъ голосовъ изъ балагана поразилъ его такимъ задушевнымъ тономъ, что онъ невольно сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ, голубчикъ,—говорилъ пріятный и какъ будто знакомый князю Андрею голосъ,—я говорю, что коли бы возможно было знать, что будетъ послѣ смерти, тогда бы и смерти изъ насъ никто не боялся. Такъ-то, голубчикъ.

Другой, болѣе молодой голосъ перебилъ его:

— Да бойся, не бойся, все равно не минуешь.

— А все боишься! Эхъ вы, ученые люди,—сказалъ третій мужественный голосъ, перебивая обоихъ. — То-то вы, артиллеристы, и учены очень оттого, что все съ собой свезти можно, и водочки и закусочки.

И владѣлецъ мужественнаго голоса, видимо пѣхотный офицеръ, засмѣялся.

— А все боишься,—продолжалъ первый знакомый голосъ.— Боишься неизвѣстности, вотъ чего. Какъ тамъ ни говори, что

душа на небо пойдетъ... вѣдь это мы знаемъ, что неба нѣтъ, а есть атмосфера одна.

Опять мужественный голосъ перебилъ артиллериста.

— Ну, угостите же травникомъ-то вашимъ, Тушинъ,—сказалъ онъ.

«А! это тотъ самый капитанъ, который безъ сапогъ стоялъ у маркитанта», подумалъ князь Андрей, съ удовольствіемъ признавая пріятный философствовавшій голосъ.

— Травничку можно, — сказалъ Тушинъ, — а все-таки будущую жизнь постигнуть...

Онъ не договорилъ. Въ это время въ воздухѣ послышался свистъ; ближе, ближе, быстрѣе и слышнѣе, слышнѣе и быстрѣе, и ядро, какъ будто не договоривъ всего, что нужно было, съ нечеловѣческой силой взрывая брызги, шлепнулось въ землю недалеко отъ балагана. Земля какъ будто ахнула отъ страшнаго удара.

Въ то же мгновеніе изъ балагана выскочилъ прежде всѣхъ маленькій Тушинъ съ закушенною на бокъ трубочкой; доброе, умное лицо его было нѣсколько блѣдно. За нимъ вышелъ владѣтель мужественнаго голоса, молоддеватый пѣхотный офицеръ, и побѣжалъ къ своей ротѣ, на бѣгу застегиваясь.

XVII.

Князь Андрей верхомъ остановился на батареѣ, глядя на дымъ орудія, изъ котораго вылетѣло ядро. Глаза его разбѣгались по обширному пространству. Онъ видѣлъ только, что прежде неподвижныя массы французовъ заколыхались и что налѣво дѣйствительно была батарея. На ней еще не разошелся дымокъ. Французскіе два конныхъ, вѣроятно адъютанта, проскакали по горѣ. Подъ гору, вѣроятно для усиленія цѣпи, двигалась явственно виднѣвшаяся небольшая колонна непріятеля. Еще дымъ перваго выстрѣла не разсѣялся, какъ показался другой дымокъ и выстрѣлъ. Сраженіе началось. Князь Андрей повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ въ Грунтъ отыскивать князя Багратіона. Сзади себя онъ слышалъ, какъ канонада становилась чаще и громче. Видно, наши начинали отвѣчать. Внизу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжали парламентеры, послышались ружейные выстрѣлы.

Лемарруа (Lemarrois) съ грознымъ письмомъ Бонапарта только что прискакалъ къ Мюрату, и пристыженный Мюратъ, желая загладить свою ошибку, тотчасъ же двинулъ свои войска на центръ и въ обходъ обоихъ фланговъ, надѣясь еще до вечера и

до прибытія императора раздавить ничтожный, стоявшій передъ нимъ отрядъ.

«Началось! Вотъ оно!» думалъ князь Андрей, чувствуя, какъ кровь чаще начинала приливать къ его сердцу. «Но гдѣ же, какъ же выразится мой Тулонъ?» думалъ онъ.

Проѣзжая между тѣхъ же ротъ, которыя ѣли кашу и пили водку четверть часа тому назадъ, онъ вездѣ видѣлъ одни и тѣ же быстрыя движенія строившихся и разбиравшихъ ружья солдатъ и на всѣхъ лицахъ узнавалъ онъ то чувство оживленія, которое было въ его сердцѣ. «Началось! Вотъ оно! Страшно и весело!» говорило лицо каждаго солдата и офицера.

Не доѣхавъ еще до строившагося укрѣпленія, онъ увидѣлъ въ вечернемъ свѣтѣ пасмурнаго осенняго дня подвигавшихся ему навстрѣчу верховыхъ. Передовой, въ буркѣ и картузѣ со смушками, ѣхалъ на бѣлой лошади. Это былъ князь Багратіонъ. Князь Андрей остановился, ожидая его. Князь Багратіонъ пріостановилъ свою лошадь и, узнавъ князя Андрея, кивнулъ ему головой. Онъ продолжалъ смотрѣть впередъ въ то время, какъ князь Андрей говорилъ ему то, что онъ видѣлъ.

Выраженіе: «началось! вотъ оно!» было даже и на крѣпкомъ каремъ лицѣ князя Багратіона съ полузакрытыми мутными, какъ будто невыспавшимися глазами. Князь Андрей съ безпокойнымъ любопытствомъ вглядывался въ это неподвижное лицо, и ему хотѣлось знать, думаетъ ли и чувствуетъ и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту. «Есть ли вообще что-нибудь тамъ, за этимъ неподвижнымъ лицомъ?» спрашивалъ себя князь Андрей, глядя на него. Князь Багратіонъ наклонилъ голову, въ знакъ согласія на слова князя Андрея, и сказалъ: «хорошо», съ такимъ выраженіемъ, какъ будто все то, что происходило и что ему сообщали, было именно то, что онъ уже предвидѣлъ. Князь Андрей, запыхавшись отъ быстроты ѣзды, говорилъ быстро. Князь Багратіонъ произносилъ слова съ своимъ восточнымъ акцентомъ особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда. Онъ тронулъ, однако, рысью свою лошадь по направленію къ батареѣ Тушина. Князь Андрей вмѣстѣ со свитой поѣхалъ за нимъ. За княземъ Багратіономъ ѣхали: свитскій офицеръ, личный адъютантъ князя, Жерковъ, ординарецъ, дежурный штабъ-офицеръ на енглизированной красивой лошади и статскій чиновникъ, аудиторъ, который изъ любопытства попросился ѣхать въ сраженіе. Аудиторъ, полный мужчина съ полнымъ лицомъ, съ наивною улыбкой радости оглядывался вокругъ, трясясь на своей лошади, представляя странный видъ

въ своей камлотовой шинели на фурштатскомъ сѣдлѣ среди гусаръ, казаковъ и адъютантовъ.

— Вотъ хочетъ сраженіе посмотрѣть,—сказалъ Жерковъ Болконскому, указывая на аудитора, — да подъ ложечкой ужъ заболѣло.

— Ну, полно вамъ,— проговорилъ аудиторъ съ сіяющею, наивною и вмѣстѣ хитрою улыбкой, какъ будто ему лестно было, что онъ составлялъ предметъ шутокъ Жеркова, и какъ будто онъ нарочно старался казаться глупѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

— Très drôle, mon monsieur prince, — сказалъ дежурный штабъ-офицеръ. (Онъ помнилъ, что по-французски какъ-то особенно говорится титулъ *жнязь*, и никакъ не могъ наладить.)

Въ это время они всѣ уже подъѣзжали къ батареѣ Тушина, и впереди ихъ ударилось ядро.

— Что жъ это упало? — наивно улыбаясь, спросилъ аудиторъ.

— Лепешки французскія, — сказалъ Жерковъ.

— Этимъ-то бьютъ, значитъ?—спросилъ аудиторъ.—Страсть-то какая!

И онъ, казалось, распускался весь отъ удовольствія. Едва онъ договорилъ, какъ опять раздался неожиданно страшный свистъ, вдругъ прекратившійся ударомъ во что-то жидкое, и ш-ш-ш-шлепъ — казакъ, ѣхавшій нѣсколько правѣе и сзади аудитора, съ лошадью рухнулся на землю. Жерковъ и дежурный штабъ-офицеръ пригнулись къ сѣдламъ и прочь поворотили лошадей. Аудиторъ остановился противъ казака, со внимательнымъ любопытствомъ разсматривая его. Казакъ былъ мертвъ, лошадь еще билась.

Князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся и, увидавъ причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ будто говоря: «стоитъ ли глупостями заниматься!» Онъ остановилъ лошадь, съ пріемомъ хорошаго ѣздока, нѣсколько перегнулся и выправилъ зацѣпившуюся за бурку шпагу. Шпага была старинная, не такая, какія носились теперь. Князь Андрей вспомнилъ разсказъ о томъ, какъ Суворовъ въ Италіи подарилъ свою шпагу Багратіону, и ему въ эту минуту особенно пріятно было это воспоминаніе. Они подъѣхали къ той самой батареѣ, у которой стоялъ Болконскій, когда разсматривалъ поле сраженія.

— Чья рота?—спросилъ князь Багратіонъ у фейерверкера, стоящаго у ящиковъ.

Онъ спрашивалъ: чья рота? а въ сущности онъ спрашивалъ: ужъ не робѣете ли вы тутъ? И фейерверкеръ понялъ это.

— Капитана Тушина, ваше превосходительство,—вытягиваясь закричалъ веселымъ голосомъ рыжій, съ покрытымъ веснушками лицомъ, фейерверкеръ.

— Такъ, такъ, — проговорилъ Багратіонъ, что-то соображая, и мимо передковъ проѣхалъ къ крайнему орудію.

Въ то время, какъ онъ подъѣзжалъ, изъ орудія этого, оглушая его и свиту, зазвенѣлъ выстрѣлъ, и въ дыму, вдругъ окружившемъ орудіе, видны были артиллеристы, подхватившіе пушку и, торопливо напрягаясь, накатывавшіе ее на прежнее мѣсто. Широкоплечій, огромный солдатъ № 1-й съ банникомъ, широко разставивъ ноги, отскочилъ къ колесу. № 2-й трясущейся рукой клалъ зарядъ въ дуло. Небольшой сутуловатый человѣкъ, офицеръ Тушинъ, споткнувшись на хоботъ, выбѣжалъ впередъ, не замѣчая генерала и выглядывая изъ-подъ маленькой ручки.

— Еще двѣ линіи прибавь, какъ разъ такъ будетъ,—закричалъ онъ тоненькимъ голоскомъ, которому онъ старался придать молодцеватость, не шедшую къ его фигурѣ. — Второе! — пропищалъ онъ. — Круши, Медвѣдевъ!

Багратіонъ окликнулъ офицера, и Тушинъ, робкимъ неловкимъ движеніемъ, совсѣмъ не такъ, какъ салютуютъ военные, а такъ, какъ благословляютъ священники, приложивъ три пальца къ козырьку, подошелъ къ генералу. Хотя орудія Тушина были назначены для того, чтобы обстрѣливать лощину, онъ стрѣлялъ брандскугелями по виднѣвшейся впереди деревнѣ Шенграбенъ, передъ которой выдвигались большія массы французовъ.

Никто не приказывалъ Тушину, куда и чѣмъ стрѣлять, и онъ, посовѣтовавшись съ своимъ фельдфебелемъ Захарченкомъ, къ которому имѣлъ большое уваженіе, рѣшилъ, что хорошо было бы зажечь деревню. «Хорошо!» сказалъ Багратіонъ на докладъ офицера и сталъ оглядывать все открывавшееся передъ нимъ поле сраженія, какъ бы что-то соображая. Съ правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты, на которой стоялъ Кіевскій полкъ, въ лощинѣ рѣчки, слышалась хватающая за душу перекатная трескотня ружей, и гораздо правѣе, за драгунами, свитскій офицеръ указывалъ князю на обходившую нашъ флангъ колонну французовъ. Налѣво горизонтъ ограничивался близкимъ лѣсомъ. Князь Багратіонъ приказалъ двумъ батальонамъ изъ центра идти на подкрѣпленіе направо. Свитскій офицеръ осмѣлился замѣтить князю, что по уходѣ этихъ батальоновъ орудія останутся безъ прикрытія. Князь Багратіонъ обернулся къ свитскому офицеру и тусклыми глазами посмотрѣлъ на него молча. Князю Андрею казалось, что замѣчаніе свитскаго офицера было справедливо и что дѣйствительно сказать было нечего. Но въ это

время прискакалъ адъютантъ отъ полкового командира, бывшаго въ лощинѣ, съ извѣстіемъ, что огромныя массы французовъ шли низомъ, что полкъ разстроенъ и отступаетъ къ кіевскимъ гренадерамъ. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и одобренія. Шагомъ поѣхалъ онъ направо и послалъ адъютанта къ драгунамъ съ приказаніемъ атаковать французовъ. Но посланный туда адъютантъ пріѣхалъ черезъ полчаса съ извѣстіемъ, что драгунскій полковой командиръ уже отступилъ за оврагъ, ибо противъ него былъ направленъ сильный огонь и онъ напрасну терялъ людей и потому спѣшилъ стрѣлковъ въ лѣсъ.

— Хорошо! — сказалъ Багратіонъ.

Въ то время, какъ онъ отъѣзжалъ отъ батареи, налѣво тоже послышались выстрѣлы въ лѣсу, и такъ какъ было слишкомъ далеко до лѣваго фланга, чтобы успѣть самому пріѣхать во-время, князь Багратіонъ послалъ туда Жеркова сказать старшему генералу, тому самому, который представлялъ полкъ Кутузову въ Браунау, чтобы онъ отступилъ сколь можно поспѣшнѣе за оврагъ, потому что правый флангъ, вѣроятно, не въ силахъ будетъ долго удерживать непріятеля. Про Тушина же и батальонъ, прикрывавшій его, было забыто. Князь Андрей тщательно прислушивался къ разговорамъ князя Багратіона съ начальниками и къ отдаваемымъ имъ приказаніямъ и къ удивленію замѣчалъ, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. Благодаря такту, который выказывалъ князь Багратіонъ, князь Андрей замѣчалъ, что, несмотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело привѣтствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи и, видимо, щеголяли передъ нимъ своею храбростью.

XVIII.

Князь Багратіонъ, выѣхавъ на самый высокій пунктъ нашего праваго фланга, сталъ спускаться книзу, гдѣ слышалась перекатная стрѣльба и ничего не видно было отъ порохового дыма. Чѣмъ ближе они спускались къ лощинѣ, тѣмъ менѣе имъ становилось видно, но тѣмъ чувствительнѣе становилась близость самаго настоящаго поля сраженія. Имъ стали встрѣчаться раненые.

Одного съ окровавленной головой, безъ шапки, тащили двое солдатъ подъ руки. Онъ хрипѣлъ и плевалъ. Пуля попала, видно, въ ротъ или въ горло. Другой, встрѣтившійся имъ, бодро шелъ одинъ, безъ ружья, громко охая и махая отъ свѣжей боли рукою, изъ которой кровь лилась какъ изъ стклянки на его шинель. Лицо его казалось больше испуганнымъ, чѣмъ страдающимъ. Онъ минуту тому назадъ былъ раненъ. Переѣхавъ дорогу, они стали круто спускаться и на спускѣ увидали нѣсколько человѣкъ, которые лежали; имъ встрѣтилась толпа солдатъ, въ числѣ которыхъ были и нераненые. Солдаты шли въ гору, тяжело дыша, и, несмотря на видъ генерала, громко разговаривали и махали руками. Впереди, въ дыму, уже были видны ряды сѣрыхъ шинелей, и офицеръ, увидавъ Багратіона, съ крикомъ побѣжалъ за солдатами, шедшими толпой, требуя, чтобъ они воротились. Багратіонъ подъѣхалъ къ рядамъ, по которымъ то тамъ, то здѣсь быстро щелкали выстрѣлы, заглушая говоръ и командные крики. Весь воздухъ пропитанъ былъ пороховымъ дымомъ. Лица солдатъ всѣ были закопчены порохомъ и оживлены. Иные забивали шомполами, другіе подсыпали на полки, доставали заряды изъ сумокъ, третьи стрѣляли. Но въ кого они стрѣляли, этого не было видно отъ порохового дыма, не уносимаго вѣтромъ. Довольно часто слышались пріятные звуки жужжанія и свистѣнія. «Что это такое?» думалъ князь Андрей, подъѣзжая къ этой толпѣ солдатъ. «Это не можетъ быть атака, потому что они не двигаются; не можетъ быть карре: они не такъ стоятъ».

Худощавый, слабый на видъ старичокъ, полковой командиръ, съ пріятною улыбкой, съ вѣками, которыя больше чѣмъ наполовину закрывали его старческіе глаза, придавая ему кроткій видъ, подъѣхалъ къ князю Багратіону и принялъ его, какъ хозяинъ дорогого гостя. Онъ доложилъ князю Багратіону, что противъ его полка была конная атака французовъ, но что, хотя атака эта отбита, полкъ потерялъ больше половины людей. Полковой командиръ сказалъ, что атака была отбита, придумавъ это военное названіе тому, что происходило въ его полку; но онъ дѣйствительно самъ не зналъ, что происходило въ эти полчаса во ввѣренныхъ ему войскахъ, и не могъ съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака или полкъ его былъ разбитъ атакой. Въ началѣ дѣйствій онъ зналъ только то, что по всему его полку стали летать ядра и гранаты и бить людей, что потомъ кто-то закричалъ: «конница!» и наши стали стрѣлять. И стрѣляли до сихъ поръ уже не въ конницу, которая скрылась, а въ пѣшихъ французовъ, которые показались въ лощинѣ и стрѣляли по нашимъ. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ

знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два батальона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Князя Андрея поразила въ эту минуту перемѣна, происшедшая въ лицѣ князя Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихся тусклыхъ глазъ, ни притворно-глубокомысленнаго вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и нѣсколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно ни на чемъ не останавливаясь, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя медленность и размѣренность.

Полковой командиръ обратился къ князю Багратіону, упрашивая его отъѣхать назадъ, такъ какъ здѣсь было слишкомъ опасно. «Помилуйте, ваше сіятельство, ради Бога!» говорилъ онъ, за подтвержденіемъ взглядывая на свитскаго офицера, который отвертывался отъ него. «Вотъ, изволите видѣть!» Онъ давалъ замѣтить пули, которыя безпрестанно визжали, пѣли и свистали около нихъ. Онъ говорилъ такимъ тономъ просьбы и упрека, съ какимъ плотникъ говорилъ взявшемуся за топоръ барину: «наше дѣло привычное, а вы ручки намозолите». Онъ говорилъ такъ, какъ будто его самого не могли убить эти пули, и его полузакрытые глаза придавали его словамъ еще болѣе убѣдительное выраженіе. Штабъ-офицеръ присоединился къ увѣщаніямъ полкового командира; но князь Багратіонъ не отвѣчалъ имъ и только приказалъ перестать стрѣлять и построиться такъ, чтобы дать мѣсто подходившимъ двумъ батальонамъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, будто невидимою рукой потянулся справа налѣво, отъ поднявшагося вѣтра, пологъ дыма, скрывавшій лощину, и противоположная гора съ двигающимися по ней французами открылась передъ ними. Всѣ глаза были невольно устремлены на эту французскую колонну, подвигавшуюся къ намъ и извивавшуюся по уступамъ мѣстности. Уже видны были мохнатыя шапки солдатъ; уже можно было отличить офицеровъ отъ рядовыхъ; видно было, какъ трепалось о древко ихъ знамя.

— Славно идутъ, — сказалъ кто-то въ свитѣ Багратіона.

Голова колонны спустилась уже въ лощину. Столкновеніе должно было произойти на этой сторонѣ спуска...

Остатки нашего полка, бывшаго въ дѣлѣ, поспѣшно строясь, отходили вправо; изъ-за нихъ, разгоняя отставшихъ, подходили стройно два батальона 6-го егерскаго. Они еще не поравнялись

съ Багратіономъ, а уже слышенъ былъ тяжелый, грузный шагъ, отбиваемый въ ногу всею массой людей. Съ лѣваго фланга шелъ ближе всѣхъ къ Багратіону ротный командиръ, круглолицый, статный мужчина съ глупымъ, счастливымъ выраженіемъ лица, тотъ самый, который выбѣжалъ изъ балагана. Онъ, видимо, ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, кромѣ того, что онъ молодцомъ пройдетъ мимо начальства.

Съ фронтовымъ самодовольствомъ онъ шелъ легко на мускулистыхъ ногахъ, точно онъ плылъ, безъ малѣйшаго усилія вытягиваясь и отличаясь этою легкостью отъ тяжелаго шага солдатъ, шедшихъ по его шагу. Онъ несъ у ноги вынутую тоненькую, узенькую шпагу (гнутую шпажку, не похожую на оружіе) и, оглядываясь то на начальство, то назадъ, не теряя шагу, гибко поворачивался всѣмъ своимъ сильнымъ станомъ. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы наилучшимъ образомъ пройти мимо начальства, и, чувствуя, что онъ исполняетъ это дѣло хорошо, онъ былъ счастливъ. «Лѣвой... лѣвой... лѣвой...», казалось, внутренно приговаривалъ онъ черезъ каждый шагъ, и по этому такту съ разнообразно строгими лицами двигалась стѣна солдатскихъ фигуръ, отягченныхъ ранцами и ружьями, какъ будто каждый изъ этихъ сотенъ солдатъ мысленно черезъ шагъ приговаривалъ: «лѣвой... лѣвой... лѣвой...». Толстый майоръ, пыхтя и разрознивая шагъ, обходилъ кустъ по дорогѣ; отставшій солдатъ, запыхавшись, съ испуганнымъ лицомъ за свою неисправность, рысью догонялъ роту; ядро, нажимая воздухъ, пролетѣло надъ головой князя Багратіона и свиты и въ тактъ: «лѣвой—лѣвой!» ударилось въ колонну. «Сомкнись!» послышался щеголяющій голосъ ротнаго командира. Солдаты дугой обходили что-то въ томъ мѣстѣ, куда упало ядро; старый кавалеръ, фланговый унтеръ-офицеръ, отставъ около убитыхъ, догналъ свой рядъ, подпрыгнувъ перемѣнилъ ногу, попалъ въ шагъ и сердито оглянулся. «Лѣвой... лѣвой... лѣвой...», казалось, слышалось изъ-за угрожающаго молчанія и однообразнаго звука единовременно ударяющихъ о землю ногъ.

— Молодцами, ребята! — сказалъ князь Багратіонъ.

«Ради... ого-го-го-го-го!..» раздалось по рядамъ. Угрюмый солдатъ, шедшій слѣва, крича, оглянулся глазами на Багратіона съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорилъ: «сами знаемъ»; другой, не оглядываясь и какъ будто боясь развлечься, разинувъ ротъ, кричалъ и проходилъ.

Велѣно было остановиться и снять ранцы.

Багратіонъ объѣхалъ прошедшіе мимо его ряды и слѣзъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку,

расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузъ. Голова французской колонны, съ офицерами впереди, показалась изъ-подъ горы.

«Съ Богомъ!» проговорилъ Багратіонъ твердымъ, слышнымъ голосомъ, на мгновеніе обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трудясь, пошелъ впередъ по неровному полю. Князь Андрей чувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастье[1]).

Уже близко становились французы; уже князь Андрей, шедшій рядомъ съ Багратіономъ, ясно различалъ перевязки, красные эполеты, даже лица французовъ (онъ ясно видѣлъ одного стараго французскаго офицера, который вывернутыми ногами въ штиблетахъ съ трудомъ шелъ въ гору). Князь Багратіонъ не давалъ новаго приказанія и все такъ же молча шелъ передъ рядами. Вдругъ между французами треснулъ одинъ выстрѣлъ, другой, третій... и по всѣмъ разстроившимся непріятельскимъ рядамъ разнесся дымъ и затрещала пальба. Нѣсколько человѣкъ нашихъ упало, въ томъ числѣ и круглолицый офицеръ, шедшій такъ весело и старательно. Но въ то же мгновеніе, какъ раздался первый выстрѣлъ, Багратіонъ оглянулся и закричалъ: «Ура!»

«Ура-а-а-а!» протяжнымъ крикомъ разнеслось по нашей линіи и, обгоняя князя Багратіона и другъ друга, нестройною, но веселою и оживленною толпой побѣжали наши подъ гору за разстроенными французами.

XIX.

Атака 6-го егерскаго обезпечила отступленіе праваго фланга. Въ центрѣ дѣйствіе забытой батареи Тушина, успѣвшаго зажечь Шенграбенъ, останавливало движеніе французовъ. Французы тушили пожаръ, разносимый вѣтромъ, и давали время отступать. Отступленіе центра черезъ оврагъ совершалось поспѣшно и шумно; однако войска, отступая, не путались командами. Но лѣвый флангъ, который единовременно былъ атакованъ и обходимъ превосходными силами французовъ подъ начальствомъ Ланна и который состоялъ изъ Азовскаго и Подольскаго пѣхотныхъ и Павлоградскаго гусарскаго полковъ, былъ разстроенъ.

---

[1]) Тутъ произошла та атака, про которую Тьеръ говоритъ: «Les russes se conduisirent vaillamment, et chose rare à la guerre, on vie deux masses d'infanterie marcher résolument l'une contre l'autre sans qu'aucune des deux céda avant d'être abordée»; а Наполеонъ на островѣ Св. Елены сказалъ: «Quelques bataillons russes montrèrent de l'intrépidité».

Багратіонъ послалъ Жеркова къ генералу лѣваго фланга съ приказаніемъ немедленно отступать.

Жерковъ бойко, не отнимая руки отъ фуражки, тронулъ лошадь и поскакалъ. Но едва только онъ отъѣхалъ отъ Багратіона, какъ силы измѣнили ему. На него нашелъ непреодолимый страхъ, и онъ не могъ ѣхать туда, гдѣ было опасно.

Подъѣхавъ къ войскамъ лѣваго фланга, онъ поѣхалъ не впередъ, гдѣ была стрѣльба, а сталъ отыскивать генерала и начальниковъ тамъ, гдѣ ихъ не могло быть, и потому не передалъ приказанія.

Командованіе лѣвымъ флангомъ принадлежало по старшинству полковому командиру того самаго полка, который представлялся подъ Браунау Кутузову и въ которомъ служилъ солдатомъ Долоховъ. Командованіе же крайняго лѣваго фланга было предназначено командиру Павлоградскаго полка, гдѣ служилъ Ростовъ, вслѣдствіе чего произошло недоразумѣніе. Оба начальника были сильно раздражены другъ противъ друга, и въ то самое время, какъ на правомъ флангѣ давно уже шло дѣло и французы уже начали наступленіе, оба начальника были заняты переговорами, которые имѣли цѣлью оскорбить другъ друга. Полки же, какъ кавалерійскій, такъ и пѣхотный, были весьма мало приготовлены къ предстоящему дѣлу. Люди полковъ, отъ солдата до генерала, не ждали сраженія и спокойно занимались мирными дѣлами: кормленіемъ лошадей — въ конницѣ, собираніемъ дровъ — въ пѣхотѣ.

— Есть онъ, однако, старше моего въ чиномъ, — говорилъ нѣмецъ, гусарскій полковникъ, краснѣя и обращаясь къ подъѣхавшему адъютанту, — то оставляй его дѣлать, какъ онъ хочетъ. Я своихъ гусаръ не могу жертвовать. Трубачъ! Играй отступленіе!

Но дѣло становилось къ спѣху. Канонада и стрѣльба, сливаясь, гремѣли справа и въ центрѣ, и французскіе капоты стрѣлковъ Ланна проходили уже плотину мельницы и выстраивались на этой сторонѣ въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ. Пѣхотный полковникъ вздрагивающею походкой подошелъ къ лошади и, взлѣзши на нее и сдѣлавшись очень прямымъ и высокимъ, поѣхалъ къ павлоградскому командиру. Полковые командиры съѣхались съ учтивыми поклонами и со скрываемою злобой въ сердцѣ.

— Опять-таки, полковникъ, — говорилъ генералъ, — не могу я, однако, оставить половину людей въ лѣсу. Я васъ *прошу*, я васъ *прошу*, — повторилъ онъ, — занять *позицію* и приготовиться къ атакѣ.

— А васъ прошу не мѣшивайтся не свое дѣ́ло, — отвѣ́чалъ горячась полковникъ. — Коли бы вы былъ кавалеристъ...

— Я не кавалеристъ, полковникъ, но я русскій генералъ, и ежели вамъ это неизвѣстно...

— Очень извѣстно, ваше превосходительство, — вдругъ вскрикнулъ, трогая лошадь, полковникъ, и дѣлаясь красно-багровымъ. — Не угодно ли пожаловать въ цѣпи, и вы будете посмотрѣйть, что этотъ позиція никуда негодный. Я не хочу истребить своя полка для ваше удовольствіе.

— Вы забываетесь, полковникъ. Я не удовольствіе свое соблюдаю и говорить этого не позволю.

Генералъ, принимая приглашеніе полковника на турниръ храбрости, выпрямивъ грудь и нахмурившись, поѣхалъ съ нимъ ѣмѣстѣ по направленію къ цѣпи, какъ будто все ихъ разногласіе должно было рѣшиться тамъ, въ цѣпи, подъ пулями. Они пріѣхали въ цѣпь, нѣсколько пуль пролетѣ́ло надъ ними, и они молча остановились. Смотрѣть въ цѣпи нечего было, такъ какъ изъ того мѣста, на которомъ они прежде стояли, ясно было, что по кустамъ и оврагамъ кавалеріи дѣйствовать невозможно и что французы обходятъ лѣвое крыло. Генералъ и полковникъ строго и значительно смотрѣли, какъ два пѣтуха, готовящіеся къ бою, другъ на друга, напрасно выжидая признаковъ трусости. Оба выдержали экзаменъ. Такъ какъ говорить было нечего и ни тому, ни другому не хотѣлось подать поводъ другому сказать, что онъ первый выѣхалъ изъ-подъ пуль, они долго простояли бы тамъ, взаимно испытывая храбрость, ежели бы въ это время въ лѣсу, почти сзади ихъ, не послышались трескотня ружей и глухой сливающійся крикъ. Французы напали на солдатъ, находившихся въ лѣсу съ дровами. Гусарамъ уже нельзя было отступать вмѣстѣ съ пѣхотой. Они были отрѣзаны отъ пути отступленія налѣво французскою цѣпью. Теперь, какъ ни неудобна была мѣстность, необходимо было атаковать, чтобы проложить себѣ дорогу.

Эскадронъ, гдѣ служилъ Ростовъ, только что успѣвшій сѣсть на лошадей, былъ остановленъ лицомъ къ непріятелю. Опять, какъ и на Энскомъ мосту, между эскадрономъ и непріятелемъ никого не было, и между ними, раздѣляя ихъ, лежала та же страшная черта неизвѣстности и страха, какъ бы черта, отдѣляющая живыхъ отъ мертвыхъ. Всѣ люди чувствовали эту черту, и вопросъ о томъ, перейдутъ ли или нѣтъ и какъ перейдутъ они черту, волновалъ ихъ.

Ко фронту подъѣхалъ полковникъ, сердито отвѣтилъ что-то на вопросы офицеровъ и, какъ человѣкъ, отчаянно настаива-

ющій на своемъ, отдалъ какое-то приказаніе. Никто ничего опредѣленнаго не говорилъ, но по эскадрону пронеслась молва объ атакѣ. Раздалась команда построенія, потомъ визгнули сабли, вынутыя изъ ноженъ. Но все еще никто не двигался. Войска лѣваго фланга, и пѣхота и гусары, чувствовали, что начальство само не знаетъ, что дѣлать, и нерѣшимость начальниковъ сообщалась войскамъ.

«Поскорѣе, поскорѣе бы», думалъ Ростовъ, чувствуя, что наконецъ-то наступило время извѣдать наслажденіе атаки, про которое онъ такъ много слышалъ отъ товарищей-гусаръ.

— Съ Богомъ, г'ебята, — прозвучалъ голосъ Денисова, — г'ысью, маг'шъ!

Въ переднемъ ряду заколыхались крупы лошадей. Грачикъ потянулъ поводья и самъ тронулся.

Справа Ростовъ видѣлъ первые ряды своихъ гусаръ, а еще дальше впереди виднѣлось ему темная полоса, которую онъ не могъ разсмотрѣть, но считалъ непріятелемъ. Выстрѣлы были слышны, но въ отдаленіи.

— Прибавь рыси! — послышалась команда, и Ростовъ чувствовалъ, какъ поддаетъ задомъ, перебивая въ галопъ, его Грачикъ.

Онъ впередъ угадывалъ его движенія, и ему становилось все веселѣе и веселѣе. Онъ замѣтилъ одинокое дерево впереди. Это дерево сначала было впереди, на серединѣ той черты, которая казалась столь страшной. А вотъ и перешли эту черту, и не только ничего страшнаго не было, но все веселѣе и оживленнѣе становилось. «Охъ, какъ я рубану его», думалъ Ростовъ, сжимая въ рукѣ ефесъ сабли.

«Ур-р-а-а-а!!» загудѣли голоса. «Ну, попадись теперь кто бы ни былъ», думалъ Ростовъ, вдавливая шпоры Грачику, и, перегоняя другихъ, выпустилъ его во весь карьеръ. Впереди уже виденъ былъ непріятель. Вдругъ какъ широкимъ вѣникомъ стегнуло что-то по эскадрону. Ростовъ поднялъ саблю, готовясь рубить, но въ это время впереди скакавшій солдатъ Никитенко отдѣлился отъ него, и Ростовъ почувствовалъ, какъ во снѣ, что продолжаетъ нестись съ неестественною быстротой впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остается на мѣстѣ. Сзади знакомый гусаръ Бондарчукъ наскакалъ на него и сердито посмотрѣлъ. Лошадь Бондарчука шарахнулась, и онъ обскакалъ мимо.

«Что же это я не подвигаюсь? — Я упалъ, я убитъ», въ одно мгновеніе спросилъ и отвѣтилъ Ростовъ. Онъ былъ уже одинъ среди поля. Вмѣсто двигавшихся лошадей и гусарскихъ спинъ онъ видѣлъ вокругъ себя неподвижную землю и жнивье.

Теплая кровь была подъ нимъ. «Нѣтъ, я раненъ, и лошадь убита». Грачикъ поднялся было на переднія ноги, но упалъ, придавивъ сѣдоку ногу. Изъ головы лошади текла кровь. Лошадь билась и не могла встать. Ростовъ хотѣлъ подняться и упалъ тоже: шашка зацѣпилась за сѣдло. Гдѣ были наши, гдѣ были французы — онъ не зналъ. Никого не было кругомъ.

Высвободивъ ногу, онъ поднялся. «Гдѣ, съ какой стороны была теперь та черта, которая такъ рѣзко отдѣляла два войска?» онъ спрашивалъ себя и не могъ отвѣтить. «Ужъ не дурное ли что-нибудь случилось со мной? Бываютъ ли такіе случаи и что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ?» спросилъ онъ самъ себя вставая; и въ это время почувствовалъ, что что-то лишнее виситъ на его лѣвой онѣмѣвшей рукѣ. Кисть ея была какъ чужая. Онъ оглядывалъ руку, тщетно отыскивая на ней кровь. «Ну, вотъ и люди», подумалъ онъ радостно, увидавъ нѣсколько человѣкъ, бѣжавшихъ къ нему. «Они мнѣ помогутъ!» Впереди этихъ людей бѣжалъ одинъ въ странномъ киверѣ и въ синей шинели, черный, загорѣлый, съ горбатымъ носомъ. Еще два и еще много бѣжало сзади. Одинъ изъ нихъ проговорилъ что-то странное, не русское. Между задними такими же людьми, въ такихъ же киверахъ, стоялъ одинъ русскій гусаръ. Его держали за руки; позади него держали его лошадь.

«Вѣрно, нашъ плѣнный... Да. Неужели и меня возьмутъ? Что это за люди?» все думалъ Ростовъ, не вѣря своимъ глазамъ. «Неужели французы?» Онъ смотрѣлъ на приближавшихся французовъ и, несмотря на то, что за секунду скакалъ только затѣмъ, чтобы настигнуть этихъ французовъ и изрубить ихъ, близость ихъ казалась ему теперь такъ ужасна, что онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. «Кто они? Зачѣмъ они бѣгутъ? Неужели ко мнѣ? Неужели ко мнѣ они бѣгутъ? И зачѣмъ? Убить меня? *Меня*, кого такъ любятъ всѣ?» Ему вспомнилась любовь къ нему его матери, семьи, друзей, и намѣреніе непріятеля убить его показалось невозможно. «А можетъ, и убить!» Онъ болѣе десяти секундъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста и не понимая своего положенія. Передній французъ съ горбатымъ носомъ подбѣжалъ такъ близко, что уже видно было выраженіе его лица. И разгоряченная чуждая физіономія этого человѣка, который со штыкомъ на перевѣсъ, сдерживая дыханье, легко подбѣгалъ къ нему, испугала Ростова. Онъ схватилъ пистолетъ и вмѣсто того, чтобы стрѣлять изъ него, бросилъ имъ во француза и побѣжалъ къ кустамъ что было силы. Не съ тѣмъ чувствомъ сомнѣнія и борьбы, съ какимъ онъ ходилъ на Энскій мостъ, бѣжалъ онъ, а съ чувствомъ зайца, убѣгающаго отъ собакъ. Одно нераз-

дѣльное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владѣло всѣмъ его существомъ. Быстро перепрыгивая черезъ межи, съ тою стремительностью, съ которою онъ бѣгалъ, играя въ горѣлки, онъ летѣлъ по полю, изрѣдка оборачивая свое блѣдное, доброе, молодое лицо, и холодъ ужаса пробѣгалъ по его спинѣ. «Нѣтъ, лучше не смотрѣть», подумалъ онъ, но, подбѣжавъ къ кустамъ, оглянулся еще разъ. Французы отстали, и даже въ ту минуту, какъ онъ оглянулся, передній только что перемѣнилъ рысь на шагъ и, обернувшись, что-то сильно кричалъ заднему товарищу. Ростовъ остановился. «Что-нибудь не такъ», подумалъ онъ, «не можетъ быть, чтобъ они хотѣли убить меня». А между тѣмъ лѣвая рука его была такъ тяжела, какъ будто двухпудовая гиря была привѣшана къ ней. Онъ не могъ бѣжать дальше. Французъ остановился тоже и прицѣлился. Ростовъ зажмурился и нагнулся. Одна, другая пуля пролетѣла жужжа мимо него. Онъ собралъ послѣднія силы, взялъ лѣвую руку въ правую и побѣжалъ до кустовъ. Въ кустахъ были русскіе стрѣлки.

XX.

Пѣхотные полки, застигнутые врасплохъ въ лѣсу, выбѣгали изъ лѣса, и роты, смѣшиваясь съ другими ротами, уходили безпорядочными толпами. Одинъ солдатъ въ испугѣ проговорилъ страшное на войнѣ и безсмысленное слово: «отрѣзали!» и слово вмѣстѣ съ чувствомъ страха сообщилось всей массѣ.

— Обошли! Отрѣзали! Пропали! — кричали голоса бѣгущихъ.

Полковой командиръ въ ту самую минуту, какъ онъ услыхалъ стрѣльбу и крикъ сзади, понялъ, что случилось что-нибудь ужасное съ его полкомъ, и мысль, что онъ, примѣрный, много лѣтъ служившій, ни въ чемъ невиноватый офицеръ, могъ быть виновенъ передъ начальствомъ въ оплошности или нераспорядительности, такъ поразила его, что въ ту же минуту, забывъ и непокорнаго кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное — совершенно забывъ про опасность и чувство самосохраненія, онъ, ухватившись за луку сѣдла и шпоря лошадь, поскакалъ къ полку подъ градомъ обсыпавшихъ, но счастливо миновавшихъ его пуль. Онъ желалъ одного: узнать, въ чемъ дѣло, и помочь и исправить во что бы то ни стало ошибку, ежели она была съ его стороны, и не быть виновнымъ ему, двадцать два года служившему, ни въ чемъ незамѣченному, примѣрному офицеру.

Счастливо проскакавъ между французами, онъ подскакалъ къ полю за лѣсомъ, черезъ который бѣжали наши и, не слушаясь команды, спускались подъ гору. Наступила та минута нравственнаго колебанія, которая рѣшаетъ участь сраженій: послушаютъ эти разстроенныя толпы солдатъ голоса своего командира или, оглянувшись на него, побѣгутъ дальше. Несмотря на отчаянный крикъ прежде столь грознаго для солдатъ голоса полкового командира, несмотря на разъяренное, багровое, на себя непохожее лицо полкового командира и маханье шпагой, солдаты всѣ бѣжали, разговаривали, стрѣляли въ воздухъ и не слушали команды. Нравственное колебаніе, рѣшающее участь сраженій, очевидно разрѣшалось въ пользу страха.

Генералъ закашлялся отъ крика и порохового дыма и остановился въ отчаяніи. Все казалось потеряно. Но въ эту минуту французы, наступавшіе на нашихъ, вдругъ, безъ видимой причины, побѣжали назадъ, скрылись изъ опушки лѣса, и въ лѣсу показались русскіе стрѣлки. Это была рота Тимохина, которая одна въ лѣсу удержалась въ порядкѣ и, засѣвъ въ канаву у лѣса, неожиданно атаковала французовъ. Тимохинъ съ такимъ отчаяннымъ крикомъ бросился на французовъ и съ такою безумною и пьяною рѣшительностью, съ одною шпажкой, набѣжалъ на непріятеля, что французы, не успѣвъ опомниться, побросали оружіе и побѣжали. Долоховъ, бѣжавшій рядомъ съ Тимохинымъ, въ упоръ убилъ одного француза и первый взялъ за воротникъ сдавшагося офицера. Бѣгущіе возвратились, батальоны собрались, и французы, раздѣлившіе было на двѣ части войска лѣваго фланга, на мгновеніе были оттѣснены. Резервныя части успѣли соединиться, и бѣглецы остановились. Полковой командиръ стоялъ съ майоромъ Экономовымъ у моста, пропускал мимо себя отступающія роты, когда къ нему подошелъ солдатъ, взялъ его за стремя и почти прислонился къ нему. На солдатѣ была синеватая, фабричнаго сукна шинель, ранца и кивера не было, голова была повязана, и черезъ плечо была надѣта французская зарядная сумка. Онъ въ рукахъ держалъ офицерскую шпагу. Солдатъ былъ блѣденъ, голубые глаза его нагло смотрѣли въ лицо полковому командиру, а ротъ улыбался. Несмотря на то, что полковой командиръ былъ занятъ отданіемъ приказанія майору Экономову, онъ не могъ не обратить вниманія на этого солдата.

— Ваше превосходительство, вотъ два трофея, — сказалъ Долоховъ, указывая на французскую шпагу и сумку.—Мною взятъ въ плѣнъ офицеръ. Я остановилъ роту. — Долоховъ тяжело дышалъ отъ усталости; онъ говорилъ съ остановками.—Вся рота

можетъ свидѣтельствовать. Прошу запомнить, ваше превосходительство!

— Хорошо, хорошо, — сказалъ полковой командиръ и обратился къ майору Экономову.

Но Долоховъ не отошелъ; онъ развязалъ платокъ, дернулъ его и показалъ запекшуюся въ волосахъ кровь.

— Рана штыкомъ, я остался во фронтѣ. Попомните, ваше превосходительство.

Про батарею Тушина было забыто, и только въ самомъ концѣ дѣла, продолжая слышать канонаду въ центрѣ, князь Багратіонъ послалъ туда дежурнаго штабъ-офицера и потомъ князя Андрея, чтобы велѣть батареѣ отступать какъ можно скорѣе. Прикрытіе, стоявшее подлѣ пушекъ Тушина, ушло, по чьему-то приказанію, въ серединѣ дѣла; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французами только потому, что непріятель не могъ предполагать дерзости стрѣльбы четырехъ никѣмъ не защищенныхъ пушекъ. Напротивъ, по энергичному дѣйствію этой батареи онъ предполагалъ, что здѣсь, въ центрѣ, сосредоточены главныя силы русскихъ, и два раза пытался атаковать этотъ пунктъ и оба раза былъ прогоняемъ картечными выстрѣлами одиноко стоявшими на этомъ возвышеніи четырехъ пушекъ.

Скоро послѣ отъѣзда князя Багратіона Тушину удалось зажечь Шенграбенъ.

— Вишь, засумятились! Горитъ! Вишь, дымъ-то! Ловко! Важно! Дымъ-то, дымъ-то! — заговорила прислуга оживляясь.

Всѣ орудія безъ приказанія были въ направленіи пожара. Какъ будто подгоняя, подкрикивали солдаты къ каждому выстрѣлу: «Ловко! Вотъ такъ, такъ! Ишь ты... Важно!» Пожаръ, разносимый вѣтромъ, быстро распространялся. Французскія колонны, выступившія за деревню, ушли назадъ, но, какъ бы въ наказаніе за эту неудачу, непріятель выставилъ правѣе деревни десять орудій и сталъ бить изъ нихъ по Тушину.

Изъ-за дѣтской радости, возбужденной пожаромъ, и азарта удачной стрѣльбы по французамъ наши артиллеристы замѣтили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслѣдъ за ними еще четыре ударили между орудіями и одно повалило двухъ лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Оживленіе, разъ установившееся, однако не ослабѣло, а только перемѣнило настроеніе. Лошади были замѣнены другими изъ запаснаго лафета, раненые убраны, и четыре орудія повернуты противъ десятипушечной батареи. Офицеръ, товарищъ Тушина, былъ убитъ въ началѣ дѣла, и въ продолженіе часа изъ сорока че-

ловѣкъ прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все такъ же были веселы и оживлены. Два раза они замѣчали, что внизу, близко отъ нихъ, показывались французы, и тогда они били по нимъ картечью.

Маленькій человѣкъ, съ слабыми, неловкими движеніями, требовалъ себѣ безпрестанно у денщика *еще трубочку за это*, какъ онъ говорилъ, и, разсыпая изъ нея огонь, выбѣгалъ впередъ и изъ-подъ маленькой ручки смотрѣлъ на французовъ.

— Круши, ребята! — приговаривалъ онъ и самъ подхватывалъ орудія за колеса и вывинчивалъ винты.

Въ дыму, оглушаемый безпрерывными выстрѣлами, заставлявшими его каждый разъ вздрагивать, Тушинъ, не выпуская своей носогрѣлки, бѣгалъ отъ одного орудія къ другому, то прицѣливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь перемѣной и перепряжкой убитыхъ и раненыхъ лошадей, и покрикивалъ своимъ слабымъ тоненькимъ, нерѣшительнымъ голоскомъ. Лицо его все болѣе и болѣе оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, онъ морщился и, отворачиваясь отъ убитаго, сердито кричалъ на людей, какъ всегда мѣшкавшихъ поднять раненаго или тѣло. Солдаты, большею частью красивые молодцы (какъ и всегда въ батарейной ротѣ, на двѣ головы выше своего офицера и вдвое шире его), всѣ, какъ дѣти въ затруднительномъ положеніи, смотрѣли на своего командира, и то выраженіе, которое было на его лицѣ, неизмѣнно отражалось на ихъ лицахъ.

Вслѣдствіе этого страшнаго гула, шума, потребности вниманія и дѣятельности Тушинъ не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго чувства страха, и мысль, что его могутъ убить или больно ранить, не приходила ему въ голову. Напротивъ, ему становилось все веселѣе и веселѣе. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда онъ увидѣлъ непріятеля и сдѣлалъ первый выстрѣлъ, и что клочокъ поля, на которомъ онъ стоялъ, былъ ему давно знакомымъ, родственнымъ мѣстомъ. Несмотря на то, что онъ все помнилъ, все соображалъ, все дѣлалъ, что могъ дѣлать самый лучшій офицеръ въ его положеніи, онъ находился въ состояніи, похожемъ на лихорадочный бредъ или на состояніе пьянаго человѣка.

Изъ-за оглушающихъ со всѣхъ сторонъ звуковъ своихъ орудій, изъ-за свиста и ударовъ снарядовъ непріятелей, изъ-за вида вспотѣвшей, раскраснѣвшейся, торопящейся около орудій прислуги, изъ-за вида крови людей и лошадей, изъ-за вида дымковъ непріятеля на той сторонѣ (послѣ которыхъ всякій разъ прилетало ядро и било въ землю, въ человѣка, въ орудіе или въ лошадь), — изъ-за вида этихъ предметовъ у него въ головѣ

установился свой фантастическій міръ, который составлялъ его наслажденіе въ эту минуту. Непріятельскія пушки въ его воображеніи были не пушки, а трубки, изъ которыхъ рѣдкими клубами выпускалъ дымъ невидимый курильщикъ.

— Вишь, пыхнулъ опять, — проговорилъ Тушинъ шопотомъ про себя въ то время, какъ съ горы выскакивалъ клубъ дыма и влѣво полосой относился вѣтромъ, — теперь мячикъ жди—отсылать назадъ.

— Что прикажете, ваше благородіе? — спросилъ фейерверкеръ, близко стоявшій около него и слышавшій, что онъ бормоталъ что-то.

— Ничего, гранату... — отвѣчалъ онъ.

«Ну-ка, наша Матвѣвна», говорилъ онъ про себя. Матвѣвной представлялась въ его воображеніи большая крайняя, старинаго литья пушка. Муравьями представлялись ему французы около своихъ орудій. Красавецъ и пьяница первый номеръ второго орудія въ его мірѣ былъ *дядя*; Тушинъ чаще другихъ смотрѣлъ на него и радовался на каждое его движеніе. Звукъ то замиравшей, то опять усиливавшейся ружейной перестрѣлки подъ горою представлялся ему чьимъ-то дыханіемъ. Онъ прислушивался къ затиханью и разгоранью этихъ звуковъ.

— Ишь, задышала опять, задышала,—говорилъ онъ про себя.

Самъ онъ представлялся себѣ огромнаго роста, мощнымъ мужчиной, который обѣими руками швыряетъ французамъ ядра.

— Ну, Матвѣвна, матушка, не выдавай? — говорилъ онъ, отходя отъ орудія, какъ надъ его головой раздался чуждый, незнакомый голосъ.

— Капитанъ Тушинъ! Капитанъ!

Тушинъ испуганно оглянулся. Это былъ тотъ штабъ-офицеръ, который выгналъ его изъ Грунта. Онъ запыхавшимся голосомъ кричалъ ему.

— Что вы, съ ума сошли? Вамъ два раза приказано отступать, а вы...

«Ну, за что они меня?..» думалъ про себя Тушинъ, со страхомъ глядя на начальника.

— Я... ничего... — проговорилъ онъ, приставляя два пальца къ козырьку. — Я...

Но полковникъ не договорилъ всего, что хотѣлъ. Близко пролетѣвшее ядро заставило его, нырнувъ, согнуться на лошади. Онъ замолкъ и только что хотѣлъ сказать еще что-то, какъ еще ядро остановило его. Онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь.

— Отступать! Всѣ отступать! — прокричалъ онъ издалека.

Солдаты засмѣялись. Черезъ минуту пріѣхалъ адъютантъ съ тѣмъ же приказаніемъ.

Это былъ князь Андрей. Первое, что онъ увидѣлъ, выѣзжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь съ перебитой ногой, которая ржала около запряженныхъ лошадей. Изъ ноги ея какъ изъ ключа лилась кровь. Между передками лежало нѣсколько убитыхъ. Одно ядро за другимъ пролетало надъ нимъ въ то время, какъ онъ подъѣзжалъ, и онъ почувствовалъ, какъ нервическая дрожь пробѣжала по его спинѣ. Но одна мысль о томъ, что онъ боится, снова подняла его. «*Я* не могу бояться», подумалъ онъ и медленно слѣзъ съ лошади между орудіями. Онъ передалъ приказаніе и не уѣхалъ съ батареи. Онъ рѣшилъ, что при себѣ сниметъ орудія съ позиціи и отведетъ ихъ. Вмѣстѣ съ Тушинымъ, шагая черезъ тѣла и подъ страшнымъ огнемъ французовъ, онъ занялся уборкой орудій.

— А то пріѣзжало сейчасъ начальство, такъ скорѣе дрàло,— сказалъ фейерверкеръ князю Андрею, — не такъ, какъ ваше благородіе.

Князь Андрей ничего не говорилъ съ Тушинымъ. Они оба были такъ заняты, что, казалось, и не видали другъ друга. Когда, надѣвъ уцѣлѣвшія изъ четырехъ два орудія на передки, они двинулись подъ гору (одна разбитая пушка и единорогъ были оставлены), князь Андрей подъѣхалъ къ Тушину.

— Ну, до свиданія,—сказалъ князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свиданія, голубчикъ, — сказалъ Тушинъ,—милая душа! Прощайте, голубчикъ, — сказалъ Тушинъ со слезами, которыя неизвѣстно почему вдругъ выступили ему на глаза.

XXI.

Вѣтеръ стихъ, черныя тучи низко нависли надъ мѣстомъ сраженія, сливаясь на горизонтѣ съ пороховымъ дымомъ. Становилось темно, и тѣмъ яснѣе обозначалось въ двухъ мѣстахъ зарево пожаровъ. Канонада стала слабѣе, но трескотня ружей сзади и справа слышалась еще чаще и ближе. Какъ только Тушинъ съ своими орудіями, объѣзжая и наѣзжая на раненыхъ, вышелъ изъ-подъ огня и спустился въ оврагъ, его встрѣтило начальство и адъютанты, въ числѣ которыхъ былъ и штабъ-офицеръ и Жерковъ, два раза посланный и ни разу не доѣхавшій до батареи Тушина. Всѣ они, перебивая одинъ другого, отдавали и передавали приказанія, какъ и куда итти, и

дѣлали ему упреки и замѣчанія. Тушинъ ничѣмъ не распоряжался и молча, боясь говорить, потому что при каждомъ словѣ онъ готовъ былъ, самъ не зная отчего, заплакать, ѣхалъ сзади на своей артиллерійской клячѣ. Хотя раненыхъ велѣно было бросать, много изъ нихъ тащилось за войсками и просилось на орудія. Тотъ самый молодцеватый пѣхотный офицеръ, который передъ сраженіемъ выскочилъ изъ шалаша Тушина, былъ, съ пулей въ животѣ, положенъ на лафетъ Матвѣевны. Подъ горой блѣдный гусарскій юнкеръ, одною рукою поддерживая другую, подошелъ къ Тушину и попросился сѣсть.

— Капитанъ, ради Бога, я контуженъ въ руку, — сказалъ онъ робко. — Ради Бога, я не могу идти. Ради Бога!

Видно было, что юнкеръ этотъ уже не разъ просился гдѣнибудь сѣсть и вездѣ получалъ отказы. Онъ просилъ нерѣшительнымъ и жалкимъ голосомъ.

— Прикажите посадить, ради Бога.

— Посадите, посадите, — сказалъ Тушинъ. — Подложи шинель-то, дядя, — обратился онъ къ своему любимому солдату. — А гдѣ офицеръ раненый?

— Сложили, кончился, — отвѣтилъ кто-то.

— Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстели шинель, Антоновъ.

Юнкеръ былъ Ростовъ. Онъ держалъ одною рукой другую, былъ блѣденъ, и нижняя челюсть тряслась отъ лихорадочной дрожи. Его посадили на Матвѣевну, на то самое орудіе, съ котораго сложили мертваго офицера. На подложенной шинели была кровь, въ которой запачкались рейтузы и руки Ростова.

— Что, вы ранены, голубчикъ?— сказалъ Тушинъ, подходя къ орудію, на которомъ сидѣлъ Ростовъ.

— Нѣтъ, контуженъ.

— Отчего же кровь-то на станинѣ?—спросилъ Тушинъ.

— Это офицеръ, ваше благородіе, окровянилъ,—отвѣчалъ солдатъ-артиллеристъ, обтирая кровь рукавомъ шинели и какъ будто извиняясь за нечистоту, въ которой находилось орудіе.

Насилу съ помощью пѣхоты вывезли орудія въ гору и, достигши деревни Гунтерсдорфъ, остановились. Стало уже такъ темно, что въ десяти шагахъ нельзя было различить мундировъ солдатъ, и перестрѣлка стала стихать. Вдругъ близко съ правой стороны послышались опять крики и пальба. Отъ выстрѣловъ уже блестѣло въ темнотѣ. Это была послѣдняя атака французовъ, на которую отвѣчали солдаты, засѣвшіе въ дома деревни. Опять все бросилось изъ деревни, но орудія Тушина не могли двинуться, и артиллеристы, Тушинъ и юнкеръ молча пе-

реглядывались ожидая своей участи. Перестрѣлка стала стихать, и изъ боковой улицы высыпали оживленные говоромъ солдаты.

— Цѣлъ, Петровъ?—спрашивалъ одинъ.

— Задали, братъ, жару. Теперь не сунутся, — говорилъ другой.

— Ничего не видать. Какъ они въ своихъ-то зажарили! Не видать; темь, братцы. Нѣтъ ли напиться?

Французы послѣдній разъ были отбиты. И опять, въ совершенномъ мракѣ, орудія Тушина, какъ рамой окруженныя гудѣвшею пѣхотой, двинулись куда-то впередъ.

Въ темнотѣ какъ будто текла невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ направленіи, гудя шопотомъ, говоромъ и звуками копытъ и колесъ. Въ общемъ гулѣ изъ-за всѣхъ другихъ звуковъ яснѣе всѣхъ были стоны и голоса раненыхъ во мракѣ ночи. Ихъ стоны, казалось, наполняли собой весь этотъ мракъ, окружавшій войска. Ихъ стоны и мракъ этой ночи — это было одно и то же. Черезъ нѣсколько времени въ движущейся толпѣ произошло волненіе. Кто-то проѣхалъ со свитой на бѣлой лошади и что-то сказалъ, проѣзжая. «Что сказалъ? Куда теперь? Стоять, что ль? Благодарилъ, что ли?» послышались жадные разспросы со всѣхъ сторонъ, и вся движущаяся масса стала напирать сама на себя (видно, передніе остановились), и пронесся слухъ, что велѣно остановиться. Всѣ остановились, какъ шли, на серединѣ грязной дороги.

Засвѣтились огни, и слышнѣе сталъ говоръ. Капитанъ Тушинъ, распорядившись по ротѣ, послалъ одного изъ солдатъ отыскивать перевязочный пунктъ или лѣкаря для юнкера и сѣлъ у огня, разложеннаго на дорогѣ солдатами. Ростовъ перетащился тоже къ огню. Лихорадочная дрожь отъ боли, холода и сырости трясла все его тѣло. Сонъ непреодолимо клонилъ его, но онъ не могъ заснуть отъ мучительной боли въ нывшей и не находившей положенія рукѣ. Онъ то закрывалъ глаза, то взглядывалъ на огонь, казавшійся ему горячо-краснымъ, то на сутуловатую слабую фигуру Тушина, по-турецки сидѣвшаго подлѣ него. Большіе добрые и умные глаза Тушина съ сочувствіемъ и состраданіемъ устремлялись на него. Онъ видѣлъ, что Тушинъ всею душой хотѣлъ и ничѣмъ не могъ помочь ему.

Со всѣхъ сторонъ слышны были шаги и говоръ проходившихъ, проѣзжавшихъ и кругомъ размѣщавшейся пѣхоты. Звуки голосовъ, шаговъ и переставляемыхъ въ грязи лошадиныхъ копытъ, ближній и дальній трескъ дровъ сливались въ одинъ колеблющійся гулъ.

Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море. Ростовъ безсмысленно смотрѣлъ и слушалъ, что происходило передъ нимъ и вокругъ него. Пѣхотный солдатъ подошелъ къ костру, присѣлъ на корточки, всунулъ руки въ огонь и отвернулъ лицо.

— Ничего, ваше благородіе? — сказалъ онъ, вопросительно обращаясь къ Тушину. — Вотъ отбился отъ роты, ваше благородіе; самъ не знаю, гдѣ. Бѣда!

Вмѣстѣ съ солдатомъ подошелъ къ костру пѣхотный офицеръ съ подвязанной щекой и, обращаясь къ Тушину, просилъ приказать подвинуть крошечку орудія, чтобы провести повозку. За ротнымъ командиромъ набѣжали на костеръ два солдата. Они отчаянно ругались и дрались, выдергивая другъ у друга какой-то сапогъ.

— Какъ же, ты поднялъ! Ишь ловокъ! — кричалъ одинъ хриплымъ голосомъ.

Потомъ подошелъ худой, блѣдный солдатъ съ шеей, обвязанной окровавленною подверткой, и сердитымъ голосомъ требовалъ воды у артиллеристовъ.

— Что жъ, умирать, что ли, какъ собакѣ? — говорилъ онъ.

Тушинъ велѣлъ дать ему воды. Потомъ подбѣжалъ веселый солдатъ, прося огоньку въ пѣхоту.

— Огоньку горяченькаго въ пѣхоту! Счастливо оставаться, землячки, благодаримъ за огонекъ, мы назадъ съ процентой отдадимъ, — говорилъ онъ, унося куда-то въ темноту краснѣющуюся головешку.

За этимъ солдатомъ четыре солдата, неся что-то тяжелое на шинели, прошли мимо костра. Одинъ изъ нихъ споткнулся.

— Ишь, черти, на дорогѣ дрова положили, — проворчалъ онъ.

— Кончился, что жъ его носить? — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну васъ!

И они скрылись во мракѣ съ своею ношей.

— Что? болитъ? — спросилъ Тушинъ шопотомъ у Ростова.

— Болитъ.

— Ваше благородіе, къ генералу. Здѣсь въ избѣ стоятъ, — сказалъ фейерверкеръ, подходя къ Тушину.

— Сейчасъ, голубчикъ.

Тушинъ всталъ и, застегивая шинель и оправляясь, отошелъ отъ костра.

Недалеко отъ костра артиллеристовъ, въ приготовленной для него избѣ, сидѣлъ князь Багратіонъ за обѣдомъ, разговаривая съ нѣкоторыми начальниками частей, собравшимися у него. Тутъ былъ старичокъ съ полузакрытыми глазами, жадно обгладывавшій баранью кость, и двадцатидвухлѣтній безупречный генералъ, раскраснѣвшійся отъ рюмки водки и обѣда, и штабъ-офицеръ съ именнымъ перстнемъ, и Жерковъ, безпокойно оглядывавшій всѣхъ, и князь Андрей, блѣдный, съ поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

Въ избѣ стояло прислоненное въ углу взятое французское знамя, и аудиторъ съ наивнымъ лицомъ щупалъ ткань знамени и, недоумѣвая, покачивалъ головой, можетъ-быть, оттого, что его и въ самомъ дѣлѣ интересовалъ видъ знамени, а можетъ-быть, и оттого, что ему тяжело было голодному смотрѣть на обѣдъ, за которымъ ему недостало прибора. Въ сосѣдней избѣ находился взятый въ плѣнъ драгунами французскій полковникъ. Около него толпились, разсматривая его, наши офицеры. Князь Багратіонъ благодарилъ отдѣльныхъ начальниковъ и разспрашивалъ о подробностяхъ дѣла и о потеряхъ. Полковой командиръ, представлявшійся подъ Браунау, докладывалъ князю, что, какъ только началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса, собралъ дровору-бовъ и, пропустивъ ихъ мимо себя, съ двумя батальонами ударилъ въ штыки и опрокинулъ французовъ.

— Какъ я увидалъ, ваше сіятельство, что первый батальонъ разстроенъ, я сталъ на дорогѣ и думаю: «пропущу этихъ и встрѣчу батальнымъ огнемъ»; такъ и сдѣлалъ.

Полковому командиру такъ хотѣлось сдѣлать это, такъ онъ жалѣлъ, что не успѣлъ этого сдѣлать, что ему казалось, что все это точно было. Даже, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ было? Развѣ можно было разобрать въ этой путаницѣ, что было и чего не было?

— При чемъ долженъ замѣтить, ваше сіятельство,—продолжалъ онъ, вспоминая о разговорѣ Долохова съ Кутузовымъ и о послѣднемъ свиданіи своемъ съ разжалованнымъ,—что рядовой разжалованный Долоховъ на моихъ глазахъ взялъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился.

— Здѣсь-то я видѣлъ, ваше сіятельство, атаку павлоградцевъ,—безпокойно оглядываясь, вмѣшался Жерковъ, который вовсе не видалъ въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера.—Смяли два карре, ваше сіятельство.

На слова Жеркова нѣкоторые улыбнулись, какъ и всегда, ожидая отъ него шутки; но, замѣтивъ, что то, что онъ говорилъ,

клонилось тоже къ славѣ нашего оружія и нынѣшняго дня, приняли серьезное выраженіе, хотя многіе очень хорошо знали, что то, что̀ говорилъ Жерковъ, была ложь, ни на чемъ не основанная. Князь Багратіонъ обратился къ старичку-полковнику.

— Благодарю всѣхъ, господа, всѣ части дѣйствовали геройски: пѣхота, кавалерія и артиллерія. Какимъ образомъ въ центрѣ оставлены два орудія? — спросилъ онъ, ища кого-то глазами. (Князь Багратіонъ не спрашивалъ про орудія лѣваго фланга; онъ зналъ уже, что тамъ въ самомъ началѣ дѣла были брошены всѣ пушки.) — Я васъ, кажется, просилъ, — обратился онъ къ дежурному штабъ-офицеру.

— Одно было подбито, — отвѣчалъ дежурный штабъ-офицеръ,—а другое, я не могу понять; я самъ тамъ все время былъ и распоряжался и только что отъѣхалъ... Жарко было, правда,— прибавилъ онъ скромно.

Кто-то сказалъ, что капитанъ Тушинъ стоитъ здѣсь у самой деревни и что за нимъ уже послано.

— Да вотъ вы были, — сказалъ князь Багратіонъ, обращаясь къ князю Андрею.

— Какъ же, мы вмѣстѣ немного не съѣхались, — сказалъ дежурный штабъ-офицеръ, пріятно улыбаясь Болконскому.

— Я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, — холодно и отрывисто сказалъ князь Андрей.

Всѣ молчали. На порогѣ показался Тушинъ, робко пробиравшійся изъ-за спинъ генераловъ. Обходя генераловъ въ тѣсной избѣ, сконфуженный, какъ и всегда, при видѣ начальства, Тушинъ не разсмотрѣлъ древка знамени и споткнулся на него. Нѣсколько голосовъ засмѣялось.

— Какимъ образомъ орудіе оставлено?—спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смѣявшихся, въ числѣ которыхъ громче всѣхъ слышался голосъ Жеркова.

Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. Онъ такъ былъ взволнованъ, что до сей минуты не успѣлъ подумать объ этомъ. Смѣхъ офицеровъ еще больше сбилъ его съ толку. Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью и едва проговорилъ:

— Не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство.

— Вы бы могли изъ прикрытія взять!

Что прикрытія не было, этого не сказалъ Тушинъ, хотя это была сущая правда. Онъ боялся *подвести* этимъ другого

начальника и молча, остановившимися глазами смотрѣлъ прямо въ лицо Багратіону, какъ смотритъ сбившійся ученикъ въ глаза экзаменатору.

Молчаніе было довольно продолжительно. Князь Багратіонъ, видимо не желая быть строгимъ, не находился, что́ сказать; остальные не смѣли вмѣшиваться въ разговоръ. Князь Андрей исподлобья смотрѣлъ на Тушина, и пальцы его рукъ первически двигались.

— Ваше сіятельство,—прервалъ князь Андрей молчаніе своимъ рѣзкимъ голосомъ,—вы меня изволили послать къ батареѣ капитана Тушина. Я былъ тамъ и нашелъ двѣ трети людей и лошадей перебитыми, два орудія исковерканными, и прикрытія никакого.

Князь Багратіонъ и Тушинъ одинаково упорно смотрѣли теперь на сдержанно и взволнованно говорившаго Болконскаго.

— И ежели, ваше сіятельство, позволите мнѣ высказать свое мнѣніе,—продолжалъ онъ,—то успѣхомъ дня мы обязаны болѣе всего дѣйствію этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина съ его ротой,—сказалъ князь Андрей и, не ожидая отвѣта, тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ стола.

Князь Багратіонъ посмотрѣлъ на Тушина и, видимо не желая выказать недовѣрія къ рѣзкому сужденію Болконскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя не въ состояніи вполнѣ вѣрить ему, наклонилъ голову и сказалъ Тушину, что онъ можетъ идти. Князь Андрей вышелъ за нимъ.

— Вотъ спасибо; выручилъ, голубчикъ,—сказалъ ему Тушинъ.

Князь Андрей оглянулъ Тушина и, ничего не сказавъ, отошелъ отъ него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было такъ странно, такъ непохоже на то, чего онъ надѣялся.

«Кто они? Зачѣмъ они? Что имъ нужно? И когда все это кончится?» думалъ Ростовъ, глядя на перемѣнявшіяся передъ нимъ тѣни. Боль въ рукѣ становилась все мучительнѣе. Сонъ клонилъ непреодолимо, въ глазахъ прыгали красные круги, и впечатлѣніе этихъ голосовъ и этихъ лицъ и чувство одиночества сливались съ чувствомъ боли. Это они, эти солдаты, раненые и нераненые, — это они-то и давили, и тяготили, и выворачивали жилы, и жгли мясо въ его разломанной рукѣ и плечѣ. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ закрылъ глаза.

Онъ забылся на одну минуту, но въ этотъ короткій промежутокъ забвенія онъ видѣлъ во снѣ безчисленное количество

предметовъ: онъ видѣлъ свою мать и ея большую бѣлую руку, видѣлъ худенькія плечи Сони, глаза и смѣхъ Наташи, и Денисова съ его голосомъ и усами, и Телянина, и всю свою исторію съ Телянинымъ и Богданычемъ. Вся эта исторія была одно и то же, что этотъ солдатъ съ рѣзкимъ голосомъ, и это-та вся исторія и этотъ-то солдатъ такъ мучительно, неотступно держали, давили и все въ одну сторону тянули его руку. Онъ пытался устраняться отъ нихъ, но они не отпускали ни на волосъ, ни на секунду его плечо. Оно бы не болѣло, оно было бы здорово, ежели бъ они не тянули его; но нельзя было избавиться отъ нихъ.

Онъ открылъ глаза и поглядѣлъ вверхъ. Черный пологъ ночи на аршинъ висѣлъ надъ свѣтомъ углей. Въ этомъ свѣтѣ летали порошинки падавшаго снѣга. Тушинъ не возвращался, лѣкарь не приходилъ. Онъ былъ одинъ, только какой-то солдатикъ сидѣлъ теперь голый по другую сторону огня и грѣлъ свое худое желтое тѣло.

«Никому не нуженъ я!» думалъ Ростовъ. «Некому ни помочь, ни пожалѣть. А былъ же и я когда-то дома, сильный, веселый, любимый». Онъ вздохнулъ и со вздохомъ невольно застоналъ.

— Ай болитъ что? — спросилъ солдатикъ, встряхивая свою рубаху надъ огнемъ, и, не дожидаясь отвѣта, крякнувъ, прибавилъ: — Мало ли за день народу попортили — страсть!

Ростовъ не слушалъ солдата. Онъ смотрѣлъ на порхавшія надъ огнемъ снѣжинки и вспоминалъ русскую зиму съ теплымъ, свѣтлымъ домомъ, пушистою шубой, быстрыми санями, здоровымъ тѣломъ и со всею любовью и заботою семьи. «И зачѣмъ я пошелъ сюда!» думалъ онъ.

На другой день французы не возобновляли нападенія, и остатокъ Багратіонова отряда присоединился къ арміи Кутузова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Князь Василій не обдумывалъ своихъ плановъ. Онъ еще менѣе думалъ сдѣлать людямъ зло для того, чтобы пріобрѣсти выгоду. Онъ былъ только свѣтскій человѣкъ, успѣвшій въ свѣтѣ и сдѣлавшій привычку изъ этого успѣха. У него постоянно, смотря по обстоятельствамъ, по сближеніямъ съ людьми, составлялись различные планы и соображенія, въ которыхъ онъ самъ не отдавалъ себѣ хорошенько отчета, но которые составляли весь интересъ его жизни. Не одинъ и не два такихъ плана и соображенія бывало у него въ ходу, а десятки, изъ которыхъ одни только начинали представляться ему, другіе достигались, третьи уничтожались. Онъ не говорилъ себѣ, напримѣръ: «Этотъ человѣкъ теперь въ силѣ, я долженъ пріобрѣсти его довѣріе и дружбу и черезъ него устроить себѣ выдачу единовременнаго пособія», или онъ не говорилъ себѣ: «Вотъ Пьеръ богатъ, я долженъ заманить его жениться на дочери и занять нужныя мнѣ 40 тысячъ»; но человѣкъ въ силѣ встрѣчался ему, и въ ту же минуту инстинктъ подсказывалъ ему, что этотъ человѣкъ можетъ быть полезенъ, и князь Василій сближался съ нимъ и при первой возможности, безъ приготовленія, по инстинкту, льстилъ, дѣлался фамильяренъ, говорилъ о томъ, о чемъ нужно было.

Пьеръ былъ у него подъ рукой въ Москвѣ, и князь Василій устроилъ для него назначеніе въ камеръ-юнкеры, что тогда равнялось чину статскаго совѣтника, и настоялъ на томъ, чтобы молодой человѣкъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ его домѣ. Какъ будто разсѣянно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ несомнѣнною увѣренностью, что такъ должно быть, князь Василій дѣлалъ все, что было нужно для того, чтобы женить Пьера на своей дочери. Ежели бы князь Василій обдумывалъ впередъ свои планы, онъ не могъ бы имѣть такой естественности въ обращеніи и такой простоты и фамильярности въ сно-

шеніи со всѣми людьми, выше и ниже себя поставленными. Что-то влекло его постоянно къ людямъ сильнѣе или богаче его, и онъ одаренъ былъ рѣдкимъ искусствомъ ловить именно ту минуту, когда надо и можно было пользоваться людьми.

Пьеръ, сдѣлавшись неожиданно богачомъ и графомъ Безуховымъ, послѣ недавняго одиночества и беззаботности, почувствовалъ себя до такой степени окруженнымъ, занятымъ, что ему только въ постели удавалось остаться одному съ самимъ собой. Ему нужно было подписывать бумаги, вѣдаться съ присутственными мѣстами, о значеніи которыхъ онъ не имѣлъ яснаго понятія, спрашивать о чемъ-то главнаго управляющаго, ѣхать въ подмосковное имѣніе и принимать множество лицъ, которыя прежде не хотѣли и знать о его существованіи, а теперь были бы обижены и огорчены, ежели бы онъ не захотѣлъ ихъ видѣть. Всѣ эти разнообразныя лица: дѣловыя, родственники, знакомые, всѣ были одинаково хорошо, ласково расположены къ молодому наслѣднику; всѣ они очевидно и несомнѣнно были убѣждены въ высокихъ достоинствахъ Пьера. Безпрестанно онъ слышалъ слова: «съ вашей необыкновенной добротой», или «при вашемъ прекрасномъ сердцѣ», или «вы сами такъ чисты, графъ»... или «ежели бы онъ былъ такъ уменъ, какъ вы» и т. п., такъ что онъ искренно начиналъ вѣрить своей необыкновенной добротѣ и своему необыкновенному уму, тѣмъ болѣе, что и всегда, въ глубинѣ души, ему казалось, что онъ дѣйствительно очень добръ и очень уменъ. Даже люди, прежде бывшіе злыми и очевидно враждебными, дѣлались съ нимъ нѣжными и любящими. Столь сердитая старшая изъ княжонъ, съ длинной таліей, съ приглаженными, какъ у куклы, волосами, послѣ похоронъ пришла въ комнату Пьера. Опуская глаза и безпрестанно вспыхивая, она сказала ему, что очень жалѣетъ о бывшихъ между ними недоразумѣніяхъ и что теперь не чувствуетъ себя въ правѣ ничего просить, развѣ только позволенія, послѣ постигшаго ее удара, остаться на нѣсколько недѣль въ домѣ, который она такъ любила и гдѣ столько принесла жертвъ. Она не могла удержаться и заплакала при этихъ словахъ. Растроганный тѣмъ, что эта статуеобразная княжна могла такъ измѣниться, Пьеръ взялъ ее за руку и просилъ извиненія, самъ не зная за что. Съ этого дня княжна начала вязать полосатый шарфъ для Пьера и совершенно измѣнилась къ нему.

— Сдѣлай это для нея, mon cher; все-таки она много пострадала отъ покойника, — сказалъ ему князь Василій, давая подписать какую-то бумагу въ пользу княжны.

Князь Василій рѣшилъ, что эту кость, вексель въ 30 т., надо было все-таки бросить бѣдной княжнѣ съ тѣмъ, чтобы ей не могло придти въ голову толковать объ участіи князя Василія въ дѣлѣ мозаиковаго портфеля. Пьеръ подписалъ вексель, и съ тѣхъ поръ княжна стала еще добрѣе. Младшія сестры стали также ласковы къ нему, въ особенности самая младшая, хорошенькая, съ родинкой, часто смущала Пьера своими улыбками и смущеніемъ при видѣ его.

Пьеру такъ естественно казалось, что всѣ его любятъ, такъ казалось бы неестественно, ежели бы кто-нибудь не полюбилъ его, что онъ не могъ не вѣрить въ искренность людей, окружавшихъ его. Притомъ ему не было времени спрашивать себя объ искренности или неискренности этихъ людей. Ему постоянно было некогда, онъ постоянно чувствовалъ себя въ состояніи кроткаго и веселаго опьяненія. Онъ чувствовалъ себя центромъ какого-то важнаго общаго движенія; чувствовалъ, что отъ него что-то постоянно ожидается; что, не сдѣлай онъ того, онъ огорчитъ многихъ и лишитъ ихъ ожидаемаго, а сдѣлай то-то и то-то, все будетъ хорошо,—и онъ дѣлалъ то, что требовали отъ него, но это что-то хорошее все оставалось впереди.

Болѣе всѣхъ другихъ въ это первое время какъ дѣлами Пьера, такъ и имъ самимъ овладѣлъ князь Василій. Со смерти графа Безухова онъ не выпускалъ изъ рукъ Пьера. Князь Василій имѣлъ видъ человѣка, отягченнаго дѣлами, усталаго, измученнаго, но изъ состраданія не могущаго, наконецъ, бросить на произволъ судьбы и плутовъ этого безпомощнаго юношу, сына его друга, après tout [1]), и съ такимъ огромнымъ состояніемъ. Въ тѣ нѣсколько дней, которые онъ пробылъ въ Москвѣ послѣ смерти графа Безухова, онъ призывалъ къ себѣ Пьера или самъ приходилъ къ нему и предписывалъ ему то, что нужно было дѣлать, такимъ тономъ усталости и увѣренности, какъ будто онъ всякій разъ приговаривалъ: «Vous savez, que je suis accablé d'affaires et que ce n'est que par pure charité que je m'occupe de vous, et puis vous savez bien, que ce que je vous propose est la seule chose faisable» [2]).

— Ну, мой другъ, завтра мы ѣдемъ, наконецъ,—сказалъ онъ ему однажды, закрывая глаза, перебирая пальцами его локоть и такимъ тономъ, какъ будто то, что́ онъ говорилъ, было давнымъ-давно рѣшено между ними и не могло быть рѣшено

---

[1]) Въ концѣ-концовъ.

[2]) Ты знаешь, я заваленъ дѣлами; и только по чистому милосердію занимаюсь тобой и, кромѣ того, ты знаешь, что то́, что я тебѣ говорю, есть единственно возможное.

иначе.—Завтра мы ѣдемъ, я тебѣ даю мѣсто въ своей колясѣ. Я очень радъ. Здѣсь у насъ все важное покончено. А мнѣ ужъ давно бы надо. Вотъ я получилъ отъ канцлера. Я его просилъ о тебѣ, и ты зачисленъ въ дипломатическій корпусъ и сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. Теперь дипломатическая дорога тебѣ открыта.

Несмотря на всю силу тона усталости и увѣренности, съ которой произнесены были эти слова, Пьеръ, такъ долго думавшій о своей карьерѣ, хотѣлъ было возражать. Но князь Василій перебилъ его тѣмъ воркующимъ, басистымъ тономъ, который исключалъ возможность перебить его рѣчь и который употреблялся имъ въ случаѣ необходимости крайняго убѣжденія.

— Mais, mon cher, я это сдѣлалъ для себя, для своей совѣсти, и меня благодарить нечего. Никогда никто не жаловался, что его слишкомъ любили; а потомъ, ты свободенъ, хоть завтра брось. Вотъ ты все самъ въ Петербургѣ увидишь. И тебѣ давно пора удалиться отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній. (Князь Василій вздохнулъ.) Такъ, такъ, моя душа... А мой камердинеръ пускай въ твоей коляскѣ ѣдетъ. Ахъ, да я было и забылъ,— прибавилъ еще князь Василій,— ты знаешь, mon cher, что у насъ были счеты съ покойнымъ, такъ съ рязанскаго я получилъ и оставлю: тебѣ не нужно. Мы съ тобой сочтемся.

То, что князь Василій называлъ «съ рязанскаго», было нѣсколько тысячъ оброка, которыя князь Василій оставилъ у себя.

Въ Петербургѣ, такъ же какъ и въ Москвѣ, атмосфера нѣжныхъ, любящихъ людей окружила Пьера. Онъ не могъ отказаться отъ мѣста, или, скорѣе, званія (потому что онъ ничего не дѣлалъ), которое доставилъ ему князь Василій, а знакомствъ, зововъ и общественныхъ занятій было столько, что Пьеръ еще больше, чѣмъ въ Москвѣ, испытывалъ чувство отуманенности, торопливости и все наступающаго, но не совершающагося какого-то блага.

Изъ прежняго его холостого общества многихъ не было въ Петербургѣ. Гвардія ушла въ походъ, Долоховъ былъ разжалованъ, Анатоль находился въ арміи, въ провинціи, князь Андрей былъ за границей, и потому Пьеру не удавалось ни проводить ночей, какъ онъ прежде любилъ проводить ихъ, ни отводить изрѣдка душу въ дружеской бесѣдѣ съ старшимъ уважаемымъ другомъ. Все время его проходило на обѣдахъ, балахъ и преимущественно у князя Василія—въ обществѣ толстой княгини, его жены, и красавицы Элень.

Анна Павловна Шереръ, такъ же какъ и другіе, выказала Пьеру перемѣну, происшедшую въ общественномъ взглядѣ на него.

Прежде Пьеръ въ присутствіи Анны Павловны постоянно чувствовалъ, что то, что онъ говоритъ, неприлично, безтактно, не то, что нужно; что рѣчи его, кажущіяся ему умными, пока онъ готовитъ ихъ въ своемъ воображеніи, дѣлаются глупыми, какъ скоро онъ громко выговоритъ, и что, напротивъ, самыя тупыя рѣчи Ипполита выходятъ умными и милыми. Теперь все, что ни говорилъ онъ, все выходило charmant. Ежели даже Анна Павловна не говорила этого, то онъ видѣлъ, что ей хотѣлось это сказать, и она только, въ уваженіе его скромности, воздерживалась отъ этого.

Въ началѣ зимы съ 1805 на 1806 годъ Пьеръ получилъ отъ Анны Павловны обычную розовую записку съ приглашеніемъ, въ которомъ было прибавлено: «Vous trouverez chez moi la belle Hélène, qu'on ne se lasse jamais de voir» [1]).

Читая это мѣсто, Пьеръ въ первый разъ почувствовалъ, что между нимъ и Эленъ образовалась какая-то связь, признаваемая другими людьми, и эта мысль въ одно и то же время и испугала его, какъ будто на него накладывалось обязательство, которое онъ не могъ сдержать, и вмѣстѣ понравилась ему, какъ забавное предположеніе.

Вечеръ Анны Павловны былъ такой же, какъ и первый, только новинкой, которою угощала Анна Павловна своихъ гостей, былъ теперь не Мортемаръ, а дипломатъ, пріѣхавшій изъ Берлина и привезшій самыя свѣжія подробности о пребываніи государя Александра въ Потсдамѣ и о томъ, какъ два высочайшіе друга поклялись тамъ въ неразрывномъ союзѣ отстаивать правое дѣло противъ врага человѣческаго рода. Пьеръ былъ принятъ Анной Павловной съ оттѣнкомъ грусти, относившейся, очевидно, къ свѣжей потери, постигшей молодого человѣка, къ смерти графа Безухова (всѣ постоянно считали долгомъ увѣрять Пьера, что онъ очень огорченъ кончиной отца, котораго онъ почти не зналъ),—и грусти точно такой же, какъ и та высочайшая грусть, которая выражалась при упоминаніяхъ объ августѣйшей императрицы Маріи Ѳеодоровнѣ. Пьеръ почувствовалъ себя польщеннымъ этимъ. Анна Павловна съ своимъ обычнымъ искусствомъ устроила кружки своей гостиной. Большой кружокъ, гдѣ были князь Василій и генералы, пользовался дипломатомъ. Другой кружокъ былъ у чайнаго столика. Пьеръ хотѣлъ присоединиться къ первому, но Анна Павловна, находившаяся въ раздраженномъ состояніи полководца на полѣ битвы, когда при-

---

[1]) У меня будетъ прекрасная Эленъ, которою никогда не устанешь любоваться.

ходятъ тысячи новыхъ блестящихъ мыслей, которыя едва успѣваешь приводить въ исполненіе, Анна Павловна, увидѣвъ Пьера тронула его пальцемъ за рукавъ.

— Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir [1]). (Она взглянула на Элень и улыбнулась ей.) Ma bonne Hélène, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes [2]). А чтобъ вамъ не очень скучно было, вотъ вамъ милый графъ, который не откажется за вами слѣдовать.

Красавица направилась къ тетушкѣ, но Пьера Анна Павловна еще удержала подлѣ себя, показывая видъ, какъ будто ей надо сдѣлать еще послѣднее необходимое распоряженіе.

— Не правда ли, она восхитительна?—сказала она Пьеру, указывая на отплывающую величавую красавицу. — Et quelle tenue [3]). Для такой молодой дѣвушки и такой тактъ, такое мастерское умѣніе держать себя! Это происходитъ отъ сердца! Счастливъ будетъ тотъ, чьей она будетъ! Съ нею самый несвѣтскій мужъ будетъ невольно занимать самое блестящее мѣсто въ свѣтѣ. Не правда ли? Я только хотѣла знать ваше мнѣніе, — и Анна Павловна отпустила Пьера.

Пьеръ съ искренностью отвѣчалъ Аннѣ Павловнѣ утвердительно на вопросъ ея объ искусствѣ Элень держать себя. Ежели онъ когда-нибудь думалъ объ Элень, то думалъ именно о ея красотѣ и о томъ необыкновенномъ ея спокойномъ умѣніи быть молчаливо-достойною въ свѣтѣ.

Тетушка приняла въ свой уголокъ двухъ молодыхъ людей, но, казалось, желала скрыть свое обожаніе къ Элень и желала болѣе выразить страхъ передъ Анной Павловной. Она взглядывала на племянницу, какъ бы спрашивая, что ей дѣлать съ этими людьми. Отходя отъ нихъ, Анна Павловна опять тронула пальчикомъ рукавъ Пьера и проговорила:

— J'espère, que vous ne direz plus qu'on s'ennuie chez moi [4]), — и взглянула на Элень.

Элень улыбнулась съ такимъ видомъ, который говорилъ, что она не допускала возможности, чтобы кто-либо могъ видѣть ее и не быть восхищеннымъ. Тетушка прокашлялась, проглотила слюни и по-французски сказала, что она очень рада видѣть

---

[1]) Постойте, у меня есть на васъ виды въ этотъ вечеръ.

[2]) Моя милая Элень, надо, чтобы вы были сострадательны къ моей бѣдной теткѣ, которая питаетъ къ вамъ обожаніе. Побудьте съ ней минутъ десять.

[3]) И какъ держитъ себя!

[4]) Надѣюсь, вы не скажете другой разъ, что у меня скучаютъ.

Элен; потом обратилась к Пьеру с тем же привѣтствіем и съ той же миной. Въ срединѣ скучливаго и спотыкающагося разговора Элен оглянулась на Пьера и улыбнулась ему той улыбкой, ясной, красивой, которою она улыбалась всѣм. Пьер так привык к этой улыбкѣ, так мало она выражала для него, что он не обратил на нее никакого вниманія. Тетушка говорила в это время о коллекціи табакерок, которая была у покойнаго отца Пьера, графа Безухова, и показала свою табакерку. Княжна Элен попросила посмотрѣть портрет мужа тетушки, который был сдѣлан на этой табакеркѣ.

— Это, вѣрно, дѣлано Винесом, — сказал Пьер, называя извѣстнаго миніатюриста, нагибаясь к столу, чтоб взять в руки табакерку, и прислушиваясь к разговору за другим столом.

Он привсталь, желая обойти, но тетушка подала табакерку прямо через Элен, позади нея. Элен нагнулась впередъ, чтобы дать мѣсто, и, улыбаясь, оглянулась. Она была, как и всегда на вечерах, в весьма открытом по тогдашней модѣ спереди и сзади платьѣ. Ея бюст, казавшійся всегда мраморным Пьеру, находился в такомъ близкомъ разстояніи от его глаз, что он своими близорукими глазами невольно различал живую прелесть ея плеч и шеи, и так близко от его губ, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. Он слышал тепло ея тѣла, запах духов и скрип ея корсета при движеніи. Он видѣл не ея мраморную красоту, составлявшую одно цѣлое съ ея платьем, он видѣл и чувствовал всю прелесть ея тѣла, которое было закрыто только одеждой. И, разъ увидавъ это, он не могъ видѣть иначе, как мы не можем возвратиться къ разъ объясненному обману.

«Так вы до сих пор не замѣчали, как я прекрасна?» как будто сказала Элен. «Вы не замѣчали, что я женщина? Да, я женщина, которая можетъ принадлежать всякому и вам тоже», сказал ея взглядъ. И въ ту же минуту Пьер почувствовал, что Элен не только могла, но должна была быть его женою, что это не можетъ быть иначе.

Он зналъ это въ ту минуту так же вѣрно, как бы он зналъ это, стоя подъ вѣнцом съ нею. Как это будетъ и когда, он не зналъ; не зналъ даже, хорошо ли это будетъ (ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то), но он зналъ, что это будетъ.

Пьер опустилъ глаза, опять поднялъ их и снова хотѣлъ увидѣть ее такою дальнею, чужою для себя красавицею, какою он видѣлъ ее каждый день прежде; но он не могъ уже этого

сдѣлать. Не могъ, какъ не можетъ человѣкъ, прежде смотрѣвшій въ туманѣ на былинку бурьяна и видѣвшій въ ней дерево, увидавъ былинку, снова увидѣть въ ней дерево. Она была страшно близка ему. Она имѣла уже власть надъ нимъ. И между нимъ и ею не было уже никакихъ преградъ, кромѣ преградъ его собственной воли.

— Bon, je vous laisse dans votre petit coin. Je vois que vous y êtes très bien [1]), — сказалъ голосъ Анны Павловны.

И Пьеръ, со страхомъ вспоминая, не сдѣлалъ ли онъ чего-нибудь предосудительнаго, краснѣя, оглянулся вокругъ себя. Ему казалось, что всѣ знаютъ, такъ же какъ и онъ, про то, что съ нимъ случилось.

Черезъ нѣсколько времени, когда онъ подошелъ къ большому кружку, Анна Павловна сказала ему:

— On dit que vous embellissez votre maison de Pétersbourg [2]).

Это была правда: архитекторъ сказалъ, что это нужно ему, и Пьеръ, самъ не зная зачѣмъ, отдѣлывалъ свой огромный домъ въ Петербургѣ.

— C'est bien, mais ne déménagez pas de chez le prince Basile. Il est bon d'avoir un ami comme le prince, — сказала она, улыбаясь князю Василію. — J'en sais quelque chose. N'est-ce pas? [3]) А вы еще такъ молоды. Вамъ нужны совѣты. Вы не сердитесь на меня, что я пользуюсь правами старухъ.

Она замолчала, какъ молчатъ всегда женщины, чего-то ожидая послѣ того, какъ скажутъ про свои годы. «Если вы женитесь, то другое дѣло». И она соединила ихъ въ одинъ взглядъ. Пьеръ не смотрѣлъ на Элену, и она на него. Но она была все такъ же страшно близка ему. Онъ промычалъ что-то и покраснѣлъ.

Вернувшись домой, Пьеръ долго не могъ заснуть, думая о томъ, что съ нимъ случилось. Что же случилось съ нимъ? Ничего. Онъ только понялъ, что женщина, которую онъ зналъ ребенкомъ, про которую онъ разсѣянно говорилъ: «да, хороша», когда ему говорили, что Элена красавица, онъ понялъ, что эта женщина можетъ принадлежать ему.

«Но она глупа, я самъ говорилъ, что она глупа», думалъ онъ. «Что-то гадкое есть въ томъ чувствѣ, которое она возбу-

---

[1]) Хорошо, я васъ оставлю въ вашемъ уголкѣ. Я вижу, вамъ тамъ хорошо.

[2]) Говорятъ, вы отдѣлываете свой петербургскій домъ.

[3]) Это хорошо, но не переѣзжайте отъ князя Василія. Хорошо имѣть такого друга. Я кое-что объ этомъ знаю. Не правда ли?

дила во мнѣ, что-то запрещенное. Мнѣ говорили, что ея братъ Анатоль былъ влюбленъ въ нее и она влюблена въ него, что была цѣлая исторія, и что отъ этого услали Анатоля. Братъ ея—Ипполитъ... Отецъ ея—князь Василій... Это не хорошо», думалъ онъ; и въ то же время, какъ онъ разсуждалъ такъ (еще разсужденія эти оставались неоконченными), онъ заставалъ себя улыбающимся и сознавалъ, что другой рядъ разсужденій всплывалъ изъ-за первыхъ, что онъ въ одно и то же время думалъ о ея ничтожествѣ и мечталъ о томъ, какъ она будетъ его женой, какъ она можетъ полюбить его, какъ она можетъ быть совсѣмъ другою и какъ все то, что онъ о ней думалъ и слышалъ, можетъ быть неправдою. И онъ опять видѣлъ ее не какою-то дочерью князя Василія, а видѣлъ все ея тѣло, только прикрытое сѣрымъ платьемъ. «Но нѣтъ, отчего же прежде не приходила мнѣ въ голову эта мысль?» И опять онъ говорилъ себѣ, что это невозможно; что-то гадкое, противоестественное, какъ ему казалось, нечестное было бы въ этомъ бракѣ. Онъ вспоминалъ ея прежнія слова, взгляды и слова и взгляды тѣхъ, кто ихъ видалъ вмѣстѣ. Онъ вспомнилъ слова и взгляды Анны Павловны, когда она говорила ему о домѣ, вспомнилъ тысячи такихъ намековъ со стороны князя Василія и другихъ, и на него нашелъ ужасъ, не связалъ ли онъ ужъ себя чѣмъ-нибудь въ исполненіи такого дѣла, которое, очевидно, нехорошо и которое онъ не долженъ дѣлать. Но въ то же время, какъ онъ самъ себѣ выражалъ это рѣшеніе, съ другой стороны души всплывалъ ея образъ, со всею своею женственною красотой.

II.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1805 года князь Василій долженъ былъ ѣхать на ревизію въ четыре губерніи. Онъ устроилъ для себя это назначеніе, съ тѣмъ, чтобы побывать заодно въ своихъ разстроенныхъ имѣніяхъ и, захвативъ съ собой (въ мѣстѣ расположенія его полка) сына Анатоля, съ нимъ вмѣстѣ заѣхать къ князю Николаю Андреичу Болконскому, съ тѣмъ, чтобы женить сына на дочери этого богатаго старика. Но прежде отъѣзда и этихъ новыхъ дѣлъ князю Василію нужно было рѣшить дѣла съ Пьеромъ, который, правда, послѣднее время проводилъ цѣлые дни дома, т.-е. у князя Василія, у котораго онъ жилъ, былъ смѣшонъ, взволнованъ и глупъ (какъ долженъ быть влюбленный) въ присутствіи Элены, но все еще не дѣлалъ предложенія.

«Tout ça est bel et bon, mais il faut que ça finisse» [1]), сказалъ себѣ разъ утромъ князь Василій со вздохомъ грусти, сознавая, что Пьеръ, столькимъ обязанный ему (ну, да Христосъ съ нимъ!) не совсѣмъ хорошо поступаетъ въ этомъ дѣлѣ. «Молодость... легкомысліе... ну, да Богъ съ нимъ,—подумалъ князь Василій, съ удовольствіемъ чувствуя свою доброту: mais il faut que ça finisse. Послѣзавтра Лёлины именины, я позову кое-кого, и ежели онъ не пойметъ, что̀ онъ долженъ сдѣлать, то уже это будетъ мое дѣло. Да, мое дѣло. Я отецъ!»

Пьеръ полтора мѣсяца послѣ вечера Анны Павловны и послѣдовавшей за нимъ безсонной, взволнованной ночи, въ которую онъ рѣшилъ, что женитьба на Элен̀ъ была бы несчастье и что ему нужно избѣгать ея и уѣхать, Пьеръ послѣ этого рѣшенія не переѣзжалъ отъ князя Василія и съ ужасомъ чувствовалъ, что каждый день онъ больше и больше въ глазахъ людей связывается съ нею, что онъ не можетъ никакъ возвратиться къ своему прежнему взгляду на нее, что онъ не можетъ и оторваться отъ нея, что это будетъ ужасно, но что онъ долженъ будетъ связать съ нею свою судьбу. Можетъ-быть, онъ и могъ бы воздержаться, но не проходило дня, чтобы у князя Василія (у котораго рѣдко бывалъ пріемъ) не было вечера, на которомъ долженъ былъ быть Пьеръ, ежели онъ не хотѣлъ разстроить общее удовольствіе и обмануть ожиданія всѣхъ. Князь Василій въ тѣ рѣдкія минуты, когда бывалъ дома, проходя мимо Пьера, дергалъ его за руку внизъ, разсѣянно подставлялъ ему для поцѣлуя выбритую, морщинистую щеку и говорилъ или «до завтра» или «къ обѣду, а то я тебя не увижу», или «я для тебя остаюсь» и т. п. Но, несмотря на то, что, когда князь Василій оставался для Пьера (какъ онъ это говорилъ), онъ не говорилъ съ нимъ двухъ словъ, Пьеръ не чувствовалъ себя въ силахъ обмануть его ожиданія. Онъ каждый день говорилъ себѣ все одно и одно: «Надо же, наконецъ, понять ее и дать себѣ отчетъ: кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь? Нѣтъ, она не глупа; нѣтъ, она прекрасная дѣвушка!—говорилъ онъ самъ себѣ иногда.—Никогда ни въ чемъ она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупаго. Она мало говоритъ, но то, что она скажетъ, всегда просто и ясно. Такъ она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Такъ она не дурная женщина!» Часто ему случалось съ нею начинать разсуждать, думать вслухъ, и всякій разъ она отвѣчала ему на это либо короткимъ, но кстати сказаннымъ замѣчаніемъ, показы-

---

[1]) Все это хорошо, но надо это кончить.

вавшимъ, что ее это не интересуетъ, либо молчаливой улыбкой и взглядомъ, которые ощутительнѣе всего показывали Пьеру ея превосходство. Она была права, признавая всѣ разсужденія вздоромъ въ сравненіи съ этой улыбкой.

Она обращалась къ нему всегда съ радостной, довѣрчивой, къ нему одному относившейся улыбкой, въ которой было что-то значительнѣй того, что было въ общей улыбкѣ, украшавшей всегда ея лицо. Пьеръ зналъ, что всѣ ждутъ только того, чтобы онъ, наконецъ, сказалъ одно слово, переступилъ черезъ извѣстную черту, и онъ зналъ, что онъ рано или поздно переступитъ черезъ нее; но какой-то непонятный ужасъ охватывалъ его при одной мысли объ этомъ страшномъ шагѣ. Тысячу разъ въ продолженіе этого полутора мѣсяца, во время котораго онъ чувствовалъ себя все дальше и дальше втягиваемымъ въ ту страшившую его пропасть, Пьеръ говорилъ себѣ: «Да что жъ это? Нужна рѣшимость! Развѣ нѣтъ у меня ея?»

Онъ хотѣлъ рѣшиться, но съ ужасомъ чувствовалъ, что не было у него въ этомъ случаѣ той рѣшимости, которую онъ зналъ въ себѣ и которая дѣйствительно была въ немъ. Пьеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуютъ себя вполнѣ чистыми. А съ того дня, какъ имъ владѣло то чувство желанія, которое онъ испыталъ надъ табакеркой у Анны Павловны, несознанное чувство виноватости этого стремленія парализовало его рѣшимость.

Въ день именинъ Элень у князя Василія ужинало маленькое общество людей самыхъ близкихъ, какъ говорила княгиня, родные и друзья. Всѣмъ этимъ роднымъ и друзьямъ дано было чувствовать, что въ этотъ день должна рѣшиться участь именинницы. Гости сидѣли за ужиномъ. Княгиня Курагина, массивная, когда-то красивая, представительная женщина, сидѣла на хозяйскомъ мѣстѣ. По обѣимъ сторонамъ ея сидѣли почетнѣйшіе гости—старый генералъ, его жена, Анна Павловна Шереръ; въ концѣ стола сидѣли менѣе пожилые и почетные гости, и тамъ же сидѣли домашніе, Пьеръ и Элень — рядомъ. Князь Василій не ужиналъ: онъ похаживалъ вокругъ стола, въ веселомъ расположеніи духа, подсаживаясь то къ тому, то къ другому изъ гостей. Каждому онъ говорилъ небрежное и пріятное слово, исключая Пьера и Элень, которыхъ присутствія онъ не замѣчалъ, казалось. Князь Василій оживлялъ всѣхъ. Ярко горѣли восковыя свѣчи, блестѣли и серебро и хрусталь посуды, наряды дамъ и золото и серебро эполетъ; вокругъ стола сновали слуги въ красныхъ кафтанахъ; слышались звуки ножей, стакановъ, тарелокъ и звуки оживленнаго говора нѣсколькихъ разговоровъ

вокругъ этого стола. Слышно было, какъ старый камергеръ въ одномъ концѣ увѣрялъ старушку-баронессу въ своей пламенной любви къ ней и ея смѣхъ; въ другомъ—разсказъ о неуспѣхѣ какой-то Марьи Викторовны. У середины стола князь Василій сосредоточилъ вокругъ себя слушателей. Онъ разсказывалъ дамамъ, съ шутливой улыбкой на губахъ, послѣднее—въ среду—засѣданіе государственнаго совѣта, на которомъ былъ полученъ и читался Сергѣемъ Кузьмичемъ Вязьмитиновымъ, новымъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, знаменитый тогда рескриптъ государя Александра Павловича изъ арміи, въ которомъ государь, обращаясь къ Сергѣю Кузьмичу, говорилъ, что со всѣхъ сторонъ получаетъ онъ заявленія о преданности народа и что заявленіе Петербурга особенно пріятно ему, что онъ гордится честью быть главой такой націи и постарается быть ея достойнымъ. Рескриптъ этотъ начинался словами: *Сергѣй Кузьмичъ! Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи* и т. д.

— Такъ-таки и не пошло дальше, чѣмъ «Сергѣй Кузьмичъ»?— спрашивала одна дама.

— Да, да, ни на волосъ,—отвѣчалъ смѣясь князь Василій.— «Сергѣй Кузьмичъ... со всѣхъ сторонъ. Со всѣхъ сторонъ Сергѣй Кузьмичъ...» Бѣдный Вязьмитиновъ никакъ не могъ пойти далѣе. Нѣсколько разъ онъ принимался снова за письмо, но только что скажетъ *Сергѣй*... всхлипыванія... *Ку...зьми...чъ*— слезы... и *со всѣхъ сторонъ* заглушаются рыданіями, и дальше онъ не могъ. И опять платокъ, и опять «Сергѣй Кузьмичъ со всѣхъ сторонъ», и слезы... такъ что уже попросили прочесть другого.

— Кузьмичъ... со всѣхъ сторонъ... и слезы...—повторилъ кто-то смѣясь.

— Не будьте злы,—погрозивъ пальцемъ, съ другого конца стола проговорила Анна Павловна, — c'est un si brave et excellent homme notre bon Viasmitinoff...[1]).

Всѣ очень смѣялись. На верхнемъ, почетномъ концѣ стола всѣ были, казалось, веселы и подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ оживленныхъ настроеній; только Пьеръ и Элень молча сидѣли рядомъ почти на нижнемъ концѣ стола; на лицахъ обоихъ сдерживалась сіяющая улыбка, не зависящая отъ Сергѣя Кузьмича,—улыбка стыдливости передъ своими чувствами. Что бы ни говорили и какъ бы ни смѣялись и шутили другіе, какъ бы аппетитно ни кушали и рейнвейнъ, и соте, и мороженое, какъ бы ни избѣгали взглядомъ эту чету, какъ бы ни казались равнодушны,

---

[1]) Это такой прекрасный человѣкъ нашъ добрый Вязьмитиновъ.

невнимательны къ ней, чувствовалось почему-то, по изрѣдка бросаемымъ на нихъ взглядамъ, что и анекдотъ о Сергѣѣ Кузьмичѣ, и смѣхъ, и кушанье—все было притворно, а всѣ силы вниманія всего этого общества были обращены только на эту пару—Пьера и Элень. Князь Василій представлялъ всхлипыванья Сергѣя Кузьмича и въ это время обѣгалъ взглядомъ дочь, и въ то время, какъ онъ смѣялся, выраженіе его лица говорило: «такъ, такъ, все хорошо идетъ; нынче все рѣшится». Анна Павловна грозила ему за notre bon Viasmitinoff, а въ глазахъ ея, которые мелькомъ блеснули въ этотъ моментъ на Пьера, князь Василій читалъ поздравленіе съ будущимъ зятемъ и счастьемъ дочери. Старая княгиня, предлагая съ грустнымъ вздохомъ вина своей сосѣдкѣ и сердито взглянувъ на дочь, этимъ вздохомъ какъ будто говорила: «да, теперь намъ съ вами ничего больше не осталось, какъ пить сладкое вино, моя милая; теперь время этой молодежи быть такъ дерзко вызывающе-счастливой».—«И что за глупость все то, что я разсказываю, какъ будто это меня интересуетъ», думалъ дипломатъ, взглядывая на счастливыя лица любовниковъ: «вотъ это счастье!»

Среди тѣхъ ничтожно-мелкихъ, искусственныхъ интересовъ, которые связывали это общество, попало простое чувство стремленія красивыхъ и здоровыхъ молодыхъ мужчины и женщины другъ къ другу. И это человѣческое чувство подавило все и парило надъ всѣмъ ихъ искусственнымъ лепетомъ. Шутки были невеселы, новости неинтересны, оживленіе, очевидно, поддѣльно. Не только они, но лакеи, служившіе за столомъ, казалось, чувствовали то же и забывали порядки службы, заглядываясь на красавицу Элень съ ея сіяющимъ лицомъ и на красное, толстое, счастливое и безпокойное лицо Пьера. Казалось, и огни свѣчей сосредоточены были только на этихъ двухъ счастливыхъ лицахъ.

Пьеръ чувствовалъ, что онъ былъ центромъ всего, и это положеніе и радовало и стѣсняло его. Онъ находился въ состояніи человѣка, углубленнаго въ какое-нибудь занятіе. Онъ ничего ясно не видѣлъ, не понималъ и не слыхалъ. Только изрѣдка неожиданно мелькали въ его душѣ отрывочныя мысли и впечатлѣнія изъ дѣйствительности.

«Такъ ужъ все кончено!» думалъ онъ. «И какъ это все сдѣлалось? Такъ быстро! Теперь я знаю, что не для нея одной, не для себя одного, но и для всѣхъ *это* должно неизбѣжно свершиться. Они всѣ такъ ждутъ *этого*, такъ увѣрены, что это будетъ, что я не могу, не могу обмануть ихъ. Но какъ это бу-

детъ? Не знаю; а будетъ, непремѣнно будетъ!» думалъ Пьеръ, взглядывая на эти плечи, блестѣвшія подлѣ самыхъ глазъ его.

То вдругъ ему становилось стыдно чего-то. Ему неловко было, что онъ одинъ занимаетъ вниманіе всѣхъ, что онъ счастливецъ въ глазахъ другихъ, что онъ съ своимъ некрасивымъ лицомъ какой-то Парисъ, обладающій Еленой. «Но, вѣрно, это всегда такъ бываетъ и такъ надо», утѣшалъ онъ себя. «И, впрочемъ, что же я сдѣлалъ для этого? Когда это началось? Изъ Москвы я поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ. Тутъ еще ничего не было. Потомъ, отчего же мнѣ было у него не остановиться? Потомъ я игралъ съ ней въ карты и поднялъ ея ридикюль, ѣздилъ съ ней кататься. Когда же это началось, когда это все сдѣлалось?» И вотъ онъ сидитъ подлѣ нея женихомъ; слышитъ, видитъ, чувствуетъ ея близость, ея дыханіе, ея движенія, ея красоту. То вдругъ ему кажется, что это не она, а онъ самъ такъ необыкновенно красивъ, что оттого-то и смотрятъ такъ на него, и онъ, счастливый общимъ удивленіемъ, выпрямляетъ грудь, поднимаетъ голову и радуется своему счастью. Вдругъ какой-то голосъ, чей-то знакомый голосъ, слышится и говоритъ ему что-то другой разъ. Но Пьеръ такъ занятъ, что не понимаетъ того, что говорятъ ему.

— Я спрашиваю у тебя, когда ты получилъ письмо отъ Болконскаго,—повторяетъ третій разъ князь Василій.—Какъ ты разсѣянъ, мой милый.

Князь Василій улыбается, и Пьеръ видитъ, что всѣ, всѣ улыбаются на него и на Элень. «Ну, что жъ, коли вы всѣ знаете», говорилъ самъ себѣ Пьеръ. «Ну, что жъ, это правда», и онъ самъ улыбался своей кроткой, дѣтской улыбкой, и Элень улыбается.

— Когда же ты получилъ? Изъ Ольмюца?—повторяетъ князь Василій, которому будто нужно это знать для рѣшенія спора.

«И можно ли говорить и думать о такихъ пустякахъ?» думаетъ Пьеръ.

— Да, изъ Ольмюца,—отвѣчаетъ онъ со вздохомъ.

Отъ ужина Пьеръ повелъ свою даму за другими въ гостиную. Гости стали разъѣзжаться, и нѣкоторые уѣзжали, не простившись съ Элень. Какъ будто не желая отрывать ее отъ ея серьезнаго занятія, нѣкоторые подходили на минуту и скорѣе отходили, запрещая ей провожать себя. Дипломатъ грустно молчалъ, выходя изъ гостиной. Ему представлялась вся тщета его дипломатической карьеры въ сравненіи съ счастьемъ Пьера. Старый генералъ сердито проворчалъ на свою жену, когда она

спросила его о состояніи его ноги. «Эка, старая дура», подумалъ онъ. «Вотъ Елена Васильевна, такъ та и въ 50 лѣтъ красавица будетъ».

— Кажется, что я могу васъ поздравить,—прошептала Анна Павловна княгинѣ и крѣпко поцѣловала ее.—Ежели бы не мигрень, я бы осталась.

Княгиня ничего не отвѣчала; ее мучила зависть къ счастью своей дочери.

Пьеръ во время проводовъ гостей долго оставался одинъ съ Эленъ въ маленькой гостиной, гдѣ они сѣли. Онъ часто и прежде, въ послѣдніе полтора мѣсяца, оставался одинъ съ Эленъ, но никогда не говорилъ ей о любви. Теперь онъ чувствовалъ, что это было необходимо, но онъ никакъ не могъ рѣшиться на этотъ послѣдній шагъ. Ему было стыдно; ему казалось, что тутъ, подлѣ Эленъ, онъ занимаетъ чье-то чужое мѣсто. «Не для тебя это счастье», говорилъ ему какой-то внутренній голосъ, «это счастье для тѣхъ, у кого нѣтъ того, что есть у тебя».

Но надо было сказать что-нибудь, и онъ заговорилъ. Онъ спросилъ у нея, довольна ли она нынѣшнимъ вечеромъ. Она какъ и всегда, съ простотой своей отвѣчала, что нынѣшнія именины были для нея однѣми изъ самыхъ пріятныхъ.

Кое-кто изъ ближайшихъ родныхъ еще оставались. Они сидѣли въ большой гостиной. Князь Василій лѣнивыми шагами подошелъ къ Пьеру. Пьеръ всталъ и сказалъ, что ужъ поздно. Князь Василій строго-вопросительно посмотрѣлъ на него, какъ будто то, что онъ сказалъ, было такъ странно, что нельзя было и разслышать. Но вслѣдъ затѣмъ выраженіе строгости измѣнилось, и князь Василій дернулъ Пьера внизъ за руку, посадилъ его и ласково улыбнулся.

— Ну, что, Леля?—обратился онъ тотчасъ же къ дочери съ тѣмъ небрежнымъ тономъ привычной нѣжности, который усвоивается родителями, съ дѣтства ласкающими своихъ дѣтей, но который княземъ Василіемъ былъ только угаданъ посредствомъ подражанія другимъ родителямъ.

И онъ опять обратился къ Пьеру.

— *Сергѣй Кузьмичъ, со всѣхъ сторонъ*,—проговорилъ онъ, разстегивая верхнюю пуговицу жилета.

Пьеръ улыбнулся, но по его улыбкѣ видно было, что онъ понималъ, что не анекдотъ Сергѣя Кузьмича интересовалъ въ это время князя Василія; и князь Василій понялъ, что Пьеръ понималъ это. Князь Василій вдругъ пробурлилъ что-то и вышелъ. Пьеру показалось, что даже князь Василій былъ смущенъ. Видъ смущенія этого стараго свѣтскаго человѣка тро-

нулъ Пьера; онъ оглянулся на Элень — и она, казалось, была смущена и взглядомъ говорила: «что жъ, вы сами виноваты».

«Надо неизбѣжно перешагнуть, но не могу я, не могу», думалъ Пьеръ и заговорилъ опять о постороннемъ, о Сергѣѣ Кузьмичѣ, спрашивая, въ чемъ состоялъ этотъ анекдотъ, такъ какъ онъ его не разслышалъ. Элень съ улыбкой отвѣчала, что она тоже не знаетъ.

Когда князь Василій вошелъ въ гостиную, княгиня тихо говорила съ пожилой дамой о Пьерѣ.

— Конечно, c'est un parti très brillant, mais le bonheur, ma chère...

— Les mariages se font dans les cieux [1]),—отвѣчала пожилая дама.

Князь Василій, какъ бы не слушая дамъ, прошелъ въ дальній уголъ и сѣлъ на диванъ. Онъ закрылъ глаза и какъ будто дремалъ. Голова его было упала, и онъ очнулся.

— Aline, — сказалъ онъ женѣ, allez voir ce qu'ils font [2]),

Княгиня подошла къ двери, прошлась мимо нея съ значительнымъ равнодушнымъ видомъ и заглянула въ гостиную. Пьеръ и Элень такъ же сидѣли и разговаривали.

— Все то же,—отвѣчала она мужу.

Князь Василій нахмурился, сморщилъ ротъ на сторону, щеки его запрыгали съ свойственнымъ ему непріятнымъ, грубымъ выраженіемъ; онъ, встряхнувшись, всталъ, закинулъ назадъ голову и рѣшительными шагами, мимо дамъ, прошелъ въ маленькую гостиную. Онъ скорыми шагами, радостно подошелъ къ Пьеру. Лицо князя было такъ необыкновенно-торжественно, что Пьеръ испуганно всталъ, увидавъ его.

— Слава Богу! — сказалъ онъ.— Жена мнѣ все сказала! (Онъ обнялъ одной рукой Пьера, другой — дочь.) Другъ мой Леля! Я очень, очень радъ. (Голосъ его задрожалъ.) Я любилъ твоего отца... и она будетъ тебѣ хорошая жена... Богъ да благословитъ васъ!..

Онъ обнялъ дочь, потомъ опять Пьера и поцѣловалъ его дурно пахучимъ ртомъ. Слезы дѣйствительно омочили его щеки.

— Княгиня, иди же сюда!—прокричалъ онъ.

Княгиня вошла и заплакала тоже. Пожилая дама тоже утиралась платкомъ. Пьера цѣловали, и онъ нѣсколько разъ цѣло-

---

[1]) Конечно, это очень блестящая партія, но счастье, моя милая... — Браки совершаются на небесахъ.

[2]) Алина, посмотри, что они дѣлаютъ.

валъ руку прекрасной Элень. Черезъ нѣсколько времени ихъ опять оставили однихъ.

«Все это такъ должно было быть и не могло быть иначе», думалъ Пьеръ: «поэтому нечего спрашивать, хорошо ли это или дурно. Хорошо, потому что опредѣленно и нѣтъ прежняго мучительнаго сомнѣнія». Пьеръ молча держалъ руку своей невѣсты и смотрѣлъ на ея подымающуюся и опускающуюся прекрасную грудь.

— Элень!—сказалъ онъ вслухъ и остановился.

«Что-то такое особенное говорятъ въ этихъ случаяхъ», думалъ онъ; но никакъ не могъ вспомнить, что такое именно говорятъ въ этихъ случаяхъ. Онъ взглянулъ въ ея лицо. Она придвинулась къ нему ближе. Лицо ея зарумянилось.

— Ахъ, снимите эти... какъ эти...—она указывала на очки.

Пьеръ снялъ очки, и глаза его сверхъ той общей странности глазъ людей, снявшихъ очки, глаза его смотрѣли испуганно-вопросительно. Онъ хотѣлъ нагнуться надъ ея рукой и поцѣловать ее, но она быстрымъ и грубымъ движеніемъ головы перехватила его губы и свела ихъ съ своими. Лицо ея поразило Пьера своимъ измѣнившимся, непріятно-растерянным выраженіемъ.

«Теперь ужъ поздно, все кончено; да и я люблю ее», подумалъ Пьеръ.

— Je vous aime! [1])—сказалъ онъ, вспомнивъ то, что нужно было говорить въ этихъ случаяхъ; но слова эти прозвучали такъ бѣдно, что ему стало стыдно за себя.

Черезъ полтора мѣсяца онъ былъ обвѣнчанъ и поселился, какъ говорили, счастливымъ обладателемъ красавицы-жены и милліоновъ, въ большомъ петербургскомъ заново отдѣланномъ домѣ графовъ Безуховыхъ.

III.

Старый князь Николай Андреичъ Болконскій въ ноябрѣ 1805 года получилъ письмо отъ князя Василія, извѣщавшаго его о своемъ пріѣздѣ вмѣстѣ съ сыномъ. («Я ѣду на ревизію, и, разумѣется, мнѣ 100 верстъ не крюкъ, чтобы посѣтить васъ, многоуважаемый благодѣтель», писалъ онъ. «И Анатоль мой провожаетъ меня и ѣдетъ въ армію; и я надѣюсь, что вы позволите ему лично выразить вамъ то глубокое уваженіе, которое онъ, подражая отцу, питаетъ къ вамъ».)

---

[1]) Я васъ люблю.

— Вотъ Мари и возить не нужно; женихи сами къ намъ ѣдутъ, — неосторожно сказала маленькая княгиня, услыхавъ про это.

Князь Николай Андреичъ поморщился и ничего не сказалъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ полученія письма, вечеромъ, пріѣхали впередъ люди князя Василія, а на другой день пріѣхалъ и онъ самъ съ сыномъ.

Старикъ Болконскій всегда былъ невысокаго мнѣнія о характерѣ князя Василія, и тѣмъ болѣе въ послѣднее время, когда князь Василій въ новыя царствованія при Павлѣ и Александрѣ далеко пошелъ въ чинахъ и почестяхъ. Теперь же, по намекамъ письма и маленькой княгини, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и невысокое мнѣніе о князѣ Василіи перешло въ душѣ князя Николая Андреича въ чувство недоброжелательнаго презрѣнія. Онъ постоянно фыркалъ, говоря про него. Въ тотъ день, какъ пріѣхать князю Василію, князь Николай Андреичъ былъ особенно недоволенъ и не въ духѣ. Оттого ли онъ былъ не въ духѣ, что пріѣзжалъ князь Василій, или оттого онъ былъ особенно недоволенъ пріѣздомъ князя Василія, что былъ не въ духѣ; но онъ былъ не въ духѣ, и Тихонъ еще утромъ отсовѣтовалъ архитектору входить съ докладомъ къ князю.

— Слышите, какъ ходитъ, — сказалъ Тихонъ, обращая вниманіе архитектора на звуки шаговъ князя. — На всю пятку ступаетъ — уже мы знаемъ...

Однако, какъ обыкновенно, въ 9-мъ часу князь вышелъ гулять въ своей бархатной шубкѣ съ собольимъ воротникомъ и такой же шапкѣ. Наканунѣ выпалъ снѣгъ. Дорожка, по которой хаживалъ князь Николай Андреичъ къ оранжереѣ, была расчищена, слѣды метлы виднѣлись на разметанномъ снѣгу, и лопата была воткнута въ рыхлую насыпь снѣга, шедшую съ обѣихъ сторонъ дорожки. Князь прошелъ по оранжереямъ, по дворнѣ и постройкамъ, нахмуренный и молчаливый.

— А проѣхать въ саняхъ можно? — спросилъ онъ провожавшаго его до дома почтеннаго, похожаго лицомъ и манерами на хозяина, управляющаго.

— Глубокъ снѣгъ, ваше сіятельство. Я уже по прешпекту разметать велѣлъ.

Князь наклонилъ голову и подошелъ къ крыльцу. «Слава Тебѣ, Господи», подумалъ управляющій, «пронеслась туча!»

— Проѣхать трудно было, ваше сіятельство, — прибавилъ управляющій. — Какъ слышно было, ваше сіятельство, что министръ пожалуетъ къ вашему сіятельству?

Князь повернулся къ управляющему и нахмуренными глазами уставился на него.

— Что? Министръ? Какой министръ? Кто велѣлъ? — заговорилъ онъ своимъ пронзительнымъ, жесткимъ голосомъ. — Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нѣтъ министровъ!

— Ваше сіятельство, я полагалъ...

— Ты полагалъ, — закричалъ князь, все поспѣшнѣе и несвязнѣе выговаривая слова. — Ты полагалъ... Разбойники! прохвосты!.. Я тебя научу полагать! — И, поднявъ палку, онъ замахнулся ею на Алпатыча и ударилъ бы, ежели бы управляющій невольно не отклонился отъ удара. — Полагалъ... Прохвосты... — торопливо кричалъ онъ.

Но, несмотря на то, что Алпатычъ, самъ испугавшійся своей дерзости—отклониться отъ удара, приблизился къ князю, опустивъ передъ нимъ покорно свою плѣшивую голову, или, можетъ-быть, именно отъ этого, князь, продолжая кричать: «прохвосты!.. закидать дорогу!..» не поднялъ другой разъ палки и вбѣжалъ въ комнаты.

Передъ обѣдомъ княжна и m-lle Bourienne, знавшія, что князь не въ духѣ, стояли, ожидая его: m-lle Bourienne съ сіяющимъ лицомъ, которое говорило: «Я ничего не знаю, я такая же, какъ и всегда», и княжна Марья — блѣдная, испуганная, съ опущенными глазами. Тяжелѣе всего для княжны Марьи было то, что она знала, что въ этихъ случаяхъ надо поступать, какъ m-lle Bourienne, но не могла этого сдѣлать. Ей казалось: «сдѣлаю я такъ, какъ будто не замѣчаю, онъ подумаетъ, что у меня нѣтъ къ нему сочувствія; сдѣлаю я такъ, что я сама скучна и не въ духѣ, онъ скажетъ (какъ это и бывало), что я носъ повѣсила», и т. п.

Князь взглянулъ на испуганное лицо дочери и фыркнулъ.

— Др... или дура!.. — проговорилъ онъ.

«И той нѣтъ! ужъ и ей насплетничали», подумалъ онъ про маленькую княгиню, которой не было въ столовой.

— А княгиня гдѣ? — спросилъ онъ. — Прячется?..

— Она не совсѣмъ здорова, — весело улыбаясь, сказала m-lle Bourienne, — она не выйдетъ. Это такъ понятно въ ея положеніи.

— Гм! гм! кх! кх! — проговорилъ князь и сѣлъ за столъ.

Тарелка ему показалась не чиста; онъ указалъ на пятно и бросилъ ее. Тихонъ подхватилъ ее и передалъ буфетчику. Маленькая княгиня не была нездорова, но она до такой степени

непреодолимо боялась князя, что, услыхавъ о томъ, какъ онъ не въ духѣ, она рѣшилась не выходить.

— Я боюсь за ребенка, — говорила она m-lle Bourienne:— Богъ знаетъ, что можетъ сдѣлаться отъ испуга.

Вообще маленькая княгиня жила въ Лысыхъ Горахъ постоянно подъ чувствомъ страха и антипатіи къ старому князю, которой она не сознавала, потому что страхъ такъ преобладалъ, что она не могла чувствовать ея. Со стороны князя была тоже антипатія, но она заглушалась презрѣніемъ. Княгиня, обжившись въ Лысыхъ Горахъ, особенно полюбила m-lle Bourienne, проводила съ нею дни, просила ее ночевать съ собой и съ нею часто говорила о свекрѣ и судила его.

— Il nous arrive du monde, mon prince [1]), — сказала m-lle Bourienne, своими розовенькими руками развертывая бѣлую салфетку.—Son excellence le prince Kouraguine avec son fils, à ce que j'ai entendu dire? [2]) — вопросительно сказала она.

— Гм... это excellence мальчишка... я его опредѣлилъ въ коллегію, — оскорбленно сказалъ князь. — А сынъ зачѣмъ, не могу понять. Княгиня Лизавета Карловна и княжна Марья, можетъ, знаютъ; я не знаю, къ чему онъ везетъ этого сына сюда. Мнѣ не нужно. (И онъ посмотрѣлъ на покраснѣвшую дочь.) Нездорова, что ли? Отъ страха министра, какъ нынче этотъ болванъ Алпатычъ сказалъ.

— Нѣтъ, mon père.

Какъ не неудачно попала m-lle Bourienne на предметъ разговора, она не остановилась и болтала объ оранжереяхъ, о красотѣ новаго распустившагося цвѣтка, и князь послѣ супа смягчился.

Послѣ обѣда онъ прошелъ къ невѣсткѣ. Маленькая княгиня сидѣла за маленькимъ столикомъ и болтала съ Машей, горничной. Она поблѣднѣла, увидавъ свекра.

Маленькая княгиня очень перемѣнилась. Она скорѣе была дурна, нежели хороша теперь. Щеки опустились, губа поднялась кверху, глаза были обтянуты книзу.

— Да тяжесть какая-то,—отвѣчала она на вопросъ князя, что она чувствуетъ.

— Не нужно ли чего?

— Нѣтъ, merci, mon père.

— Ну, хорошо, хорошо.

---

[1]) Къ намъ ѣдутъ гости, князь.

[2]) Его сіятельство князь Курагинъ съ сыномъ, сколько я слышала?

Онъ вышелъ и дошелъ до офиціантской. Алпатычъ, нагнувъ голову, стоялъ въ офиціантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сіятельство; простите, ради Бога... по одной глупости...

Князь перебилъ его и засмѣялся своимъ неестественнымъ смѣхомъ.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онъ протянулъ руку, которую поцѣловалъ Алпатычъ, и прошелъ въ кабинетъ.

Вечеромъ пріѣхалъ князь Василій. Его встрѣтили на *прешпектѣ* (такъ назывался проспектъ) кучера и офиціанты, съ крикомъ провезли его возки и сани къ флигелю по нарочно засыпанной снѣгомъ дорогѣ.

Князю Василію и Анатолю были отведены отдѣльныя комнаты.

Анатоль сидѣлъ, снявъ камзолъ и подпершись руками въ бока, передъ столомъ, на уголъ котораго онъ, улыбаясь, пристально и разсѣянно устремилъ свои прекрасные большіе глаза. На всю жизнь свою онъ смотрѣлъ какъ на непрерывное увеселеніе, которое кто-то такой почему-то обязался устроить для него. Такъ же и теперь онъ смотрѣлъ на свою поѣздку къ злому старику и къ богатой уродливой наслѣдницѣ. Все это могло выйти, по его предположенію, очень хорошо и забавно. «А отчего же не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мѣшаетъ», думалъ Анатоль.

Онъ выбрился, надушился съ тщательностью и щегольствомъ, сдѣлавшимися его привычкою, и съ прирожденнымъ ему добродушно-побѣдительнымъ выраженіемъ, высоко неся красивую голову, вошелъ въ комнату къ отцу. Около князя Василія хлопотали его два камердинера, одѣвая его; онъ самъ оживленно оглядывался вокругъ себя и весело кивнулъ входившему сыну, какъ будто онъ говорилъ: «Такъ, такимъ мнѣ тебя и надо».

— Нѣтъ, безъ шутокъ, батюшка, она очень уродлива? А?— спросилъ онъ, какъ бы продолжая разговоръ, не разъ веденный во время путешествія.

— Полно. Глупости! Главное дѣло — старайся быть почтителенъ и благоразуменъ съ старымъ княземъ.

— Ежели онъ будетъ браниться, я уйду, — сказалъ Анатоль. — Я этихъ стариковъ терпѣть не могу. А?

— Помни, что для тебя отъ этого зависитъ все.

Въ это время въ дѣвичьей не только былъ извѣстенъ пріѣздъ министра съ сыномъ, но внѣшній видъ ихъ обоихъ былъ уже

подробно описанъ. Княжна Марья сидѣла одна въ своей комнатѣ и тщетно пыталась преодолѣть свое внутреннее волненіе.

«Зачѣмъ они писали, зачѣмъ Лиза говорила мнѣ про это? Вѣдь этого не можетъ быть!» говорила она себѣ, взглядывая въ зеркало. «Какъ я выйду въ гостиную? Ежели бы онъ даже мнѣ понравился, я бы не могла быть теперь съ нимъ сама собою». Одна мысль о взглядѣ ея отца приводила ее въ ужасъ.

Маленькая княгиня и m-lle Bourienne получили уже всѣ нужныя свѣдѣнія отъ горничной Маши о томъ, какой румяный, чернобровый красавецъ былъ министерскій сынъ, и о томъ, какъ папенька ихъ насилу ноги проволокъ на лѣстницу, а онъ какъ орелъ, шагая по три ступеньки, пробѣжалъ за нимъ. Получивъ эти свѣдѣнія, маленькая княгиня съ m-lle Bourienne, еще изъ коридора слышныя своими оживленно переговаривавшимися голосами, вошли въ комнату княжны.

— Ils sont arrivés, Marie [1]), вы знаете? — сказала маленькая княгиня, переваливаясь своимъ животомъ и тяжело опускаясь на кресло.

Она уже не была въ той блузѣ, въ которой сидѣла поутру, а на ней было одно изъ лучшихъ ея платьевъ; голова ея была тщательно убрана, и на лицѣ ея было оживленіе, не скрывавшее однако опустившихся и помертвѣвшихъ очертаній лица. Въ томъ нарядѣ, въ которомъ она бывала обыкновенно въ обществахъ въ Петербургѣ, еще замѣтнѣе было, какъ много она подурнѣла. На m-lle Bourienne тоже появилось уже незамѣтно какое-то усовершенствованіе наряда, которое придавало ея хорошенькому, свѣженькому лицу еще болѣе привлекательности.

— Eh bien, et vous restez comme vous êtes, chère princesse,— заговорила она. — On va venir annoncer, que ces messiers sont au salon; il faudra descendre, et vous ne faites pas un petit brin de toilette! [2])

Маленькая княгиня поднялась съ кресла, позвонила горничную и поспѣшно и весело принялась придумывать нарядъ для княжны Марьи и приводить его въ исполненіе. Княжна Марья чувствовала себя оскорбленной въ чувствѣ собственнаго достоинства тѣмъ, что пріѣздъ обѣщаннаго ей жениха волновалъ ее, и еще болѣе она была оскорблена тѣмъ, что обѣ ея подруги и не предполагали, чтобы это могло быть иначе. Сказать имъ, какъ

---

[1]) Они пріѣхали, Мари.

[2]) Ну, а вы остаетесь, въ чемъ были, княжна. Сейчасъ придутъ сказать, что они вышли. Надо будетъ идти внизъ, а вы хоть бы чуть-чуть принарядились.

ей совѣстно было за себя и за нихъ, это значило выдать свое волненіе; кромѣ того, отказаться отъ наряженія, которое предлагали ей, повело бы къ продолжительнымъ шуткамъ и настаиваніямъ. Она вспыхнула, прекрасные глаза ея потухли, лицо ея покрылось пятнами, и съ тѣмъ некрасивымъ выраженіемъ жертвы, чаще всего останавливающимся на ея лицѣ, она отдалась во власть m-lle Bourienne и Лизы. Обѣ женщины заботились *совершенно искренно* о томъ, чтобы сдѣлать ее красивой. Она была такъ дурна, что ни одной изъ нихъ не могла придти мысль о соперничествѣ съ нею; поэтому онѣ совершенно искренно, съ тѣмъ наивнымъ и твердымъ убѣжденіемъ женщинъ, что нарядъ можетъ сдѣлать лицо красивымъ, принялись за ея одѣванье.

— Нѣтъ, право, ma bonne amie, это платье нехорошо, — говорила Лиза, издалека бокомъ взглядывая на княжну. — Вели подать, у тебя тамъ есть масакà. Право! Что жъ, вѣдь это, можетъ-быть, судьба жизни рѣшается. А это слишкомъ свѣтло, нехорошо, нѣтъ, нехорошо!

Нехорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны, но этого не чувствовали m-lle Bourienne и маленькая княгиня; имъ все казалось, что ежели приложить голубую ленту къ волосамъ, зачесаннымъ кверху, и спустить голубой шарфъ съ коричневаго платья и т. п., то все будетъ хорошо. Онѣ забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было измѣнить, и потому, какъ онѣ ни видоизмѣняли раму и украшеніе этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво. Послѣ двухъ или трехъ перемѣнъ, которымъ покорно подчинялась княжна Марья, въ ту минуту, какъ она была зачесана кверху (прическа, совершенно измѣнявшая и портившая ея лицо), въ голубомъ шарфѣ и масакà нарядномъ платьѣ, маленькая княгиня раза два обошла кругомъ нея, маленькой ручкой оправила тутъ складку платья, тамъ подернула шарфъ и посмотрѣла, склонивъ голову, то съ той, то съ другой стороны.

— Нѣтъ, это нельзя, — сказала она рѣшительно, всплеснувъ руками. — Non, Marie, décidément ça ne vous va pas. Je vous aime mieux dans votre petite robe grise de tous les jours. Non, de grâce, faites cela pour moi [1]). Катя, — сказала она горничной, — принеси княжнѣ сѣренькое платье, и посмотрите, m-lle Bourienne, какъ я это устрою, — сказала она съ улыбкой предвкушенія артистической радости.

---

[1]) Нѣтъ, Мари, рѣшительно это не идетъ къ вамъ. Я васъ лучше люблю въ вашемъ сѣренькомъ ежедневномъ платьицѣ; пожалуйста, сдѣлайте это для меня.

Но, когда Катя принесла требуемое платье, княжна Марья неподвижно все сидѣла передъ зеркаломъ, глядя на свое лицо, и въ зеркалѣ увидала, что въ глазахъ ея стоятъ слезы и что ротъ ея дрожитъ, приготовляясь къ рыданіямъ.

— Voyons, chère princesse, — сказала m-lle Bourienne, — encore un petit effort [1]).

Маленькая княгиня, взявъ платье изъ рукъ горничной, подходила къ княжнѣ Марьѣ.

— Нѣтъ, теперь мы это сдѣлаемъ просто, мило,—говорила она.

Голоса ея, m-lle Bourienne и Кати, которая о чемъ-то засмѣялась, сливались въ веселое лепетанье, похожее на пѣніе птицъ.

— Non, laissez-moi [2]),—сказала княжна.

И голосъ ея звучалъ такою серьезностью и страданіемъ, что лепетанье птицъ тотчасъ же замолкло. Онѣ посмотрѣли на большіе прекрасные глаза, полные слезъ и мысли, ясно и умоляюще смотрѣвшіе на нихъ, и поняли, что настаивать безполезно и даже жестоко.

— Au moins changez de coiffure, — сказала маленькая княгиня. — Je vous disais, — съ упрекомъ сказала она, обращаясь къ m-lle Bourienne, — Marie a une de ces figures, auxquelles ce genre de coiffure ne va pas du tout. Mais du tout, du tout. Changez de grâce [3]).

— Laissez-moi, laissez-moi, tout ça m'est parfaitement égal [4]),— отвѣчалъ голосъ, едва удерживающій слезы.

M-lle Bourienne и маленькая княгиня должны были признаться самимъ себѣ, что княжна Марья въ этомъ видѣ была очень дурна, хуже, чѣмъ всегда; но было уже поздно. Она смотрѣла на нихъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое онѣ знали, выраженіемъ мысли и грусти. Выраженіе это не внушало имъ страха къ княжнѣ Марьѣ (этого чувства она никому не внушала). Но онѣ знали, что, когда на ея лицѣ появлялось это выраженіе, она была молчалива и непоколебима въ своихъ рѣшеніяхъ.

— Vous changerez, n'est-ce pas? [5])—сказала Лиза, и когда княжна Марья ничего не отвѣтила, Лиза вышла изъ комнаты.

---

[1]) Ну, княжна, еще маленькое усиліе.

[2]) Нѣтъ, оставьте меня.

[3]) По крайней мѣрѣ, перемѣните прическу. Я вамъ говорила, у Мари одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ этотъ родъ прически совсѣмъ не идетъ. Перемѣните, пожалуйста.

[4]) Оставьте меня, мнѣ все равно.

[5]) Вы перемѣните, не правда ли?

Княжна Марья осталась одна. Она не исполнила желанія Лизы и не только не перемѣнила прически, но и не взглянула на себя въ зеркало. Она, безсильно опустивъ глаза и руки, молча сидѣла и думала. Ей представлялся мужъ, мужчина, сильное, преобладающее и непонятно-привлекательное существо, переносящее ее вдругъ въ свой, совершенно другой, счастливый міръ. Ребенокъ *свой*, такой, какого она видѣла вчера у дочери кормилицы, представлялся ей у своей собственной груди. Мужъ стоитъ и нѣжно смотритъ на нее и ребенка. «Но нѣтъ, это невозможно: я слишкомъ дурна», думала она.

— Пожалуйте къ чаю. Князь сейчасъ выйдутъ, — сказалъ изъ-за двери голосъ горничной.

Она очнулась и ужаснулась тому, о чемъ она думала. И прежде чѣмъ идти внизъ, она встала, вошла въ образную и, устремивъ на освѣщенный лампадой черный ликъ большого образа Спасителя, простояла передъ нимъ съ сложенными нѣсколько минутъ руками. Въ душѣ княжны Марьи было мучительное сомнѣніе. Возможна ли для нея радость любви, земной любви къ мужчинѣ? Въ помышленіяхъ о бракѣ княжнѣ Марьѣ мечталось и семейное счастье и дѣти, но главною, сильнѣйшею и затаенною ея мечтою была любовь земная. Чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она старалась скрывать его отъ другихъ и даже отъ самой себя. «Боже мой», говорила она, «какъ мнѣ подавить въ сердцѣ своемъ эти мысли дьявола? Какъ мнѣ отказаться такъ навсегда отъ злыхъ помысловъ, чтобы спокойно исполнять Твою волю?» И едва она сдѣлала этотъ вопросъ, какъ Богъ уже отвѣчалъ ей въ ея собственномъ сердцѣ: «Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должны быть неизвѣстны тебѣ; но живи такъ, чтобы быть готовой ко всему. Если Богу угодно будетъ испытать тебя въ обязанностяхъ брака, будь готова исполнить Его волю». Съ этой успокоительной мыслью (но все-таки съ надеждой на исполненіе своей запрещенной, земной мечты) княжна Марья, вздохнувъ, перекрестилась и сошла внизъ, не думая ни о своемъ платьѣ, ни о прическѣ, ни о томъ, какъ она войдетъ и что́ скажетъ. Что̀ могло все это значить въ сравненіи съ предопредѣленіемъ Бога, безъ воли Котораго не падетъ ни одинъ волосъ изъ головы человѣческой.

IV.

Когда княжна Марья вошла въ комнату, князь Василій съ сыномъ уже были въ гостиной, разговаривал съ маленькой кня-

гиней и m-lle Bourienne. Когда она вошла своей тяжелой походкой, ступая на пятки, мужчины и m-lle Bourienne приподнялись, и маленькая княгиня, указывая на нее мужчинамъ, сказала: «Voilà Marie!» Княжна Марья видѣла всѣхъ и подробно видѣла. Она видѣла лицо князя Василія, на мгновеніе серьезно остановившееся при видѣ княжны и тотчасъ же улыбнувшееся, и лицо маленькой княгини, читавшей съ любопытствомъ на лицахъ гостей впечатлѣніе, которое произведетъ на нихъ Marie. Она видѣла и m-lle Bourienne съ ея лентой и красивымъ лицомъ и оживленнымъ какъ никогда взглядомъ, устремленнымъ на *него*; но она не могла видѣть *его*: она видѣла только что-то большое, яркое и прекрасное, подвинувшееся къ ней, когда она вошла въ комнату. Сначала къ ней подошелъ князь Василій, и она поцѣловала плѣшивую голову, наклонившуюся надъ ея рукою, и отвѣчала на его слова, что она, напротивъ, очень хорошо помнитъ его. Потомъ къ ней подошелъ Анатоль. Она все еще не видала его. Она только почувствовала нѣжную руку, твердо взявшую ея, и чуть дотронулась до бѣлаго лба, надъ которымъ были припомажены прекрасные русые волосы. Когда она взглянула на него, красота его поразила ее. Анатоль, заложивъ большой палецъ правой руки за застегнутую пуговицу мундира, съ выгнутою впередъ грудью, а назадъ — спиною, покачивая одной отставленной ногой и слегка склонивъ голову, молча, весело глядѣлъ на княжну, видимо совершенно о ней не думая. Анатоль былъ не находчивъ, не быстръ и не краснорѣчивъ въ разговорахъ, но у него зато была драгоцѣнная для свѣта способность спокойствія и ничѣмъ неизмѣняемая увѣренность. Замолчи при первомъ знакомствѣ несамоувѣренный человѣкъ и выкажи сознаніе неприличности этого молчанія и желаніе найти что-нибудь, и будетъ нехорошо; но Анатоль молчалъ, покачивалъ ногой, весело наблюдая прическу княжны. Видно было, что онъ такъ спокойно могъ молчать очень долго. «Ежели кому неловко это молчаніе, такъ разговаривайте, а мнѣ не хочется», какъ будто говорилъ его видъ. Кромѣ того, въ обращеніи съ женщинами у Анатоля была та манера, которая болѣе всего внушаетъ въ женщинахъ любопытство, страхъ и даже любовь,— манера презрительнаго сознанія своего превосходства. Какъ будто онъ говорилъ имъ своимъ видомъ: «Знаю васъ, знаю, да что съ вами возиться? А ужъ вы бы рады!» Можетъ быть, что онъ этого не думалъ, встрѣчаясь съ женщинами (и даже вѣроятно, что нѣтъ, потому что онъ вообще мало думалъ), но такой у него былъ видъ и такая манера. Княжна почувствовала это и, какъ будто желая ему показать, что она и не смѣетъ думать

о томъ, чтобы занять его, обратилась къ старому князю. Разговоръ шелъ общій и оживленный, благодаря голоску и губкѣ съ усиками, поднимавшейся надъ бѣлыми зубами маленькой княгини. Она встрѣтила князя Василія съ тѣмъ пріемомъ шуточки, который часто употребляется болтливо-веселыми людьми и который состоитъ въ томъ, что между человѣкомъ, съ которымъ такъ обращаются, и собой предполагаютъ какія-то давно установившіяся шуточки и веселыя, отчасти не всѣмъ извѣстныя, забавныя воспоминанія, тогда какъ никакихъ такихъ воспоминаній нѣтъ, какъ ихъ и не было между маленькой княгиней и княземъ Василіемъ. Князь Василій охотно поддался этому тону; маленькая княгиня вовлекла въ это воспоминаніе никогда не бывшихъ смѣшныхъ происшествій и Анатоля, котораго она почти не знала. M-lle Bourienne тоже раздѣляла эти общія воспоминанія, и даже княжна Марья съ удовольствіемъ почувствовала и себя втянутою въ это веселое воспоминаніе.

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, мы вами теперь вполнѣ воспользуемся, милый князь, — говорила маленькая княгиня, разумѣется по-французски, князю Василію, — это не такъ, какъ на нашихъ вечерахъ у Annette, гдѣ вы всегда убѣжите; помните cette chère Annette?

— А, да вы мнѣ не *подите говорить* про политику, какъ Annette!

— А нашъ чайный столикъ?

— О, да!

— Отчего вы никогда не бывали у Annette? —спросила маленькая княгиня у Анатоля. — А я знаю, знаю, — сказала она, подмигнувъ: — вашъ братъ Ипполитъ мнѣ разсказывалъ про ваши дѣла. О!—Она погрозила ему пальчикомъ.—Еще въ Парижѣ ваши проказы знаю.

— А онъ, Ипполитъ, тебѣ не говорилъ?— сказалъ князь Василій (обращаясь къ сыну и схвативъ за руку княгиню, какъ будто она хотѣла убѣжать, а онъ едва успѣлъ удержать ее),— а онъ тебѣ не говорилъ, какъ онъ самъ, Ипполитъ, изсыхалъ по милой княгинѣ и какъ она le mettait à la porte? [1])

— Oh! C'est la perle des femmes, princesse! [2])—обратился онъ къ княжнѣ.

Съ своей стороны m-lle Bourienne не упустила случая при словѣ «Парижъ» вступить тоже въ общій разговоръ воспоминаній.

Она позволила себѣ спросить, давно ли Анатоль оставилъ Па-

---

[1]) Выгнала его изъ дома.
[2]) Ахъ! это перлъ женщинъ, княжна.

рижъ и какъ понравился ему этотъ городъ. Анатоль весьма охотно отвѣчалъ француженкѣ и, улыбаясь, глядя на нее, разговаривалъ съ нею про ея отечество. Увидавъ хорошенькую Bourienne, Анатоль рѣшилъ, что и здѣсь, въ Лысыхъ Горахъ, будетъ нескучно. «Очень недурна», думалъ онъ, оглядывая ее, «очень недурна эта demoiselle de compagnie. Надѣюсь, что она возьметъ ее съ собой, когда выйдетъ за меня», подумалъ онъ, «la petite est gentille».

Старый князь неторопливо одѣвался въ кабинетѣ, хмурясь и обдумывая то, что ему дѣлать. Пріѣздъ этихъ гостей сердилъ его. «Что мнѣ князь Василій и его сынокъ? Князь Василій хвастунишка, пустой, ну и сынъ хорошъ долженъ быть», ворчалъ онъ про себя. Его сердило то, что пріѣздъ этихъ гостей поднималъ въ его душѣ нерѣшенный, постоянно заглушаемый вопросъ,— вопросъ, насчетъ котораго старый князь всегда самъ себя обманывалъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, рѣшится ли онъ когда-либо разстаться съ княжной Марьей и отдать ее мужу. Князь никогда прямо не рѣшался задавать себѣ этотъ вопросъ, зная впередъ, что онъ отвѣтилъ бы по справедливости, а справедливость противорѣчила больше чѣмъ чувству, а всей возможности его жизни. Жизнь безъ княжны Марьи князю Николаю Андрею, несмотря на то, что онъ, казалось, мало дорожилъ ею, была немыслима. «И къ чему ей выходить замужъ?» думалъ онъ, «навѣрно быть несчастной. Вонъ Лиза за Андреемъ (лучше мужа теперь, кажется, трудно найти), а развѣ она довольна своей судьбой? И кто ее возьметъ изъ любви? Дурна, неловка. Возьмутъ за связи, за богатство. И развѣ не живутъ въ дѣвкахъ? Еще счастливѣе!» Такъ думалъ, одѣваясь, князь Николай Андреичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все откладываемый вопросъ требовалъ немедленнаго рѣшенія. Князь Василій привезъ своего сына, очевидно, съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе и, вѣроятно, нынче или завтра потребуетъ прямого отвѣта. Имя, положеніе въ свѣтѣ приличное. «Что жъ, я не прочь», говорилъ самъ себѣ князь, «но пусть онъ будетъ стоитъ ея. Вотъ это-то мы и посмотримъ».

— Это-то мы и посмотримъ! — проговорилъ онъ вслухъ.— Это-то мы и посмотримъ.

И онъ, какъ всегда, бодрыми шагами вошелъ въ гостиную, быстро окинулъ глазами всѣхъ, замѣтилъ и перемѣну платья маленькой княгини, и ленточку Bourienne, и уродливую прическу княжны Марьи, и улыбки Bourienne и Анатоля, и одиночество своей княжны въ общемъ разговорѣ. «Убралась какъ дура!»

подумалъ онъ, злобно взглянувъ на дочь. «Стыда нѣтъ; а онъ ея и знать не хочетъ!»

Онъ подошелъ къ князю Василію.

— Ну, здравствуй, здравствуй; радъ видѣть.

— Для мила дружка семь верстъ не околица, — заговорилъ князь Василій, какъ всегда, быстро, самоувѣренно и фамильярно.— Вотъ мой второй, прошу любить и жаловать.

Князь Николай Андреичъ оглядѣлъ Анатоля.

— Молодецъ, молодецъ!—сказалъ онъ,—ну, поди поцѣлуй,— и онъ подставилъ ему щеку.

Анатоль поцѣловалъ старика и любопытно и совершенно спокойно смотрѣлъ на него, ожидая, скоро ли произойдетъ отъ него обѣщанное отцомъ чудацкое.

Князь Николай Андреичъ сѣлъ на свое обычное мѣсто въ уголъ дивана, подвинулъ къ себѣ кресло для князя Василія, указалъ на него и сталъ разспрашивать о политическихъ дѣлахъ и новостяхъ. Онъ слушалъ какъ будто со вниманіемъ разсказъ князя Василія, но безпрестанно взглядывалъ на княжну Марью.

— Такъ ужъ изъ Потсдама пишутъ?—повторилъ онъ послѣднія слова князя Василія и вдругъ, вставъ, подошелъ къ дочери.

— Это ты для гостей такъ убралась, а? — сказалъ онъ. — Хороша, очень хороша. Ты при гостяхъ причесана по-новому, а я при гостяхъ тебѣ говорю, что впередъ не смѣй ты переодѣваться безъ моего спроса.

— Это я, mon père, виновата,—краснѣя, заступилась маленькая княгиня.

— Вамъ полная воля-съ, — сказалъ князь Николай Андреичъ, расшаркиваясь передъ невѣсткой, — а ей уродовать себя нечего — и такъ дурна.

И онъ опять сѣлъ на мѣсто, не обращая болѣе вниманія на до слезъ доведенную дочь.

— Напротивъ, эта прическа очень идетъ княжнѣ, — сказалъ князь Василій.

— Ну, батюшка, молодой князь, какъ его зовутъ?—сказалъ князь Николай Андреичъ, обращаясь къ Анатолю,—поди сюда, поговоримъ, познакомимся.

«Вотъ когда начинается потѣха», подумалъ Анатоль и съ улыбкой подсѣлъ къ старому князю.

— Ну, вотъ что: вы, мой милый, говорятъ, за границей воспитывались. Не такъ, какъ насъ съ твоимъ отцомъ дьячокъ грамотѣ училъ. Скажите мнѣ, мой милый, вы теперь служите

въ конной гвардіи? — спросилъ старикъ, близко и пристально глядя на Анатоля.

— Нѣтъ, я перешелъ въ армію, — отвѣчалъ Анатоль, едва удерживаясь отъ смѣха.

— А! хорошее дѣло. Что жъ хотите, мой милый, послужить царю и отечеству? Время военное. Такому молодцу служить надо, служить надо. Что жъ, во фронтѣ?

— Нѣтъ, князь. Полкъ нашъ выступилъ. А я числюсь... При чемъ я числюсь, папа? — обратился Анатоль со смѣхомъ къ отцу.

— Славно служить, славно. При чемъ я числюсь! Ха-ха-ха! — засмѣялся князь Николай Андреичъ.

И Анатоль засмѣялся еще громче. Вдругъ князь Николай Андреичъ нахмурился.

— Ну, ступай, — сказалъ онъ Анатолю.

Анатоль съ улыбкой подошелъ опять къ дамамъ.

— Вѣдь ты ихъ тамъ за границей воспитывалъ, князь Василій? А? — обратился старый князь къ князю Василію.

— Я дѣлалъ, что могъ; и я вамъ скажу, что тамошнее воспитаніе гораздо лучше нашего.

— Да, нынче все другое, все по-новому. Молодецъ малый! молодецъ! Ну, пойдемъ ко мнѣ.

Онъ взялъ князя Василія подъ руку и повелъ въ кабинетъ.

Князь Василій, оставшись одинъ на одинъ съ княземъ, тотчасъ же объявилъ ему о своемъ желаніи и надеждахъ.

— Что жъ ты думаешь, — сердито сказалъ старый князь, — что я ее держу, не могу разстаться? Вообразятъ себѣ! — проговорилъ онъ сердито. — Мнѣ хоть завтра! Только скажу тебѣ, что я своего зятя знать хочу лучше. Ты знаешь мои правила: все открыто! Я завтра при тебѣ спрошу; хочетъ она, тогда пусть онъ поживетъ. Пускай поживетъ, я посмотрю. (Князь фыркнулъ.) Пускай выходитъ, мнѣ все равно! — закричалъ онъ тѣмъ пронзительнымъ голосомъ, которымъ онъ кричалъ при прощаньи съ сыномъ.

— Я вамъ прямо скажу, — сказалъ князь Василій тономъ хитраго человѣка, убѣдившагося въ ненужности хитрить передъ проницательностью собесѣдника. — Вы вѣдь насквозь людей видите. Анатоль не геній, но честный, добрый малый, прекрасный сынъ и родной.

— Ну, ну, хорошо, увидимъ.

Какъ оно всегда бываетъ для одинокихъ женщинъ, долго прожившихъ безъ мужского общества, при появленіи Анатоля всѣ три женщины въ домѣ князя Николая Андреича одинаково почувствовали, что жизнь ихъ была не жизнью до этого вре-

мени. Сила мыслить, чувствовать, наблюдать мгновенно удесятерилась во всѣхъ ихъ, и какъ будто до сихъ поръ проходившая во мракѣ ихъ жизнь вдругъ освѣтилась новымъ, полнымъ значенія свѣтомъ.

Княжна Марья вовсе не думала и не помнила о своемъ лицѣ и прическѣ. Красивое, открытое лицо человѣка, который, можетъ-быть, будетъ ея мужемъ, поглощало все ея вниманіе. Онъ ей казался добръ, храбръ, рѣшителенъ, мужественъ и великодушенъ. Она была убѣждена въ этомъ. Тысячи мечтаній о будущей семейной жизни безпрестанно возникали въ ея воображеніи. Она отгоняла и старалась скрыть ихъ.

«Но не слишкомъ ли я холодна съ нимъ?» думала княжна Марья. «Я стараюсь сдерживать себя, потому что въ глубинѣ души чувствую себя къ нему уже слишкомъ близкою; но вѣдь онъ не знаетъ всего того, что̀ я о немъ думаю, и можетъ вообразить себѣ, что онъ мнѣ непріятенъ».

И княжна Марья старалась и не умѣла быть любезной съ новымъ гостемъ. «La pauvre fille! Elle est diablement laide» [1]), думалъ про нее Анатоль.

M-lle Bourienne, взведенная тоже пріѣздомъ Анатоля на высокую степень возбужденія, думала въ другомъ родѣ. Конечно, красивая молодая дѣвушка безъ опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, безъ родныхъ и друзей и даже родины не думала посвятить свою жизнь услугамъ князю Николаю Андреичу, чтенію ему книгъ и дружбѣ къ княжнѣ Марьѣ. M-lle Bourienne давно ждала того русскаго князя, который сразу сумѣетъ оцѣнить ея превосходство надъ русскими, дурными, дурно одѣтыми, неловкими княжнами, влюбится въ нее и увезетъ ее; и вотъ этотъ русскій князь, наконецъ, пріѣхалъ. У m-lle Bourienne была исторія, слышанная ею отъ тетки, доконченная ею самой, которую она любила повторять въ своемъ воображеніи. Это была исторія о томъ, какъ соблазненной дѣвушкѣ представлялась ея бѣдная мать, sa pauvre mère, и упрекала ее за то, что она безъ брака отдалась мужчинѣ. M-lle Bourienne часто трогалась до слезъ, въ воображеніи своемъ разсказывая «*ему*», соблазнителю, эту исторію. Теперь этотъ «*онъ*», настоящій русскій князь, явился. Онъ увезетъ ее, потомъ явится ma pauvre mère, и онъ женится на ней. Такъ складывалась въ головѣ m-lle Bourienne вся ея будущая исторія въ самое то время, какъ она разговаривала съ нимъ о Парижѣ. Не расчеты руководили m-lle Bourienne (она даже ни минуты не обдумывала того, что̀ ей дѣлать), но все это

---

[1]) Бѣдная дѣвушка, она дьявольски дурна собою!

уже давно было готово въ ней и теперь только сгруппировалось около появившагося Анатоля, которому она желала и старалась какъ можно больше нравиться.

Маленькая княгиня, какъ старая полковая лошадь, услыхавъ звукъ трубы, безсознательно и забывая свое положеніе, готовилась къ привычному галопу кокетства, безъ всякой задней мысли или борьбы, а съ наивнымъ, легкомысленнымъ весельемъ.

Несмотря на то, что Анатоль въ женскомъ обществѣ ставилъ себя обыкновенно въ положеніе человѣка, которому надоѣдала бѣготня за нимъ женщинъ, онъ чувствовалъ тщеславное удовольствіе, видя свое вліяніе на этихъ трехъ женщинъ. Кромѣ того, онъ начиналъ испытывать къ хорошенькой и вызывающей Bourienne то страстное, звѣрское чувство, которое на него находило съ чрезвычайной быстротой и побуждало его къ самымъ грубымъ и смѣлымъ поступкамъ.

Общество послѣ чаю перешло въ диванную, и княжну попросили поиграть на клавикордахъ. Анатоль облокотился передъ ней подлѣ m-lle Bourienne, и глаза его, смѣясь и радуясь, смотрѣли на княжну Марью. Княжна Марья съ мучительнымъ и радостнымъ волненіемъ чувствовала на себѣ его взглядъ. Любимая соната переносила ее въ самый задушевно-поэтическій міръ, а чувствуемый на себѣ взглядъ придавалъ этому міру еще бо́льшую поэтичность. Взглядъ же Анатоля, хотя и былъ устремленъ на нее, относился не къ ней, а къ движеніямъ ножки m-lle Bourienne, которую онъ въ это время трогалъ своею ногою подъ фортепіано. M-lle Bourienne, смотрѣла тоже на княжну, и въ ея прекрасныхъ глазахъ было тоже новое для княжны Марьи выраженіе испуганной радости и надежды.

«Какъ она меня любитъ!» думала княжна Марья. «Какъ я счастлива теперь и какъ могу быть счастлива съ такимъ другомъ и такимъ мужемъ! Неужели мужемъ?» думала она, не смѣя взглянуть на его лицо, чувствуя все тотъ же взглядъ, устремленный на себя.

Ввечеру, когда послѣ ужина стали расходиться, Анатоль поцѣловалъ руку княжны. Она сама не знала, какъ у ней достало смѣлости, но она прямо взглянула на приблизившееся къ ел близорукимъ глазамъ прекрасное лицо. Послѣ княжны онъ подошелъ къ рукѣ m-lle Bourienne (это было неприлично, но онъ дѣлалъ все такъ увѣренно и просто), и m-lle Bourienne вспыхнула и испуганно взглянула на княжну.

«Quelle délicatesse!» подумала княжна. «Неужели Amélie (такъ звали m-lle Bourienne думаетъ, что я могу ревновать ее и не цѣнить ея чистую нѣжность и преданность ко мнѣ». Она по-

дошла къ m-lle Bourienne и крѣпко ее поцѣловала. Анатоль подошелъ къ рукѣ маленькой княгини.

— Non, non, non! Quand votrè père m'écrira, que vous vous conduisez bien, je vous donnerai ma main à baiser. Pas avant [1]).— И, поднявъ пальчикъ и улыбаясь, она вышла изъ комнаты.

V.

Всѣ разошлись, и, кромѣ Анатоля, который заснулъ тотчасъ же, какъ легъ на постель, никто долго не спалъ эту ночь.

«Неужели онъ мой мужъ, именно этотъ чужой, красивый, добрый мужчина; главное — добрый», думала княжна Марья, и страхъ, который почти никогда не приходилъ къ ней, нашелъ на нее. Она боялась оглянуться; ей чудилось, что кто-то стоитъ тутъ за ширмами, въ темномъ углу. И этотъ кто-то былъ онъ— дьяволъ, и онъ — этотъ мужчина съ бѣлымъ лбомъ, черными бровями и румянымъ ртомъ.

Она позвонила горничную и попросила ее лечь въ ея комнатѣ.

M-lle Bourienne въ этотъ вечеръ долго ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то и то улыбаясь кому-то, то до слезъ трогаясь воображаемыми словами pauvre mère, упрекающей ее за ея паденіе.

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была нехороша. Нельзя было ей лечь ни на бокъ, ни на грудь. Все было тяжело и неловко. Животъ ея мѣшалъ ей. Онъ мѣшалъ ей больше, чѣмъ когда-нибудь, именно нынче, потому что присутствіе Анатоля перенесло ее живѣе въ другое время, когда этого не было и ей было все легко и весело. Она сидѣла въ кофточкѣ и чепцѣ на креслѣ. Катя, сонная и съ спутанной косой, въ третій разъ перебивала и переворачивала тяжелую перину, что-то приговаривая.

— Я тебѣ говорила, что все буграми и ямами, — твердила маленькая княгиня,—я бы сама рада была заснуть, стало-быть, я не виновата,—и голосъ ея задрожалъ, какъ у собирающагося плакать ребенка.

Старый князь тоже не спалъ. Тихонъ сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ сердито шагалъ и фыркалъ носомъ. Старому князю казалось, что онъ былъ оскорбленъ за свою дочь. Оскорбленіе самое больное, потому что оно относилось не къ нему, а къ

---

[1]) Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Когда отецъ вашъ напишетъ мнѣ, что вы себя ведете хорошо, тогда я дамъ вамъ поцѣловать руку. Не прежде.

другому, къ дочери, которую онъ любитъ больше себя. Онъ сказалъ себѣ, что онъ передумаетъ все это дѣло и найдетъ то, что̀ справедливо и должно сдѣлать, но вмѣсто того онъ только больше раздражалъ себя.

«Первый встрѣчный показался,—и отецъ и все забыто, и бѣжитъ кверху, причесывается и хвостомъ виляетъ, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замѣчу. Фр... фр... фр... И развѣ я не вижу, что этотъ дурень смотритъ только на Бурьенку (надо ее прогнать)! И какъ гордости настолько нѣтъ, чтобы понять это. Хоть не для себя, коли нѣтъ гордости, такъ для меня, по крайней мѣрѣ. Надо ей показать, что этотъ болванъ о ней и не думаетъ, а только смотритъ на Bourienne. Нѣтъ у ней гордости, но я покажу ей это»...

Сказавъ дочери, что она заблуждается, что Анатоль намѣренъ ухаживать за Bourienne, старый князь зналъ, что онъ раздражитъ самолюбіе княжны Марьи, и его дѣло (желаніе не разлучаться съ дочерью) будетъ выиграно, и потому успокоился на этомъ. Онъ кликнулъ Тихона и сталъ раздѣваться.

«И чортъ ихъ принесъ!» думалъ онъ въ то время, какъ Тихонъ накрывалъ ночной рубашкой его сухое, старческое тѣло, обросшее на груди сѣдыми волосами. «Я ихъ не зналъ. Пріѣхали разстраивать мою жизнь. И немного ея осталось».

— Къ чорту!—проговорилъ онъ въ то время, какъ голова его еще была покрыта рубашкой.

Тихонъ зналъ привычку князя иногда вслухъ выражать свои мысли, а потому съ неизмѣннымъ лицомъ встрѣтилъ вопросительно-сердитый взглядъ лица, появившагося изъ-подъ рубашки.

— Легли?—спросилъ князь.

Тихонъ, какъ и всѣ хорошіе лакеи, зналъ чутьемъ направленіе мыслей барина. Онъ угадалъ, что спрашивали о князѣ Василіи съ сыномъ.

— Изволили лечь и огонь потушили, ваше сіятельство.

— Не зачѣмъ, не зачѣмъ...—быстро проговорилъ князь и, всунувъ ноги въ туфли и руки въ халатъ, пошелъ къ дивану, на которомъ онъ спалъ.

Несмотря на то, что между Анатолемъ и m-lle Bourienne ничего не было сказано, они совершенно поняли другъ друга въ отношеніи первой части романа, до появленія pauvre mère; поняли, что имъ нужно много сказать другъ другу тайно, и потому съ утра они искали случая увидаться наединѣ. Въ то время, какъ княжна прошла въ обычный часъ къ отцу, m-lle Bourienne сошлась съ Анатолемъ въ зимнемъ саду.

Княжна Марья подходила въ этотъ день съ особеннымъ трепетомъ къ двери кабинета. Ей казалось, что не только всѣ знаютъ, что нынче совершится рѣшеніе ея судьбы, но что и знаютъ то, что̀ она объ этомъ думаетъ. Она читала это выраженіе въ лицѣ Тихона и въ лицѣ камердинера князя Василія, который съ горячей водой встрѣтился въ коридорѣ и низко поклонился ей.

Старый князь въ это утро былъ чрезвычайно ласковъ и старателенъ въ своемъ обращеніи съ дочерью. Это выраженіе старательности хорошо знала княжна Марья. Это было то выраженіе, которое бывало на его лицѣ въ тѣ минуты, когда сухія руки его сжимались въ кулакъ отъ досады за то, что княжна Марья не понимала ариѳметической задачи, и онъ, вставая, отходилъ отъ нея и тихимъ голосомъ повторялъ нѣсколько разъ одни и тѣ же слова.

Онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и началъ разговоръ, говоря «вы».

— Мнѣ сдѣлали пропозицію насчетъ васъ,—сказалъ онъ, неестественно улыбаясь.—Вы, я думаю, догадались,—продолжалъ онъ,—что князь Василій пріѣхалъ сюда и привезъ съ собой своего воспитанника (почему-то князь Николай Андреичъ называлъ Анатоля воспитанникомъ) не для моихъ прекрасныхъ глазъ. Мнѣ вчера сдѣлали пропозицію насчетъ васъ. А такъ какъ вы знаете мои правила, я отнесся къ вамъ.

— Какъ мнѣ васъ понимать, mon père? — проговорила княжна, блѣднѣя и краснѣя.

— Какъ понимать!—сердито крикнулъ отецъ.—Князь Василій находитъ тебя по своему вкусу для невѣстки и дѣлаетъ тебѣ пропозицію за своего воспитанника. Вотъ какъ понимать. Какъ понимать?!.. А я у тебя спрашиваю.

— Я не знаю, какъ вы, mon pêre,—шопотомъ проговорила княжна.

— Я? я? что жъ я-то? меня-то оставьте въ сторонѣ. Не я пойду замужъ. Что *вы?* вотъ это желательно знать.

Княжна видѣла, что отецъ недоброжелательно смотрѣлъ на это дѣло, но ей въ ту же минуту пришла мысль, что теперь или никогда рѣшится судьба ея жизни. Она опустила глаза, чтобы не видѣть взгляда, подъ вліяніемъ котораго она чувствовала, что не могла думать, а могла по привычкѣ только повиноваться, и сказала:

— Я желаю только одного—исполнить вашу волю,—сказала она,—но ежели бы мое желаніе нужно было выразить...

Она не успѣла договорить. Князь перебилъ ее.

— И прекрасно! — закричалъ онъ. — Онъ тебя возьметъ съ приданымъ да кстати захватитъ m-lle Bourienne. Та будетъ женой, а ты...

Князь остановился. Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное этими словами на дочь. Она опустила голову и собиралась плакать.

— Ну, ну, шучу, шучу, — сказалъ онъ. — Помни одно, княжна: я держусь тѣхъ правилъ, что дѣвица имѣетъ полное право выбирать. И даю тебѣ свободу. Помни одно: отъ твоего рѣшенія зависитъ счастье жизни твоей. Обо мнѣ нечего говорить.

— Да я не знаю... mon père.

— Нечего говорить! Ему велятъ, онъ не только на тебѣ, на комъ хочешь женится; а ты свободна выбирать... Поди къ себѣ, обдумай и черезъ часъ приди ко мнѣ и при немъ скажи: да или нѣтъ. Я знаю, ты станешь молиться. Ну, пожалуй, молись. Только лучше подумай. Ступай. — Да или нѣтъ, да или нѣтъ, да или нѣтъ! — кричалъ онъ еще въ то время, какъ княжна, какъ въ туманѣ, шатаясь, уже вышла изъ кабинета.

Судьба ея рѣшилась и рѣшилась счастливо. Но что отецъ сказалъ о m-lle Bourienne, этотъ намекъ былъ ужасенъ. Неправда, положимъ, но все-таки это было ужасно, она не могла не думать объ этомъ. Она шла прямо передъ собой черезъ зимній садъ, ничего не видя и не слыша, какъ вдругъ знакомый шопотъ m-lle Bourienne разбудилъ ее. Она подняла глаза и въ двухъ шагахъ отъ себя увидала Анатоля, который обнималъ француженку и что-то шепталъ ей. Анатоль съ страшнымъ выраженіемъ на красивомъ лицѣ оглянулся на княжну Марью и не выпустилъ въ первую секунду талію m-lle Bourienne, которая не видала ея.

«Кто тутъ? Зачѣмъ? Подождите!» какъ будто говорило лицо Анатоля. Княжна Марья молча глядѣла на нихъ. Она не могла понять этого. Наконецъ m-lle Bourienne вскрикнула и убѣжала. Анатоль съ веселой улыбкой поклонился княжнѣ Марьѣ, какъ будто приглашая ее посмѣяться надъ этимъ страннымъ случаемъ, и, пожавъ плечами, прошелъ въ дверь, ведшую на его половину.

Черезъ часъ Тихонъ пришелъ звать княжну Марью. Онъ звалъ ее къ князю и прибавилъ, что и князь Василій Сергѣичъ тамъ. Княжна въ то время, какъ пришелъ Тихонъ, сидѣла на диванѣ въ своей комнатѣ и держала въ своихъ объятіяхъ плачущую m-lle Bourienne Княжна Марья тихо гладила ее по головѣ. Прекрасные глаза княжны, со всѣмъ своимъ прежнимъ

спокойствіемъ и лучистостью, смотрѣли съ нѣжной любовью и сожалѣніемъ на хорошенькое личико m-lle Bourienne.

— Non, princesse, je suis perdue pour toujours dans votre coeur,— говорила m-lle Bourienne.

— Pourquoi? Je vous aime plus que jamais,—говорила княжна Марья, — et je tâcherai de faire tout ce qui est en mon pouvoir pour votre bonheur.

— Mais vous me méprisez, vous si pure, vous ne comprendrez jamais cet égarement de la passion. Ah, ce n'est que ma pauvre mère.

— Je comprends tout [1],—отвѣчала княжна Марья, грустно улыбаясь. — Успокойтесь, мой другъ. Я пойду къ отцу, — сказала она и вышла.

Князь Василій, загнувъ высоко ногу, съ табакеркой въ рукахъ и какъ бы расчувствованный донельзя, какъ бы самъ сожалѣя и смѣясь надъ своею чувствительностью, сидѣлъ съ улыбкой умиленія на лицѣ, когда вошла княжна Марья. Онъ поспѣшно поднесъ щепоть табаку къ носу.

— Ah, ma bonne, ma bonne [2],—сказалъ онъ, вставая и взявъ ее за обѣ руки. Онъ вздохнулъ и прибавилъ: — Le sort de mon fils est en vos mains. Décidez, ma bonne, ma chère, ma douce Marie, qui j'ai toujours aimée comme ma fille.

Онъ отошелъ. Дѣйствительная слеза показалась на его глазахъ.

— Фр... фр... — фыркалъ князь Николай Андреичъ.

— Князь отъ имени своего воспитанника... сына тебѣ дѣлаетъ пропозицію. Хочешь ли ты или нѣтъ быть женою князя Анатоля Курагина? Ты говори: да или нѣтъ,—закричалъ онъ,— а потомъ я удерживаю за собой право сказать и свое мнѣніе. Да, мое мнѣніе и только свое мнѣніе, — прибавилъ князь Николай Андреичъ, обращаясь къ князю Василію и отвѣчая на его умоляющее выраженіе. — Да или нѣтъ?

— Мое желаніе, mon père, никогда не покидать васъ, никогда не раздѣлять своей жизни съ вашей. Я не хочу выходить замужъ, — сказала она рѣшительно, взглянувъ своими прекрасными глазами на князя Василія и на отца.

---

[1]) Нѣтъ, княжна, я навсегда утратила ваше расположеніе. — Почему же? Я васъ люблю больше, чѣмъ когда-либо, и постараюсь сдѣлать для вашего счастья все, что въ моей власти. — Но вы такъ чисты, вы презираете меня; вы никогда не поймете этого увлеченія страсти. Ахъ, только моя бѣдная мать! — Я все понимаю.

[2]) Ахъ, милая, милая! Судьба моего сына въ вашихъ рукахъ. Рѣшите, моя милая, моя дорогая, моя кроткая Мари, которую я всегда любилъ какъ дочь.

— Вздоръ, глупости! Вздоръ, вздоръ, вздоръ! — нахмурившись, закричалъ князь Николай Андреичъ, взялъ дочь за руку, пригнулъ къ себѣ и не поцѣловалъ, но только пригнулъ свой лобъ къ ея лбу, дотронулся до нея и такъ сжалъ руку, которую онъ держалъ, что она поморщилась и вскрикнула.

Князь Василій всталъ.

— Ma chère, je vous dirai que c'est un moment que je n'oublierai jamais, jamais; mais, ma bonne, est-ce que vous ne nous donnerez pas un peu d'espérance de toucher ce coeur si bon, si généreux. Dites que peut-être... L'avenir est si grand. Dites: peut-être [1]).

— Князь, то, что̀ я сказала, есть все, что́ есть въ моемъ сердцѣ. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

— Ну, и кончено, мой милый. Очень радъ тебя видѣть, очень радъ тебя видѣть. Поди къ себѣ, княжна, поди, — говорилъ старый князь, — очень, очень радъ тебя видѣть, — повторялъ онъ, обнимая князя Василія.

«Мое призваніе другое», думала про себя княжна Марья, «мое призваніе — быть счастливой другимъ счастьемъ, счастьемъ любви и самопожертвованія. И что бы мнѣ это ни стоило, я сдѣлаю счастье бѣдной Amélie. Она такъ страстно его любитъ. Она такъ страстно раскаивается. Я все сдѣлаю, чтобы устроить ея бракъ съ нимъ. Ежели онъ не богатъ, я дамъ ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я такъ буду счастлива, когда она будетъ его женою. Она такъ несчастлива, чужая, одинокая, безъ помощи! И Боже мой, какъ страстно она любитъ, ежели она такъ могла забыть себя. Можетъ-быть, и я сдѣлала бы то же!..» думала княжна Марья.

VI.

Долго Ростовы не имѣли извѣстій о Николушкѣ; только въ серединѣ зимы графу было передано письмо, на адресѣ котораго онъ узналъ руку сына. Получивъ письмо, графъ испуганно и поспѣшно, стараясь не быть замѣченнымъ, на цыпочкахъ пробѣжалъ въ свой кабинетъ, заперся и сталъ читать. Анна Михайловна, узнавъ (какъ она и все знала, что дѣлалось въ домѣ) о полученіи письма, тихимъ шагомъ вошла къ графу и застала его съ письмомъ въ рукахъ рыдающимъ и вмѣстѣ смѣющимся.

---

[1]) Моя милая, я вамъ скажу, что эту минуту я никогда не забуду; но, моя добрѣйшая, дайте намъ хоть малую надежду возможности тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: можетъ-быть... Будущность такъ велика. Скажите: можетъ-быть.

Анна Михайловна, несмотря на поправившіяся дѣла, продолжала жить у Ростовыхъ.

— Mon bon ami? — вопросительно-грустно и съ готовностью всякаго участія произнесла Анна Михайловна.

Графъ зарыдалъ еще больше.

— Николушка... письмо... раненъ...бы... былъ... ma chère... раненъ... голубчикъ мой... графинюшка... въ офицеры произведенъ... славу Богу... Графинюшкѣ какъ сказать!..

Анна Михайловна подсѣла къ нему, отерла своимъ платкомъ слезы съ его глазъ, съ письма, закапаннаго ими, и свои слезы, прочла письмо, успокоила графа и рѣшила, что до обѣда и до чаю она приготовитъ графиню, а послѣ чаю объявитъ все, коли Богъ ей поможетъ.

Все время обѣда Анна Михайловна говорила о слухахъ войны, о Николушкѣ; спросила два раза, когда получено было послѣднее письмо отъ него, хотя знала это и прежде, и замѣтила, что очень легко, можетъ-быть, и нынче получится письмо. Всякій разъ, какъ при этихъ намекахъ графиня начинала безпокоиться и тревожно взглядывать то на графа, то на Анну Михайловну, Анна Михайловна самымъ незамѣтнымъ образомъ сводила разговоръ на незначительные предметы. Наташа, изъ всего семейства болѣе всѣхъ одаренная способностью чувствовать оттѣнки интонаціи, взглядовъ и выраженій лицъ, съ начала обѣда насторожила уши и знала, что что-нибудь есть между ея отцомъ и Анной Михайловной и что-нибудь касающееся брата и что Анна Михайловна приготавливаетъ. Несмотря на всю свою смѣлость (Наташа знала, какъ чувствительна была ея мать ко всему, что касалось извѣстій о Николушкѣ), она не рѣшилась за обѣдомъ сдѣлать вопроса и отъ безпокойства за обѣдомъ ничего не ѣла и вертѣлась на стулѣ, не слушая замѣчаній своей гувернантки. Послѣ обѣда она стремглавъ бросилась догонять Анну Михайловну и въ диванной съ разбѣга бросилась ей на шею.

— Тетенька, голубушка, скажите, что такое?

— Ничего, мой другъ.

— Нѣтъ, душенька, голубчикъ, милая, персикъ, я не отстану, я знаю, что вы знаете.

Анна Михайловна покачала головой.

— Vous êtes une fine mouche, mon enfant [1]), — сказала она.

— Отъ Николеньки письмо? Навѣрно! — вскрикнула Наташа, прочтя утвердительный отвѣтъ въ лицѣ Анны Михайловны.

---

[1]) Ты вострушка, дитя мое!

— Но, ради Бога, будь осторожнѣе: ты знаешь, какъ это можетъ поразить твою maman.

— Буду, буду, но разскажите. Не разскажете? Ну, такъ я сейчасъ пойду скажу.

Анна Михайловна въ короткихъ словахъ разсказала Наташѣ содержаніе письма съ условіемъ не говорить никому.

— Честное, благородное слово,—крестясь говорила Наташа,—никому не скажу!—и тотчасъ же побѣжала къ Сонѣ.

— Николенька... раненъ... письмо...—проговорила она торжественно и радостно.

— Nicolas!—только выговорила Соня, мгновенно блѣднѣя.

Наташа, увидавъ впечатлѣніе, произведенное на Соню извѣстіемъ о ранѣ брата, въ первый разъ почувствовала всю горестную сторону этого извѣстія.

Она бросилась къ Сонѣ, обняла ее и заплакала.

— Немножко раненъ, но произведенъ въ офицеры; онъ теперь здоровъ, онъ самъ пишетъ,—говорила она сквозь слезы.

— Вотъ видно, что всѣ вы, женщины, плаксы,—сказалъ Петя, рѣшительными большими шагами прохаживаясь по комнатѣ.—Я такъ очень радъ и, право, очень радъ, что братъ такъ отличился. Всѣ вы нюни! ничего не понимаете.

Наташа улыбнулась сквозь слезы.

— Ты не читала письма?—спрашивала Соня.

— Не читала, но она сказала, что все прошло и что онъ уже офицеръ.

— Слава Богу,—сказала Соня крестясь.—Но, можетъ-быть, она обманула тебя. Пойдемъ къ maman.

Петя молча ходилъ по комнатѣ.

— Кабы я былъ на мѣстѣ Николушки, я бы еще больше этихъ французовъ убилъ,—сказалъ онъ:—такіе они мерзкіе! Я бы ихъ побилъ столько, что кучу изъ нихъ сдѣлали бы,—продолжалъ Петя.

— Молчи, Петя, какой ты дуракъ!..

— Не я дуракъ, а дуры тѣ, кто отъ пустяковъ плачутъ,—сказалъ Петя.

— Ты его помнишь?—послѣ минутнаго молчанія вдругъ спросила Наташа.

Соня улыбнулась:

— Помню ли Nicolas?

— Нѣтъ, Соня, ты помнишь ли его такъ, чтобы хорошо помнить, чтобы все помнить,—съ старательнымъ жестомъ сказала Наташа, видимо желая придать своимъ словамъ самое

серьезное значеніе.—И я помню Николеньку, я помню,—сказала она.—А Бориса не помню. Совсѣмъ не помню...

— Какъ? Не помнишь Бориса?—спросила Соня съ удивленіемъ.

— Не то, что не помню,—я знаю, какой онъ, но не такъ помню, какъ Николеньку. Его я закрою глаза и помню, а Бориса нѣтъ (она закрыла глаза), такъ, нѣтъ ничего!

— Ахъ, Наташа,—сказала Соня, восторженно и серьезно глядя на свою подругу, какъ будто она считала ее недостойной слышать то, что̀ она намѣрена была сказать, и какъ будто она говорила это кому-то другому, съ кѣмъ нельзя шутить.—Я полюбила разъ твоего брата, и, что бы ни случилось съ нимъ, со мной, я никогда не перестану любить его во всю жизнь.

Наташа удивленно, любопытными глазами смотрѣла на Соню и молчала. Она чувствовала, что то, что̀ говорила Соня, была правда, что была такая любовь, про которую говорила Соня; но Наташа ничего подобнаго еще не испытывала. Она вѣрила, что это могло быть, но не понимала.

— Ты напишешь ему?—спросила она.

Соня задумалась. Вопросъ о томъ, какъ писать къ Nicolas и нужно ли писать и какъ писать, былъ вопросъ, мучившій ее. Теперь, когда онъ былъ уже офицеръ и раненый герой, хорошо ли было съ ея стороны напомнить ему о себѣ и какъ будто о томъ обязательствѣ, которое онъ взялъ на себя въ отношеніи ея.

— Не знаю; я думаю, коли онъ пишетъ, и я напишу,—краснѣя сказала она.

— И тебѣ не стыдно будетъ писать ему?

Соня улыбнулась.

— Нѣтъ.

— А мнѣ стыдно будетъ писать Борису, я не буду писать.

— Да отчего же стыдно?

— Да такъ, я не знаю. Неловко, стыдно.

— А я знаю, отчего ей стыдно будетъ,—сказалъ Петя, обиженный первымъ замѣчаніемъ Наташи:—оттого, что она была влюблена въ этого толстаго съ очками (такъ называлъ Петя своего тезку, новаго графа Безухова); теперь влюблена въ пѣвца этого (Петя говорилъ объ итальянцѣ, Наташиномъ учителѣ пѣнія); вотъ ей и стыдно.

— Петя, ты глупъ,—сказала Наташа.

— Не глупѣе тебя, матушка,—сказалъ девятилѣтній Петя, точно какъ будто онъ былъ старый бригадиръ.

Графиня была приготовлена намеками Анны Михайловны во время обѣда. Уйдя къ себѣ, она, сидя на креслѣ, не спускала

глазъ съ миніатюрнаго портрета сына, вдѣланнаго въ табакеркѣ, и слезы навертывались ей на глаза. Анна Михайловна съ письмомъ на цыпочкахъ подошла къ комнатѣ графини и остановилась.

— Не входите, — сказала она старому графу, шедшему за ней:—послѣ,—и затворила за собой дверь.

Графъ приложилъ ухо къ замку и сталъ слушать.

Сначала онъ слышалъ звуки равнодушныхъ рѣчей, потомъ одинъ звукъ голоса Анны Михайловны, говорившей длинную рѣчь, потомъ вскрикъ, потомъ молчаніе, потомъ опять оба голоса вмѣстѣ говорили съ радостными интонаціями, и потомъ шаги, и Анна Михайловна отворила ему дверь. На лицѣ Анны Михайловны было гордое выраженіе оператора, окончившаго трудную ампутацію и вводящаго публику для того, чтобъ она могла оцѣнить его искусство.

— C'est fait [1], — сказала она графу, торжественнымъ жестомъ указывая на графиню, которая держала въ одной рукѣ табакерку съ портретомъ, въ другой—письмо и прижимала губы то къ тому, то къ другому.

Увидавъ графа, она протянула къ нему руки, обняла его лысую голову и черезъ лысую голову опять посмотрѣла на письмо и портретъ и опять для того, чтобы прижать ихъ къ губамъ, слегка оттолкнула лысую голову. Вѣра, Наташа, Соня и Петя вошли въ комнату, и началось чтеніе. Въ письмѣ былъ кратко описанъ походъ и два сраженія, въ которыхъ участвовалъ Николушка, производство въ офицеры и сказано, что онъ цѣлуетъ руки maman и papa прося ихъ благословенія, и цѣлуетъ Вѣру, Наташу, Петю. Кромѣ того, онъ кланяется m-r Шелингу и m-me Шосъ и нянѣ и, кромѣ того, проситъ поцѣловать дорогую Соню, которую онъ все такъ же любитъ и о которой все такъ же вспоминаетъ. Услыхавъ это, Соня покраснѣла такъ, что слезы выступили ей на глаза. И, не въ силахъ выдержать обратившіеся на нее взгляды, она побѣжала въ залу, разбѣжалась, закружилась и, раздувъ баллономъ платье свое, раскраснѣвшаяся и улыбающаяся, сѣла на полъ. Графиня плакала.

— О чемъ же вы плачете, maman? — сказала Вѣра. — По всему, что́ онъ пишетъ, надо радоваться, а не плакать.

Это было совершенно справедливо, но и графъ, и графиня, и Наташа, всѣ съ упрекомъ посмотрѣли на нее. «И въ кого она такая вышла!» подумала графиня.

---

[1]) Дѣло сдѣлано.

Письмо Николушки было прочитано сотни разъ, и тѣ, которые считались достойными его слушать, должны были приходить къ графинѣ, которая не выпускала его изъ рукъ. Приходили гувернеры, няня, Митенька, нѣкоторые знакомые, и графиня перечитывала письмо всякій разъ съ новымъ наслажденіемъ и всякій разъ открывала по этому письму новыя добродѣтели въ своемъ Николушкѣ. Какъ странно, необычайно, радостно ей было, что сынъ ея — тотъ сынъ, который чуть замѣтно крошечными членами шевелился въ ней самой 20 лѣтъ тому назадъ, тотъ сынъ, за котораго она ссорилась съ баловникомъ графомъ, тотъ сынъ, который выучился говорить прежде: «груша», а потомъ «баба»,— что этотъ сынъ теперь тамъ, въ чужой землѣ, въ чужой средѣ, мужественный воинъ, одинъ, безъ помощи и руководства, дѣлаетъ тамъ какое-то свое мужское дѣло. Весь всемірный вѣковой опытъ, указывающій на то, что дѣти незамѣтнымъ путемъ отъ колыбели дѣлаются мужами, не существовалъ для графини. Возмужаніе ея сына въ каждой порѣ возмужанія было для нея такъ же необычайно, какъ бы и не было никогда милліоновъ-милліоновъ людей, точно такъ же возмужавшихъ. Какъ не вѣрилось 20 лѣтъ тому назадъ, чтобы то маленькое существо, которое жило гдѣ-то тамъ у ней подъ сердцемъ, закричало бы и стало сосать грудь и стало бы говорить, такъ и теперь не вѣрилось ей, что это же существо могло быть тѣмъ сильнымъ, храбрымъ мужчиной, образцомъ сыновей и людей, которымъ онъ былъ теперь, судя по этому письму.

— Что за *штиль*, какъ онъ описываетъ мило!—говорила она, читая описательную часть письма. — И что за душа! О себѣ ничего... ничего! О какомъ-то Денисовѣ, а самъ, вѣрно, храбрѣе ихъ всѣхъ. Ничего не пишетъ о своихъ страданіяхъ. Что за сердце! Какъ я узнаю его! И какъ вспомнилъ всѣхъ! Никого не забылъ. Я всегда, всегда говорила, еще когда онъ вотъ какой былъ, я всегда говорила...

Болѣе недѣли готовились, писались брульоны и переписывались набѣло письма къ Николушкѣ отъ всего дома; подъ наблюденіемъ графини и заботливостью графа собирались нужныя вещицы и деньги для обмундированія и обзаведенія вновь произведеннаго офицера. Анна Михайловна, практическая женщина, сумѣла устроить себѣ и своему сыну протекцію въ арміи даже и для переписки. Она имѣла случай посылать свои письма къ великому князю Константину Павловичу, который командовалъ гвардіей. Ростовы предполагали, что *русская гвардія за границей* есть совершенно опредѣлительный адресъ и что ежели письмо дойдетъ до великаго князя, командовавшаго гвардіей, то нѣтъ

причины, чтобы оно не дошло до Павлоградскаго полка, который долженъ быть тамъ же поблизости; и потому рѣшено было отослать письма и деньги черезъ курьера великаго князя къ Борису, и Борисъ уже долженъ былъ доставить ихъ Николушкѣ. Письма были отъ стараго графа, отъ графини, отъ Пети, отъ Вѣры, отъ Наташи, отъ Сони и, наконецъ, 6.000 денегъ на обмундировку и различныя вещи, которыя графъ посылалъ сыну.

VII.

12-го ноября кутузовская боевая армія, стоявшая лагеремъ около Ольмюца, готовилась къ слѣдующему дню на смотръ двухъ императоровъ—русскаго и австрійскаго. Гвардія, только что подошедшая изъ Россіи, ночевала въ 15 верстахъ отъ Ольмюца и на другой день прямо на смотръ, къ 10 часамъ утра, вступала на ольмюцкое поле.

Николай Ростовъ въ этотъ день получилъ отъ Бориса записку, извѣщавшую его, что Измайловскій полкъ ночуетъ въ 15 верстахъ не доходя Ольмюца и что онъ ждетъ его, чтобы передать письмо и деньги. Деньги были особенно нужны Ростову теперь, когда, вернувшись изъ похода, войска остановились подъ Ольмюцемъ и хорошо снабженные маркитанты и австрійскіе жиды, предлагая всякаго рода соблазны, наполняли лагерь. У павлоградцевъ шли пиры за пирами, празднованія полученныхъ за походъ наградъ и поѣздки въ Ольмюцъ къ вновь прибывшей туда Каролинѣ-венгеркѣ, открывшей тамъ трактиръ съ женской прислугой. Ростовъ недавно отпраздновалъ свое вышедшее производство въ корнеты, купилъ Бедуина, лошадь Денисова, и былъ кругомъ долженъ товарищамъ и маркитантамъ. Получивъ записку Бориса, Ростовъ съ товарищемъ поѣхалъ до Ольмюца, тамъ пообѣдалъ, выпилъ бутылку вина и одинъ поѣхалъ въ гвардейскій лагерь отыскивать своего товарища дѣтства. Ростовъ еще не успѣлъ обмундироваться. На немъ была затасканная юнкерская куртка съ солдатскимъ крестомъ, такіе же, подбитые затертой кожей, рейтузы и офицерская съ темлякомъ сабля; лошадь, на которой онъ ѣхалъ, была донская, купленная походомъ у казака; гусарская измятая шапочка была ухарски надѣта назадъ и на бокъ. Подъѣзжая къ лагерю Измайловскаго полка, онъ думалъ о томъ, какъ онъ поразитъ Бориса и всѣхъ его товарищей-гвардейцевъ своимъ обстрѣляннымъ боевымъ гусарскимъ видомъ.

Гвардія весь походъ прошла какъ на гуляньи, щеголяя своей чистотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы

везли на подводахъ, офицерамъ австрійское начальство готовило на всѣхъ переходахъ прекрасные обѣды. Полки вступали и выступали изъ городовъ съ музыкой, и весь походъ (чѣмъ гордились гвардейцы), по приказанію великаго князя, люди шли въ ногу, а офицеры пѣшкомъ на своихъ мѣстахъ. Борисъ все время похода шелъ и стоялъ съ Бергомъ, теперь уже ротнымъ командиромъ. Бергъ, во время похода получивъ роту, успѣлъ своею исполнительностью и аккуратностью заслужить довѣріе начальства и устроилъ весьма выгодно свои экономическія дѣла; Борисъ во время похода сдѣлалъ много знакомствъ съ людьми, которые могли быть ему полезными, и черезъ рекомендательное письмо, привезенное имъ отъ Пьера, познакомился съ княземъ Андреемъ Болконскимъ, черезъ котораго онъ надѣялся получить мѣсто въ штабѣ главнокомандующаго. Бергъ и Борисъ, чисто и аккуратно одѣтые, отдохнувъ послѣ послѣдняго дневного перехода, сидѣли въ чистой отведенной имъ квартирѣ передъ круглымъ столомъ и играли въ шахматы. Бергъ держалъ между колѣнъ курящуюся трубочку. Борисъ, со свойственной ему аккуратностью, бѣлыми тонкими руками пирамидкой уставлялъ шашки, ожидая хода Берга, и глядѣлъ на лицо своего партнера, видимо думая объ игрѣ, какъ онъ и всегда думалъ только о томъ, чѣмъ онъ былъ занятъ.

— Ну-ка, какъ вы изъ этого выйдете? — сказалъ онъ.

— Будемъ стараться, — отвѣчалъ Бергъ, дотрогиваясь до пѣшки и опять опуская руку.

Въ это время дверь отворилась.

— Вотъ онъ наконецъ! — закричалъ Ростовъ. — И Бергъ тутъ! Ахъ ты, *петизанфанъ але куше дормиръ!* — закричалъ онъ, повторяя слова няньки, надъ которыми они смѣивались когда-то вмѣстѣ съ Борисомъ.

— Батюшки! какъ ты перемѣнился!

Борисъ всталъ навстрѣчу Ростову, но, вставая, не забылъ поддержать и поставить на мѣсто падавшіе шахматы и хотѣлъ обнять своего друга, но Николай отстранился отъ него. Съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ молодости, которая боится битыхъ дорогъ, хочетъ, не подражая другимъ, по-новому, по-своему выражать свои чувства, только бы не такъ, какъ выражаютъ это, часто притворно, старшіе, Николай хотѣлъ что-нибудь особенное сдѣлать при свиданіи съ другомъ: онъ хотѣлъ какъ-нибудь ущипнуть, толкнуть Бориса, но только никакъ не поцѣловаться, какъ это дѣлали всѣ. Борисъ же, напротивъ, спокойно и дружелюбно обнялъ и поцѣловалъ три раза Ростова.

Они полгода не видались почти; и въ томъ возрастѣ, когда молодые люди дѣлаютъ первые шаги на пути жизни, оба нашли другъ въ другѣ огромныя перемѣны, совершенно новыя отраженія тѣхъ обществъ, въ которыхъ они сдѣлали свои первые шаги жизни. Оба много перемѣнились съ своего послѣдняго свиданія, и оба хотѣли поскорѣе высказать другъ другу происшедшія въ нихъ перемѣны.

— Ахъ вы, полотеры проклятые! Чистенькіе, свѣженькіе, точно съ гулянья, не то, что́ мы грѣшные, армейщина,—говорилъ Ростовъ съ новыми для Бориса баритонными звуками въ голосѣ и армейскими ухватками, указывая на свои забрызганные грязью рейтузы.

Хозяйка-нѣмка высунулась изъ двери на громкій голосъ Ростова.

— Что, хорошенькая?—сказалъ онъ, подмигнувъ.

— Что ты такъ кричишь! Ты ихъ напугаешь,—сказалъ Борисъ.—А я тебя не ждалъ нынче,—прибавилъ онъ.—Я вчера только отдалъ тебѣ записку черезъ одного знакомаго адъютанта кутузовскаго—Болконскаго. Я не думалъ, что онъ такъ скоро тебѣ доставитъ... Ну, что ты, какъ? Уже обстрѣлянъ?—спросилъ Борисъ.

Ростовъ, не отвѣчая, тряхнулъ по солдатскому Георгіевскому кресту, висѣвшему на шнуркахъ мундира, и, указывая на свою подвязанную руку, улыбаясь взглянулъ на Берга.

— Какъ видишь,—сказалъ онъ.

— Вотъ какъ, да, да!—улыбаясь сказалъ Борисъ.—А мы тоже славный походъ сдѣлали. Вѣдь ты знаешь, его высочество постоянно ѣхалъ при нашемъ полку, такъ что у насъ были всѣ удобства и всѣ выгоды. Въ Польшѣ что за пріемы были, что за обѣды, балы—я не могу тебѣ разсказать. И цесаревичъ очень милостивъ былъ ко всѣмъ нашимъ офицерамъ.

И оба пріятеля разсказывали другъ другу—одинъ о своихъ гусарскихъ кутежахъ и боевой жизни, другой о пріятности и выгодахъ службы подъ командою высокопоставленныхъ лицъ и т. п.

— О гвардія!—сказалъ Ростовъ.—А вотъ что, пошли-ка за виномъ.

Борисъ поморщился.

— Ежели непремѣнно хочешь,—сказалъ онъ.

И, подойдя къ кровати, изъ-подъ чистыхъ подушекъ досталъ кошелекъ и велѣлъ принести вина.

— Да, и тебѣ отдать деньги и письмо,—прибавилъ онъ.

Ростовъ взялъ письмо и, бросивъ на диванъ деньги, облокотился обѣими руками на столъ и сталъ читать. Онъ прочелъ

нѣсколько строкъ и злобно взглянулъ на Берга. Встрѣтивъ его взглядъ, Ростовъ закрылъ лицо письмомъ.

— Однако денегъ вамъ порядочно прислали,—сказалъ Бергъ, глядя на тяжелый, вдавившійся въ диванъ кошелекъ. — Вотъ мы такъ и жалованьемъ, графъ, пробиваемся. Я вамъ скажу про себя...

— Вотъ что, Бергъ милый мой,—сказалъ Ростовъ:—когда вы получите изъ дома письмо и встрѣтитесь съ своимъ человѣкомъ, у котораго вамъ захочется разспросить про все, и я буду тутъ, я сейчасъ уйду, чтобъ не мѣшать вамъ. Послушайте, уйдите, пожалуйста, куда-нибудь, куда-нибудь... къ чорту!—крикнулъ онъ и тотчасъ же, схвативъ его за плечо и ласково глядя въ его лицо, видимо стараясь смягчить грубость своихъ словъ, прибавилъ: — Вы знаете, не сердитесь; милый, голубчикъ, я отъ души говорю, какъ нашему старому знакомому.

— Ахъ, помилуйте, графъ, я очень понимаю, — сказалъ Бергъ, вставая и говоря въ себя горловымъ голосомъ.

— Вы къ хозяевамъ пойдите: они васъ звали,—прибавилъ Борисъ.

Бергъ надѣлъ чистѣйшій, безъ пятнышка и соринки, сюртучокъ, взбилъ передъ зеркаломъ височки кверху, какъ носилъ Александръ Павловичъ, и, убѣдившись по взгляду Ростова, что его сюртучокъ былъ замѣченъ, съ пріятной улыбкой вышелъ изъ комнаты.

— Ахъ, какая я скотина однако! — проговорилъ Ростовъ, читая письмо.

— А что?

— Ахъ, какая я свинья однако, что я ни разу не писалъ и такъ напугалъ ихъ. Ахъ, какая я свинья, — повторилъ онъ, вдругъ покраснѣвъ. — Что же, пошли за виномъ Гаврилу! Ну ладно, хватимъ! — сказалъ онъ.

Въ письмахъ родныхъ было вложено еще рекомендательное письмо къ князю Багратіону, которое, по совѣту Анны Михайловны, черезъ знакомыхъ достала старая графиня и посылала сыну, прося его снести по назначенію и имъ воспользоваться.

— Вотъ глупости! Очень мнѣ нужно! — сказалъ Ростовъ, бросая письмо подъ столъ.

— Зачѣмъ ты это бросилъ? — спросилъ Борисъ.

— Письмо какое-то рекомендательное, чорта ли мнѣ въ письмѣ!

— Какъ чорта ли въ письмѣ? — поднимая и читая надпись, сказалъ Борисъ: — письмо это очень нужное для тебя.

— Мнѣ ничего не нужно, и я въ адъютанты ни къ кому не пойду.

— Отчего же? — спросилъ Борисъ.

— Лакейская должность!

— Ты все такой же мечтатель, я вижу,—покачивая головой, сказалъ Борисъ.

— А ты все такой же дипломатъ. Ну, да не въ томъ дѣло... Ну, ты что? — спросилъ Ростовъ.

— Да вотъ, какъ видишь. До сихъ поръ все хорошо; но признаюсь, желалъ бы я очень попасть въ адъютанты, а не оставаться во фронтѣ.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что, уже разъ пойдя по карьерѣ военной службы, надо стараться дѣлать, коль возможно, блестящую карьеру.

— Да, вотъ какъ! — сказалъ Ростовъ, видимо думая о другомъ.

Онъ пристально и вопросительно смотрѣлъ въ глаза своему другу, видимо тщетно отыскивая разрѣшеніе какого-то вопроса.

Старикъ Гаврила принесъ вино.

— Не послать ли теперь за Альфонсъ Карлычемъ? — сказалъ Борисъ. — Онъ выпьетъ съ тобой, а я не могу.

— Пошли, пошли! Ну, что эта нѣмчура? — сказалъ Ростовъ съ презрительной улыбкой.

— Онъ очень, очень хорошій, честный и пріятный человѣкъ, — сказалъ Борисъ.

Ростовъ пристально еще разъ посмотрѣлъ въ глаза Борису и вздохнулъ. Бергъ вернулся, и за бутылкой вина разговоръ между тремя офицерами оживился. Гвардейцы разсказывали Ростову о своемъ походѣ, о томъ, какъ ихъ чествовали въ Россіи, Польшѣ и за границей. Разсказывали о словахъ и поступкахъ ихъ командира, великаго князя, анекдоты о его добротѣ и вспыльчивости. Бергъ, какъ и обыкновенно, молчалъ, когда дѣло касалось не лично его, но по случаю анекдотовъ и вспыльчивости великаго князя съ наслажденіемъ разсказалъ, какъ въ Галиціи ему удалось говорить съ великимъ княземъ, когда онъ объѣзжалъ полки и гнѣвался за неправильность движенія. Съ пріятной улыбкой на лицѣ онъ разсказалъ, какъ великій князь, очень разгнѣванный, подъѣхалъ къ нему, закричалъ: «арнауты!» (арнауты—была любимая поговорка цесаревича, когда онъ былъ въ гнѣвѣ) и потребовалъ ротнаго командира.

— Повѣрите ли, графъ, я ничего не испугался, потому что я зналъ, что я правъ. Я, знаете, графъ, не хвалясь могу сказать, что я приказы по полку наизусть знаю и уставъ тоже

знаю, какъ *Отче нашъ на небесѣхъ*. Поэтому, графъ, у меня по ротѣ упущенiй не бываетъ. Вотъ моя совѣсть и спокойна. Я явился. (Бергъ привсталъ и представилъ въ лицахъ, какъ онъ съ рукой къ козырьку явился. Дѣйствительно, трудно было изобразить въ лицѣ болѣе почтительности и самодовольства.) Ужъ онъ меня пушилъ, какъ это говорится, пушилъ, пушилъ; пушилъ не на животъ, а на смертъ, какъ говорится: и «арнауты», и «черти», и «въ Сибирь», — говорилъ Бергъ, проницательно улыбаясь.—Я знаю, что я правъ, и потому молчу; не такъ ли, графъ? «Что, ты нѣмой, что ли?» онъ закричалъ. Я все молчу. Что жъ вы думаете, графъ? На другой день и въ приказѣ не было: вотъ что значитъ не потеряться. Такъ-то, графъ, — говорилъ Бергъ, закуривая трубку и пуская колечки.

— Да, это славно, — улыбаясь сказалъ Ростовъ.

Но Борисъ, замѣтивъ, что Ростовъ сбирался посмѣяться надъ Бергомъ, искусно отклонилъ разговоръ. Онъ попросилъ Ростова разсказать о томъ, какъ и гдѣ онъ получилъ рану. Ростову это было пріятно, и онъ началъ разсказывать, во время разсказа все болѣе и болѣе одушевляясь. Онъ разсказалъ имъ свое Шенграбенское дѣло совершенно такъ, какъ обыкновенно разсказываютъ про сраженія участвовавшіе въ нихъ, то-есть такъ, какъ имъ хотѣлось бы, чтобы оно было, такъ, какъ они слыхали отъ другихъ разсказчиковъ, такъ, какъ красивѣе было разсказывать, но совершенно не такъ, какъ оно было. Ростовъ былъ правдивый молодой человѣкъ, онъ ни за что умышленно не сказалъ бы неправды. Онъ началъ разсказывать съ намѣренiемъ разсказать все, какъ оно точно было, но незамѣтно, невольно и неизбѣжно для себя перешелъ въ неправду. Ежели бы онъ разсказалъ правду этимъ слушателямъ, которые, какъ и онъ самъ, слышали уже множество разъ разсказы объ атакахъ и составили себѣ опредѣленное понятiе о томъ, что такое была атака, и ожидали точно такого же разсказа,—или бы они не повѣрили ему, или, что́ еще хуже, подумали бы, что Ростовъ былъ самъ виноватъ въ томъ, что съ нимъ не случилось того, что̀ случается обыкновенно съ разсказчиками кавалерiйскихъ атакъ. Не могъ онъ имъ разсказать такъ просто, что поѣхали всѣ рысью, онъ упалъ съ лошади, свихнулъ руку и изъ всѣхъ силъ побѣжалъ въ лѣсъ отъ французa. Кромѣ того, для того, чтобы разсказать все, какъ было, надо было сдѣлать усилiе надъ собой, чтобы разсказать только то, что̀ было. Разсказать правду очень трудно; и молодые люди рѣдко на это способны. Они ждали разсказа о томъ, какъ горѣлъ онъ весь въ огнѣ; самъ себя не помня, какъ буря, налеталъ на карре; какъ врубался въ него, рубилъ на-

право и налѣво; какъ сабля отвѣдала мяса и какъ онъ падалъ въ изнеможеніи, и тому подобное. И онъ разсказалъ имъ все это.

Въ серединѣ его разсказа, въ то время, какъ онъ говорилъ: «ты не можешь представить, какое странное чувство бѣшенства испытываешь во время атаки», въ комнату вошелъ князь Андрей Болконскій, котораго ждалъ Борисъ. Князь Андрей, любившій покровительственныя отношенія къ молодымъ людямъ, польщенный тѣмъ, что къ нему обращались за протекціей, и хорошо расположенный къ Борису, который умѣлъ ему понравиться наканунѣ, желалъ исполнить желаніе молодого человѣка. Присланный съ бумагами отъ Кутузова къ цесаревичу, онъ зашелъ къ молодому человѣку, надѣясь застать его одного. Войдя въ комнату и увидавъ разсказывающаго военныя похожденія армейскаго гусара (сортъ людей, которыхъ терпѣть не могъ князь Андрей), онъ ласково улыбнулся Борису, поморщился, прищурился на Ростова и, слегка поклонившись, устало и лѣниво сѣлъ на диванъ. Ему непріятно было, что онъ попалъ въ дурное общество. Ростовъ вспыхнулъ, понявъ это. Но это было ему все равно: это былъ чужой человѣкъ. Но, взглянувъ на Бориса, онъ увидалъ, что и ему какъ будто стыдно за армейскаго гусара. Несмотря на непріятный, насмѣшливый тонъ князя Андрея, несмотря на общее презрѣніе, которое съ своей армейской боевой точки зрѣнія имѣлъ Ростовъ ко всѣмъ этимъ штабнымъ адъютантикамъ, къ которымъ, очевидно, причислялся и вошедшій, Ростовъ почувствовалъ себя сконфуженнымъ, покраснѣлъ и замолчалъ. Борисъ спросилъ, какія новости въ штабѣ и что, безъ нескромности, слышно о нашихъ предположеніяхъ.

— Вѣроятно, пойдутъ впередъ, — видимо не желая при посторонннихъ говорить болѣе, отвѣчалъ Болконскій.

Бергъ воспользовался случаемъ спросить съ особенною учтивостью, будутъ ли выдавать теперь, какъ слышно было, удвоенное фуражное армейскимъ ротнымъ командирамъ. На это князь Андрей съ улыбкой отвѣчалъ, что онъ не можетъ судить о столь важныхъ государственныхъ распоряженіяхъ, и Бергъ радостно разсмѣялся.

— О вашемъ дѣлѣ, — обратился князь Андрей опять къ Борису,—мы поговоримъ послѣ (и онъ оглянулся на Ростова). Вы приходите ко мнѣ послѣ смотра, мы все сдѣлаемъ, что можно будетъ.

И, оглянувъ комнату, онъ обратился къ Ростову, котораго положеніе дѣтскаго непреодолимаго конфуза, переходящаго въ озлобленіе, онъ и не удостоивалъ замѣтить, и сказалъ:

— Вы, кажется, про Шенграбенское дѣло разсказывали? Вы были тамъ?

— Я былъ тамъ, — съ озлобленіемъ сказалъ Ростовъ, какъ будто бы этимъ желая оскорбить адъютанта.

Болконскій замѣтилъ состояніе гусара, и оно ему показалось забавно. Онъ слегка презрительно улыбнулся.

— Да! много теперь разсказовъ про это дѣло.

— Да, разсказовъ, — громко заговорилъ Ростовъ, вдругъ сдѣлавшимися бѣшеными глазами глядя то на Бориса, то на Болконскаго,—да, разсказовъ много, но наши разсказы — разсказы тѣхъ, которые были въ самомъ огнѣ непріятеля, наши разсказы имѣютъ вѣсъ, а не разсказы тѣхъ штабныхъ молодчиковъ, которые получаютъ награды, ничего не дѣлая.

— Къ которымъ, вы предполагаете, что я принадлежу? — спокойно и особенно пріятно улыбаясь, проговорилъ князь Андрей.

Странное чувство озлобленія и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія къ спокойствію этой фигуры соединялось въ это время въ душѣ Ростова.

— Я говорю не про васъ,—сказалъ онъ,—я васъ не знаю и, признаюсь, не желаю знать. Я говорю вообще про штабныхъ...

— А я вамъ вотъ что скажу,—съ спокойною властью въ голосѣ перебилъ его князь Андрей.—Вы хотите оскорбить меня, и я готовъ согласиться съ вами, что это очень легко сдѣлать, ежели вы не будете имѣть достаточнаго уваженія къ самому себѣ; но согласитесь, что и время и мѣсто весьма дурно для этого выбраны. На-дняхъ всѣмъ намъ придется быть на большой, болѣе серьезной дуэли, а кромѣ того, Друбецкой, который говоритъ, что онъ вашъ старый пріятель, нисколько не виноватъ въ томъ, что моя физіономія имѣла несчастье вамъ не понравиться. Впрочемъ, — сказалъ онъ, вставая,—вы знаете мою фамилію и знаете, гдѣ найти меня; но не забудьте,—прибавилъ онъ, — что я не считаю нисколько ни себя, ни васъ оскорбленнымъ, и мой совѣтъ, какъ человѣка старше васъ, оставить это дѣло безъ послѣдствій. Такъ въ пятницу, послѣ смотра, я жду васъ, Друбецкой; до свиданія! — закричалъ князь Андрей и вышелъ, поклонившись обоимъ.

Ростовъ вспомнилъ то, что ему надо было отвѣтить, только тогда, когда онъ уже вышелъ. И еще болѣе былъ онъ сердитъ за то, что забылъ сказать это. Ростовъ сейчасъ же велѣлъ подать свою лошадь и, сухо простившись съ Борисомъ, поѣхалъ къ себѣ. Ѣхать ли ему завтра въ главную квартиру и вызвать этого ломающагося адъютанта или, въ самомъ дѣлѣ, оставить это дѣло такъ? былъ вопросъ, который мучилъ его всю дорогу.

То онъ съ злобой думалъ о томъ, съ какимъ бы удовольствіемъ онъ увидалъ испугъ этого маленькаго, слабаго и гордаго человѣчка подъ его пистолетомъ, то онъ съ удивленіемъ чувствовалъ, что изъ всѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ, никого бы онъ столько не желалъ имѣть своимъ другомъ, какъ этого ненавидимаго имъ адъютантика.

VIII.

На другой день свиданія Бориса съ Ростовымъ былъ смотръ австрійскихъ и русскихъ войскъ, какъ свѣжихъ, пришедшихъ изъ Россіи, такъ и тѣхъ, которыя вернулись изъ похода съ Кутузовымъ. Оба императора, русскій съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и австрійскій съ эрцгерцогомъ, дѣлали этотъ смотръ союзной 80-тысячной арміи.

Съ ранняго утра начали двигаться щегольски вычищенныя и убранныя войска, выстраиваясь на полѣ передъ крѣпостью. То двигались тысячи ногъ и штыковъ съ развѣвавшимися знаменами и по командѣ офицеровъ останавливались, заворачивались и строились въ интервалахъ, обходя другія такія же массы пѣхоты въ другихъ мундирахъ; то мѣрнымъ топотомъ и бряцаніемъ звучала нарядная кавалерія въ синихъ, красныхъ, зеленыхъ шитыхъ мундирахъ съ расшитыми музыкантами впереди на вороныхъ, рыжихъ, сѣрыхъ лошадяхъ; то, растягиваясь съ своимъ мѣднымъ звукомъ подрагивающихъ на лафетахъ вычищенныхъ, блестящихъ пушекъ и съ своимъ запахомъ пальниковъ, ползла между пѣхотой и кавалеріей артиллерія и разставлялась на назначенныхъ мѣстахъ. Не только генералы въ полной парадной формѣ, съ перетянутыми донельзя толстыми и тонкими таліями и краснѣвшими, подпертыми воротниками, шеями, въ шарфахъ и всѣхъ орденахъ; не только припомаженные расфранченные офицеры, но каждый солдатъ, съ свѣжимъ, вымытымъ и выбритымъ лицомъ и до послѣдней возможности блеска вычищенной амуниціей; каждая лошадь, выхоленная такъ, что какъ атласъ свѣтилась на ней шерсть и волосокъ къ волоску лежала примоченная гривка,—всѣ чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное. Каждый генералъ и солдатъ чувствовали свое ничтожество, сознавая себя песчинкой въ этомъ морѣ людей, и вмѣстѣ чувствовали свое могущество, сознавая себя частью этого огромнаго цѣлаго.

Съ ранняго утра начались напряженныя хлопоты и усилія, и въ 10 часовъ все пришло въ требуемый порядокъ. На огромномъ полѣ стали ряды. Армія вся была вытянута въ три линіи. Спереди кавалерія, сзади артиллерія, еще сзади пѣхота.

Между каждымъ рядомъ войскъ была какъ бы улица. Рѣзко отдѣлялись одна отъ другой три части этой арміи: боевая кутузовская (въ которой на правомъ флангѣ въ передней линіи стояли павлоградцы), пришедшіе изъ Россіи армейскіе и гвардейскіе полки и австрійское войско. Но всѣ стояли подъ одну линію, подъ однимъ начальствомъ и въ одинаковомъ порядкѣ.

Какъ вѣтеръ по листьямъ, пронесся взволнованный шопотъ: «ѣдутъ! ѣдутъ!» Послышались испуганные голоса, и по всѣмъ войскамъ пробѣжала волна суеты послѣднихъ приготовленій.

Впереди отъ Ольмюца показалась подвигавшаяся группа. И въ это же время, хотя день былъ безвѣтреный, легкая струя вѣтра пробѣжала по арміи и чуть заколебала флюгера пикъ и распущенныя знамена, затрепавшіяся о свои древки. Казалось, сама армія этимъ легкимъ движеніемъ выражала свою радость при приближеніи государей. Послышался одинъ голосъ: «смирно!» Потомъ, какъ пѣтухи на зарѣ, повторились голоса въ разныхъ концахъ. И все затихло.

Въ мертвой тишинѣ слышался топотъ только лошадей. То была свита императоровъ. Государи подъѣхали къ флангу и раздались звуки трубачей перваго кавалерійскаго полка, игравшіе генералъ-маршъ. Казалось, не трубачи это играли, а сама армія, радуясь приближенію государя, естественно издавала эти звуки. Изъ-за этихъ звуковъ отчетливо послышался одинъ молодой, ласковый голосъ императора Александра. Онъ сказалъ привѣтствіе, и первый полкъ гаркнулъ: «ура!» такъ оглушительно, продолжительно радостно, что сами люди ужаснулись численности и силѣ той громады, которую они составляли.

Ростовъ, стоя въ первыхъ рядахъ кутузовской арміи, къ которой къ первой подъѣхалъ государь, испытывалъ то же чувство, какое испытывалъ каждый человѣкъ этой арміи,—чувство самозабвенія, гордаго сознанія могущества и страстнаго влеченія къ тому, кто былъ причиной этого торжества.

Онъ чувствовалъ, что отъ одного слова этого человѣка зависѣло то, чтобы вся громада эта (и онъ, связанный съ ней,—ничтожная песчинка) пошла бы въ огонь и въ воду, на преступленіе, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то онъ не могъ не трепетать и не замирать при видѣ этого приближающагося слова.

— Урра! Урра! Урра!—гремѣло со всѣхъ сторонъ, и одинъ полкъ за другимъ принималъ государя звуками генералъ-марша; потомъ «урра!», генералъ-маршъ и опять «урра!» и «урра!» которые, все усиливаясь и прибывая, слились въ оглушительный гулъ.

Пока не подъѣзжалъ еще государь, каждый полкъ въ своей безмолвности и неподвижности казался безжизненнымъ тѣломъ; только сравнивался съ нимъ государь, полкъ оживлялся и гремѣлъ, присоединяясь къ реву всей той линіи, которую уже проѣхалъ государь. При страшномъ, оглушительномъ звукѣ этихъ голосовъ, посреди массъ войска, неподвижныхъ, какъ бы окаменѣвшихъ въ своихъ четвероугольникахъ, небрежно, но симметрично и, главное, свободно двигались сотни всадниковъ свиты и впереди ихъ два человѣка—императоры. На нихъ-то безраздѣльно было сосредоточено сдержанно-страстное вниманіе всей этой массы людей.

Красивый, молодой императоръ Александръ, въ конно-гвардейскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, надѣтой съ поля, своимъ пріятнымъ лицомъ и звучнымъ, негромкимъ голосомъ привлекалъ всю силу вниманія.

Ростовъ стоялъ недалеко отъ трубачей и издалека своими зоркими глазами узналъ государя и слѣдилъ за его приближеніемъ. Когда государь приблизился на разстояніе 20 шаговъ и Николай ясно, до всѣхъ подробностей, разсмотрѣлъ прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, онъ испытывалъ чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ. Все—всякая черта, всякое движеніе—казалось ему прелестно въ государѣ.

Остановившись противъ Павлоградскаго полка, государь сказалъ что-то по-французски австрійскому императору и улыбнулся.

Увидавъ эту улыбку, Ростовъ самъ невольно началъ улыбаться и почувствовалъ еще сильнѣйшій приливъ любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать. Государь вызвалъ полкового командира и сказалъ ему нѣсколько словъ.

«Боже мой, что бы со мной было, ежели бы ко мнѣ обратился государь!» думалъ Ростовъ. «Я бы умеръ отъ счастья».

Государь обратился и къ офицерамъ:

— Всѣхъ, господа (каждое слово слышалось Ростову, какъ звукъ съ неба), благодарю отъ всей души.

Какъ бы счастливъ былъ Ростовъ, ежели бы могъ теперь умереть за своего царя.

— Вы заслужили георгіевскія знамена и будете ихъ достойны.

«Только умереть, умереть за него!» думалъ Ростовъ.

Государь еще сказалъ что-то, чего не разслышалъ Ростовъ, и солдаты, надсаживая свои груди, закричали: «Урра!»

Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣдлу, что было его силъ, желая повредить себѣ этимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ къ государю.

Государь постоялъ нѣсколько секундъ противъ гусаръ, какъ будто онъ былъ въ нерѣшимости.

«Какъ могъ быть въ нерѣшимости государь?» подумалъ Ростовъ, а потомъ даже и эта нерѣшительность показалась Ростову величественной и обворожительной, какъ и все, что дѣлалъ государь.

Нерѣшительность государя продолжалась одно мгновеніе. Нога государя, съ узкимъ, острымъ носкомъ сапога, какъ носили въ то время, дотронулась до паха энглизированной гнѣдой кобылы, на которой онъ ѣхалъ; рука государя въ бѣлой перчаткѣ подобрала поводья, и онъ тронулся, сопутствуемый безпорядочно заколыхавшимся моремъ адъютантовъ. Дальше и дальше отъѣзжалъ онъ, останавливаясь у другихъ полковъ, и, наконецъ, только бѣлый плюмажъ его виднѣлся Ростову изъ-за свиты, окружавшей императоровъ.

Въ числѣ господъ свиты Ростовъ замѣтилъ и Болконскаго, лѣниво и распущенно сидящаго на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняя ссора съ нимъ и представился вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. «Разумѣется, не слѣдуетъ», подумалъ теперь Ростовъ. «И стóитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія что̀ значатъ всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ прощаю теперь», думалъ Ростовъ.

Когда государь объѣхалъ почти всѣ полки, войска стали проходить мимо его церемоніальнымъ маршемъ, и Ростовъ на бновь купленномъ у Денисова Бедуинѣ проѣхалъ въ замкѣ своего эскадрона, т.-е. одинъ и совершенно на виду передъ государемъ.

Не доѣзжая государя, Ростовъ, отличный ѣздокъ, два раза всадилъ шпоры своему Бедуину и довелъ его счастливо до того бѣшенаго аллюра рыси, которою хаживалъ разгоряченный Бедуинъ. Подогнувъ пѣнящуюся морду къ груди, отдѣливъ хвостъ и какъ будто летя на воздухѣ и не касаясь до земли, граціозно и высоко вскидывая и перемѣняя ноги, Бедуинъ, тоже чувствовавшій на себѣ взглядъ государя, прошелъ превосходно.

Самъ Ростовъ, заваливъ назадъ ноги и подобравъ животъ и чувствуя себя однимъ кускомъ съ лошадью, съ нахмуреннымъ,

но блаженнымъ лицомъ, *чортомъ*, какъ говорилъ Денисовъ, проѣхалъ мимо государя.

— Молодцы павлоградцы! — проговорилъ государь.

«Боже мой! какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь», подумалъ Ростовъ.

Когда смотръ кончился, офицеры, вновь пришедшіе и кутузовскіе, стали сходиться группами и начали разговоры о наградахъ, объ австрійцахъ и ихъ мундирахъ, объ ихъ фронтѣ, о Бонапартѣ и о томъ, какъ ему плохо придется теперь, особенно когда подойдетъ еще корпусъ Эссена и Пруссія приметъ нашу сторону.

Но болѣе всего во всѣхъ кружкахъ говорили о государѣ Александрѣ, передавали каждое его слово, движеніе и восторгались имъ.

Всѣ только одного желали: подъ предводительствомъ государя скорѣе идти противъ непріятеля. Подъ командою самого государя нельзя было не побѣдить кого бы то ни было, такъ думали послѣ смотра Ростовъ и большинство офицеровъ.

Всѣ послѣ смотра были увѣрены въ побѣдѣ больше, чѣмъ бы могли быть послѣ двухъ выигранныхъ сраженій.

IX.

На другой день послѣ смотра Борисъ, одѣвшись въ лучшій мундиръ и напутствуемый пожеланіями успѣха отъ своего товарища Берга, поѣхалъ въ Ольмюцъ къ Болконскому, желая воспользоваться его лаской и устроить себѣ наилучшее положеніе, въ особенности положеніе адъютанта при важномъ лицѣ, казавшееся ему особенно заманчивымъ въ арміи. «Хорошо Ростову, которому отецъ присылаетъ по 10 тысячъ, разсуждать о томъ, какъ онъ никому не хочетъ кланяться и ни къ кому не пойдетъ въ лакеи; но мнѣ, ничего не имѣющему, кромѣ своей головы, надо сдѣлать свою карьеру и не упускать случаевъ, а пользоваться ими».

Въ Ольмюцѣ онъ не засталъ въ этотъ день князя Андрея. Но видъ Ольмюца, гдѣ стояла главная квартира, дипломатическій корпусъ и жили оба императора съ своими свитами—придворныхъ, приближенныхъ, только больше усилилъ его желаніе принадлежать къ этому верховному міру.

Онъ никого не зналъ, и, несмотря на его щегольскій гвардейскій мундиръ, всѣ эти высшіе люди, сновавшіе по улицамъ, въ щегольскихъ экипажахъ, плюмажахъ, лентахъ и орденахъ, придворные и военные, казалось, стояли такъ неизмѣримо выше

его, гвардейскаго офицерика, что не только не хотѣли, но и не могли признать его существованіе. Въ помѣщеніи главнокомандующаго Кутузова, гдѣ онъ спросилъ Болконскаго, всѣ эти адъютанты и даже денщики смотрѣли на него такъ, какъ будто желали внушить ему, что такихъ, какъ онъ, офицеровъ очень много сюда шляется и что они всѣ уже очень надоѣли. Несмотря на это, или скорѣе вслѣдствіе этого, на другой день, 15 числа, онъ послѣ обѣда опять поѣхалъ въ Ольмюцъ и, войдя въ домъ, занимаемый Кутузовымъ, спросилъ Болконскаго. Князь Андрей былъ дома, и Бориса провели въ большую залу, въ которой, вѣроятно, прежде танцовали, а теперь стояли пять кроватей, разнородная мебель: столъ, стулья и клавикорды. Одинъ адъютантъ, ближе къ двери, въ персидскомъ халатѣ, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Другой, красный, толстый Несвицкій, лежалъ на постели, подложивъ руки подъ голову, и смѣялся съ присѣвшимъ къ нему офицеромъ. Третій игралъ на клавикордахъ вѣнскій вальсъ, четвертый лежалъ на этихъ клавикордахъ и подпѣвалъ ему. Болконскаго не было. Никто изъ этихъ господъ, замѣтивъ Бориса, не измѣнилъ своего положенія. Тотъ, который писалъ и къ которому обратился Борисъ, досадливо обратился и сказалъ ему, что Болконскій дежурный и чтобы онъ шелъ налѣво въ дверь, въ пріемную, коли ему нужно видѣть его. Борисъ поблагодарилъ и пошелъ въ пріемную. Въ пріемной было человѣкъ десять офицеровъ и генераловъ.

Въ то время, какъ вошелъ Борисъ, князь Андрей, презрительно прищурившись (съ тѣмъ особеннымъ видомъ учтивой усталости, которая ясно говоритъ, что, коли бы не моя обязанность, я бы минуты съ вами не сталъ разговаривать), выслушивалъ стараго русскаго генерала въ орденахъ, который почти на цыпочкахъ, на вытяжкѣ, съ солдатскимъ подобострастнымъ выраженіемъ багроваго лица, что-то докладывалъ князю Андрею.

— Очень хорошо, извольте подождать,—сказалъ онъ генералу тѣмъ французскимъ выговоромъ по-русски, которымъ онъ говорилъ, когда хотѣлъ говорить презрительно, и, замѣтивъ Бориса, не обращаясь болѣе къ генералу (который съ мольбой бѣгалъ за нимъ, прося еще что-то выслушать), князь Андрей съ веселой улыбкой, кивая ему, обратился къ Борису.

Борисъ въ эту минуту уже ясно понялъ то, что онъ предвидѣлъ прежде, именно то, что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла этого затянутаго съ багровымъ лицомъ генерала почтительно дожидаться, въ то время

какъ капитанъ князь Андрей для своего удовольствія находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ. Больше чѣмъ когда-нибудь Борисъ рѣшился служить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой неписанной субординаціи. Онъ теперь чувствовалъ, что только вслѣдствіе того, что онъ былъ рекомендованъ князю Андрею, онъ уже сталъ сразу выше генерала, который въ другихъ случаяхъ, во фронтѣ, могъ уничтожить его, гвардейскаго прапорщика. Князь Андрей подошелъ къ нему и взялъ за руку.

— Очень жаль, что вчера вы не застали меня. Я цѣлый день провозился съ нѣмцами. Ѣздили съ Вейротеромъ повѣрять диспозицію. Какъ нѣмцы возьмутся за аккуратность—конца нѣтъ!

Борисъ улыбнулся, какъ будто онъ понималъ то, о чемъ, какъ объ общеизвѣстномъ, намекалъ князь Андрей. Но онъ въ первый разъ слышалъ и фамилію Вейротера и даже слово «диспозиція».

— Ну что, мой милый, все въ адъютанты хотите? Я о васъ подумалъ за это время.

— Да, я думалъ,—невольно отчего-то краснѣя, сказалъ Борисъ,—просить главнокомандующаго; къ нему было письмо обо мнѣ отъ князя Курагина; я хотѣлъ просить только потому,—прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь,—что, боюсь, гвардія не будетъ въ дѣлѣ.

— Хорошо! хорошо! мы обо всемъ переговоримъ,—сказалъ князь Андрей,—только дайте доложить про этого господина, и я принадлежу вамъ.

Въ то время, какъ князь Андрей ходилъ докладывать про багроваго генерала, генералъ этотъ, видимо не раздѣлявшій понятій Бориса о выгодахъ неписанной субординаціи, такъ уперся глазами въ дерзкаго прапорщика, помѣшавшаго ему договорить съ адъютантомъ, что Борису стало неловко. Онъ отвернулся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда возвратится князь Андрей изъ кабинета главнокомандующаго.

— Вотъ что, мой милый, я думалъ о васъ,—сказалъ князь Андрей, когда они прошли въ большую залу съ клавикордами.—Къ главнокомандующему вамъ ходить нечего,—говорилъ князь Андрей:—онъ наговоритъ вамъ кучу любезностей, скажетъ, чтобы приходили къ нему обѣдать («это было бы еще не такъ плохо для службы по той субординаціи», подумалъ Борисъ), но изъ этого дальше ничего не выйдетъ; насъ, адъютантовъ и ординарцевъ, скоро будетъ батальонъ. Но вотъ что мы сдѣлаемъ: у меня есть хорошій пріятель генералъ-адъютантъ и прекрасный человѣкъ, князь Долгоруковъ; и хотя вы этого можете не знать, но

дѣло въ томъ, что теперь Кутузовъ съ его штабомъ и мы всѣ ровно ничего не значимъ: все теперь сосредоточивается у государя; такъ вотъ мы пойдемте-ка къ Долгорукову, мнѣ и надо сходить къ нему, я ужъ ему говорилъ про васъ; такъ мы и посмотримъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ пристроить васъ при себѣ или гдѣ-нибудь тамъ поближе къ солнцу.

Князь Андрей всегда особенно оживлялся, когда ему приходилось руководить молодого человѣка и помогать ему въ свѣтскомъ успѣхѣ. Подъ предлогомъ этой помощи другому, которую онъ по гордости никогда не принялъ бы для себя, онъ находился вблизи той среды, которая давала успѣхъ и которая притягивала его къ себѣ. Онъ весьма охотно взялся за Бориса и пошелъ съ нимъ къ князю Долгорукову.

Было уже поздно вечеромъ, когда они вошли въ Ольмюцкій дворецъ, занимаемый императорами и ихъ приближенными.

Въ этотъ самый день былъ военный совѣтъ, на которомъ участвовали всѣ члены гофкригсрата и оба императора. На совѣтѣ, въ противность мнѣнію стариковъ—Кутузова и князя Шварценберга, было рѣшено немедленно наступать и дать генеральное сраженіе Бонапарту. Военный совѣтъ только что кончился, когда князь Андрей, сопутствуемый Борисомъ, пришелъ во дворецъ отыскивать князя Долгорукова. Еще всѣ лица главной квартиры находились подъ обаяніемъ сегодняшняго, побѣдоноснаго для партіи молодыхъ, военнаго совѣта. Голоса медлителей, совѣтовавшихъ ожидать еще чего-то не наступая, такъ единодушно были заглушены и доводы ихъ опровергнуты несомнѣнными доказательствами выгодъ наступленія, что то, о чемъ толковалось въ совѣтѣ, будущее сраженіе и безъ сомнѣнія побѣда, казалось уже не будущимъ, а прошедшимъ. Всѣ выгоды были на нашей сторонѣ: огромныя силы, безъ сомнѣнія превосходившія силы Наполеона, были стянуты въ одно мѣсто; войска были одушевлены присутствіемъ императоровъ и рвались въ дѣло; стратегическій пунктъ, на которомъ приходилось дѣйствовать, былъ до малѣйшихъ подробностей извѣстенъ австрійскому генералу Вейротеру, руководившему войска (какъ бы счастливая случайность сдѣлала то, что австрійскія войска въ прошломъ году были на маневрахъ именно на тѣхъ поляхъ, на которыхъ теперь предстояло сразиться съ французомъ); до малѣйшихъ подробностей была извѣстна и передана на картахъ предлежащая мѣстность, и Бонапарте, видимо ослабленный, ничего не предпринималъ.

Долгоруковъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ наступленія, только что вернулся изъ совѣта, усталый, измученный, но оживленный и гордый одержанной побѣдой. Князь Андрей

представилъ покровительствуемаго имъ офицера, но князь Долгоруковъ, учтиво и крѣпко пожавъ ему руку, ничего не сказалъ Борису и, очевидно не въ силахъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя сильнѣе всего занимали его въ эту минуту, по-французски обратился къ князю Андрею.

— Ну, мой милый, какое мы выдержали сраженіе! Дай Богъ только, чтобы то, которое будетъ слѣдствіемъ его, было бы столь же побѣдоносно. Однако, мой милый, — говорилъ онъ отрывочно и оживленно,—я долженъ признать свою вину передъ австрійцами и въ особенности передъ Вейротеромъ. Что за точность, что за подробность, что за знаніе мѣстности, что за предвидѣніе всѣхъ возможностей, всѣхъ условій, всѣхъ малѣйшихъ подробностей! Нѣтъ, мой милый, выгоднѣй тѣхъ условій, въ которыхъ мы находимся, нельзя ничего нарочно выдумать. Соединеніе австрійской отчетливости съ русскою храбростью—чего жъ вы хотите еще?

— Такъ наступленіе окончательно рѣшено?—сказалъ Болконскій.

— И знаете ли, мой милый, мнѣ кажется, что рѣшительно Буонапарте потерялъ свою латынь. Вы знаете, что нынче получено отъ него письмо къ императору. (Долгоруковъ улыбнулся значительно.)

— Вотъ какъ! Что жъ онъ пишетъ? — спросилъ Болконскій.

— Что онъ можетъ писать? Традиридира и т. п., все только съ цѣлью выиграть время. Я вамъ говорю, что онъ у насъ въ рукахъ; это вѣрно! Но что забавнѣе всего, — сказалъ онъ, вдругъ добродушно засмѣявшись,—это то, что никакъ не могли придумать, какъ ему адресовать отвѣтъ. Ежели не консулу, само собой разумѣется не императору, то генералу Буонапарту, какъ мнѣ казалось.

— Но между тѣмъ, чтобы не признавать императоромъ, и тѣмъ, чтобы называть генераломъ Буонапарте, есть разница,— сказалъ Болконскій.

— Въ томъ-то и дѣло,—смѣясь и перебивая, быстро говорилъ Долгоруковъ. — Вы знаете Билибина, онъ очень умный человѣкъ, онъ предлагалъ адресовать: «узурпатору и врагу человѣческаго рода».

Долгоруковъ весело захохоталъ.

— Не болѣе того?—замѣтилъ Болконскій.

— Но все-таки Билибинъ нашелъ серьезный титулъ адреса. И остроумный и умный человѣкъ.

— Какъ же?

— Главѣ французскаго правительства, au chef du gouvernement français, —серьезно и съ удовольствіемъ сказалъ князь Долгоруковъ.—Не правда ли, что хорошо?

— Хорошо, но очень не понравится ему, — замѣтилъ Болконскій.

— О, и очень! Мой братъ знаетъ его: онъ не разъ обѣдалъ у него, у теперешняго императора, въ Парижѣ и говорилъ мнѣ, что онъ не видалъ болѣе утонченнаго и хитраго дипломата: знаете, соединеніе французской ловкости и итальянскаго актерства? Вы знаете его анекдоты съ графомъ Марковымъ? Только одинъ графъ Марко́въ умѣлъ съ нимъ обращаться. Вы знаете исторію платка? Это прелесть!

И словоохотливый Долгоруковъ, обращаясь то къ Борису, то къ князю Андрею, разсказалъ, какъ Бонапартъ, желая испытать Марко̀ва, нашего посланника, нарочно уронилъ передъ нимъ платокъ и остановился, глядя на него, ожидая, вѣроятно, услуги отъ Марко̀ва, и какъ Марко̀въ тотчасъ же уронилъ рядомъ свой платокъ и поднялъ свой, не поднимая платка Бонапарта.

— Charmant, — сказалъ Болконскій, — но вотъ что, князь, я пришелъ къ вамъ просителемъ за этого молодого человѣка. Видите ли, что...

Но князь Андрей не успѣлъ докончить, какъ въ комнату вошелъ адъютантъ, который звалъ князя Долгорукова къ императору.

— Ахъ, какая досада! — сказалъ Долгоруковъ, поспѣшно вставая и пожимая руки князя Андрея и Бориса.—Вы знаете, я очень радъ сдѣлать все, что̀ отъ меня зависитъ, и для васъ и для этого милаго молодого человѣка. — Онъ еще разъ пожалъ руку Бориса съ выраженіемъ добродушнаго, искренняго и оживленнаго легкомыслія.—Но вы видите... до другого раза!

Бориса волновала мысль о той близости къ высшей власти, въ которой онъ въ эту минуту чувствовалъ себя. Онъ сознавалъ себя здѣсь въ соприкосновеніи съ тѣми пружинами, которыя руководили всѣми тѣми громадными движеніями массъ, которыхъ онъ въ своемъ полку чувствовалъ себя маленькою, покорною и ничтожною частью. Они вышли въ коридоръ вслѣдъ за княземъ Долгоруковымъ и встрѣтили выходившаго (изъ той двери комнаты государя, въ которую вошелъ Долгоруковъ) невысокаго человѣка въ штатскомъ платьѣ, съ умнымъ лицомъ и рѣзкой чертой выставленной впередъ челюсти, которая, не портя его, придавала ему особенную живость и изворотливость выраженія. Этотъ невысокій человѣкъ кивнулъ, какъ своему, Долго-

рукову и пристально-холоднымъ взглядомъ сталъ вглядываться въ князя Андрея, идя прямо на него и видимо ожидая, чтобы князь Андрей поклонился ему или далъ дорогу. Князь Андрей не сдѣлалъ ни того, ни другого; въ лицѣ его выразилась злоба, и молодой человѣкъ, отвернувшись, прошелъ стороной коридора.

— Кто это? — спросилъ Борисъ.

— Это одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ, но непріятнѣйшихъ мнѣ людей. Это министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Адамъ Чарторижскій. — Вотъ эти люди, — сказалъ Болконскій со вздохомъ, который онъ не могъ подавить, въ то время какъ они выходили изъ дворца, — вотъ эти-то люди рѣшаютъ судьбы народовъ.

На другой день войска выступили въ походъ, и Борисъ не успѣлъ до самаго Аустерлицкаго сраженія побывать ни у Болконскаго, ни у Долгорукова и остался еще на время въ Измайловскомъ полку.

X.

На зарѣ 16-го числа эскадронъ Денисова, въ которомъ служилъ Николай Ростовъ и который былъ въ отрядѣ князя Багратіона, двинулся съ ночлега въ дѣло, какъ говорили, и, пройдя около версты, позади другихъ колоннъ, былъ остановленъ на большой дорогѣ. Ростовъ видѣлъ, какъ мимо его прошли впередъ казаки, 1-й и 2-й эскадронъ гусаръ, пѣхотные батальоны съ артиллеріей и проѣхали генералы Багратіонъ и Долгоруковъ съ адъютантами. Весь страхъ, который онъ, какъ и прежде, испытывалъ передъ дѣломъ; вся внутренняя борьба, посредствомъ которой онъ преодолѣвалъ этотъ страхъ; всѣ его мечтанія о томъ, какъ онъ по-гусарски отличится въ этомъ дѣлѣ, пропали даромъ. Эскадронъ ихъ былъ оставленъ въ резервѣ, и Николай Ростовъ скучно и тоскливо провелъ этотъ день. Въ 9-мъ часу утра онъ услыхалъ пальбу впереди себя, крики «ура», видѣлъ провозимыхъ назадъ раненыхъ (ихъ было немного) и, наконецъ, видѣлъ, какъ въ серединѣ сотни казаковъ провели цѣлый отрядъ французскихъ кавалеристовъ. Очевидно, дѣло было кончено, и дѣло было, очевидно, небольшое, но счастливое. Проходившіе назадъ солдаты и офицеры разсказывали о блестящей побѣдѣ, о занятіи города Вишау и взятіи въ плѣнъ цѣлаго французскаго эскадрона. День былъ ясный, солнечный, послѣ сильнаго ночного заморозка, и веселый блескъ осенняго дня совпадалъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, которое передавали не только разсказы участвовавшихъ въ немъ, но и радостное выраженіе лицъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ и адъютантовъ, ѣхав-

шихъ туда и оттуда мимо Ростова. Тѣмъ больнѣе щемило сердце Николая, напрасно перестрадавшаго весь страхъ, предшествующій сраженію, и пробывшаго этотъ веселый день въ бездѣйствіи.

— Г'остовъ, иди сюда, выпьемъ съ гог'я!—крикнулъ Денисовъ, усѣвшись на краю дороги передъ фляжкой и закуской.

Офицеры собрались кружкомъ, закусывая и разговаривая, около погребца Денисова.

— Вотъ еще одного ведутъ!—сказалъ одинъ изъ офицеровъ, указывая на французскаго плѣннаго драгуна, котораго вели пѣшкомъ два казака.

Одинъ изъ нихъ велъ въ поводу взятую у плѣннаго рослую и красивую французскую лошадь.

— Пг'одай лошадь,—крикнулъ Денисовъ казаку.

— Изволь, ваше благородіе...

Офицеры встали и окружили казаковъ и плѣннаго француза. Французскій драгунъ былъ молодой малый, эльзасецъ, говорившій по-французски съ нѣмецкимъ акцентомъ. Онъ задыхался отъ волненія, лицо его было красно, и, услыхавъ французскій языкъ, онъ быстро заговорилъ съ офицерами, обращаясь то къ тому, то къ другому. Онъ говорилъ, что его бы не взяли; что онъ не виноватъ въ томъ, что его взяли, а виноватъ le caporal, который послалъ его захватить попоны; что онъ ему говорилъ, что уже русскіе тамъ. И ко всякому слову онъ прибавлялъ: mais qu'on ne fasse pas de mal à mon petit cheval [1]), и ласкалъ свою лошадь. Видно было, что онъ не понималъ хорошенько, гдѣ онъ находится. Онъ то извинялся, что его взяли, то, предполагая передъ собою свое начальство, выказывалъ свою солдатскую исправность и заботливость о службѣ. Онъ донесъ съ собой въ нашъ арьергардъ во всей свѣжести атмосферу французскаго войска, которое такъ чуждо было для насъ.

Казаки отдали лошадь за два червонца, и Ростовъ, теперь, получивъ деньги, самый богатый изъ офицеровъ, купилъ ее.

— Mais qu'on ne fasse pas de mal à monpetit cheval,—добродушно сказалъ эльзасецъ Ростову, когда лошадь передана была гусару.

Ростовъ, улыбаясь, успокоилъ драгуна и далъ ему денегъ.

— Алё! Алё!—сказалъ казакъ, трогая за руку плѣннаго, чтобы онъ шелъ дальше.

---

[1]) Но не обижайте мою лошадку.

— Государь! Государь! — вдругъ послышалось между гусарами.

Все побѣжало, заторопилось, и Ростовъ увидалъ сзади по дорогѣ нѣсколько подъѣзжающихъ всадниковъ съ бѣлыми султанами на шляпахъ. Въ одну минуту всѣ были на мѣстахъ и ждали.

Ростовъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ онъ добѣжалъ до своего мѣста и сѣлъ на лошадь. Мгновенно прошло его сожалѣніе о неучастіи въ дѣлѣ, его будничное расположеніе духа въ кругу приглядѣвшихся лицъ, мгновенно исчезла всякая мысль о себѣ: онъ весь поглощенъ былъ чувствомъ счастья, происходящаго отъ близости государя. Онъ чувствовалъ себя одною этою близостью вознагражденнымъ за потерю нынѣшняго дня. Онъ былъ счастливъ, какъ любовникъ, дождавшійся ожидаемаго свиданія. Не смѣя оглядываться во фронтѣ и не оглядываясь, онъ чувствовалъ восторженнымъ чутьемъ *его* приближеніе. И онъ чувствовалъ это не по одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это потому, что, по мѣрѣ приближенія, все свѣтлѣе, радостнѣе и значительнѣе и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ его голосъ — этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ. Какъ и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и въ этой тишинѣ раздались звуки голоса государя.

— Les huzards de Pavlograd? [1])—вопросительно сказалъ онъ.

— La réserve, sire! [2]) — отвѣчалъ чей-то другой голосъ, столь человѣческій послѣ того нечеловѣческаго голоса, который сказалъ: «Les huzards de Pavlograd?»

Государь поровнялся съ Ростовымъ и остановился. Лицо Александра было еще прекраснѣе, чѣмъ на смотру три дня тому назадъ. Оно сіяло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало ребяческую четырнадцатилѣтнюю рѣзвость, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было все-таки лицо величественнаго императора. Случайно оглядывая эскадронъ, глаза государя встрѣтились съ глазами Ростова и не болѣе какъ на двѣ секунды остановились на нихъ. Понялъ ли государь, что дѣлалось въ душѣ Ростова (Ростову казалось, что онъ все по-

---

[1]) Павлоградскіе гусары?
[2]) Резервъ, ваше величество!

нялъ), но онъ посмотрѣлъ секунды двѣ своими голубыми глазами въ лицо Ростова. (Мягко и кротко лился изъ нихъ свѣтъ.) Потомъ вдругъ онъ приподнялъ брови, рѣзкимъ движеніемъ ударилъ лѣвой ногой лошадь и галопомъ поѣхалъ впередъ.

Молодой императоръ не могъ воздержаться отъ желанія присутствовать при сраженіи и, несмотря на всѣ представленія придворныхъ, въ 12 часовъ, отдѣлившись отъ 3-й колонны, при которой онъ слѣдовалъ, поскакалъ къ авангарду. Еще не доѣзжая до гусаръ, нѣсколько адъютантовъ встрѣтили его съ извѣстіемъ о счастливомъ исходѣ дѣла.

Сраженіе, состоявшее только въ томъ, что захваченъ эскадронъ французовъ, было представлено какъ блестящая побѣда надъ французами, и потому государь и вся армія, особенно послѣ того, какъ не разошелся еще пороховой дымъ на полѣ сраженія, вѣрили, что французы побѣждены и отступаютъ противъ своей воли. Нѣсколько минутъ послѣ того, какъ проѣхалъ государь, дивизіонъ павлоградцевъ потребовали впередъ. Въ самомъ Вишау, маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, Ростовъ еще разъ увидалъ государя. На площади города, на которой была до пріѣзда государя довольно сильная перестрѣлка, лежало нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣли подобрать. Государь, окруженный свитою военныхъ и невоенныхъ, былъ на рыжей, уже другой, чѣмъ на смотру, англизированной кобылѣ и, склонившись на бокъ, граціознымъ жестомъ держа золотой лорнетъ у глаза, смотрѣлъ въ него на лежащаго ничкомъ, безъ кивера, съ окровавленною головою солдата. Солдатъ раненый былъ такъ нечистъ, грубъ и гадокъ, что Ростова оскорбила близость его къ государю. Ростовъ видѣлъ, какъ содрогнулись, какъ бы отъ пробѣжавшаго мороза, сутуловатыя плечи государя, какъ лѣвая нога его судорожно стала бить шпорой бокъ лошади и какъ пріученная лошадь равнодушно оглядывалась и не трогалась съ мѣста. Слѣзшій съ лошади адъютантъ взялъ подъ руки солдата и сталъ класть на появившіяся носилки. Солдатъ застоналъ.

— Тише, тише, развѣ нельзя тише? — видимо болѣе страдая, чѣмъ умирающій солдатъ, проговорилъ государь и отъѣхалъ прочь.

Ростовъ видѣлъ слезы, наполнившія глаза государя, и слышалъ, какъ онъ, отъѣзжая, по-французски сказалъ Чарторижскому:

— Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь! Quelle terrible chose que la guerre!

Войска авангарда расположились впереди Вишау, въ виду цѣпи непріятельской, уступавшей намъ мѣсто при малѣйшей перестрѣлкѣ въ продолженіе всего дня. Авангарду объявлена была благодарность государя, обѣщаны награды, и людямъ роздана двойная порція водки. Еще веселѣе, чѣмъ въ прошлую почь, трещали бивачные костры и раздавались солдатскія пѣсни. Денисовъ въ эту ночь праздновалъ производство свое въ майоры, и Ростовъ, уже довольно выпившій въ концѣ пирушки, предложилъ тостъ за государя, но «не государя императора, какъ говорятъ на официальныхъ обѣдахъ», сказалъ онъ, «а за здоровье государя добраго, обворожительнаго и великаго человѣка; пьемъ за его здоровье и за вѣрную побѣду надъ французами!»

— Коли мы прежде дрались, — сказалъ онъ, — и не давали спуску французамъ, какъ подъ Шенграбеномъ, что же теперь будетъ, когда онъ впереди? Мы всѣ умремъ, съ наслажденіемъ умремъ за него. Такъ, господа? Можетъ-быть, я не такъ говорю, я много выпилъ; да я такъ чувствую, и вы тоже. За здоровье Александра Перваго! Урра!

— Урра! — зазвучали воодушевленные голоса офицеровъ.

И старый ротмистръ Кирстенъ кричалъ воодушевленно и не менѣе искренно, чѣмъ двадцатилѣтній Ростовъ.

Когда офицеры выпили и разбили свои стаканы, Кирстенъ налилъ другіе и, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, съ стаканомъ въ рукѣ подошелъ къ солдатскимъ кострамъ и въ величественной позѣ, взмахнувъ кверху рукой, съ своими длинными сѣдыми усами и бѣлою грудью, виднѣвшеюся изъ-за распахнувшейся рубашки, остановился въ свѣтѣ костра.

— Ребята, за здоровье государя императора, за побѣду надъ врагами, урра! — крикнулъ онъ своимъ молодецкимъ, старческимъ, гусарскимъ баритономъ.

Гусары столпились и дружно отвѣчали громкимъ крикомъ.

Поздно ночью, когда всѣ разошлись, Денисовъ потрепалъ своей коротенькой рукой по плечу своего любимца Ростова.

— Вотъ на походѣ не въ кого влюбиться, такъ онъ въ цаг'я влюбился, — сказалъ онъ.

— Денисовъ, ты этимъ не шути, — крикнулъ Ростовъ, — это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

— Вѣг'ю, вѣг'ю, дг'ужокъ, и г'аздѣляю, и одобг'яю...

— Нѣтъ, не понимаешь!

И Ростовъ всталъ и пошелъ бродить между костровъ, мечтая о томъ, какое было бы счастье умереть, не спасая жизнь (объ этомъ онъ и не смѣлъ мечтать), а просто умереть въ глазахъ государя. Онъ дѣйствительно былъ влюбленъ и въ царя, и въ

славу русскаго оружія, и въ надежду будущаго торжества. Й не онъ одинъ испытывалъ это чувство въ тѣ памятные дни, предшествующіе Аустерлицкому сраженію: девять десятыхъ людей русской арміи въ то время были влюблены, хотя и менѣе восторженно, въ своего царя и въ славу русскаго оружія.

XI.

На слѣдующій день государь остановился въ Вишау. Лейбъ-медикъ Вилье нѣсколько разъ былъ призываемъ къ нему. Въ главной квартирѣ и въ ближайшихъ войскахъ распространилось извѣстіе, что государь былъ нездоровъ. Онъ ничего не ѣлъ и дурно спалъ эту ночь, какъ говорили приближенные. Причина этого нездоровья заключалась въ сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на чувствительную душу государя видомъ раненыхъ и убитыхъ.

На зарѣ 17-го числа въ Вишау былъ препровожденъ съ аванпостовъ французскій офицеръ, пріѣхавшій подъ парламентерскимъ флагомъ, требуя свиданія съ русскимъ императоромъ. Офицеръ этотъ былъ Савари. Государь только что заснулъ, и потому Савари долженъ былъ дожидаться. Въ полдень онъ былъ допущенъ къ государю и черезъ часъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Долгоруковымъ на аванпосты французской арміи.

Какъ слышно было, цѣль присылки Савари состояла въ предложеніи свиданія императора Александра съ Наполеономъ. Въ личномъ свиданіи, къ радости и гордости всей арміи, было отказано, и вмѣсто государя князь Долгоруковъ, побѣдитель при Вишау, былъ отправленъ вмѣстѣ съ Савари для переговоровъ съ Наполеономъ, ежели переговоры эти, противъ чаянія, имѣли цѣлью дѣйствительное желаніе мира.

Ввечеру вернулся Долгоруковъ, прошелъ прямо къ государю и долго пробылъ у него наединѣ.

18 и 19 ноября войска прошли еще два перехода впередъ, и непріятельскіе аванпосты послѣ короткихъ перестрѣлокъ отступали. Въ высшихъ сферахъ арміи съ полудня 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движеніе, продолжавшееся до утра слѣдующаго дня, 20-го ноября, въ который дано было столь памятное Аустерлицкое сраженіе.

До полудня 19 числа движеніе, оживленные разговоры, бѣготня, посылки адъютантовъ ограничивались одной главной квартирой императоровъ; послѣ полудня того же дня движеніе передалось въ главную квартиру Кутузова и въ штабы колонныхъ начальниковъ. Вечеромъ черезъ адъютантовъ разнеслось это

движеніе по всѣмъ концамъ и частямъ арміи, и въ ночь съ 19 на 20 поднялась съ ночлеговъ загудѣла говоромъ и заколыхалась и тронулась громаднымъ девятиверстнымъ холстомъ 80-титысячная масса союзнаго войска.

Сосредоточенное движеніе, начавшееся поутру въ главной квартирѣ императоровъ и давшее толчокъ всему дальнѣйшему движенію, было похоже на первое движеніе срединнаго колеса большихъ башенныхъ часовъ. Медленно двинулось одно колесо, повернулось другое, третье, и все быстрѣе и быстрѣе пошли вертѣться колеса, блоки, шестерни, начали играть куранты, выскакивать фигуры, и мѣрно стали подвигаться стрѣлки, показывая результатъ движенія.

Какъ въ механизмѣ часовъ, такъ и въ механизмѣ военнаго дѣла такъ же неудержимо до послѣдняго результата разъ данное движеніе, и такъ же безучастно неподвижны, за моментъ до передачи движенія, части механизма, до которыхъ еще не дошло дѣло. Свистятъ на осяхъ колеса, цѣпляясь зубьями, шипятъ отъ быстроты вертящіеся блоки, а сосѣднее колесо такъ же спокойно и неподвижно, какъ будто оно сотни лѣтъ готово простоять этою неподвижностью; но пришелъ моментъ, зацѣпилъ рычагъ, и, покоряясь движенію, трещитъ поворачиваясь колесо и сливается въ одно дѣйствіе, результатъ и цѣль котораго ему непонятны.

Какъ въ часахъ результатъ сложнаго движенія безчисленныхъ различныхъ колесъ и блоковъ есть только медленное и уравномѣренное движеніе стрѣлки, указывающей время, такъ и результатомъ всѣхъ сложныхъ человѣческихъ движеній этихъ 160.000 русскихъ и французовъ — всѣхъ страстей, желаній, раскаяній, униженій, страданій, порывовъ гордости, страха, восторга этихъ людей — былъ только проигрышъ Аустерлицкаго сраженія, такъ называемаго сраженія трехъ императоровъ, т.-е. медленное передвиженіе всемірно-исторической стрѣлки на циферблатѣ исторіи человѣчества.

Князь Андрей былъ въ этотъ день дежурнымъ и неотлучно при главнокомандующемъ.

Въ 6-мъ часу вечера Кутузовъ пріѣхалъ въ главную квартиру императоровъ и, недолго пробывъ у государя, пошелъ къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому.

Болконскій воспользовался этимъ временемъ, чтобы зайти къ Долгорукову узнать о подробностяхъ дѣла. Князь Андрей чувствовалъ, что Кутузовъ чѣмъ-то разстроенъ и недоволенъ, и что имъ недовольны въ главной квартирѣ, и что всѣ лица императорской главной квартиры имѣютъ съ нимъ тонъ людей,

знающихъ что-то такое, чего другіе не знаютъ; и поэтому ему хотѣлось поговорить съ Долгоруковымъ.

— Ну, здравствуйте, mon cher, — сказалъ Долгоруковъ, сидѣвшій съ Билибинымъ за чаемъ. — Праздникъ на завтра. Что вашъ старикъ? не въ духѣ?

— Не скажу, чтобы былъ не въ духѣ, но ему, кажется, хотѣлось бы, чтобъ его выслушали.

— Да его слушали на военномъ совѣтѣ и будутъ слушать, когда онъ будетъ говорить дѣло; но медлить и ждать чего-то теперь, когда Бонапартъ боится болѣе всего генеральнаго сраженія, невозможно.

— Да вы его видѣли? — сказалъ князь Андрей. — Ну, что Бонапартъ? Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

— Да, видѣлъ и убѣдился, что онъ боится генеральнаго сраженія болѣе всего на свѣтѣ, — повторилъ Долгоруковъ, видимо дорожа этимъ общимъ выводомъ, сдѣланнымъ имъ изъ его свиданія съ Наполеономъ. — Ежели бы онъ не боялся сраженія, для чего бы ему было требовать этого свиданія, вести переговоры и, главное, отступать, тогда какъ отступленіе такъ противно всей его методѣ веденія войны? Повѣрьте мнѣ: онъ боится, боится генеральнаго сраженія. Его часъ насталъ; это я вамъ говорю.

— Но разскажите, какъ онъ, что? — еще спросилъ князь Андрей.

— Онъ человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, очень желавшій, чтобы я ему говорилъ «ваше величество», но къ огорченію своему не получившій отъ меня никакого титула. Вотъ это какой человѣкъ, и больше ничего, — отвѣчалъ Долгоруковъ, оглядываясь съ улыбкой на Билибина.

— Несмотря на мое полное уваженіе къ старому Кутузову, — продолжалъ онъ, — хороши мы были бы всѣ, ожидая чего-то и тѣмъ давая ему случай уйти или обмануть насъ, тогда какъ теперь онъ вѣрно въ нашихъ рукахъ. Нѣтъ, не надобно забывать Суворова и его правила: не ставить себя въ положеніе атакованнаго, а атаковать самому. Повѣрьте, на войнѣ энергія молодыхъ людей часто вѣрнѣе указываетъ путь, чѣмъ вся опытность старыхъ кунктаторовъ.

— Но въ какой же позиціи мы атакуемъ его? Я былъ на аванпостахъ нынче, и нельзя рѣшить, гдѣ онъ именно стоитъ съ главными силами, — сказалъ князь Андрей.

Ему хотѣлось высказать Долгорукову свой, составленный имъ, планъ атаки.

— Ахъ, это совершенно все равно, — быстро заговорилъ Долгоруковъ, вставая и раскрывая карту на столѣ.—Всѣ случаи предвидѣны: ежели онъ стоитъ у Брюнна...

И князь Долгоруковъ быстро и неясно разсказалъ планъ фланговаго движенія Вейротера.

Князь Андрей сталъ возражать и доказывать свой планъ, который могъ быть одинаково хорошъ съ планомъ Вейротера, но имѣлъ тотъ недостатокъ, что планъ Вейротера уже былъ одобренъ. Какъ только князь Андрей сталъ доказывать невыгоды того и выгоды своего, князь Долгоруковъ пересталъ его слушать и разсѣянно смотрѣлъ не на карту, а на лицо князя Андрея.

— Впрочемъ, у Кутузова будетъ нынче военный совѣтъ: вы тамъ можете все это высказать, — сказалъ Долгоруковъ.

— Я это и сдѣлаю, — сказалъ князь Андрей, отходя отъ карты.

— И о чемъ вы заботитесь, господа?—сказалъ Билибинъ, до сихъ поръ съ веселой улыбкой слушавшій ихъ разговоръ и теперь, видимо, собираясь пошутить.—Будетъ ли завтра побѣда или пораженіе, слава русскаго оружія застрахована. Кромѣ вашего Кутузова, нѣтъ ни одного русскаго начальника колоннъ. Начальники: Herr general Wimpfen, le comte de Langeron, le prince de Lichtenstein, le prince de Hohenloe et enfin Prsch... prsch... et ainsi de suite, comme tous les noms polonais [1]).

— Taisez vous, mauvaise langue [2]),—сказалъ Долгоруковъ.— Неправда, теперь уже два русскихъ: Милорадовичъ и Дохтуровъ, и былъ бы 3-й, графъ Аракчеевъ, но у него нервы слабы.

— Однако Михаилъ Иларіоновичъ, я думаю, вышелъ,—сказалъ князь Андрей. — Желаю счастья и успѣха, господа, — прибавилъ онъ и вышелъ, пожавъ руки Долгорукову и Билибину.

Возвращаясь домой, князь Андрей не могъ удержаться, чтобы не спросить молчаливо сидѣвшаго подлѣ него Кутузова о томъ, что́ онъ думаетъ о завтрашнемъ сраженіи.

Кутузовъ строго посмотрѣлъ на своего адъютанта и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Я думаю, что сраженіе будетъ проиграно, и я такъ сказалъ графу Толстому и просилъ его передать это государю.

---

[1]) Генералъ Вимпфенъ, графъ Ланжеронъ, князь Лихтенштейнъ, Гогенлое и еще Пршпршпрш, какъ всѣ польскія имена.

[2]) Удержите вашъ злой языкъ!

Что же, ты думаешь, онъ мнѣ отвѣтилъ? Eh, mon cher général, je me mêle du riz et des cotelettes, mêlez vous des affaires de la guerre [1]). Да... Вотъ что мнѣ отвѣчали!

XII.

Въ 10-мъ часу вечера Вейротеръ со своими планами переѣхалъ на квартиру Кутузова, гдѣ и былъ назначенъ военный совѣтъ. Всѣ начальники колоннъ были потребованы къ главнокомандующему, и, за исключеніемъ князя Багратіона, который отказался пріѣхать, всѣ явились къ назначенному часу.

Вейротеръ, бывшій полнымъ распорядителемъ предполагаемаго сраженія, представлялъ своею оживленностью и торопливостью рѣзкую противоположность съ недовольнымъ и сонным Кутузовымъ, неохотно игравшимъ роль предсѣдателя и руководителя военнаго совѣта. Вейротеръ, очевидно, чувствовалъ себя во главѣ движенія, которое стало уже неудержимо. Онъ былъ какъ запряженная лошадь, разбѣжавшаяся съ возомъ подъ гору. Онъ ли везъ или его гнало, онъ не зналъ; но онъ несся во всю возможную быстроту, не имѣя времени уже обсуждать того, къ чему поведетъ это движеніе. Вейротеръ въ этотъ вечеръ былъ два раза для личнаго осмотра въ цѣпи непріятеля и два раза у государей, русскаго и австрійскаго, для доклада и объясненій, и въ своей канцеляріи, гдѣ онъ диктовалъ нѣмецкую диспозицію. Онъ, измученный, пріѣхалъ теперь къ Кутузову.

Онъ, видимо, такъ былъ занятъ, что забывалъ даже быть почтительнымъ съ главнокомандующимъ: онъ перебивалъ его, говорилъ быстро, неясно, не глядя въ лицо собесѣдника, не отвѣчая на дѣланные ему вопросы, былъ испачканъ грязью и имѣлъ видъ жалкій, измученный, растерянный и вмѣстѣ съ тѣмъ самонадѣянный и гордый.

Кутузовъ занималъ небольшой дворянскій замокъ около Остралицъ. Въ большой гостиной, сдѣлавшейся кабинетомъ главнокомандующаго, собрались: самъ Кутузовъ, Вейротеръ и члены военнаго совѣта. Они пили чай. Ожидали только князя Багратіона, чтобы приступить къ военному совѣту. Въ 8-мъ часу пріѣхалъ ординарецъ Багратіона съ извѣстіемъ, что князь быть не можетъ. Князь Андрей пришелъ доложить о томъ главнокомандующему и, пользуясь прежде даннымъ ему Кутузовымъ позволеніемъ присутствовать при совѣтѣ, остался въ комнатѣ.

---

[1]) И, любезный генералъ! Я занятъ рисомъ и котлетами, а вы занимайтесь военными дѣлами.

— Такъ какъ князь Багратіонъ не будетъ, то мы можемъ начинать, — сказалъ Вейротеръ, поспѣшно вставая съ своего мѣста и приближаясь къ столу, на которомъ была разложена огромная карта окрестностей Брюнна.

Кутузовъ въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ котораго, какъ бы освободившись, выплыла на воротникъ его жирная шея, сидѣлъ въ вольтеровскомъ креслѣ, положивъ симметрично пухлыя старческія руки на подлокотники, и почти спалъ. На звукъ голоса Вейротера онъ съ усиліемъ открылъ единственный глазъ.

— Да, да, пожалуйста, а то поздно,—проговорилъ онъ и, кивнувъ головой, опустилъ ее и опять закрылъ глаза.

Ежели первое время члены совѣта думали, что Кутузовъ притворялся спящимъ, то звуки, которые онъ издавалъ носомъ во время послѣдующаго чтенія, доказывали, что въ эту минуту для главнокомандующаго дѣло шло о гораздо важнѣйшемъ, чѣмъ о желаніи выказать свое презрѣніе къ диспозиціи или къ чему бы то ни было: дѣло шло для него о неудержимомъ удовлетвореніи человѣческой потребности—сна. Онъ дѣйствительно спалъ. Вейротеръ съ движеніемъ человѣка, слишкомъ занятаго для того, чтобы терять хоть одну минуту времени, взглянулъ на Кутузова и, убѣдившись, что онъ спитъ, взялъ бумагу и громкимъ однообразнымъ тономъ началъ читать диспозицію будущаго сраженія подъ заглавіемъ, которое онъ тоже прочелъ:

«Диспозиція къ атакѣ непріятельской позиціи позади Кобельница и Сокольница, 30 ноября 1805 года».

Диспозиція была очень сложная и трудная. Въ оригинальной диспозиціи значилось:

«Da der Feind mit seinem linken Fluegel an die mit Wald bedeckten Berge lehnt und sich mit seinem rechten Fluegel laengs Kobelnitz und Sokolnitz hinter die dort befindichen Teiche zieht, wir im Gegentheil mit unserem linken Fluegel seinen rechten sehr debordiren, so ist es vortheilhaft letzteren Fluegel des Feindes zu attakiren, besonders wenn wir die Doerfer Sokolnitz und Kobelnitz im Besitze haben, wodurch wir dem Feind zugleich in die Flanke fallen und ihn auf der Flaeche zwischen Schlapanitz und dem Thuerassa-Walde verfolgen koennen, indem wir dem Defileen von Schlapanitz und Bellowitz ausweichen, welche die feindliche Front decken. Zu diesem Endzwecke ist es noethig... Die erste Kolonne marschirt... die zweite Kolonne marschirt.. die dritte Kolonne marschirt... [1]) и т. д. читалъ Вейротеръ. Генералы,

---

[1]) Такъ какъ непріятель опирается лѣвымъ крыломъ своимъ на покрытыя лѣсомъ горы, а правымъ крыломъ тянется вдоль Кобельница и

казалось, неохотно слушали трудную диспозицію. Бѣлокурый высокій генералъ Буксгевденъ стоялъ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, и, остановивъ свои глаза на горѣвшей свѣчѣ, казалось, не слушалъ и даже не хотѣлъ, чтобы думали, что онъ слушаетъ. Прямо противъ Вейротера, устремивъ на него свои блестящіе открытые глаза, въ воинственной позѣ, оперевъ руки съ вытянутыми наружу локтями на колѣни, сидѣлъ румяный Милорадовичъ съ приподнятыми усами и плечами. Онъ упорно молчалъ, глядя въ лицо Вейротера, и спускалъ съ него глаза только въ то время, когда австрійскій начальникъ штаба замолкалъ. Въ это время Милорадовичъ значительно оглядывался на другихъ генераловъ. Но по значенію этого значительнаго взгляда нельзя было понять, былъ ли онъ согласенъ или несогласенъ, доволенъ или недоволенъ диспозиціей. Ближе всѣхъ къ Вейротеру сидѣлъ графъ Ланжеронъ и съ тонкой улыбкой южнаго французскаго лица, не покидавшей его во все время чтенія, глядѣлъ на свои тонкіе пальцы, быстро перевертывавшіе за углы золотую табакерку съ портретомъ. Въ серединѣ одного изъ дальнѣйшихъ періодовъ онъ остановилъ вращательное движеніе табакерки, поднялъ голову и съ непріятною учтивостью на самыхъ концахъ тонкихъ губъ перебилъ Вейротера и хотѣлъ сказать что-то; но австрійскій генералъ, не прерывая чтенія, сердито нахмурился и замахалъ локтями, какъ бы говоря: «потомъ, потомъ вы мнѣ скажете свои мысли, теперь извольте смотрѣть на карту и слушать». Ланжеронъ поднялъ глаза кверху съ выраженіемъ недоумѣнія, оглянулся на Милорадовича, какъ бы ища объясненія, но, встрѣтивъ значительный, ничего не значащій взглядъ Милорадовича, грустно опустилъ глаза и опять принялся вертѣть табакерку.

— Une leçon de géorgaphie [1]), — проговорилъ онъ какъ бы про себя, но довольно громко, чтобы его слышали.

Пржебышевскій съ почтительной, но достойной учтивостью пригнулъ рукой ухо къ Вейротеру, имѣя видъ человѣка, поглощеннаго вниманіемъ. Маленькій ростомъ Дохтуровъ сидѣлъ прямо

Сокольница позади находящихся тамъ прудовъ, а мы, напротивъ, превосходимъ нашимъ лѣвымъ крыломъ его правое, то выгодно намъ атаковать сіе послѣднее непріятельское крыло, особливо если мы займемъ деревни Сокольницъ и Кобельницъ, будучи поставлены въ возможность нападать на флангъ непріятеля и преслѣдовать его въ равнинѣ между Шлапаницемъ и лѣсомъ Тюрасскимъ, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ дефилеи между Шлапаницемъ и Бѣловицемъ, которою прикрытъ непріятельскій фронтъ. Для этой цѣли необходимо... Первая колонна маршируетъ... вторая колонна маршируетъ.. третья колонна маршируетъ...

[1]) Урокъ изъ географіи.

противъ Вейротера съ старательнымъ и скромнымъ видомъ и, нагнувшись надъ разложенной картой, добросовѣстно изучалъ диспозицію и неизвѣстную ему мѣстность. Онъ нѣсколько разъ просилъ Вейротера повторять нехорошо разслышанныя имъ слова и трудныя наименованія деревень. Вейротеръ исполнялъ его желаніе, и Дохтуровъ записывалъ.

Когда чтеніе, продолжавшееся болѣе часу, было кончено, Ланжеронъ, опять остановивъ табакерку и не глядя на Вейротера и ни на кого особенно, началъ говорить о томъ, какъ трудно было исполнить такую диспозицію, гдѣ положеніе непріятеля предполагается извѣстнымъ, тогда какъ положеніе это можетъ быть намъ неизвѣстно, такъ какъ непріятель находится въ движеніи. Возраженія Ланжерона были основательны, но было очевидно, что цѣль этихъ возраженій состояла преимущественно въ желаніи дать почувствовать генералу Вейротеру, столь самоувѣренно, какъ школьникамъ-ученикамъ, читавшему свою диспозицію, что онъ имѣлъ дѣло не съ одними дураками, а съ людьми, которые могли и его поучить въ военномъ дѣлѣ. Когда замолкъ однообразный звукъ голоса Вейротера, Кутузовъ открылъ глаза, какъ мельникъ, который просыпается при перерывѣ усыпительнаго звука мельничныхъ колесъ, прислушался къ тому, что говорилъ Ланжеронъ, и, какъ будто говоря: «а вы все еще про эти глупости!» поспѣшно закрылъ глаза и еще ниже опустилъ голову.

Стараясь какъ можно язвительнѣе оскорбить Вейротера въ его авторскомъ военномъ самолюбіи, Ланжеронъ доказывалъ, что Бонапарте легко можетъ атаковать, вмѣсто того, чтобы быть атакованнымъ, и вслѣдствіе того сдѣлать всю эту диспозицію совершенно безполезною. Вейротеръ на всѣ возраженія отвѣчалъ твердой презрительной улыбкой, очевидно впередъ приготовленной для всякаго возраженія, независимо отъ того, что бы ему ни говорили.

— Ежели бы онъ могъ атаковать насъ, то онъ нынче бы это сдѣлалъ, — сказалъ онъ.

— Вы, стало-быть, думаете, что онъ безсиленъ, — сказалъ Ланжеронъ.

— Много, если у него 40 тысячъ войска,—отвѣчалъ Вейротеръ съ улыбкой доктора, которому лѣкарка хочетъ указать средство лѣченія.

— Въ такомъ случаѣ онъ идетъ на свою погибель, ожидая нашей атаки,—съ тонкой иронической улыбкой сказалъ Ланжеронъ, за подтвержденіемъ оглядываясь опять на ближайшаго Милорадовича.

Но Милорадовичъ, очевидно, въ эту минуту думалъ менѣе всего о томъ, о чемъ спорили генералы.

— Ma foi, — сказалъ онъ, — завтра все увидимъ на полѣ сраженія.

Вейротеръ усмѣхнулся опять той улыбкой, которая говорила, что *ему* смѣшно и странно встрѣчать возраженія отъ русскихъ генераловъ и доказывать то, въ чемъ не только онъ самъ слишкомъ хорошо былъ увѣренъ, но въ чемъ увѣрены были имъ государи императоры.

— Непріятель потушилъ огни, и слышенъ непрерывный шумъ въ его лагерѣ,—сказалъ онъ.—Что это значитъ? Или онъ удаляется, чего одного мы должны бояться, или онъ перемѣняетъ позицію (онъ усмѣхнулся). Но даже ежели бы онъ и занялъ позицію въ Тюрасѣ, онъ только избавляетъ насъ отъ большихъ хлопотъ, и распоряженія всѣ, до малѣйшихъ подробностей, остаются тѣ же.

— Какимъ же образомъ?..—сказалъ князь Андрей, уже давно выжидавшій случая выразить свои сомнѣнія.

Кутузовъ проснулся, тяжело откашлялся и оглянулъ генераловъ.

— Господа, диспозиція на завтра, даже на нынче (потому что уже первый часъ), не можетъ быть измѣнена,—сказалъ онъ.—Вы ее слышали, и всѣ мы исполнимъ нашъ долгъ. А передъ сраженіемъ нѣтъ ничего важнѣе (онъ помолчалъ)... какъ выспаться хорошенько.

Онъ сдѣлалъ видъ, что привстаетъ. Генералы откланялись и удалились. Было уже за полночь. Князь Андрей вышелъ.

Военный совѣтъ, на которомъ князю Андрею не удалось высказать свое мнѣніе, какъ онъ надѣялся, оставилъ въ немъ неясное и тревожное впечатлѣніе. Кто былъ правъ: Долгоруковъ съ Вейротеромъ или Кутузовъ съ Ланжерономъ и др., не одобрявшими планъ атаки, онъ не зналъ. Но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли? Неужели это не можетъ иначе дѣлаться? «Неужели изъ-за придворныхъ и личныхъ соображеній должно рисковать десятками тысячъ и моей, *моей* жизнью?» думалъ онъ.

«Да, очень можетъ быть, завтра убьютъ», подумалъ онъ. И вдругъ, при этой мысли о смерти, цѣлый рядъ воспоминаній, самыхъ далекихъ, самыхъ задушевныхъ, возсталъ въ его воображеніи: онъ вспоминалъ послѣднее прощаніе съ отцомъ и женой; онъ вспоминалъ первыя времена своей любви къ ней! Вспо-

мнилъ о ея беременности, и ему стало жалко и ее и себя, и онъ въ нервично-размягченномъ и взволнованномъ состояніи вышелъ изъ избы, въ которой онъ стоялъ съ Несвицкимъ и сталъ ходить передъ домомъ.

Ночь была туманная, и сквозь туманъ таинственно пробивался лунный свѣтъ. «Да, завтра, завтра!» думалъ онъ. «Завтра, можетъ-быть, все будетъ кончено для меня, всѣхъ этихъ воспоминаній не будетъ болѣе, всѣ эти воспоминанія не будутъ имѣть для меня болѣе никакого смысла. Завтра же, можетъ-быть, даже навѣрное завтра, я это предчувствую, въ первый разъ мнѣ придется, наконецъ, показать все то, что я могу сдѣлать». И ему представилось сраженіе, потеря его, сосредоточеніе боя на одномъ пунктѣ и замѣшательство всѣхъ начальствующихъ лицъ. И вотъ та счастливая минута, тотъ Тулонъ, котораго такъ долго ждалъ онъ, наконецъ представляется ему. Онъ твердо и ясно говоритъ свое мнѣніе и Кутузову, и Вейротеру, и императорамъ. Всѣ поражены вѣрностью его соображенія, но никто не берется исполнить его, и вотъ онъ беретъ полкъ, дивизію, выговариваетъ условіе, чтобы уже никто не вмѣшивался въ его распоряженія, и ведетъ свою дивизію къ рѣшительному пункту, и одинъ одерживаетъ побѣду. «А смерть и страданія?» говоритъ другой голосъ. Но князь Андрей не отвѣчаетъ этому голосу и продолжаетъ свои успѣхи. Диспозиція слѣдующаго сраженія дѣлается имъ однимъ. Онъ носитъ званіе дежурнаго по арміи при Кутузовѣ, но дѣлаетъ все онъ одинъ. Слѣдующее сраженіе выиграно имъ однимъ. Кутузовъ смѣняется, назначается онъ... «Ну, а потомъ?» говоритъ опять другой голосъ, а потомъ, ежели ты десять разъ прежде этого не будешь раненъ, убитъ или обманутъ; ну, а потомъ что жъ?» — «Ну, а потомъ», отвѣчаетъ самъ себѣ князь Андрей, «я не знаю, что будетъ потомъ, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть извѣстнымъ людямъ, хочу быть любимымъ ими, то вѣдь я не виноватъ, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди—отецъ, сестра, жена, самые дорогіе мнѣ люди,—но, какъ ни страшно и неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю и не буду знать, за любовь вотъ этихъ людей», подумалъ онъ, прислушиваясь къ говору на дворѣ Кутузова. На дворѣ Кутузова

слышались голоса укладывавшихся денщиковъ; одинъ голосъ, вѣроятно кучера, дразнившаго стараго кутузовскаго повара, котораго зналъ князь Андрей и котораго звали Титомъ, говорилъ: «Титъ, а Титъ?»

— Ну,—отвѣчалъ старикъ.

— Титъ, ступай молотить,—говорилъ шутникъ.

— Тьфу, ну те къ чорту,—раздавался голосъ, покрываемый хохотомъ денщиковъ и слугъ.

«И все-таки я люблю и дорожу только торжествомъ надъ всѣми ими, дорожу этой таинственной силой и славой, которая вотъ тутъ надо мной носится въ этомъ туманѣ!»

XIII.

Ростовъ въ эту ночь былъ со взводомъ во фланкёрской цѣпи, впереди отряда Багратіона. Гусары его попарно были разсыпаны въ цѣпи; самъ онъ ѣздилъ верхомъ по этой линіи цѣпи, стараясь преодолѣть сонъ, непреодолимо клонившій его. Назади его видно было огромное пространство неясно горѣвшихъ въ туманѣ костровъ нашей арміи; впереди его была туманная темнота. Сколько ни вглядывался Ростовъ въ эту туманную даль, онъ ничего не видѣлъ: то сѣрѣлось, то какъ будто чернѣлось что-то; то мелькали какъ будто огоньки, тамъ, гдѣ долженъ быть непріятель; то ему думалось, что это только въ глазахъ блеститъ у него. Глаза его закрывались, и въ воображеніи представлялся то государь, то Денисовъ, то московскія воспоминанія, и онъ опять поспѣшно открывалъ глаза, и близко передъ собой онъ видѣлъ голову и уши лошади, на которой онъ сидѣлъ, иногда черныя фигуры гусаръ, когда онъ въ шести шагахъ наѣзжалъ на нихъ, а вдали все ту же туманную темноту. «Отчего же? очень можетъ быть», думалъ Ростовъ, «что государь, встрѣтивъ меня, дастъ порученіе, какъ и всякому офицеру; скажетъ: «Поѣзжай, узнай, что тамъ». Много разсказывали же, какъ совершенно случайно онъ узналъ такъ какого-то офицера и приблизилъ къ себѣ. Что ежели бы онъ приблизилъ меня къ себѣ! О, какъ бы я охранялъ его, какъ бы я говорилъ ему всю правду, какъ бы я изобличалъ его обманщиковъ!» И Ростовъ, для того, чтобы живо представить себѣ свою любовь и преданность государю, представлялъ себѣ врага или обманщика-нѣмца, котораго онъ съ наслажденіемъ не только убивалъ, но по щекамъ билъ въ глазахъ государя. Вдругъ дальній крикъ разбудилъ Ростова. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

«Гдѣ я? Да, въ цѣпи: лозунгъ и пароль — дышло, Ольмюцъ. Экая досада, что эскадронъ нашъ завтра будетъ въ резервахъ...» подумалъ онъ. «Попрошусь въ дѣло. Это, можетъ-быть, единственный случай увидѣть государя. Да теперь не долго до смѣны. Объѣду еще разъ и, какъ вернусь, пойду къ генералу и попрошу его». Онъ поправился на сѣдлѣ и тронулъ лошадь, чтобы еще разъ объѣхать своихъ гусаръ. Ему показалось, что было свѣтлѣй. Въ лѣвой сторонѣ виднѣлся пологій освѣщенный скатъ и противоположный черный бугоръ, казавшійся крутымъ какъ стѣна. На бугрѣ этомъ было бѣлое пятно, которо никакъ не могъ понять Ростовъ: поляна ли это въ лѣсу, освѣщенная мѣсяцемъ, или оставшійся снѣгъ, или бѣлые дома? Ему показалось даже, что по этому бѣлому пятну зашевелилось что-то. «Должно-быть, снѣгъ—это пятно; пятно — une tache», думалъ Ростовъ. «Вотъ тебѣ и не ташъ...»

«Наташа, сестра, черные глаза. На...ташка. (Вотъ удивится, когда я ей скажу, какъ я увидалъ государя!) Наташку... ташку возьми»... «Поправѣй-то, ваше благородіе, а то тутъ кусты», сказалъ голосъ гусара, мимо котораго засыпая проѣзжалъ Ростовъ. Ростовъ поднялъ голову, которая опустилась уже до гривы лошади, и остановился подлѣ гусара. Молодой дѣтскій сонъ непреодолимо клонилъ его. «Да, бишь, что я думалъ? — не забыть. Какъ съ государемъ говорить буду? Нѣтъ, не то — это завтра. Да, да! Наташку, наступить... тупить насъ — кого? Гусаръ. А гусары и усы... По Тверской ѣхалъ этотъ гусаръ съ усами, еще я подумалъ о немъ, противъ самаго Гурьева дома... Старикъ Гурьевъ... Эхъ, славный малый Денисовъ! Да все это пустяки. Главное теперь — государь тутъ. Какъ онъ на меня смотрѣлъ, и хотѣлось ему что-то сказать, да онъ не смѣлъ... Нѣтъ, это я не смѣлъ. Да это пустяки, а главное—не забывать, что я нужное-то думалъ, да. На — ташку, насъ — тупить, да, да, да. Это хорошо». И онъ опять упалъ головой на шею лошади. Вдругъ ему показалось, что въ него стрѣляютъ. «Что? Что? Что?.. Руби! Что?..» заговорилъ очнувшись Ростовъ. Въ то мгновеніе, какъ онъ открылъ глаза, Ростовъ услыхалъ передъ собою тамъ, гдѣ былъ непріятель, протяжные крики тысячи голосовъ. Лошади его и гусара, стоявшаго подлѣ него, насторожили уши на эти крики. На томъ мѣстѣ, съ котораго слышались крики, зажегся и потухъ одинъ огонекъ, потомъ другой, и по всей линіи французскихъ войскъ на горѣ зажглись огни, и крики все болѣе и болѣе усиливались. Ростовъ слышалъ звуки французскихъ словъ, но не могъ ихъ разобрать.

Слишкомъ много гудѣло голосовъ. Только слышно было: аааа! и рррр!

— Что это? Ты какъ думаешь? — обратился Ростовъ къ гусару, стоявшему подлѣ него. — Вѣдь это у непріятеля?

Гусаръ ничего не отвѣтилъ.

— Что жъ, ты развѣ не слышишь? — довольно долго подождавъ отвѣта, опять спросилъ Ростовъ.

— А кто ё знаетъ, ваше благородіе, — неохотно отвѣчалъ гусаръ.

— По мѣсту должно быть непріятель? — опять повторилъ Ростовъ.

— Може онъ, а може и такъ,—проговорилъ гусаръ,—дѣло ночное. Ну! шали! — крикнулъ онъ на свою лошадь, шевелившуюся подъ нимъ.

Лошадь Ростова тоже торопилась, била ногой по мерзлой землѣ, прислушиваясь къ звукамъ и приглядываясь къ огнямъ. Крики голосовъ все усиливались и усиливались и слились въ общій гулъ, который могла произвести только нѣсколько-тысячная армія. Огни больше и больше распространялись, вѣроятно по линіи французскаго лагеря. Ростову уже не хотѣлось спать. Веселые, торжествующіе крики въ непріятельской арміи возбудительно дѣйствовали на него. «Vive l'empereur, l'empereur!» уже ясно слышалось теперь Ростову.

— А недалеко, — должно-быть, за ручьемъ, — сказалъ онъ стоявшему подлѣ него гусару.

Гусаръ только вздохнулъ, ничего не отвѣчая, и прокашлялся сердито. По линіи гусаръ послышался топотъ ѣхавшаго рысью коннаго, и изъ ночного тумана вдругъ выросла, представляясь громаднымъ слономъ, фигура гусарскаго унтеръ-офицера.

— Ваше благородіе, генералы! — сказалъ унтеръ-офицеръ, подъѣзжая къ Ростову.

Ростовъ, продолжая оглядываться на огни и крики, поѣхалъ съ унтеръ-офицеромъ навстрѣчу нѣсколькимъ верховымъ, ѣхавшимъ по линіи. Одинъ былъ на бѣлой лошади. Князь Багратіонъ съ княземъ Долгоруковымъ и адъютантами выѣхали посмотрѣть на странное явленіе огней и криковъ въ непріятельской арміи. Ростовъ, подъѣхавъ къ Багратіону, рапортовалъ ему и присоединился къ адъютантамъ, прислушиваясь къ тому, что̀ говорили генералы.

— Повѣрьте, — говорилъ князь Долгоруковъ, обращаясь къ Багратіону, — что это больше ничего какъ хитрость: онъ отступилъ и въ арьергардѣ велѣлъ зажечь огни и шумѣть, чтобы обмануть насъ.

— Едва ли, — сказалъ Багратіонъ: — съ вечера я ихъ видѣлъ на томъ бугрѣ; коли ушли, такъ и оттуда снялись. Г. офицеръ, — обратился князь Багратіонъ къ Ростову, — стоятъ тамъ еще его фланкёры?

— Съ вечера стояли, а теперь не могу знать, ваше сіятельство. Прикажите, я съѣзжу съ гусарами, — сказалъ Ростовъ.

Багратіонъ остановился и, не отвѣчая, въ туманѣ старался разглядѣть лицо Ростова.

— А что жъ — посмотрите, — сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Слушаю-съ.

Ростовъ далъ шпоры лошади, окликнулъ унтеръ-офицера Ѳедченку и еще двухъ гусаръ, приказалъ имъ ѣхать за собой и рысью поѣхалъ подъ гору по направленію къ продолжавшимся крикамъ. Ростову и жутко и весело было ѣхать одному съ тремя гусарами туда, въ эту таинственную и опасную туманную даль, гдѣ никто не былъ прежде его. Багратіонъ закричалъ ему съ горы, чтобы онъ не ѣздилъ дальше ручья, но Ростовъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слыхалъ его словъ, и, не останавливаясь, ѣхалъ дальше и дальше, безпрестанно обманываясь, принимая кусты за деревья и рытвины за людей и безпрестанно объясняя свои обманы. Спустившись рысью подъ гору, онъ уже не видалъ ни нашихъ, ни непріятельскихъ огней, но громче, яснѣе слышалъ крики французовъ. Въ лощинѣ онъ увидалъ передъ собой что-то въ родѣ рѣки, но когда онъ доѣхалъ до нея, онъ узналъ проѣзжую дорогу. Выѣхавъ на дорогу, онъ придержалъ лошадь въ нерѣшительности: ѣхать по ней или пересѣчь ее и ѣхать по черному полю въ гору. Ѣхать по свѣтлѣвшей въ туманѣ дорогѣ было безопаснѣе, потому что скорѣе можно было разсмотрѣть людей. «Пошелъ за мной», проговорилъ онъ, пересѣкъ дорогу и сталъ подниматься галопомъ на гору, къ тому мѣсту, гдѣ съ вечера стоялъ французскій пикетъ.

— Ваше благородіе, вотъ онъ,—проговорилъ сзади одинъ изъ гусаръ.

И не успѣлъ еще Ростовъ разглядѣть что-то, вдругъ зачернѣвшееся въ туманѣ, какъ блеснулъ огонекъ, щелкнулъ выстрѣлъ, и пуля, какъ будто жалуясь на что-то, зажужжала высоко въ туманѣ и вылетѣла изъ слуха. Другое ружье не выстрѣлило, но блеснулъ огонекъ на полкѣ. Ростовъ повернулъ лошадь и галопомъ поѣхалъ назадъ. Еще раздались въ разныхъ промежуткахъ четыре выстрѣла, и на разные тоны запѣли пули гдѣ-то въ туманѣ. Ростовъ придержалъ лошадь, повеселѣвшую такъ же, какъ онъ, отъ выстрѣловъ, и поѣхалъ шагомъ. «Ну-

ка еще, ну-ка еще!» говорилъ въ его душѣ какой-то веселый голосъ. Но выстрѣловъ больше не было.

Только подъѣзжая къ Багратіону, Ростовъ опять пустилъ свою лошадь въ галопъ и, держа руку у козырька, подъѣхалъ къ нему.

Долгоруковъ все настаивалъ на своемъ мнѣніи, что французы отступили и только для того, чтобы обмануть насъ, разложили огни.

— Что же это доказываетъ? — говорилъ онъ въ то время, какъ Ростовъ подъѣхалъ къ нимъ. — Они могли отступить и оставить пикеты.

— Видно, еще не всѣ ушли, князь, — сказалъ Багратіонъ.— До завтрашняго утра, завтра все узнаемъ.

— На горѣ пикетъ, ваше сіятельство, все тамъ же, гдѣ былъ съ вечера,—доложилъ Ростовъ, нагибаясь впередъ, держа руку у козырька, и не въ силахъ удержать улыбку веселья, вызваннаго въ немъ его поѣздкой и, главное, звуками пуль.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Багратіонъ,—благодарю васъ, г. офицеръ.

— Ваше сіятельство, — сказалъ Ростовъ, — позвольте васъ просить.

— Что такое?

— Завтра эскадронъ нашъ назначенъ въ резервы; позвольте васъ просить прикомандировать меня къ 1-му эскадрону.

— Какъ фамилія?

— Графъ Ростовъ.

— А, хорошо. Оставайся при мнѣ ординарцемъ.

— Ильи Андреича сынъ? — сказалъ Долгоруковъ.

Но Ростовъ не отвѣчалъ ему.

— Такъ я буду надѣяться, ваше сіятельство.

— Я прикажу.

«Завтра, очень можетъ быть, пошлютъ съ какимъ-нибудь приказаніемъ къ государю», подумалъ онъ. «Слава Богу».

Крики и огни въ непріятельской арміи происходили отъ того, что въ то время, какъ по войскамъ читали приказъ Наполеона, самъ императоръ верхомъ объѣзжалъ свои бивуаки. Солдаты, увидавъ императора, зажигали пуки соломы и съ криками: «vive l'empereur!» бѣжали за нимъ. Приказъ Наполеона былъ слѣдующій:

«Солдаты! Русская армія выходитъ противъ васъ, чтобы отомстить за австрійскую, ульмскую армію. Это тѣ же батальоны,

которые вы разбили при Голлабруннѣ и которые вы съ тѣхъ поръ преслѣдовали постоянно до этого мѣста. Позиціи, которыя мы занимаемъ, могущественны, и пока они будутъ идти, чтобъ обойти меня справа, они выставятъ мнѣ флангъ! Солдаты! Я самъ буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко отъ огня, если вы, съ вашей обычной храбростью, внесете въ ряды непріятельскіе безпорядокъ и смятеніе; но если побѣда будетъ хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающагося первымъ ударамъ непріятеля, потому что не можетъ быть колебанія въ побѣдѣ, особенно въ тотъ день, въ который идетъ рѣчь о чести французской пѣхоты, которая такъ необходима для чести своей націи.

«Подъ предлогомъ увода раненыхъ не разстраивать ряда! Каждый да будетъ вполнѣ проникнутъ мыслью, что надо побѣдить этихъ наемниковъ Англіи, воодушевленныхъ такою ненавистью противъ нашей націи. Эта побѣда окончитъ нашъ походъ, и мы можемъ возвратиться на зимнія квартиры, гдѣ застанутъ насъ новыя французскія войска, которыя формируются во Франціи; и тогда миръ, который я заключу, будетъ достоинъ моего народа, васъ и меня.

Наполеонъ».

XIV.

Въ 5 часовъ утра еще было совсѣмъ темно. Войска центра, резервовъ и правый флангъ Багратіона стояли еще неподвижно; но на лѣвомъ флангѣ колонны пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, долженствовавшія первыя спуститься съ высотъ для того, чтобы атаковать французскій правый флангъ и отбросить его, по диспозиціи, въ Богемскія горы, уже зашевелились и начали подниматься съ своихъ ночлеговъ. Дымъ отъ костровъ, въ которые бросали все лишнее, ѣлъ глаза. Было холодно и темно. Офицеры торопливо пили чай и завтракали, солдаты пережевывали сухари, отбивали ногами дробь, согрѣваясь, и стекались противъ огней, бросая въ дрова остатки балагановъ, стулья, столы, колеса, кадушки, все лишнее, что нельзя было увезти съ собой. Австрійскіе колонновожатые сновали между русскими войсками и служили предвѣстниками выступленія. Какъ только показывался австрійскій офицеръ около стоянки полкового командира, полкъ начиналъ шевелиться: солдаты сбѣгались отъ костровъ, прятали въ голенища трубочки, мѣшочки въ повозки, разбирали ружья и строились. Офицеры застегивались, надѣвали шпаги и ранцы и, покрикивая, обходили ряды; обозные и денщики запрягали, укладывали и увязывали повозки. Адъютанты, батальонные и полко-

вые командиры садились верхами, крестились, отдавали послѣднія приказанія, наставленія и порученія остающимся обознымъ, и звучалъ однообразный топотъ тысячъ ногъ. Колонны двигались, не зная куда и не видя отъ окружавшихъ людей, отъ дыма и отъ усиливающагося тумана ни той мѣстности, изъ которой онѣ выходили, ни той, въ которую онѣ вступали.

Солдатъ въ движеніи такъ же окруженъ, ограниченъ и влекомъ своимъ полкомъ, какъ морякъ кораблемъ, на которомъ онъ находится. Какъ бы далеко онъ ни прошелъ, въ какія бы странныя, невѣдомыя и опасныя широты ни вступилъ онъ, вокругъ него—какъ для моряка всегда и вездѣ тѣ же палубы, мачты, канаты своего корабля—всегда и вездѣ тѣ же товарищи, тѣ же ряды, тотъ же фельдфебель Иванъ Митричъ, та же ротная собака Жучка, то же начальство. Солдатъ рѣдко желаетъ знать тѣ широты, въ которыхъ находится весь корабль его; но въ день сраженія, Богъ знаетъ какъ и откуда, въ нравственномъ мірѣ войска слышится одна для всѣхъ строгая нота, которая звучитъ приближеніемъ чего-то рѣшительнаго и торжественнаго и вызываетъ ихъ на несвойственное имъ любопытство. Солдаты въ дни сраженія возбужденно стараются выйти изъ интересовъ своего полка, прислушиваются, приглядываются и жадно разспрашиваютъ о томъ, что̀ дѣлается вокругъ нихъ.

Туманъ сталъ такъ силенъ, что, несмотря на то, что разсвѣтало, не видно было въ десяти шагахъ передъ собой. Кусты казались громадными деревьями, ровныя мѣста—обрывами и скатами. Вездѣ, со всѣхъ сторонъ, можно было столкнуться съ невидимымъ въ десяти шагахъ непріятелемъ. Но долго шли колонны все въ томъ же туманѣ, спускаясь и поднимаясь на горы, минуя сады и ограды, по новой, непонятной мѣстности, нигдѣ не сталкиваясь съ непріятелемъ. Напротивъ того, то впереди, то сзади, со всѣхъ сторонъ, солдаты узнавали, что идутъ по тому же направленію наши русскія колонны. Каждому солдату пріятно становилось на душѣ отъ того, что онъ зналъ, что туда же, куда онъ идетъ, то-есть неизвѣстно куда, идетъ еще много, много нашихъ.

— Ишь ты, и курскіе прошли, — говорили въ рядахъ.

— Страсть, братецъ ты мой, что войски нашей собралось! Вечоръ посмотрѣлъ, какъ огни разложили, конца краю не видать. Москва—одно слово!

Хотя никто изъ колонныхъ начальниковъ не подъѣзжалъ къ рядамъ и не говорилъ съ солдатами (колонные начальники, какъ мы видѣли на военномъ совѣтѣ, были не въ духѣ и недовольны предпринимаемымъ дѣломъ и потому только исполняли приказа-

нія и не заботились о томъ, чтобы повеселить солдатъ), несмотря на то, солдаты шли весело, какъ и всегда идя въ дѣло, въ особенности въ наступательное. Но, пройдя около часу все въ густомъ туманѣ, большая часть войска должна была остановиться, и по рядамъ пронеслось непріятное сознаніе совершающагося безпорядка и безтолковщины. Какимъ образомъ передается это сознаніе, весьма трудно опредѣлить; но несомнѣнно то, что оно передается необыкновенно вѣрно и быстро разливается, незамѣтно и неудержимо, какъ вода по лощинѣ. Ежели бы русское войско было одно, безъ союзниковъ, то, можетъ-быть, еще прошло бы много времени, пока это сознаніе безпорядка сдѣлалось бы общею увѣренностью; но теперь, съ особеннымъ удовольствіемъ и естественностью относя причину безпорядковъ къ безтолковымъ нѣмцамъ, всѣ убѣдились въ томъ, что происходитъ вредная путаница, которую надѣлали колбасники.

— Что стали-то? Аль загородили? Или ужъ на француза наткнулись?

— Нѣтъ, не слыхать. А то палить бы сталъ.

— То-то торопили выступать, а выступили—стали безъ толку посереди поля, — все нѣмцы проклятые путаютъ. Эки черти безтолковые!

— То-то я бы ихъ и пустилъ напередъ. А то, небось, позади жмутся. Вотъ и стой теперь не ѣмши.

— Да что, скоро ли тамъ? Кавалерія, говорятъ, дорогу загородила, — говорилъ офицеръ.

— Эхъ, нѣмцы проклятые, своей земли не знаютъ, — говорилъ другой.

— Вы какой дивизіи?— кричалъ, подъѣзжая, адъютантъ.

— Осьмнадцатой.

— Такъ зачѣмъ же вы здѣсь? вамъ давно бы впереди должно быть, теперь до вечера не пройдете.

— Вотъ распоряженія-то дурацкія; сами не знаютъ, что дѣлаютъ, — говорилъ офицеръ и отъѣзжалъ.

Потомъ пріѣзжалъ генералъ и сердито не по-русски кричалъ что-то.

— Тафа лафа, а что бормочетъ, ничего не разберешь, — говорилъ солдатъ, передразнивая отъѣхавшаго генерала. — Разстрѣлялъ бы я ихъ, подлецовъ!

— Въ девятомъ часу велѣно на мѣстѣ быть, а мы и половины не прошли. Вотъ такъ распоряженія! — повторялось съ разныхъ сторонъ.

И чувство энергіи, съ которымъ выступали въ дѣло войска, начало обращаться въ досаду и злобу на безтолковыя распоряженія и на нѣмцевъ.

Причина путаницы заключалась въ томъ, что во время движенія австрійской кавалеріи, шедшей на лѣвомъ флангѣ, высшее начальство нашло, что нашъ центръ слишкомъ отдаленъ отъ праваго фланга, и всей кавалеріи велѣно было перейти на правую сторону. Нѣсколько тысячъ кавалеріи продвигалось передъ пѣхотой, и пѣхота должна была ждать.

Впереди произошло столкновеніе между австрійскимъ колоннovожатымъ и русскимъ генераломъ. Русскій генералъ кричалъ, требуя, чтобы остановлена была конница; австріецъ доказывалъ, что виноватъ былъ не онъ, а высшее начальство. Войска между тѣмъ стояли, скучая и падая духомъ. Послѣ часовой задержки войска двинулись, наконецъ, дальше и стали спускаться подъ гору. Туманъ, расходившійся на горѣ, только гуще разстилался въ низахъ, куда спустились войска. Впереди, въ туманѣ, раздался одинъ, другой выстрѣлъ, сначала нескладно въ разныхъ промежуткахъ: «тра́тта... татъ», и потомъ все складнѣе и чаще, и завязалось дѣло надъ рѣчкою Гольдбахомъ.

Не разсчитывая встрѣтить внизу надъ рѣчкою непріятеля и нечаянно въ туманѣ наткнувшись на него, не слыша слова одушевленія отъ высшихъ начальниковъ, съ распространившимся по войскамъ сознаніемъ, что было опоздано, и, главное, въ густомъ туманѣ не видя ничего впереди и кругомъ себя, русскіе лѣниво и медленно перестрѣливались съ непріятелемъ, подвигались впередъ и опять останавливались, не получая во́-время приказаній отъ начальниковъ и адъютантовъ, которые блудили по туману въ незнакомой мѣстности, не находя своихъ частей войскъ. Такъ началось дѣло для первой, второй и третьей колоннъ, которыя спустились внизъ. Четвертая колонна, при которой находился самъ Кутузовъ, стояла на Праценскихъ высотахъ.

Въ низахъ, гдѣ началось дѣло, былъ все еще густой туманъ, наверху прояснѣло, но все не видно было ничего изъ того, что́ происходило впереди. Были ли всѣ силы непріятеля, какъ мы предполагали, за десять верстъ отъ насъ, или онъ былъ тутъ, въ этой чертѣ тумана, никто не зналъ до девятаго часа.

Было 9 часовъ утра. Туманъ сплошнымъ моремъ разстилался по низу, но при деревнѣ Шлапаницѣ, на высотѣ, на которой стоялъ Наполеонъ, окруженный своими маршалами, было совершенно свѣтло. Надъ нимъ было ясное, голубое небо, и огромный шаръ солнца, какъ огромный пустотѣлый багровый поплавокъ, колыхался на поверхности молочнаго моря тумана. Не

только всѣ французскія войска, но самъ Наполеонъ со штабомъ находился не по ту сторону ручьевъ и низовъ деревень Сокольницъ и Шлапаницъ, за которыми мы намѣревались занять позицію и начать дѣло, но по сю сторону, такъ близко отъ нашихъ войскъ, что Наполеонъ простымъ глазомъ могъ въ нашемъ войскѣ отличать коннаго отъ пѣшаго. Наполеонъ стоялъ нѣсколько впереди своихъ маршаловъ на маленькой сѣрой арабской лошади, въ синей шинели, въ той самой, въ которой онъ дѣлалъ Итальянскую кампанію. Онъ молча вглядывался въ холмы, которые какъ бы выступали изъ моря тумана и по которымъ вдалекѣ двигались русскія войска, и прислушивался къ звукамъ стрѣльбы въ лощинѣ. Въ то время еще худое лицо его не шевелилось ни однимъ мускуломъ; блестящіе глаза были неподвижно устремлены на одно мѣсто. Его предположенія оказывались вѣрными. Русскія войска частью уже спустились въ лощину къ прудамъ и озерамъ, частью очищали тѣ Праценскія высоты, которыя онъ намѣренъ былъ атаковать и считалъ ключомъ позиціи. Онъ видѣлъ среди тумана, какъ въ углубленіи, составляемомъ двумя горами около деревни Працъ, все по одному направленію къ лощинамъ двигались, блестя штыками, русскія колонны и одна за другой скрывались въ морѣ тумана. По свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ съ вечера, по звукамъ колесъ и шаговъ, слышаннымъ ночью на аванпостахъ, по безпорядочности движенія русскихъ колоннъ, по всѣмъ предположеніямъ онъ ясно видѣлъ, что союзники считали его далеко впереди себя, что колонны, двигавшіяся близъ Працена, составляли центръ русской арміи и что центръ уже достаточно ослабленъ для того, чтобы успѣшно атаковать его. Но онъ все еще не начиналъ дѣла.

Нынче былъ для него торжественный день — годовщина его коронованія. Передъ утромъ онъ задремалъ на нѣсколько часовъ и, здоровый, веселый, свѣжій, въ томъ счастливомъ расположеніи духа, въ которомъ все кажется возможнымъ и все удается, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ въ поле. Онъ стоялъ неподвижно, глядя на виднѣющіяся изъ-за тумана высоты, и на холодномъ лицѣ его былъ тотъ особый оттѣнокъ самоувѣреннаго, заслуженнаго счастья, который бываетъ на лицѣ влюбленнаго и счастливаго мальчика. Маршалы стояли позади его и не смѣли развлекать его вниманіе. Онъ смотрѣлъ то на Праценскія высоты, то на выплывавшее изъ тумана солнце.

Когда солнце совершенно вышло изъ тумана и ослѣпляющимъ блескомъ брызнуло по полямъ и туману (какъ будто онъ только ждалъ этого для начала дѣла), онъ снялъ перчатку съ красивой бѣлой руки, сдѣлалъ ею знакъ маршаламъ и отдалъ

приказаніе начинать дѣло. Маршалы, сопутствуемые адъютантами, поскакали въ разныя стороны, и черезъ нѣсколько минутъ быстро двинулись главныя силы французской арміи къ тѣмъ Праценскимъ высотамъ, которыя все болѣе и болѣе очищались русскими войсками, спускавшимися налѣво въ лощину.

XV.

Въ 8 часовъ Кутузовъ выѣхалъ верхомъ къ Працу, впереди 4-й милорадовичевской колонны, той, которая должна была занять мѣста колоннъ Пржебышевскаго и Ланжерона, спустившихся уже внизъ. Онъ поздоровался съ людьми передняго полка и отдалъ приказаніе къ движенію, показывая тѣмъ, что онъ самъ намѣренъ былъ вести эту колонну. Выѣхавъ къ деревнѣ Працъ, онъ остановился. Князь Андрей, въ числѣ огромнаго количества лицъ, составлявшихъ свиту главнокомандующаго, стоялъ позади его. Князь Андрей чувствовалъ себя взволнованнымъ, раздраженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанно-спокойнымъ, какимъ бываетъ человѣкъ при наступленіи давно желанной минуты. Онъ твердо былъ увѣренъ, что нынче былъ день его Тулона или его Аркольскаго моста. Какъ это случится, онъ не зналъ, но онъ твердо былъ увѣренъ, что это будетъ. Мѣстность и положеніе нашихъ войскъ были ему извѣстны, насколько онѣ могли быть извѣстны кому-нибудь изъ нашей арміи. Его собственный стратегическій планъ, который, очевидно, теперь и думать нечего было привести въ исполненіе, былъ имъ забытъ. Теперь, уже входя въ планъ Вейротера, князь Андрей обдумывалъ могущія произойти случайности и дѣлалъ новыя соображенія, такія, въ которыхъ могли бы потребоваться его быстрота соображенія и рѣшительность.

Налѣво внизу, въ туманѣ, слышалась перестрѣлка между невидными войсками. Тамъ, казалось князю Андрею, сосредоточится сраженіе, тамъ встрѣтится препятствіе, и «туда-то я буду посланъ», думалъ онъ, «съ бригадой или дивизіей, и тамъ-то съ знаменемъ въ рукѣ я пойду впередъ и сломлю все, что будетъ предо мной».

Князь Андрей не могъ равнодушно смотрѣть на знамена проходившихъ батальоновъ. Глядя на знамя, ему все думалось: «можетъ-быть, это то самое знамя, съ которымъ мнѣ придется идти впереди войскъ».

Ночной туманъ къ утру оставилъ на высотахъ только иней, переходившій въ росу, въ лощинахъ же туманъ разстилался еще

молочно-бѣлымъ моремъ. Ничего не было видно въ той лощинѣ налѣво, куда спустились наши войска и откуда долетали звуки стрѣльбы. Надъ высотами было темное, ясное небо, и направо огромный шаръ солнца. Впереди, далеко, на томъ берегу туманнаго моря, виднѣлись выступающіе лѣсистые холмы, на которыхъ должна была быть непріятельская армія, и виднѣлось что-то. Вправо вступала въ область тумана гвардія, звучавшая топотомъ и колесами и изрѣдка блестѣвшая штыками; налѣво, за деревней, такія же массы кавалеріи подходили и скрывались въ морѣ тумана. Спереди и сзади двигалась пѣхота. Главнокомандующій стоялъ на выѣздѣ деревни, пропуская мимо себя войска. Кутузовъ въ это утро казался изнуреннымъ и раздражительнымъ. Шедшая мимо его пѣхота остановилась безъ приказанія, очевидно потому, что впереди что-нибудь задержало ее.

— Да скажите же наконецъ, чтобы строились въ батальонныя колонны и шли въ обходъ деревни, — сердито сказалъ Кутузовъ подъѣхавшему генералу. — Какъ же вы не поймете, ваше превосходительство милостивый государь, что растянуться по этому дефилею улицы деревни нельзя, когда мы идемъ противъ непріятеля.

— Я предполагалъ построиться за деревней, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ генералъ.

Кутузовъ желчно засмѣялся.

— Хороши вы будете, развертывая фронтъ въ виду непріятеля, очень хороши.

— Непріятель еще далеко, ваше высокопревосходительство. По диспозиціи...

— Диспозиція! — желчно вскрикнулъ Кутузовъ, — а это вамъ кто сказалъ?.. Извольте дѣлать, что вамъ приказываютъ.

— Слушаю-съ.

— Mon cher, — сказалъ шопотомъ князю Андрею Несвицкій, — le vieux est d'une humeur de chien [1]).

Къ Кутузову подскакалъ австрійскій офицеръ съ зеленымъ плюмажемъ на шляпѣ, въ бѣломъ мундирѣ и спросилъ отъ имени императора: «выступила ли въ дѣло четвертая колонна?»

Кутузовъ, не отвѣчая ему, отвернулся, и взглядъ его нечаянно попалъ на князя Андрея, стоявшаго подлѣ него. Увидавъ Болконскаго, Кутузовъ смягчилъ злое и ѣдкое выраженіе взгляда, какъ бы сознавая, что его адъютантъ не былъ вино-

---

[1]) Мой милый, нашъ старикъ сильно не въ духѣ.

ватъ въ томъ, что дѣлалось. И, не отвѣчая австрійскому адъютанту, онъ обратился къ Болконскому:

— Allez voir, mon cher, si la troisième division a dépassé le village. Dietes-lui de s'arrêter et d'attendre mes ordres [1]).

Только что князь Андрей отъѣхалъ, онъ остановилъ его.

— Et demandez-lui, si les tirailleurs sont postés,—прибавилъ онъ. — Ce qu'ils font, ce qu'ils font! [2]) — проговорилъ онъ про себя, все не отвѣчая австрійцу.

Князь Андрей поскакалъ исполнять порученіе.

Обогнавъ все шедшіе впереди батальоны, онъ остановилъ 3-ю дивизію и убѣдился, что дѣйствительно впереди нашихъ колоннъ не было стрѣлковой цѣпи. Полковой командиръ бывшаго впереди полка былъ очень удивленъ переданнымъ ему отъ главнокомандующаго приказаніемъ разсыпать стрѣлковъ. Полковой командиръ стоялъ тутъ въ полной увѣренности, что впереди его есть еще войска и что непріятель не можетъ быть ближе 10 верстъ. Дѣйствительно, впереди ничего не было видно, кромѣ пустынной мѣстности, склоняющейся впередъ и застланной густымъ туманомъ. Приказавъ отъ имени главнокомандующаго исполнить упущенное, князь Андрей поскакалъ назадъ. Кутузовъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ и, старчески опустившись на сѣдлѣ своимъ тучнымъ тѣломъ, тяжело зѣвалъ, закрывши глаза. Войска уже не двигались, а стояли ружья къ ногѣ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ онъ князю Андрею и обратился къ генералу, который съ часами въ рукахъ говорилъ, что пора бы двигаться, такъ какъ всѣ колонны съ лѣваго фланга уже спустились.

— Еще успѣемъ, ваше превосходительство, — сквозь зѣвоту проговорилъ Кутузовъ. — Успѣемъ! — повторилъ онъ.

Въ это время позади Кутузова послышались вдали звуки здоровающихся полковъ, и голоса эти стали быстро приближаться по всему протяженію растянувшейся линіи наступавшихъ русскихъ колоннъ. Видно было, что тотъ, съ кѣмъ здоровались, ѣхалъ скоро. Когда закричали солдаты того полка, передъ которымъ стоялъ Кутузовъ, онъ отъѣхалъ нѣсколько въ сторону и сморщившись оглянулся. По дорогѣ изъ Працена скакалъ

---

[1]) Ступайте, мой милый, посмотрите, прошла ли черезъ деревню третья дивизія. Велите ей остановиться и ждать моего приказа.

[2]) И спросите, размѣщены ли стрѣлки. —Что они дѣлаютъ, что они дѣлаютъ!

какъ бы эскадронъ разноцвѣтныхъ всадниковъ. Два изъ нихъ крупнымъ галопомъ скакали рядомъ впереди остальныхъ. Одинъ былъ въ черномъ мундирѣ съ бѣлымъ султаномъ на рыжей энглизированной лошади, другой — въ бѣломъ мундирѣ на вороной лошади. Это были два императора со свитой. Кутузовъ, съ аффектаціей служаки, находящагося во фронтѣ, скомандовалъ «смирно» стоявшимъ войскамъ и, салютуя, подъѣхалъ къ императору. Вся его фигура и манера вдругъ измѣнились. Онъ принялъ видъ подначальственнаго, неразсуждающаго человѣка. Онъ съ аффектаціей почтительности, которая, очевидно, непріятно поразила императора Александра, подъѣхалъ и салютовалъ ему.

Непріятное впечатлѣніе, только какъ остатки тумана на ясномъ небѣ, пробѣжало по молодому и счастливому лицу императора и исчезло. Онъ былъ, послѣ нездоровья, нѣсколько худѣе въ этотъ день, чѣмъ на ольмюцкомъ полѣ, гдѣ его въ первый разъ за границей видѣлъ Болконскій; но то же обворожительное соединеніе величавости и кротости было въ его прекрасныхъ сѣрыхъ глазахъ, и на тонкихъ губахъ та же возможность разнообразныхъ выраженій и преобладающее выраженіе благодушной невинной молодости.

На ольмюцкомъ смотру онъ былъ величавѣе, здѣсь онъ былъ веселѣе и энергичнѣе. Онъ нѣсколько разрумянился, прогалопировавъ эти три версты, и, остановивъ лошадь, отдохновенно вздохнулъ и оглянулся на такія же молодыя, такія же оживленныя, какъ и его, лица своей свиты. Чарторижскій и Новосильцевъ, и князь Волконскій, и Строгановъ, и другіе, всѣ богато одѣтые, веселые, молодые люди на прекрасныхъ, выхоленныхъ, свѣжихъ, только что слегка вспотѣвшихъ лошадяхъ, переговариваясь и улыбаясь, остановились позади государя. Императоръ Францъ, румяный длинноли́цый молодой человѣкъ, чрезвычайно прямо сидѣлъ на красивомъ ворономъ жеребцѣ и озабоченно и неторопливо оглядывался вокругъ себя. Онъ подозвалъ одного изъ своихъ бѣлыхъ адъютантовъ и спросилъ что-то. «Вѣрно, въ которомъ часу они выѣхали», подумалъ князь Андрей, наблюдая своего стараго знакомаго, съ улыбкой, которую онъ не могъ удержать, вспоминая свою аудіенцію. Въ свитѣ императоровъ были отборные молодцы-ординарцы, русскіе и австрійскіе, гвардейскихъ и армейскихъ полковъ. Между ними велись берейторами въ расшитыхъ попонахъ красивыя запасныя царскія лошади.

Какъ будто черезъ растворенное окно вдругъ пахнуло свѣжимъ полевымъ воздухомъ въ душную комнату, такъ пахнуло

на невеселый кутузовскій штабъ молодостью, энергіей и увѣренностью въ успѣхѣ отъ этой прискакавшей блестящей молодежи.

— Что же вы не начинаете, Михаилъ Ларіоновичъ? — поспѣшно обратился императоръ Александръ къ Кутузову, въ то же время учтиво взглянувъ на императора Франца.

— Я поджидаю, ваше величество, — отвѣчалъ Кутузовъ, почтительно наклоняясь впередъ.

Императоръ пригнулъ ухо, слегка нахмурясь и показывая видъ, что онъ не разслышалъ.

— Поджидаю, ваше величество, — повторилъ Кутузовъ (князь Андрей замѣтилъ, что у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа въ то время, какъ онъ говорилъ это «поджидаю»).— Не всѣ колонны еще собрались, ваше величество.

Государь разслышалъ, но отвѣтъ этотъ, видимо, не понравился ему; онъ пожалъ сутуловатыми плечами, взглянулъ на Новосильцева, стоявшаго подлѣ, какъ будто взглядомъ этимъ жалуясь на Кутузова.

— Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, Михаилъ Ларіоновичъ, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки, — сказалъ государь, снова взглянувъ въ глаза императору Францу, какъ бы приглашая его если не принять участіе, то прислушаться къ тому, что̀ онъ говоритъ; но императоръ Францъ, продолжая оглядываться, не слушалъ.

— Потому и не начинаю, государь, — сказалъ звучнымъ голосомъ Кутузовъ, какъ бы предупреждая возможность не быть разслышаннымъ, и въ лицѣ его еще разъ что-то дрогнуло.—Потому и не начинаю, государь, что мы не на парадѣ и не на Царицыномъ лугу, — выговорилъ онъ ясно и отчетливо.

Въ свитѣ государя на всѣхъ лицахъ, мгновенно переглянувшихся другъ съ другомъ, выразился ропотъ и упрекъ. «Какъ онъ ни старъ, онъ не долженъ бы, никакъ не долженъ бы говорить этакъ», выразили эти лица.

Государь пристально и внимательно посмотрѣлъ въ глаза Кутузову, ожидая, не скажетъ ли онъ еще чего. Но Кутузовъ, съ своей стороны, почтительно нагнувъ голову, тоже, казалось, ожидалъ. Молчаніе продолжалось около минуты.

— Впрочемъ, если прикажете, ваше величество, — сказалъ Кутузовъ, поднимая голову и снова измѣняя тонъ на прежній тонъ тупого, неразсуждающаго, но повинующагося генерала.

Онъ тронулъ лошадь и, подозвавъ къ себѣ начальника колонны Милорадовича, передалъ ему приказаніе къ наступленію.

Войско опять зашевелилось, и два батальона Новгородскаго полка и батальонъ Апшеронскаго полка тронулись впередъ мимо государя.

Въ то время, какъ проходилъ этотъ Апшеронскій батальонъ, румяный Милорадовичъ, безъ шинели, въ мундирѣ и орденахъ и со шляпой съ огромнымъ султаномъ, надѣтой набекрень и съ поля, маршъ-маршъ выскакалъ впередъ и, молодецки салютуя, осадилъ лошадь передъ государемъ.

— Съ Богомъ, генералъ, — сказалъ ему государь.

— Ma foi, sire, nous ferons ce que qui sera dans notre possibilité, sire [1]), — отвѣчалъ онъ весело, тѣмъ не менѣе вызывая насмѣшливую улыбку у господъ свиты государя своимъ дурнымъ французскимъ выговоромъ.

Милорадовичъ круто повернулъ свою лошадь и сталъ нѣсколько позади государя. Апшеронцы, возбуждаемые присутствіемъ государя, молодецкимъ, бойкимъ шагомъ, отбивая ногу, проходили мимо императоровъ и ихъ свиты.

— Ребята! — крикнулъ громкимъ, самоувѣреннымъ и веселымъ голосомъ Милорадовичъ, видимо до такой степени возбужденный звуками стрѣльбы, ожиданіемъ сраженія и видомъ молодцовъ-апшеронцевъ, еще своихъ суворовскихъ товарищей, бойко проходившихъ мимо императоровъ, что забылъ о присутствіи государя. — Ребята! вамъ не первую деревню брать! — крикнулъ онъ.

— Рады стараться! — прокричали солдаты.

Лошадь государя шарахнулась отъ неожиданнаго крика. Лошадь эта, носившая государя еще на смотрахъ въ Россіи, здѣсь, на Аустерлицкомъ полѣ, несла своего сѣдока, выдерживая его разсѣянные удары лѣвой ногой, настораживала уши отъ звуковъ выстрѣловъ, точно такъ же, какъ она дѣлала на Марсовомъ полѣ, не понимая значенія ни этихъ слышавшихся выстрѣловъ, ни сосѣдства вороного жеребца императора Франца, ни всего того, что́ говорилъ, думалъ, чувствовалъ въ этотъ день тотъ, кто ѣхалъ на ней.

Государь съ улыбкой обратился къ одному изъ своихъ приближенныхъ, указывая на молодцовъ-апшеронцевъ, и что-то сказалъ ему.

---

[1]) Право, ваше величество, мы сдѣлаемъ, что будетъ намъ возможно сдѣлать, ваше величество.

XVI.

Кутузовъ, сопутствуемый своими адъютантами, поѣхалъ шагомъ за карабинерами.

Проѣхавъ съ полверсты въ хвостѣ колонны, онъ остановился у одинокаго заброшеннаго дома (вѣроятно, бывшаго трактира) подлѣ развѣтвленія двухъ дорогъ. Обѣ дороги спускались подъ гору, и по обѣимъ шли войска.

Туманъ начиналъ расходиться, и неопредѣленно, верстахъ въ двухъ разстоянія, виднѣлись уже непріятельскія войска на противоположныхъ возвышенностяхъ. Налѣво внизу стрѣльба становилась слышнѣе. Кутузовъ остановился, разговаривая съ австрійскимъ генераломъ. Князь Андрей, стоя нѣсколько позади, вглядывался въ нихъ и, желая попросить зрительную трубу у адъютанта, обратился къ нему.

— Посмотрите, посмотрите,—говорилъ этотъ адъютантъ, глядя не на дальнее войско, а внизъ по горѣ передъ собой.—Это французы!

Два генерала и адъютанты стали хвататься за трубу, вырывая ее одинъ у другого. Всѣ лица вдругъ измѣнились, и на всѣхъ выразился ужасъ. Французовъ предполагали за двѣ версты отъ насъ, а они явились вдругъ, неожиданно, передъ нами.

— Это непріятель?.. Нѣтъ!.. Да, смотрите, онъ...: навѣрное... Что жъ это?—послышались голоса.

Князь Андрей простымъ глазомъ увидалъ внизу направо поднимавшуюся навстрѣчу апшеронцамъ густую колонну французовъ, не дальше пятисотъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Кутузовъ.

«Вотъ она, наступила рѣшительная минута! Дошло до меня дѣло», подумалъ князь Андрей и, ударивъ лошадь, подъѣхалъ къ Кутузову. «Надо остановить апшеронцевъ», закричалъ онъ, «ваше высокопревосходительство!» Но въ тотъ же мигъ все застлалось дымомъ, раздалась близкая стрѣльба, и наивно испуганный голосъ въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея закричалъ: «Ну, братцы, шабашъ!» И какъ будто голосъ этотъ былъ команда. По этому голосу все бросилось бѣжать.

Смѣшанныя, все увеличивающіяся толпы бѣжали назадъ къ тому мѣсту, гдѣ пять минутъ тому назадъ войска проходили мимо императоровъ. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самимъ не податься назадъ вмѣстѣ съ тол-

пой. Болконскій только старался не отставать отъ нея и оглядывался, недоумѣвая и не въ силахъ понять того, что дѣлалось передъ нимъ. Несвицкій съ озлобленнымъ видомъ, красный и на себя непохожій, кричалъ Кутузову, что ежели онъ не уѣдетъ сейчасъ, онъ будетъ взятъ въ плѣнъ навѣрное. Кутузовъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и, не отвѣчая, доставалъ платокъ. Изъ щеки его текла кровь. Князь Андрей протѣснился до него.

— Вы ранены? — спросилъ онъ, едва удерживая дрожаніе нижней челюсти.

— Рана не здѣсь, а вотъ гдѣ! — сказалъ Кутузовъ, прижимая платокъ къ раненой щекѣ и указывая на бѣгущихъ.— Остановите ихъ! — крикнулъ онъ и въ то же время, вѣроятно убѣдясь, что невозможно было ихъ остановить, ударилъ лошадь и поѣхалъ вправо.

Вновь нахлынувшая толпа бѣгущихъ захватила его съ собой и повлекла назадъ.

Войска бѣжали такой густой толпой, что, разъ попавши въ середину толпы, трудно было изъ нея выбраться. Кто кричалъ: «пошелъ! что замѣшкался?» кто тутъ же, оборачиваясь, стрѣлялъ въ воздухъ; кто билъ лошадь, на которой ѣхалъ самъ Кутузовъ. Съ величайшимъ усиліемъ выбравшись изъ потока толпы влѣво, Кутузовъ со свитой, уменьшенной болѣе чѣмъ вдвое, поѣхалъ на звуки близкихъ орудійныхъ выстрѣловъ. Выбравшись изъ толпы бѣгущихъ, князь Андрей, стараясь не отставать отъ Кутузова, увидалъ на спускѣ горы, въ дыму, еще стрѣлявшую русскую батарею и подбѣгающихъ къ ней французовъ. Повыше стояла русская пѣхота, не двигаясь ни впередъ на помощь батареѣ, ни назадъ по одному направленію съ бѣгущими. Генералъ верхомъ отдѣлился отъ этой пѣхоты и подъѣхалъ къ Кутузову. Изъ свиты Кутузова осталось только четыре человѣка. Всѣ были блѣдны и молча переглядывались.

— Остановите этихъ мерзавцевъ! — задыхаясь проговорилъ Кутузовъ полковому командиру, указывая на бѣгущихъ; но въ то же мгновеніе, какъ будто въ наказаніе за эти слова, какъ рой птичекъ, со свистомъ пролетѣли пули по полку и свитѣ Кутузова.

Французы атаковали батарею и, увидавъ Кутузова, выстрѣлили по немъ. Съ этимъ залпомъ полковой командиръ схватился за ногу; упало нѣсколько солдатъ, и подпрапорщикъ, стоявшій съ знаменемъ, выпустилъ его изъ рукъ; знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьяхъ сосѣднихъ солдатъ. Солдаты безъ команды стали стрѣлять.

— Ооохъ!—съ выраженіемъ отчаянія промычалъ Кутузовъ и оглянулся. — Болконскій, — прошепталъ онъ дрожащимъ отъ сознанія своего старческаго безсилія голосомъ, — Болконскій, — прошепталъ онъ, указывая на разстроенный батальонъ и на непріятеля, — что жъ это?

Но прежде чѣмъ онъ договорилъ эти слова, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшія ему къ горлу, уже соскакивалъ съ лошади и бѣжалъ къ знамени.

— Ребята, впередъ! — крикнулъ онъ дѣтски-пронзительно.

«Вотъ оно!» думалъ князь Андрей, схвативъ древко знамени и съ наслажденіемъ слыша свистъ пуль, очевидно направленныхъ именно противъ него. Нѣсколько солдатъ упало.

— Ура!—закричалъ князь Андрей, едва удерживая въ рукахъ тяжелое знамя, и побѣжалъ впередъ съ несомнѣнною увѣренностью, что весь батальонъ побѣжитъ за нимъ.

Дѣйствительно, онъ пробѣжалъ одинъ только нѣсколько шаговъ. Тронулся одинъ, другой солдатъ, и весь батальонъ съ крикомъ «ура!» побѣжалъ впередъ и обогналъ его. Унтеръ-офицеръ батальона, подбѣжавъ, взялъ колебавшееся отъ тяжести въ рукахъ князя Андрея знамя, но тотчасъ же былъ убитъ. Князь Андрей опять схватилъ знамя и, волоча его за древко, бѣжалъ съ батальономъ. Впереди себя онъ видѣлъ нашихъ артиллеристовъ, изъ которыхъ одни дрались, другіе бросали пушки и бѣжали къ нему навстрѣчу; онъ видѣлъ и французскихъ пѣхотныхъ солдатъ, которые хватали артиллерійскихъ лошадей и поворачивали пушки. Князь Андрей съ батальономъ уже былъ въ 20 шагахъ отъ орудій. Онъ слышалъ надъ собой неперестававшій свистъ пуль, и безпрестанно справа и слѣва отъ него охали и падали солдаты. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ: онъ вглядывался только въ то, что происходило впереди его — на батареѣ. Онъ ясно видѣлъ уже одну фигуру рыжаго артиллериста съ сбитымъ на бокъ киверомъ, тянущаго съ одной стороны банникъ, тогда какъ французскій солдатъ тянулъ банникъ къ себѣ за другую сторону. Князь Андрей видѣлъ уже ясно растерянное и вмѣстѣ озлобленное выраженіе лицъ этихъ двухъ людей, видимо не понимавшихъ того, что они дѣлали.

«Что они дѣлаютъ?» думалъ князь Андрей, глядя на нихъ: «зачѣмъ не бѣжитъ рыжій артиллеристъ, когда у него нѣтъ оружія? Зачѣмъ не колетъ его французъ? Не успѣетъ добѣжать, какъ французъ вспомнитъ о ружьѣ и заколетъ его».

Дѣйствительно, другой французъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, подбѣжалъ къ борющимся, и участь рыжаго артиллериста, все

ещe не понимавшаго того, что ожидаетъ его, и съ торжествомъ выдернувшаго банникъ, должна была рѣшиться. Но князь Андрей не видалъ, чѣмъ это кончилось. Какъ бы со всего размаха крѣпкой палкой кто-то изъ ближайшихъ солдатъ, какъ ему показалось, ударилъ его въ голову. Немного это больно было, а главное непріятно, потому что боль эта развлекала его и мѣшала ему видѣть то, на что онъ смотрѣлъ.

«Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», подумалъ онъ и упалъ на спину. Онъ раскрылъ глаза, надѣясь увидать, чѣмъ кончилась борьба французовъ съ артиллеристами, и желая знать, убитъ или нѣтъ рыжій артиллеристъ, взяты или спасены пушки. Но онъ ничего не видалъ. Надъ нимъ не было ничего уже, кромѣ неба—высокаго неба, не яснаго, но все-таки неизмѣримо высокаго, съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками. «Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ я бѣжалъ», подумалъ князь Андрей, «не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались; совсѣмъ не такъ, какъ съ озлобленными и испуганными лицами тащили другъ у друга банникъ французъ и артиллеристъ,—совсѣмъ не такъ ползутъ облака по этому высокому, безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. Да! все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!..»

XVII.

На правомъ флангѣ у Багратіона въ 9 часовъ дѣло еще не начиналось. Не желая согласиться на требованіе Долгорукова начинать дѣло и желая отклонить отъ себя отвѣтственность, князь Багратіонъ предложилъ Долгорукову послать спросить о томъ главнокомандующаго. Багратіонъ зналъ, что, по разстоянію почти 10-ти верстъ, отдѣлявшему одинъ флангъ отъ другого, ежели не убьютъ того, кого пошлютъ (что было очень вѣроятно), и ежели онъ даже и найдетъ главнокомандующаго, что было весьма трудно, посланный не успѣетъ вернуться раньше вечера.

Багратіонъ оглянулъ свою свиту своими большими, ничего невыражающими, невыспавшимися глазами, и невольно замиравшее отъ волненія и надежды дѣтское лицо Ростова первое бросилось ему въ глаза. Онъ послалъ его.

— А ежели я встрѣчу его величество прежде, чѣмъ главнокомандующаго, ваше сіятельство?—сказалъ Ростовъ, держа руку у козырька.

— Можете передать его величеству,— поспѣшно перебивал Багратіона, сказалъ Долгоруковъ.

Смѣнившись изъ цѣпи, Ростовъ успѣлъ соснуть нѣсколько часовъ передъ утромъ и чувствовалъ себя веселымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ, съ тою упругостью движеній, увѣренностью въ свое счастье и въ томъ расположеніи духа, въ которомъ все кажется легко, весело и возможно.

Всѣ желанія его исполнялись въ это утро: давалось генеральное сраженіе, онъ участвовалъ въ немъ; мало того, онъ былъ ординарцемъ при храбрѣйшемъ генералѣ; мало того, онъ ѣхалъ съ порученіемъ къ Кутузову, а можетъ-быть, и къ самому государю. Утро было ясное, лошадь подъ нимъ была добрая. На душѣ его было радостно и счастливо. Получивъ приказаніе, онъ пустилъ лошадь и поскакалъ вдоль по линіи. Сначала онъ ѣхалъ по линіи багратіоновыхъ войскъ, еще не вступавшихъ въ дѣло и стоявшихъ неподвижно; потомъ онъ въѣхалъ въ пространство, занимаемое кавалеріей Уварова, и здѣсь замѣтилъ уже передвиженіе и признаки приготовленій къ дѣлу; проѣхавъ кавалерію Уварова, онъ уже ясно услыхалъ звуки пушечной и оружейной стрѣльбы впереди себя. Стрѣльба все усиливалась.

Въ свѣжемъ, утреннемъ воздухѣ раздавались уже, не какъ прежде, въ неровные промежутки, по два, по три выстрѣла и потомъ одинъ или два орудійныхъ выстрѣла, а по скатамъ горъ, впереди Працена, слышались перекаты ружейной пальбы, перебиваемой такими частыми выстрѣлами изъ орудій, что иногда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже не отдѣлялись другъ отъ друга, а сливались въ одинъ общій гулъ.

Видно было, какъ по скатамъ дымки ружей какъ будто бѣгали, догоняя другъ друга, и какъ дымы орудій клубились, расплывались и сливались одни съ другими. Видны были, по блеску штыковъ между дымомъ, двигавшіяся массы пѣхоты и узкія полосы артиллеріи съ зелеными ящиками.

Ростовъ на пригоркѣ остановилъ на минуту лошадь, чтобы разсмотрѣть то, что̀ дѣлалось; но какъ онъ ни напрягалъ вниманіе, онъ ничего не могъ ни понять, ни разобрать изъ того, что̀ дѣлалось: двигались тамъ въ дыму какіе-то люди, двигались и спереди и сзади какіе-то холсты войскъ; но зачѣмъ? кто? куда? нельзя было понять. Видъ этотъ и звуки эти не только не возбуждали въ немъ какого-нибудь унылаго или робкаго чувства, но, напротивъ, придавали ему энергіи и рѣшительности.

«Ну, еще, еще наддай!» обращался онъ мысленно къ этимъ звукамъ и опять пускался скакать по линіи, все дальше

и дальше проникая въ область войскъ, уже вступившихъ въ дѣло.

«Ужъ какъ это тамъ будетъ, не знаю, а все будетъ хорошо!» думалъ Ростовъ.

Проѣхавъ какія-то австрійскія войска, Ростовъ замѣтилъ, что слѣдующая за тѣмъ часть линіи (это была гвардія) уже вступила въ дѣло.

«Тѣмъ лучше! посмотрю вблизи», подумалъ онъ.

Онъ поѣхалъ почти по передней линіи. Нѣсколько всадниковъ скакали по направленію къ нему. Это были наши лейбъ-уланы, которые разстроенными рядами возвращались изъ атаки. Ростовъ миновалъ ихъ, замѣтилъ невольно одного изъ нихъ въ крови и поскакалъ дальше.

«Мнѣ до этого дѣла нѣтъ!» подумалъ онъ. Не успѣлъ онъ проѣхать нѣсколькихъ сотъ шаговъ послѣ этого, какъ влѣво отъ него, наперерѣзъ ему, показалась на всемъ протяженіи поля огромная масса кавалеристовъ на вороныхъ лошадяхъ, въ бѣлыхъ блестящихъ мундирахъ, которые рысью шли прямо на него. Ростовъ пустилъ лошадь во весь скокъ для того, чтобъ уѣхать съ дороги отъ этихъ кавалеристовъ, и онъ бы уѣхалъ отъ нихъ, ежели бы они шли все тѣмъ же аллюромъ, но они все прибавляли хода, такъ что нѣкоторыя лошади уже скакали. Ростову все слышнѣе и слышнѣе становился ихъ топотъ и бряцанье ихъ оружія и виднѣе становились ихъ лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшіе въ атаку на французскую кавалерію, подвигавшуюся имъ навстрѣчу.

Кавалергарды скакали, но еще удерживая лошадей. Ростовъ уже видѣлъ ихъ лица и слышалъ команду: «маршъ, маршъ!» произнесенную офицеромъ, выпустившимъ во весь махъ свою кровную лошадь. Ростовъ, опасаясь быть раздавленнымъ или завлеченнымъ въ атаку на французовъ, скакалъ вдоль фронта, что было мочи у его лошади, и все-таки не успѣлъ миновать ихъ.

Крайній кавалергардъ, огромный ростомъ рябой мужчина, злобно нахмурился, увидавъ передъ собой Ростова, съ которымъ онъ неминуемо долженъ былъ столкнуться. Этотъ кавалергардъ непремѣнно сбилъ бы съ ногъ Ростова съ его Бедуиномъ (Ростовъ самъ себѣ казался такимъ маленькимъ и слабенькимъ въ сравненіи съ этими громадными людьми и лошадьми), ежели бы онъ не догадался взмахнуть нагайкой въ глаза кавалергардовой лошади. Вороная, тяжелая, пятивершковая лошадь шарахнулась, приложивъ уши; но рябой кавалергардъ всадилъ

ей съ размаху въ бока огромныя шпоры, и лошадь, взмахнувъ хвостомъ и вытянувъ шею, понеслась еще быстрѣе. Едва кавалергарды миновали Ростова, какъ онъ услыхалъ ихъ крикъ: «ура!» и оглянувшись увидалъ, что передніе ряды ихъ смѣшивались съ чужими, вѣроятно французскими, кавалеристами въ красныхъ эполетахъ. Дальше нельзя было ничего видѣть, потому что тотчасъ же послѣ этого откуда-то стали стрѣлять пушки, и все застлалось дымомъ.

Въ ту минуту, какъ кавалергарды, миновавъ его, скрылись въ дыму, Ростовъ колебался, скакать ли ему за ними или ѣхать туда, куда ему нужно было. Это была та блестящая атака кавалергардовъ, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слушать потомъ, что изъ всей этой массы огромныхъ красавцевъ-людей, изъ всѣхъ этихъ блестящихъ, на тысячныхъ лошадяхъ, богачей юношей, офицеровъ и юнкеровъ, проскакавшихъ мимо него, послѣ атаки осталось только восемнадцать человѣкъ.

«Что мнѣ завидовать, мое не уйдетъ, и я сейчасъ, можетъ-быть, увижу государя!» подумалъ Ростовъ и поскакалъ дальше.

Поравнявшись съ гвардейской пѣхотой, онъ замѣтилъ, что черезъ нее и около нея летали ядра, не столько потому, что онъ слышалъ звукъ ядеръ, сколько потому, что на лицахъ солдатъ онъ увидѣлъ безпокойство и на лицахъ офицеровъ неестественную, воинственную торжественность.

Проѣзжая позади одной изъ линій пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, онъ услыхалъ голосъ, назвавшій его по имени.

— Ростовъ!

— Что? — откликнулся онъ, не узнавая Бориса.

— Каково? Въ первую линію попали! Нашъ полкъ въ атаку ходилъ! — сказалъ Борисъ, улыбаясь той счастливой улыбкой, которая бываетъ у молодыхъ людей, въ первый разъ побывавшихъ въ огнѣ.

Ростовъ остановился.

— Вотъ какъ! — сказалъ онъ. — Ну что?

— Отбили! — оживленно сказалъ Борисъ, сдѣлавшійся болтливымъ. — Ты можешь себѣ представить?

И Борисъ сталъ разсказывать, какимъ образомъ гвардія, ставши на мѣсто и увидавъ передъ собой войска, приняла ихъ за австрійцевъ и вдругъ по ядрамъ, пущеннымъ изъ этихъ войскъ, узнала, что она въ первой линіи, и неожиданно должна была

вступить въ дѣло. Ростовъ, не дослушавъ Бориса, тронулъ свою лошадь.

— Ты куда?—спросилъ Борисъ.

— Къ его величеству съ порученіемъ.

— Вотъ онъ,—сказалъ Борисъ, которому послышалось, что Ростову нужно было къ его высочеству, вмѣсто его величества.

И онъ указалъ ему на великаго князя, который въ ста шагахъ отъ нихъ, въ каскѣ и кавалергардскомъ колетѣ, съ своими поднятыми плечами и нахмуренными бровями, что-то кричалъ австрійскому бѣлому и блѣдному офицеру.

— Да вѣдь это великій князь, а мнѣ къ главнокомандующему или къ государю, — сказалъ Ростовъ и тронулъ было лошадь.

— Графъ, графъ,—кричалъ Бергъ, такой же оживленный, какъ и Борисъ, подбѣгая съ другой стороны,—графъ, я въ правую руку раненъ (говорилъ онъ, показывая кисть руки, окровавленную, обвязанную носовымъ платкомъ) и остался во фронтѣ. Графъ, держу шпагу въ лѣвой рукѣ: въ нашей породѣ фонъ-Берговъ, графъ, всѣ были рыцарями.

Бергъ еще что-то говорилъ, но Ростовъ, не дослушавъ его, уже поѣхалъ дальше.

Проѣхавъ гвардію и пустой промежутокъ, Ростовъ, для того, чтобы не попасть опять въ первую линію, какъ онъ попалъ подъ атаку кавалергардовъ, поѣхалъ по линіи резервовъ, далеко объѣзжая то мѣсто, гдѣ слышалась самая жаркая стрѣльба и канонада. Вдругъ впереди себя и позади нашихъ войскъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ никакъ не могъ предполагать непріятеля, онъ услыхалъ близкую ружейную стрѣльбу.

«Что это можетъ быть?» подумалъ Ростовъ. «Непріятель въ тылу нашихъ войскъ? Не можетъ быть», подумалъ Ростовъ, и ужасъ страха за себя и за исходъ всего сраженія вдругъ нашелъ на него. «Что бы это ни было, однако», подумалъ онъ, «теперь уже нечего объѣзжать. Я долженъ искать главнокомандующаго здѣсь, и ежели все погибло, то и мое дѣло погибнетъ со всѣми вмѣстѣ».

Дурное предчувствіе, нашедшее вдругъ на Ростова, подтверждалось все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше онъ въѣзжалъ въ занятое толпами разнородныхъ войскъ пространство, находящееся за деревнею Прадомъ.

— Что такое? Что такое? По комъ стрѣляютъ? Кто стрѣляетъ?—спрашивалъ Ростовъ, ровняясь съ русскими и австрій-

скими солдатами, бѣжавшими перемѣшанными толпами наперерѣзъ его дороги.

— А чортъ ихъ знаетъ! Всѣхъ побилъ! Пропадай все! — отвѣчали ему по-русски, по-нѣмецки и по-чешски толпы бѣгущихъ и непонимавшихъ точно такъ же, какъ и онъ, того, что тутъ дѣлалось.

— Бей нѣмцевъ! — кричалъ одинъ.

— А чортъ ихъ дери, измѣнниковъ.

— Zum Henker diese Russen... [1])—что-то ворчалъ нѣмецъ.

Нѣсколько раненыхъ шли по дорогѣ. Ругательства, крики, стоны сливались въ одинъ общій гулъ. Стрѣльба затихла и, какъ потомъ узналъ Ростовъ, стрѣляли другъ въ друга русскіе и австрійскіе солдаты.

«Боже мой! что жъ это такое?» думалъ Ростовъ. «И здѣсь, гдѣ всякую минуту государь можетъ увидать ихъ... Но нѣтъ, это, вѣрно, только нѣсколько мерзавцевъ. Это пройдетъ, это не то, это не можетъ быть», думалъ онъ. «Только поскорѣе, поскорѣе проѣхать ихъ!»

Мысль о пораженіи и бѣгствѣ не могла придти въ голову Ростову. Хотя онъ и видѣлъ французскія орудія и войска именно на Праценской горѣ, на той самой, гдѣ ему велѣно было отыскать главнокомандующаго, онъ не могъ и не хотѣлъ вѣрить этому.

XVIII.

Около деревни Прада Ростову велѣно было искать Кутузова и государя. Но здѣсь не только не было ихъ, но не было ни одного начальника, а были разнородныя толпы разстроенныхъ войскъ. Онъ погонялъ уставшую уже лошадь, чтобы скорѣе проѣхать эти толпы, но чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ толпы становились разстроеннѣе. По большой дорогѣ, на которую онъ выѣхалъ, толпились коляски, экипажи всѣхъ сортовъ, русскіе и австрійскіе солдаты всѣхъ родовъ войскъ, раненые и нераненые. Все это гудѣло и смѣшанно копошилось подъ мрачный звукъ летавшихъ ядеръ съ французскихъ батарей, поставленныхъ на Праценскихъ высотахъ.

— Гдѣ государь? гдѣ Кутузовъ? — спрашивалъ Ростовъ у всѣхъ, кого могъ остановить, и ни отъ кого не могъ получить отвѣта.

---

[1]) Къ чорту этихъ русскихъ.

Наконецъ, ухвативъ за воротникъ солдата, онъ заставилъ его отвѣтить себѣ.

— Э! братъ! Ужъ давно всѣ тамъ, впередъ удрали!—сказалъ Ростову солдатъ, смѣясь чему-то и вырываясь.

Оставивъ этого солдата, который, очевидно, былъ пьянъ, Ростовъ остановилъ лошадь денщика или берейтора важнаго лица и сталъ разспрашивать его. Денщикъ объявилъ Ростову, что государя съ часъ тому назадъ провезли во весь духъ въ каретѣ по этой самой дорогѣ и что государь опасно раненъ.

— Не можетъ быть,—сказалъ Ростовъ,—вѣрно, другой кто.

— Самъ я видѣлъ,—сказалъ денщикъ съ самоувѣренной усмѣшкой.—Ужъ мнѣ-то пора знать государя: кажется, сколько разъ въ Петербургѣ вотъ такъ-то видалъ. Блѣдный-преблѣдный, въ каретѣ сидитъ. Четверню вороныхъ какъ припуститъ, батюшки мои, мимо насъ прогремѣлъ: пора, кажется, и царскихъ лошадей и Илью Иваныча знать; кажется, съ другимъ какъ съ царемъ Илья кучеръ не ѣздитъ.

Ростовъ пустилъ его лошадь и хотѣлъ ѣхать дальше. Шедшій мимо раненый офицеръ обратился къ нему.

— Да вамъ кого нужно?—спросилъ офицеръ.—Главнокомандующаго? Такъ убитъ ядромъ, въ грудь убитъ при нашемъ полку.

— Не убитъ, раненъ,—поправилъ другой офицеръ.

— Да кто? Кутузовъ?—спросилъ Ростовъ.

— Не Кутузовъ, а какъ бишь его,—ну да все одно, живыхъ не много осталось. Вонъ туда ступайте, вонъ къ той деревнѣ, тамъ все начальство собралось,—сказалъ этотъ офицеръ, указывая на деревню Гостіерадекъ, и прошелъ мимо.

Ростовъ ѣхалъ шагомъ, не зная, зачѣмъ и къ кому онъ теперь поѣдетъ. Государь раненъ, сраженіе проиграно. Нельзя было не вѣрить этому теперь. Ростовъ ѣхалъ по тому направленію, которое ему указали и по которому виднѣлись вдалекѣ башня и церковь. Куда ему было торопиться? Что ему было теперь говорить государю или Кутузову, ежели бы даже они и были живы и не ранены?

— Этой дорогой, ваше благородіе, поѣзжайте, а тутъ прямо убьютъ,—закричалъ ему солдатъ.—Тутъ убьютъ!

— О! что говоришь!—сказалъ другой.—Куда онъ поѣдетъ? Тутъ ближе.

Ростовъ задумался и поѣхалъ именно по тому направленію, гдѣ ему говорили, что убьютъ.

«Теперь все равно; ужъ ежели государь раненъ, неужели мнѣ беречь себя?» думалъ онъ. Онъ въѣхалъ въ то простран-

ство, на которомъ болѣе всего погибло людей, бѣгущихъ съ Працена. Французы еще не занимали этого мѣста, а русскіе, тѣ, которые были живы или ранены, давно оставили его. На полѣ, какъ копны на хорошей пашнѣ, лежало человѣкъ десять, пятнадцать убитыхъ, раненыхъ на каждой десятинѣ мѣста. Раненые сползались по два, по три вмѣстѣ, и слышались непріятные, иногда притворные, какъ казалось Ростову, ихъ крики и стоны. Ростовъ пустилъ лошадь рысью, чтобы не видать всѣхъ этихъ страдающихъ людей, и ему стало страшно. Онъ боялся не за свою жизнь, а за то мужество, которое ему нужно было и которое, онъ зналъ, не выдержитъ вида этихъ несчастныхъ.

Французы, переставшіе стрѣлять по этому, усѣянному мертвыми и ранеными, полю, потому что уже никого на немъ живого не было, увидавъ ѣдущаго по немъ адъютанта, навели на него орудіе и бросили нѣсколько ядеръ. Чувство этихъ свистящихъ, страшныхъ звуковъ и окружающіе мертвецы слились для Ростова въ одно впечатлѣніе ужаса и сожалѣнія къ себѣ. Ему вспомнилось послѣднее письмо матери. «Что бы она почувствовала», подумалъ онъ, «коль бы она видѣла меня теперь, здѣсь, на этомъ полѣ и съ направленными на меня орудіями!»

Въ деревнѣ Гостіерадекѣ были хотя и спутанныя, но въ бо́льшемъ порядкѣ русскія войска, шедшія прочь съ поля сраженія. Сюда уже не доставали французскія ядра, и звуки стрѣльбы казались далекими. Здѣсь всѣ уже ясно видѣли и говорили, что сраженіе проиграно. Къ кому ни обращался Ростовъ, никто не могъ сказать ему, ни гдѣ былъ государь, ни гдѣ былъ Кутузовъ. Одни говорили, что слухъ о ранѣ государя справедливъ, другіе говорили, что нѣтъ, и объясняли этотъ ложный распространившійся слухъ тѣмъ, что дѣйствительно въ каретѣ государя проскакалъ назадъ съ поля сраженія блѣдный и испуганный оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, выѣхавшій съ другими въ свитѣ императора на поле сраженія. Одинъ офицеръ сказалъ Ростову, что за деревней налѣво онъ видѣлъ кого-то изъ высшаго начальства, и Ростовъ поѣхалъ туда, уже не надѣясь найти кого-нибудь, но для того только, чтобы передъ самимъ собою очистить свою совѣсть. Проѣхавъ версты три и миновавъ послѣднія русскія войска, около огорода, окопаннаго канавой, Ростовъ увидалъ двухъ стоявшихъ противъ канавы всадниковъ. Одинъ съ бѣлымъ султаномъ на шляпѣ показался почему-то знакомымъ Ростову; другой, незнакомый всадникъ, на прекрасной рыжей лошади (лошадь эта показалась знакомою Ростову) подъѣхалъ къ канавѣ, толкнулъ лошадь шпорами и, выпустивъ поводья, легко перепрыгнулъ черезъ канаву огорода. Только

земля осыпалась съ насыпи отъ заднихъ копытъ лошади. Круто повернувъ лошадь, онъ опять назадъ перепрыгнулъ канаву и почтительно обратился къ всаднику съ бѣлымъ султаномъ, очевидно предлагая ему сдѣлать то же. Всадникъ, котораго фигура показалась знакома Ростову и почему-то невольно приковала къ себѣ его вниманіе, сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и рукой, и по этому жесту Ростовъ мгновенно узналъ своего оплакиваемаго, обожаемаго государя.

«Но это не могъ быть онъ, одинъ посреди этого пустого поля», подумалъ Ростовъ. Въ это время Александръ повернулъ голову, и Ростовъ увидалъ такъ живо врѣзавшіяся въ его памяти любимыя черты. Государь былъ блѣденъ, щеки его впали и глаза ввалились; но тѣмъ больше прелести, кротости было въ его чертахъ. Ростовъ былъ счастливъ, убѣдившись въ томъ, что слухъ о ранѣ государя былъ несправедливъ. Онъ былъ счастливъ, что видѣлъ его. Онъ зналъ, что могъ, даже долженъ былъ прямо обратиться къ нему и передать то, что̀ приказано было ему передать отъ Долгорукова.

Но какъ влюбленный юноша дрожитъ и млѣетъ, не смѣя сказать того, о чемъ онъ мечтаетъ ночи, и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности отсрочки и бѣгства, когда наступила желанная минута и онъ стоитъ наединѣ съ *ней*, такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, почему это было неудобно, неприлично и невозможно.

«Какъ! Я какъ будто радъ случаю воспользоваться тѣмъ, что онъ одинъ и въ унынiи. Ему непріятно и тяжело можетъ показаться неизвѣстное лицо въ эту минуту печали; потомъ, что̀ я могу сказать ему теперь, когда при одномъ взглядѣ на него у меня замираетъ сердце и пересыхаетъ во рту?» Ни одна изъ тѣхъ безчисленныхъ рѣчей, которыя онъ, обращаясь къ государю, слагалъ въ своемъ воображенiи, не приходила ему теперь въ голову. Тѣ рѣчи большею частью держались совсѣмъ при другихъ условiяхъ, тѣ говорились большею частью въ минуту побѣдъ и торжествъ и преимущественно на смертномъ одрѣ отъ полученныхъ ранъ, въ то время, какъ государь благодарилъ его за геройскiе поступки, и онъ умирая высказывалъ ему подтвержденную на дѣлѣ любовь свою.

«Потомъ, что же я буду спрашивать государя о его приказаніяхъ на правый флангъ, когда уже теперь 4-й часъ вечера и сраженіе проиграно? Нѣтъ, рѣшительно я не долженъ подъ-

ѣзжать къ нему. Не долженъ нарушать его задумчивость. Лучше умереть тысячу разъ, чѣмъ получить отъ него дурной взглядъ, дурное мнѣніе», рѣшилъ Ростовъ и съ грустью и съ отчаяніемъ въ сердцѣ поѣхалъ прочь, безпрестанно оглядываясь на все еще стоявшаго въ томъ же положеніи нерѣшительности государя.

Въ то время, какъ Ростовъ дѣлалъ эти соображенія и печально отъѣзжалъ отъ государя, капитанъ фонъ-Толь случайно наѣхалъ на то же мѣсто и, увидавъ государя, прямо подъѣхалъ къ нему, предложилъ ему свои услуги и помогъ перейти пѣшкомъ черезъ канаву. Государь, желая отдохнуть и чувствуя себя нездоровымъ, сѣлъ подъ яблочное дерево, и Толь остановился подлѣ него. Ростовъ издалека съ завистью и раскаяніемъ видѣлъ, какъ фонъ-Толь что-то долго и съ жаромъ говорилъ государю, какъ государь, видимо заплакавъ, закрылъ глаза рукой и пожалъ руку Толю.

«И это я могъ бы быть на его мѣстѣ!» подумалъ про себя Ростовъ и, едва удерживая слезы сожалѣнія объ участи государя, въ совершенномъ отчаяніи поѣхалъ дальше, не зная, куда и зачѣмъ онъ теперь ѣдетъ.

Его отчаяніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ, что его собственная слабость была причиной его горя.

Онъ могъ бы... не только могъ бы, но онъ долженъ былъ подъѣхать къ государю. И это былъ единственный случай показать государю свою преданность. И онъ не воспользовался имъ... «Что я надѣлалъ?» подумалъ онъ. И онъ повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ императора; но никого уже не было за канавой. Только ѣхали повозки и экипажи. Отъ одного фурмана Ростовъ узналъ, что кутузовскій штабъ находится неподалеку, въ деревнѣ, куда шли обозы. Ростовъ поѣхалъ за ними.

Впереди его шелъ берейторъ Кутузова, ведя лошадей въ попонахъ. За берейторомъ ѣхала повозка, и за повозкой шелъ старикъ дворовый, въ картузѣ, полушубкѣ и съ кривыми ногами.

— Титъ, а Титъ! — сказалъ берейторъ.

— Чего? — разсѣянно отвѣчалъ старикъ.

— Титъ! ступай молотить.

— Э, дуракъ, тьфу! — сердито плюнувъ, сказалъ старикъ. Прошло нѣсколько времени молчаливаго движенія, и повторилась опять та же шутка.

Въ пятомъ часу вечера сраженіе было проиграно на всѣхъ пунктахъ. Болѣе ста орудій находилось уже во власти французовъ.

Пржебышевскій съ своимъ корпусомъ положилъ оружіе. Другія колонны, растерявъ около половины людей, отступали разстроенными, перемѣшанными толпами.

Остатки войскъ Ланжерона и Дохтурова, смѣшавшись, тѣснились около прудовъ на плотинахъ и берегахъ у деревни Аугеста.

Въ 6-мъ часу только у плотины Аугеста еще слышалась жаркая канонада однихъ французовъ, выстроившихъ многочисленныя батареи на спускѣ Праценскихъ высотъ и бившихъ по нашимъ отступающимъ войскамъ.

Въ арьергардѣ Дохтуровъ и другіе, собирая батальоны, отстрѣливались отъ французской кавалеріи, преслѣдовавшей нашихъ. Начинало смеркаться. На узкой плотинѣ Аугеста, на которой столько лѣтъ мирно сиживалъ въ колпакѣ старичокъ-мельникъ съ удочками, въ то время какъ внукъ его, засучивъ рукава рубашки, перебиралъ въ лейкѣ серебряную трепещущую рыбу; на этой плотинѣ, по которой столько лѣтъ мирно проѣзжали на своихъ парныхъ возахъ, нагруженныхъ пшеницей, въ мохнатыхъ шапкахъ и синихъ курткахъ моравы и, запыленные мукой, съ бѣлыми возами уѣзжали по той же плотинѣ,—на этой узкой плотинѣ теперь между фурами и пушками, подъ лошадьми и между колесъ толпились обезображенные страхомъ смерти люди, давя другъ друга, умирая, шагая черезъ умирающихъ и убивая другъ друга для того только, чтобы, пройдя нѣсколько шаговъ, быть точно такъ же убитыми.

Каждыя десять секундъ, нагнетая воздухъ, шлепало ядро или разрывалась граната въ срединѣ этой густой толпы, убивая и обрызгивая кровью тѣхъ, которые стояли близко. Долоховъ, раненый въ руку, пѣшкомъ съ десяткомъ солдатъ своей роты (онъ былъ уже офицеръ) и его полковой командиръ, верхомъ, представляли изъ себя остатки всего полка. Влекомые толпой, они втѣснились во входъ къ плотинѣ и, сжатые со всѣхъ сторонъ, остановились, потому что впереди упала лошадь подъ пушкой и толпа вытаскивала ее. Одно ядро убило кого-то сзади ихъ, другое ударилось впереди и забрызгало кровью Долохова. Толпа отчаянно надвинулась, сжалась, тронулась нѣсколько шаговъ и опять остановилась.

«Пройти эти сто шаговъ, и навѣрное спасенъ; простоять еще двѣ минуты, и погибъ навѣрное», думалъ каждый.

Долоховъ, стоявшій въ серединѣ толпы, рванулся къ краю плотины, сбивъ съ ногъ двухъ солдатъ, и сбѣжалъ на скользкій ледъ, покрывшій прудъ.

— Сворачивай!—закричалъ онъ, подпрыгивая по льду, который трещалъ подъ нимъ, — сворачивай! — кричалъ онъ на орудіе. — Держитъ!..

Ледъ держалъ его, но гнулся и трещалъ, и очевидно было, что не только подъ орудіемъ или толпой народа, но подъ нимъ однимъ онъ сейчасъ рухнется. На него смотрѣли и жались къ берегу, не рѣшаясь еще ступить на ледъ. Командиръ полка, стоявшій верхомъ у въѣзда, поднялъ руку и раскрылъ ротъ, обращаясь къ Долохову. Вдругъ одно изъ ядеръ такъ низко засвистѣло надъ толпой, что всѣ нагнулись. Что-то шлепнулось въ мокрое, и генералъ упалъ съ лошадью въ лужу крови. Никто не взглянулъ на генерала, не подумалъ поднять его.

— Пошелъ на ледъ! пошелъ по льду! Пошелъ! вороти! аль не слышишь! Пошелъ!—вдругъ послѣ ядра, попавшаго въ генерала, послышались безчисленные голоса, сами не зная, что и зачѣмъ кричавшіе.

Одно изъ заднихъ орудій, вступавшее на плотину, своротило на ледъ. Толпы солдатъ съ плотины стали сбѣгать на замерзшій прудъ. Подъ однимъ изъ переднихъ солдатъ треснулъ ледъ, и одна нога ушла въ воду; онъ хотѣлъ оправиться и провалился по поясъ. Ближайшіе солдаты замялись, орудійный ѣздовой остановилъ свою лошадь, но сзади все еще слышались крики: «Пошелъ на ледъ, что сталъ! пошелъ! пошелъ!» И крики ужаса послышались въ толпѣ. Солдаты, окружавшіе орудіе, махали на лошадей и били ихъ, чтобы онѣ сворачивали и подвигались. Лошади тронулись съ берега. Ледъ, державшій пѣшихъ, рухнулся огромнымъ кускомъ, и человѣкъ сорокъ, бывшихъ на льду, бросились кто впередъ, кто назадъ, потопляя одинъ другого.

Ядра все такъ же равномѣрно свистѣли и шлепались на ледъ, въ воду и чаще всего въ толпу, покрывавшую плотину, прудъ и берегъ.

XIX.

На Праценской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ съ древкомъ знамени въ рукахъ, лежалъ князь Андрей Болконскій, истекая кровью, и, самъ не зная того, стоналъ тихимъ, жалостнымъ и дѣтскимъ стономъ.

Къ вечеру онъ пересталъ стонать и совершенно затихъ. Онъ не зналъ, какъ долго продолжалось его забытье. Вдругъ онъ

опять почувствовалъ себя живымъ и страдающимъ отъ жгучей и разрывающей что-то боли въ головѣ.

«Гдѣ оно, это высокое небо, которое я не зналъ до сихъ поръ и увидалъ нынче?» было первою его мыслью. «И страданія этого я не зналъ также», подумалъ онъ. «Да, я ничего, ничего не зналъ до сихъ поръ. Но гдѣ я?»

Онъ сталъ прислушиваться и услыхалъ звуки приближающагося топота лошадей и звуки голосовъ, говорившихъ по-французски. Онъ раскрылъ глаза. Надъ нимъ было опять все то же высокое небо съ еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которыя виднѣлась синѣющая безконечность. Онъ не поворачивалъ головы и не видалъ тѣхъ, которые, судя по звуку копытъ и голосовъ, подъѣхали къ нему и остановились.

Подъѣхавшіе верховые были Наполеонъ, сопутствуемый двумя адъютантами. Бонапарте, объѣзжая поле сраженія, отдавалъ послѣднія приказанія объ усиленіи батарей, стрѣляющихъ по плотинѣ Аугеста, и разсматривалъ убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

— De beaux hommes![1])—сказалъ Наполеонъ, глядя на убитаго русскаго гренадера, который съ уткнутымъ въ землю лицомъ и почернѣлымъ затылкомъ лежалъ на животѣ, откинувъ далеко одну уже закоченѣвшую руку.

— Les munitions des pièces de position sont épuisées, sire![2])—сказалъ въ это время адъютантъ, пріѣхавшій съ батарей, стрѣлявшихъ по Аугесту.

— Faites avancer celles de la réserve[3]),—сказалъ Наполеонъ, и, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился надъ княземъ Андреемъ, лежавшимъ навзничь съ брошеннымъ подлѣ него древкомъ знамени (знамя уже, какъ трофей, было взято французами).

— Voilà une belle mort[4]),—сказалъ Наполеонъ, глядя на Болконскаго.

Князь Андрей понялъ, что это было сказано о немъ и что говоритъ это Наполеонъ. Онъ слышалъ, какъ называли sire того, кто сказалъ эти слова. Но онъ слышалъ эти слова, какъ бы онъ слышалъ жужжаніе мухи. Онъ не только не интересовался ими, но онъ и не замѣтилъ, а тотчасъ же забылъ ихъ. Ему

---

1) Красавцы!
2) Батарейныхъ зарядовъ больше нѣтъ, ваше величество.
3) Велите привезти изъ резервовъ.
4) Вотъ прекрасная смерть.

жгло голову; онъ чувствовалъ, что онъ исходитъ кровью, и онъ видѣлъ надъ собою далекое, высокое и вѣчное небо. Онъ зналъ, что это былъ Наполеонъ — его герой, но въ эту минуту Наполеонъ казался ему столь маленькимъ, ничтожнымъ человѣкомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ, безконечнымъ небомъ съ бѣгущими по немъ облаками. Ему было совершенно все равно въ эту минуту, кто бы ни стоялъ надъ нимъ, что бы ни говорилъ о немъ; онъ радъ былъ только тому, что остановились надъ нимъ люди, и желалъ только, чтобъ эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасной, потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь. Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы пошевелиться и произвести какой-нибудь звукъ. Онъ слабо пошевелилъ ногой и произвелъ самого его разжалобившій слабый, болѣзненный стонъ.

— А! онъ живъ, — сказалъ Наполеонъ.—Поднять этого молодого человѣка, ce jeune homme, и свезти на перевязочный пунктъ!

Сказавъ это, Наполеонъ поѣхалъ дальше навстрѣчу къ маршалу Лану, который, снявъ шляпу, улыбаясь и поздравляя съ побѣдой, подъѣзжалъ къ императору.

Князь Андрей не помнилъ ничего дальше: онъ потерялъ сознаніе отъ страшной боли, которую причинили ему укладываніе на носилки, толчки во время движенія и зондированіе раны на перевязочномъ пунктѣ. Онъ очнулся уже только въ концѣ дня, когда его, соединивъ съ другими русскими ранеными и плѣнными офицерами, понесли въ госпиталь. На этомъ передвиженіи онъ чувствовалъ себя нѣсколько свѣжѣе и могъ оглядываться и даже говорить.

Первыя слова, которыя онъ услыхалъ, когда очнулся, были слова французскаго конвойнаго офицера, который поспѣшно говорилъ:

— Надо здѣсь остановиться: императоръ сейчасъ проѣдетъ; ему доставитъ удовольствіе видѣть этихъ плѣнныхъ господъ.

— Нынче такъ много плѣнныхъ, чуть не вся русская армія, что ему, вѣроятно, это наскучило, — сказалъ другой офицеръ.

— Ну, однако! Этотъ, говорятъ, командиръ всей гвардіи императора Александра, — сказалъ первый, указывая на раненаго русскаго офицера въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ.

Болконскій узналъ князя Репнина, котораго онъ встрѣчалъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ другой, 19-лѣтній мальчикъ, тоже раненый кавалергардскій офицеръ.

Бонапарте, подъѣхавъ галопомъ, остановилъ лошадь.

— Кто старшій? — сказалъ онъ, увидавъ плѣнныхъ.

Назвали полковника князя Репнина.

— Вы командиръ кавалергардскаго полка императора Александра? — спросилъ Наполеонъ.

— Я командовалъ эскадрономъ,—отвѣчалъ Репнинъ.

— Вашъ полкъ честно исполнилъ долгъ свой, — сказалъ Наполеонъ.

— Похвала великаго полководца есть лучшая награда солдату, — сказалъ Репнинъ.

— Съ удовольствіемъ отдаю ее вамъ, — сказалъ Наполеонъ.—Кто этотъ молодой человѣкъ подлѣ васъ?

Князь Репнинъ назвалъ поручика Сухтелена.

Посмотрѣвъ на него, Наполеонъ сказалъ, улыбаясь:

— Il est venu bien jeune se frotter à nous [1]).

— Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ, — проговорилъ оборывающимся голосомъ Сухтеленъ.

— Прекрасный отвѣтъ, — сказалъ Наполеонъ; — молодой человѣкъ, вы далеко пойдете!

Князь Андрей, для полноты трофея плѣнниковъ выставленный также впередъ, на глаза императору, не могъ не привлечь его вниманія. Наполеонъ, видимо, вспомнилъ, что онъ видѣлъ его на полѣ, и, обращаясь къ нему, употребилъ то самое наименованіе молодого человѣка — jeune homme, подъ которымъ Болконскій въ первый разъ отразился въ его памяти.

— Et vous, jeune homme? Ну, а вы, молодой человѣкъ?— обратился онъ къ нему, — какъ вы себя чувствуете, mon brave?

Несмотря на то, что за пять минутъ передъ этимъ князь Андрей могъ сказать нѣсколько словъ солдатамъ, переносившимъ его, онъ теперь, прямо устремивъ свои глаза на Наполеона, молчалъ... Ему такъ ничтожны казались въ эту минуту всѣ интересы, занимавшіе Наполеона, такъ мелоченъ казался ему самъ герой его, съ этимъ мелкимъ тщеславіемъ и радостію побѣды, въ сравненіи съ тѣмъ высокимъ, справедливымъ и добрымъ небомъ, которое онъ видѣлъ и понялъ,—что онъ не могъ отвѣчать ему.

---

[1]) Молодъ же явился онъ состязаться съ нами.

Да и все казалось такъ безполезно и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ строгимъ и величественнымъ строемъ мысли, который вызывали въ немъ ослабленіе силъ отъ истекшей крови, страданіе и близкое ожиданіе смерти. Глядя въ глаза Наполеону, князь Андрей думалъ о ничтожности величія, о ничтожности жизни, которой никто не могъ понять значенія, и о еще бо́льшемъ ничтожествѣ смерти, смыслъ которой никто не могъ понять и объяснить изъ живущихъ.

Императоръ, не дождавшись отвѣта, отвернулся и, отъѣзжая, обратился къ одному изъ начальниковъ:

— Пусть позаботятся объ этихъ господахъ и свезутъ ихъ въ мой бивуакъ; пускай мой докторъ Ларрей осмотритъ ихъ раны. До свиданія, князь Репнинъ, — и онъ, тронувъ лошадь, галопомъ поѣхалъ дальше.

На лицѣ его было сіяніе самодовольства и счастья.

Солдаты, принесшіе князя Андрея и снявшіе съ него попавшійся имъ золотой образокъ, навѣшенный на брата княжной Марьей, увидавъ ласковость, съ которою обращался императоръ съ плѣнными, поспѣшили возвратить образокъ.

Князь Андрей не видалъ, кто и какъ надѣлъ его опять, но на груди его сверхъ мундира вдругъ очутился образокъ на мелкой золотой цѣпочкѣ.

«Хорошо бы это было», подумалъ князь Андрей, взглянувъ на этотъ образокъ, который съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ навѣсила на него сестра, «хорошо бы это было, ежели бы все было такъ ясно и просто, какъ оно кажется княжнѣ Марьѣ. Какъ хорошо бы было знать, гдѣ искать помощи въ этой жизни и чего ждать послѣ нея, тамъ, за гробомъ! Какъ бы счастливъ и спокоенъ я былъ, ежели бы могъ сказать теперь: Господи, помилуй меня!.. Но кому я скажу это! Или сила—неопредѣленная, непостижимая, къ которой я не только не могу обращаться, но которой не могу выразить словами,—великое все или ничего», говорилъ онъ самъ себѣ, «или это тотъ Богъ, который вотъ здѣсь зашитъ, въ этой ладонкѣ, княжной Марьей? Ничего, ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего того, что мнѣ понятно, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго!»

Носилки тронулись. При каждомъ толчкѣ онъ опять чувствовалъ невыносимую боль; лихорадочное состояніе усилилось, и онъ начиналъ бредить. Тѣ мечтанія объ отцѣ, женѣ, сестрѣ и будущемъ сынѣ и нѣжность, которую онъ испытывалъ въ ночь наканунѣ сраженія, фигура маленькаго, ничтожнаго Наполеона и надъ всѣмъ этимъ высокое небо составляли главное основаніе его горячечныхъ представленій.

Тихая жизнь и спокойное семейное счастье въ Лысыхъ Горахъ представлялись ему. Онъ уже наслаждался этимъ счастьемъ, когда вдругъ являлся маленькій Наполеонъ съ своимъ безучастнымъ, ограниченнымъ и счастливымъ отъ несчастья другихъ взглядомъ, и начинались сомнѣнія, муки, и только небо обѣщало успокоеніе. Къ утру всѣ мечтанія смѣшались и слились въ хаосъ и мракъ безпамятства и забвенія, которыя гораздо вѣроятнѣе, по мнѣнію самого Ларрея, доктора Наполеона, должны были разрѣшиться смертью, чѣмъ выздоровленіемъ.

— C'est un sujet nerveux et bilieux, — сказалъ Ларрей, — il n'en rechappera pas [1]).

Князь Андрей, въ числѣ другихъ безнадежныхъ раненыхъ, былъ сданъ на попеченіе жителей.

---

[1]) Это человѣкъ нервный и желчный, онъ не выздоровѣетъ.

Примѣчанія къ I-му тому „Войны и мира“.

Начало «Войны и мира», подъ названіемъ «Тысяча восемьсотъ пятый годъ», въ 2-хъ частяхъ, печаталось въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» въ 1865 и 1866 годахъ. Затѣмъ эти двѣ части вышли въ отдѣльномъ изданіи; подъ тѣмъ же названіемъ въ 1866 г. Л. Н—чъ продолжалъ писать, захватывая дальнѣйшую эпоху. Въ 1868 г. онъ издалъ уже прямо отдѣльнымъ изданіемъ 4 тома и въ 1869 еще два тома, закончивъ такимъ образомъ свое произведеніе въ шести томахъ и давъ ему новое названіе: «Война и миръ». Съ тѣхъ поръ «Война и миръ» перепечатывалась какъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, такъ и въ полномъ собраніи сочиненій безъ значительныхъ измѣненій, съ тою лишь разницей, что все содержаніе было размѣщено въ четыре тома. Но между первымъ изданіемъ «Тысячи восемьсотъ пятаго года» и первымъ томомъ «Войны и мира» есть значительная разница. При обработкѣ этого произведенія къ новому полному изданію Львомъ Николаевичемъ сдѣланы значительныя сокращенія. И многое изъ выброшеннаго имъ представляетъ большой художественный и литературно-историческій интересъ. Вставить въ текстъ выпущенныя мѣста не было никакой возможности, не нарушая общей художественной конструкціи. Поэтому мы рѣшили дать ихъ въ ниже слѣдующихъ приложеніяхъ, съ указаніемъ на части и главы текста, изъ которыхъ эти мѣста были исключены Львомъ Николаевичемъ. Болѣе точныхъ указаній дать было неудобно, такъ какъ самый текстъ измѣненъ мѣстами настолько, что выпущенное мѣсто не можетъ служить дополненіемъ или продолженіемъ какой-либо фразы текста въ окончательной редакціи.

Приложенія къ I-му тому „Войны и мира“.

(Варіанты, извлеченные изъ первоначальной редакціи.)

№ 1. Часть I-я, глава I-я.

Содержаніе депеши отъ Новосильцева, поѣхавшаго въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ, было слѣдующее:

Пріѣхавъ въ Берлинъ, Новосильцевъ узналъ, что Бонапарте издалъ декретъ о присоединеніи Генуезской республики къ Французской имперіи въ то самое время, какъ онъ изъявлялъ желаніе мириться съ Англіей, при посредничествѣ Россіи. Новосильцевъ, остановившись въ Берлинѣ и предполагая, что такое насиліе Бонапарте можетъ измѣнить намѣреніе императора, спрашивалъ разрѣшенія его величества, ѣхать ли въ Парижъ или возвратиться. Отвѣтъ Новосильцеву былъ уже составленъ и долженъ быть отосланъ завтра. Завладѣніе Генуей былъ желанный предлогъ для объявленія войны, къ которой мнѣніе придворнаго общества было еще болѣе готово, чѣмъ войско. Въ отвѣтѣ было сказано:

«Nous ne voulons plus traiter avec un homme, qui tout en protestant de son désir pour la paix, continue ses envahissements» [1]).

Это все было самою свѣжею новостью дня. Князь видимо зналъ всѣ эти подробности изъ вѣрныхъ источниковъ и шутливо передалъ ихъ фрейлинѣ.

— Ну, къ чему повели насъ эти переговоры?—сказала Анна Павловна по-французски, какъ происходилъ и весь разговоръ.— Ну, къ чему всѣ эти переговоры? Не переговоры, а смерть за смерть мученика нужна злодѣю,—сказала она, раздувая ноздри, поворачиваясь на диванѣ и вслѣдъ за тѣмъ улыбаясь.

---

[1]) Мы не хотимъ болѣе вести переговоровъ съ человѣкомъ, который, изъявляя желаніе мириться, продолжаетъ вторженія.

— Какъ вы кровожадны, ma chère. Въ политикѣ не дѣлается все какъ въ гостиной. Il y a des ménagements,—сказалъ князь Василій съ своею грустною улыбкой, которая была неестественна, но, повторяясь ужъ тридцать лѣтъ, такъ обжилась на старомъ лицѣ князя, что казалась вмѣстѣ и неестественною, и привычною.—Есть письма отъ вашихъ?—прибавилъ онъ, видимо считая фрейлину недостойною серьезнаго политическаго разговора и стараясь перевести его на другой предметъ.

— Но къ чему повели насъ эти ménagements?—продолжала спрашивать Анна Павловна, не поддаваясь ему.

— А хоть бы къ тому, чтобъ узнать мнѣніе Австріи, которую вы такъ любите,—сказалъ князь Василій, видимо поддразнивая Анну Павловну и не желая выпускать разговоръ изъ шуточнаго тона.

№ 2. Часть I-я, глава II-я.

Этотъ-то толстый молодой человѣкъ, несмотря на модный покрой платья, былъ неповоротливъ, неуклюжъ, какъ бываютъ неловки и неуклюжи здоровые мужицкіе парни. Но онъ былъ незастѣнчивъ и рѣшителенъ въ движеніяхъ. На минуту остановился онъ по серединѣ гостиной, не находя хозяйки и кланяясь всѣмъ, кромѣ ея, несмотря на знаки, которые она ему дѣлала. Принявъ старую тетушку за самую Анну Павловну, онъ сѣлъ подлѣ нея и сталъ говорить съ ней; но узнавъ, наконецъ, по удивленному лицу тетушки, что этого не слѣдуетъ дѣлать, всталъ и сказалъ: «pardon, mademoiselle, j'ai cru que ce n'était pas vous» [1]). Даже безстрастная тетушка покраснѣла при этихъ безсмысленныхъ словахъ и съ отчаяннымъ видомъ замахала своей племянницѣ, приглашая ее къ себѣ на помощь. Занятая до сихъ поръ другимъ гостемъ, Анна Павловна подошла къ ней.

— C'est bien aimable à vous, M. Pierre, d'être venu voir une pauvre malade [2]),—сказала она ему, улыбаясь и переглядываясь съ тетушкой.

Пьеръ сдѣлалъ еще хуже. Онъ сѣлъ подлѣ Анны Павловны съ видомъ человѣка, который не скоро встанетъ, и тотчасъ же началъ съ нею разговоръ о Руссо, о которомъ они говорили въ предпослѣднее свиданіе. Аннѣ Павловнѣ было некогда. Она прислушивалась, приглядывалась, помѣщала и перемѣщала гостей.

---

[1]) Извините, я думалъ, что это не вы.

[2]) Это очень любезно съ вашей стороны, мосье Пьеръ, что вы пришли навѣстить больную.

— Я не могу понять,—говорилъ молодой человѣкъ, значительно глядя черезъ очки на свою собесѣдницу,—почему не любятъ «Confessions», тогда какъ «Nouvelle Héloïse» гораздо ничтожнѣе.

Толстый молодой человѣкъ неловко выражалъ свою мысль и вызывалъ на споръ Анну Павловну, совершенно не замѣчая, что фрейлинѣ и вообще никакого дѣла не было до того, какое сочиненіе хорошо или дурно, а особенно теперь, когда ей столько надо было сообразить и вспомнить.

— «Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra, j'apparaîtrai mon livre à la main [1]),—говорилъ онъ, съ улыбкой цитируя первую страницу «Confessions».—Non, madame,—продолжалъ онъ,—après avoir lu l'ouvrage, on aime l'homme [2]).

— Да, конечно,—отвѣчала Анна Павловна, несмотря на то, что она была совершенно противоположнаго мнѣнія, и оглядывала гостей, желая встать. Но Пьеръ продолжалъ:

— Ce n'est pas seulement un livre, c'est une oeuvre. «Les Confessions» sont une confession complète. N'est ce pas, madame?

— Mais je ne désire pas être son confesseur, M. Pierre: il a de trop vilains péchés [3]),—сказала она, вставая и улыбаясь.—Пойдемте, я васъ представлю кузинѣ.

№ 3. Часть I-я, глава III-я.

— Когда я имѣлъ счастіе видѣть въ послѣдній разъ блаженной и печальной памяти герцога Энгіенскаго,—началъ виконтъ съ изящною грустью въ голосѣ, оглядывая слушателей,—monseigneur въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говорилъ о красотѣ и геніальности великой Georges. Кто не знаетъ этой геніальной и прелестной женщины? Я выразилъ свое удивленіе, какимъ образомъ герцогъ могъ узнать ее, не бывъ въ Парижѣ эти послѣдніе годы. Герцогъ улыбнулся и сказалъ мнѣ, что Парижъ не такъ далекъ отъ Мангейма, какъ это кажется. Я ужаснулся и высказалъ его высочеству свой страхъ при мысли о посѣщеніи имъ Парижа. «Monseigneur,— сказалъ я,—Богъ знаетъ, не окружены ли мы здѣсь измѣнниками и предателями, и не будетъ ли ваше присутствіе въ Парижѣ, какъ бы тайно оно ни было,

---

[1]) Пусть прозвучитъ труба страшнаго суда, я предстану со своею книгой въ рукахъ.

[2]) Нѣтъ, сударыня, прочтя книгу, полюбишь человѣка.

[3]) Это не только книга, это поступокъ. Это полная, исповѣдь, не такъ ли, сударыня. Но я не хочу быть его исповѣдникомъ, у него очень гадкіе грѣхи.

извѣстно Бонапарте?» Но герцогъ только улыбнулся на мои слова съ этимъ рыцарствомъ и отважностью, составляющими отличительную черту его фамиліи.

— La maison Condé, branche de laurier greffé sur l'arbre de Bourbons, comme disait dernièrement Pitt [1]),—сказалъ монотонно князь Василій, какъ будто онъ диктовалъ какому-то невидимому писцу.

— M. Pitt a très bien dit [2]),—лаконически прибавилъ его сынъ Ипполитъ, рѣшительно поворачиваясь на креслѣ туловищемъ въ одну, а ногами въ противоположную сторону, торопливо поймавъ лорнетку и устремивъ сквозь нее свои взгляды на родителя.

— Bref [3]), — продолжалъ виконтъ, обращаясь преимущественно къ красавицѣ княжнѣ, которая не спускала съ него глазъ,—я долженъ былъ оставить Этенгеймъ и узналъ уже потомъ, что герцогъ, увлеченный своею отвагой, ѣздилъ въ Парижъ, дѣлалъ честь m-lle Жоржъ не только восхищаться ею, но и посѣщать ее.

— Но у него была сердечная привязанность къ princesse Charlotte de Rohan Rochefort,—горячо перебила Анна Павловна.—Говорили, что онъ тайно былъ женатъ на ней,—сказала она, видимо испуганная будущимъ содержаніемъ разсказа, который ей казался слишкомъ вольнымъ въ присутствіи молодой дѣвушки.

— Одна привязанность не мѣшаетъ другой, — продолжалъ виконтъ, тонко улыбаясь и не замѣчая опасеній Анны Павловны.—Но дѣло въ томъ, что m-lle Жоржъ прежде своего сближенія съ герцогомъ пользовалась сближеніемъ съ другимъ человѣкомъ.

Онъ помолчалъ.

— Человѣка этого звали Буонапарте,—произнесъ онъ, съ улыбкой оглянувъ слушателей. Анна Павловна, въ свою очередь, оглянулась безпокойно, видя, что разсказъ дѣлается опаснѣе и опаснѣе.

— Eh bien,—продолжалъ виконтъ,—le nouveau sultan de mille et une nuit ne dédaignait pas de venir souvent passer ses soirées chez la plus belle et la plus agréable femme de la France [4]). Et m-lle Georges... — Онъ помолчалъ, пожавъ выразительно плечами:—a du faire de nécessité—vertu [5]). Счастливецъ Буонапарте пріѣзжалъ обыкновенно по вечерамъ, не назначая своихъ дней.

---

[1]) Родъ Конде — вѣтка лавра, привитая къ дереву Бурбоновъ, какъ говорилъ недавно Питтъ.

[2]) Питтъ очень хорошо сказалъ.

[3]) И такъ.

[4]) И вотъ, новый султанъ изъ тысячи одной ночи не пренебрегалъ частенько проводить вечера у самой красивой и самой пріятной женщины Франціи.

[5]) Должна была превратить необходимость въ добродѣтель.

— Ah! je prévois, j'ai la chaire de poule [1]),—пожимая полными и гибкими плечиками, сказала маленькая хорошенькая княгиня.

Пожилая дама, сидѣвшая весь вечеръ подлѣ ma tante, перешла къ кружку разсказчика, покачавъ головою и улыбнувшись значительно и грустно.

— Это ужасно, не правда ли?—сказала она, хотя очевидно и не слыхала начала исторіи. На неумѣстность ея замѣчанія и на нее самое никто не обратилъ вниманія.

Князь Ипполитъ объявилъ быстро и громко:

— Georges dans le rôle de Clytemnestre—admirable! [2])

Анна Павловна молчала и находилась въ безпокойствѣ, не рѣшивъ еще окончательно въ своемъ умѣ, прилично или неприлично было то, что̀ разсказывалъ виконтъ. Съ одной стороны—вечернія посѣщенія къ актрисѣ, съ другой стороны—ежели ужъ vicomte de Mortemart, allié aux Montmorency par les Rohans, tout ce qu'il y a de plus faubourg St. Germain [3]), въ гостиной будетъ говорить неприличности, то кто же, наконецъ, знаетъ, что̀ прилично и неприлично?

— Въ одинъ вечеръ,—продолжалъ виконтъ, оглядывая слушателей и оживляясь,—Клитемнестра эта, прельстивъ весь театръ своею удивительною передачей Расина, возвратилась домой и думала одна отдохнуть отъ усталости и волненія. Она не ждала султана.

Анна Павловна вздрогнула при словѣ «султанъ». Княжна опустила глаза и перестала улыбаться.

— Какъ вдругъ служанка доложила, что l'ex-vicomte de Rocroi желаетъ видѣть великую актрису. Rocroi—такъ называлъ ссбя герцогъ. Онъ былъ принятъ,—прибавилъ виконтъ и, помолчавъ нѣсколько секундъ, чтобы дать понять, что онъ не все разсказываетъ, что знаетъ, продолжалъ:—Столъ блестѣлъ хрусталемъ, эмалью, серебромъ и фарфоромъ. Стояли два прибора, время летѣло незамѣтно, и наслажденіе...

Неожиданно, въ этомъ мѣстѣ разсказа, князь Ипполитъ произвелъ странный громкій звукъ, который одни приняли за кашель, другіе за сморканье, мычанье или смѣхъ, и сталъ торопливо ловить упущенный лорнетъ. Разсказчикъ удивленно остановился. Анна Павловна испуганно перебила описанія наслажденій, которыя съ такимъ вкусомъ описывалъ виконтъ.

---

[1]) Ахъ, я предвижу, я дрожу.

[2]) Жоржъ, въ роли Клитемнестры—превосходно!

[3]) Виконтъ Мортемаръ, родственникъ Монморанси черезъ Роганов; все, что есть лучшаго изъ предмѣстья Сенъ-Жермены.

— Не томите насъ, vicomte,—сказала она.

Виконтъ улыбнулся.

—...Наслажденіе превращало часы въ минуты, какъ вдругъ послышался звонокъ, и испуганная горничная дрожа прибѣжала объявить, что звонитъ le terrible mameluk de Buonaparte, и что ужасный господинъ его уже стоитъ у подъѣзда....

Виконтъ разсказалъ, какъ m-lle Жоржъ умоляла герцога спрятаться, какъ герцогъ сказалъ, что онъ никогда ни передъ кѣмъ не прятался, какъ m-lle Жоржъ сказала ему: «Monseigneur, vous devez votre épée au roi et à la France», и какъ герцогъ все-таки спрятался подъ бѣлье въ другой комнатѣ, и какъ Наполеону сдѣлалось дурно, и герцогъ вышелъ изъ-подъ бѣлья и увидалъ передъ собой Бонапарте.

— Charmant, délicieux [1]),—послышалось между слушателями. Даже Анна Павловна, замѣтивъ, что самое затруднительное мѣсто исторіи пройдено благополучно, и успокоившись, вполнѣ могла наслаждаться разсказомъ. Виконтъ разгорѣлся, и, грассируя, говорилъ съ одушевленіемъ актера.

— L'ennemi de sa maison, l'usurpateur de trône, qui appartenait au chef de sa race, était là, devant lui, étendu, gisant à terre, immobile, expirant peut-être. Comme dit le sublime Corneille:

Une maligne joie en son coeur s'élevait.
Dont sa gloire indignée à peine le sauvait [2]).

Виконтъ остановился и, сбираясь повести еще сильнѣе свой разсказъ, улыбнулся, какъ будто успокоивая дамъ, которыя уже слишкомъ были взволнованы. Совершенно неожиданно, во время этой паузы, красавица княжна Hélène посмотрѣла на часы, переглянулась съ отцомъ и вмѣстѣ съ нимъ встала, и этимъ движеніемъ разстроила кружокъ и прервала разсказъ.

— Мы опоздаемъ, папа,—сказала она просто, продолжая сіять на всѣхъ своею улыбкой.

Конецъ исторіи виконта былъ слѣдующій:

«Герцогъ Энгіенскій досталъ изъ кармана флаконъ горнаго хрусталя, обдѣланный въ золото, въ которомъ были жизненныя капли, подаренныя его отцу графомъ Сенъ-Жерменомъ. Капли

---

[1]) Очаровательно, прелестно.

[2]) Врагъ дома, узурпаторъ трона, принадлежавшаго главѣ его рода, былъ тутъ, передъ нимъ, распростертый на землѣ, недвижимый, быть-можетъ, умирающій. Какъ говоритъ знаменитый Корнель:

Коварная радость поднималась въ его сердцѣ
Отъ которой его негодующая слава едва спасала.

эти, какъ извѣстно, имѣли свойства оживлять мертваго или почти мертваго, но ихъ не надо было давать никому, кромѣ членовъ дома Конде. Постороннія лица, отвѣдавшія капель, исцѣлялись, такъ же какъ и Конде, но дѣлались непримиримыми врагами герцогскаго дома. Доказательствомъ тому служитъ то, что отецъ герцога, желая исцѣлить умирающаго коня, далъ ему этихъ капель. Конь ожилъ, но покушался потомъ нѣсколько разъ погубить сѣдока, и разъ понесъ было его во время битвы въ лагерь республиканцевъ. Отецъ герцога убилъ любимую лошадь. Несмотря на то, молодой и рыцарскій герцогъ Энгіенскій влилъ нѣсколько капель въ ротъ своего врага Бонапарта, и изверг ожилъ.

— «Кто вы?—спросилъ Бонапарте.

— «Родственникъ служанки,—отвѣчалъ герцогъ.

— «Ложь!—закричалъ Бонапарте.

— «Генералъ, я безъ оружія,—отвѣчалъ герцогъ.

— «Ваше имя?

— «Я спасъ вамъ жизнь,—отвѣчалъ герцогъ.

«Герцогъ уѣхалъ, а капли подѣйствовали, и Бонапарте почувствовалъ ненависть къ герцогу и съ того дня поклялся уничтожить несчастнаго и великодушнаго юношу. Черезъ своихъ клеветовъ узнавъ по забытому герцогомъ платку,—на которомъ былъ вышитъ гербъ дома Конде,—un bâton de gueules sur le champ de France [1]),—узнавъ по платку, кто былъ его соперникъ, Бонапарте велѣлъ изобрѣсть предлогъ заговора Пишегрю и Жоржа, схватилъ въ Баденскомъ герцогствѣ мученика-героя и убилъ его.—L'ange et le démon. Et voilà comment a été commis le crime le plus abominable de l'histoire» [2]).—Этимъ заключилъ виконтъ свою исторію и отъ избытка волненія перевернулся на стулѣ. Всѣ молчали.

— L'assassinat du duc a été plus qu'un crime, vicomte,—сказалъ князь Андрей, слегка улыбаясь, какъ будто онъ подсмѣивался надъ виконтомъ:—ça a été une faute [3]).

Виконтъ приподнялъ брови и развелъ руками. Жестъ его могъ означать многое.

№ 4. Часть I-я, глава V-я.

— А вы какъ думаете, M. Pierre? ласково спросила Анна Павловна у толстаго молодого человѣка, котораго неловкое мол-

---

[1]) Красная полоса на полѣ Франціи (Лазоревое поле съ линіями).

[2]) Ангелъ и Демонъ. И вотъ какимъ образомъ было совершено самое ужасное преступленіе въ исторіи.

[3]) Убійство герцога было больше чѣмъ преступленіе. Это была ошибка.

чаніе тяготило ее какъ любезную хозяйку.—Какъ вы думаете? Вы недавно изъ Парижа.

Анна Павловна, ожидая отвѣта, улыбнулась виконту и другимъ, какъ будто говоря: я и съ нимъ должна быть любезна; видите, я обращаюсь и къ нему, хотя и знаю, что онъ ничего не можетъ сказать.

— Вся нація умретъ за своего императора, за величайшаго человѣка въ мірѣ,—вдругъ, безо всякихъ приготовленій, громко и запальчиво заговорилъ молодой человѣкъ, похожій на мужицкаго парня, съ такимъ видомъ, какъ будто онъ боялся, что его перебьютъ и что онъ не найдетъ послѣ случая высказаться вполнѣ. Онъ оглянулся на князя Андрея. Князь Андрей улыбнулся.—Le plus grand génie de notre siècle [1]),—продолжалъ Пьеръ.

— Какъ? C'est votre opinion? [2]) Вы шутите,—вскрикнула Анна Павловна съ испугомъ, происходившимъ не столько отъ словъ, произнесенныхъ молодымъ человѣкомъ, сколько отъ того одушевленія, негостинаго и совершенно неприличнаго, которое выражалось въ крупныхъ и мясистыхъ чертахъ молодого человѣка и преимущественно въ звукѣ его голоса, который былъ слишкомъ громокъ и главное естественъ. Онъ не дѣлалъ жестовъ, говорилъ прерывисто, изрѣдка поправляя очки и оглядываясь; но по всей фигурѣ видно было, что теперь его никто не остановитъ, и что онъ выскажетъ всю свою мысль, не думая о приличіяхъ. Молодой человѣкъ былъ похожъ на дикую, невыѣзжанную лошадь, которая до тѣхъ поръ, пока она въ сѣдлѣ и не въ хомутѣ, смирна, даже робка и ничѣмъ не отличается отъ другихъ лошадей, но которая, какъ только на нее надѣта сбруя, вдругъ начинаетъ безъ всякой понятной причины подгибать голову, взвиваться и самымъ смѣшнымъ образомъ козелкать, чему и сама не рада. Молодой человѣкъ, видимо, почуялъ сбрую и началъ свои смѣшные козлы.

— О Бурбонахъ никто и не думаетъ теперь во Франціи,— продолжалъ онъ, торопясь, чтобъ его не перебили, и постоянно оглядываясь на князя Андрея, какъ будто въ немъ одномъ онъ ждалъ поддержки.—Не забудьте, что я только три мѣсяца какъ пріѣхалъ изъ Парижа.

Онъ говорилъ на отличномъ французскомъ языкѣ.

— Monsieur le vicomte совершенно справедливо полагаетъ, что будетъ поздно для Бурбоновъ черезъ годъ. И теперь ужъ поздно. Роялистовъ нѣтъ больше. Одни бросили свое отечество,

---

[1]) Величайшій геній нашего вѣка.

[2]) Это ваше мнѣніе.

другіе сдѣлались бонапартистами. Весь faubourd St-Germain преклоняется передъ императоромъ.

— Il faut faire des restrictions [1]),—сказалъ виконтъ снисходительно.

Свѣтская, привычная Анна Павловна безпокойно смотрѣла то на виконта, то на неприличнаго молодого человѣка и не могла себѣ простить того, что неосторожно пригласила этого юношу, не узнавши его прежде.

Неприличный юноша былъ незаконный сынъ знаменитаго богача и вельможи. Анна Павловна пригласила его изъ уваженія къ отцу и принимая въ соображеніе то, что этотъ M. Pierre только что пріѣхалъ изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался.

«Если бъ я знала, что онъ такой mal—élevé и бонапартистъ», думала она, глядя на его большую, стриженую голову и мясистыя крупныя черты. «Voilà l'éducation qu'on donne aux jeunes gens d'à présent» думала она. «Comme on voit l'homme de la bonne compagnie [2]),—говорила она про себя, любуясь спокойствіемъ виконта.

№ 5. Часть I-я, глава V-я.

— Хорошій или дурной поступокъ—убійство герцога?—сказалъ онъ, удивляя всѣхъ своимъ высокаго тона хладнокровіемъ:—одно изъ двухъ...

Пьеръ чувствовалъ, что дилемма эта была предложена ему такъ, что отвѣть онъ отрицательно, его заставятъ отречься отъ его восхищенія къ герою, отвѣть онъ положительно, что поступокъ хорошъ, Богъ знаетъ что съ нимъ случится. Онъ отвѣтилъ положительно, не боясь того, что случится.

— Поступокъ этотъ великъ, какъ и все, что дѣлаетъ этотъ великій человѣкъ,—сказалъ онъ отчаянно, и не обращая вниманія на ужасъ, выразившійся на всѣхъ лицахъ, кромѣ лица князя Андрея, и на презрительныя пожатія плечъ, онъ продолжалъ говорить одинъ противъ очевиднаго нежеланія хозяйки. Всѣ, кромѣ князя Андрея, слушали его, удивленно переглядываясь. Князь же Андрей слушалъ съ участіемъ и тихою улыбкой.

— Развѣ онъ не зналъ,—продолжалъ Пьеръ,—всей бури, которая поднимется противъ него за смерть герцога? Онъ зналъ, что ему придется за эту одну голову опять воевать со всею Европой,

---

[1]) Нужно сдѣлать исключенія.

[2]) Вотъ воспитаніе, которое даютъ современнымъ молодымъ людямъ. Какъ видно человѣка хорошаго общества.

и онъ будетъ воевать, и опять будетъ побѣдителемъ, потому что...

— Вы русскій?—спросила Анна Павловна.

— Русскій. Но побѣдитъ, потому что онъ великій человѣкъ. Смерть герцога была необходима. Онъ—геній, а геній тѣмъ и отличается отъ простыхъ людей, что дѣйствуетъ не для себя, но для человѣчества. Роялисты хотѣли опять зажечь внутреннюю войну и революцію, которую онъ подавилъ. Ему нужно было внутреннее спокойствіе, и онъ казнію герцога показалъ такой примѣръ, что Бурбоны перестали интриговать.

— Mais, mon cher M. Pierre,—сказала Анна Павловна, пытаясь взять кротостью,—какъ вы называете интригами средства къ возвращенію законнаго престола?

— Законна только народная воля,—отвѣчалъ онъ,—а она изгнала Бурбоновъ и передала власть великому Наполеону.

И онъ торжественно посмотрѣлъ сверхъ очковъ на слушателей.

№ 6. Часть I-я, глава VI-я.

— Я понимаю военную службу; но вотъ что объясните мнѣ,—сказалъ онъ.—Зачѣмъ вы—вы понимаете все—зачѣмъ вы идете на эту войну противъ кого же? Противъ Наполеона и Франціи. Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ... Я не понимаю, какъ вы идете?

— Voyez-vous, mon cher,—началъ князь Андрей, можетъ-быть, невольно желая скрыть для самого себя неясность мысли и вдругъ начиная по-французски и перемѣняя прежній искренній тонъ на гостиный и холодный,—la question peut être envisagée sous un tout autre point de vue [1]).

И онъ съ такимъ видомъ, какъ будто все то, про что они говорили, было дѣломъ его собственнымъ или близкихъ ему людей, изложилъ Пьеру ходившее тогда въ высшихъ кружкахъ петербургскаго общества воззрѣніе на политическое назначеніе Россіи въ Европѣ въ то время.

Европа со времени революціи страдаетъ отъ войнъ. Причина войнъ, кромѣ честолюбія Наполеона, заключалась въ неправильности европейскаго равновѣсія. Нужно было, чтобы одна великая держава искренно и безпристрастно взялась за дѣло и,

---

[1]) Вопросъ можно разсматривать съ другой точки зрѣнія.

составивъ союзъ, обозначила бы новыя границы государствамъ, и установила бы новое европейское равновѣсіе и новое народное право, въ силу котораго война оказывалась бы невозможною и всѣ недоразумѣнія между государствами рѣшались бы посредничествомъ. Эту безкорыстную роль брала на себя Россія въ предстоявшей войнѣ. Россія будетъ стремиться только къ тому, чтобы возвратить Францію въ границы 1796 года, предоставляя самимъ французамъ выборъ образа правленія, также къ возобновленію независимости Италіи, Цизальпинскаго королевства, новаго государства двухъ Бельгій, новаго Германскаго союза и даже къ возстановленію Польши.

Пьеръ внимательно слушалъ, нѣсколько разъ порываясь вступить въ споръ, но удерживаясь изъ уваженія къ своему другу.

— Видишь ли ты, что мы на этотъ разъ не такъ глупы, какъ это кажется?—заключилъ князь Андрей.

— Да, да, но почему жъ этотъ планъ не предложатъ самому Наполеону?— прервалъ Пьеръ.—Онъ первый принялъ бы его, ежели этотъ планъ чистосердеченъ; онъ пойметъ и полюбитъ всякую великую мысль.

Князь Андрей помолчалъ и потеръ своею маленькою ручкой лобъ.

— Кромѣ того, я иду...—Онъ остановился.—Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь—не по мнѣ.

— Отчего — удивленно спросилъ Пьеръ.

— Оттого, моя душа,—вставая и улыбаясь сказалъ князь Андрей, — что виконту и Ипполиту таскаться по гостинымъ и перебирать вздоръ и разсказывать сказочки про m-lle Жоржъ и про «дѣвушка» это прилично, а мнѣ роль эта не годится. J'en ai assez,—прибавилъ онъ.

Пьеръ взглядомъ выразилъ свое согласіе.

— Но вотъ еще что. Что такое Кутузовъ? И что такое быть адъютантомъ?—спросилъ Пьеръ съ той рѣдкою наивностью, которая бываетъ у молодыхъ людей, не боящихся обличить вопросомъ свое незнаніе.

— Это ты только можешь не знать,—улыбаясь и качая головой, отвѣчалъ князь Андрей.—Кутузовъ—правая рука Суворова, лучшій русскій генералъ.

— Но вѣдь какъ же быть адъютантомъ? Васъ, стало-быть, и посылать могутъ?

— Разумѣется, вліяніе адъютанта—самое незначительное, — отвѣчалъ князь Андрей,—но надобно начинать. Притомъ отецъ мой хотѣлъ этого. Я буду просить Кутузова дать мнѣ отрядъ. А тамъ увидимъ...

— Странно будетъ, должно-быть, вамъ сражаться съ Наполеономъ,—сказалъ Пьеръ, какъ будто предполагая, что князю Андрею, какъ только онъ пріѣдетъ на войну, придется вступить если не въ единоборство, то въ самое близкое состязаніе съ Наполеономъ.

Князь Андрей задумчиво улыбался своимъ мыслямъ, повертывая граціознымъ, женственнымъ жестомъ обручальное кольцо на безыменномъ пальцѣ.

№ 7. Часть I-я, глава XX-я.

— Постойте, я попробую,—сказала она, отойдя къ другой сторонѣ клавикордъ, и, пробуя свой голосъ, взяла вполголоса нѣсколько чистыхъ грудныхъ нотъ, которыя неожиданно подѣйствовали на всѣхъ. Всѣ замолкли, пока звуки замирали въ верху высокой просторной комнаты.

— Можно, можно,—сказала она, весело встряхивая кудрями, которые валились ей на глаза.

Пьеръ, очень раскраснѣвшійся послѣ обѣда, подошелъ къ ней. Ему хотѣлось видѣть ее поближе и посмотрѣть, какъ она будетъ говорить съ нимъ.

— Отчего же нельзя?—спросилъ онъ такъ просто, какъ будто они были сто лѣтъ знакомы.

— Иногда бываютъ дни, что голосъ не хорошъ,—сказала она и отошла къ клавикордамъ.

— А нынче?

— Отличный,—сказала она, обращаясь къ нему съ такимъ восторгомъ, какъ будто хвалила чей-нибудь чужой голосъ. Пьеръ, довольный тѣмъ, что видѣлъ, какъ она говоритъ, подошелъ къ Борису, который почти также нравился ему въ этотъ день, какъ и Наташа.

— Что за милый ребенокъ, маленькая, черненькая,—сказалъ онъ.—Даромъ что не хороша.

Пьеръ находился, послѣ скуки уединенія въ большомъ домѣ отца, въ томъ счастливомъ состояніи молодого человѣка, когда всѣхъ любишь и видишь во всѣхъ людяхъ одно хорошее. Еще за обѣдомъ, онъ невольно, съ петербургской высоты, презиралъ московскую публику. А теперь уже казалось, что здѣсь только, въ Москвѣ, и умѣютъ жить люди, и ему ужъ думалось, какъ бы хорошо было, ежели бы онъ могъ каждый день бывать въ этомъ домѣ, слушать, какъ поетъ и какъ говоритъ эта маленькая, черненькая, и смотрѣть на нее.

— Nicolas,—сказала Наташа, подходя къ клавикордамъ,—что будемъ пѣть?

— Хоть «Ключъ»,—отвѣчалъ Николай. Ему, видимо, становилось несносно отъ пристававшей къ нему Жюли, которая думала, что онъ долженъ быть слишкомъ счастливъ ея вниманіемъ.

— Ну, давайте, давайте. Борисъ, идите сюда,—закричала Наташа.—А гдѣ же Соня?—Она оглянулась и, увидавъ, что ея друга нѣтъ въ комнатѣ, побѣжала за ней.

«Ключъ», какъ называли его у Ростовыхъ, былъ старинный квартуоръ, которому научилъ ихъ музыкальный учитель Димлеръ. Этотъ «Ключъ» пѣли обыкновенно Наташа, Соня, Николай и Борисъ, который хотя и не имѣлъ особеннаго таланта и голоса, но соблюдалъ вѣрнымъ слухомъ и съ свойственною ему во всемъ точностью и спокойствіемъ, могъ выучить партію и твердо держалъ ее. Пока Наташа ушла, стали просить Николая, чтобъ онъ спѣлъ что-нибудь одинъ. Онъ отказывался почти неучтиво и мрачно. Жюли Ахросимова, улыбаясь, подошла къ нему:

— Pourquoi faites vous le beau ténébreux,—спросила она,—cependant je comprends que pour la musique, et surtout pour le chant, il faut être disposé. C'est comme moi. Il y a des moments... [1])

Николай поморщился и пошелъ къ клавикордамъ. Прежде чѣмъ сѣсть, онъ замѣтилъ, что Сони нѣтъ въ комнатѣ, и хотѣлъ уйти.

— Nicolas, ne vous faites pas prier, c'est ridicule, — сказала графиня.

— Je ne me fais pas prier, maman [3]),—отвѣчалъ Николай и, порывистымъ движеніемъ, стукнулъ крышкой, открывая клавикорды, и сѣлъ.

Онъ подумалъ на минутку и началъ пѣсенку Кавелина:

На что, съ любезной разставаясь,
На что прости ей говорить,
Какъ будто съ жизнью разлучаясь,
Счастливымъ больше ужъ не быть?
Не лучше ль просто: «до свиданья»,
«До новыхъ радостей» сказать,
И въ сихъ мечтахъ очарованья
Себя и время забывать?

---

[1]) Зачѣмъ вы напускаете на себя мрачность. А между тѣмъ я понимаю, что въ музыкѣ, особенно въ пѣніи — нужно расположеніе. Это какъ у меня. Бываютъ минуты...

[2]) Николай, не заставляй себя просить, это смѣшно.

[3]) Я не заставляю себя просить, маменька.

Голосъ его былъ ни хорошъ, ни дуренъ, и пѣлъ онъ лѣниво какъ бы исполняя скучную обязанность: но, несмотря на то, въ комнатѣ все замолкло, барышни покачивали головами и вздыхали, а Пьеръ, покрывъ свои зубы нѣжною и слабою улыбкой, которая была особенно смѣшна на его толстомъ, полнокровномъ лицѣ, такъ и остался до конца пѣсни.

Жюли, закрывъ глаза, вздохнула на всю комнату.

Николай пѣлъ съ тѣмъ чувствомъ мѣры, котораго у него такъ недоставало въ жизни и которое въ искусствѣ не пріобрѣтается никакимъ изученіямъ. Онъ пѣлъ съ тою легкостью и свободой, которая показывала, что онъ не трудился, а пѣлъ какъ говорилъ. Только когда онъ запѣлъ, онъ высказался не ребенкомъ, какимъ онъ казался въ жизни, а человѣкомъ, въ которомъ уже шевелились страсти.

№ 8. Часть I-я, глава XX-я.

Наташа шепнула Николаю, что Вѣра уже разстроила Соню, укравъ у нея стихи и наговоривъ ей непріятностей. Николай покраснѣлъ и тотчасъ рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ Вѣрѣ, и шопотомъ сталъ говорить ей, что ежели она посмѣетъ сдѣлать что-нибудь непріятное Сонѣ, то онъ будетъ ея врагомъ на всю жизнь. Вѣра отговаривалась, извинялась и замѣчала также шопотомъ, что неприлично говорить объ этомъ, указывая на гостей, которые, замѣтивъ, что между братомъ и сестрой была какая-то непріятность, удалились отъ нихъ.

— Мнѣ все равно, я при всѣхъ скажу,—говорилъ почти громко Николай,—что у тебя дурное сердце, и что ты находишь удовольствіе вредить людямъ.

Окончивъ это дѣло, Николай, еще дрожа отъ волненія, отошелъ въ дальній уголъ комнаты, гдѣ стояли Борисъ съ Пьеромъ. Онъ сѣлъ подлѣ нихъ съ рѣшительнымъ и мрачнымъ видомъ человѣка, который теперь на все готовъ и къ которому лучше не обращаться ни съ какимъ вопросомъ. Пьеръ, однако, со всегдашнею разсѣянностью, не замѣчая его состоянія души и находясь въ самомъ благодушномъ состояніи, которое было усилено еще пріятнымъ впечатлѣніемъ музыки, которая всегда сильно дѣйствовала на него, несмотря на то, что онъ никогда не могъ взять, не фальшивя, ни одной нотки,—Пьеръ обратился къ нему:

— Какъ вы славно спѣли?—сказалъ онъ.

Николай не отвѣчалъ.

— Вы какимъ чиномъ поступаете въ полкъ?—спросилъ онъ, чтобы спросить еще что-нибудь.

Николай, не соображая, что Пьеръ былъ нисколько не виноватъ въ непріятности, сдѣланной ему Вѣрой, и въ надоѣвшемъ ему приставаніи Жюли, зло посмотрѣлъ на него.

— Мнѣ предлагали хлопотать о зачисленіи меня камеръ-юнкеромъ, и я отказался, потому что хочу быть обязаннымъ только своему достоинству положеніемъ своимъ въ войскѣ... а не сѣсть на голову людямъ достойнѣе меня. Я иду юнкеромъ,— прибавилъ онъ, очень довольный тѣмъ, что сразу умѣлъ показать новому знакомому свое благородство и употребить военное выраженіе: «сѣсть на голову», которое онъ только что подслушалъ у полковника.

— Да, мы всегда споримъ съ нимъ,—сказалъ Борисъ:—я не нахожу ничего несправедливаго поступить прямо майоромъ. Ежели ты не достоинъ этого чина—тебя выключатъ, а достоинъ, то ты скорѣе можешь быть полезенъ.

— Ну, да ты дипломатъ,—сказалъ Николай.—Я считаю это злоупотребленіемъ для себя и не хочу начинать злоупотребленіемъ.

— Вы совершенно, совершенно правы,—сказалъ Пьеръ.—Что это, музыканты? Танцовать будутъ?—робко спросилъ онъ, услышавъ звуки настроиванья.—Я ни одному танцу никогда не могъ выучиться.

— Да, кажется, маменька велѣла,—отвѣчалъ Николай, весело оглядывая комнату и мысленно выбирая свою между дамами. Но въ это время онъ увидалъ кружокъ, собравшійся около Берга, и вернувшееся къ нему хорошее расположеніе духа опять замѣнилось мрачнымъ ожесточеніемъ.

— Ah, lisez, M. Berg, vous lisez si bien, ça doit être très poétique [1]),—говорила Жюли Бергу, который держалъ въ рукѣ бумажку. Николай увидалъ, что это были его стихи, которые Вѣра, изъ мщенья, показала всему обществу. Стихи были слѣдующіе:

Прощаніе гусара.

Не растравляй меня разлукой,
Не мучь гусара своего;
Гусару сабля будь порукой
Желанья счастья твоего.
Мнѣ нужно мужество для боя,
Еще нужнѣй для слезъ твоихъ,
Хочу стяжать вѣнецъ героя,
Чтобы сложить у ногъ твоихъ.

---

[1]) Ахъ, прочтите, мосье Бергъ, вы такъ хорошо читаете, это должно быть очень поэтично.

Написавъ стихи и передавъ ихъ предмету своей страсти, Николай думалъ, что они прекрасны; теперь же онъ вдругъ находилъ, что они чрезвычайно дурны и, главное, смѣшны. Увидавъ Берга съ своими стихами въ рукахъ, Николай остановился, ноздри его раздулись, лицо побагровѣло, и онъ, сжавъ губы, быстрыми шагами и съ рѣшимостью размахивая руками, направился къ кружку. Борисъ, во-время увидавъ намѣреніе, перерѣзалъ ему дорогу и взялъ за руку.

— Послушай, это будетъ глупо.

— Оставь меня, я его проучу,—порываясь впередъ, говорилъ Николай.

— Онъ не виноватъ, пусти меня.

Борисъ подошелъ къ Бергу.

— Эти стихи написаны не для всѣхъ,—сказалъ онъ, протягивая руку.—Позвольте.

— Ахъ, это не для всѣхъ! Мнѣ Вѣра Ильинична дала.

— C'est charmant, il y a quelque chose de si mélodieux[1]),—сказала Жюли.

— «Прощанье гусара»,—сказалъ Бергъ и имѣлъ несчастіе улыбнуться.

Николай уже стоялъ передъ нимъ, держа близко къ нему свое лицо и глядя на него разгоряченными глазами, которые, казалось, насквозь пронзали несчастнаго Берга.

— Вамъ смѣшно? Что вамъ смѣшно?

— Нѣтъ, я ничего, я не зналъ, что это вы....

— Какое вамъ дѣло, я или не я? Читать чужія письма неблагородно.

— Извините,—сказалъ Бергъ, краснѣя и испуганно.

— Nicolas,—сказалъ Борисъ,—мосье Бергъ не читалъ чужихъ писемъ... Ты теперь надѣлаешь глупостей. Послушай,—сказалъ онъ, кладя въ карманъ стихи,—поди сюда, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Бергъ тотчасъ же отошелъ къ дамамъ, а Борисъ съ Николаемъ вышли въ диванную. Соня выбѣжала за ними.

Черезъ полчаса вся молодежь уже танцовала экосезъ, и Николай, переговоривъ въ диванной съ Соней, былъ такой же веселый и ловкій танцоръ, какъ и всегда, самъ удивлялся своей вспыльчивости и досадовалъ на свою неприличную выходку.

Всѣмъ было очень весело. И Пьеру, путавшему фигуры и танцовавшему подъ руководствомъ Бориса экосезъ, и Наташѣ, почему-то помиравшей со смѣху каждый разъ, какъ она взглядывала на него, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ.

---

[1]) Это прелестно, въ этомъ есть что-то такое мелодичное.

№ 9. Часть II-я, глава III-я.

«Полусумасшедшій старый фанатикъ Маккъ хотѣлъ бороться съ величайшимъ военнымъ геніемъ послѣ Кесаря», думалъ князь Андрей, возвращаясь въ свою комнату. «Что я говорилъ Козловскому? Что я писалъ отцу?—думалъ онъ,—такъ и случилось». И невольно онъ испытывалъ волнующее радостное чувство при мысли о посрамленіи самонадѣянной Австріи и о томъ, что черезъ недѣлю, можетъ-быть, придется ему увидѣть и принять участіе въ столкновеніи русскихъ съ французами, впервые послѣ Суворова.

Вернувшись сверху въ свою комнату, занимаемую имъ вмѣстѣ съ Несвицкимъ, князь Андрей положилъ ненужныя уже теперь бумаги на столъ и заложивъ руки назадъ, заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, улыбаясь своимъ мыслямъ. Онъ боялся генія Бонапарта, который могъ оказаться сильнѣе всей храбрости русскихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить позора для своего героя. Единственно возможное разрѣшеніе этого противорѣчія состояло въ томъ, чтобъ онъ самъ командовалъ русскою арміею противъ Бонапарта. Но когда это могло быть? Черезъ десять лѣтъ,—десять лѣтъ, которыя кажутся вѣчностью, когда они составляютъ больше одной трети прожитой жизни. «Ah! fais ce que doit, advienne ce qui pourra» [1]), проговорилъ онъ себѣ выбранный имъ девизъ. Онъ крикнулъ слугу, снялъ мундиръ надѣлъ шубку и сѣлъ за столъ. Несмотря на походную жизнь и общую тѣсную комнату, занимаемую имъ вмѣстѣ съ Несвицкимъ, князь Андрей былъ такъ же, какъ и въ Россіи, щепетиленъ точно женщина, занятъ собой и аккуратенъ. Несвицкій зналъ, что ничѣмъ нельзя было больше разсердить своего товарища по комнатѣ, какъ разстройствомъ его вещей, и два стола Болконскаго, одинъ письменный, уставленный, какъ въ Петербургѣ, бронзовыми письменными принадлежностями, другой—щеточками, мыльницами, зеркаломъ всегда были симметрично убраны и безъ малѣйшей пылинки. Со времени своего выѣзда изъ Петербурга и, главное, со времени разлуки съ женой, князь Андрей вступилъ въ новую эпоху дѣятельности и какъ будто вновь переживалъ молодость. Онъ много читалъ и учился. Походная жизнь давала ему не мало досуга, и книги, пріобрѣтенныя имъ за границей, раскрыли для него новые интересы. Въ числѣ этихъ книгъ были большею частью философскія сочиненія. Философія, кромѣ своего внутренняго интереса, была для него однимъ изъ тѣхъ пьедесталовъ гордости,

---

[1]) А! дѣлай, что должно и будь что будетъ!

на которые онъ любилъ становиться предъ другими людьми. Хотя у него и было много различныхъ пьедесталовъ, съ которыхъ онъ могъ сверху внизъ смотрѣть на людей: рожденіе, связи, богатство,—философія представляла для него такой пьедесталъ, съ котораго онъ могъ чувствовать себя выше и такихъ людей, какъ самъ Кутузовъ, а чувствовать это было необходимо для душевнаго спокойствія князя Андрея. Онъ взялъ послѣднее, лежавшее у него на столѣ, до половины разрѣзанное, сочиненіе Канта и принялся читать. Но мысль его была далеко, и безпрестанно представлялась ему его любимая мечта—знамя Аркольскаго моста.

— Ну, братъ, за мной бутылка,—сказалъ—входя въ комнату, огромный, толстый Несвицкій, какъ и всегда, сопровождаемый Жерковымъ.—Какова штука съ Маккомъ?

— Да, непріятные четверть часа провелъ онъ теперь наверху,—сказалъ князь Андрей.

(Между ними было пари. Князь Андрей утверждалъ, что Маккъ будетъ разбитъ. Онъ выигралъ).

— За мной бутылка,—сказалъ Несвицкій, разстегивая мундиръ, сжимавшій его пухлую шею.—А какой, братъ, будетъ обѣдъ нынче. Дикая коза, досталъ свѣжую, и индѣйка съ каштанами.

— Я говорилъ: Маккъ въ зубахъ завязнетъ,—сказалъ Жерковъ, но шутка его не понравилась. Князь Андрей холодно оглянулся на него и обратился къ Несвицкому.

— Что слышалъ, когда выступаютъ?—сказалъ онъ.

— Вторую дивизію послали передвинуть,—сказалъ Жерковъ съ своею заискивающею манерой.

— А!—сказалъ князь Андрей, отвернулся и сталъ читать.

— Ну, будетъ тебѣ философствовать,—крикнулъ Несвицкій, бросаясь на кровать и отдуваясь,—потолкуемъ-ка. Какъ я хохоталъ сейчасъ. Можешь себѣ представить, только мы вышли. Штраухъ идетъ. Надо было видѣть, что́ Жерковъ передъ нимъ выдѣлывалъ.

— Ничего, я отдавалъ честь союзнику,—проговорилъ Жерковъ, и Несвицкій захохоталъ такъ, что кровать подъ нимъ затрещала.

Штраухъ, австрійскій генералъ, присланный изъ Вѣны для наблюденія за продовольствіями русской арміи, почему-то полюбился Жеркову. Онъ и передразнивалъ его весьма похоже, и каждый разъ какъ встрѣчался съ нимъ, вытягивался, представляя что онъ его боится, и каждый разъ какъ могъ найти случай, заговаривалъ съ нимъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, представляя, изъ себя наивнаго дурака, къ большому удовольствію Несвицкаго.

— Ахъ! да!—сказалъ Несвицкій, обращаясь къ князю Андрею:—à propos Штраухъ. Тутъ тебя давно ждетъ офицеръ пѣхотный.

— Какой офицеръ?

— Помнишь, тебя посылали слѣдствіе производить, корову, что ли, онъ утащилъ у нѣмцевъ.

— Что жъ ему нужно?—морщась сказалъ князь Андрей, поворачивая кольцо на своей маленькой, бѣлой рукѣ.

— Жалкій такой, просить тебя пришелъ. Жерковъ, какъ онъ? ну, какъ онъ говорилъ?

Жерковъ сдѣлалъ гримасу и началъ представлять офицера.

— Я... совсѣмъ не то... солдаты... купили скотину... потому что хозяева... Скотина... хозяева... скотина...

Князь Андрей всталъ и надѣлъ мундиръ.

— Нѣтъ, ты замни какъ-нибудь,—сказалъ Несвицкій.—Ей-Богу, такой жалкій.

— Я ни заминать, ни подводить никого и ничего не хочу. Меня послали, я сказалъ, что было. И мерзавцевъ я никогда не жалѣю и не смѣюсь надъ ними,—прибавилъ онъ, глядя на Жеркова.

Поговоривъ съ офицеромъ, онъ высокомѣрно объяснилъ ему, что онъ никакого съ нимъ личнаго дѣла не имѣетъ и не желаетъ имѣть.

— Вѣдь вы сами знаете, ваш... князь,—говорилъ офицеръ, который видимо находился въ недоумѣніи, какъ ему обращаться съ этимъ адъютантомъ: онъ боялся одинаково и унижаться и не быть достаточно вѣжливымъ,—вѣдь вы сами знаете, князь, что походомъ бывали дни, что солдаты не ѣмши, ну, какъ запретить... вы сами посудите...

— Ежели вы требуете моего личнаго убѣжденія,—сказалъ князь Андрей,—то я вамъ скажу, что, по моему мнѣнію, мародерство всегда есть важный проступокъ, а въ землѣ союзниковъ нѣтъ за него достаточно строгаго наказанія. Но главное, вы поймите, что я ничего не могу сдѣлать; мое дѣло доложить главнокомандующему, что я нашелъ. Не могу же я для васъ лгать.—И улыбнувшись этой странной мысли, онъ поклонился офицеру и пошелъ назадъ. Возвращаясь къ себѣ, онъ увидѣлъ идущихъ по коридору генерала Штрауха и члена гофкригсрата. Навстрѣчу имъ шли Несвицкій и Жерковъ.

№ 10. Часть II-я, глава XXI.

Съ другой стороны въ это же время подошли два пѣхотные офицера и солдатъ безъ шапки съ повязанною головой.

— Огонекъ, господа... Своихъ не найдемъ, хоть дѣсь присядемъ.

Артиллеристы дали имъ мѣсто.

— Не видали ли, господа, гдѣ третій батальонъ, Подольскій?— спросилъ одинъ.

Никто не зналъ. Солдатъ съ повязанною головой сѣлъ къ костру и, нахмурившись, оглядѣлъ сидѣвшихъ вокругъ.

— Ребята,—сказалъ онъ, обращаясь къ артиллеристамъ,— нѣтъ ли водки? Золотой за двѣ крышки водки.

Онъ досталъ кошелекъ. По мундиру онъ былъ солдатъ, но шинель на немъ была синяя съ разорваннымъ рукавомъ. Черезъ плечо висѣли сумка и шпага французскія. Лобъ и бровь были въ крови. Неестественная складка на переносицѣ между бровями давала ему усталое и жестокое выраженіе, но лицо его было поразительно красиво; въ углахъ губъ его была улыбка. Офицеры продолжали видимо начатый разговоръ.

— Какъ я ударилъ на нихъ, какъ крикнулъ,—говорилъ одинъ офицеръ.—Нѣтъ, братъ, плохи твои французы.

— Ну, будетъ хвастать,—сказалъ другой.

Солдатъ между тѣмъ выпилъ обѣ крышки водки, которыя нашлись у артиллеристовъ, и отдалъ золотой.

— Да, теперь разсказовъ много будетъ—сказалъ онъ, обращаясь презрительно къ офицеру,—а тамъ что-то не видать было.

— Ну, да вѣдь такого Долохова другого нѣтъ,—сказалъ офицеръ, робко смѣясь и обращаясь къ товарищу.—Ему мало французовъ колоть, онъ своего изъ пятой роты застрѣлилъ.

Долоховъ быстро оглянулся на Тушина и Ростова, не спускавшихъ съ него глазъ.

— А не бѣги, за то и застрѣлилъ,—проговорилъ онъ.—И офицера бы закололъ, коли трусъ.

Долоховъ сталъ шевелить костеръ и подкладывать дрова.

— Что жъ, орудія-то оставили французамъ?—обратился онъ къ Тушину.

Тушинъ поморщился, отвернулся и сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ.

— Что? Болитъ?—спросилъ онъ шопотомъ у Ростова.

— Болитъ.

— И изъ чего бьются?—сказалъ Тушинъ вздохнувъ.

Въ это время около самаго костра прозвучали шаги двухъ лошадей, показались тѣни верховыхъ, и послышался голосъ начальника, который что-то сторого выговаривалъ.

— Вамъ приказано въ хвостѣ колонны идти, въ хвостѣ и стать, говорилъ гнѣвный голосъ,—а не разсуждать.

— Тамъ не слыхать голосу было, а здѣсь опять важничаютъ,— сказалъ Долоховъ такъ, чтобы проѣзжавшіе могли слышать, всталъ, оправилъ шинель, повязку головы и отошелъ отъ костра.